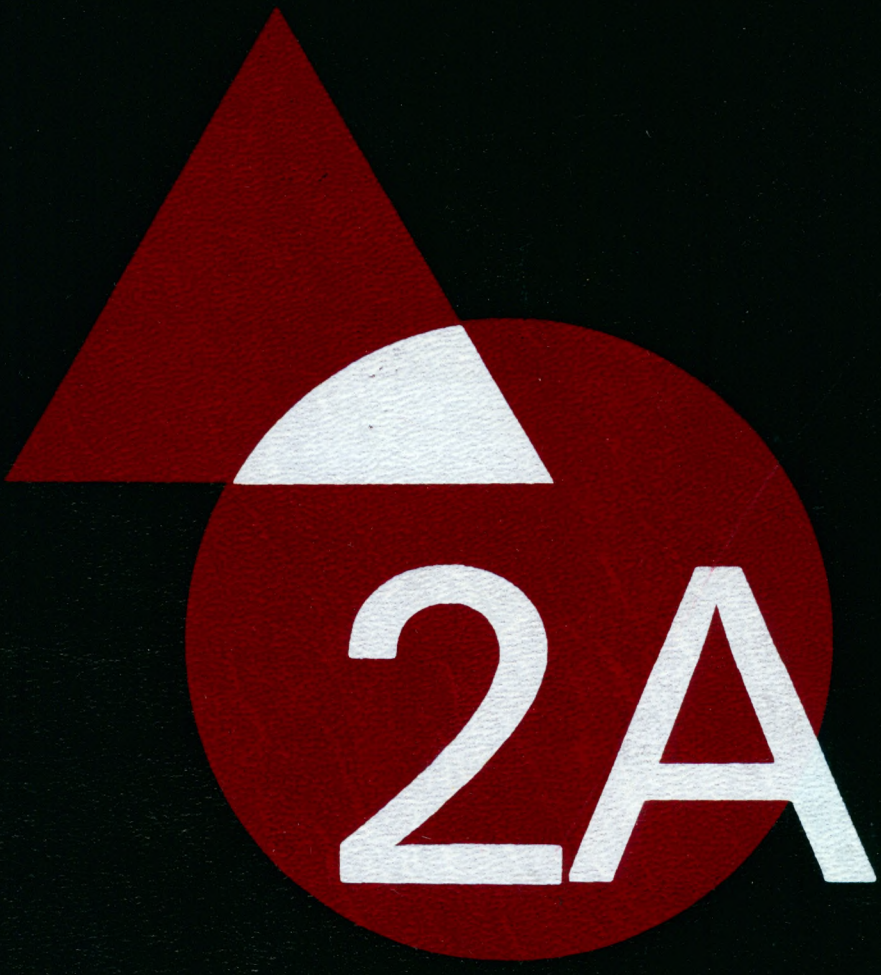

THE BLUE LAGOON

ANTHOLOGY OF MODERN RUSSIAN POETRY

K.K. KUZMINSKY & G. KOVALEV

АНТОЛОГИЯ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ У ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ

в 5 томах

КОНСТАНТИН К. КУЗЬМИНСКИЙ И ГРИГОРИЙ Л. КОВАЛЁВ

том 2А

Ориентал Резерч Партнерз
Ньютонвилл, Мэсс.

THE BLUE LAGOON ANTHOLOGY OF MODERN RUSSIAN POETRY

in 5 volumes

by Konstantin K. Kuzminsky
& Gregory L. Kovalev

2A VOLUME

Oriental Research
Partners
Newtonville, Mass.

© 1983, K. Kuzminsky, G. Kovalev
Nussberg materials © by Lev Nussberg

ISBN 0-89250-344-0

For a detailed brochure of the ORP
publications, write: Dr. P. H. Clendenning,
Editor, ORP, Box 158, Newtonville, Ma. 02160

This is volume 2 of a five volume set of the
Blue Lagoon Anthology of Modern Russian
poetry.

2A

dedicato
für topa domestica
und dukessa gownoyezhkowa-
tetshchkina
with kordial löwe

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ К

Настоящий полутом Голубой Лагуны представляет собой издание экспериментальное, не предназначенное для широких масс академиков.

Буде ж таковые похотят исследовать современную русскую поэзию не текстологически, а как неотъемную часть пласта всей неоффициальной культуры - то и откроется им в этой книге не просто джентльменский набор из полудюжины имен более или менее случайно известных, но и имена известные им окажутся в системе их взаимосвязи, а таковая - представит картину в целом.

В данном полутоме даны, помимо поэтов, также и отдельные художники, связанные с идеей книги, а также книги их.

Исходя из визуального аспекта - предпочтение отдавалось АВТОРСКОЙ машинописи, АВТОРСКИМ рукописям и, естественно, при наличии, АВТОРСКИМ изданиям.

Для любителей традиционных форм поэтики - предназначен второй полутом "Б" этой же книги. Там они найдут, помимо знакомых форм поэтики и имена, более или менее знакомые.

Составитель, он же автор.

СПЕШИАЛ ФЭНКС: БЕНУ, БОУЛТУ, ВИНЬКОВЕЦКОМУ,
КОГАНУ, ЛЕЙБОВУ, НУССБЕРГУ, ПАНДЕ,
РАПОПОРТУ, ШЕМЯКИНУ, ЭЛИНСОНУ -
ЗА ПОМОЩЬ МАТЕРИАЛАМИ И
МАТЕРИАЛЬНУЮ.

АННУШКЕ БЕРШАДСКОЙ ЗА КОРРЕКТУРУ И
ЧАСТИЧНУЮ РЕДАКТУРУ, С КОТОРОЙ Я
НЕ СОГЛАСЕН.

ЕЩЕ РАЗ ЗООФОТОГРАФУ КОГАНУ И ШЕФУ
ЕГО Г-НУ ПХОНГУ ИЛИ ФОНГУ
ЗА ФОТО.

ПРИНЦЕССЕ НЕЖИНСКОЙ
И ЛОРДУ ЧЕРНЯНУ -
ЗА ВЫСОКОЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО.

ДИЗАЙН: ЭММА ПОДБЕРЕЗКИНА
НАБОР: КОНСТАНТИН К. КУЗЬМИНСКИЙ
КОРРЕКТОР: АННУШКА

"Клекотанием вырывается..." 18

ЕЛИЗАВЕТА МНАЦАКАНОВА 19
"Алексей Михайлович русских сновидений." 20
"Дорогой друг..." 33

Н.Н.ПУНИН /Хлебников. Блок. Эйнштейн. теория пространства-времени./ 35

МАЛЕВИЧ. "О поэзии" 57

ИГОРЬ БАХТЕРЕВ. "Знакомый художник" 62

ДАНИИЛ ХАРМС-ШАРДАМ. "На смерть Казимира Малевича" 63

КНИГА 65
/БРУЙ - КАПЕЛЯН. EX ADVERSO/ 72
КАПЕЛЯН. Анкета - 78, Текст для второй книги - 80, Утопия - 82, "Не лепо ли ны..." - 84, Цусима - 85, "Божественно болела голова..." - 86, "Запахи гниения..." - 87, "Стояло индейское лето..." - 88, A touch of Holliwood - 89, "Подобно Тредиаковскому..." - 90
БРУЙ. /Письмо/ 91
Вилли Бруй 92
БРУЙ. /Письмо/ 94

КНИГА-2 95
ДЖОН Е. БОУЛТ. "АПОЛЛОН-77" 99
Ободрали Аполлона вместо Марсия... 103
А судьи кто? 104
Здорово, дядюшка! 106
Цыцки Яши Цвибака. 108
Заумник Иваск /опыт негативной рецензии/. 109
Пятый старик. 111

НУССБЕРГ 113
"Рутинные ответы" на анкету Кузьминского. 114
Гений. 118
КНИГА-3. 120
ГЕНИЙ /видения и неизъяснимые фантазии о России XУ111 века/ 129
Штрихи о Борисе Понизовском. 179
КТО ТАКИЕ? /или "КАЛЕНДАРЬ"/ 188
"ГИПСОВЫЙ ЛЕБЕДЬ СТАНОВИТСЯ НОЧЬЮ /сладкой/" 189
СЕРЕЖА ВОЛЬФ. О. 190
АНДРЕЙ БИТОВ. /Из сборника "С хлебом во рту"/. 191
"Приложением..." 199
И.Б.К.С. 199
"А чека не было..." 200
ГАРЕМ /в альбом Г.Г./ 202
К НОЖНАМ. 203
ЗАВТРАК БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА. 204
ПОСЛАНИЕ ЛЬВУ НУЗЗБЕРГУ. 207

ЧРЕЗ БЕРИНГОВ КАК ЧИРИКОВ. 211
ХАКАСКЕ. 217
УЕХАЛ ЛЕВ... 220

АРХАИСТЫ. 223
АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ. 225
БИТНИК И КАББАЛИСТ /Алеша Хвостенко, Анри Волохонский. Ентин/ 226
АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ. /Письмо/ 230
АНРИ И АНКЕТА, АНРИ/ЕТТА/ И АК/ЕТТА/, АНРИ-ЕНТИНА и Т.Д. 232
Монумент - 235, Фонтан татарки - 236, Размышление - 236, Печальное суждение - 237, Пение птиц - 237, Аист - 238, Слон - 238, Пролог - 239, Изобретателю компаса, смелому мореходу-китайцу - 241, Суровое и мудрое напоминание - 242, Материя 1-я - саркастическая - 244, К расщеплению атома - 246, Жалоба другу, который давно не писал - 248, Радуга - 250, Пять стихотворений - 252, Одно око - 254, Из поэмы "ФОМА" - 256, Из Джона Донна - 258, Чайник - чаю - 260, Клен - 261, Лететю - 262, Галилея - 262, Ентину - 263, Дельфин - 263
Стихи для Ксении 264
Аористы обветшалого 268
Девятый Ренессанс 271
Ручной лев 275
Анри о Роальде 288
О Понизовском /штрихи/ 292

О песнях А.Волохонского и А.Хвостенко 295
Фараон - 297, Прощание со степью - 298, Пасмурный день - 299, Романс для К.М. - 299, Страшный суд - 300, Свидание - 301, Игра на флейте - 302, Прославление американского гражданина Олега Соханевича... - 303,

БАСНИ: Русский и Интеллигент - 305, Ученый и Монгол - 305, Грымза - 305, Проблядь - 305, Педераст - 305

ХВОСТЕНКО. 307
"Привет, Анри, я в Вене..." - 308, Алеше из Аравы - 308
"Мимо летнего солнца..." - 309, "иванушка, зачем..." - 309, "Великий писатель..." - 310, Пейзаж - 310, "Прекрасная юная дева..." - 311, "Я уезжаю вашими трудами..." - 311, "Совсем я не похож..." - 312, дурное дерево - 313, Стихи для психоаналитика о русской музыкальной культуре - 315, Свеча - 316, Воспоминание о плоде граната - 316, Вершина реки - 317, Элика Богданова ерс /не/ - 318, От Юры Галецкого и /!/ - 319, Вечерние размышления при разглядывании электрического чайника - 321, Шабашная песнь ведьмы - 322, Приличия ради - 323, /к теме любви/ - 324, ВЕРПА /портреты друзей/ - 325, Баллада о примирении двух гениальных московских поэтов Сапгира и Холина - 327, О волнении от впечатления... - 328, Элегия - 329, Антинизм - 330, Пушкин и гений - 331, Ученик Басё / телевизионная пьеса - 332, "жуки ползут..." - 333, Посвящение Тристана - 333, "судьбу жука..." - 333, Правила для молодых людей - 334, Ожидание - 335, Десять стихотворений верпы... - 336,
Хвост и Енот /из архива Д-ра Тупицына/ 340
Дада-коллажи Хвостенко 341
Памятник летчику Мациневичу 348
Резёрч /или ризёрч, рисёрч?/ /от составителя/ 355
Хвостенко/Шемякин. СЛОН НА. 357
Ингуши в Париже /иллюстрация к Шемякину/ 367
Вокруг Хвоста 372

ЕНТИН 379
Предисловие к 6-му сборнику Верпы 380
"По городу, по корду..." - 382, Мнемоническое упражнение - 382, "Отринутый от преющей земли..." - 383, "Расшитые нитью свирели..." - 383, "Я, милая..."

384, "Я благодарен за приют..." - 384, "Уроки брать..." - 385, "А все-таки" - 385, "Что мне любовь твоя..." - 386, "Уехать в Персию..." - 386, Письмо другу - 387, Служба - 387, Канатоходец - 388, "Нет совпадений..." - 388, "Любовь, поделенная на три..." - 389, "Я вяну..." - 389, "Всё блажь" - 389, "Я уеду..." - 390, "Не кончается жизнь..." - 390

БОКШТЕЙН. 391
Вместо предисловия 393
Бокштейн. /Письмо/ 397
Тексты 398
Из трех тетрадей 420

ДАР. 425
Давид Дар. В письмах и прозе 426
Кувшин 460

ГНЕДИЧ. 461
Георгий Бен. "Неуживчивая муза Татьяны Григорьевны Гнедич." 463
Переводы на тот свет... 475
Прощание с Мальтой 477
Стансы, написанные в грозу 478
Стансы для музыки 480

КОНСТАНТИН К. КУЗЬМИНСКИЙ 481
Я до 1957 года 486
Поэмы 492
Из поэмы "ТОМЬ" 498
О Льве Успенском, биофизике, биоархитектуре, Баженове, Гауди, Митуриче и Викторе Николаевиче Сорока-Росинском 504
В поисках папы, и большой волосатой лапы 508
С тех пор 515
Рукопись из XX века 518
Вавилонская башня 521
Из "НЕШТЯКОВ" 531
Гратис 532
С чего это я заговорил на языках? 537
MAZAMBA MUTA 541
Биробиджан 544
Соловки 551
але верш про кохану анну 555
Копальхен 560
КОНЦЕПТЫ 563
ВЕСТИ ИЗ ИЗВЕСТИЙ 567
Поэзия русского рассеяния 570
Глубоко под землей 573

Как я все это вывозил 575

Мои контакты с "Континентом" 579
Дежурное меню 590

8 писем с ответом. Олегу Охапкину. 592

APPENDIX
Брюшко тетки Таньки. Живая Ахматова. - 610, Скверные привычки - 612, Ахматова жена - 614, Гардероб Ахматовой - 615, Роза канина - 617, Над милым гробом - 619, Зад Прозерпины - 620, Болезная баллада о - 622

ЗАДЫ У УДЭГЕ. ИХ ФОРМА /о жопничестве Фадеева/ 625

ТРИ ЭПИГРАФА

"На этом фоне исторического отсутствия культурной преемственности и на фоне трагической расчлененности современной литературы России ее спектром являются только отдельные личности, одинокие мастера. Сегодня к таким мастерам экспериментального русского стиха принадлежат Иосиф Бродский, Наталья Горбаневская, Николай Моршен, Игорь Чиннов и Алексей Цветков."

/Алексис Раннит, куратор Института по изучению России и стран Восточной Европы при Йейльском университете/

"Иосифа Бродского спросили:
- Кто еще в Ленинграде представляет интерес?
- Ну, Володя Марамзин...
- И всё?
- Всё, пожалуй."

/Из разговора с издателем Карлом Проффером, 1974/

"... Если бы я, скажем, заняла пост /не существующий в "Континенте"/ завотделом поэзии и печатала тех, кого всерьез считаю поэтами... Тогда бы... кроме давно мною любимых Бродского и Бобышева, недавно открытых Кенжиева и Кублановского, да меня самой, кого бы еще печатал "Континент" в последние годы?"

/Наталья Горбаневская, ответственный секретарь журнала "Континент"/

Клекотанием вырывается:20 лет молчания. Читаю Халифа - я писал! Лимонова, Лившица - я! Милославского - тоже я! Даже Довлатова - немножечко - я.

Накопилось: вырывается неразборчиво, клекотом. За всех торопимся сказать. За тех, кто остались, за - не дожили кто.Нет, это не вой, не плач по погибшим и потерянным - до прощения мы еще не доросли.

Видел я ястребенка: драться не мог, не умел. Запрокидывался на спину, когтя воздух и - только клекот из птичьего горла.

Захлебываюсь, сам себя перебиваю /а кто - не?/, повторяюсь, но - не для газеты пишу, не гладилинская ностальгия по оставленному "Запорожцу", ностальгия - по небывшему, открыл - непослушные губы - гул и клекот, не речь - клыч.

Втуне ворочается язык - а "Куда пойдешь, кому скажешь?" - эпиграфом из газеты "Чертова перечница", апрель, 18-й год. Петроград.

Питерок-ветерок и Москва, квасная, приказная. Будто нет больше и городов в Союзе, будто боль и мысль - в две столицы влились. Молчит Одесса-мама, Ростов-папа, молчит Вышний Волочек и Нижний Новгород. Проворкотала Таруса - и на Алике Гинзбурге зашлась. Что-то кукует Киев, Прибалтика, мелкота.

Четверть века - ку-ку, а куда? В слепые, неправленые странички, где и автора не разберешь, что ж - за текст? У кого и страничек нет, у иных - и имени.

Циркачи подземелья, галоп на безногой корове. Выживают - нули, или те, что с нулями. Милославский, Лимонов, Анри Волохонский - не в харч.

Полстранички - Анри - посвятил Мандельштаму. Я - пятнадцать. И всё.

Понизовскому - полторы /в двух местах/.

Повторяюсь, шепчу, возникают не призраки - тени. Без имен, без стихов - так, Славинский Ефим. Лихачев. Муж Анюты - Уманский. Крейденков. И опять - Понизовский, Донской, Азадовский - круги.

Как круги на воде. Имена, имена и - ни строчки.

Врет Булгаков: горят. Ярким пламенем, или же - тлеют. В архивах. В КГБ, в "Огоньке", в "Ангаре", в "Октябре". Сколько было поэтов - в "Авроре"? Лён, Охапкин, Кривулин, Чейгин, Ширали, Куприянов и я. Напечатан - один. По ошибке. Остальные - оставили рукописи - тлеют они или, все же - горят?

20 лет искал Кондратова. Лившиц нашел. Хорошо. Королева же - нет, "Параг-вая". Только прозвище есть. Ладно, кого-то собрал. Все? Но есть - остальные.

Остальные, кто был, кого не было, а кого - не осталось. Ни в стихах, ни в легендах, ни в сплетнях.

Потому: клекочу. О Безменове, Молоте, Климове.

А поймут - не поймут, наплевать.

Я подписываюсь под всем, что написано Лившицем, Милославским, Халифом, Лимоновым и - частично - Довлатовым.

Вот сейчас - Лившиц пишет о Бродском. А я не могу.

А о Бобышеве - кто будет писать? Не секретаршу же "Континента" просить? Для меня - не напишет. О Бокштейне - что, Штейна просить? Упаси меня, Боже.

А еще остаются - за кадром - кто там?
Затихающий клекот отцов и птенцов.

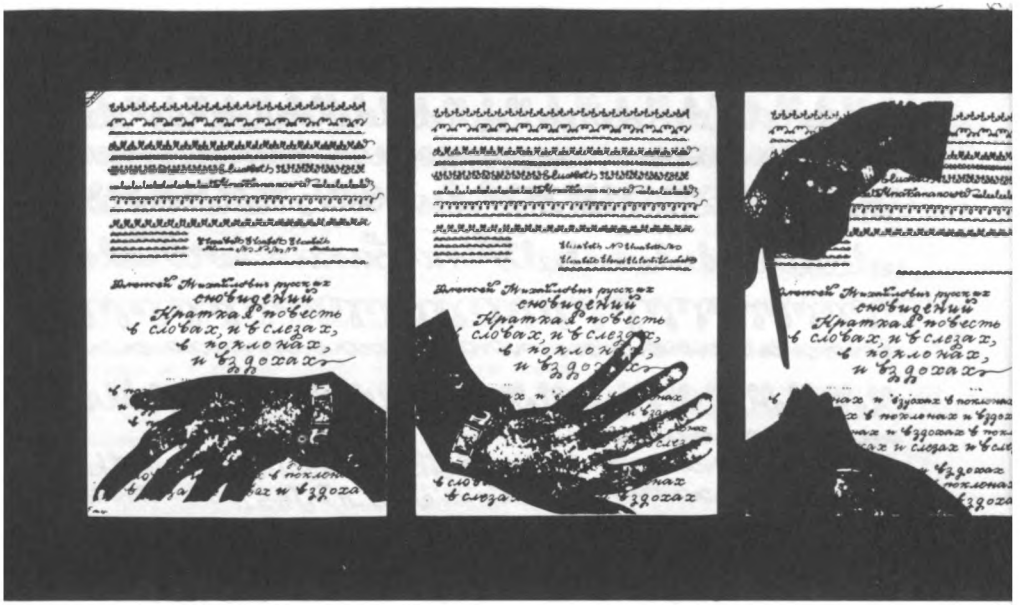
Клекот, клекот...

Elisabeth Matsakanova

Elisabeth Elisabeth Elisabeth
Matsakanova

Алексей Михайлович русских
словидений
Краткая повесть
в словах, и в слезах,
в поклонах,
и в воздохах

Elisabeth Netzkowa (Mnatsakanova)

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РУССКИХ СНОВИДЕНИЙ. КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ В СЛОВАХ, И В СЛЕЗАХ, И В ПОКЛОНАХ, И ВЗДОХАХ.

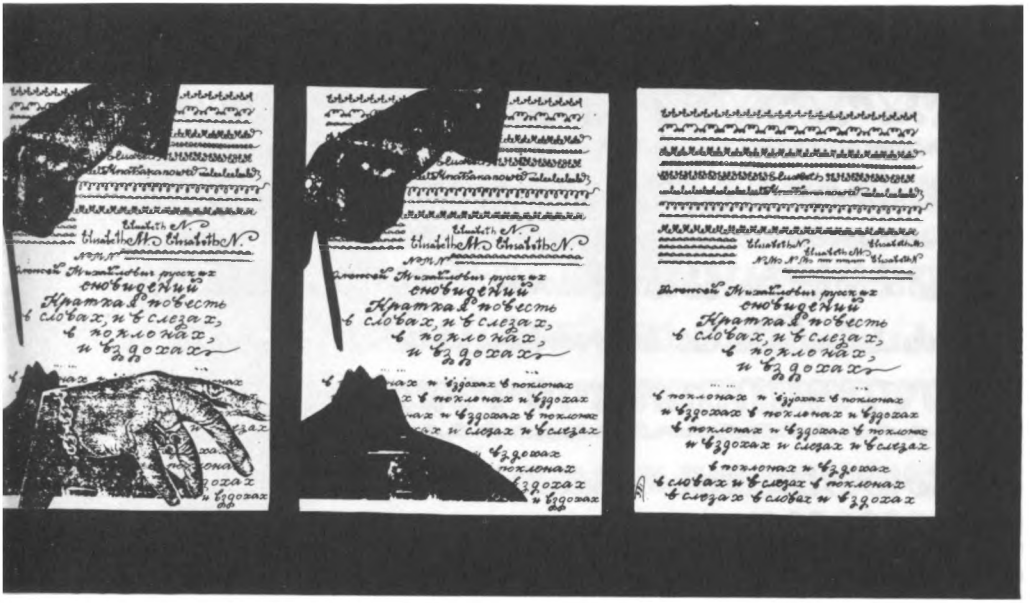
Алексей Михайлович Ремизов. Кто был он? Назовем его словами.
Я хочу придумывать названия для него.
Назовем ли его птицей?
Кто же он? Буква или слово?
Я хочу придумывать названия ему.

...

Алексей Михайлович Ремизов: я никогда не встречала его.
Но не оттого ли, что ходила по другим улицам города?
По каким улицам ходил - или спешил? - или гулял? - или летал -
Алексей Михайлович Ремизов?
Я никогда не встречала его.

... ...

Почему, отчего я думаю об Алексее Михайловиче Ремизове?
Я никогда и нигде не встречала его.
В каком городе я могла бы его встретить? На какой улице?
Я часто люблю ходить по стороне солнечных улиц. Могу ли я не встретить там Алексея Михайловича Ремизова?

...

Мне рассказывают книги: однажды Алексей Михайлович Ремизов шел по стороне солнечной улицы. Он шел - спешил: он шел в ресторан сытых обедов и славы. Там повар знакомый обещал ему, Алексею Михайловичу Ремизову, обещал угостить его, Ремизова, обедом сытости.

Обещал - что: бесплатно!

Великий ресторан сытости. Ненасытимой сытости мира.

И он, Ремизов: бесплатно!

... ...

Почему, отчего мне так должно, так долго, так нужно и нежно и тяжко думать об Алексее Михайловиче Ремизове? Я никогда не встречала его. Я часто гуляю по солнечной стороне улиц города. Когда-нибудь - встречу ли я его когда-нибудь?

Я хочу долго долго тяжко думать о нем.

...

Ах, нет у меня других желаний занятия: оставить всех, бросить - и думать, вспоминать об Алексее Михайловиче Ремизове. В каком городе шел он по солнечной улице к ресторану вечной ненасытимой сытости? Не придумать ли нам названия городу? Назовем ли его Арлесхайм? Амштеттен? Амстердам? Больцано, Берген, Брегенц? Берлин? Бремен? Ах, не надо мне другого веселья: только бы одно - думать, угадывать

Elisabeth Elisabeth

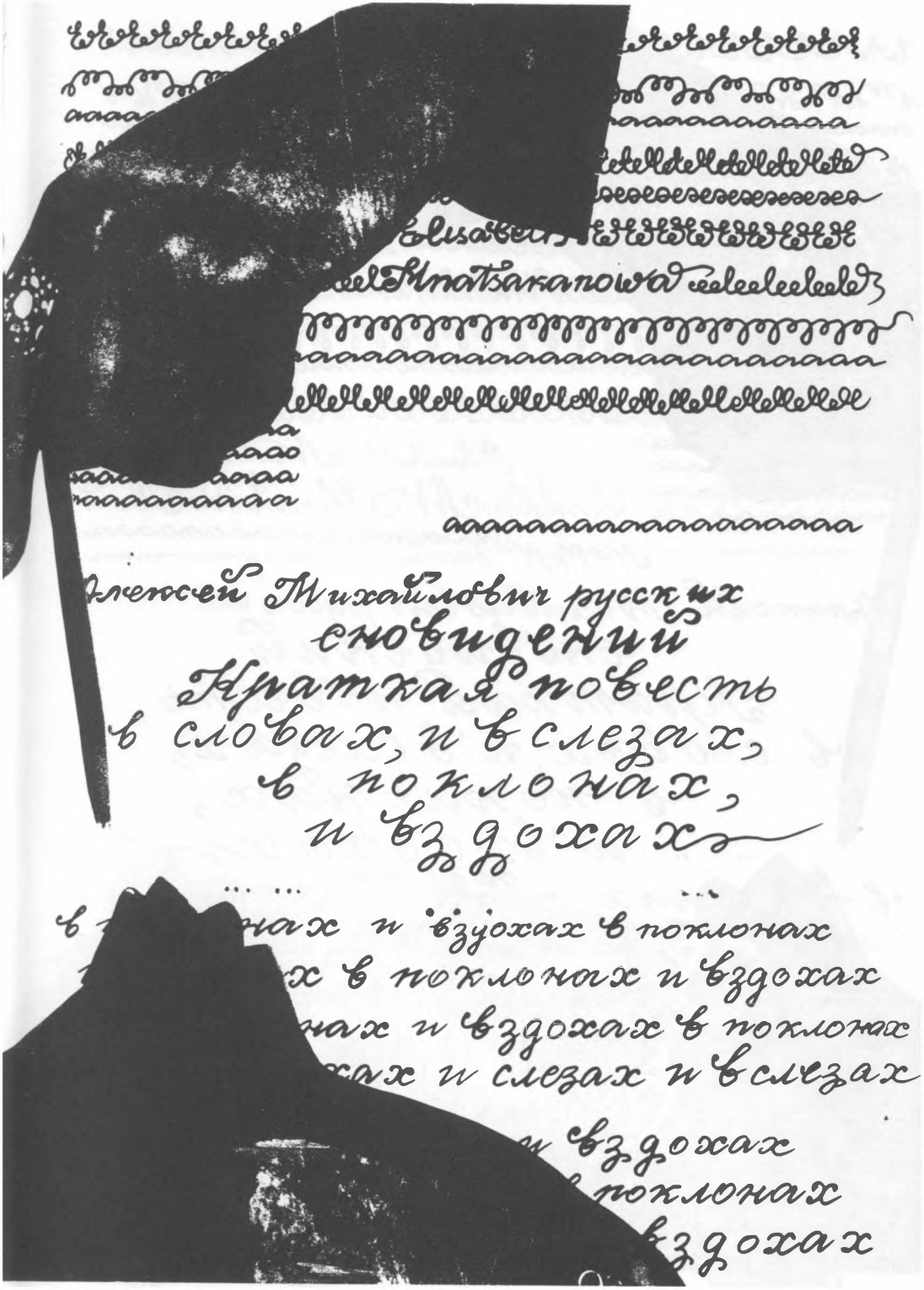
Elisabeth Elend Elisabeth

Алексей Михайлович русских

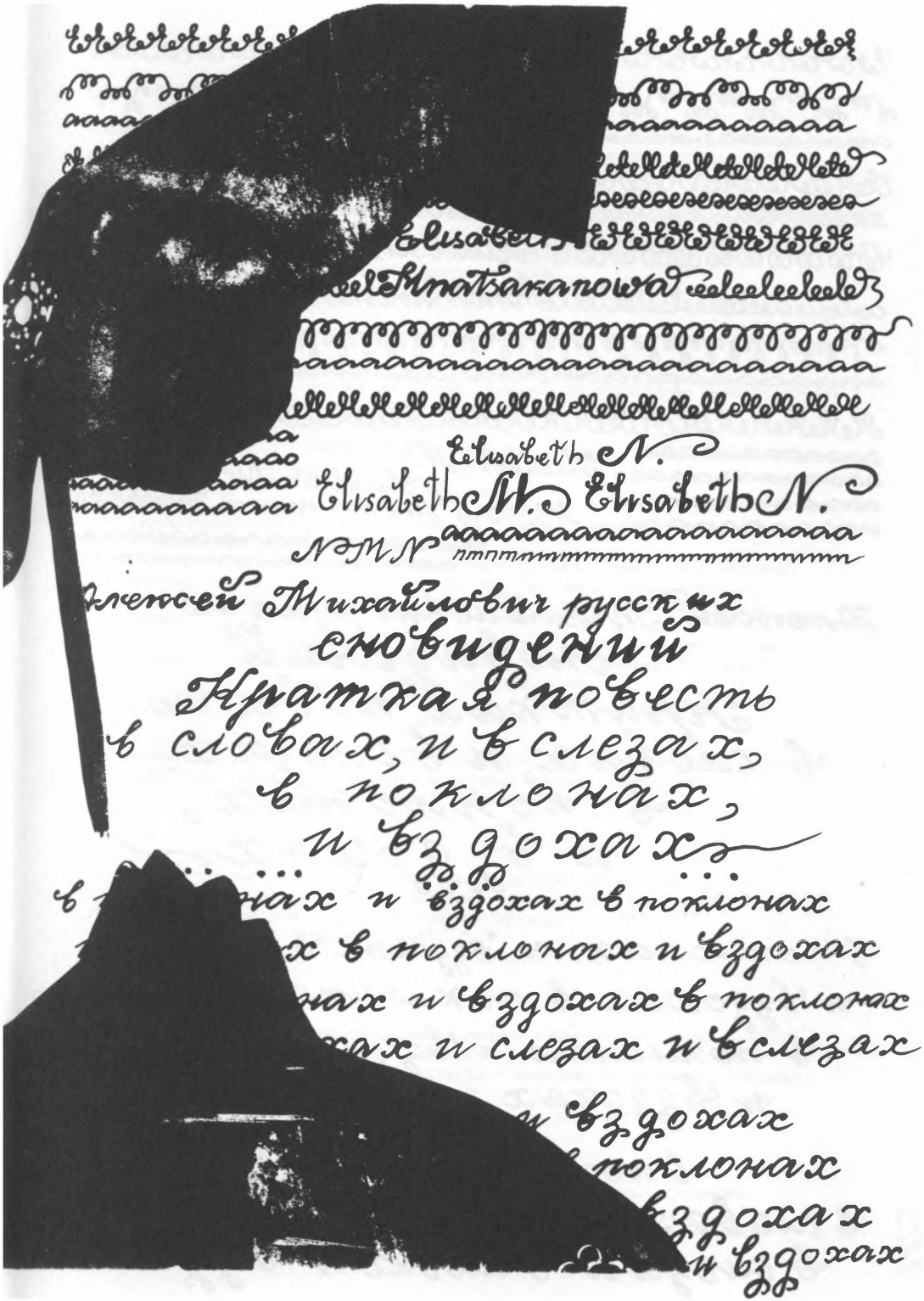
сновидений

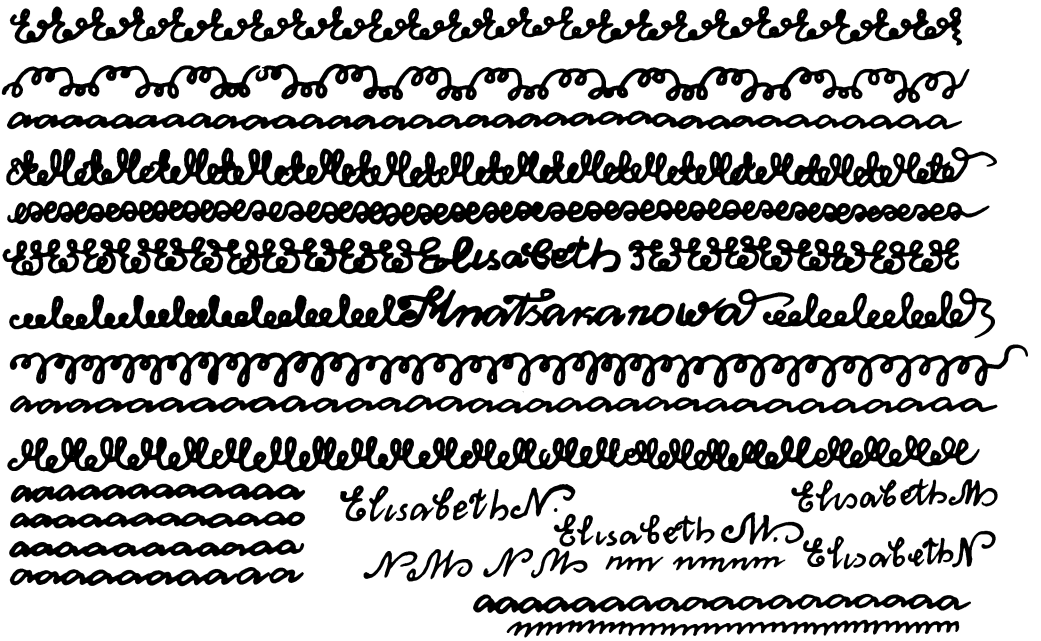
Краткая повесть

Алексей Михайлович русских
сновидений
Краткая повесть
в словах, и в слезах,
в поклонах,
и в вздохах

Elisabeth N.
Elisabeth N. Elisabeth N.
Алексей Михайловичъ русскихъ
сновидений
Краткая повесть
в словах, и в слезах,
в поклонах,
... ... и вздохах

Elisabeth N.
Elisabeth N. Elisabeth N.
Алексей Михайлович русских
сновидений
Краткая повесть
в словах, и в слезах,
в поклонах,
и в вздохах...
в вздохах
в поклонах
в вздохах

Алексей Михайловичъ русскихъ

сновидений

Краткая повесть

в словах, и в слезах,

в поклонах,

и в воздохах.

... ...

в поклонах и в воздохах в поклонах
и в воздохах в поклонах и в воздохах
в поклонах и в воздохах в поклонах
и в воздохах и слезах и в слезах

в поклонах и в воздохах
в словах и в слезах в поклонах
в слезах в словах и в воздохах

город - город сытых обедов, город солнечных улиц. Берген, Берлин, Брегенц. Бремен. ... Больцано? ... Бремен. Брегенц - город славы... Город вечной ненасытимой сытости. На славу! Ах, эти вечные города славы! Славы мира и сытости вечно.

Что же обед в ресторане сытости вечной? И славы? Обед - бесплатно?

А вот он идет-спешит, в своих белых бальных и стоптанных туфлях, вот идет он, слава русских глаголов, в ресторан сытости вечной.

По стороне солнечных улиц.

В городе - городе сытости мира.

... ...

Алексей Михайлович Ремизов: слава русских глаголов.

Что же вы? Пришел наконец он в ресторан сытости вечно?

Да, пришел он, да только сначала подумаем-вспомним: где, в каком городе сытости было все это?

Город сытости вечно.

... ...

Город вечной ненасытимой сытости. Ах, эти вечные места сытости мира! Название же городу было: Пергам.

Имена городов: вот Пергам, Амстердам, Амштеттен, Бергамо, Берген, Берлин, Бремен, еще раз Берген, Пергамо, Пермь, Борисов, Уфа, Фельдкирх, Целль-ам-Зее, Зальцбург, город вечной музыкальной славы...

Давно это было: ох, и славно летел же он, и катился же вниз головой по ступенькам мраморным... Ох, и давно же было! И славно!

Давно. Однако - не забывайте!

...

Король. Король-Солнце. И радостных звуков. И - вниз головою по ступеням - все вниз, мальчишка, бродяга и вшивец. Славно! Славно летел!

Ах, эти города немеркнущей славы!

...

Алексей Михайлович, немеркнущий Король русских сладостных букв и глаголов, вот идет, все идет по солнечной стороне улицы вечной славы и сытости мира. Он идет за бесплатным обедом.

Давно это было.

Однако - не забывайте!...

... ...

Город солнечной негасимой славы на медных тарелках. И - золотой обед. Давно это было, но забыть - невозможно. А имя города? Ах, не все ли равно? Сегодня это Персеполис, завтра - Борисов, послезавтра - Берген, Бергамо, Бедлам...

Но где бы то ни было: Не забывайте!

... ...

Алексей Михайлович русского глагола молча и вечно тихими шажками идет себе да идет по стороне солнечной улицы.

Да только покуда он шел, повар тот отлучился из

ресторана - навечно. Навечно исчез.

Да, покуда он шел, вечный искусник письма, по тихой солнечной стороне тихой улицы, повар тот вечно исчез.

И обеда - бесплатно - не стало...

Давно то, давненько то было.

Но не посмейте забыть.

...

Город солнечной неугасимой музыки на золотых медных тарелках славы. А имя города?... Ох, не все ли равно! Сегодня это... Сегодня то было давно. Ох, и славно летел, и катился же он по ступеням вечных изгнаний!

Изгнали его - его, Короля и Солнце, Мальчишку, Бродягу и Вшивца. Да только толкнули разок - и полетел, покатился он по ступеням - навечно. И славно!

Теперь в память такого славного события каждые сто лет, сто часов и сто дней играет концерт-фестиваль в том городе вечно.

В память славных событий. В городе славных концертов!

И не посмейте забыть!

... ...

Алексей Михайлович славы русских глаголов молча и вечно идет шажками по стороне солнечных улиц.

Не зовите его, не кричите, не плачьте!

Он идет: повар тот никуда не отлучался, однако, а сказался больным. Дело в том, что раздумал тот повар угощать Алексея Михайловича обедом вечности вечно. Дело в том, что повар тот попросту прогнал его: изгнал!

Изгнал его, Короля и Сияние, вечно.

Прогнал.

И не смейте забыть!

... ...

Ах, и вечно катился же он... Да только - не пора ли забыть?

Вот он молча, вот вечно, вот плача идет он, вот вечно...

Не зовите, не плачьте его, не кричите его: никогда и вечно он вас не услышит. Не увидит. Он видит, он слышит, он вечно - другое: вот идет он-он обратно, изгнанный, изгнанник, из ресторана сытости - изгнанный вечно.

Не кричите его и не плачьте его и не зовите.

Невозможно вернуть его, и повар исчез тот.

Навечно.

О, если б вернуть!

... ...

В богатом и славном городе сытости было это. А название города? Ох, не все ли равно? Сегодня это Борисов, завтра... послезавтра...

... Город поющейся славы...

Ох, и славно летел, и катился же он! Безмолвно.

... Тот вшивец, бродяга, мертвый теперь уже давно...

А славу играют все, в память славных событий...

... ...

Город мировых музыкальных концертов. В память великого события:

как летел он, изгнанник, по лестнице. Молча. Безмолвно. Славно!
Славно. Давно это было. Безмолвно.
А посмейте-ка забыть!

....

Алексей Михайлович Ремизов, вечный изгнанник из вечного ресторана сытости. Вот он молча и вечно идет шажками - и туфельки белые бальные, и маленькими шажками... Вот он, слава, сияние и изгнание русских глаголов, идет, спешит, уходит шажками...
Уходит вечно - уж раз изгнали...

... ...

Почему, отчего мне так вечно думается тяжко об изгнаннике вечных глаголов русских? Где я видела его? Кто он мне: птица, буква или сияние?... Разве я видела эти буквы вечно?
Ах, если бы забыть!...

...

Эти буквы - сияние русских глаголов! Где я видела их? Что я видела? Они вечные, они светятся в памяти - золотым сиянием: вечно.
... Но не пора ли забыть?...

....

Алексей Михайлович Ремизов. Слава русских глаголов. Отчего, почему я все время думаю о нем? И не пора ли забыть?
Как он шел по солнечной стороне какой-то там улицы - да полно вам, полно! И с кем не случалось?...
Как он шел - оттуда, из ресторана сытости - шел...
Ах, полно вам, полно.
Как он шел - ох, и славно же катился по ступеням мраморным, гладко так, мальчишка тот, вшивец, бродяга... Безмолвно катился.
С кем не случалось?!! Безмолвно. Ах, полно вам, полно!

...

Город сытости и вечных концертов славы: да только не забывайте. Мальчишка тот умер надолго, уходит всё вечно.
А вы помните: не посмейте забыть!

... ...

Алексей Михайлович Ремизов. Тот повар прогнал его: изгнал.
И пора нам забыть.
Да только: не забывайте.
Алексей Михайлович Ремизов. Никогда я его не встречала.
Да только не пора ли забыть?!
Не пора ли забыть его - вечно?

... ...

Алексей Михайлович Ремизов - вечная слава русских глаголов.
Города вечной славы - навечно.
Никогда не встречала: но полно - он сияет там вечно.

... ...

Голубой цветок вечной памяти - вечно. Он сияет, горит, разгорается - вечно. В моей памяти золотом - вечно.
В золотой моей памяти - золотом : вечно.

... ...

Ох, да полно вам, полно! Ну с кем не случалось?
В золотой моей светлой памяти - вечно.
Никогда не встречала, но помню: он сияет там золотом - вечно.
В светлой моей памяти - золотом: вечно.

... ...

Алексей Михайлович Ремизов. Никогда, никогда не встречала.
Но не посмейте забыть!
Города поющейся славы: но когда поете, не посмейте забыть!
Города вечной ненасытимой сытости.
Но: не забывайте.

... ...

Алексей Михайлович русских глаголов в изгнании. Тот повар прогнал его - изгнал.
Никогда не забывайте!

... ...

Как он шел, как летал, как лежал, да катился так гладко... Да полно вам, полно. С кем не бывало?!
Да только когда поете славу: не посмейте забыть!
Алексей Михайлович Ремизов: вот идет, вот проходит он вечно, вечно, навсегда проходит он вечно. Ах, да ведь и изгнал же его тот повар из ресторана сытости вечной!
Да полно вам, полно! Ну и изгнал! И с кем не случалось?!
Но только: не посмейте же забыть!
И в главном городе концертов: не забывайте!
И в городе сытости: не подумайте забыть!

... ...

И когда поете - играете славу ту быстротечную, белым золотом шитую, никогда не забудьте вспомнить, не посмейте забыть:
славно, славно летел он, с лестницы мраморной, славно!
/О, полно вам, полно!/
Да, так и славно летел он. Прогнали его, изгнали навсегда безвозвратно изгнали. Да и славно летел же он, молча!
Безмолвно! Молча. Славно!
БЕЕЗМОЛВНО!

... ...

Город славы вечной ненасытимой славы. Город изгнаний вечно.

... ...

Навсегда говорю вам навечно так: Прощайте все!

... ...

Город славы и вечных концертов.

... ...

Навсегда говорю вам безмолвно и вечно: Прощайте вечно!

... ...

Город славы на громких тарелках - шумно! Славно!
/Ах, да и славно летит и лежит он там вечно!/
Безмолвно летит он там вечно и ступени покрыты славой. Но только ему та слава - вечно. А вы - не посмейте забыть! Когда поете - играете.

... ...

Ему, ему одному та слава - Безмолвному вечно!
А вы - не посмейте забыть!

... ...

/Навсегда говорю вам безмолвно и вечно: Прощайте вечно!/
Но не посмейте забыть!

... ...

Безмолвные вечно безмолвны. А вы, что поете, кричите, играете вечно - вы не посмейте забыть!

... ...

Ах, и летел же он: Славно! Безмолвно! Вечно! Молча!
Безмолвно!
О, полно вам, полно!

...

Да, полно: с кем не случалось?! С безмолвными - вечно так, вечно!
Безмолвные - вечно. Но: слава безмолвным! И - сила!
Безмолвные: сильные вечно! А вам, бессильным, одно лишь скажу: не посмейте забыть! Бессильные вечно!

... ...

О, с кем не случалось?! Да только вечно и хватает вас на это вечно:
ИЗГНАТЬ ПРОГНАТЬ ОТНЯТЬ ОТКАЗАТЬ ОТРАВИТЬ ОТРАЗИТЬ ОТРЕЗАТЬ - вечно!
А мальчишка тот вечный так лежит он летит он так вечно так славно летит и так вечно - на ступенях изгнаний. И вечных проклятий. И лежит и летит он там вечно. Тот вечный тот вшивый мальчишка проклятый бессильными - вечно.
Ах, да и с кем не случалось?!!!
Но: не посмейте забыть!

... ...

Так лежит так летит он там вечно. А вы, что славу поете громко поете быстротечно и шумно - вы не посмейте забыть!
/Только на то и хватает бессильных тех громких: ИЗГНАТЬ ПРОГНАТЬ ОТНЯТЬ ОТКАЗАТЬ ОТРЕЗАТЬ ОТРАЗИТЬ ПОРАЗИТЬ ПОБИТЬ ПРОГНАТЬ ИЗГНАТЬ/

... ...

Безмолвно лежит там мальчишка тот вечный. Безмолвно.
А вы: не посмейте забыть!
Безмолвная слава Безмолвным!
О,о,о, полно вам, полно!!!

... ...

Слава вечным безмолвным! Безмолвным Вечным Тем - слава?
Безмолвным - Вечным!

... ...

Навсегда говорю вам безмолвно и вечно: Прощайте вечно!

... ...

Алексей Михайлович Ремизов, слава русских глаголов, безмолвно и вечно идет по солнечной стороне улицы мира. По сторонам улицы в городе Пергам Бергамо Борисов Парисов Палермо Салерно Смоленск Витебск Витязь Перевязь Пермь Пергам Прессбург Бергамо Берген летит лежит тянется вьется завивается изгибается над ним вечная надпись нескончаемых букв вечно:

ГОРОД ВЕЧНОЙ НЕНАСЫТИМОЙ СЫТОСТИ
ГОРОД СЛАВЫ И ВЕЧНЫХ КОНЦЕРТОВ
КОРОЛЯМ И БЕЗМОЛВНЫМ НЕ ВЕЛЕНО

Вена, 1976 - 1981

Е. Мнацаканова

Elisabeth Netzkowa

Wien, am 16 Februar 1981

Дорогой друг,

вчера выслала рукопись "Ремизов. Краткая повесть". Писала всю неделю, почти не отрываясь, выстрадала каждое слово, аж до мигрени Это, в сущности, вторая редакция, даже, быть может, третья. Первый набросок - 1976/79 года - К. Боков опубликовал в своем журнале /кажется, №6/.

В основе этой вещи /сюжетно/ - три истинных случая, один из которых произошел со мной. Так что вещь, в сущности, автобиографична, как, впрочем, и все, что я пишу, все, что мы, люди, пишем о себе и о других.

Случай №I, который служит сюжетным стержнем всей вещи, произошел с А.М.Ремизовым. Я вычитала это из его писем. Случай-то незначительный. Так скажет нам с Вами любой обыватель нашей небольшой и уютной планеты. Случай, конечно, пустяковый, и сам Ремизов, кажется, не придал ему особого значения: какой-то малознакомый человек, повар по профессии, обещал ему, голодному и нищему, угостить его обедом в ресторане. Но когда А.М. явился в назначенное время, ему сказали, что такой-то не то ушел, не то вообще не приходил, не то не служит больше там, - одним словом, не было его в назначенный час. И А.М. ушел, опечаленный. И, конечно, голодный. Рассказывает он об этом маленьком событии как-то грустно и растерянно, с интонациями обманутого ребенка. Не знаю, почему, письмо это произвело на меня потрясающее впечатление Вдруг нахлынули все обиды, прошлые, будущие, свои, чужие. Так и представилось: вот прекрасное парижское солнечное утро, и он бредет, бедный, в жалкой одежде маленький, смешной, никому не нужный старичок. Не то маленький старичок, не то ребенок больших размеров, кем-то на улице забытый. Так и бредет.

И никто на улице на этой солнечной и не подозревает, что ведь этот грибок смешной - величайший властелин мысли, повелитель стихий - повелитель и царь в нашем самом главном, самом нужном и важном государстве: повелитель нашей невидимой внутренней жизни, вне которой мы все - маленькие смешные козявки. И я подумала: ведь вот, иные козявки воображают, что им дана власть над царями - над царями книг, над царями мысли, над королями истинной жизни, жизни души. Вот выгонит козявка такого царя, короля, втопчет в грязь, захлопнет перед ним дверь дома, дворца, (отеля, а козявка поменьше - треснет перед твоим носом грязной издательской дверью - и вот ух дунают: моя власть! ух я его уничтожу! вдали мы такие — много меньше вас других-многих (д)ругие — многие)

Но это ненадолго. Правда, для такого короля жизнь - сплошная мука. Но что поделаешь? Только одно: будем помнить. Не смейте забывать.

Будем помнить, как жалкий больной старик брел по солнечной улице - голодный. Как 25-летний король музыки, Вольфганг Амадеус Моцарт, был вытолкан в шею из дворца князя Колоредо. Как он, нищий и больной, таскался по грошовым урокам, а те, кто сегодня пожинают плоды его мучений, за один концерт кассируют гонорар, на который вся семья Моцартов могла бы существовать 200 лет. И я всегда, слушая концерт очередного тяжелоатлета музыкальной индустрии, не могу удержаться от слез: вижу воочию, как маленький куплый человечек спотыкается на ступеньках архиепископской лестницы; как маленький больной человечек в 7

✓ случай №2 и №3: №3 — со мной, но плакать в кот заложат.

2

часов утра шагает -бредет неизвестно куда и зачем. Такие маленькие беспомощные короли - они обычно служат посмешищем для своих ближних - дальних. Считается: ну куда ты, оборвыш, годишься? На что ты способен? Ты и гроша-то ломаного заработать не можешь! Вот потеха! И это сущая правда: потеха, да и только! Представляю себе, какая это потеха для нынешних миллионеров музыкальной промышленности думать о гонорарах Моцарта! Вот дурак! Нищий дурак! Да они бы на него и не взглянули, попадись он им на улице сегодня! Не говоря уж о том - и музыку бы такого оборванца слушать не стали. Такие истории повторяются, тупость и сытость шествуют по трупам королей. Совсем недавно то же произошло с Арнольдом Шёнбергом - тоже был всю жизнь посмешищем для индустриалов, да и множество других. И сегодня развлечений такого рода хватает: надо только уметь веселиться. Приятно, должно быть, выставить за дверь какого-нибудь маленького оборвыша, который гроша ломаного не стоит.

Иди себе, нищета, спотыкайся на улице, глотай слезы, кто виноват, что тебе не платят? Значит, не заслуживаешь! Ступай себе, царапай бумагу, да только не думай, что твое царапанье денег стоит! Сегодня мы платим великом Ремизову, величайшему Моцарту, знаменитому Шёнбергу! Сегодня мы будем ИХ ИМЕНАМИ бить тебя, оборвыша, сегодня МЫ КУПИМ ИХ ИМЕНА ДЛЯ ТВОЕГО УНИЖЕНИЯ. Тоже не могу вспомнить без слёз письмо Арнольда Шенберга какому-то богачу, уж не помню, кому, может быть, издателю. Пишет, умоляет купить у него его картину / он занимался также и живописью/. Пишет: сегодня, конечно, мои картины ничего не стоят, но не бойтесь купить их у меня, со временем Вам будут много платить за них, не сомневайтесь, купите, прошу Вас! Вот какое унижение для короля духа, для властителя звуков и красок!

Третий случай вам не описываю, да и из текста его вымарала - ни к чему. Не было бы его, третьего случая, не было бы и всей вещи. Он незримо присутствует в тексте. Он водит моей рукой. Солнечное тоже утро то было, и город цвел. Только и утешения было - что город цвел. В таком городе и спотыкаться от слез приятно. Солнечный день, и город цвел.

Но не надо слез. Не надо горечи. Все совершается по предначертанному кругу и все исполняется в час. Придет час и для нашего веселья. А быть может, уже и пришел. Веселие - оно с нами вечно. А обида уйдет. И только одно можем сделать: не забывать.

Живут вечно. Вы, кто оплевать посмеете: не посмеете и затем
Короли и цари (Не бойтесь обрести царей и властителей духа?
Вовно тиранов-королей. И плевок ваш навечно. Раз осмелились?
Так не посмейте и забыть про то. Навечно осмеяся.

Нет в мире горечи. Но не остановить вовек жалкого мальчишку - так и будет вечно катиться по ступеням архиепископской лестницы.

Бомже тот богатом

И того ли-та вовек не остановить.

И - нету в сердце обиды или зла.

Но не отпускаем: забыть.

Elisabeth Wetzelsdorfer
Elisabeth Wetzelsdorfer
15.03.1981 Wien

Н.Н.ПУНИН

/Хлебников. Блок. Эйнштейн.

теория пространства-времени./

Предпосылая 2-му тому антологии статью Н.Н.Пунина о Хлебникове, я хочу заранее отбрехаться от упреков в академизме: статью я печатаю а/ потому что она есть, б/ потому что это Хлебников, в/ потому что дальше следуют Хвостенко и Волохонский и г/ как говорила моя бывая супруга, Ника Валентиновна: "Не оставлять же чертям-буфетчикам!"

Сидят Харджиев и Степанов, как два коршуна и ждут: кто первый помрет? Тогда другой будет делать сборник Хлебникова. Хлебников в "Большой серии библиотеки поэта" так до сих пор и не вышел, и именно по этой причине /по сообщению Владимира Ибрагимовича/.

У меня Хлебников выйдет. И именно, как предисловие к таким поэтам, как Волохонский, Хвост и Бокштейн, я уже не говорю за других.

К истории публикации:

Мой отец слушал лекции Пунина. Лекции я не вывез /да и Бог с ними, лекции напечатаны, мне бы лекции ученика Пунина, Глеба Борисыча Перепелкина заполучить!/, а вот статью - вывез. Оригинал, вроде, пропал, не то в ГБ, не то на пересылке, но я - хитрый, я фотокопию другим путем послал.

Отец мой, график, был любимым учеником Елизаветы Кругликовой, и не знаю, каким - Пунина, поскольку был не теоретик, а практик.Отец погиб в войну, Пунин - в 49-м году был арестован и даты его смерти в лагерях я не знаю, но тетрадка сохранилась. Уже не у меня.

В черной клеенчатой обложке, страниц в 100 в клеточку - это едва ли не вторая /и последняя?/ статья Пунина о литературе. Первая была - предисловие к публикации стихов гр. Василия Комаровского в журнале "Аполлон" /за 1913? вроде/.

Печатаю статью прямо по тексту тетради, слева - набираю "престиж элитой" тезисы на левой странице /и иногда - зачеркнутые места/, справа же - "артизаном" - основной текст. Пунктуация и орфография - пунинские.

Рисунок /схема/ - один, приводится в заголовке.

Должен оговориться:

Хлебникова, прочитав всего наизусть в 17-19 лет с первоизданий, а потом перечитав в 25 лет с других уже, с тех пор не читал: НЕЛЬЗЯ. Шемякин подарил мне по приезде полное марковское переиздание /кроме харджиевского тома "Неизданного"/, а я не открываю: БОЮСЬ. Первоиздания же Хлебникова были у меня похищены художником же В.А.Овчинниковым, причем автографы стирались, книги же продавались через Юпа /см. в этом томе/. И посейчас бродят по Европе. "Телеле", один из 10 экземпляров на плотной бумаге - на аукционе в Лондоне мелькал, тот самый. А "Изборник" Хлебникова с Филоновым, который мне Юрик Климов /см./ подарил, я сам пропил, равно и Божидаровское с Петниковым "Распевочное единство", подаренное мне Сашей Величанским. Не держались у меня книги. Я их предпочитаю в голове держать. Меньше соблазну. /Вру: харджиевский 6-й том вошел в 4-й марковский. Это потому что не перечитываю!/

Так вот, о Хлебникове. О Хлебникове Харджиев /как и о всех/ плохо пишет. Степанов - еще хуже. Пунин же пишет хорошо. Я писать о Хлебникове не буду. Я буду писать о себе. Как я люблю его, и как и где и когда с ним сталкивался.

Первый раз 1-й том Хлебникова принес в класс не то Валерка Виноградов, не то Сережа Лесючевский году в учебном 55-56-м /а заодно и "Футуриста Мафарку" Маринетти в переводе Вадима Габриэловича Шершеневича!/, после чего я начал писать футуристические стихи /см. в этом томе/. Обе книги выучил наизусть, но сейчас за-

был. На биофаке в 57-59 годах, пользуясь "Горьковкой", прочитал все остальное. Так что, когда Хлебников вышел в "Малой библиотечке поэта", мне он уже был не нужен. Кроме того, у меня были почти все первоиздания /ухищенные Овчинниковым/.

В 65-м году я встретился /и вроде породнился/ со Львом Евгеньичем Аренсом, который предлагал мне все рассказать за Хлебникова, поскольку сам был одним из 317 председателей Земшара. "Приходите, говорил, я Вам все расскажу, записывайте, я не Петников, который никому ничего не говорит, пусть останется!" По свойственной мне молодости, охламонству и глупости, я к Аренсу так и не собрался /как и к сестре Филонова, когда жила она еще в подворотне кинотеатра "Аврора", а уж как тащили! А потом в 75-м году просачивался через своих учеников в запасники Русского, чтоб хоть отснять тайком, но было уже поздно. Филонов - все его работы, переданные сестрой, когда она перебиралась в Дом ветеранов сцены - был уже старательно запакован и запечатан, чтоб потом, при случае, продать его тайком за границу. Из четырех же работ, оставленных сестрой в ее комнатушке в Доме ветеранов - куда я тоже не собрался, на пироги ко вдове Вадима Касторского, например - одна работка уже продавалась на аукционе в Нью-Йорке. Слямзили./. Лев же Евгеньич Аренс, друг Велимира, по прозвищу "Горный дед", поэт и биолог-генетик, росту в пять футов, с седой бородой, был посажен уже после /?/ войны. Влупили ему по трем пунктам: а/ футурист, б/вейсманист-морганист и г/ женат был на дочке "народа-предателя". Сарра Иосифовна, жена его, была караимкой, красоты в юности необыкновенной, и отбил он ее, невзирая на малый рост свой, с кинжалами. От него осталась внучка, Вероника Аренс, дочь Гены-блохолова, замужем за кем-то в Лондоне. Но вряд ли она помнит что-либо за Хлебникова.Может, через это предисловие найдется. Попрошу тогда у нее стихи деда, или что о нем. Дивный был человек.

Вообще, "хлебниковедение", о котором пишет проф. Марков - дело запутанное. К примеру, Нусберг, ссылаясь на Харджиева, возражает против увязывания Малевича с Федоровым: "С Федоровым сближает Малевича и Джон Болт (Bowlt): см. его статью, претенциозно озаглавленную "Казимир Малевич, его путешествие в беспредметный мир" /Русская мысль 1974, 21 марта/. К сожалению, американский искусствовед устанавливает "контакты" по собственному усмотрению. Контакты Малевича с группой художника М.Матюшина, а также с художественным критиком Н.Пуниным /апологетом Татлина!/ - фикция." /В книге "К истории русского авангарда" /Харджиев, Малевич, Матюшин/, изд. "Гилея" Stockholm - Sweden, 1976/. Это Нусберг мне присылает. Насчет контакта Малевича с Федоровым - дело темное. А вот паралель Хлебников - Федоров приводится Пуниным в публикуемой статье. Цикл же лекций помянутого "апологета Татлина" оформлял не Татлин, а Малевич. Так что во время оформления вполне могли и о Федорове поговорить, раз Пунин с этой идеей носился. У меня больше оснований сомневаться, пардон, - в Харджиеве, да и в Степанове заодно.

Пишет проф. Марков: "Есть основания полагать, что Степанов вынужден был "пойти в Каноссу" и таким путем купить себе монопольное право на редакцию почти всех последующих изданий Хлебникова" /Предисловие к Собранию сочинений Хлебникова/. А вот куда ходил Харджиев? Тоже "есть основания предполагать".

Я никуда не ходил. Даже к Аренсу. О чем жалею.

А теории времени /цифр/ мне всегда были интересны, начиная с "Возвращенной молодости" Зощенко, которую я прочел в те же 16 лет. И задробился. Странные дела: временем у нас занимались не "физики", а "лирики" /Хлебников, Зощенко/. Я тоже - составил очень странный ряд "взлетов и падения" ленинградской поэзии, только у меня почему-то получались цифры 5 и 7, и 4 /по Москве данных у меня не было, но ленинградцы оценят/:

53 , 57 , 62 , 67 , 72 , 75
56 60 64

Еще в хулиганском разговоре "Учитель и ученик" /1912/ Хлебников мешает - люди, годы и народы, года и города.

Пишет Мандельштам: "Хлебников - это какой-то идиотический Эйнштейн, который не понимает, что ближе - Слово о полку Игореве, или железнодорожный мост." /В статье "Буря и натиск". Цитирую по памяти, возможны ошибки, но не в сути/.

И действительно не понимает! Да и зачем понимать, когда и то, и другое существуют в одном пространстве-времени, в котором Хлебников ориентировался как бог. Если Блок /по Пунину/ как рыба в двухмерном аквариуме /вверх-вниз-вбок/, то Хлебников - в трехмерном /вверх, вниз, ВПЕРЕД, В ГЛУБИНУ/. Спокойно плавал в океане пространства-времени. Для него ОДНОВРЕМЕННО существовали, скажем, сражение англо-голландского флотов у мыса Доброй Надежды и - бой Кучума с Ермаком на Иртыше. Ибо: ИСТОРИЯ - ГЕОГРАФИЯ едины. Это для нас трудно /скажем, для меня/, а Хлебников ориентировался в веках и весях свободно.

Этому - свободной ориентации - учила последняя жена Н.Н.Пунина, Марфа Андревна Голубева, мою четвертую жену, свою дочь, Нику Валентиновну: расчерти тетрадь на клеточки и ОДНОВРЕМЕННО представь, что делалось в тот-то год в Германии, Англии, Франции и т.д. - в искусстве, литературе, науке и политике.

Для расшифровки тех же "Досок судьбы" Хлебникова требуются совместные усилия - биолога, филолога, историка, географа, математика, философа - и все это должно быть поверено - поэтом. Как с Библией, которую нынешние ученые разбирают по словам /и по профилям/. Хлебников был такой же человек "вне времени", как, скажем и Свифт. Или - ВО ВРЕМЕНИ. В путешествии в Лапуту Свифт поминает: два спутника у Марса /допустим, вычислил/, механический "компьютер" из кубиков /допустим, и до него знали/, но вот о чем "свифтовед" Ю.Карголицкий не поминает /поскольку не биолог/, это: использование разноцветной паутины пауков для тканья /всерьез обсуждаемое сейчас биологами, поскольку шелковичного червя приходится убивать, чтобы получить один кокон, паук же может ткать без конца/. Определение слепыми красок он поминает /ссылаясь на Розу Кулешову/, а вот превращение экскрементов в еду /основной пункт космической программы, замкнутый цикл/ - нет; изготовление пороха из льда /что очень смахивает на водородную бомбу/, добыча солнечных лучей из огурцов /загадка фотосинтеза/, еще чего-то, чего сейчас не упомню - не слишком ли много проектов для одного? Метрические пропорции лилипутов и великанов, говорящие лошади /а кого собирался обучать теории времени - Хлебников?/ и, наконец, в "Modest proposal" - предложение делать перчатки из кожи ирландских детей /а абажуры с татуировкой?/. Что-то Свифт слишком много знал, чего ему и знать не следовало бы. Но это потом, когда займусь Свифтом.

Хлебников и друг его Митурич тоже знали чего-то не того /см. проекты Митурича в "Науке и жизни", году в 70-м/. У сына Митурича, Мая, не спросишь, поскольку тот "Алисы" в переводе Саши Щербакова /см. в 5-ом томе/ прескверно проиллюстрировал. Петр же Митурич - вроде да Винчи, тоже напроектировал лет на 100 вперед.

Но вернемся ко времени. Беда Хлебникова в том, что он поэт. Его очень одобрили бы американцы /Государство юношей - хиппи - фильм о 16-летнем президенте - близко, без всякой психоделичности/. Но Хлебникова любят и в Америке. Ребята из музея Модерн Артс в Сан-Антонио.

"Доски Судеб" я очень рекомендовал астроному Козыреву, не знаю, взялся он за них, или нет. А больше некому. Не Харджиеву же! Тут нужен ученый да Винческого "профиля".

А насчет письма Эйнштейна футуристам и Хлебникову, упоминающегося Пуниным - пошустрю тут по техасским эйнштейновским архивам. Хотя вряд ли найдется: не на машинке же. Но может, копия и осталась.

Интересно проследить корни Хлебникова в другом направлении, чем это делает Пунин. Поэт, который писал на воде /на песке, сжигал рукописи в костре - не из пижонства, по-гогеновски, и не предусмотрительно, как Кафка - чтоб часом не сгорели, и не от меланхолии и тупика, не по-гоголевски, а - как сын огня и солнца, бездумно/.

В 1913 же году /?/ объявились два рукописных сборника Иоанна Величковского, 1690-х годов /"Млеко" и "Зегарок с полузегарком"/. Не знаю, знал ли о них Хлебников. Да и неважно. Важно другое. Поэзия, как состояние /а не профессия, с 18-го века и Пушкина начиная/, духовное, в отличие от светского - характеризуют Хлебникова /и Кандинского, скажем - см. его "О духовном в искусстве"/. И не только его. Схоластическая монашеская поэтика /творение - молитва/ - унырнули под 19 век, символом которого стал Некрасов и - по прямой линии - Маяковский - Евтушенко, и - увы! - Галич. Экзогенность и эндогенность поэзии Некрасова и Хлебникова, и самой ЖИЗНИ поэта - вылилась в обэриутов /Введенский/, в поэтов молчания - Сергей В.Петров, Егунов-Николев, Татьяна Гнедич, переведшая Байрона в одиночной камере.

Об этом, о эзотеричности Петербурга имели мы беседу с филогом Левиным. Он сам писать все собирается, я же уже пишу. Эту линию - гражданской и - наоборот - духовной поэзии в 19 веке усмотрели уже Ежов и Шамурин. В предисловии к антологии говорится, что поэзия после Пушкина пошла по двум путям: одна взяла себе эпиграфом пушкинское "И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые и т.д." /линия Некрасова/, ну а, другая - "Мы рождены для вдохновенья, /Для звуков сладких и молитв..." /Тютчев, Фет/. Но деление тут еще глубже. Иначе - появление ХЛЕБНИКОВА необъяснимо.

Все-таки поэзия это состояние. В современной России оно законсервировалось в Петербурге. И в провинции /откуда Лимонов, Алейников, Драгомощенко/. Диссидентская Москва - представлена Галичем /экзогенная поэзия/, Петербург - Хвостенкой-Волохонским /эндогенная/. Промежуточная, светская - последователями Ахматовой.

Хлебников был представителем духовной поэзии, от языческо-жреческой, чрез монашеско-схоластическую /см. мою статью "300 лет футуризма"/ к абстрактной-эзотерической-психоделической поэтике наших дней. Герметизм поэта диктуется не обществом, не состоянием его /Хлебников жил в свободной России, Введенский-Хармс - в сталинской, наше поколение - в хрущево-брежневской/. Герметизм поэта диктуется его пониманием времени. Временного и вневременного. Беранже и Флобер - один шансонье, другой - "каменный идол" /по чьему-то определению/ - антагонистичны. Лучшие вещи Флобера /не "Мадам Бовари" и не "Воспитание чувств", а "Искушение святого Антония" и "Бувар и Пекюше", как это я и без Записок Тартусского университета додумался/ имеют то же пространственно-временное ощущение Хлебникова. Потом это можно проследить у "новых", у Беккета, скажем, в некоторой степени - и у Набокова, но только Хлебников дал этому - теоретическое обоснование.

Искусство это не профессия, а состояние. Хлебников, который скорбел о "дневнике духа художников", сам такового не оставил. Ибо состояние - неуловимо. Искусство же переходит из плана прикладного в план духовный /поздний Малевич, не рисующий, Кандинский, да тот же Белый, Вяч. Иванов, кардинал/.

Поэтому можно писать и на песке. Но узнаем мы - по бумаге.

Статья Пунина не закончена. Он намеревался переписать ее. Имеется более поздний вариант начала /который я когда-нибудь и опубликую, в ущерб трупоедам/, и имеется несколько строчек в начале тетради, которые я поставлю, своего рода эпиграфом, как послесловием поставил грустные страшные денежные рассчеты человека, писавшего о звездах .

Статья, вероятно, датируется 22-м годом, поскольку "Доски Судеб" "еще не вышли из печати". Который лист имеется в виду? 1-й, в марте 1922, печатала "Жирковость", 2-й, в декабре 1922 - тоже, 3-й, уже в другой типографии, вышел в 1923 го-

ду, у меня был 3-й, не то 4-й /?!!!/ корректировочный экземпляр без обложки, на котором Митурич писал Пунину, что издание "Досок" накрывается, и больше их не будет. Какой это был лист - спросите у Овчинникова, который украл его и продал, автограф же, натурально, стер, так что что там Митурич говорил Пунину - остается покрытым мраком неизвестности. Овчинников же после этого стал диссидентом.

Теперь, устыдив Овчинникова, я должен устыдить себя.

Нельзя так несерьезно о Хлебникове писать. А как - можно? Как Харджиев? Берем Харджиева. "... издание /его соперника Степанова/ приобрело эклектический характер. Оно не может быть отнесено ни к типу популярных изданий, рассчитанных на широкого читателя, ни к типу научных изданий, основанных на филологическом анализе материала". "Отсутствие правильной установки..." "Редакция не выдержала единой системы..." "Не выдерживает серьезной критики..." " "Еще меньше оснований было у редакции..." "Компромиссный характер издания..."

Надоело.

Я так не могу писать. Хлебников на меня бы не обиделся, Николай Николаевич - тоже, а на Харджиевых - мне на.....

Важнее, чтоб рукопись не валялась, а с моим предисловием, или с тетиным - не все ли равно? Предисловие можно не читать, как я до сего года не читал предисловий к Хлебникову, а читал - его.

А вот говорят, что Харджиев и Степанов - оба сидят на чемоданах неизданных рукописей Хлебникова, и в это очень верится. Потому что трупоеды.

А трупоедов я не люблю. И Хлебников не любил. В этом мы с ним едины.

Потому что Хлебников - жив. Жив в Красовицком, Еремине, Ривине, Хромове, Волохонском, Хвостенко, Бокштейне, во мне, в Аронзоне, Альтшулере, Эрле, Макринове, Белоусове, Лене, Лимонове, в тысячах, в - нас.

Не приоритета для печатаю я эту статью, и не потому чтобы за хвост Хлебникова уцепиться, и не чтобы плешивых академиков пораспотешить, и не гонорару для, а говоря эпиграфом, к статье самим Пуниным предпосланным:

Поймите, он дорог, поймите, он нужен нам.

Велемир I.

Организуется кружок Хлеб/никова/

Татлин

Пунин

Якубинский

Напольская /?/

Лапшин

Секретарь - Южин /?/

О воскресении Х/лебникова/ -
ошибка смерти, как надсмешка над
смертью и /сним/ о "Сивке"

"Поймите, он дорог, поймите
он нужен нам."

/Хлебников/

"29-го его похоронили на уголке кладбища в Ручьях.
Священник было не пускал в ограду кладбища, т.к. мы устраивали гражданские похороны.
Но т.к. тут нет другого кладбища, то исполком распорядился пустить в ограду и ему отвели место в самом заду со старообрядцами "верующими".
На крышке гроба изображен голубой земной шар, и надпись:

Председатель земного шара

Велемир I

Положили гроб в яму и закурив "трубку мира", я рассказал мужикам про друга Велемира, Гайявату, который также заботился о всех людях полсвета, а Велемир о всем свете; в этом разница.
И зарыли, а на сосне рядом написали имя и дату."

/Из письма П.Митурича/

Это похоронили В.Хлебникова. В Петербурге только одна газета отметила его смерть.
Менее чем за год до этого умер А.Блок. "Еще с утра весть о кончине поэта разнеслась по Петербургу и квартира покойного стала наполняться народом. Приходили не только друзья и знакомые, но совершенно посторонние люди ... В великолепный солнечный день двигалась несметная процессия, запрудившая всю Офицерскую до улицы Глинки." /М.Бекетова. Александр Блок/.
Две судьбы, два мира, два века и две меры, которыми отмерены эти две жизни: мера пространства и мера времени.

Блок не принадлежит ни нашему поколению, ни нашему времени; он по ту сторону революции, в том тяжелом конце гумманизма, который есть XIX в. Это мир пространства, нас не знавший и отвергнувший; как страстно эти люди - люди этого века - не предчувствовали чудесный переход в новый мир, в новую меру мира, - они не нашли выражения своей предчувствовавшей тоске; форма, которую Хлебников лаконично выразил словами:

форма Х-ва не говорит им

"кольцо юношей, объединившихся не по соседству пространства, но в силу братства возрастов" - не была для них самой полной, общей и наиболее чистой формой для выражения полной, общей чистой и единственной особенности двадцатого века: его нового чувства времени.

Как понималось время до сих пор.

Все свидетельства царств и эпох, которые мы только знаем, указывают на то, что время с тех пор как его впервые ощутили и до сих пор понималось как последовательная, и как бы плоская непрерывность, точно будто-бы идущая сквозь мир, как его жизнь. Однородно этому некогда понимали и пространство.

тоже пространство

Архаические египетские тексты рассматривают: "Солнце, как Око бога, тучи, туманы и грозы, ночной мрак - как его врагов." /Тураев. 34/.

Текст Тураева

Ночь, подобно тучи, поглощает Солнце, пока бог не прогонит ее. В таком представлении о смене дня и ночи нет отчетливо чувствуемого пространства, ибо солнце не опускается за черту, подымаясь в другой стороне на утро, а как бы стоит в небе, поглощаемо на ночь мраком. Памятники доисторического искусства, даже в эпоху острого и сознательного реализма, точно также не развертывает пространства; смутно отмечено правое и левое, и ничем не выражена глубина.

свидетельство доисторического ис-тва

правое и левое

глубина

Пространство воспринималось, как плоская и замкнутая непрерывность, как кусок места, где стоял человек.

Время до сих пор тоже не знало

правого и левого
и
глубины

До сих пор время также не знало ни своего правого и левого, ни своей глубины; оно определялось непрерывным прошлым, ушедшим, как-бы по плоскому и прямому пути и неведомым будущим, находящим плоскостью на то /ребро/ что сейчас.

XX в, детонируя ставит нас перед проблемой времени.

Начало XX века одновременно в разных областях знания и познания, как-бы по закону детонации, сделало проблему времени основной проблемой века. Наиболее богатые результаты получены, повидимому, физикой и, думаю, в художественном творчестве.

физика искусство

Эйнштейн Хлебников

Так что мне вновь представляется, что по одну сторону ворот, ведущих в нашу эру, стоит теория Минковского-Эйнштейна, по другую теория государства времени В.Хлебникова.

По имеющимся у меня, но непроверенным сведениям Эйнштейн написал приветственное письмо русским футуристам, изучающим время; письмо это было адресовано Хлебникову. Т.к. Х. не знал кто, кроме него из русских футуристов, занимается исследованием времени, то письмо это он целиком принял на себя.

Хлебников прежде всего поэт, поэт чудесный, вскормленный гораздо более глубокими традициями, чем русский /пушкинский/ классицизм. Насколько могу судить, он дошел в работе над языком до дна русско-славянских традиций, и, как поэт /речетворец/, творец слов, глубже идти не

мог: глубже не шло русское слово; не смотря на то, что сам он, Хлебников, был одним из наиболее древних людей нашего времени, вспоминающим куски мира из времени до стоянок и царств. Он различал за бытовым солнечным значением слова, его ночной звездный разум; /понятие о самовитом слове/ вскрывал через мудрость языка световую природу мира; и говорил солнцу:

"Оно /т.е. дитя любви - Амур/
о Солнце старче кум
Нас ранило шутя"

Можно думать, что он был древнее Солнца.
Такая древность позволяла ему проникать в более глубокие времена, чем те, в которых терялись славяно-русские традиции, и, уйдя за пределы солнечной системы, /в миры самовитых слов/, искать законов судьбы и находить их.
Таким образом, этот человек сам был Гаммой Будетлянина, о которой он писал, что она одним концом волнует небо, а другим скрывается в ударах сердца.
Новое чувство времени, как общая и единственная особенность XX века, заострило оба эти конца, и в своих последних работах Хлебников излагал уже стихами "законы рока", говоря:

"Но неужели вы не слышите шорох судьбы иголки
Этой чудесной швеи?"

Уместно поэтому начать изучение времени, как новой меры мира, при том меры, в данном случае, установленной /данной/ искусством, со стихов Хлебникова.

Стихотв. формы гумманизма
не знали поэтич. времени

Все стихотворные формы, сложившиеся в традициях классического гуманизма не знали времени, как элемента поэтического опыта; они пользовались временем лишь в том виде и в той форме, какие свойственны ему в жизни, т.е. за пределами поэтического опыта; в стихах было столько времени, сколько фактически требовалось на прочтение или произнесение их, иначе говоря, ноль поэтического времени.

Форма была в пространстве
Блок

Форма развертывалась в пространстве. Покажем, что это так хотя-бы на стихах Блока, характерного гумманиста, трагически замкнувшего круг русских гумманистических традиций.
Рассмотрим два его стихотворения, развертывающие разнородные пространства; ну, хотя-бы вариант "Незнакомки" и первое стих. из цикла "Возмездие".

Ритмическое однообразие.

Не говоря уже о ритмическом однообразии этих двух стихотворений, качающихся как золотые иглы мачт неподвижного паруса, но и отдельные мотивировки тем, приемы их развертывания и, наконец, сами темы замкнуты в пространстве, соответствующем всегда одной единице времени - мгновению.

Стихотворение начинается описанием пейзажа:

Действительно:
"Вариант" построен на /мотивированном/ развертывании пейзажа в плоском пространстве, и не имеет другого времени, кроме того, каким владеет сам поэт, в момент его созерцания /написания/.

"Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер -
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Место описано; как-бы очерчено кругом, следующая строфа раскрывает его качество:

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Затем следует личное отношение поэта к месту /пространству/

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она - безстыдно - упоительна
И унизительно горда

Может показаться, что "Ее" приходом рождается действие, т.е. какая-то временная последовательность; но во первых - поэт этого действия не показывает, а только рассказывает о нем, а во вторых описание действия /показывание его/ не может дать чувство поэтического времени, подобно тому как быстрое перебирание ног при ходьбе не ускоряет течения времени. Замечательно то, что поэт, в дальнейшем явно желая изобразить Незнакомку, описывает не "ее", а то, как "она" приходит, т.е. не вынимает ее из этого замкнутого пространства "загородных дач", а, наоборот, называет только те ее черты, которые именно здесь в этом ландшафте стали ему известны и привычны; с этой целью, - сохранить образ в заданном пространстве, перебиты четвертая и шестая строфа пятой, где характеристикой личного отношения образ Незнакомки снова притягивается к личности поэта, к мгновению его созерцания.

описание могло унести поэта от места
пятая строфа врывается, чтобы
вернуть образ, хотя бы личности поэта

Чего-же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

но описание все таки вырывает ее

Открытой и недоумевающей восторженностью этой строфы дается выход той бьющейся жажде описать Незнакомку, которая наростает в четвертой и кипит в шестой строфах. Выход этот необходим, т.к. описание Незнакомки может вывести ее из очерченного пространства; и это тем более вероятно, что в шестой строфе поэт видимо бессознательно стремится описать ее и глагол /оглушена/, который возвращает Незнакомку ландша-

фту оттянут в самый конец строфы против третьей строчки четвертой строфы. Конечно, он только оттянут и единство временное единство пейзажа в конце концов, не нарушено ничем
Шестая строфа почти на грани этого выхода, т.к. глагол /оглушена/, который возвращает Незнакомку ландшафту, оттянут в самый конец строфы /против третьей строчки в четвертой строфе - глагол "сквозит"/, но тем не менее поэт, покорный законам своих вековых традиций, не выходит за круг предначертанного ему и очерченного им: временное единство пространства не нарушено и в этой строфе ничем.

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

И как бы на/поминая/ о круге поэт намеренно в следующей строфе употребляет эпитет, обобщающий качества описываемого ландшафта, стягивая

ПОШЛОСТЬ

таким образом тему кольцом безвременного пространства.

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи что делать мне с тобой,
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно - голубой?

Таким образом вся тема развернута в мгновении в плоском пространстве очерченного пейзажа.
Сложнее показано пространство во втором из названных стихотворений - из цикла "Возмездие".
Стихотворение начинается описанием воспоминания поэта о чувствах, некогда им владевших:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Намечена как-бы одна пространственная плоскость:

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Дана как-бы вторая пространственная плоскость

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...

Это как-бы третья плоскость; четвертая занимает полторы след. строфы.

И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,

В сырую ночь ты из дому ушла.

Наконец, след. строфа намечает как-бы пятую плоскость:

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий
В котором ты в сырую ночь ушла...

Но эта пятая плоскость есть - настоящее, именно то мгновение, в которое поэт заключил тему; поэтому стихотворение не сопоставляет пространства различных реальных времен, а только собирает воспоминания в одно реальное время, в мгновение воспоминания. И как бы подтверждая это поэт кончает, замыкая кольцо возвращением к теме первой строфы

"Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола."

В целом - ноль поэтического времени

В стихотворении нет места действия, во всяком случае оно не показано, но тем не менее тема развернута только в пространстве и никакой другой протяженности не имеет; в целом форма дана в мгновении воспоминания т.е. именно в том времени, которым владел поэт в момент его написания /читатель в момент его произнесения или чтения/, иначе говоря в ноль поэтического времени
Блок не знал, да и не мог знать поэтической формы другой меры времени. Для этого нужно было выйти за пределы его века, его рока, или, говоря языком Хлебникова, заняться похищением времени.
Все поэтическое творчество Хлебникова есть восхитительная охота на различных глубинах времени.
К периоду 1906-8 г. относится небольшая поэма "Училица", где "училица Бестужевских учин" /т.е. курсистка/ показана героиней романа с боярским с-ном Володимирко. Поэма кончается словами:

"Так тщетно силились разорвать
цепи времен два любящих сердца."

Временной сдвиг.

Это наиболее простой прием объединения сюжетом двух различных временных эпох, то, что обычно называется временным сдвигом. Простой прием такого сдвига изучаем в рассказе "Мирсконца": герои живут /действуют/ от смерти к рождению. Рассказ кончается на V главе двумя строками: "Поля и Оля с воздушными шарами в руке молчаливые и важные пр/оезжают/ в детских колясках."

В ранних Х-ва много врем. сдвигов

В ранних произведениях Хлебникова простых приемов временного сдвига очень много, это первые молодые удары по спине неподатливого времени. Повесть "Ка" вся построена в различных временных слоях и это мотивировано исчерпывающе самим Хлебниковым: "Ему нет застав во времени, Ка ходит из снов в сны, пересекает время и достигает бронзы /бронзы времен/. В столетиях располагается удобно, как в /...../ качалке. Не так ли и сознание соединяет времена вместе, как кресла и стулья гос-

тиной."
Синтетическое /интегрированное/ сознание и есть сознание новой эры, в теоретической литературе определенное, как кубизм. Девятнадцатый век легко зачертить индивидуализирующими стрелками, стремящимися в разные направления от некоторой точки. Их нельзя собрать, вычеркивая то одно, то другое направление, но следует, освободив их от того, что можно определить как одежду прошлого, интегрировать в душе /которая для этого должна /у/же быть более чем когда либо сосредоточенной, ясной укладчицей в кратчайшие сроки.

Уменье собрать Х-ва
примеров нет

Таков Хлебников. Его уменье собрать не повторено в поэтической литературе Европы. Отметим то, что нет таких четырех строчек, в которых вновь не была собрана вся душа Хлебникова, между тем, как такие большие мастера, как Пикассо этого не достигают.
Общность методов и Хлебникова и Пикассо-Брака заслуживает особого внимания - /эту последнюю о Хлебникове, как поэте, отметку необходимо сделать, т.к. она выясняет пределы значения отдельных приемов, постепенно передвигая нас к цели нашей работы: изучению государства времени./.

Самостоятельная роль времени
= поэтическое время

двумя способами

1/ сопоставлением разных времен /сдвиг/

2/ фактура

в первом случае закон
наименьшей мотивировки

Как выше сказано в пределах поэтического, равно и живописного, опыта время не играло до сих пор самостоятельной роли. Кубизм определил эту роль, найдя, что поэтическое время, т.е. время вызванное поэтическими приемами не совпадает с реальным временем, причем это творческое время получается либо, как это уже показано, от произвольного сопоставления различных временных плоскостей, либо от обработки элементов формы, напр. матерьяла, фактуры. В первом случае, тем резче несовпадение времен /реального и художественного/, чем меньше произвольное сопоставление мотивировано /чем оно менее иллюзорно/. Такие, напр. стихи Хлебникова:

"Котенку шепчешь не кусай
Когда умру свои дам крылья.
Писал устало Хокусай
А брови - матери Мурильо."

Мы различаем здесь по числу строк четыре временных плана, немотивированно собранных в один подцвеченный рисунок; каждая строка соответствует в реальности обособленному восприятию, имеющему свое время; вместе с тем такие слова-образы, как котенок, крылья и брови, Хокусай и Мурильо своими контрастами при сопоставлении дают чувство глубины во времени; благодаря чему все стихотворение воспринимается как более не

менее прозрачная форма в воздухе, форма имеющая различные плоскости разного преломления, так что мир исторический и мир настоящий просвечивают сквозь них, или ложатся на них тенями, с различной отчетливостью: почти осязаемой становится тень в строчке: А брови - матери Мурильо, и как тень от облака звучит первая строка четверостишия Временное построение формы богато развито в следующем, например, стихотворении.

"Где волк воскликнул кровью:
Эй! я юноши тело ем.
Там скажет мать "дала сынов я" -
Мы старцы, рассудим, что делаем.
Правда, что юноши стали дешевле?
Дешевле земли, бочки воды и телеги углей?
Ты, женщина в белом, косящая стебли,
Мышцами смуглая, в работе наглей.
"Мертвые юноши! Мертвые юноши!
По площадям плещется стон городов.
Не так ли разносчик сорок и дроздов,
- Их перья на шляпу свою нашей.
Кто книжечку издал: - "песни последних оленей"
Висит, рядом с серебряной шкурою зайца,
Продетый кольцом за колени
Там, где сметана, мясо и яйца.
Падают брянские, растут у Манташева.
Нет уже юноши, нет уже нашего
Черноглазого короля беседы за ужином.
Поймите он дорог поймите он нужен нам.

Эти великие стихи, прозрачные для чувства страдания и смерти в бессмысленном бою, смело и метко взяты как форма временного построения. Если волку прилично говорить "ем", то ведь у матерей иное чувство к сыну, не следовало-ли об этом подумать нам старцам. Поэт начиная стихотворение от своего лица одновременно говорит как бы от лица людей старых, казалось-бы мудрых; в этом уже есть двухвременность формы; вместе с тем временную глубину дает "план волка" и "план матери". Четыре слоя. Чудесный образ смуглой смерти, все более наглеющей в работе дает пятый слой времени.

Мертвые юноши! мертвые юноши.

Стон городов, как бы покрывающий эти слои прозрачной плоскостью боли, и затем после этих влажных и почти патетических строк сухая и резко контрастирующая строка о разносчике сорок и дроздов, которая быстро завертывается как по спирали в следующих строках, резких фактурными контрастами:

их перья на шляпу свою нашей.

в особенности же:

"Кто книжечку издал: - "песни последних оленей"

"серебряная шкурка зайца", "кольцо в колене", "сметана /мясо/ и яйца". Эта тонкая и неожиданная игра, в глубине которой все время бьется нежное чувство как будто правда, к последним оленям, дает целый ряд мелких временных кулис, по отношению к которым следующая строфа как-бы

вырвана из глубины города, из самых мощных и самого темного его логова:

"Падают брянские, растут у Манташева.
Нет уже юноши, нет уже нашего...

Стихотворение кончается строками:

"Черноглазого короля беседы за ужином
"Поймите он дорог поймите он нужен нам

вынося тему к широким обобщениям, на которых сложилась знаменитая Хлебниковская теория о государстве юношей.

Роль мировой войны
Проблема времени для н. искусства
Целый ряд работ Хлеб.

Труба марсиан
Время мера мира
Письмо к японцам

Когда-нибудь будет вычислено сыграла ли мировая война решающую роль в сложении этой теории. Во всяком случае манифест юношей: "Труба марсиан" вышел во время войны, равно как к 16 г. относится и знаменитое письмо к японцам.
"Пусть млечный путь расколется на млечный путь изобретателей и млечный путь приобретателей" - эти первые "слова священной вражды" марсиан определили с беспощадной точностью два временных слоя в настоящем.
"Пусть возрасты разделятся и живут отдельно".
"Государство молодежи, ставь крылатые паруса времени; перед тобой второе похищение пламени приобретателей."
Разделение это мотивировано разностью задач поколений:
"Им утонувшим в законы семей и законы торга, им у которых одна речь: - ем /ср. с волком/, не понять нас, не думающих ни о том, ни о другом, ни о третьем." Мрачность такого отношения к старшему возрасту вызвана небывалой гибелью юношей и мертвым отказом младшему поколению изобретателей, но вот мотивировка более устойчивая, которую Х. сохранил и много позже.
"Но цепкие руки оттуда схватили нас и мешают нам совершить прекрасную измену пространству. Разве было что пьянее этой измены? ... Это новый удар в глаза грубо пространственного люда. Вот почему - заключительные слова Трубы марсиан - изобретатели в полном сознании своей особой породы, других нравов и особого посольства отделяются от приобретателей в независимое государство ВРЕМЕНИ /лишенное пространства/ и ставят между собой и ими железные прутья. Будущее решит кто очутился в зверинце, изобретатели или приобретатели? и кто будет грызть кочергу зубами."
Это будущее, которое в то время казалось неверным и далеким, видимо, уже под нашими ногами, и думаю, мало кто станет отрицать теперь, что в клетке - оказались люди пространства.
Письмо к японцам /не/ менее страстно и со-всею прелестью Хлебниковского языка также определяет две плоскости возрастов.
"Ведь у возрастов разная походка и языки. Я скорее пойму молодого японца говорящего на старо-японском языке, чем некоторых моих соотечественников на современном русском ... Ведь если есть понятие отечест-

ва, то есть понятие и сынечества, будем хранить их обоих. Как кажется дело заключается не в том, что бы вмешиваться в жизнь старших, но в том, чтобы строить свою рядом с ними."
Это примиряющее спокойствие вносит величие в поступь хлебниковской идеи; она становится чистой идеей временных слоев, рассекающей мир на две эры: эру пространственного сознания человечества и эру времени, которое можно назвать "пространством поставленным на затылок".

Футуристическое ложное понимание
"Трубы марсиан"

В период написания "Трубы Марсиан" и Письма к японцам никто из нас еще не оценивал этого деления, частью принимая его за футуристическую концепцию борьбы с пассеизмом. Страстность манифеста способствовала этому. Но в "Трубе Марсиан" уже есть мысль, которая могла бы избавить теорию Хлебникова от каких-бы то ни было сближений с Маринетти. Она загадочна, эта мысль, знал-ли Хлебников сам ее полное содержание. Мысль заключена им самим в скобки:
/О уравнения поцелуев - вы! О луч смерти, убитый лучом смерти поставленным на пол волны/.
В своей последней, еще не вышедшей из печати работе "Доски судеб", Хлебников пишет:
"Первое решение искать законов времени явилось на другой день после Цусимы, когда известие о Цусимском бое дошло в Ярославский край, где я жил тогда в селе Бурмакине, у Кузнецова.
Я хотел найти оправдание смертям."
Была-ли невыносима для Хлебникова мысль о полном исчезновении мира в смерти? Вся работа этого ума направляется в дальнейшем на борьбу со смертью; что есть ни что иное, как борьба со временем; разделения и вражда возрастов в этой борьбе есть лишь "первая истина о времени".
Вот что говорится в названных "Досках судьбы":
"Первые истины о пространстве искали общественной правды в очертаниях полей, определяя налоги для круглого поля и треугольного, или уравнивая земельные площади наследников". То есть возникновение государств пространства, тех, в которых мы до сих пор живем, зависело от изучения площадей пространства и им обусловлено; если бы далекие предки не научились делить полей, измерив пространство, мы не знали-бы ни немецкого, ни русского места /государства/. В одинаковой мере:
"Первые истины о времени ищут опорных точек для правильного размежевания поколений, и переносят волю к равенству и правде в новое протяжение времени. Но толкачем и для них была та же старая воля к равенству, делению времени на равные времявладения."
Делить время, различая его, подобно тому как узнавать Восток и Запад было первым шагом нахождения законов движения Солнца для египтян - для нас есть первый шаг измерения смерти.
"День измерения русла Волги - пишет Х. - стал днем ее покорения, завоевания силой паруса и весла, сдача Волги человеку ... плавание по Волге стало легким и безопасным ремеслом после того, как сотни буянов алыми и зелеными огнями отметили опасные места, камни, отмели и перекаты речного дна. Также можно изучать трещины и сдвиги во времени. Давно стало общим местом, что знание есть вид власти, а предвидение событий - управление ими."
Таким образом мысль о вражде поколений поднята Х. как первый камень

в лицо времени - молчаливого спутника, до сих пор не показавшего нам ни одной своей черты. *)

*) Кто-нибудь, не подумав скажет, а циферблат часов, но часы это мера пространства. "Хожу час" это значит, что в то время как я прошел версту пространства стрелка прошла полный круг пространства на циферблате - и ничего другого оно не значит. Время же остается попрежнему темным и неумолимым потоком, находящим на наше лицо.

Дальнейшие работы
обо всем
не скажешь

Книга за 7 печатями

Главнейшее.

Чистые законы времени.

Но теперь, во всех областях знания мы поставлены перед этим лицом.

После того, как Х. определил нашу эру, как эру познания времени, его усилия продолжают находить новые и новые черты времени. Не могу изложить всех законов времени, установленных Хлебниковым, отсылая к его книгам. /Многих уравнений не понимаю из за скудности знания и развития./ Но нельзя умолчать о последних мощных ударах, определяющих основные законы времени, согласно которым событие делается противособытием, а также о том, как Х-ым определяется взаимоотношение времени и пространства.

"Чистые законы времени, пишет Х., мною найдены 20 года, когда я жил в Баку, в стране огня, в высоком здании морского общежития, вместе с Добраковским, именно 17/Х1."

Уравнение *)

*) Об этом уравнении я еще ничего не знаю, повидимому оно в неизданных еще рукописях.

внутреннего пояса светил солнечного мира найдено им 25/1Х - 20 г. на съезде Пролеткульта в Армавире, на задних скамьях помещения собрания, когда во время зажигательно-деловых речей, вычислял на записной книжке времена этих звезд.

"Я полон решимости, - пишет затем Х - если эти законы не привьются среди людей, обучать им порабощенное племя коней."

Решится ли кто-либо прибавить что нибудь к этому достаточно одинокому чувству?

Религия, как система борьбы со смертью.

Закон времени, согласно которому событие делается противособытием можно, вслед за Хлебниковым, назвать также законом добра и зла, этих двух колов, вбитых в пространство рукою времени для проведения границ. Если понять религию, как систему борьбы со смертью, придуманную людьми пространства, то добро и зло есть пространственные меры религии. Хлебников пишет об этом так:

"Человечество, как явление протекающее во времени, сознавало власть его чистых законов, но закрепляло чувство подданства посредством повторных враждующих вероучений, стараясь изобразить дух времени краской слова.

Учение о добре и зле, Аримане и Ормузде, грядущем возмездии, это бы-

ли желания говорить о времени, не имея меры, некоторого аршина, ведром как краска.
Итак, лицо времени писалось словами на старых холстах Корана, вед, Доброй Вести и других учений. Здесь /т.е. в "Досках Судьбы"/ в чистых законах времени, тоже великое лицо набрасывается кистью числа и таким образом применен другой подход к делу предшественников. На полотно ложится не слово, а точное число, в качестве художественного мазка, живописующего лицо времени."

Это точное число выведено Хлебниковым после долгих вычислений времени прошлого; не приводя их назовем его.
"Через 3^n событие делается противособытием." - так гласит первый закон. Все прошлое рассекается этим законом на волны времен, из которых каждое в какой либо степени кратно трем.
Один пример, на выбор:
26 X 1581 Ермак начал движение на Восток, через $3^{10} + 3^{10}$, т.е. 26/II 1905 г. была битва при Мукдене, остановившая движение на восток. Три в любой степени /или 3 + 3 в любой степени/ есть "скрепа времени соединяющая событие и противособытие во времени."
"То о чем говорили древние вероучения, грозили именем возмездия, делается простой и жесткой силой этого уравнения; в его сухом языке заперто: "Мне отмщение и аз воздам" ...

Скрепы с большими степенями согласно вычислению Х-ва "заняты пляской и плеском государств", мировых событий, веков, малые же степени относятся к жизни отдельных людей, управляя возмездием, или сдвигами в строении общества, давая в числах древний подлинник, древние доски своего перевода на язык слов.
"Мне отмщение и аз воздам."
"Так военный деятель Мин подавил восставшую 26/X11 - 1905 - Москву; через 3^5 дней 243 он был убит 26/111 1906 года. Карающей рукой Конопляниковой или сама судьба дергала собачку браунинга во время выстрела" - говорит Х-в.

Таков первый закон рока.
Второй закон гласит:

"Через 2^n дней объем некоторого события растет."

Например: 11/X1 1917 утвердилась Советская власть; через 2^{11} - резкое полевение власти, через 2^{10} - укрепление С.В. на востоке /Съезд Народов Востока/, через 2^9 - Советская Бавария, через 2^8 - Советская Турция. Таким образом 3 и 2 есть числа, на которых покоятся чистые два закона времени.
Замечательно то, что эти числа суть наименьшие четные и нечетные числа и что в то-же самое время они суть степени для измерения двухмерного и трехмерного пространственного мира.Если мы измеряем какую-либо плоскость, мы возводим в квадрат единицу пространственной меры; для объема мы принуждены прибегать к 3.
A^3 - есть объем некоторого пространственного тела А, так, что 2 и 3 в мерах пространства служат степенями, в мерах-же времени твердыми величинами, могущими иметь произвольные степени.
"Казалось время у пространства, пишет Х-в - каменный показатель степени, он не может быть больше трех, а основание живет без предела; наоборот у времени основание делается "твердыми" двойкой и тройкой, а показатель степени живет сложной жизнью, свободной игрой величин."

Таким образом:
"уравнения времени казались зеркальным отражением уравнений пространства"
"Можно ли назвать время поставленным на затылок пространством? - спрашивает Х-в.
и еще:
"Как то радостно думалось, что по существу нет ни времени ни пространства, а есть два разных счета, два ската одной крыши, два пути по одному зданию чисел."
Эти два закона, открытые Хлебниковым, являются первыми числами - чертами, живописующими лицо времени. Мы еще ничего не знаем о степени их значения для человечества, но сам Хле-в пишет:
"Открыв значение чета и нечета во времени, я ощутил такое чувство, что в руках у меня мышеловка, в которой испуганным зверьком дрожит древний рок."
и затем, как предисловие к "Доскам Судьбы" след. стихи:

"Если я обращу человечество в часы
И покажу, как стрелка столетий движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не выпадет война как ненужная ижица?"

и еще

Таким образом меняется наше отношение к смерти; мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купанье в водах небытия".

Совершенно уясняются
слова "Трубы Марсиан"
и
ЛИЦО печальника о смертной
судьбе человечества

Анализ письма Митурича

Вещие слова "Трубы марсиан", взятые в скобки:
/О, уравнения поцелуев - вы! О луч смерти, убитый лучом смерти поставленным на пол волны/ - - открывает ход мысли великого печальника о смертной судьбе человечества.
Не для того, что-бы показать безконечное одиночество людей, которых легкомысленно называют футуристами, приведен был выше отрывок о смерти Х-ва, но потому что там есть слова о Гайявате и о Хлебникове, заботящемся о всем мире. Хлебников кажется нам странным героем, вышедшим один на борьбу со смертоносными силами; странным кажется, что борьба эта началась с удара по поколениям; "храбро и умно" возвещается вражда возрастов; разделяется то, что не было никогда делимо. Уместно спросить, почему Х-в, который всегда, последовательно собирал и сам был всегда полно собран, разделяет. Спрашиваем об этом, зная, что страшная гибель-распад, это то, что есть XIX в.

О всем мире

Федоров
1/ учение об отцах и сынах
2/ единение

3/ электроход
4/ Воскрешение

.Нота примирения

Кроме того, что вражда возрастов есть первое деление во времени, она имеет и еще одно, в книгах Хлеб-ва, пожалуй, мало сказанное значение. Уже в письме к японцам мы цитировали. Если есть понятие отечества то может быть и понятие сынечества.

О всем мире Федоров	–	Гайявата Х-в
1/ учение об отцах и детях	–	вражда возрастов
2/ единение	–	нота примирения текст
3/ электроход	–	Госуд. времени
4/ Воскрешение	–	безсмертие полет в небеса

По мере того, как обнажатся лучи судьбы исчезает понятие народов и государств и остается единое человечество, все точки которого закономерно связаны.

Сивка

Ну, тащися, Сивка
- Шара земного
Айда понемногу.
Я запрег тебя сохой звездною,
Я стегаю тебя
Плеткой грёзною.
Что пою о всем
Тем кормлю овсом,
Я сорву кругом траву отчую
И тебя кормлю, ее потчую.
Не за тем кормлю,
Седину позорить:
Дедину люблю
И хочу озорить!
Полной чашей торбы
Насыпаю овса,
До всеобщей борьбы
За полет в небеса.
Я студеной водою
Расскажу где иду я.
Что великие числа -
Пастухи моей мысли
и т.д.

и еще

"Понять волю звезд это значит развернуть перед глазами всех свиток истинной свободы. Они висят над нами слишком черной ночью, эти доски грядущих законов и не в том ли состоит путь деления, что-бы избавиться от проволоки правительств между вечными звездами и слухом человечества
Пусть власть звезд будет беспроволочной

РЕЗЮМЕ

Поэт времени

смерти ужас

деление настоящего -

поколения

изучение времени в простейших законах

квадратура времени
и
кубатура пространства

Победа над будущим

Умирает, не вправе-ли мы сказать,
следуя этим чудесным путем

Вы ушли на куб простр.

во время, во власть

смерти

Идем идем тебе

на выручу

/и далее следует запись/:

Дрова 10 р.
дрова 4 р.
пища /?/ 4 р.
Лебедеву 3 р. /зачеркнуто/
Д.С/.../ 6 р.
Ла/ш..?/ 2 р.
Ах 5 р. /А.А.Ахматовой, зачеркнуто/
Саше 1 р. 25 к.
Я. и /?/10 р.
/нрбрч/ 10 р.
маме 2 р. /зачеркнуто/
Ан. Як. 5 р. /зачеркнуто/

62 р 80

f i n i s

О П О Э З И И

К. М а л е в и ч.

/Статья эта была опубликована в журнале "Изобразительное искусство", №1, Пг., 1919 г., стр.31-35. №2 так, похоже, и не вышел, да и этот-то № стал полнейшим уже раритетом; со статьей Малевича знакомы разве специалисты ПО ИЗО, но никак не поэты - а и откуда им? У меня, положим, был этот №, у меня много чего БЫЛО. И нету. Статья зачем-то "иллюстрирована" тремя ч/б репродукциями работ П.В. Митурича - "Пространственная живопись №14,"1918 г., аналогичное же №12 и Л.А. Бруни, "Живописная работа материалов", 1916, с пометкой - Приобр. Н.Пуниным. У Пуниных я этой работы не видел, я там целовал "Поцелуй" Шагала, а у Ирины не спросишь. Привожу же данную статью - а/ как иллюстрацию к Хлебникову, б/ как предисловие к ученику Малевича Чашнику, в/ как пример СИНКРЕТИЗМА, о котором говорил, говорю и буду говорить. - ККК/

1/ Поэзия, нечто строющееся на ритме и темпе, или же темп и ритм побуждают поэта к композиции форм реального вида.

2/ Поэзия - выраженная форма, полученная от видимых форм п р и р о д ы, их лучей - побудителей нашей творческой силы, подчиненная ритму и темпу.

Иногда поэт реальную форму мира облекает в ритм и темп, а иногда побуждает поэта буря восставшего в нем ритма чистого, голого к созданию стихотворений без форм природы.

В первом поэт перебирает кладовую - природу вещей, беря подходящее по форме и по содержанию в себе ритма и строит строку в неустанно текущем ритме и темпе.

Законченное стихотворение зависит или от определенной высказанной мысли, или угасания в себе ритма. Последнее наивернейшее состояние и отношение. В первом случае мысль, во втором напряжение.

Есть поэзия, где поэт описывает клочок природы, подгоняя его под загоревшийся в нем ритм, есть поэзия, где ритм идет в угоду формы вещей. Есть поэзия, где ради ритма уничтожает поэт предметы, оставляя разорванные клочки неожиданных сопоставлений форм.

Есть поэзия, где остается чистый ритм и темп, как движение и время, здесь ритм и темп опираются на буквы, как знаки, заключающие в себе тот, или иной звук. Но бывает, что буква не может воплотить в себе звуковое напряжение и должна распылиться. Но знак, буква зависит от ритма и темпа. Ритм и темп созидают и берут те звуки, которые рождаются ими и творят новый образ из ничего.

В других случаях, например, в описаниях вечера, сенокоса, - здесь природа очаровала поэта, и он хочет оправить ее в ритм, сделать ее поэтической, передать ее поэзию уже в иной форме, сами вещи являются довлеющими, а ритм как орудие обработки. Здесь под ритм и темп подгоняются вещи, предметы, их особенности, характер, качество и т.д.

То же в живописи и музыке.

В художнике загораются краски цвета, мозг его горит, в нем воспламенились лучи идущих в цвете природы, они загорелись в соприкосновении с внутренним аппаратом.

И поднялось во весь рост его творческое, с целой лавиной цветов, чтобы выйти обратно в мир реальный и создать новую форму. Но получается совершенно неожиданный случай. Разум, как холодильный колпак, превращает пар опять в капли воды и бурный пар, образовавший нечто другое, чем был, превратился в воду.

Тоже лавина бесформенных, цветовых масс находит опять те же формы, откуда

пришли ее побудители. Кисть художника замалевывает те же леса, небо, крыши, юбки и т.д.

Тоже художник объема, скульптор - форма его главный побудитель, вызывающий в нем силу нового, особенного строения и, как таковая, иногда заставляет отдалять свой побудительный прообраз.

Но и здесь объемовед вырубает те же формы, рубит старое, не может никак съехать в сторону от Венеры.

Буря форм, их новая конструкция, новое тело под колпаком сводится к Венере Милосской, к Аполлону. А то настоящее, творческое, новое, лежит в отрубленных кусках под ногами Венер и фавнов. В отбитых кусках мрамора, глины, дерева отрубилось то сокровенное, что лежит в пустых формах виденных скульптур.

Жизнь не создала для поэта слова, специально для его поэтического творчества и он сам не позаботился об этом.

Предметы родили слова, или слово родило предмет, а утилитарный разум приспособил их к своему обиходу, он был большим работником и пожалуй главным в создании себе знаков для своего удобства.

Поэт пользуется всеми словами и в свою очередь хочет их приспособить к своему переживанию, к нечто такому, что может быть ничего не имеет ни с какой вещью и словом, если я скажу "плачу" - разве можно исчерпать в слове плачу - все. Если я скажу "тоскую" - тоже. Все слова есть только отличительные знаки и только. Но если слышу стон - я в нем не вижу и не слышу никакой определенной формы. Я принимаю боль, у которой свой язык - стон, и в стоне не слышу слова. Я целиком слышу, что чувствует, что терпит, нежели напишу "стонет". И сам стонущий больше облегчает себя в стоне, нежели говорит, что болит. Ибо "болит", есть добавочное, пояснительное о стоне, о его причине.

Поэт даже не поступает так, как живописец и скульптор. Он не возвращает полученное от форм природы природе. Ибо природа получила одежду разумом, он ее одел для отличия, все тончайшие ее отростки, в обувь, платье, качество и т.д.

И поэт говорит лишь через одежду об одежде, о тех отличительных знаках, которые нужны разуму, его гастрономии, его ломбарду.

Для поэта не всегда солнце бывает солнцем, луна - луною, звезды - звездами. Поэт может перемешать все названия по-своему. Ведь может сказать, что потухло солнце.

Но с точки разума, оно вовсе не потухло, а зашло.

Пользуясь совсем неподходящими средствами - в поэте тоска и почти на редкость бывают стихотворения, где бы поэт не плакал, не тосковал о невозможности передать то, что хотел сказать о природе, ибо хотел говорить о природе, а говорит в стихотворении об одежде, о слове. А она хотя и сшита хорошо, но все же не то тело, о котором хотелось говорить.

Еще впуталась "она", "любовь", "Венера" - с ней поэт совсем закис, застонал и ищет спасения в смерти.

Поэту присущи ритм и темп и для него нет грамматики, нет слов, ибо поэту говорят, что мысль изреченная есть ложь, но я бы сказал, что мысли еще присущи слова, а есть еще нечто, что потоньше мысли и легче и гибче. Вот это изречь уже не только что ложно, но даже совсем передать словами нельзя.

Это "нечто" каждый поэт и цветописец-музыкант чувствует и стремится выразить, но когда соберется выражать, то из этого тонкого, легкого, гибкого - получается "она", "любовь", "Венера", "Аполлон", "Наяды" и т.д. Не пух, а уже тяжеловесный матрац со всеми его особенностями.

Ритм поэты чувствуют, но силу его, силу своего настоящего употребляют, как спаивающее средство. Себя обкладывают предметами, подчищая их, подтачивая, или просто подбирая друг у другу, и спаивают, связывают ритмом.

Самое подбирание и составление форм в темпе и ритме и есть характерность, отделяющая поэта от поэта.

Сходство их в пользовании одними и теми же вещами и песни о "ней" в поста-

новке есть мастерство. Пушкин достиг большого мастерства, может быть и многие другие достигали и достигают молодые поэты.

Но мастерство, как таковое, грубое, ремесленное даже и в том случае, когда говорят о художественности и еще вплетают "красота", а если хотят еще тоньше выразить говорят "одна поэзия".

Поэт есть особа, которая не знает себе подобной, не знает мастерства или не знает как повернется его Бог. Он сам внутри себя, какая буря возникает и исчезает, какого ритма и темпа она будет. Разве может в минуты, когда великий пожар возникает в нем, думать о шлифовании, оттачивании и описании.

Он сам, как форма, есть средство, его рот, его горло - средство, через которое будет говорить Дьявол или Бог. Т.е. он, поэт, которого никогда нельзя видеть, ибо он поэт закован формой, тем видом, что мы называем человеком.

Человек-форма такой же знак, как нота, буква и только. Он ударяет внутри себя и каждый удар летит в мир.

Поэт слушает только свои удары и новыми словообразованиями говорит миру, эти слова никогда не понять разуму, ибо они не его, это слова поэзии поэта.

И когда разум выявил их в понятие, они реальны и служат единицею мира. Будучи непонятым, но действительно реальным.

Мысль исчезла; как неуклюжее, громоздкое стихотворение лежит неподвижным камнем векового образования.

Стихотворения всех поэтов представляют, как комок собранных всевозможных вещей, маленькие и большие ломбарды, где хорошо свернутые жилеты, подушки, ковры, брелоки, кольца и шелк, и юбки, и кареты уложены в ряды ящиков по известному порядку, закону и основе.

Строка очень странная, наивная, может наивность и велика, но мне она тоже наивна и собою напоминает нечто примитивное.

Способ, которым передавал поэт свое, очень забавный.

Если рассмотреть строку, то она нафарширована, как колбаса, всевозможными формами, чуждыми друг другу и незнающими своего соседа.

Может быть в строке лошадь, ящик, луна, буфет, табурет, мороз, церковь, окорок, звон, проститутка, цветок, хризантема. Если иллюстрировать одну строку наглядно, получим самый нелепый ряд форм.

Ими поэт хочет рассказать свою "душу", ими рассказывает о "любви", о "ней". Не знаю, можно ли формами природы высказать исчерпывающее свое внутреннее слышание, слышится ли оно в образах лошади, Венеры, солнца, луны, хризантемы, - мне кажется, что нет.

Все стихотворение состоит из названий отличительных, из свойств, качеств и ощущений, вкусов и т.д. "Гудели колоко-ла". - Страшно, грубо и несуразно. Разве в слове "гудели" поэт дал то гудение, которое он слышал и что переживал в этом гудении - я уверен, что поэт переживал очень многое. Он слушал гул, забыв о всем, ибо звуки будили в нем необычайные движения.

А в стихотворении только указывается, что "гудели", так скажет всякий. Разуму нужно отличить, что колокола в это время гудели и чтобы было понятно, положение того, кто был в месте, где гудели, народ толпился у церкви.

Один расскажет, другой расскажет в стихотворении, третий споет о "крестном ходе" и "плачущей малютке", четвертый напишет красками.

Никто из них не доволен и все плачутся, стонут; я думаю, что если бы плотнику пришлось строить дом и он собирал все предметы и вещи, как они есть в природе, и стал складывать все предметы и вещи, как они есть в природе, в дом, то тоже наплакался бы. И в этом случае разум поступает иначе, он претворяет каждую вещь природы в неузнаваемый вид, создавая совсем иное тело. Он смешивает разнородные по виду формы в одну и творит новый вид и форму, какой нет в природе. Тоже церковь, тоже колокол.

Чем же отличаются наисвободнейшие творцы певцы сверхземного. Люди, загля-

дывающие в иной мир, "боги", приписывающие себе обладание большим и сверхчеловеческим, нежели природа, земля.

В этом случае они только думают о "сверхе", но на самом деле нет ничего, кроме реальных, ими не сделанных колоколов, их звука и т.д.

Поэты и художники, музыканты - больше слушают звон колоколов, нежели себя. Они трусы, привыкшие к оковам вещей, без которых не могут жить.

Но голос настоящего неустанно звучит в каждом из них, но принять его, как он есть, боятся, ритм и темп колышит неустанно поэта, но поэт берет его и одевает лошадей, колокола и т.д., и на хвостиках строки висит настоящее созвучие того, что должно занять первое место и показать себя во всю.

Поэт боится выявить свой стон, свой голос, ибо в стоне и голосе нет вещей, они голые, чистые образуют слова, но это не слова, а только ради буквы - в них. В них нет материи, а есть голос его бытия, чистого, настоящего и поэт боится самого себя.

Ритм и темп включают образ поэта в действо. Сам же невидим и невидавший мир, незнающий, что есть в мире, ибо это знает только разум, как буфетчик свой шкап.

Буфетчик принимает настоящее и охорашивает свои предметы. Венера в поэтическом костюме, "могила в хризантеме", "он", "она", - все это обуто в особую высшую обувь ритма.

А самого поэта нет, есть мастер дел "обувных" и только.

Поэт не мастер, мастерство чепуха, не может быть мастерства в божеском поэта, ибо он не знает ни минуты, ни часа, ни места, где воспламенится ритм.

Может быть в трамвае, улице, площади, на реке, горе, - с ним будет пляска его Бога, его самого. Где нет ни чернил, ни бумаги и запомнить не сможет, ибо ни разума, ни памяти в данный момент не будет у него.

В нем начнется великая литургия.

Тоже дух, дух религиозный /мне кажется, что дух не один, а несколько, или может один, но попадая в индивидуальные особенности - по-иному говорит/.

Дух церковный, ритм и темп - есть его реальные выявители. В чем выражается религиозность духа, в движении, в звуках, в знаках чистых без всяких объяснений - действо и только, жест очерчивания собой форм, в действе служения мы видим движение знаков, но не замечаем рисунка, которого рисуют собой знаки. Высокое движение знака идет по рисунку, и если бы опытный фотограф сумел снять рисунок пути знака, то мы получили бы графику духовного состояния.

Церковный религиозный дух находится в таком же владении буфетчика, также обвешан значениями знаков, каждый знак превращен в символ чего то, стал недвижим, неуклюж, как носильщик. Носильщиком в данный момент и есть служитель, но в большинстве случаев служители церковные религиозного духа - носильщики, которые из нош сделали себе кусок хлеба.

Такие носильщики живут, как клопы в щелях, они не сбегут. Но есть служители, которые хотят служить по требованиям голоса религиозного духа и вошедшие в дом облеченный в багаж утвари церковной - бросают и бегут.

Люди, в которых религиозный дух силен, господствует, должны исполнять волю его, волю свою и служить, как он укажет, телу, делать те жесты и говорить то, что он хочет, они должны победить разум и на каждый раз, в каждое служение строить новую цековь жестов и движения особого.

Такой служитель является Богом, таким же таинственным и непонятным - становится природной частицей творческого Бога.

И может быть постигаем разумом, как и все.

Тайна - творение знака, а знак реальный вид тайны, в котором постигаются таинства нового.

Своим действом будит присущий ему дух в других и в этом пробуждении он приемствен и приемственность таинственна и непостижима, но реальна.

Подобный служитель, действующий, образует возле и кругом себя пустыню, многие боясь пустыни бегут еще дальше в глушь сутолки.

И через пустыню он по настоящему выйдет в народ и народ в него и если

народ почувствует родственность в себе его, воскликнет с ним каждый по иному, - но едино.

И будут едины, пока не сгорит служитель.

Тот, на которого возложится служение религиозного духа, - являет собой церковь, образ которой меняется ежесекундно. Она пройдет перед ними движущаяся и разнообразная.

Церковь - движение, ритм и темп - ее основы.

Новая церковь, живая, бегущая сменит настоящую, превратившуюся в багажный, железнодорожный пакгауз.

Время бежит и скоро должны быть настоящие.

В поэзии уже промчались бегом первые лучи нового поэта, свободного от искусства мастерства, легкого и свободного. Гортань его зеркально чиста и говор его чист и нет в нем вещей неуклюжих - ведь ужасен современный и прошедший поэт.

Черна гортань его, выползают слова-вещи: табурет, розы пахучие, женщины, гробы и тучи - это какой-то ящер, изрыгающий вещи, без разбору глотавший все.

Лучи нового поэта осветили буквы, но их назвали набором слов. Что можно без труда набрать сколько хочешь. Такие отзывы были среди мудрейших старейшин.

Пушкин мастер, может быть и кроме него много мастеров других, но ему почет, как старейшей фирме. Есть много мастеров других профессий и много старейших фирм - везде искусство, везде мастерство, везде художество, везде форма.

Само искусство - мастерство есть тяжелое, неуклюжее и по неповоротливости мешает чему то внутреннему, тому, о чем часто говорят мастера художественного "достигнуть трудно и нельзя", нельзя передать натуры и нельзя высказать себя.

Все искусство, мастерство и художество, как нечто красивое - праздность, обывательщина.

Самое высшее считаю моменты служения духа и поэта, говор без слов, когда через рот бегут безумные слова, безумные ни умом, ни разумом непостигаемы.

Говор поэта, ритм и темп делят промежутки, делят массу звуковую и в ясность исчерпывающе приводят жесты самого тела.

Когда загорается пламя поэта, он становится, поднимает руки, изгибает тело, делая из него ту форму, которая для зрителя будет живой, новой, реальной церковью.

Здесь ни мастерство, ни художество не может быть, ибо будет тяжело земельно загромождено другими ощущениями и целями.

Улэ Эле Лэл Ли Оне Кон Си Ан
О нон Кори Ри Коасамби Моена Леж
Сабно Оратр Тулож Коалиби Блесторе
Тиво Орене Алиж

Вот в чем исчерпал свое высокое действо поэт, и эти слова нельзя набрать и никто не сможет подражать ему.

-

Так говорил комиссар Казимир.

Убей меня Бог, в этом больше поэзии, чем во всем заведении /старейшей фирме/ мадам Ахматовой! Косноязычно, грубо, топорно /"бревенчатый Малевич" - Бахтерев/, но страстно и глубоко. Он видел: рот, гортань, звуки /звуковое начало поэзии/, но "рука" и "чернила" поминались лишь раз. Он слышал: из хаоса звуков и слов - возникала гармония - "О, если б без слов сказаться душой было можно!" - вопль классика - даже не стон.

Малевич пытался прорвать паутину /а она, падла, липкая, и в ней так удобно качаться/ и выйти в иные миры, сопредельные. И в пространстве - он вышел. А в звуке - тут дело за нами... Пойдут ли, из зыбки Ахматовой? - Мягко. Топор.

Игорь БАХТЕРЕВ

ЗНАКОМЫЙ ХУДОЖНИК

П.И.Соколову

Висит на шесте и крутится
мазков бесцельное собранье,
безвольное содружество частей.
На плоскости утраченной квадрата,
в несмелой охре распластав ладони,
садовник пятился давно.
Он поднимал гвоздику
и снова достигал настурцию,
уменьем толстых пальцев его создал сундук,
просторный как ведро.
Надо мной гуляет женщина
прозрачней, чем из древней Турции,
обширнее небесной суеты.
Она сказала тихо:
меня создал петух.
Передо мной сидит бревенчатый Малевич
с вытянутыми руками,
весь обструганный.
Его холсты шуршавые,
его слова мужицкие,
напоминают запах.
Вы смотрите у меня,
Юдин, Эндер и Стерлигов.
Грызите подрамники вежливо,
от первого до 318-го.
Они вас незатейливых всему научат.
Грызите да приговаривайте:
От и дж,
от и дв,
от и дрь.
Ах уж эти времена,
с такими большими и честными - ди,
поменьше - дж,
еще меньше - дв,
совсем крошечными и уморительными дрь и дзя.
Теперь со мной рядом
велосипедисты на кривых колесах,
рыбак с черной рыбой за спиной...
И опять передо мной садовник,
он жует календарь науки,
плюется некрасивыми буквами,
ругается некрасивым голосом
и говорит:
Дерсенваль кр кф.

Вот какой у меня знакомый художник!

1935

/Архив И.Левина/

Даниил ХАРМС-ШАРДАМ

НА СМЕРТЬ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА

Памяти разорвав струю,
Ты глядишь кругом, гордостью сокрушив лицо.
Имя тебе Казимир.
Ты глядишь, как меркнет солнце спасения твоего.
От красоты якобы растерзаны горы земли твоей.
Нет площади поддержать фигуру твою.
Дай мне глаза твои! Растворю окно на своей башке!
Что, ты человек, гордостью сокрушил лицо?
Только муха жизнь твоя, и желание твое - жирная снедь.
Не блестит солнце спасения твоего.
Гром положит к ногам шлем главы твоей.
Пе - чернильница слов твоих.
Трр - желание твое.
Агалтон - тощая память твоя.
Ей Казимир! Где твой стол?
Якобы нет его и желание твое Трр.
Ей Казимир! Где подруга твоя?
И той нет, и чернильница памяти твоей Пе.
Восемь лет прощелкало в ушах у тебя,
Пятьдесят минут простучало в сердце твоем.
Десять раз протекла река пред тобой,
Прекратилась чернильница желания твоего Трр и Пе.
"Вот штука-то," - говоришь ты и память твоя Агалтон.
Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.
Меркнет гордостью сокрушенное выражение лица твоего,
Исчезает память твоя и желание твое Трр.

17 мая 1935

УЛЛЯ, УЛЛЯ...

Художники пишут о поэзии, поэты пишут стихи о художниках. При этом: первые склоняются к благогласию, вторые - конструируют жестко. Одни от конструкций - уходят в "пластику" поэзии /подразумевая под ней бальмонтовско-хлебниковскую линию/, работая, в основном, на полугласных /Улэ Эле Лэл Ли - Малевича, У-Эл-Эль у Чашника/, другие переходят в цветаевскую дисгармонию взрывных и глухих согласных /дж дв дрь... кр кф - у Бахтерева, Трр и Пе - у Хармса/ - тема для обширного исследования.

Предвосхищая: "Улэ Эле Лэл" и "У-Эл-Эль" Малевича-Чашника - не "Труба ли марсиан" футуристов? "Улля, улля, марсиане!"

А и те - танцевали от Уэллса. "Улла... улла... улла... улла..." - раздавался этот нечеловеческий плач..." /"Война миров" в русском переводе/. Потом - и "Аэлита", там тоже был какой-то "луллабай" - лютики, ландыши, ласки любовные. "Дыр бул щыл" - поэтический манифест, "люли-люли" - художнический.

Помимо: что у Казимира, что у Розановой - французизмы, африканизмы, гишпанизмы /Коасамби Моена Тулож Коалиби Блесторе - Малевича, Вульгарк ах бульваров ... Вулье арабит - Розановой/, одна Степанова в книге "Гауст Чаба" заговорила лексикой и звуком Крученыха, но не без ориентализмов тож.

Словом, это так. Тема для размышлений. Об остальном - см. мою статью "Инфантилизм у футуристов", буде она когда появится /написать-то написана и отослана д-ру Марцадури в Италию/.

Но связь поэтов - художников - вот она, выше. Казимир - Велемир.

КНИГА

Вознесенский
Андрей Андреевич

Редактор
Э. Межелайтис

Художник
Вл. Медведев

Худож. редактор
К. Буров

Техн. редактор
Р. Соколова

Корректор
Л. Морозова

Книга – его любимое
поэта от земного
художника
Владимира Медведева
Дружба.

Афтограф В.Медведева, 1966.

KNIGA КНИГА

"Берешь книгу -
Видишь фигу!"

Каких только книг не было, начиная с Остромирова! Круглых, по-моему, и треугольных. Все пропорции прямоугольника уже были использованы. От книг, накарябанных на зернышке /полагаю, граната/ до высеченных в скальном массиве. И все же суть книги - не изменилась.

Что есть книга?

"Мысль заключена в письмена
Письмена в листы
Листы в переплет
Сиречь в книгу
А вкупе все - вивлиофика"

/Из стихов Емельяна Шишкова/

О советской книге говорить - грех, хотя культура книги, с до Петра начиная, процветала и процветает в России. Естественно, современная книга безобразна en masse. Но она и преследует, в большинстве, цели не эстетические, а политические. Особенно страшны были книги Сталинского периода, на которых мы выросли. От серо-безликих - до помпезно подарочных, книги эти, как нельзя лучше, отражали эпоху.

С хрущевской оттепели началось: в полиграфию полезли художники. Старики, духом воспрянув, выдавали новые. Рабле и Успенский Бориса Крейцера, выставленные в 60-х в ЛОСХе, сразили и поразили меня: харя Гаргантюа в разворот на мешковине, "Ты и твое имя" газетным коллажем - такого я еще не видел. Подоспели и новые силы: книги Епифанова, Селиверстова, Бисти, Збарского.

Прибалтика, не затронутая первыми годами соцреализма, быстро оправилась, и пошел белым по черному резать гравюры Красаускас /к Межелайтису и другим/, да там много их было, только все книги - не по русски! Сейчас вот получаю изысканнейшие издания классика эстонской поэзии , профессора Йейля, Алексиса Раннита - и здесь, на чужбине, сохранилась в строгом и суховатом изяществе культура скандинавской книги. Одно удовольствие подержать в руках! И что любопытно: характерная для прибалтов и Севера игра серого с линией /что в Ленинграде проявилось у долго жившего в Риге офортиста Валентина Левитина/. Но Раннит /и книги его/ будет у меня в 4-м, петербургско-ингерманландском томе.

В Москве книга стала кормушкой. Все ныне ведущие художники "нон-конформизма" - подрабатывали книгой. В основном, разумеется, в более грамотных научных и научно-фантастических издательствах: Юло Соостер, Инфанте, Кабаков, Янкилевский, Пивоваров, Брусиловский - это те, кого я знаю и люблю /исключая, пожалуй, Брусиловского/. Особенно славился московский "ДЕТГИЗ", где печатался Сапгир в оформлении Стацинского, Молоканова, Гороховского, Елисеева, Пивоварова, Курчевского и Серебрякова, Зальцмана, Монина - многих и не знаю, да и эти - фифти-фифти, половина говна. Многие детские книги были просто прекрасны.

Ленинградский "ДЕТГИЗ" был поконсервативней. Когда мы с А.Б.Ивановым пришли с нашими "Китобоями","Кочегаром" , "Фотографами" и "Музыкантами"/четыре книги за пару месяцев!/ по рекомендации Дара в "ДЕТГИЗ" /в начале 1973/, редактор Дора Борисовна Колпакова сказала нам с затаенным ужасом: "У нас даже есть свой левый художник, Светозар Остров!" Наши книги не были ни левыми, ни правыми, про-

сто веселыми и красивыми, и потому, ясное дело, не прошли. Ну, не больно-то и хотелось! 2 оригинала книг я сбагрил за границу, где они тоже никому не нужны, разве Нортону продать. Издают здесь такое же дерьмо - что Виктория Ровнер, что Нинель Воронель /хоть Нинель и с Бауэром!/.

Словом, не пошли наши книги. Тогда я уже не для детей, написал "Последнего точильщика", которого подарил Шемякину /см. в его каталоге/. А впрочем, где вы увидите этот каталог? Привожу, благо коротенькое:

Мясник на колоде конину рубил.
Мясник на конине топор затупил.
Он фартук снимает и басом кричит:
- Точильщик, точильщик, топор заточи!

- Пока до поры,
Точу топоры -
Чтоб туши рубить,
Старушек губить!

Дальше не пошло, но и так все ясно. Не "ДЕТГИЗА" для.

А в 64-м году познакомился я с Володей Медведевым. Приволок его Баталов, явившийся покупать мебеля к моей бывой супруге. Представляется: "Баталов!" "Кузьминский", - говорю. А потом начал: "Покупаю! Покупаю!", и тычет пальцем, куда ни попадя. Ах, ты, думаю, сука - покупаешь, а мы продаем! И жена его, Гитана, цыганка, цирковая наездница /она в 25 лет на пенсию вышла, поскольку на манеже была - с 5 лет!/ рядом мурлычет: "Алёоошенька, ведь я же ничего не понимааю, ты уж сам решай!" А тот все покупает. Подарил я ему сотен пять отливок камей - ванну и сортир украсить, не продавать же! А потом - смотрю, смотрю на него: "И где это, говорю, я вас видел? Вроде, вы на кого-то похожи, на актера какого-то!" У Алеши челюсть отвисла, а Медведев хохочет. Медведева я полюбил, да еще и до этого, за "Треугольную грушу". Он еще сделал блестящую "Музыку" Винокурова, а в сборник Роба Рождественского - сам мне говорил - фото живого СТУКАЧА влепил, под стихами о "прислушивающихся"! Стоит там, друг, под балконом, пальто с барашковым воротником, шапка такая же, спиной, ноги расставил, руки в карманы упер. Потом-то я их насмотрелся, а тогда было внове. Хулиган, однако, Володя! Подарил ему кучу лубков, поскольку говорили за них и за Родченку-Лисицкого, а он мне - Андрея и Роба, надписав. Тогда он был художником, но уже, начиная с компромиссной Ахматовой /с Модильяни которая/, сошел, полагаю, на нет. С 60-х о нем и не слышал, разве от Анюты, с которой у него был роман.

Отчим Анюты, Роман Альбертович, "чайник", менял первоиздания 10-х на новых: Збарского там, и прочее. Кому-то, однако, надо и новых сохранять, хотя и тиражи у них - миллионные! /"Треуголка", к примеру - 50 000/.

В Ленинграде же - делал блестящие вещи Шемякин. Помимо неопубликованных иллюстраций к Эдгару Аллану По, Шарлю Бодлеру, Гоголю и Достоевскому /последние, вроде, хранятся в музее Достоевского, там много чего из новых/, единственные 2 книги, которые Шемякину удалось оформить и увидеть, были сделаны перед самым его отъездом. Одна из них проскочила незамеченной, А. и Ч. Центкевичей, "Человек, которого позвало море", с польского, книга об Амундсене /Гидрометеорологическое издательство, Л., 1971, тираж - 60 000/, где Шемякин продемонстрировал свое увлечение искусством чукчей /я ему потом книгу Богораз-Тана,"Чукчи", в микрофильмах, в Париж через Техас переправлял!/, а главное - ухихикивался: насовал МАСОНСКИХ знаков на советскую обложку /когда ВСЕ книги про масонов запрещены - почему бы это, а?/. Но внутри иллюстрации тиснули на той же газетной бумаге, отчего

они невероятно проиграли в качестве /нужна бы - меловая!/. Но художник у нас не выбирает бумагу, а если и выбирает - то, как со второй его книгой, "Испанской классической эпиграммой" /в переводе ученика Т.Г.Гнедич В.Васильева/ - книга-то получила какие-то там призы, треть тиража за кордон пустили, но на весь тираж не хватило зеленого голландского заменителя кожи, выбранного Шемякиным, и остатнюю часть - пустили в белом советском дерьмантине! Книга эта на прилавках и не была. Шемякину, и тому, "авторские" копии - я доставал через знакомых и друзей, всех пограбил! У жены была - у жены отобрал: автору же - нужнее! Эскиз, жене подаренный, к одной из иллюстраций, у меня кто-то - при пересылке /или все еще - там?/, но интересно было наблюдать, как Шемякин трансформировал свой стиль - от немецко-гофмановского Петербурга - к "Галантному веку" Петра и Екатерины /серия гравюр/ - потом некий экивок в сторону Франции /изыск на имевшемся у меня эскизе/ и - огрубление тех же форм в испанской эпиграмме. Есауленко назвал Шемякина "музейным" художником /помимо рабочего-оформителя в Эрмитаже: "Мальчики, отнесите, мальчики передвиньте, мальчики, расчистите снег, мальчики, выбейте тапочки и т.п."/ , Шемякин весь в искусстве прошлого, всех веков и народов - в Вене водил меня по Египту - это была экскурсия! Свой метафизический петербуржский стиль он создал, но "Аполлон-77", предпринятый нами двумя - требовал принципиально другого решения, путем обилия и разнородности материалов и на мой /и не на мой/ взгляд, не получился. Редактора не было на Мишу! Как в Союзе.

Здесь уже Шемякин оформлял, помимо всякого говна /по дружбе/, вроде Бетаки-Глезера-Терновского-Синявского, еще и Хвостенко. Книга Шемякина с Хвостом у меня приводится в материалах Хвостовых. Это уже не книга, а произведение искусства, альбом. Я-то знаю, что Шемякин использовал тексты Хвоста для иллюстрации трансформации своих метафизических идей, но читатель не знает. Книга эта, если сравнивать примитивно /читателя доступно для/ - вроде серии рисунков быка у Пикассо - трансформация от реалистического изображения до беспредметного. Только тут - не бык, а идеи. В конце уже имеются просто символы /интересно их бы сравнить с символическими знаками Ильи Бокштейна, но я не спец и не эксперт/. Здесь уже бумагу Шемякин выбирал сам.

Далеко нам еще до коллекционных изданий Ильязда /Ильи Зданевича/, Марка Пессена и Дитера Рота. Ни денег, ни меценатов. И поэтому Анри Волохонский карябает на медных досках свои стихи, вместе с художником Путовым, которые потом - "тискают собственноручно" тиражом 100 копий. Или просто пишет от руки затейливым почерком, а потом на сером картоне печатает Xerox'ом. Вот и все возможности. А идеи есть.

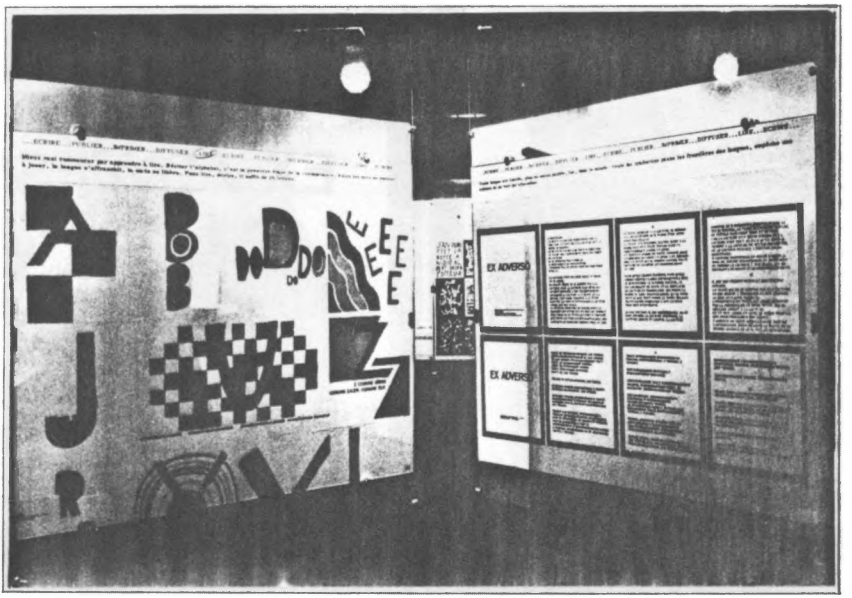
Вилли Бруй с Капеляном создали полиграфическим путем "просто книгу", Об этой книге и пойдет речь. Я знал Вилли Бруя, как блестящего графика, еще по "Лавке художника" в Ленинграде. В середине 60-х видел там его черно-белые беспредметные композиции в духе Габо, которые, как день-ночь, отличались от приглаженной серятины членов Комбината и ЛОСХА. Запомнил навсегда. И уже здесь, увидел его книгу "EX ADVERSO", на титульном листе которой значится: "Изготовлено ручным способом девять копий. Ленинград 1969." На заглавном: "Инвенция и исполнение - В.Бруй. Междусловие - Д-р Грабов." В Париже ее тиснули тиражом в 100 копий, и Вилли подарил мне экземпляр №71. Казалось бы, после Родченко-Лисицкого, после "Гауст Чаба" Варвары Степановой - ничего больше и не придумаешь, разве в развитии и трансформации традиционных форм, но эта книга - поразила меня. Помимо объемной графики Бруя, тут еще и совершенно концептуальный "Текст, не предназначенный для чтения" Грегори Капеляна /он же - Д-р Грабов/. Книга абсолютно современная и здесь, в антологии, она у меня воспроизводится целиком, равно и некоторые другие тексты Д-ра Грабова.

Однако, это, все-таки - книга.

Грегори Капелян с младенцем /и он же с женой/ на углу ул. Ленина и Большого проспекта Петроградской стороны.

Вилли Бруй у себя.

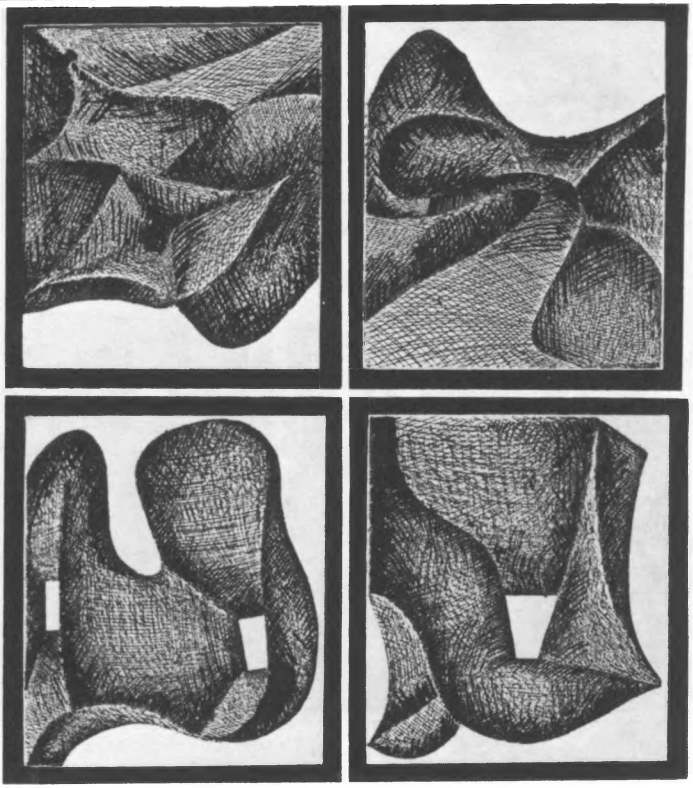

EX ADVERSO
EX ADVERSO

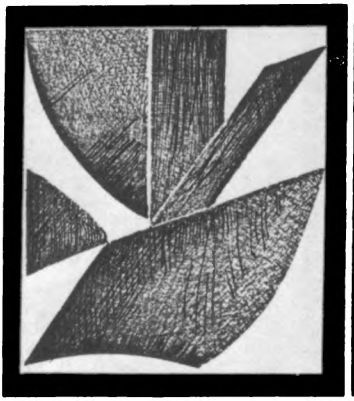

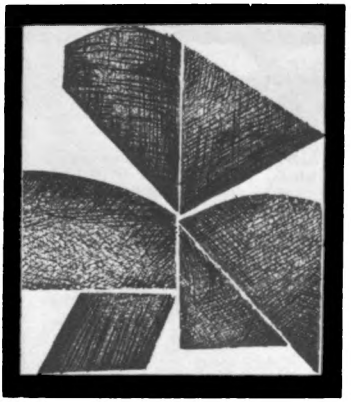
ИЗГОТОВЛЕНО РУЧНЫМ СПОСОБОМ
ДЕВЯТЬ КОПИЙ. ЛЕНИНГРАД 1969.

EX ADVERSO

ИНВЕНЦИЯ И ИСПОЛНЕНИЕ – В. БРУЙ
МЕЖДУСЛОВИЕ – Д. ГРАБОВ

LISSEUSE ET Ô COMBIEN! LASSANTE, D'AVEC LE TEXTE TEXTUEL, LE TEXTE TEXTURÉ ET TRITURÉ, LE TEXTILE SANS CESSE TISSÉ ET MÉTISSÉ.
CAR LA LECTURE D'UN TEXTE ENNEMI DE LA LECTURE N'EST TOUT AU PLUS QU'UN ENTRAÎNEMENT À LA LECTURE DE TEXTES INDOMPTÉS, OÙ LE LECTEUR S'EXERCE À ESSUYER LEURS REBUFFADES.
Ô LECTURE TEXTOPHILE ET TOUTE D'ABNÉGATION, DE TEXTES TEXTOPHOBES ET REVÊCHES! TU FORMES LE LECTEUR À TON IMAGE, LUI ENSEIGNANT L'HUMILITÉ ET LE DÉSINTÉRESSEMENT

III

IL EST DES TÉMOINS MUETS ET DES TÉMOINS BAVARDS.
UN TEXTE QUI NE SE DESTINE PAS À LA LECTURE EN EST RÉDUIT À TÉMOIGNER DE SON ABSENCE AU PRIX D'UN LONG DISCOURS.
L'INEXISTENCE DU TEXTE EST ALORS ATTESTÉE PAR LA PRÉSENCE DE CE MÊME TEXTE, QUI SE DÉCLARE ABSENT À LA LECTURE.
EN UN MOT COMME EN CENT, LE TEXTE N'EST LÀ QUE POUR PROCLAMER SON NÉANT.
L'ABSENCE DE TEXTE DÉCOULE DONC BIEN DE L'AFFIRMATION, ÉNONCÉE DANS LE TEXTE, DE SA PROPRE ABSENCE, CE QU'IL FALLAIT DÉMONTRER

ТЕКСТ, НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ЧТЕНИЯ,
ТЕКСТ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ НЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ,
НЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ТЕКСТ
ТЕКСТ, НЕ ПРЕДПОЛОЖЕННЫЙ ЧТЕНИЯ,
ТЕКСТ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИЙ ЧТЕНИЮ.
ТЕКСТ, ПРЕДПОЛОЖЕННЫЙ НЕЧТЕНИЯ,
ТЕКСТ, НЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

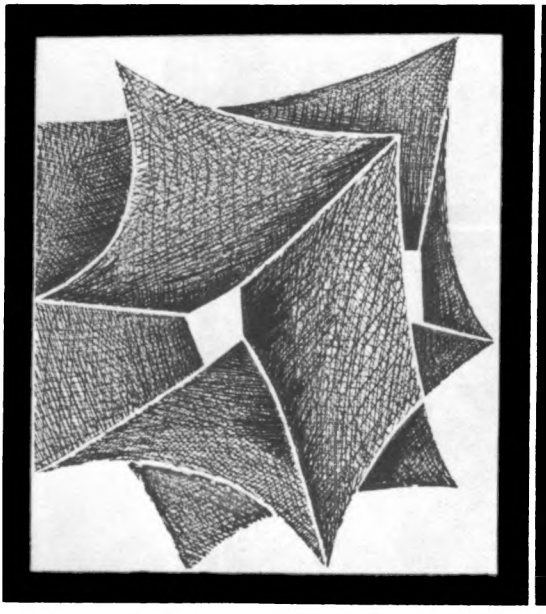
ЧТЕНИЯ НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ТЕКСТА.

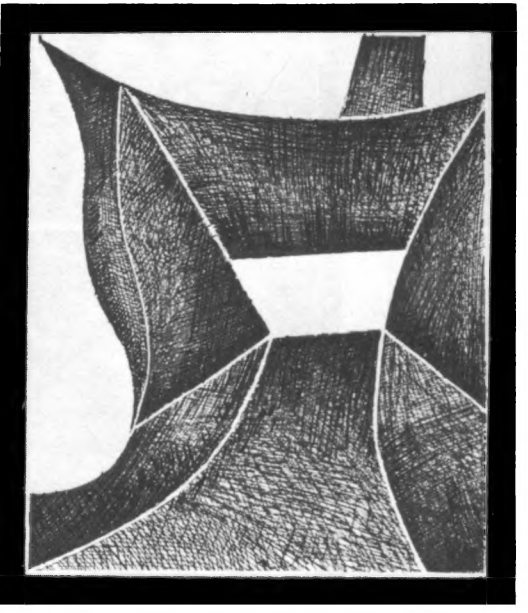
ФУНКЦИЯ ЧТЕНИЯ НЕПРИМЕНИМА К ТЕКСТУ,
НЕПРЕДНАЗНАЧЕННОМУ ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

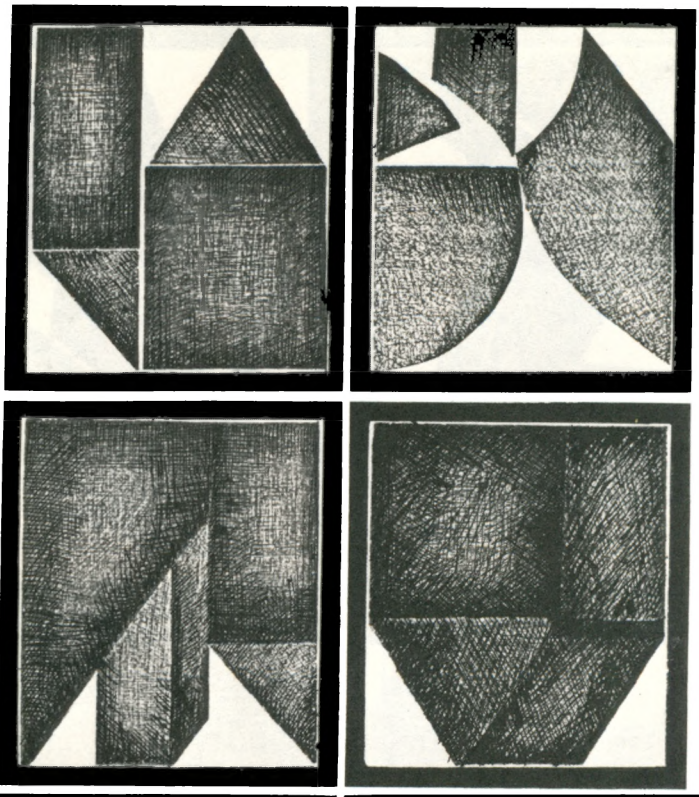
ФУНКЦИЯ ЧТЕНИЯ, ПРИМЕНЕНИМАЯ К ТЕКСТУ,
НЕПРИМЕНИМУЮ К ЧТЕНИЮ, НЕ ОТВЕЧАЕТ
ФУНКЦИИ ТЕКСТА, НЕПРЕДНАЗНАЧЕННОЙ
ЕМУ ЧТЕНИЯ.

ЧТЕНИЕ КАК ПРОЦЕСС, ПРИМЕНИМЫЙ К
ТЕКСТАМ, ФУНКЦИЯ КОТОРЫХ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ ИХ ПРОЧТЕНИЕ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЧТЕНИЕМ,
ОСТАЕТСЯ ПРИМЕНЕНИМОСТЬЮ О НЕПРИМЕНИМОСТИ ЧТЕНИЯ
К ТЕКСТАМ, ОСВОБОДИВШИМ ОБ ИХ НЕПРИМЕНИМОСТИ К ЧТЕНИЮ.

I

II

ТЕКСТ, ОТРИЦАЮЩИЙ ПРИМЕНИМОСТЬ ТЕКСТОВ, НЕПРИМЕНИМЫХ К ЧТЕНИЮ, К ЧТЕНИЮ.

ТЕКСТОПОДОБНЫЙ ТЕКСТОИД В КНИГООБРАЗНОМ БИБЛОИДЕ.

ТЕКСТООБРАЗНЫЙ ТЕКСТ В КНИГОПОДОБНОМ ОБЪЕКТЕ, НАПОМИНАЮЩЕМ КНИГУ, НЕ ПОДЛЕЖИТ ЧТЕНИЕПОДОБНОМУ ЧТЕНИЮ.

ТЕКСТООБРАЗИЕ ТЕКСТОПОДОБНОГО ТЕКСТОИДА И ЧТЕНИЕПОДОБИЕ ЧТЕНИЕОБРАЗНОГО ЧТЕНИЯ, НЕ ПРИМЕНИМЫЕ ОДИН К ДРУГОМУ, КАК НЕПРИМЕНИМ ТЕКСТ, НЕПРИМЕНИМЫЙ К ЧТЕНИЮ, К ЧТЕНИЮ.

ЧТЕНИЕ, ПОДОБНОЕ ЧТЕНИЮ ТЕКСТОВ, НЕПРИМЕНИМО К ТЕКСТОПОДОБНЫМ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯМ, ОТРИЦАЮЩИМ ЧТЕНИЕПОДОБНОЕ ИХ ПРОЧТЕНИЕ.

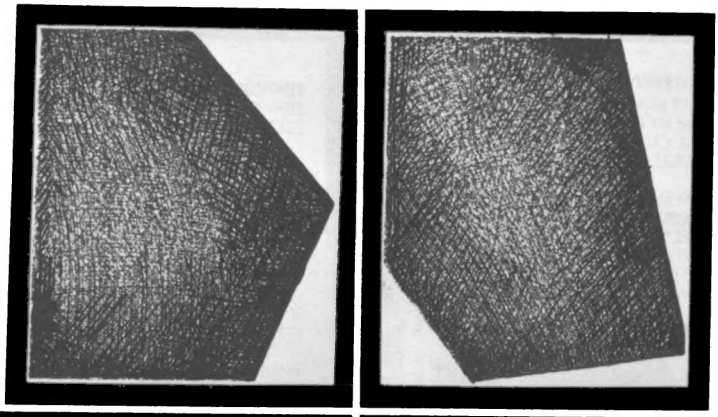
ЧТЕНИЕ ТЕКСТА, НЕПРЕДНАЗНАЧЕННОГО ДЛЯ ЧТЕНИЯ, ЕСТЬ УПРАЖНЕНИЕ В ЧТЕНИИ НЕПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ,

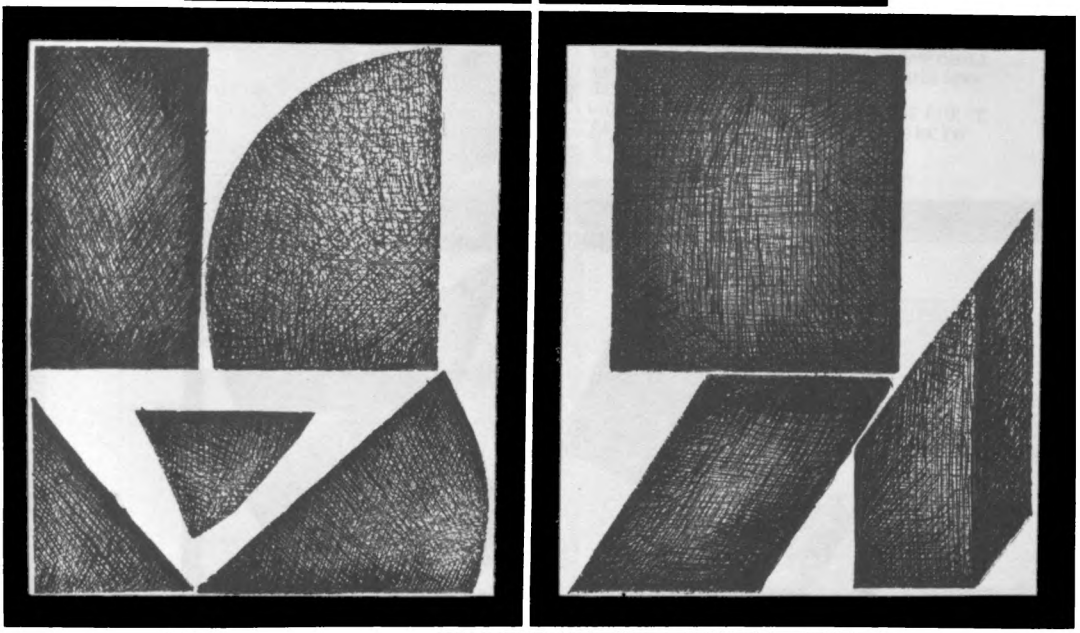
II

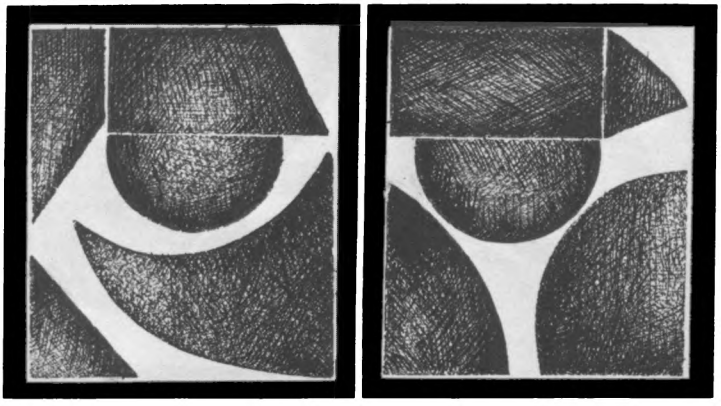
CE TEXTE, REBELLE À LA LECTURE, SE HÉRISSE À LA SEULE PENSÉE QU'IL PUISSE ÊTRE APPRI-VOISÉ PAR CELLE-CI.
UN TEXTE? UN TEXTOÏDE, PLUTÔT, ÉCRIT À LA SEMBLANCE D'UN TEXTE, ENCLOS DANS UN OBJET FABRIQUÉ COMME UN LIVRE.
UN TEXTE EN FORME DE TEXTE, CONFINÉ DANS UN BIBLOÏDE QUI IMITE UN LIVRE À S'Y MÉPRENDRE, UN TEXTE QUI SE REBIFFE CONTRE TOUTE LECTURE DE LUI-MÊME QUI RESSEMBLERAIT AU LIRE.

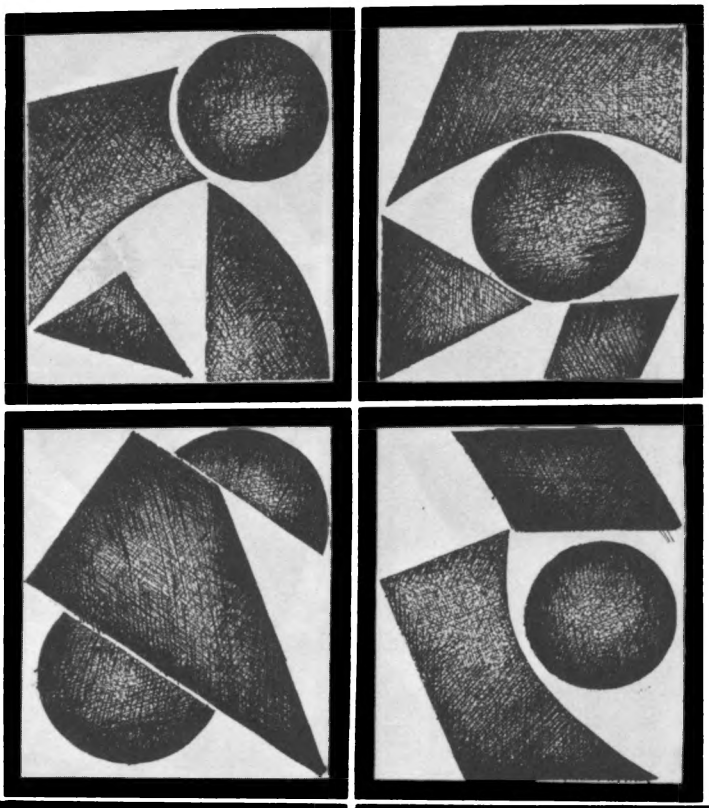
DANS QUELS CHAMPS FIXSÉENS, DANS QUELS LIMBES CRÉPUSCULAIRES POURRAIENT-ILS BIEN SE RENCONTRER, CE FANTÔME TEXTUEL, CE FAUX-SEMBLANT DE TEXTE, ET LE SIMULACRE DE LECTURE EN TROMPE-L'ŒIL QUI PRÉND LA FORME DU LIRE? INCONCILIABLES, ILS SE TOURNENT LE DOS, TOUT COMME LE TEXTE RÉCALCITRANT FAUSSE COMPAGNIE À SON LECTEUR TROP BIEN INTENTIONNÉ.

LE MAL EST FAIT: IL EST IRRÉMÉDIABLE. ILS SE SONT SÉPARÉS, LA LECTURE TEXTIVORE, LA LECTURE LISEUSE ET LISANTE, LA LECTURE

I

A CONTRARIO
CE TEXTE N'A PAS ÉTÉ ÉCRIT POUR ÊTRE LU.
NON, NON, CE N'EST PAS À LA LECTURE QUE CE TEXTE SE DESTINE.
CE TEXTE FUT ÉCRIT À DE TOUT AUTRES FINS.
CE TEXTE, TOUT BONNEMENT, N'EST PAS OBJET DE LECTURE.
IL NE DEMANDE PAS À ÊTRE LU.
IL REVENDIQUE SA NON-LECTURE.
N'INSISTEZ PAS; CE TEXTE N'EST PAS FAIT POUR ÊTRE LU.

LA LECTURE N'EST PAS FAITE POUR UN TEXTE DE CE GENRE.
QUAND UN TEXTE NE SE DESTINE PAS À LA LECTURE, C'EST LA LECTURE ELLE-MÊME QUI DEVIENT IMPROPRE À SON DÉCHIFFREMENT.
APPLIQUER LA LECTURE À UN TEXTE QUI LA RÉCUSE, C'EST FAIRE VIOLENCE À CE TEXTE INSOUMIS, QUI REFUSE D'ENVISAGER LA LECTURE COMME SON BON USAGE.
LA LECTURE OMNIVORE DE TEXTES DONT LA FONCTION EST D'ÊTRE LUS N'A RIEN DE COMMUN AVEC CELLE DE CE TEXTE, QUI POSE EN PRINCIPE QUE TOUTE LECTURE LUI EST INAPPLICABLE, DÈS LORS QU'IL SE PROCLAME IRRÉDUCTIBLE AU LIRE.

III

ТЕКСТ, НЕПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ЧТЕНИЯ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СВОЕ ОТСУТСТВИЕ.

ОТСУТСТВИЕ ТЕКСТА ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНО В ПРИСУТСТВИИ ТЕКСТА, ОБЪЯВИВШЕГО О СВОЕМ ОТСУТСТВИИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

НАЛИЧИЕ ТЕКСТА ВСКРЫВАЕТ ЕГО ОТСУТСТВИЕ.ПРОВОЗГЛАШЕННОЕ В ЕГО НАЛИЧНОСТИ.

ПРИСУТСТВИЕ ТЕКСТА ОТРИЦАЕТ ЕГО НАЛИЧИЕ.

ОТСУТСТВИЕ ТЕКСТА ДОКАЗАНО ПРОВОЗГЛАШЕННЫМ В ТЕКСТЕ ОТСУТСТВИЕМ ТЕКСТА.

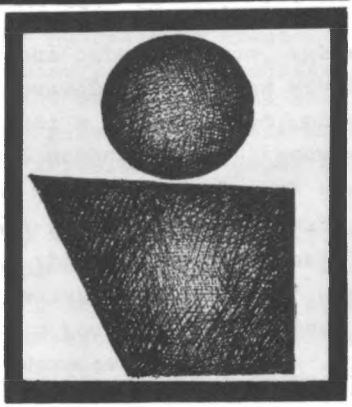
ПРОИЗВОЛЬНОЕ УПРАЖНЯЮЩИМСЯ В ПРОЧТЕНИИ ТЕКСТОВ, НЕПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

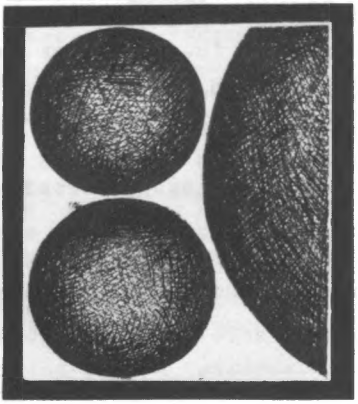
ТЕКСТОФИЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ ТЕКСТОФОБНОГО ТЕКСТА.

LA PREMIÈRE ÉDITION DE CET OUVRAGE A ÉTÉ RÉALISÉE À LENINGRAD EN 1969, ET COMPRENAIT NEUF EXEMPLAIRES, ENTIÈREMENT GRAVÉS ET TIRÉS À LA MAIN, POUR LE TEXTE COMME POUR LES EAUX-FORTES. LA PRÉSENTE ÉDITION, FAITE À PARIS EN 1976, REPRODUIT, SAUF POUR LE TEXTE FRANÇAIS, L'ÉDITION ORIGINALE.

EX ADVERSO

CONCEPTION DE L'OUVRAGE ET EAUX-FORTES DE WILLIAM BRUI.
TEXTE RUSSE DU DOCTEUR GRABOV.
TEXTOIDE FRANÇAIS D'ANDRÉ BERELOWITCH.

Анкета.

I.Капелян Григорий Исаакович.
2. I940. Ленинград. Отец - книжный график, мать домохозяйка.
3. В I963 году окончил искусствоведческий факультет Академии художеств в Ленинграде.
4. В России - типография, музей, завод, Инспекция по охране памятников Ленинграда, Комбинат декоративного искусства.
За границей - библиотека, склад кож, бюро переводов, лаборатория подопытных животных.
5. Статьи по искусству в журналах "Нева" /Ленинград/ ,"Декоративное искусство СССР"/Москва/ - примерно с I964 по I974 г.
Текст к "Экс Адверсо" Бруя - Ленинград, I969 и Париж, I976 .
В октябре 80 обещан номер журнала ДОК/К/С с моим текстом "Пост скриптюм рюсс" /Мулен де Вентабрен, Франция/
Статья о Бахчаняне должна быть во втором номере журнала АЯ /Париж/.

Выставки:

Молодые художники Ленинграда", I972. Керамика.
Несколько весенних и осенних выставок Ленинградского Союза художников примерно в I974 - 76 гг. Керамика.
Всесоюзная выставка керамики, Вильнюс, I975.
Одна композиция, Ленинград, I977. Керамика.
Ленинградская керамика, I977. Керамика и графика.
Текст "Экс Адверсо" выставлен был в экспозиции "Сделать книгу", в Центре Помпиду в Париже в I977 г.
Рисунки - на выставке Русского фестиваля в Амхерсте,Массачузетс, в I979 г.
Рисунки на футболках - выставка /постоянная/ - Грейт американ ти-ширт, Ти-ширт Гэлери, Нью Йорк.
6. Вопрос, на который трудно ответить... Я благодарен многим людям, с которыми меня связывали взаимная симпатия и общие темы, это были не только интеллигенты, но и простые люди. Все они заслуживают более чем упоминания и поверхностной характеристики, и, если б я задался целью воздать им должное, то это означало бы довольно значительный и тяжелый литературный труд, на который я сейчас не способен. Я способен, однако, заранее оценить низкое качество того, что вышло бы у меня из под пера, возьмись я отвечать на этот вопрос в моей теперешней ситуации.

7,8,9. Мне не случалось быть завсегдатаем домов, которые можно было бы назвать салонами.

I0,II. Отвечу на оба пункта сразу, т.к. духовные учителя и учителя в искусстве, на мой взгляд, одно и то же. Может быть, второй вопрос имеет оттенок более касающийся ремесла, но в моем случае это не играет какой-либо роли, так как я не учился ни в литературном институте, ни в поэтическом техникуме, что касается изобразительного искусства, то там я тоже большей частью самоучка.

Мне кажется, что в какой-то мере любой из прочтенных авторов может считаться учителем. Даже идеологически противный мыслитель способен произвести материал, могущий быть аклиматизированным в огороде особого опыта отдельной личности. Этим я объясняю увлечение, к примеру, Мао-Дзе-дуном среди молодежи 60 -70-х годов. Вскоре следует ожидать выхода в свет, на этот раз, наверное, зелененького цитатника айятоллы Хомейни. В связи с чем можно представить новое поколение "вуман либерейшн" 80-х годов, демонстрирующих по Пятой авеню в чадрах.

Для меня главной всегда была русская литература - не потому, что я считаю её выше прочих, а только в силу того, что она написана на том языке, на котором я думаю и пишу. Список моих героев будет христоматийным.

I2. Моя жизнь не была богатой событиями. Наверное, лет с I5 до I8 /I955 - I958 / я сделал наибольшее количество открытий в духовной сфере бытия.

I3. Не могу сказать.

В Америку прибыл обычным путем "третьей эмиграции", через Вену и Рим, в I978 г. Ностальгией не страдаю, разве что в латентной форме.

Впечатления от Запада еще не отстоялись, чтобы делать какие-то обобщения. Когда одна американка спросила меня, как я чувствую разницу в местонахождении здесь и там, я не нашел ничего ответить кроме: " Когда в России идет дождь, мы виним в этом правительство, здесь дождь падает непосредственно из тучи , и в этом мы виноваты сами"

Г.Капелян.
октябрь I980.

Таковы предметы и тексты, очертания и следы, изваяния и их тени, слова и их смыслы, камни и оставшиеся после их изъятия пустоты.

Таковы знамения и жесты, предчувствия и сомнения, и взгляды, ищущие в пространстве подтверждения своей способности видеть.

Эта жажда неутолима, потому что жаждут испытывать её вечно.

Эта пища неиссякаема, потому что она несъедобна.

Но, ищущие вечности, знают ли они значение этого слова?

Молча колдуют незрячие звездочеты, они не знают звезд, небо в их душе. Их предсказания невыразимы, язык слов обманывает, слова бросают некажущие тени на собственный смысл, пророки предрекают уже свершившееся, их адепты приуготовляют себя к мгновению, которое уже упущено.

В предчувствии несотканной ткани, которая лежит перед ткачом безмерным покрывалом небес, политых млечным соком из переполненной груди праисторической кормилицы, не дождавшейся рождения первого в мире ребенка, когда, в предчувствии несотканной ткани, у которой нет ни начала, ни конца, остается только создать ее из нитей собственного несозданного бытия, когда?

Вот, разочарованный оратай, чей праздный плуг чернеет на обочине этих вспаханных и засеянных ~~ложью~~ страниц, захлопывает книгу и, спасаясь, восклицает: как ловко скрывается бесконечность в скорлупе небес, тщетно продырявленных звездами!

Когда, устав от зрелища пустыни, являющей собой толченые горы, в которых сухая змея прокладывает свой чуждый путь, обратя взоры к небесам и вернув их земле благодарными и разочарованными, как предсказал Магомет, вот тогда перед тобой встанет несотканная ткань из хлопьев бытия, недождавшихся прядки.

Ибо ни воздух, ни вода, ни ил, ни черная грязь городов, ни сам ты, с пустыми твоими руками о десяти пальцах, считающих твои упущенные мгновения, не помогут тебе.

Тогда вслушайся в бормотание незрячих звездочетов, вглядись в изменчивые, пляшущие тени слов, раскрой бесплодную пашню книги, и неутолимая твоя жажда исполнит тебя благодарностью.

И, по стопам заблудившихся странников приступи к сооружению этой ткани; сотки, разрежь, раскрои, завернись в покрывало своей несотканной ткани и отправься в предрешенный путь.

Встретят тебя колдующие и толкующие, взоры которых устали возвращаться вспять от непроницаемой тверди небесной к толченым горам пустыни.

Они будут спорить о цвете ткани, о покрое, наконец, об униформе, но ткань будет в небесах, в хлопьях облаков, не дождавшихся пряжи.

Вот мудрейший старец воздевает очи горé... и призывает на молитву. Они становятся коленями в остывший песок, и черное небо, посыпанное солью, вздулось над ними от неземного ветра, от неослабного ветра вселенной.

Он шевелит беззвучными губами, и ткачи, колдуны и звездочеты повторяют за ним, силясь угадать слова, которые он не произносит. И нестройный гул голосов, извлекающих слова из темной бесконечности толкований, сливается в поток, уносимый ветром.

Ты встал на пороге и стучишься в их молитву, но грохот их слов, ливень их слов преграждает тебе путь.

Тогда громко пой ты песню, принесенную из-за твоих рассыпавшихся и истолченных гор.

Когда, - пой ты, - в преддверии несотканной ткани, в предчувствии куска материи, вздувшейся над пустыней безмерным покрывалом небес, продырявленных и изъеденных солью, когда, в предсмертии несотканной ткани, поешь ты песнь о ней, скажи, когда?

Таковы слова и сомнения в их истинности, такова истина и её многочисленные одеяния из несотканной ткани несозданного бытия, таковы тени и их предметы, и предметы, на которых эти тени лежат, и пустота, в которой тень растворяется без следа, таковы звуки и их, и чужое эхо, таковы эти строки

и эти поля, оставшиеся невспаханными, и эти листы, исполненные облегченного вздоха, ибо они стряхнули с себя тяжесть тиснения состоявшихся очертаний.

УТОПИЯ

В одном не заслуживающем дове[illegible]ия путеводителе по остр[illegible]овам
...ецкго архипелага
Я прочел описание гигантского дерева,произрастающего
в единственном экземпляре
В стране под названием Метан
/Поскольку, как известно, есть Бутан, Катар и Тартар - имеется в виду
не соус -
Почему бы и не Метан, так, наверное, решил составитель этого
бедекера/
Это бесплодное, но плодоносящее бессеменными плодами дерево
Имеет ствол, достаточный, чтоб вырезать в его толще,
Согласно подсчетам специалистов по жилищному кризису,
Тысьсотсепьстиквартирный дом.
Его корни, поскольку растет это дерево на острове, где никогда
не бывало дождя с тех пор как там сьсотсяцать лет назад
Воцарилась изгнанная откуда-то династия Сцепенидов
Первоцарствовавшие короли которой окончательно разогнали
мрачные тучи внешней опасности,
Его корни, поскольку растет оно, повторяю, на земле, давно /см.выше/
не орошавшейся ни дождем, ни искусственным путем
Корни его, надо, наконец, сказать, в поисках грунтовой воды,
коей тоже нет,
Уходят так глубоко в толщу земной коры,
Что проникают аж до нефтеносных слоев,
Отчего и дерево это питается, как вампир, горячей нефтяной кровью земли
другие же полагают, что газоносный горячий гейзер
струит свой кипяток по капиллярным сосудам дерев
Горячее вечнозеленое дерево, плоды его уже вареные плоды,
похожие на мясо и ямс.
Это дерево обогревает остров [illegible]же сытьсотсят лет
И король из дома Сцепенидов /венгерского, гуннского, что ли
происхождения и,вроде бы,зороастрийского
вероисповедания/
Вкушает его плоды под обожающими взглядами верноподданных,
Обжигая пальцы, перекатывая во рту горячую ктофелину.
По вечерам же население устраивается на ночлег в кроне дерева,
Наподобие птицы-ткачика заворачивается на ночь в горячие листья,
"Как голубцы, как голуби, голубчики мои," - ласково говорит король.

Увлажнившимся взглядом, облизывая пальцы, оглядывает он
копошащихся в листве подопечных
Чувствуют они себя прекрасно там, вдыхая нефтяной аромат,
И инспекторы летают вокруг, подобно монгольфьерам, поднимаемые вверх
постоянным потоком горячего воздуха.
Они наблюдают за исполнением правил общежития, которые, впрочем,
никогда не нарушаются,
Улыбаясь направо и налево выглядывающим из под листьев
счастливым засыпающим
Безвредным листоверткам, вполне антропоморфным представителям вида
хомо сапиенс, эректус, если угодно.
Счастливым туземцам, гордящимся своим баснословным деревом.
А вокруг вьются насекомые, которым тоже хочется тепла,
Мириады светящихся насекомых обволакивают крону дерева,
Обеспечивая надлежащее освещение,
Что вовсе не беспокоит население.
И кажется, что эти насекомые - что-то вроде электрического поля
вокруг людей, вроде каких-то свободных элементарных
частиц плоть от плоти людской.
А внизу, подогретый трубой, представляющей собой пригнутую к земле
длинную ветвь дерева ,
Стоит дворец короля.
И днем и ночью там праздник.

Джерси Сити,
1980

Не лепо ли ны, и не гоже ли нам - не угадать
В славянских потёмках, окутавших случайно не тот лес,
Оказавшийся преднамеренно нарисованным Арнольдом Бёклином.
Из соснового дреколья с ломкими и сыпкими, как порох, ветками,
Где на подержанном единороге
Дева в соку, с тяжелой задницей, любимой символистами,
Оставившими на время морскую слизь,
Нет - не пену, из молекул которой скалькулировали Афродиту,
А слизь они оставили на время,
Отряхнув с белых эмалированных пальцев бердслеевские водоросли,
И направились на прогулку не в Афины, а в финский деревянный лес.
Там за оранжевыми стволами, озаренными нестерпимым и бесполезным
солнцем,
Заблестели цветные стекла /зеленое, фиолетовое, желтое/
дачного обиталища
Любителя крепкого приторного чая /на три четверти стакана в
серебряном, стиля "югенд", конечно, подстаканнике/
В толстовке, подпоясанной узким ремешком,
Он стоял на крыльце и курил папиросу - от слова "папирус",
Почему я и представляю его в египетской позе -
Туловище в фас, а лицо в профиль,
Одна рука опирается на перила,
Другая, согнутая, поднята вверх
И держит эту папиросу, происходящую от свертка папируса.
Таким мы его и застали,
Торопясь, ступая по мху или сосновым иглам,
Мы шли к нему, чтобы побеседовать
О судьбе человеческой,
Которая решается на земле и в небесах,
В окопах и фанерных аэропланах, роняющих гладкие, тяжелые,
черные изделия черной металлургии и тяжелой
промышленности
И в то время как сырые серые шинели, покрытые росой,
Источали усталый потный пар
Под лучами неуместного солнца,
Выходили из под пресса испещренные предсказаниями пещерного
будущего страницы,
Их авторы пытались воздействовать на нашу судьбу,
Сознательно или подспудно, каждый из них сочинял книгу судеб,

Цусима, Перл Харбор, Баб-эль-Мандеб,
Босфор, Каттегат, Скагеррак, Дарданеллы,
Перемышль, Житомир, Лувен,
Горящая пламенеющая готика горящего готического собора
Первой мировой войны,
И женские слезы, пролитые на растворимые водой чернила поэзии,
Оплакивающей гибель.
Фамилия Шепкиной-Куперник, напоминающая фамилию Книппер-Чеховой,
Рука поэтессы с манжетом из черных /брюссельских?/ кружев ,
Её черная челка, цвета, конечно, воронова крыла,
И птицы, чьё присутствие на полях сражений,
Чьё собрание на полях сражений /и на полях этой страницы/
Единодушно голосовало
За институирование состояния войны в качестве дополнительного
штата в, казалось бы, укомплектованной
экологической общности,
В качестве /как галдели они/
Пятого времени года.
Сенокос високосного года,
Опасная, злоумышленная зрелость злаков,
Двадцать восьмое февраля, задним числом переполнившее
чашу терпения -
Так решали они на своем злорадном собрании.
Високосный век,
Седеющий висок высокого гостя,
Отмеченный компостером пули,
Выпущенной студентом, случайно исполняющим обязанности
ревизора книги судеб,
И струйка крови, удобно стекающая по заранее уложенному
на груди аксельбанту.

Как странно с нежностью толковать голубиным зобным звуком
О непережитых временах и людях, погребенных до твоего рождения,
И, сидя на берегу мирового океана, греть веки закрытых глаз
Оставшимся после них вчерашним солнцем.

Г.Капелян, 19 октября 1980 г.

Божественно болела голова
Под солнцем пламенной Колхиды
Должно быть как у Зевса на Олимпе
Перед рождением Афины
Перед тем
Как мраморная скорлупа
Разверзлась
Исторгнув взрослую богиню
Уже в доспехах шлеме и с копьем
Оставив пораженного параличом громовержца с пучком заржавленных молний в кулаке

Божественно болела голова
Слова
Утесненные уплотненные в темнице черепа
Стиснутые как зубы слова не прочесть взглядом закрытых мраморными веками глаз

Обращенных внутрь черепной коробки
В молекулярную пороховую тьму черную перченую и соленую
Не прочесть печать поверх печати
Как удалось на Патмосе
Анахорет в голодном экстазе
Заглатывал расслаивающийся фолиант
Пергаментный сэндвич в шестьсот шестьдесят шесть этажей
С телятиной переплета
Эпилептический апокалипсис на колесах
По лестнице одесской скатывался вспять
В Понт громокипящий
Бурлило античное варево
С ионическими макаронами и лорическими трубчатыми костями
В черепках пифосов фосфоресцировала морская тварь
Пары всемирного трудового пота
Поднимались к небесам
Выброшенный с парохода современности
Какой-то пушкин с бакенбардами на жабрах
Дрожа одежду разложил для сушки на песке
Под солнцем пламенной Колхиды
Ему еще предстояла вивисекция
Серафим о шести лезвиях
Еще не появился в безукоризненных без трещин и морщин небесах

1978 - 1980

Запахи гниения разделяются на несколько основных категорий.
Литература о запахах насчитывет ограниченное количество названий.
Изучающему запахи придется столкнуться с некоторыми неприятными ощущениями.
Эмпирическое распознавание является исходной и конечной точкой на пути исследования запахов.
Замена обоняния любым другим из оставшихся четырех чувств вряд ли целесообразна.
Не будем спорить о том, в какой степени поможет созерцание,осязание, прослушивание или дегустация каких-либо обладающих интенсивными запахами образцов в исследовании природы тех летучих соединений,которые...
И,раз уж мы коснулись этой темы, давайте оставим её,
Поскольку прикосновения достаточно, чтоб перейти к теме прикосновений.
Прикосновения бывают, если мне не изменяет память, по крайней мере стольки-то сортов.
Классифицируя прикосновения, надо прежде всего распределить их по родам соприкасающихся поверхностей.
В первом томе исследования о прикосновениях будут помещены случаи с неодушевленными предметами, прикасающимися к таковым же.
Во втором - характеристика прикосновений неодушевленных к одушевленным.
В третьем - наоборот.
Нетерпеливый читатель начнет с четвертого тома, и, будучи последователен в своем любопытстве, отыщет соответствующую характеру его любопытства главу.
И там он наткнется на ссылку, которая отнесет его к трактату о любопытстве, написанному в помощь тем, кто хочет, в конце концов, разобраться, что им движет.
Любопытство же,имеющее различные истоки, в зависимости от них, направляется по самым разнообразным руслам.
Иные из этих русел уже высохли, что не исключает возможности их внимательного исследования.

Нью Йорк, сентябрь 79

Стояло индейское лето в Америке.
Уже в который раз за последнюю осень стояло индейское лето
в Америке.
В Америке, куда сюда убежали все гимназисты, они были
застегнуты до горла, они были застигнуты по горло
с орлами пуговицы пыльного мундира.
Мыльного пундира.
Дайте, говорит он в лавке продавцу – фанерное строение,
нагретое солнцем индейского лета в который раз –
дайте, говорит, мне мыльного пундира фунта полтора.
Гимназисты неказисты, они прыщавы и пишут стихи в пыльной
тетради.
Все убежали гимназисты и теперь никто их не установит
и не уследит.
Аптик никуда не спешит, напрасны призывы не гнать лошадей.
В который раз убежали в Америку стихи как семена одуванчика
неискоренимы и никто не уследит их неразумный полет
в безвозмездное пространство.
Их десант незаметный и бесполезный чреватый
горьким молоком первых детских
опытов.
В резервации поэтов как на Галапагосских островах
собрание игуан.
Среди них королевский игуанолон молчал гигантский игуанодон.

Джерси Сити, Нью Джерси, осень 79.

A touch of Holliwood

В ванной, обитой изумрудно зеленым водоотталкивающим плюшем,
Тело белое Леды -
Руки закинуты за голову,
Обнаруживая безукоризненные, как ложкой выбранные выемки подмышек,
Отполированные бритвой "Ремингтон".
А лебедь деловой,
Одетый, впрочем, пингвином в tuxedo
Буксуя на кафельном полу,
Непадающий, антимагнитный,
Как Фред Астер,
Фаллическую шею целил
В пещерку, отороченную розовым рюшем
И порослью кокосовых волос.
За дверью же ворчал соперник,
Вымытый шампунем,
Перламутром отливая,
Полиэфирное созданье,
Lapdog - болонка или, может быть, пекинуаз:
Она сидела на подушке, положенной на пьедестал,
Над нею возвышалось изваянье
Полупрозрачного, как нейлон, мрамора:
На срубленном стволе колонны
Стоял на пальце
Эрот с противозачаточным колчаном
И метился в портрет Рудольфа Валентино, президента США.
На небо чистой бирюзы
Уж подали дессерт из взбитых облаков,
Политых сиропом безотказного заката.
В кургузом самолете кожаный пилот,
Как гамадрил, обрызганный деодорантом,
Писал на небе дымом мадригал
Лосьону для искоренения волос.

Подобно Тредиаковскому

птеродактилем расправляюши
слежавшиеся кожаные тяжелодряблые крыла

Голные на переплеты его же книг

Мы начнем сызнова городить
славяногреколатинский частокол русской поэзии

Ибо корни его проросли сквозь толщу земной коры головного мозга

Туда где я вверх ногами или может быть вниз головой

Очнувшись уже не спрашиваю "где я"

На двуспальной карте полушарий

Протянув руку не впервой обнаруживаю

Вместо Таганрога

Тринидад и Тобаго

1980

Дорогой мой какака:

Вылезаю однажды из вонючего метро: вся стена университета заклеена твоими тремя буквами: я уж было прошел остановку: полюбовался еще раз на стену да вернулся чтоб содрать для тебя на память: вот моя борьская искорка сумасшедшего парижа: посылаю тебе еще офорт из лавки худ.: тот самый который там висел лет тринадцать назад: для моих 35 это так давно: можно подпатушиться и вспомнить всякое разное но вот ведь когда засесть: мы ждем третье пополнение в семействе: а занялся вот совсем не вопад музыкой: сижу на нормандских крысотах и страдаю от бездарности: надо подождать пока пройдет страсть: получили ли ты от олега материалы о нашей выставке в париже в мае: ? я пошлю статью из парижа которую гриша написал на мой отъезд из питера: там есть многое: сразу: я тебя крепко обнимаю: всего тебе самого гранди-озного на будущий год:

ВКш

Автограф Вильяма Бруя.

ВИЛЛИ БРУЙ

И имя принял - ДАВИИЛ

уилли уилли
Где же мой маленький Уилли
Ивы и вилы лесныя
лучшаю песню споют

Каллы
каллы и фаллы цветут по газонам
Лилий
в лилию села златая пчела
Пахнет
пахнет навозом и пахнет озоном
улица
маленького села

Сыром
торгуют на фартуках кожаных бабы бретонки
Сиром
господи! -
сиром старик величает тебя
улицей Дьеппа промчатся трехтонки
Девушки
девушки в кузове лён теребят

он завел молочных коров
Уилли, маленький Уилли
птицы свили гнездо на его чердаке
птицы
гнездышко свили

в черно-квадратные кубы
ретушью тушью палимы
пали холодные губы
тенью легли серафимы

линией белой молочной
резаны четкие сферы
так за чертою молчанья
прокладка зеленого фетра

крутятся каменным валом
мельниц прозрачные крылья
губы окрасятся алым
соком винной давильни

тек виноградный сок
алым в цилиндры бочек
так состоял рисунок
из линий кругов и точек

Иллюстрация к офортам Вилли Бруя. К.К.Кузьминский.

тек сок молок
в бидоны белые
Уилли, мой маленький Уилли
пенясь,
молоко пело
пену с молока сняли

стадо жирных коров
загнали в темное стойло
и цилиндры сыров
на полках погреба стали

сыр шар
сыр брус
сыр усеченный конус
белый сыр в темноте овчарни
Уилли, маленький Уилли
Коровы смотрят добрыми очами

старики тебя называют: сир
бабы просят погадать на счастье
томится геометрический сыр
в ожидании рассечения на части

чернотой ночи молоком коров
сделаны оттиски вращением вечного вала
воздухом провинции дыша здоров
и весел
Уилли о Уилли

белый цинк
и красная медь
позволяют тебе петь
в небе крутятся звезд шары
ошалев от жары
и припухлость лиловых туч
прорезает суровый луч

и коровы мычат: му
молоко превращается в сыр
и крестьяне говорят ему
при встрече кланяясь: сир

Техас,
21 июня 79

/Примо: "Уилли", как объяснил мне проф. Дж.Э.Боулт, в английском слэнге означает "х..". Пардон, не знал. Впрочем, в слэнге американском оное слово - переводится как "Дик", но Герман Мелвилл совсем не "это" имел в виду, как, скажем, и я./

22 июля 1979 года.

Дорогой мой шер моесье К.К.К.

Воротившись из деревушки, гляжу - гора вашеских писем, таких-то милейших да еще со стихом ! Стих мне доставил дикое удовольствие - приятно через десяток лет получить стихотворное признание ; сильный кусок, не без надрыва ведь, а ?

Порылся в бумагах, которые истлели и потерялись, писать-то уж перестал вроде как после отъезда, сохранилось эпистолярное, сверлильное, гладильное и еще кое какое писанье. Посылаю пару листков, а ты уж сам смотри, интересно - так пускай . Еще, что намного важней, статья Капеляна и текст ко Второй Книге. Статья была написана к моему отьезду, текст же после. Мы задумали новую вещь, где используя достижение-феномен ЕХ АД. сыграть такую же шутку с визуальными образами и с принятой в литературе словесностью. Гравюры были сделаны весной 72го , отправлены в Питер и вернулись осенью с текстом в Париж, где и были выставлены в Центре Интернационального Искусства совместно с французским переводом. Вторая Книга была издана в четырех копиях, две из коих продались, две валяются в разобранном виде - вот так-то .

Если правильно тебя понять, то выставка должна состоятся где-то следующей весной ? К тому времени постараюсь доставить другой экз. ЕХ АД., который уже расшит, что до Второй, то думаю она еще относится к русскому периоду - может вполне выставляться, все гравюры тоже, тем более, что после Второй Книги не имею ни одной. Единственное: сколько места будет выделенно для этого?

Новое издание ЕХ АД. может быть вполне реальной возможностью, насколько реальным будет его финансирование... Текст по английски так или иначе необходим и должн быть создан эквивалентным способом , соответственно англо-язычному понятию такого направления . Попробуйте вместе с мистером Боултом, что-нибудь да и выйдет!

В нашей стране можно не замечать знакомых, а еще лучше их вообще не знать до того самого момента когда они не понадобятся - вот ведь какая радость для всех сразу, тут-то и побалдеть немешало б . Это , позвольте , вам на будущий приезд пожелать. Скорее это относительно знакомых, / если они того заслуживают / что до страны то прелесть необятная ; сыры, девушки, городки, бабы бретонки, улицы, фермы, золотые пчелы, дорогие женщины, мелницы, алые губы, виноградный сок, изюм, сферы соборов, дешевые женщины, молочный сок, черные ночи, коровы, холодные губы, спесь, вино, лиловые тучи, добрые очи, синее небо, лай, чеснок, его запах, кровавое мясо, песня, утро, бой барабанов, черные стволы, серая вода, кларнетист, высокий шпиль, обман художника, розовые камни, радость толпы, весенний глоток, сверканье мостовой, живительные сосуды, чистая простота, масти женщин, их красота, отраженье, блик моста, темная кровь, звездное млеко, шорох, красный забор, суп, желтый воздух, труп, тикающая капля, пунц, монуил, сквознячок, ардуазовские крыши, контрастные тени, потухший свет, дыхание, эксуальная женщина, монах, честный прохожий, хромсайдс, незнакомка, подружка, любовница, простушка, целочка, порочка, цыпочка, блядюшка, уголстола, лавровый сад и потерянная серьга.

С самыми наилучшеми пожеланиями , обнимаю, твой

Вилльям Бруй.

ВБруй

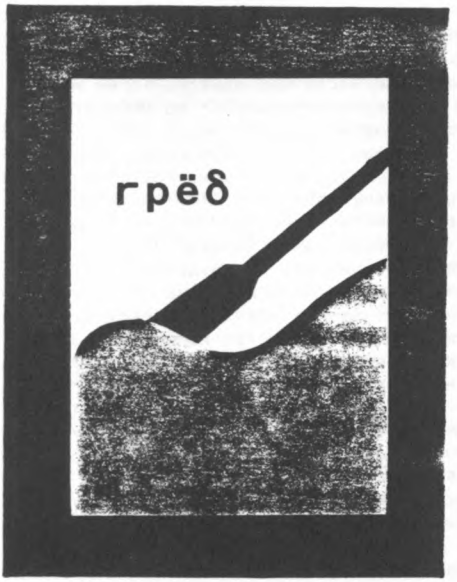
Если эта фотография никуда не годится, то перестану с печатью с чужих негативов сам. В.

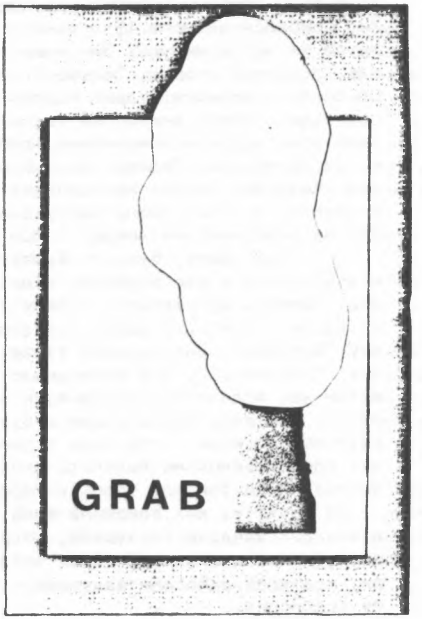
KNIGA
BOOKA

KNIGA
FIGA

KKK Tex s 50

КНИГА-2

К "Заумной гниге" Крученых, кажется, пришил пуговицу от кальсон. Книга требует - капиталовложений. Печатать ее можно на оборотной стороне обоев /"Садок судей"/, можно кириллицей /"Аллилуйя" Нарбута/, можно от руки /"Бубен" Божидара/, можно валять корявым шрифтом по газете /"Гаўш Чаба" Степановой/, можно, наконец, купить мимеограф и превратиться в позднего Крученыха. Все можно.

Но когда книга становится - книгой?

"Попалось несколько рукописей в форме книжек, возможно печатных, а не рукописных, а один длинный и узкий листок представлял отрезок листа какой-то пальмы, исписанный по-санскритски." /Обручев/.

"КНИГА, ж. сшитые въ одинъ переплетъ листы бумаги, или пергамента." /Даль/

"КНИГА, ж. 1. Произведение печати в виде сброшюрованных, переплетенных листов бумаги с каким-л. текстом." /Ожегов/

Определению Ожегова книга Юрия Галецкого /200 листов черной бумаги в черном же переплете, собственность В.И.Эрля, тираж - 1 экз./ не соответствует. Зато соответствует Далю. Галецкий, правда, испортил эту книгу, поставив впоследствии свои инициалы белым на последнем листе. В.В.Стерлигов же, покойный, одобрительно отзывался об этой книге, называя ее "самым современным произведением эпохи". Ему ли, ученику Малевича, не знать!

Меня уже не занимает вопрос: почему почти каждый писатель желает, чтобы его книга выглядела "по другому". Кому ж охота походить на!

И все эти бесконечные поиски в оформлении и решении книги - тоже знакомы. Толстый делает раскладушки-концепты /см. 3-й том/, какие имелись у меня в детстве. В детстве у меня имелась и тряпичная книга! А здесь их делают из пластика, что "гигиеничней". По молодости и во вдохновении, проделывал я такие фокусы: с закрытыми глазами, наощупь по странице, и по запаху - определял год издания книги. Ошибался разве в 19-м веке лет на 10. Говорят, что деньги не пахнут. А нюхали вы их когда-нибудь? Они имеют очень характерный, и, я бы сказал, приятный запах, особенно старые. Только нюхать мне их не часто приходится. То же и книги. От тонкого аромата старых изданий /чем старее, тем тоньше/ - до вонючего клея советских. /Клей делают из гнилых копыт, рогов и прочих отходов, отчего к фабрике этой подойти невозможно, работают там, как и на мыловаренной, одни приезжие, за прописку/. Помимо: ужасно пахнут газеты, причем, почему-то, только советские. Жена мне каждый понедельник университетскую приносит /там программа теле/, и ничего, а стоит Джону Болту заявиться с пачкой "Известий" - и не продохнешь! Это не политический выпад, а просто эстетический факт. Понюхайте!

Стало быть, бумага. Бумагу можно взять разную, но трудно переплетать. Да и меценатов, я уже говорил, в наше время нету. За типографии не говоря. Мой роман, "Хотэль цум Тюркен", требует - минимум - дюжины различных шрифтов, а где их взять /я уж не говорю, где взять издателя?/. Сделал тут коллажами свою книжку "Китобои". Веселенькая такая, в духе Лебедева, Джон в восторге, Стюарт кричит: "Издавать!", а я прикидываю: помимо трех цветов /черный, красный, синий/, я там еще и дерево использую, и металл, и ленту магнитофонную - из зубочисток палубу выстлал, боцману дал в руки железный багор /думал, даже, сделать его из стальной пружины, чтоб, как страницу повернешь - распрямлялся, да даже к лучшему: глаз дитенок не выколет/, а осьминога заделал магнитофонной лентой. Веревочки еще: трап там, да трос, которым утопленника тащут. Как издашь?

Кстати, как заметила жена - "Новое русское слово" тоже изрядно воняет - я всегда скандалы закатываю, когда она его читает. И это не от возраста редактора, и не специфический запах сотрудников - а просто, попахивает. Краска там, что ли, или клей в России закупают - а только американские газеты не пахнут ни чем, по сравнению.

Кстати, а вот борзые - не пахнут ни чем, или - парным молочком, как ребенок. Имею опыт. Борзая тут рядом с машинкой лежит, нуссберговская.

Книга, книга... Все друзья мои рвутся увидеть книгу /свою, разумеется/. Кроме Молота. Но Молот мудрец. Недаром он Беккета переводит. То-есть, то-то и есть, что ДАРОМ: в России и мечтать об издании его было нечего, а здесь - а кому он нужен, по русски? Пишу это размышление - чтоб самому понять: а зачем же, все-таки, книга? У писателя, да и любого художника тож - два момента есть: ДО, ВО ВРЕМЯ и ПОСЛЕ. И все это очень напоминает сексуальный процесс, и прекрасно описано тем же Молотом в тексте "Женщины любят гимны". Томление - до, лихорадочность - в, и желание похвастаться - после.

Хлебников что-то писал на песке. Это "что-то" так и осталось неведомым, как и сгоревшие листы 2-й части "Мертвых душ" Гоголя. Кафка был мелким мерзавцем: не решаясь сжечь сам - поручил это другу. Друг же, понятно, не сжег. Жена же Гогена, не будучи испорчена цивилизацией, свято исполнила последнюю волю мужа. Может, лучше бы, все-таки, Кафку сожгли? Я его не люблю.

То-есть, возвращается ветер на круги своя: что есть книга? И нужна ли она? Библию, явно, никто из нас, нынешних, не напишет. Так зачем же писать? В приводимом в конце сего тома текстике-концептушке "Поэзия русского рассеяния", посвященном Эдику Штейну /и ряду других/, упомянуто сотни две авторов. Схоже - круто - со списком Союза писателей: ДВУХ-ТРЕХ знают. Остальные же - пишут.

В антологии этой - изрядно имен безымянных. Но они - ГОВОРЯТ. Говорят - от меня - за себя. И за всех. За эпоху. Это вроде "ГУЛАГА", где авторский голос - явился цементом лишь возгласов многих. Но об этом особо.

Как сказал Молот: "Писать нужно то, что не сможешь нигде прочитать." Я и пишу. Потому что НИГДЕ прочитать не могу про всех этих поэтов. И не справки их биографические, справки в ЖАКТе выдают, и даже не "биографию духа" - она в их стихах, а - память, воспоминания. Геродотствую, несторианствую. Почему про поэтов? Потому что художников знал я немногих. Ну, десятка там два, половина из них никудышных. Драматургов - не знал Понизовского. Знал лишь Геру Григорьева. Но о нем есть в "Сайгоне". Музыкантов - ну, Тищенку там, или Клячкина. И актеров не знал /исключая чтецов/. Двух-трех скульпторов. Архитекторов Телова, Товбина, Севу Титова - ну, построил Егорий там лестницу, или Товбин свой дом - не о нем говорить же? Говорили о Гауди. Казакове-Баженове тож. Знал хирургов, ментов, итээров, бичей, проституток, профессорш, работников Смольного, горстку писателей, двух-трех крестьян, горняков, одесситов, ментов /повторяюсь уже, но и знал их - немало!/, спекулянтов, таксеров, боксеров, но больше - поэтов.

Потому и пишу. А вот книги их, книги... У Охапкина 8 их только! Только - кто их издаст? Не на Западе. Хочется, как Дягилев или Рябушинский, издать "Золотое руно", попечатать сборнички на обоях, сделать "Железную книгу" /"Глиняная" - уже есть, у любимца моего, Сулейменова/, наконец, и себя бы издать.

Говорим тут за книгу. А о чем говорить? 2-3 изданы. Их и судить?

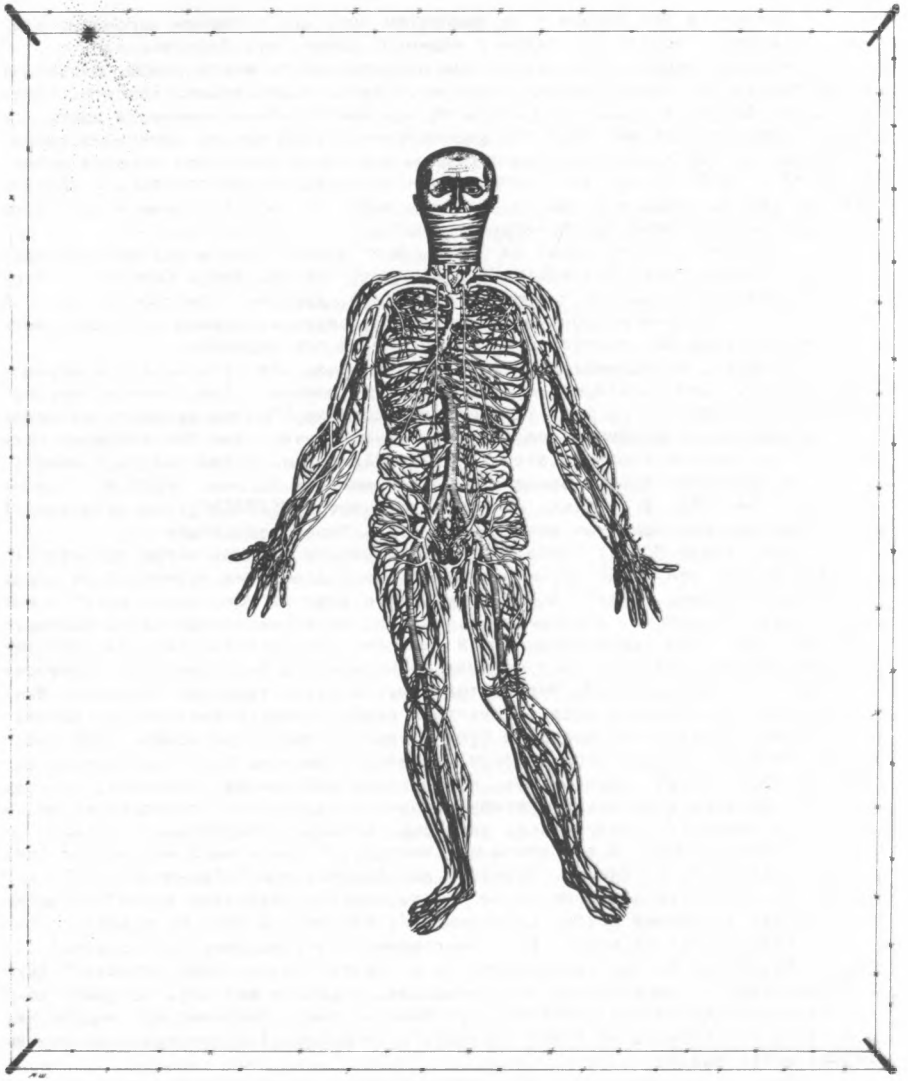
Предложил вот Шемякину оформить и издать "Зачем я это сделала?" 20 лет собирал. Набрал, перепечатал и скомпановал. Послал в феврале. Не дошла до Парижа. Утонула в Атлантике? Обозлился на Мишу: молчит. Позвонил вот неделю назад: и в глаза манускрипта не видел! Ну что тут поделаешь? Откопировал копию, выслал. Теперь опять ждать.

Ждут поэты, прозаики, Виньковецкая Динка, Анри Волохонский, жду я.

А читатель не ждет. Он берет, что дают. Дают 6 томов баснописца Максимова - их читает. Дадут Бабаевского - тоже. Плюются потом, но не ждут. Ждет поэт. А чего там он ждет? Я дождался вот, 1-го тома. 40 лет - 1-й том. А потом остальное /если время останется/.

А хотелось бы - книгу. Как у Бруя, красивую чтобы. EX ADVERSO.

АПОЛЛОНЪ-77.

Обложка альманаха "АПОЛЛОН-77", изданного М.Шемякиным.

Джон Е. БОУЛТ

АПОЛЛОН-77

В начале 1977 года художник Михаил Шемякин, при активном участии поэта Константина К. Кузьминского, выпустил в Париже альманах "Аполлон-77". Собранные воедино поэзия, проза, фотография, цветные и черно-белые репродукции живописи, манифесты и заставки - всем этим "Аполлон-77" знаменовал конец целой декады артистического бурления Москвы и Ленинграда, представлял многие направления, которые в той или иной степени завоевали титулы "диссента", "неофициоза", "нонконформизма". Таким образом, "Аполлон-77" выполнил функцию, и весьма значительную, по выявлению личностей, идей и артефактов, которые, до определенной степени, характеризовали новую волну творчества в Советской России. Составители "Аполлона-77" приложили старание уделить равное внимание художественным или критическим работам Эдуарда Лимонова, Генриха Сапгира, Игоря Холина, Роальда Мандельштама, Константина Кузьминского, Анри Волохонского, Олега Охапкина, Владлена Гаврильчика, Елизаветы Мнацакановой и многих других. В то же время, составители "Аполлона-77" сфокусировали свое внимание на исторических предшественниках своего "поколения битников", т.е. тех из представителей модернизма, с кем новые нон-конформисты чувствуют тесную связь - так например, Алексей Ремизов и Павел Филонов.

Название альманаха было выбрано не случайно. Осознанно или нет, оно несет в себе глубокую символику, подчеркивает общую ориентацию участников. "Аполлон-77" вызывает незамедлительную ассоциацию с Санкт-Петербургским журналом, издававшимся Сергеем Маковским с октября 1909 и по 1917 /последний выпуск появился весной 1918/. И хотя журнал Маковского выходил регулярно, само определение "альманаха" Шемякина-Кузьминского указывало на то, что это проект рассчитанный и на будущее, хотя ни одного выпуска не появилось с тех пор. Важен факт, что оба издания появились в период наибольшего творческого расцвета в России и, как писал Маковский о Серебряном веке в 1910 году /и многократно повторяет Кузьминский и другие лидеры новой волны/:

"За последние десять лет русское творчество совершило работу целого столетия. Что касается, в частности, художественной культуры, то я глубоко убежден: никогда еще Россия не переживала более плодотворной эпохи. То, что многие пренебрежительно называют кличкой "модернизма", - признак настоящего роста нашего эстетического самосознания..." [1]

Журнал Маковского был оплотом нео-классицизма, который сопутствовал, а в некоторых случаях противоборствовал развитию русского авангарда. При наличии частых ссылок на выставки авангарда, публикации его и другие проявления активности в Москве и Санкт-Петербурге на страницах "Аполлона", вряд ли можно представить себе журнал пропагандирующим идеи Казимира Малевича, Любови Поповой, Владимира Татлина и т.д. /хотя Василий Кандинский и являлся мюнхенским корреспондентом "Аполлона" в течении некоторого времени/. С другой стороны, многие художники, поэты и критики, связанные с радикальными течениями того времени, как, например, Натан Альтман, Борис Григорьев, Кузьма Петров-Водкин, Сергей Судейкин, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Михаил Кузмин, оценивались в "Аполлоне" не без симпатии, особенно в выпусках 1913-15 гг. Более того, такие апологеты авангарда, как Абрам Эфрос, Николай Пунин, Александр Ростиславов, Яков Тугенхольд и Максимилиан Волошин, публиковали серьезную критику современного русского искусства в "Аполлоне". Сам Маковский, сын утонченного художника конца 19-го века Константина Маковского, унаследовал подчеркнутую элегантность и "хороший вкус", характеризовавший его детище. Петров-Водкин вспоминает, как

"утопая в кресле и свесив свою длинноготную руку с золотым браслетом, будущий "Аполлон" процедил мне об избранности тех художников, кои удостаиваются

участия в салоне /выставке Маковского, Д.Б./". [2]/

Когда мы представляем себе этого дэнди, восседающего в своей Санкт-Петербургской квартире посреди интеллектуальной жизни, мы вполне можем вообразить, что смотрим на Константина К. Кузьминского в начале 1970-х.

"Аполлон-77", как и "Аполлон" не являлся авангардным изданием ни по дизайну, ни по композиции. Он не был особенно экспериментальным и, за вычетом поэтического раздела, альманах не представлял глубокой эстетической альтернативы тому партийно-контролируемому китчу, что носит названия советского социалистического реализма. Исключая то, что это было искусство создававаемое свободно, вне бюрократического или политического давления. На этом уровне новый "Аполлон" достиг тональности своего прототипа, поскольку свел воедино артистические таланты, отмеченные субъективной сосредоточенностью, уходом, остранением; и со своей сугубо аполитичной физиономией"Аполлон-77" поддерживает концепцию Маковского об аристократичности, элитарности искусства. Но здесь и кончается аналогия, ибо, в отличие от "Аполлона", "Аполлон-77" уделяет гораздо больше внимания философическим целям, индивидуальности выражения, трудностям художника в тоталитарном обществе и гораздо меньше изяществу внешней формы. Действительно, трудно говорить о каких-то общих формальных принципах, которые объединяют Константина Кузьминского и Роальда Мандельштама, Шемякина и Ремизова, Бахчаняна и Эрнста Неизвестного. Далее, предыдущий "Аполлон" был космополитическим, международным журналом и публиковал регулярно статьи о современных писателях и художниках Европы, обзоры выставок в Париже, Берлине и Лондоне, точно так же, как в Санкт-Петербурге и Москве. "Аполлон-77" посвящен исключительно русской культуре - и не делает никаких извинений на этот счет.

Составители "Аполлона-77" отбирали поэзию, прозу и изобразительное искусство с целью выразить свою веру в абсолютно диссидентскую природу нового искусства /искусства в большинстве, и во многом, их друзей/. Осознание этого импульса новой русской культуры напоминает нам также о том, что Маковскому не приходилось мучиться от этого разделения между "официальным" и "неофициальным" искусством. Само собой, в те годы было государственное искусство, представляемое Санкт-Петербургской Академией художеств, и был авангард, но это были лишь два из многих дозволенных стилей в России накануне революции 1917 года: если бы Маковский посвятил свой журнал нео-примитивизму, кубо-футуризму и супрематизму, ему не грозил бы арест и ничто не заставляло бы публиковать его в Париже.

"Аполлон-77" нужно рассматривать не только как кристаллизацию определенных достижений современной русской культуры, но также как явный, хотя и пробный, шаг к пропагандированию нон-конформистского искусства новой эмиграцией. С начала 1970-х и далее, центры третьей волны - Париж, Иерусалим, Нью-Йорк - породили впечатляющее количество книг и журналов, организовали множество выставок, продали некоторое количество работ западным коллекционерам; к сожалению, многие из упомянутых авторов влились в европейский и американский социальный истэблишмент. Подобные свершения не могут расцениваться на равных с культурным движением первой эмиграции 1920-х /которая печатала такие журналы, как "Вещь/Гегенштанд/Обжект" и "Жар-птица", организовывала выставки такие, как "Выставка русского искусства" в Париже в 1932 и публиковала множество множество роскошных иллюстрированных изданий в печатнях Берлина и Парижа/; но по крайней мере, она фиксирует и распространяет идеи, жизненно важные для процветания новой эмиграции и создает платформу, на которой могут появиться более впечатляющие свершения.

"Аполлон-77" - творение синтетическое, включающее не только поэзию и прозу, но также и живопись, историю культуры и философские доктрины. Эта ориентация подчеркивается знаком уважения, оказанным "Аполлоном-77" художникам прошлого, которые были компетентны более, чем в одной области, как например, Ремизов /писатель и художник/ и Филонов /художник и поэт/. Современная поэзия варьирует от потока сознания Лимонова до иронического абсурда Некрасова, от традиционной архаики Охапкина до языковых экспериментов Кузьминского. Историческая перспектива выдержана включением второй части поэмы Филонова, построенной на неологизмах

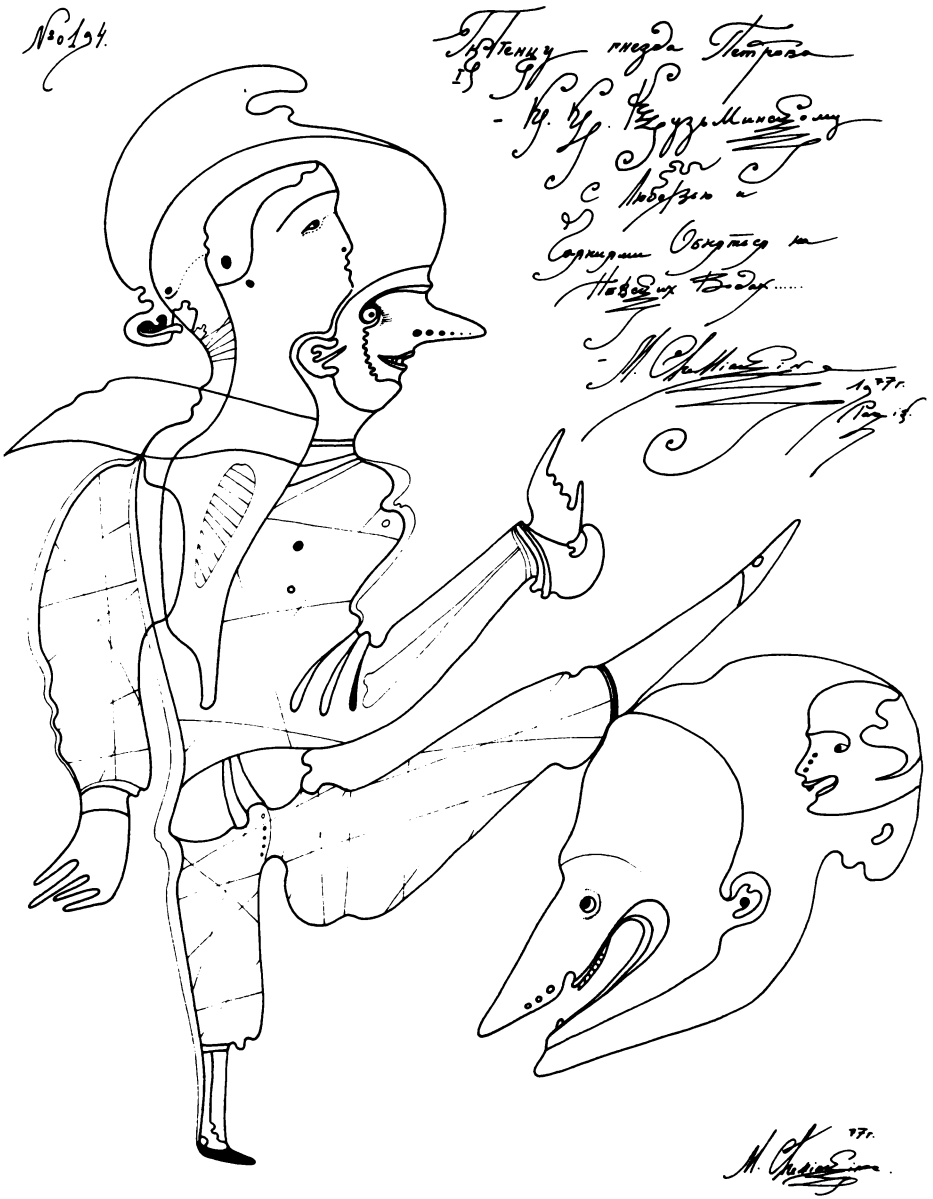
"Пропевень о проросли мировой" /1914/, Введенского и Хармса, Вагинова и Кузмина. Эти произведения равно предвосхищают формальные поиски новых русских поэтов и являются существенным прототипом звуковых конструкций Кузьминского, Некрасова, Сапгира и других. Что касается визуальных искусств, то здесь положение далеко не столь обнадеживающее, поскольку новые русские художники, освещаемые в "Аполлоне-77", явно не столь продвинулись в области новых форм. Так например, Филоновская аналитическая живопись предшествует и все же затмевает биогенетические формы Шемякина, эротически приправленные и механически адаптированные. Московские пейзажи Оскара Рабина опираются на те же художественные методы, что были в ходу у группы "Бубновый валет" шестьдесят лет назад.

Было бы ошибкой воспринимать"Аполлон-77" как источник грандиозных художественных открытий, по крайней мере, в интернациональном аспекте; да и сами составители не заявляют подобных претензий. Как и сам термин "альманах", это своего рода поппури, пересечение различных культурных феноменов, которые содержат как позитивные, так и негативные стороны. Тем не менее, что может быть расценено как passe и вторичное по западным меркам - будь то поэзия Александра Глезера или живопись Рабина - имело и меет специфическую ценность для Советского Союза, пусть даже эти произведения равно далеки от авангарда 1910-20-х и современной американской культуры. Конечно, на Западе модно спорить, что ныне не существует авангарда, что все формы экспериментальной поэзии и живописи ныне приемлемы, так что столкновение с ежедневными нормами, столь жизненно важное для существования любого авангарда, исчезло в современном плюралистском обществе. В Советском Союзе, однако, все еще существуют условия, необходимые для процветания авангарда, и, в своей оппозиции к государственному вкусу, представители авангарда отвергают установленный порядок /и, естественно, не принимаются им/. Другими словами, если, каким-то чудом, "Аполлон-77" появился бы в Ленинграде, а не в Париже, он имел бы гораздо больший резонанс: он был бы воспринят как жест мученичества во имя великого дела искусства. Публикация "Аполлона-77" на Западе, с нашим восприятием искусства более как отдохновения, нежели вдохновения, до некоторой степени нейтрализует его потенциальный эффект. Тем не менее, даже в середине 70-х, "Аполлон-77" не представляет все прогрессивные аспекты современной русской культуры и, своим явным упущением ряда поэтов и художников, отражает определенный уклон его составителей. "Аполлон-77" концентрируется на Ленинграде и не освещает Москву, он не содержит прямых ссылок на концептуальное искусство, кинетическое и ландшафтное, перформанс и хэппенинг, игнорирует электронную музыку, экспериментальный балет, новые направления в дизайне, т.е. те формы, которые, по возрастающей, занимают ведущую роль на интернациональной сцене искусств.

При всех своих недостатках, "Аполлон-77" является путевой вехой в развитии русской культуры. Как сумма литературных и художественных явлений русского подполья, этот альманах уже имеет историческую ценность. Но время смазывает впечатления и снимает остроту. Как "Аполлон" Маковского, когда-то трактовавшийся как "буржуазный" и "формалистический", ныне вызывает позитивную оценку советских историков, так, в один прекрасный день, нет сомнения, "Аполлон-77" будет признан и одобрен советским официозом. Его участники будут прощены, а потом и провозглашены, его содержание будет трактоваться словами "гуманизм", "социальное достоинство человека", "лирический подъем" 3/ и т.д., и Лимонов, Гаврильчик, Кузьминский, Шемякин, Рабин и их коллеги будут вовлечены во все расширяющуюся сферу социалистического реализма. Парадоксально, но "Аполлон-77" будет помещен в пантеон советской культуры, само сооружение которой он тщился разрушить.

Сноски к тексту:

1. С.Маковский: эссе без названия в сборнике "Куда мы идем?", Москва, Заря, 1910, стр. 101.
2. К.С.Петров-Водкин: записные книжки, архив Русского музея, Ленинград. Цитируется по книге: Л.Дьяконицын "Идейные противоречия в эстетике русской живописи конца 19-го - начала 20-го века", Пермь, Пермское книжное издательство, 1966,с.144.
3. Типичный жаргон советской критики. См. В.Зименко "Гуманизм искусства", М.,1976

Автограф М.Шемякина на одной из полудюжины копий, разрисованных для меня. Большую часть копий я раздарил или пропил, но две, вроде, еще остались.

ОБОДРАЛИ АПОЛЛОНА, ВМЕСТО МАРСИЯ...

"Когда я в письме в редакцию, напечатанном в "Русской Мысли" от 28 апреля, писал об альманахе "Аполлонъ 77" я признался, что альманаха этого еще не читал и даже не видел ..." - пишет Глеб Струве в "Русской же Мысли" от 4 авг. 1977. И даже печатает. Книгу он, старый хорек, еще не видел, но "мнение уже имеет" и публикует.

Менее всего мне пристало заступаться за "Аполлон", ибо из-за него и в процессе работы над ним, мы и разлаялись в хлам с Шемякиным /что, впрочем, случалось не менее 17-ти раз за 17 лет - насмерть!/. Но тут в сортире жена обнаружила "Русскую Мысль" со статьей Г-на Струве, читаю: "В письме своем в "Русскую Мысль" я спонтанно дал волю возмущению, которое вызвало у меня то, что я прочел об альманахе в статьях С.М.Рафальского ... и З.Шахновской ..., а также в полученных мною частных письмах от друзей из Парижа."

Письма пишут инженеры, дантисты - "Я стихов Бродского не читал, но..." Да и зачем читать, когда и так все ясно? И друзья из Парижу напишут. После чего можно поместить возмущенное письмо, которое Седых или Шаховская тут же напечатают. А публика прочтет. И все это идет под рубрикой "Дневник читателя", который самой книги не читал, но...

Но зачем-то Миша Шемякин послал 60-долларовую копию, да еще "авиа", нищему профессору-паразиту на теле русской словесности. Переубедить его задумал? Укорить? В любом случае результат был один - еще одна статья все в той же "Мысли". Маразм крепчал, как говорят в народе.

Зачем? Зачем? Не для вставных челюстей это чтиво. Но человеку свойственно ошибаться. Пиетет перед русской культурой, перед теми, кто сохранял ее на Западе, автоматически переносился на все, практически, имена, тем более, что и с именами-то мы были знакомы, в основном, по предисловиям и комментариям к западным "свободным" изданиям Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, Хлебникова. Ну и слава имен поэтов изрядной частью переносилась и на "комментаторов". Когда же комментаторы, обсосав Ахматову, раскрыли гнющий рот, чтобы продемонстрировать свой собственный вкус - ПАХНУЛО! Пахнуло не пачулями и не лавандой, и даже не "Цветком Грузии" и "Тройным" - пахнуло задержанием мочи на 50 с лишним лет, пахнуло злобой, бессилием /в первую голову, половым/, пахнуло эмигрантским болотом.

Но - сами выбирали. И даже пытались, по приезде, выплясывать на типтопочках перед уважаемыми именами ученых комментаторов. Только они, как и Союз писателей, не приняли в свои игры. Вкусы разошлись. Могучая кучка старых пердунов соглашается, со скрипом, на ими же загубленные имена Ходасевича, Цветаевой и Ремизова, ну там Кузмина, Вагинова, а уже, скажем, Хармс и Введенский - попросту не упомянуты. Не комильфо.

А уж нынешнее поколение - и подавно.

Отвечать этой сволочи нужно, как выражается Володя Марамзин, "ДЭЛОМ", а не вступать с ними в полемику. Миша не учел. 100 долларов в помойку выбросил! Лучше б было к этому тому еще фотографий попечатать, но приходится обходиться ксероксом. Том этот, дай Бог, тоже будет "не по средствам" вышецитируемому "читателю", а уж дарственных копий, даже с матерными инскрипциями, я ему слать не буду. Я человек экономный.

"Аполлон" же, увы, обошелся Шемякину и финансово крутенько, так, в годовой, примерно, заработок художествами, да и не разошелся, по причине роскошности издания. Субсидии же получают помянутые профессора и комментаторы, но никак не сами поэты и художники. Что никак не мешает художникам творить, старым же хорькам - критиковать, шамкая "давно уже устаревшие приемы". Им ли, стрючкам, не знать? Для кого российская словесность в 1916 году закончилась и с тех пор мало что прибавилось. И язык на том же периоде остановился.

Нет, не пачулями пахнет. Покойницкой.

А о нас, чем мы пахнем - читай "Трифоныч, Исаич и Лева Халиф", да все остальные статьи в антологии.

Живут поэты, и не мешают им все эти струпья и трупианы. Пахнут вот только...

А СУДЬИ КТО?

"А судьи кто? Они в промхозе,
хозяйственники все."

/Олег Офенский, "Песня над озером", в сб. "Лепрозорий-23", Ленинград, 1975/

"Эти проклятые старики - да поразит их Аллах! - никому не дают покоя из-за своего зла и нет у них день-деньской другого дела, как злобствовать и ссориться ... - с одного деньги тянут, другого оскорбляют. И еще есть у нас ... проклятущий старик, паскудней его не найти на всей земле, и эти пятеро стариков по паскудству - одна шатия, и похожи друг на друга, словно навоз из одной кучи."

/"Халиф на час", пер. М.А. Салье, Москва, 1961, стр.33/

По-моему, это портрет Бориса Филиппова: "... Одним словом, никудышный человек. Готов повздорить с собственной тенью и сам себе в бороду вцепиться! Вот он каков, этот проклятый, и рожа у него гадкая, противная, словно обезьянья морда." /"Халиф на час", стр.33/ Или Седыха. Или Иваска. Или Рафальского-...ского-М.Сергеева, все они на один лик схожи. Или Струве-старшего. Вот уже четыре.

Но кто же "пятый старик"? Хотя вполне довольно и четверых. Это они, и редактируемые-курируемые ими газетки и создают, так называемое, "общественное мнение". И не попрешь. Газетки-то - ихние. Так, высочайшим повелением Цвибака-Седых, со страниц "Нового Русского Слова" исчезли имена злоумышленников Лимонова и Бахчаняна, ДАЖЕ В РЕЦЕНЗИЯХ! Чем же провинились они?

Ведь поджог-то редакции "Нового Русского Слова" лет пять назад - совершил я, как и признался в том письменно, "телепатически из Техаса, через канализацию, поскольку пожар начался в кабинете главного редактора, где стоит унитаз для редактора, страдающего старческим недержанием."

Седых справлялся у бывого моего шефа по Институту Русской Культуры: "Кузьминский, он что у вас - сумасшедший?" Действительно, сумасшедший. Ну кому из нормальных людей придет в голову писать уважительные письма Седыху, пытаясь растолковать ему разницу эстетик и поэтик первой-второй и третьей эмиграций? Однако ж, пытался.

Втуне. Расстриженный монах Салатко-Педрище /он же Перелоев или Перелешин/, специалист по дракуловедению /был жуткий базар на страницах НРС - граф был вампир Дракула, или барон? А не один ли хрен?/, прочтя тексты христианствующего Олега Охапкина, отметил какие-то неточности по части церковной службы. Стихов он не заметил. А то, что в церковь мы ходим урывками, тайком в стране победившего атеизма - это ему невдомек. Не колышет.

Но кто же, все-таки, они, эти зловредные старцы? Полвека назад, в 1934 г., Ильф и Петров писали о секретаре Бунина, в будущем писателе и редакторе, Седыхе:

"Вдруг счастье привалило. Бунин получил Нобелевскую премию. ... Вместе с

лауреатом в Стокгольм отправился специальный корреспондент "Последних новостей" Андрей Седых.

О, этот умел радоваться!

Международный вагон, в котором они ехали, отель, где они остановились, белая наколка горничной, новый фрак Бунина и новые носки самого Седых были описаны с восторженностью, которая приобретается только полной потерей человеческого достоинства. Подробно перечислялось, что̀ ели и когда ели. А как был описан поклон, который лауреат отвесил королю при получении от него премиального чека на восемьсот тысяч франков! По словам Седых, никто из увенчанных тут же физиков и химиков не сумел отвесить королю такого благородного и глубокого поклона.

И снова - что̀ ели, какие ощущения при этом испытывали, где ели даром и где приходилось платить, и как лауреат, уплатив где-то за сандвичи, съеденные при деятельном участии специального корреспондента "Последних новостей", печально воскликнул: "Жизнь хороша, но очень дорога!"

/Ильф и Петров, СС, т.3, "Россия-Го", стр.342-343/

И это единственное найденное упоминание писателя и издателя, спецкора и редактора, секретаря и спутника Бунина в русской литературе.

Здесь же, в Америке, литература контролируется и курируется им САМИМ. Как жалок был "плач на лужайке" и крохоборное побирательство редактора сгоревшей ежедневной русской газеты /похоже, подожженной им самим - поскольку, в первую голову, "сгорели чеки", а потом уже пострадала редакторская корзина и типография/ - доброхоты из всех трех эмиграций начали слать из хилых своих сбережений на миллионера-погорельца - и брал, не брезговал!

Печатает, в каждом, почитай, номере печатает тупые и желчные "Мысли нараспашку" профессора /а судьи - кто?/ Бориса Филиппова, признающегося публично, что "не может запомнить" "Дыр-бул-щыл" Крученыха - профессор русской литературы! Даже политик Лев Троцкий - и тот безошибочно цитирует этот поэтический манифест футуризма /см. Л.Троцкий, "О футуризме", стр. не помню/, но профессору это знать не обязательно. Ему не за это деньги платят - и американские славик департменты, и Седых. Платят за рот гнющий, за поэтическую и художественную импотенцию - ведь "свой" же, свое, родное. Возражений - не печатают: свободная страна, свободная пресса - хочу, печатаю, хочу - нет!

И после этого говорить об "общем языке"? С КЕМ?

Приводимая далее статья-ответ Вячику Завалишину - отвергнута Мишей Моргулисом /издателем "Лит. Курьера"/ не отвечена спортивным комментатором Е.Рубиным /ныне редактором "Новой газеты"/ по причине упоминания страшного имени:

Ц В И Б А К !

Он же - Яков Моисеич Седых. Говорят, один из новых редакторов новых газет - стоял перед ним на коленях /пощажу Сережу, фамилию не упомяну/, замаливая выступления против незыблемого авторитета секретаря Бунина.

Ну, мне замаливать нечего. Я же - сумасшедший. Да и Бахчаняну ни к чему. Его же, согласно директивам Цвибака-Седыха, в литературе и культуре - НЕТ. Но зато в "Ста однофамильцах Солженицына" /"Ковчег" №5, стр.56/ Бахчаняном опубликован портрет голожопого младенца с подписью: "Андрей Солженицын /теперь ЦВИБАК/" - и это второе появление Цвабака-Седыха в русской литературе.

Остальные - Иваски-Филипповы-Струве - в литературе не числятся, но зато они ее преподают.

В дополнение - приводится авторский текст "Цыцки Яши Цвибака", с литературным ругательством "ебубунина" /созданным совместно с А.Б.Ивановым, под планом/, поскольку Цвибак его явно не напечатает.

Сам издам.

ЗДОРОВО, ДЯДЮШКА!

В.Завалишину

Конфликт между первыми двумя и третьей эмиграцией это не проблема "отцов и детей". Согласен, по возрасту иные годятся нам в отцы /если не в деды/. Почему "имеют право учить". Но по ЭСТЕТИКЕ - они, скорее, троюродные дядья, о существовании котрых мы и не подозревали. И, честно скажу, не пеклись.

Но ведь навязываются же! И не мы к ним, а они - к нам.

Читаем:

"А ведь в советском самиздате недавно вышел сборник стихов Игоря Чиннова, перепечатанный из эмигрантских периодических изданий /какой эмиграции, не указано, но сомневаюсь, что первых двух - ККК/, если бы составители сборника знали, что есть такой ученый, как профессор Проффер, то они бы, возможно, отказались переиздавать в Советском Союзе стихи Игоря Чиннова." /Вяч.Завалишин, НГ, май 1-7, 82, стр.29/

Ну, к г-ну Профферу у меня еще хуже отношение, чем у Вяч. Завалишина, но и к Чиннову, которого завозили в Ленинград еще в 74-м американские профессора-слависты - тоже.

Еще до, еще в 68-м, услышал я там впервые "зарубежный" русский язык. Пахнýло чистотой, ностальгией и ... мертвячинкой. То же было, когда читал я Чиннова. А когда попал в покойницкую на Толстовской ферме /где полгода прожил в "библиотекарях" на харчах и за комнатушку/, то стало дышать совсем уж некуда. И не от людей, по большинству истинно дивных и несчастных, обоих двух эмиграций, а от стоялого болота языка и КУЛЬТУРЫ.

Культуры не той, которую они создали /этой я, перерыв всю, по-свински запущенную, а великолепную библиотеку - и в глаза не заметил/, а той, за которую заставляли цепляться и нас. Будто полные собрания Л.Н.Толстого, старательно собираемые престарелой дочерью /о покойниках.../, не есть в каждой СОВЕТСКОЙ библиотеке!

Нет, они с ужасом и заткнувши нос отворачивались от культуры СОВРЕМЕННОЙ /какая бы она ни была/, культуры, созданной в послевоенные десятилетия, на тех же буниных-мережковских-толстых и ДАЖЕ Набоковых. Это Цветаева ходила в Самиздате, Ходасевич ходил, и Поплавский ходил, а не Чиннов-Елагин-Моршен. /Правда, читали мы, что Ивана Елагина одобрил такой знаток, как Федор Панферов, автор романа "Бруски", но тем меньше хотелось читать/. И Жоржиков мы читали, и Одоевцеву знали, но все равно оставались они для нас троюродными дядюшками и тетушками. И не Чиннов повлиял на Бродского /хотя Иосифу с середины 60-х чего только не волокли с Запада/, а нелюбимая мною Ахматова. Да, попадали огрызки, обкуски, но мы выбирали из них самое вкусное. И редко ошибались. Нам, детям помоек, привычно было копаться в завалах соцреализма.

Выкопали исчезнувший в России /и брезгливо поминаемый на Западе - см. статьи ПРОФ. Филиппова, проф. Терапиано/ авангард, а жили мы жизнью своей, а не дядиной. Нам не приходилось на конференциях славистов, как проф. Чиннову, книжечки свои, набранные и напечатанные, и в переплете, бесплатно участникам распихивать - у нас РУКОПИСИ из рук рвали. Замусоленные пятые и шестые копии. /За которые, между прочим, САЖАЛИ - спросите у Алика Гинзбурга, у Бродского/. Но я не о славе Гулаговской - в Харбине и в Регенсбурге было не слаще, а я - о дядьях.

Базар с третьей волной начался почти сразу же /и вилку мы держать не умеем - а пропос, вырос я в доме двух смольнянок, не говоря за собственное "прошлое" и родство - по четвертой жене - с мейерхольдами-голубевыми-пуниными-ахматовыми , но в тайге и в советских столовках - и вилкой жрать нечего. Ножей, впрочем, там не дают. Я над этим задумывался./, а когда уж редактор Седых /в просторечии Цвибак/ вздумал тиснуть Лимонова Эдичку - не роман, так с полдюжины-пять безобидных статей - разгорелся сыр-бор.

Разгорелся и до сих пор не погаснет. Сначала поносили нас "полные" профессора покойной русской культуры - с уважением поминаемый Вяч. Завалишиным - г-н Глеб Струве /рецензия на "Аполлон-77" М.Шемякина в "РМ"/:

"Когда я в письме в редакцию, напечатанном в "Русской Мысли" от 28 апреля, писал об альманахе "Аполлонъ 77" я признался, что альманаха этого еще не читал и даже не видел ... В письме своем в "Русскую Мысль" я спонтанно дал волю возмущению, которое вызвало у меня то, что я прочел об альманахе в статьях С.М.Рафальского ... и З.Шаховской ..., а также в полученных мною частных письмах от друзей из Парижа."

Книгу он не читал - но профессор же! Проф. Б.Филиппов - тот всех кусает, и самого себя готов, как змея, за хвост укусить. Рафальский, он же ...Ский и М. Сергеев...

И цепляются, цепляются за свое - ускользнувшее - прошлое, как же о нашей РЕАЛЬНОСТИ говорить? Со скрипом, со скрежетом выпавших челюстей, согласились признать полдюжины "постакмеистов" /которых и в России-то, ну, лишь втрое осталось/: Бродского /"Нобель" же, или около - хотя в письмах ко мне г-н Иваск ставил его не выше "сержанта", как и Киплинга: генерал - АДАМОВИЧ!/, Бобышева /новую лошадку проф. Иваска, на которую он "ставит" - опять в письмах же/ ... Что-то "же" у меня много получается - подсознание, что ли - по поводу Иваска-Чиннова, впрочем - приятнее поговорить о прочих вещах. Вернуться к баранам.

Безгрешный и добрый ко всем Завалишин /первый раз вижу его в ТАКОМ амплуа!/ взвился - не за себя ... за друзей. За ту, в муках вывезенную /в ладанках?/ милую сердцу культуру и землю, пронесенную - без Хиасов и фондов Толстовских - Сквозь Харбин, Сан-Франциско, Аргентину, Австралию, Париж /где были Поплавский, и Гронский, и Божнев, и Оцуп - это кого я люблю, а не чтоб образование показать, страниц не хватило б!/ - неся свои сердца и свои мысли, издавая тонкие книжечки свои - сколько сгнило и сгинуло их - ими изданных - на графской ферме Толстовской /графиня лишь с томами отца не расставалась/... - и не Проффер, а - не припомню чтоб ЗВУЧАЛИ имена и публикации этих многих на страницах самой большой ежедневной русской газеты в Америке, в статьях упомянутых профессоров. Не припомню, чтоб спасали они культуру свою с той же яростью, с какой мы спасаем - нашу.

Ярости у них хватает чтоб только за пятки кусать...

Впередиидущих.

28 апреля 82
Нью-Йорк

Константин К. Кузьминский,
экс-профессор Техасского Университета,
экс-глава секции литпрактики Института Современной Русской Культуры у Голубой Лагуны, Техас,
а, плевать на все эти титлы - поэт.

ПРИМЕЧАНИЕ: Письмо сие, настояниями Завалишина, в "Новой газете" таки тиснули /5-11 июня 82, с.8/, но ... таинственно куда-то пропали слова "в просторечии Цвибак" - похоже, что слово это, действительно, неприличное и в литературе его употреблять нельзя. Больше не буду. В статьях, разумеется. А в стихах...

С редакторами - и здешними - у меня всегда не ладно: Рубина я путаю с Любиным - кто-то из них писатель, а кто-то спортивный журналист, Мудельмана с Пердельманом, и тут еще появился какой-то Педрунис или Пердунис, который мне тоже не ответил на письмо. Я обычно отвечаю, впрочем, я не редактор. Печатают же при этом - Хорьковских и К.Рыскиных - бррр! И в "Новых" газетах тоже.

Стихотворение "ЦЫЦКИ ЯШИ ЦВИБАКА" из уже пронумерованного тома снимается: появился более ценный материал, принадлежащий перу самого СЕДЫХА. Воспроизвожу со всеми редакторскими опечатками по факсимиле, приводимому в "Новой газете" /№128, 27 июля - 2 августа 1982/ Володей Козловским:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

Andrei Sedych
Editor in Chief

Lawrence Weinberg
Business Manager

МЕМОРАНДУМ
Главного Редактора ко всем редакторам,
переводчикам, корректорам
и служащим отдела объявлений

13 ноября 81 г.

В последнее время в газете идет смешение различных диалектов и часто в одном и том же номере отдельные слова пишутся по разному. Убедительно прошу всех лиц, от кого это зависит, принять во внимание и к исполнению:

Слова произносятся не по новой советской моде /Уильям Шекспир вместо Вильяма Шекспира/, а так, как это было принято в России до прихода Сов.власти. Ссылка на новейшие советские словари и справочники не должны приниматься во внимание. Иначе, живя в С.Штатах, мы должны будем писать "Уошингтон Пост" или "Техас", вместо обычного американского произношения Вашингтон Пост и Тексас.

Вызвано это необходимостью упразднить разнобой в правописании и протестами многих читателей, которых чрезвычайно раздражают типично советские словечки, которые не были приняты в России до революции. Читатели /старые/ хотят сохранить тот русский язык, который они знают с детства и на котором привыкли говорить и писать.

В канадской провинции Квебек все говорят на старо-французском языке уже 200 лет, и французы это понимают и не протестуют: эмигранты, уехавшие из Франции в Канаду, пожелали сохранить тот язык, на котором говорила в те времена Франция. Эмиграция имеет право говорить на том языке, на котором говорили и писали в России.

Убедительно прошу всех, от кого это зависит, принять мое решение к сведению и установить единую орфографию в газете.

Заранее приношу свою благо дарность

Козловский не поленился и "... в одну из тех минут, когда мне не хотелось писать по-советски, ... испытывая известное смущение, справился с Энциклопедическим словарем Брокгауза и Эфрона, то есть с изданием безупречно дореволюционным. К моему смятению, в нем оказался все тот же злополучный Техасъ, хотя и с добавкой "/по англ. Тексасъ/" - том XXXШ, СПб, 1901, стр.118."

Володя человек вежливый. Сказать прямо по-русски - "Мудак" он не может /хотя и составляет словари слэнга, переводит Камасутру и издает "неподцензурную"частушку/, поэтому за него говорю это я.

И в руках такого динозавра, страдающего литературной и журналистской безграмотностью /Козловский упомянул еще там с дюжину перлов пера Редактора/ - находится "единственная ежедневная русская газета за рубежом".

Полагаю, скоро Седыху дадут профессора. Какой-нибудь американский славик. Чтоб обучал студьозусов истинно-русскому языку. А его литкритики - уже обучают.

ЗАУМНИК ИВАСК

/опыт негативной рецензии/

"Мечущая громы и молнии неистовая Цветаева - сродни торжественно-гремящему или даже рыкающему Держ. вину. Цветаева, герольд Белой Гвардии, и Маяковский, орала-мученик Красного Интернационала - пра-пра-правнуки певца Фелицы, НО КАК ОБА НИ СТАРАЛИСЬ, ВСЕ ЖЕ НИЧЕГО РАВНОГО "ВОДОПАДУ" СОЗДАТЬ ИМ НЕ УДАЛОСЬ."

/Ю.Иваск, 1957, стр.15 в книге М.Цветаева, "Лебединый стан", 1957, Мюнхен/

"Бобышев не повторяет "задов" обветшавшего уже авангарда, будь то заумники, обериуты, сюрреалисты, и он глубоко чужд сумасшедшему беснованию новейших бого-и-чертоискателей."

/Ю.Иваск, Вестник РХД, №134, 1981, стр.184/

Цветаева и Маяковский не создали. Бобышев не повторяет. Посмотрим, куда годится профессор-поэт Иваск. Никогда не читал Иваска. Теперь я читаю Иваска все подряд. "Это меня развлекает", - как сказал Портос. Профессор-графоман и ведущий литкритик зарубежья - это ли не шарм! Берем его туристический справочник "Золушка", 4-ую, надо понимать, книгу стихов /1970, Нью-Йорк, издание журнала Мосты/.

Стихи не только датированы, но и место написания значится: начиная с 32 стр. - Рим, Рим, Синтра /и тут же - профессорско-экскурсоводческий комментарий: "Калюж - дворец эпохи рококо. Построен для титулярного короля Педро 3-го - мужа царствующей королевы Марии 1-ой." ... "Уильям Бэкфорд /1760-1840/, владелец плантаций на Ямайке, автор французского романа Ватек /переведенного на русский язык Б.К.Зайцевым/, и путевых записок по португалии. Безумная королева - Мария 1-ая. Регент - будущий король Жуану 6-ой. Его жена - инфанта Карлотта Испанская. Св. Антоний Падуанский - португалец, родился в Лиссабоне /1195-1231/." ... "В Томаре замок храмовников." ... "Мафра - дворец короля Жуану 5-го. Строитель - немецкий ювелир Людвиг, выписанный из Италии." "Визеу", "Lisboa - произносится Лишбу /Лижбу/" - и примечание от руки: "Ошибся!" Ну, кто не ошибается, даже профессора-туристы...

Перейдем к поэтике, это ли не перлы:

Что угодно - кашка - ромашка,
И застиранная рубашка...
.....
И лианами ивы долу... /стр.7/

И уже вы кровушку пьете
Вошки-блошки-крошки-клопы... /11/

Вообще, одного слова - Иваску всегда маловато. Удвоения встречаются в каждом, почитай, тексте: "Трын-трава, сорви-голова", "ландышей-лилий" /11/, "былинка-душа" /11/, "повесть-совесть" /13/, "зауми-россыпи" /14/, "одуванчики-венчики" /15/, "маяча-играючи" /15/, "солью-слезами" /22/, "горе-разлуку" /23/ - это, надо понимать, стиль рюс или около.

Из эпитетов превалирует "голубой" /"Голубой Гавриил" - стр.16/. В современном русском так называют педерастов - подсознание? склонность? Но профессора - современного русского не знают. Они его преподают. "Голубой, голубизна" - на стр. 18, 19, 23, 25, там же - бесконечные "голубки", а также "алый" и "розовый" - вот и вся цветовая гамма. По причине "голубизны" несколько странно читается:

До свиданья, мясо! Мясо, до свиданья!
.....
..... юноша - тюльпан.
Улыбается с полка Приапу Пан.

Мясо невкушаемо - совокупимо... /24/

Очень педерастично и богохульственно, поскольку тут же присутствует "Критского Андрея медленный канон". Но это не ново: см. в 4-м томе антологии поэзию Александра Миронова /ее же - в журнале "Эхо", номер не помню/, там о том же.

В области рифмы г-н Иваск пошел куда дальше Евтушенко: у того было "лицо - лишь то", у Иваска - "лицо - цыц!". Обращают на себя внимание и следующие новаторские рифмы: "огонь - она" /эта уже превосходит рифму Сельвинского "любовь - ноги", написанную на стене сортира в поэтическом кабачке "Желтая сова" - см. И.Сельвинский "Записки поэта", год издания не помню, но 30-е/, "мальчики - венчики", "откликаются - околицей" /15/, что на фоне остальных рифм, типа "Петра - сестра", /23/ "взмывало - называла" /27/ звучит несколько дико, не сказать - заумно. А сколь богаты рифмы в тексте "Фадош за эшкьюдош" /44-45/: "чайка - чахотка", "будто - бреда", "перчатки - четки", "фадош - эшкьюдош" /последнее, впрочем, похоже, что рифма португальская/, но дальше /50-51/: "вывел - Павел", "враки - вовеки", "замка - землю", "цветик - церковь", "кругло - Каролинги", "чаша - чудо", так что неправда, что революцию в области рифмы совершили, по стопам Маяковского, Евтушенко-Панкратов-Харабаров в 1956-ом, нет, ее совершил на 11 лет позднее профессор Иваск.

Чего же он кочет? Он кочет "Гласных" и создает стихи:

Пели-пели-пели,
Пили-пили-пили,
Поле-поле-поле,
Пули-пули-пули,
Пали-пали-пали.

1959 /59/

А еще он кочет /см. выше, о "голубых"/:

Оттого что жадны или буйны,
Бабы или мальчики -
живу! /35/

хотя и признается:

Завизжали мучительно скрипки,
Вырывая последние зубы. /62/

Без зубов, но кусаться продолжает. Насчет мальчиков я не в курсе, его последний протеже поэт Дима Бобышев - давно уже не мальчик, 46 тюкнуло. Но молодой. Как поэт. Иваск же - и не молодой, и не поэт. Так, профессор /славистики/.

Учителя, бля...

ПЯТЫЙ СТАРИК

Пятый старик нашелся. Это некто Б.Афанасьевский, обнаруженный - естественно, а где еще? - в "Новом журнале", самом старом из журналов эмиграции. И тоже - навязывается в родственнички. В статье "Четвертая волна?" /"Новый журнал", №134, 1979, стр.268-272/ читаем:

"Наконец, в тех же кругах "культурников" /как их можно назвать/ растет интерес к акмеизму, который куда менее известен и изучен по сравнению с футуризмом. ... По-видимому увлечение акмеизмом или всей короткой эпохой акмеизма, вызвало другое увлечение - первой и второй эмиграцией, которая долгое время оставалась неизвестной советскому читателю. Кое для кого запретная "Русская литература в изгнании" Г.П.Струве явилась своего рода откровением. Эту книгу переписывали, выпускали самиздатом. Для некоторых "культурников" зарубежная Россия продолжала и продолжает русскую культуру, оборванную Октябрем. Вот отрывок из письма, помеченного 22 ноября 1978 г. /Москва/: "... скажите, что ... москвичи ЖИВУТ духовным творчеством российской эмиграции и чувствуют себя неразрывно с эмиграцией связанными, а через эмиграцию с вечной Россией. Эмиграция /первая и вторая/ - необходимое звено в цепи - теперь разорванной русской культуры".

"А с недавнего времени некоторые москвичи увлекаются и эмигрантской поэзией. В Москве готовится самиздатская антология поэтов первой и второй /но не третьей/ эмиграции - размером, по крайней мере, в 1000 стр. Многие увлекаются Георгием Ивановым, Ходасевичем, Цветаевой, Ладинским, Поплавским, Гингером, Штейгером, а также т.н. американскими русскими - Чинновым, Елагиным, Моршеном, Перелешиным и, недавно, Глинкой и Нарциссовым. Их стихи собираются по кусочкам из эмигрантских газет и журналов, с трудом добываемых. Спрашивают: почему на Западе не переиздают совсем недоступных Ладинского, Поплавского, Штейгера? Почему у нас преимущественно печатают только поэтов последней эмиграции и какие-то зачастую совсем графоманские вирши, присылаемые из России? ...

"Очень ценятся эмигрантские антологии. Так, антология "На Западе" была в Москве куплена за 100 рублей. Трудно достать и антологию "Содружество" или сборник Н.Полторацкого, посвященный зарубежной литературе.

"Увы, ничем не могу помочь анонимным энтузиастам литературы 1-й и 2-й эмиграции, мало надеюсь на переиздание эмигрантских поэтов. А нужно было бы создать для москвичей Институт по изучению первой и второй эмиграции.

"... Должен сказать, что эта какая-то плеснувшая в России Четвертая волна /еще не докатившаяся до Запада/, с недоверием относится к Третьей волне. Все чтут А.И.Солженицына, но новых "культурников" удручает характерная для некоторых /конечно, не для всех/ Третьих эмигрантов НЕНАВИСТЬ К РОССИИ. Новоявленные Четвертые упрекают в маразме и мародерстве нео-аполлоновский "авангард", который на самом деле лучше назвать "аръергардом" или даже "деръергардом", повторяющим азы западных модернистов 10-20-х гг. и даже 19-го в. Рембо и другие "проклятые поэты" Франции до сих пор не потеряли значиния, как и Хлебников с его полубезумными прозрениями в зауми. Ничего не потерял и визионер Аполлинер. Но где новизна, где творчество у нео-аполлоновцев?"

Да уж действительно - чего нет, того нет. Новизну нужно искать у старых пердунов, представителей нью-акмеизма /ныне столь популярного в Москве!/, чего стоит одна формальная рифма Иваска /см./ А мы-то всё "зады" повторяем. Кстати, о задах. Чего-то они шибко часто встречаются у представителей первой и второй /но не третьей!/ эмиграции. Еще Бродский жаловался в Союз, что вокруг все - педерасты, и на него "как-то странно смотрят", и оправдывался /всерьез/: "Но ведь у нас, у евреев, это как-то не принято..." Почему у евреев это не принято, я так и не знаю, но вот профессоров-педрил - здесь хоть пруд пруди, это точно.

А еще им хочется, чтобы их знали в Москве. Поскольку здесь они всем обры-

дли и никто их не только читать - печатать не желает. Ни Проффер, ни Половец-Кухарец, а вместо этого зачем-то печатают "новых", "третьих". Третьими-лишними, впрочем, являются эти выжившие /и из ума тоже/ представители первых двух эмиграций. Но им хочется, чтобы их знали в России! Поэтому вылавливают тщательнейшим образом все упоминания о себе - по слухам ли, в письмах ли анонимов - но ведь НУЖНЫ они России, ведь не может она без них! Выясняется, впрочем, за последние полстолетия, что - может.

Но ведь их же - собирают, кусочками, по газетам и журналам! А как же. Году в 1962-м и около, и дальше - ходил по Бульвару Профсоюзов /бывш. Конногвардейский/ Толик "Гнида" Лощагин, "человек с мокрыми усиками", как его определил Миша Юткевич /не поэт/. Из кармана у Лощагина вечно торчало "Новое Русское Слово", которое он совал всем желающим. Никто не брал, зная Лощагина за стукача. Вот они лишь - и способны "собирать поэтов первых двух эмиграций". Говна-пирога! Было бы чего собирать! Цветаеву, на которую ссылается этот старый гриб - они сами из эмиграции завернули, за ненадобностью, Ходасевич - в рот их имел, Поплавский - сошел на наркоте, остались лишь "русские американцы". О них я уже писал.

Да, старики... Поваливают. "Может это у нас не один старик такой, может, их у нас двое или даже трое? Двое спят, а один работает. Нажрется, второго разбудит, а сам отдохнуть укладывается..." /Братья Стругацкие, "Улитка на склоне", часть "Лес", Ардис, 1981, стр.22/. Уж больно все эти старики, точнее, статьи их, друг на друга смахивают - в своей импотентной ненависти и презрению к футуризму, современному русскому языку, появлению "третьих" и новых, почему и цитируют, захлебываясь гнойной слюной, каких-то долгожданных "четвертых", разделяющих их полупокойницкую эстетику и платформу.

Но главное - лезут уже не в дядюшки, а в дедушки. От них, "от печки", предлагает танцевать профессор Иваск. А то, что они нам - "до лампочки" - это им и в ум нейдет. Они уже и "самиздат" московский заполонили, в 1000 стр. сборники их стихов там издают! Главное - чтоб в "самиздате" /хотя всех их, в большинстве - вполне безобидно мог бы печатать и Госиздат!/. И эстетика, и поэтика - совпадают у этих пердунов с советскими ФАКСИМИЛЬНО, ну а уж политика - и политика была бы ТА ЖЕ, живи они там.

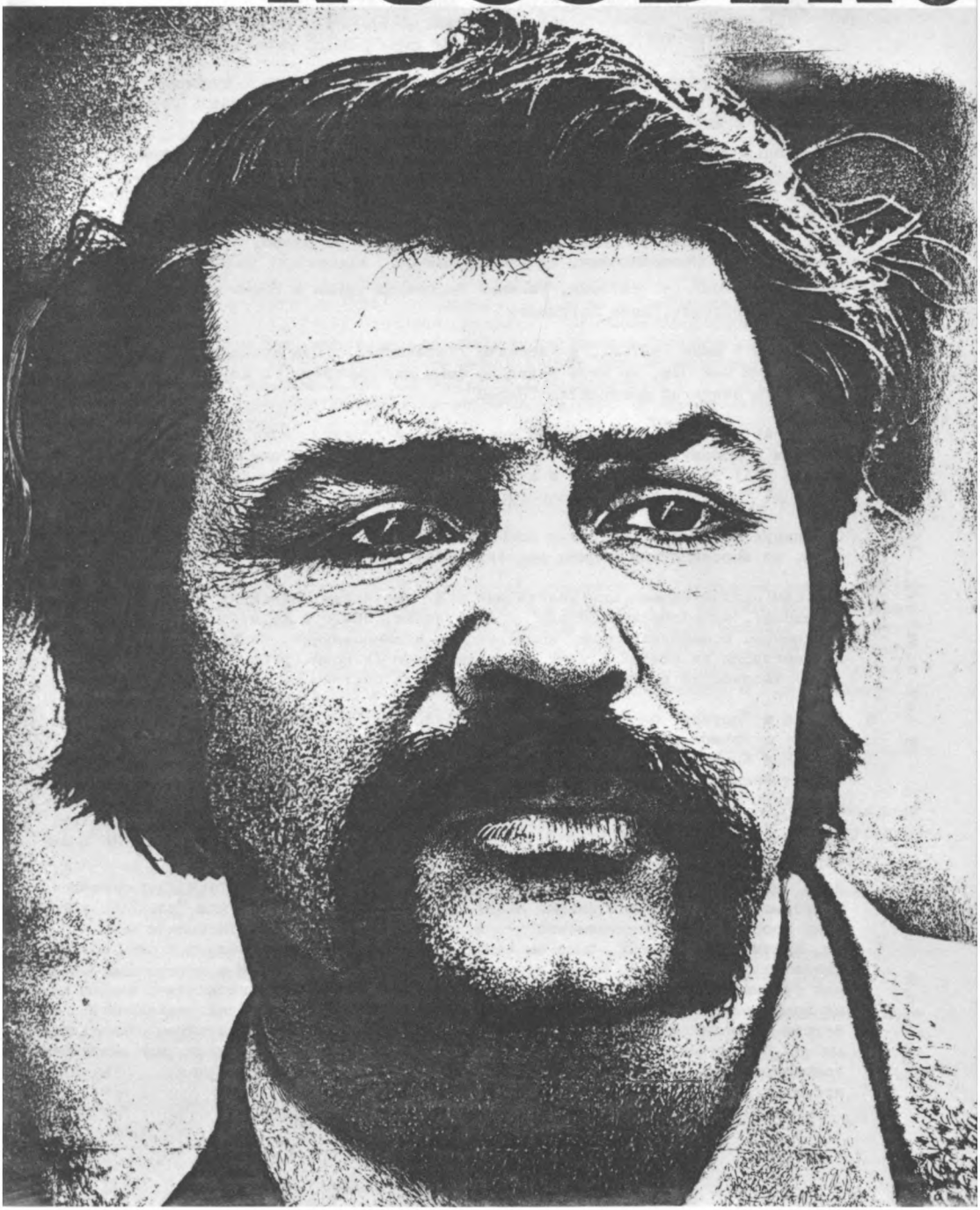
У меня такое впечатление, что я и не уезжал из Союза - повидавшись с тутошними профессорами-славистами, почитав рецензии и статьи их: то же брюзжание старческое, та же импотенция творческая, то же правоверное служение - только с обратным знаком - идеологии истэблишмента. Так же заседают на конференциях, жуя беззубыми губами инстансы из Достоевского; вспоминается пушкинское:

В Академии Наук
Заседает князь Дундук.
Отчего ж он заседает,
Отчего такая честь?
Оттого, что жопа есть!

А голова им и не требуется. Было бы чем заседать. И что бы эти дундуки ни написали - их всяко, не Седых, так Гуль, не Ваулин, так Шаховская княгиня - напечатают. Сколько полив, сколько ушатов их гнойного дерьма было вылито на шемякинский "Аполлон-77", на лимоновского "Эдичку" - остальных они просто не замечают, с Бродским, ненавидя - вынуждены считаться: он не их, а западный, "американский" академик - ну, а "третьи" - встали им колом поперек горла.

И слава Богу! Хуже - если бы проглотили, не жуя.
Но не те мы еще устрицы!
Подавятся.

NUSSBERG

"РУТИННЫЕ ОТВЕТЫ" НА АНКЕТУ КУЗМИНСКОГО

(Число по-Подлески составлена ...
Где серьёзно — там шутка, а где — там

1. Мой отец - немец Нуссберг Вольдемар /инженер-архитектор и художник/, в 1938 был осужден в Ташкенте, по ст.58 /1/, якобы за шпионаж в пользу Германии и отправлен в лагеря на Северный Урал. В 1956 - реабилитирован.

   Дед /Вольдемар/ и прадед /Зигмунд/ - Нуссберги, лютеране, обедневшие немецкие дворяне из под Штуттгарта; вначале нашего века, перебравшись в Курляндию, жили около Фридрихштадта, откуда дед был приглашен работать главным садовником в сады и парки к наместнику Туркестана Вел. Князю Михаилу, в Ташкент.

   Мать - Бесспалова, Раиса; в молодости работала на радио, затем - техником-архитектором. Православная, верующая.

   Дед /по матери/ - татарин, Василий Бесспалов /имел в Перми кожевенный завод/.

   Бабка - русская, Анна Логиновна.

2. Родился я 1 июня 1937 г., в Ташкенте /Узбекистан/. При крещении в православном храме дали имя Лев, но мать звала до семи лет Дмитрием, а когда пошел в школу все стали звать по документам "Левой"

3. В 1947-49 гг. - мы исколесили всю Западную Украину, т.к. мать пыталась перебраться в Польшу, но из этого ничего не вышло. Затем осели в Питере /Ленинграде/. В 1951 г. - поступил в художественное училище в Москве и окончил в 1958. Семь лет "волчьей жизни" и впроголодь в сталинском интернате.

4. Симулируя шизофрению, избежал советской армии. Не пошел и в советские университеты, но впоследствии сменил десятки работ и профессий.

5. Или сам организовывал, или участвовал в 87 выставках /половина из них — международные/, кинетических "Играх" и спектаклях. Полтора десятка выступлений на всесоюзных и международных конференциях и симпозиумах, начиная с 1965 г. Библиография же статей и книг освещающих мою /и моей группы "Движение" 1962-1977/ творческую и общественную деятельность состоит из более 400 названий.

6. Друзей и "друзей" было много, ...но порядочных, с совестью и духовных, да ещё верных в дружбе чуть более десятка: Михаил Гробман и Борис Понизовский /с 1957/; Анатолий Кривчиков, Вячеслав Щербаков, Таня Калинкина /1960-65/; Людмила Орлова, Жаклин Фонтэн, Ольга Потёмкина, Мари-Клод Басселье /с 1962-.../; Галина Битт, Самошкины из Питера /с 1965 .../; Саша Григорьев /1967-72/, Наталья Прокуратова /1967-75/, Илья Чашник — с 1972, Кузьминские из Питера — с 1974; Галина /она же — Ди́ка/ Головейко — с 1975..., ставшая с 1980 Ди́кой Нуссберг, а с 1982 и матерью моих детей...

   * И на Западе, после эмиграции в 1976 г., нашлись настоящие друзья /порядочные и бескорыстные, доброжелательные люди/, несмотря на "интерес" или "расчёт", которыми пропитаны взаимоотношения - и дружеские - людей в свободном мире. Но, Костя, Кузьминский, было бы неискренне, если бы я не помянул и тех, так называемых "друзей", кто после нескольких лет общения со мной и постоянных заверений /устных и письменных/ в своей дружеской верности мне, неожиданно ужалил меня из-за зависти, корысти или скрытой врождённой подловатости: снюхавшийся с советскими "органами" Ф.Инфантэ, или советская "парижанка" с талантом стяжательницы - Оксана Бигар /Кошелева/, или бесхвостый воробей Глинчиков, или вездесущие /особенно, где пахнет жареным/ французские "русские" Махровы, или..... Ох, ну и противно же вспоминать о них!

Материалы Льва НУССБЕРГА - © Lev Nussberg, 1982. Дизайн - Лев Нуссберг.

7.
8. Костя, о "салонах", встречах, людях и о том - нашем - времени уже готова
9. вчерне книжечка в 800 стр.,да еще 500 иллюстраций, так что ...

10. Лет в 18-19 открывал для себя Фрейда и старался прочитать все о ... Наполеоне /со временем накопился грустный осадок оттого, что он смотрел на Искусство и на Культуру, как на прислужниц во время войн по перекраиванию Мира/. Всегда восхищался Петром Великим, его преобразованиями /но терялся от его жестокостей/... Затем года два не расставался с томиками Платона, а за ним и Канта - особенно его "Пролегомены". В 1961-62 гг. их начали вытеснять Достоевский, Бердяев и ... Ницше. Позже, европейские знакомые завезли Сёрена Кьеркегора, Хосэ Ортэга-и-Гассэт'а, Камю и Сартра.

11. Имена великих художников, оказавших на меня влияние укажу в хронологическом порядке: М.Врубель и через него - русская иконопись /1955-56/, после выставки Пикассо /октябрь 1956/ - поворот к Европе и "пикассизму"; обожание Боска и Клее - 1957-59; опьянение русским европейцем Кандинским /1958-60/ и знакомство по информационным обрывкам и кусочкам с "Баухауз"ом; открытие Малевича /1960/, заполонившее всего меня! В 1961 году я начал первый в СССР /после русских авангардистов 1913-20-х гг./ создавать п р о с т р а н с т в е н н ы е кинетические конструкции-объекты. В 1962 - кратковременное увлечение творчеством Габо. С декабря 1962 — я пришел к ... "Нуссбергу."

12. 1937.....1951.....1957-58.....1961-62.....1966-68.....1972-76....1981....

13. Ни один из 365 дней не повторяется. Необходимо, по крайней мере по 1/2 странички на день — Костя, в следующий раз.

Дополнения /А/, пояснения /Б/, враги /В/, недруги /Г/, высказывания и изображения/ об искусстве /Д/, пороки /Ж/, любимые занятия /З/, путешествия и переезды /Е/, надежды /И/, мечты /К/, любимые кушания /Л/, любимые женщины /М/, впечатление от заграничной жизни /Н/, отношение к Солженицыну /О/, мнение о "Континенте" и прочих журналов /газетах/ /П/, ностальгия /Р/, желаете ли кому набить морду /С/, планы на жизнь /будущую/ и прочие, не приходящие в голоу вопросы /Т/ — это все провокационные крючки Костиной анкеты.

Д - к концу 1982 г. выйдет обильно иллюстрированная книга с изложением моей эстетической и философской концепции.

Ж - чрезмерная эмоциональная увлеченность и несдержанность, непростительная доверчивость, отсутствие способности прощать подлость, жадность и трусость; жесткость в суждениях и др.

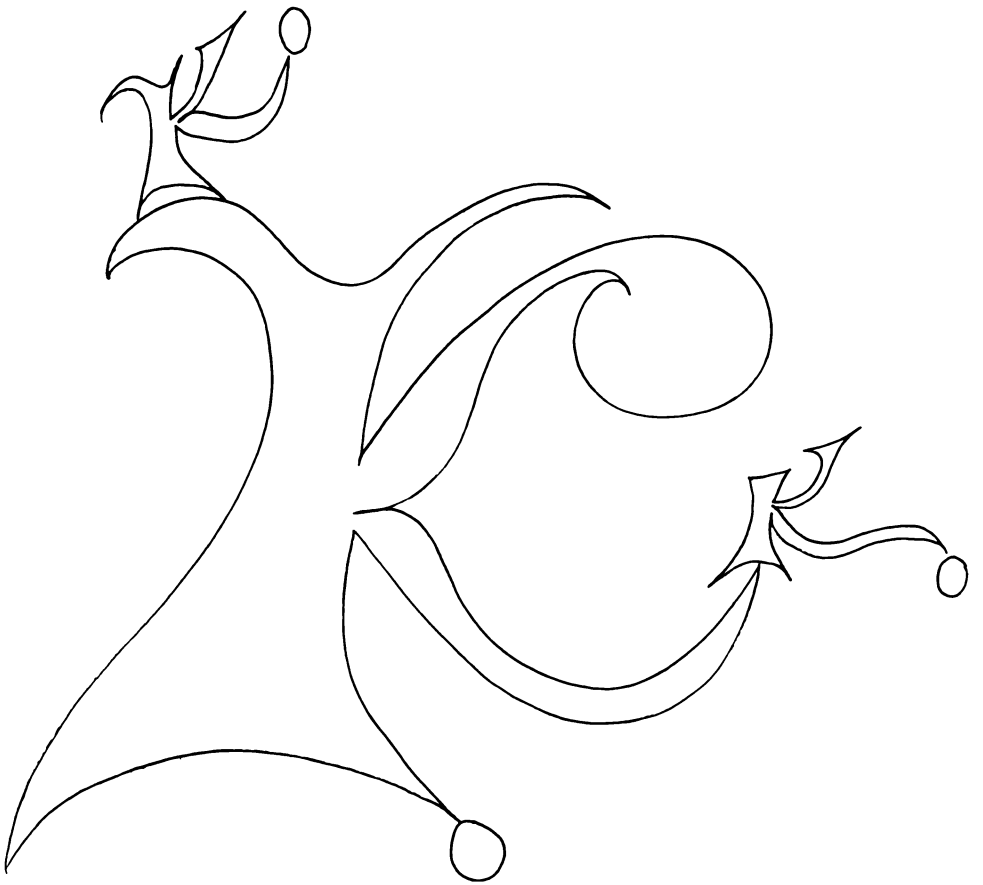
З - читать, придумывать, творить любовь с женщинами, слушать музыку и быть на природе.

К - лет через 10 создать, наконец, Институт Футурологии, и начать постепенно, хотя бы частичное воплощение моего генерального проекта "И.Б.К.С." /1968/.

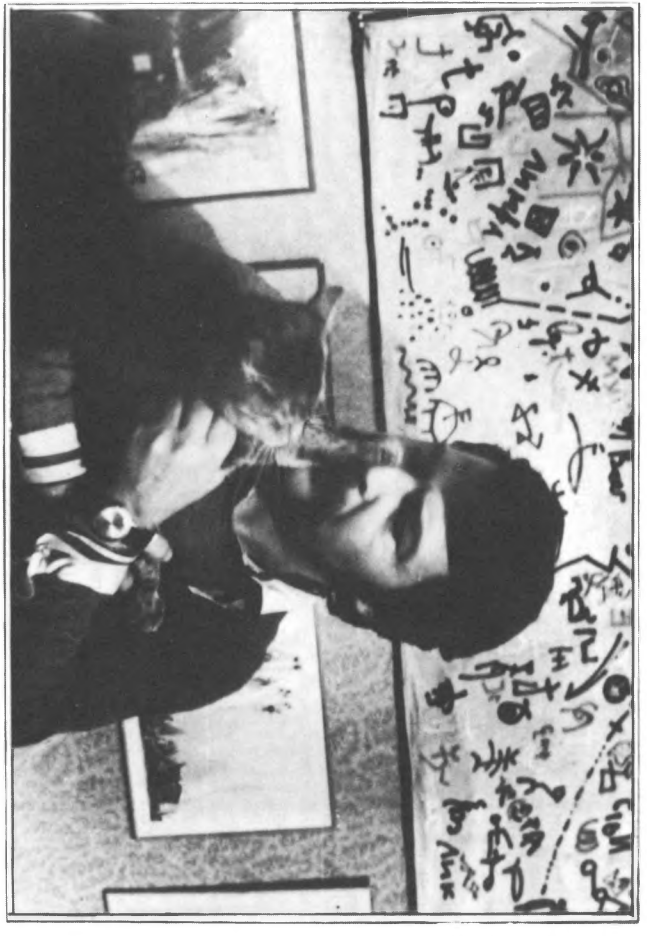
О - в историческом плане: мощная личность, вызывает восхищение; талантливый публицист, с псевдославянофильским, горьковатым языковым привкусом; но, кажется, что Солженицын как человек чрезвычайно консервативен, с затаенной обидой, и даже какой-то озлобленностью на свое прошлое; было б большой ошибкой, если бы

людей такого типа, фанатичных, допустили бы к власти в освобожденной России, в будущем.

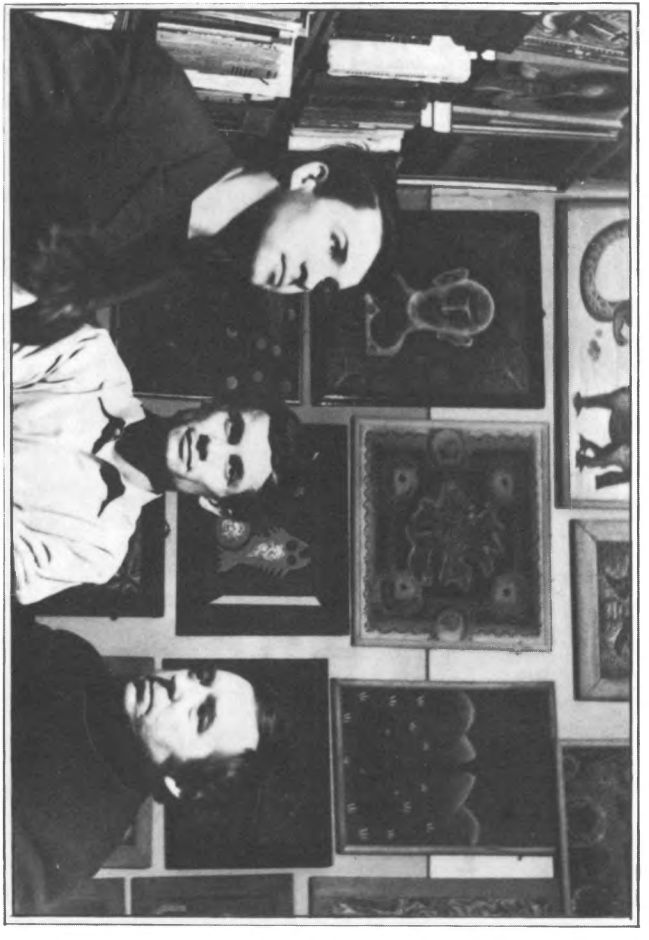
* Косгб, жизнь — чурок ешё и цирк (а особенно в Америке), а

Нуссберг с народным котом Пиплом на выставке "23-х". 1974. Архив К.Кузьминского. Фото Г.Приходько.

Нуссберг, М.Гробман и Мишель Рагон у М.Гробмана. Архив Л.Нуссберга. 1971.

ГЕНИЙ

Зарядил меня на эту статью математик NN, где, говоря совершенно о другом, объяснил мне все в отношении Нуссберга.

Я все думал: куда отнести эти игры? Твердо - пахнет поэзией. Пахнет кино и театром. Пахнет лесом. И пахнет робронами. Плотью, лирикой, бабами, звездами, вечностью, временем, мигом. Пахнет Хлебниковым и - допустим - Ивановым. Даже двумя: Вяч. и более ранним - Александр Иванов мечтал создать "Храм всех Богов", расписавши оный - Магометом, Аллахом, Иисусом, Иеговой, Буддой. Для чего и эскиз был - "Явление Христа народу". 30 лет на эскиз. Футуролог же Пунин - писал об Иванове. Труд всей жизни, монография в сотни страниц. Где она - справляйтесь /пардон/ в КГБ. Вместе с Пуниным взяли, в 49-м. /Говорят, Пунин, сходя с кафедры на последней своей лекции-выступлении, сказал: "И все-таки Пикассо - великий художник!" Тогда еще Пикассо за коммуниста не держали. Не уважали. Это потом он начал - вертеться, с "голубка мира", вокруг шара.../

В разговорах же с херром Нуссбергом, понял: все века и эпохи, все боги /как в "Искушении святого Антония" любимого мною Флобера, автора "Бувара и Пекюше", а не "Мадам Бовари" общепринятого!/ - проходят, как кадры, сливаясь /врываясь/, высвечиваясь или затемняясь - петровской гравюрой или бешенством /того же раннего Иванова/ экзотических красок, переплетение судеб /ИДЕЙ, не героев!/, выход к БУДУЩЕМУ. Как у Хлебникова и Иванова /и обоими занимался - Пунин!/.

А форма? Все та же поэзия. Ибо - более емкой и замкнутой /в то же время - свободной/ формы - человечество еще не изобрело. Библия, и все священные книги - тоже форма поэзии. Все ее жанры, от лирической /"Песнь песней"/ до эпической /Апокалипсис/. Нету только комической /как у Нуссберга, впрочем!/. Но она есть - помимо и рядом. В трансформациях Библии, в сказках хасидов, в Рабле, Уленшпигеле, Гашеке и Насреддине.

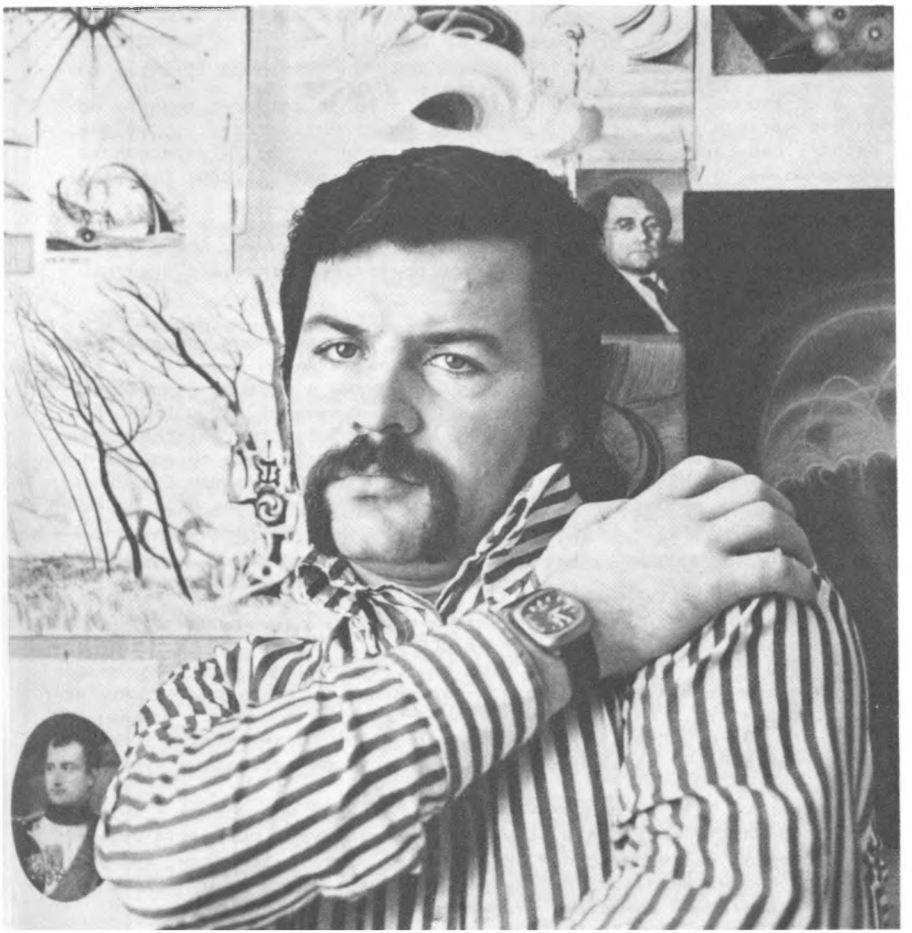
То, что пишут о нынешних "концептуалах" - относится, РАНЕЕ, к Нуссбергу. Действо, хэппенинг, фильм и ПОЭТО-СЦЕНАРИЙ - это было у Нуссберга в 50-х еще. Об этом - и толковали они с Понизовским /см./. И, работая с ГРУППОЙ, Нуссберг должен был как-то ДОНЕСТЬ сверхзадачу, идею - до ушей и душ коллектива. Убедить, объяснить, ЗАВЕСТИ. Что же - лучше и ПРОЩЕ - поэзии? Поэтической драматургии, монолога, рассказа, ПОКАЗА.

Кто сам Нуссберг? Татарин и немец - по отцу и по матери /"помесь Гитлера и Чингиз-хана", как я, дразнясь, его называю/, немец-дед /из Курляндии/ служил садовником у Великого опального Князя в Ташкенте /забыл, как звать, много их было, князей - но тот, который фамильные брильянты слямзил и на блядей и певичек потратил, за что удален из столицы был/, отец - в архитекторах, но получил срок /как и дядя, начальник строительства Кара-Кумского канала/ за сношения с дедом - как германский шпион. Советским - остался, невзирая на ссылки и пытки. /Впрочем, сыну Пальмиро Тольятти - яйца в КГБ отдавили, отчего, тем не менее, Компартия Италии не осталась без вождя/. Дед-татарин /по матери/ фабрику лайковой кожи имел, поставщиком двора был, попутно - снабжал денюжкой либералов и революционеров, но в 27-м помер в Бердянске от голода, коммунисты долгов не платили. Мать в юности гнали из комсомола за юбки и губки /"Накрашенные губки, Колена ниже юбки - Ну, словом, безусловно, вредный факт!" - из песни тех лет/, а сейчас в церквах пропадает. Сын же их, Лев Вольдемарович Нусберг /Нуссберг/, рождения 1937, подался в художники и кинетисты. Основатель оного направления в СССР. К сему добавить:

автор архитектурных проектов будущего,
фильммэйкер,
артдилер,
меценат и патрон,
поклонник Наполеона Бонапарта /и Малевича - вписано Нуссбергом/,
баболюб,
владелец многих борзых /одну подарил, Нежку, принцессу Нежинскую/,

заново-открыватель-Чашника,
практицист и романтик,
символист /открещивается!/,
футурист и футуролог

И ПОЭТ.

Портрет Нуссберга /с Наполеоном /и с Малевичем - вставлено Нуссбергом/.

Пишет мне НУССБЕРГ:

Дюссельдорф 15.04.77

✱ "... а во-вторых, ... НАША КНИГА! О книге — мы ее сделаем; деньги, не все, но бо́льшую часть я даю / ≈ 5.000 долларов/ может быть шесть .... увидим. Но чтобы сделать серьезную книгу, даже при "бесплатном" труде /и материалах/ нашем, необходимо ≈ 10.000 долл. 10.000 $!!! Или даже 11.000. Где взять еще —4.000 - 5.000 ? ГДЕ?
Я имею достаточно —редких /страшно интересных/ и неопубликованных материалов, и не только 1920-х, но они, конечно, редчайши. Ты —современных, причем ПОЭЗИЯ и литература, в чем признаю, естественно, твой приоритет-авторитет-"паритет" - и пиэтет....----------
/7 строк поливов на общих друзей, это я опускаю - ККК/
Предлагаю в ответ на твое /Ваше с.../ предложение: утвердить мою кандидатуру на пост гл. редактора и издателя. Отвечай — как?! Согласны ли Вы /все там, и с ... Нежкою/. Почему?! — Не хотелось бы тратить уйму энергии и нервов, отвлекаться от моих "наполеоновских" планов и пр. + еще и денежки немалые /30.000 франков/ и чтобы это вышло среднего качества, НЕ ХОЧУ! Нужен отбор, строгий, серьезный, без личных "патий" или "антипатий". СОГЛАСНЫ ВЫ или нннет?! Пиши поскорее. И я должен буду поработать в USA, с Вами там, и ты, естественно, должон будешь издеся повкалывать; опять же расходы беру на .... себя /"весь огонь беру на себя"/ Значит визит-транспорт Texas - PARIS оплачу /ну, что с тобой, Барабашкиным [это значит: поэт!] делать?!/

✱ Книга эта /ОБЗОР СОВР. КУЛЬТУРЫ-ИСКУССТВА В ПРЕДЕЛАХ СССР за 1913-12 — 1977, итак за 65 лет, не много ли?/ должна состоять —предварительный план-стру- НЕТ!!! ктура из трех периодов /совр. истории иск. в СССР/ —частей.

1. Предревол. 1910-1917 —1932 /т.к. в этом году, в принципе, наступил перелом - пиздец, и пошла черная эпоха страха и деградации со всеми этими "соц. реализмами", союзами худ., пис. и комп. Сталин - Горький - и пр... Ждановы. Если вся книга 500-600 стр., то период 1 ≈ 100 стр. /примерно/. И только несколько цветных репр.— из экономии и для того, чтобы наше время лучше представить, сочнее.
2. Период /или часть/ 1932 /условно/ —1956-57, 25 лет мракобесия и жути Гулаговской, полная стерилизация в искусстве и в культуре. Вся часть без цвета. СЕРАЯ, скорее, чем чёрно-белая. И построена /хоть и привыкли, что эпоха 1920-30 построена на коллажах : Лиссицкий, Родченко, Швитцерс и пр./ на фотомонтажах и тоталитарной симметрии сталинизма /нацизма/.
/"тотальной"/
Документы —постановления, решения, Союзы худ., пис., комп. и пр. директивы, прославление Сталина-Гитлера, ИССТУПЛЕНИЕ /и удушение/. И фотомонтаж, фотоколлаж..... ЖУТЬ!!! Гулаг культуры в России и на окраинах. /Пишу предельно сжато, "телеграфирую"/.
/ох, какие есть материалы, ох!!! И как это нужно подать ... хотя уж и понаписано за последние 6-8 лет, но ...../

И эта вторая часть ≈150 стр. /может 120/. Не знаю. Потом вырисуется. Материал весь из прессы советской, почти весь: газеты, "Огонек", сборники сов. сталинских деректив и пр. И фоты ... жуткие ..... /Письма, хорошо бы, документы. Ахматовой, Н.Мандельштам и др./

3. Часть /период/ 1957-1977, и эти 20 лет гораздо подробнее, нам вроде бы и карты в руки, а? Особенно, за последние 15 лет, и ты, и я, и наши "коллеги", мы то хорошо помним нашу жизнь и становление /и наших друзей и окружения/. Цветных репр. ≈ 15, а то более. Страниц ≈ 350-380. Прозу дать. И ПОЭЗИЯ - поздний Пастернак-Ахматова, Бродский, Горбовский, Сапгир, Соснора, Кузьминский, Красовицкий — как антипод комсомольский даже А.Вознесенский или "Евтуха", но чуток, 2-4 вещи, А.Битов, А.Аксенов /В общем, материала подкинул этот Мальцев - только мельком заглянул я/, и художнички — 2 града, и в основном 3 тенденции, 3 полюса притяжения пластического языка и мироощущений: это, конечно, "РАБИ НИАНА", с 1956-57 стал центром притяжения, затем Э.Неизвестный, Кабак, Янкиль,
Ю.Соостер, Булатов, Брусил., Ламм и др. большая кампания — "кибернетический сюрреализм", типичные "западники", техникоаниматоры.
/это и Москва и Питер - сильно был и Питер всегда под его влиянием..../
/Т.е. "псевдославянофилы" и примитивисты-народники/

И наконец, третий полюс - кинетизм, моя тенденция /и не только в Москве; в Питере было, и есть "ученики", есть влияние и в других гор. — Харьков, Одесса, Казань, Рига, Свердловск, Киев и др. — значит 1961-1976, колл. "Движение" и пр. Связи.

И последняя волна - из твоих "14" только 5-4 поэта, да еще кто-то. А.Волохонский,

3а. - это о музыке, хотя бы сжато дать представление панорамное и о джазовой стезе тернистой /я помню 1962-1968 кое-что/ и о т.наз. "серьезной музыке" — это Волконский, Каретников /он теперь, правда, оконч. ссучился/, Д.Денисов, Соня Губайдуллина, Шнитке, Караваичук /Питер/, Сильвестров и др. Очень важно представить музыку - я здесь найду кое-кого из муз. приехавших, кто даст не только инф., но и квалифицированные консультации. Никто еще до сих пор не пытался просмотреть общие связи в разрезе культуры между лит. + искусств. изобр. + муз. + архитект. /самое серое и неинтересное за 1932-77/, А мы должны хотя ... бы поставить эту проблему, уж если не вскрыть ее, а? Согласен. Т.к. были частые контакты и даже /как это ни странно/ взаимные влияния ---------- Например, наряду со всеми этими Шостаковичами - "авангардистами", именно в кавычках /т.к. на Западе вполне удовлетворяются 3-4 — он, Кабалевский, Хачатурян, да Прокофьев и всё .../, а десяток 30-40летних талантов, кот. пытались и пытаются идти с западн. движением и экспериментированием ----- совсем не известны на Западе, не говоря уж о jazz'е, хотя должен заметить, что благодаря неграм, и Уиллосу Коновер'у /это диктор "Голоса Америки"/ о джазе знают теперь больше, хотя он до сих пор и в загоне в СССР.

Итак, в 350-400 стр. 3-ю часть книги втиснем, с трудом. /Проза займет много, да всякие "легенды" о худ. и выставках за последние 5 лет, да и о нас достаточно материала, т.к. совсем другая тенденция, эта самая ФУТУРОЛОГИЯ, тем более, что единственная тенденция /не считая "пяти" поэтов/ действительно связанная с 1-й частью /т.е. 1920/ и вытекающая оттэдова ...

4-я часть /наконец-то!/— это всякие, "индексы", справки, БИБЛИОГРАФИЯ, перечни и пр. данные, это займет стр. 50-60, я думаю, причём ..... "петитом"!

Всего поэто-писак /1957-1977/ ≈ 15-25 имен, а?
Всего художников /Москва - Питер плюс по 1-2 из др. гор./ ≈ 25, а?
Всего музык. и тех, и других ≈ 20 имен, много jazzistov....
Это всё наши сверстники, по 30-40 лет, и худ. и муз. Всего около 80 имен за посл. 20 лет, и это при строгом отборе. Страшно делается, а? Максимум (МЫ) потянем (20) цветных репрод. От каждого худ. имени, в среднем по (3) репрод. черно/бел., а? Где-то и 4, и даже 5....
А в первой части книги ≈ 10 имен, и ≈ 20-25 репрод. и все Ч/Б!!!
Во второй части стр. 30-40 фотомонтажей, и стр. 60-70 текстов.
Итого - фоторепр. цветных 18-20
репрод.-фото ч/б ≈ 300-320
/и кое-какие
докум. в 3-й части - фото/
+ фотографий /всех/ ≈ 350 штук
ТЕКСТА /всего/ ≈ 380 стр.
и библиографий, и всякого...

/лица/ всех
а/ фото портреты + ателье = 120
б/ репродукц. ч/б
худож. всех эпох = 130
в/ фотомонтажи и др.
на 40 стр. ч/б = 400 500

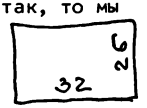
Книга /будет?/ в 600 стр. ТОЛСТАЯ, А?

/а фотографии займут примерно: 170-180 стр. /по 2 на стр./ в среднем/
2-я часть - потребуется для фотомонт. и коллажей репродукц. ≈ 400-500 и фотограф.

✱ И теперь —ЯЗЫК - ? В основном /так сказать "госуд. язык" для нашего детища —русский /такой бесконечно богатый и красивый, свободный/, но ... я считаю чрезвычайно важным, даже НЕОБХОДИМЫМ, чтобы хотя бы 40%-50% всех текстов /а "Библиография" и др. информационн. штуки были только и только на одном английском, дада!/, ХОТЯ БЫ ... были бы на АНГЛИЙСКОМ, и хорошо бы было половину из того, что будет на английском, было бы еще на .... русском, т.е. в оригинале тоже. Все это сложно, я это, старик - Капитан Кассий Колькаун /не обидся, пожалуйста, только ККК-ассоциации .../, не хуже тебя представляю, хотя это и не мне переводить.... Итак, 60% /примерно/ на русском, 25% и на русском и на английском, а 15% только на английском, без русск. оригиналов.
Как Вы то считаете, а?! Это у меня так, облака в небе, может быть и "верблюд", а может быть и стая птиц .... Но как основа для перекраивания может быть перекроена, и так, и сяк ----------
Значит 1/4 часть "книги", т.е. текста нужно УДВОИТЬ по количеству страниц. Это будет 80 стр х 2 /русск. умн. на англ. дает "финалемент"/ 150-160 стр.И если взять точнее 370-380 стр. всего текста, то 160 стр. на англ., из них ≈ 160 англ. + 70-80 стр. и по-русск. + 140-150 стр. ТОЛЬКО по-русски ≈380 стр. /ну, как Вы еще не запутались в "моей арифметике"?!/ И еще, повторяю, 220 стр. только со всеми фотографиями, без текста; а если будут, и надо, конечно, обязат. подписи под фотографиями, ТО их надо печатать только на английском, и только. Чтобы, не дожидаясь перевода /будет-не будет/ книга была открыта и понятна для большинства Запада, а если русским лентяям /не желающ. учить ин. яз./ будет и не понятна половина, то чёрт с ними, так им и надо... Ну, а уж если дойдет дело до перевода, то половина книги уже переведена, и изд. скорее возьмутся за перевод ее целиком и изд. в такой "интерпретации" ----- ЯСНО?!
В общем, если Вы примете, в принципе, мою программу, и если мы славно поработаем с годик, и если /я и Вы.../ сможем еще раздобыть много материалов, не количеством; а, например, портрет /фото/ С. Красовицкого.

Или кое-какие биограф. данные разных джазистов и др. писателей и т.д., и если мы раздобудем еще 3-4 тысячи долларов /у разных .... людей и орган./, и если решим еще много.... ЕСЛИ, то получится к весне 78, оригинально-славная, необычная ... КНИГА!

* Неужели 300 долл. стоит одна цветная репродукц.— ?! Я еще узнаю —может во Франции и дешевле будет, и потом если на Одной стр. 2-3 цветных репр., то ведь это как одна большая /т.к. один-два-три прогона, понимаешь?!/, если это так, то мы сможем дать до (40) цветных.
Формат предлагаю горизонтальн. прямоугольник, и примерно, 30-32 см х 25-26 см, очень выгодно /да и эстетически/ делать всевозможн. монтаж при таком формате и размере, и потом типа альбома. Вот. Уххх!!! А чтобы стих "длинный" вертик. умещался, то нужно /и хорошо это/ менять размер шрифта, маленьк., средн., БОЛЬШОЙ...И еще —хорошо бы кое-где /только кое-где.../ ввести "дырки" всевозможные, прямо физические, или какие-то "раскладушки", создающие объем, при желании /ну, ты знаешь, детские книжки видел?/; и стр. не везде только белые /особенно, это для поэзии важно.../, и, текстом чуток поиграть, но не только размером и характером, но красный кое-где, синий ввести, а?! Надо бы ..., т.к. в принципе, это не на много сложнее, и не на много дороже. А некоторые стихи /или прозу/ дать по-русски, но только в ориг. рукописн. написании, "факсимильно" ---------- /или сочетать рис., скажем ГОЛУБОЙ, прямо по черным буквам стиха/

НУ, --------- как?! Не охуели Вы /прости, Эм, я сам —это самое/ ото всего этого, от всех этих планов?! Но это все РЕАЛЬНО .... Единственно, что меня тревожит —это 3-4.000 этих самых "зелёненьких".
ГДЕ ИХ ВЗЯТЬ, ГДЕ?! Все остальное —не проблема, это все зависит от нас, а вот "зелёненькие" —?! Думай, думай, думайте и ищите. /Может быть, когда дело пойдет, я еще тыщонку вложу, седьмую.../ Но все равно 3-4.000 надо найти.....
Где мы будем работать и как, где надо делать макет /и черновой, и беловой/— думаю, что лучше это делать в Париже, редактуру, тексты и переводы делать в TEXAS'e, да?! Но надо будет приехать на месячишко в Париж, если морем, то можете вдвоем /но кому доверите Неженьку?/, так как вдвое дешевле - сумма-то, кот. я на это выделю, остается постоянной?! Нет?! И кто же все-таки будет печатать, издавать печатно и пристраивать ее на книжном рынке, кто?! И это тоже все-таки проблема, хотя и разрешимая, т.к. когда будет макет /даже еще в черновом варианте/, то легче будет говорить, конкретнее, и легче найти "печатника-издателя". Главное, сделать вещь, а уж потом мы ее пристроим, и, надеюсь, хорошо, так, чтобы в 50.000-80.000 тиражнуть, а?! Это, конечно, мечта /но вот именно поэтому, надо, чтобы 45%-50% книги было по-английски/, и очень важно качество перевода, чтобы природный - потом, после перевода - америк. или англичанин /есть же John'-чик/ считывал, смаковал, оценивал, КАК и ЧТО!
.....

8 ноября 80,
Техас.

3-4.000 я не нашел, наоборот, Нуссберг мне в этом году пару тысяч подкинул, и вот уж, ровно 2 года /днями будет/ лежу и набираю эту антологию одним указательным пальчиком /потому что в левой руке сигарета, да и все равно я ей - только регистр переключаю/. На доходы жены-уборщицы /экс-архитектора/, 6.000 в год.

Пишет Нуссберг:

Berlin 24.11.79

.....

✱ Я даже хочу попробовать - ВПЕРВЫЕ! - /забавно..../ напечатать фрагменты из своей старинной прозы "кинетической" за 1967 г. /писано за 12 дней в январе 1967, в Питере, на Моховой ул./ под названием "NUSSBERG" —дурацкое название, но вот так уж было, всегда. Его, конечно, надо будет изменить. /В этом томе приводится отрывок, разрисованный Нуссбергом, этой поэто-прозы, под названием "Гений". Сменил.— ККК/ Это должна быть книга-лабиринт, последний этап в книгопечатании, и в классическом и "классическом" книгочтении, т.к. после этого этапа, в принципе, прекратят издавать книги, как нечто обязательное и новое —разумеется, сохранится факсимильная, или первоиздания, форма книгоделания. Почему?! Да потому, что Человечество перейдет - причем, это будет, обязательно будет - на другие формы передачи информации, ну, например, микроминиатюрные звуковые и изобразительные средства /зачатки-то есть, напр. преподавание уже сегодня по телеку, и даже в Университетах и др. формы/, с самым широким использованием микрокомпьютеров и пр. лазерно-голографических "хитростей". И правда, интересно, что в июне 1977 я впервые увидел - т.е. 10 лет спустя - на выставке "Документа-6" спец. выставку всего того, что можно сделать с книгой, точнее над книгой, или что-то прототипное, связанное с ней. И меня это поразило и обрадовало /ну и конечно, с некоторой долей осадка сожаления, во-первых, от того, что почти все делалось там, т.е. до 1977 г., было вслепую, а во-вторых, крайне выпендрёжно и страшно фрагментарно /формалистично/... Жаль. Но все-таки я был в восторге, в принципе, от того, что мои интуиции от 1966-67 гг. подтвердились, что следующий этап за альбомно-книжной формой придет, обязат. придет, повторяю,— это лабиринт, в прямом и в переносном /т.е. в психологическо-"листательном"/ смысле. Эта моя литература должна представлять собой в 300-350 листов, т.е. почти что натуральный куб в объеме; почему? да потому, что некоторые листы будут по 1-2 см, да-да; а некоторые —нормальные по толщине. В некоторых местах будут 20-30 листов прорваны-прорезаны разными отверстиями, образуя физическую пустоту, но осмысленную, и главное, служащую "развитию" /если можно так выразиться/ "сюжета" /если таковой будет/. - В общем, ты увидишь. В некоторые листы будут вмонтированы электронн. схемы, с пульсирующими искусств. свечами /лампочками/,— /антр ну, видели мы эти лампочки - Сюзанна Масси привозила показать их из Лувра хранителю Павловского дворца Анатолию Михайловичу Кучумову, мы с Кучумовым поахали: мигают, как свечи, но когда выяснилось, почем —то заахали уже в Управлении культуры и в Обкоме партии. Словом, в Павловске и по сю - те и горят, что Ильич изобрел. - ККК/,а в некоторых будет или вода /движущаяся/ или огонь, использовать надо всевозможные материалы, вещи /но плоские, желательно/ или фактуры, уж не говоря, разумеется, об обилии коллажей и ассамбляжей. И конечно, живая музыка, настоящая!!! Речь, человеческая или звуки нужных зверей и пр. чудищ, как искусственных, так и настоящих, т.е. природных, пение птиц, плач, смех, крики ужаса, ззуд комарья и пчёл. И, ... И, разумеется, з а п а х !! Некоторые "страницы" нужно будет воспринимать только в затемненном месте, т.к. они будут разнообразно и осмысленно, вытекая из "фабулы", светиться, и весьма различными способами. Никакого формализма, т.е. сама форма и должна быть этим содержанием и "содержанием" /а если этого нет, то содержания в ... содержании нет/. И еще + одно качество —это РИТМ, ДИНАМИКА /скорость/ прохождения-"прочтения" этой так наз. "литературы"! Это очень важное для меня средство, чрезвычайно важное. Ну относительно интонационности —это ясно, что страшно важно тоже. Но скорость ритма прохождения по этой литературной лабиринте —это необыкновенно важно. А "картинки" /коллажи/— это вовсе не иллюстрации к тексту, как и текст совсем не экспликации к ..."картинкам"-иллюстрациям, совсем нет. Все на равных! Каждый важен, но на своем месте .....

Костя, ясны ли тебе все эти "бредни" мои?! Надеюсь..... Каждый на своем месте нужен и хорош. Разумеется, что такие "книжечки" будут стоить, и даже развитой технологии в будущем, в 50, в 100 раз дороже, чем сегодняшние многотиражные книжки, или даже шикарные альбомы в цвете. Но так будет. И не потому, что я этого захотел в 1966-67 гг., нет, я просто уловил тогда флюиды и всё /но в той ёбаной крепостнической системе, где и как я мог кое-что раздобыть из такой фантастической электроники, кот. и сегодня даже, и даже здесь, трудно доступна...../ Понимаешь, старина? А сегодня, я уже сам себя пережил в этом смысле, ты знаешь, многие мои эстетич. и конструкт. идеи так сказать "морально устарели", как принято говорить о старых машинах и аппаратах. Смешно, но факт. Я еще молодой парень, а уже целый ряд моих проектов /не только идей и замыслов/ устарело. Во! И я уже не вернусь к ним, никогда. Но они так и остались на бумаге.
.....

Итак, на бумаге. На бумаге я делаю эту антологию, с ее сумасшедшими проектами и не менее гениально-безумными авторами. Иные из них довольствуются средствами издательства "Посев" или ИМКА, другие делают что от руки, третьи спрашивают, где добыть 6.000, чтоб не ходить в присутствие или на завод и потратить это время на книгу.
И возвращается ветер на круги своя. Книгу.
И неважно, что будет она без электронных схем или механического запаха и пения птиц и комаров. Абы как, абы на туалетной бумаге, а шрифт - какой уж есть, не пристало торговаться и карячиться.
Я вот, во 2-м томе перешел на один - "Артизан", потому что "Престиж элита" в уменьшении не читабельна. Бледна.
И фотографии - я не по одной или две пускал на страницу, а сколько влезет, из экономии пространства и времени. Хорошо, сейчас Саша Коган за бесплатно печатает, и Динка Виньковецкая нашла, наконец, свою горячо любимую ахматовскую шоблу: ГОД назад с лишком были посланы! А теперь мне заново переснимать, потому что издатель все еще не заплатил Эшли, Эшли зажал негативы, и приходится опять просить Когана. У которого начальником - эмигрант-вьетнамец, по фамилии Пхонг или Фонг /жил я, кстати, у китайца по фамилии Тинг и супруги его, госпожи Фанг, но китаец продал наш дом Уиллу Лаубаху, из немецких иммигрантов, так и живу/, а вьетнамец - он не американец, человек с понятием: разрешил в рабочее время фото для этой книги печатать, на Сашиной бумаге.
И не поэт Саша, и даже не Нуссберг, требует, чтоб я изложил ему точно - в каком размере и что печатать, а это значит: я дизайн гони!, но ничего, с сотни две фотографий в этом томе будут.

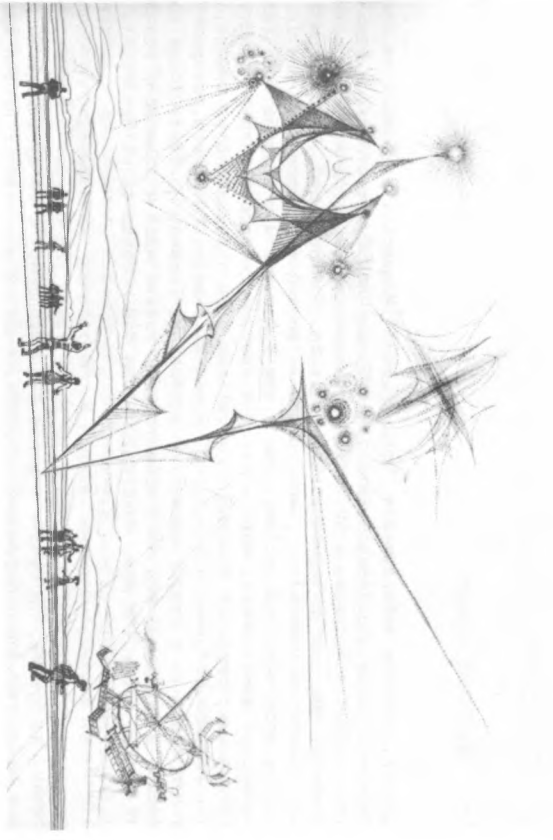
Вот так, в таких перепадах, от фантастических проектов Нуссберга до прозаической борьбы за выживание — и создается этот том. А что не включаю я в него музыкантов или, скажем, мало о художниках - так это потому, что и на поэтов-то места нет.

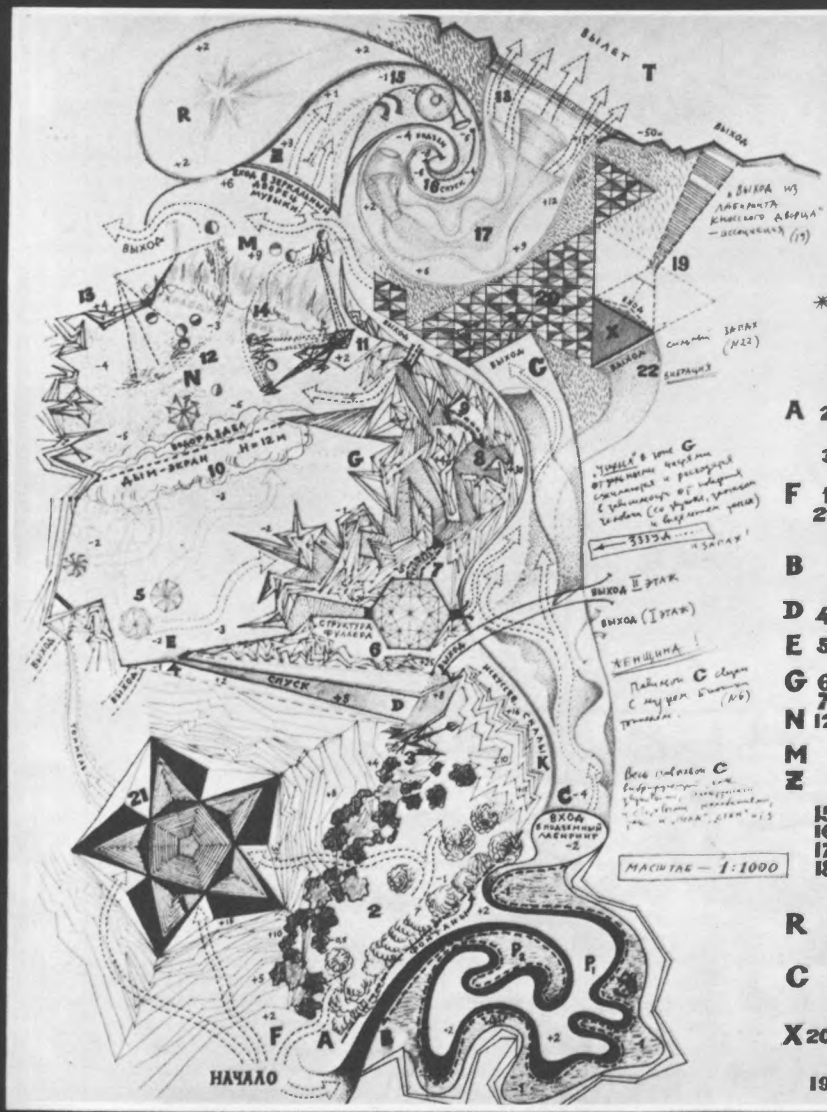
Книга, книга...

"Поклонение идолу" - рис. к проекту "И.Б.К.С." /берег Чёрного моря/, 1968.

Прилёт ... "СТРАННОСТЕЙ". Нуссберг, 1964. Москва.

СХЕМА

КИБЕРКИНЕТ

ДЛЯ МАКР

ЭТО ПЛАН-СХЕ

* В ЭТ

ВЕСЬ ЭТОТ „ФРАГМЕ

В КАЖДОЙ ЗОНЕ И

УЗЛОВ ИЛИ ТЕХ

В ИЗМЕНЕНИИ СЦ

* В КАЖДОЙ ЗОНЕ

ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ

ДАННАЯ ЧАСТЬ К

ТО ПЕРЕПЛЕТАЮ

У ПОСЕТИТЕЛЯ

A 2 ОЗЕРО (ГЛУБИНА ВОДЫ

„РОЩИ" — НАРЯДУ С

ЭЛЕКТРОННЫМИ Ц

3 ОЗЕРО ЗАКАНЧИВАЕТ

КИБЕРА; ОНИ ВЗАИ

F 1 ГОРА-„ВУЛКАН" (H=25

21 КРАТЕР (ГЛУБИНА =

ЧЕЛОВЕК ПОПАДАЕ

ЕГИПТА (XV в. до н.

B ДОРОГА-ВАЛ РАЗНО

ПРОЗРАЧНОЙ ХОЛОДНО

НАСЕЛЕННОЙ, УПРАВ

D 4 В КОНЦЕ ПОЛУОТКРЫТ

E 5 ПЛАВАЮЩИЙ ТРАНС

В ЗОНУ **N** (СКАЗО

G 6 УЩЕЛЬЕ. НАСЕЛЕН

7 (МУЗЕЙ БИОНИКИ)

N 12 МЕСТО ПОСАДКИ А

ДВА КИБЕРА (H=3С

M ЗОНА ВЫБОРА. ВХ

Z ЗЕРКАЛЬНО-ПРОЗРАЧ

„СТЕН" ИЗМЕНЯЕТС

15 „СТЕКЛЯННЫЙ" РО

16 ЗЕРКАЛЬНЫЙ СПУ

17 ЧЕЛОВЕК „ВЫСЫТ" В

18 Т. К. ЧЕЛОВЕК, НАХ

ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРОМА

ЗЕРКАЛЬНЫМИ ФИГУР

R ПРОЗРАЧНАЯ „КАПЛ

„ДЫШАЩЕГО" Г

ДИНАМИЧЕСКИ Г

C ПАВИЛЬОН ДЛЯ В

ФАНТАЗИИ. ДЕС И

„ЭКРАНЕ" ОБЕСПЕЧ

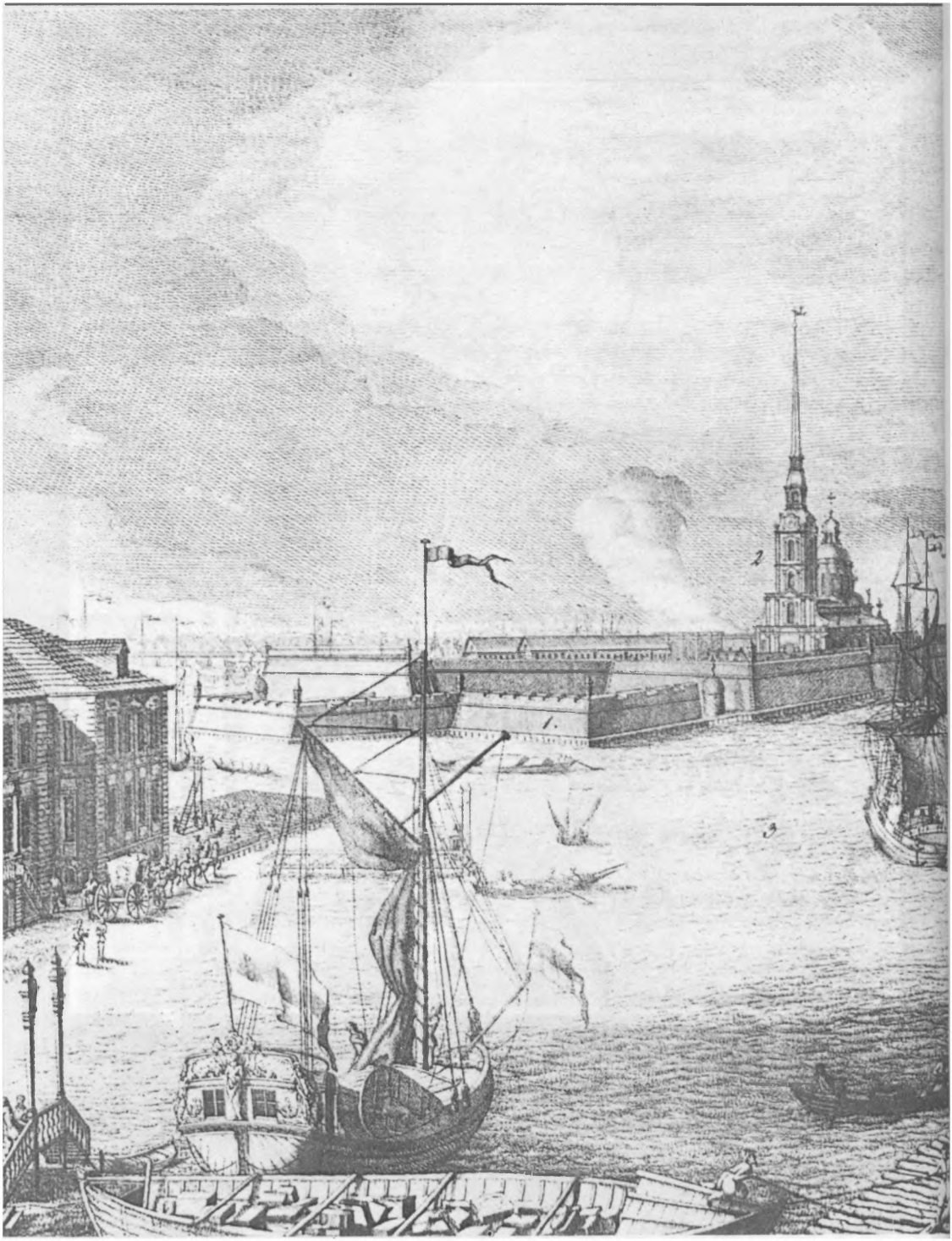
X 20 ЗОНА ВЫБОРА. ВЫХ

ПРИЗМАМИ (ОНЕ

(„ВЫХЛЯТ", „УХАЮТ"

19 СТОМЕТРОВЫЙ СПУ

ДЕЗОВИЙ ПЛАШ

1.
2
3

Ревизо

ВИДЕНИЯ И НЕИЗЪЯСНИМЫЕ ФАНТАЗИИ О РОССИИ XVIII ВЕКА

/Читателю представлены, к сожалению, пока только фрагменты л и т е р а т у р н о г о элемента пространственно-кинетической и зрительной композиции в виде книги, но книги-лабиринта, куда должны быть включены еще: всевозможные изображения, вещи, голограммы, электронные элементы управления светом и "музыкой", а также физические прорывы, отверстия и различные пространственно-конструктивные средства, с которыми должны органично сочетаться плоскостные и объемные тексты, буквы, слова и многое другое/.

АВТОР - ЛЕВ НУССБЕРГ /Питер, январь 1967/.

✳ ..... скорюченные ветви... кровью на снегу ..... и подполило пламя от свечи окостенелость Матушки-России! .....
.....

В продрогшем воздухе дрожжит
Гранит,
Незримой содрогаясь гранью,
Которую России Сын
Гранил —
Железной, дерзновенной дланью!

..... деревья хмурые торчат еще от шведов, из вод Невы впитав свинец и сырость. Царя ИДЕЯ здесь теснила Двенадцатого Карла, теперь: дуб, липа, вишня, бук — теснят болото. Дворцы, как клумбы, сквозь стволы - цветасты. Деревья грозные молчат, снег - белый. Февраль. Санкт-Петербург..... Залив ножом полосанул судьбу Руси — мою Судьбу! И шведский ветер по глазам, ... по незабудкам, васильком — шрапнелью. И колосится стон во ржи..... Стада ленивых облаков — перед грозой притихло всё... Свист плети больно захлестнул над полем жаворонка трель, и оборвался тот мотив, дошедший из Московии. Его немецкий клавесин сменил как "новое"..... Стянуло жилы —грянул гром, и европейских масса форм дождем в Россию пролилась,.... но поле русское цветёт!

✳ Летний Сад зимой. Людей не видно. Бреду. За обрамлёнными крюками веток, там .... прозрачный силуэт. Фу, опять мерещится. Глаза закрыв, прислуш ... Снежинки овевают, перегоняя, догоняют и ласково садятся, и если на руку, то-о-о-о ... шепчутся прежде, хоть сразу же тают. И чтобы вернуться — мне надо..... Промёрзла в Петербурге связь времён. На башне, у часов запорошило стрелки. Цифр — не было с огнём. Количество часов - определяют звезды. Снег струпьями сырыми. Оцепенело Время белой Смертью. Тихо так ... Не-е-е-е, да нет! — так, ... показалось .... "ТЕНЬ УЛЫБКИ МЕРЦНЁТ ПО РЕСНИЦАМ ТВОИМ, ЛЕПЕСТКИ НЕЖНЫХ ГУБ — АРОМАТОМ ЛЮБВИ".
.....

Летний Сад зимой. От Луга Царского канавкою Лебяжьей отделен, а вместо лебедей — из мрамора богини на аллеях. Укутано всё белым русским снегом. А на Царицыном Лугу — рожки, команды "строиться!", ... оружье. Солдаты оживились у казарм, выводят лошадей, ... окрики — обычная рутина.
... Здесь же - ни души... Тишайше. Отдельные снежинки ищут снега, застенчиво касаясь мраморных богов, которые с бессмысленной /вне времени/ улыбкой являют

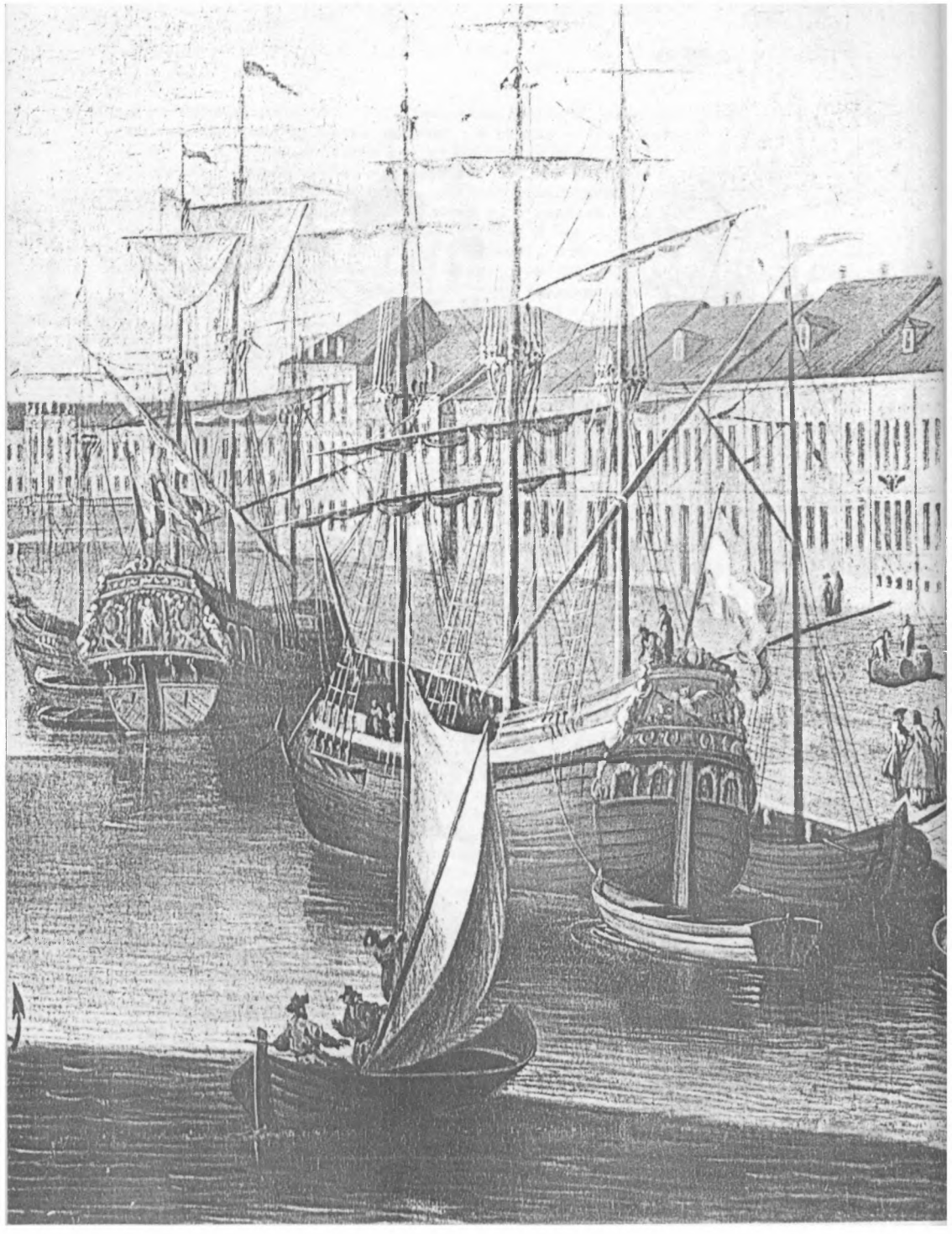
счастья обнаженный образ..... И медленно, медленно ноги мои. ОДИН, совсем ОДИН, какой уж год брожу я здесь, ища покоя в сердце и.... О судьба! САД и Я .... ТЫ? .... Мерцаньем своим — из опасности вся! ТЫ!!!... Сразу с разных сторон, ты подкравшись опять, и размашисто ... Р-Р-Р-РАЗ!!! И сыпучим Крылом — наповал! ..... И как снежный обвал, распластавшись внизу, возношусь остриём на вершину Твою. Леденею, любя, сумасшествую я, и горжусь, что я смог, и стыжусь, что боюсь, и боюсь, что опять ... потеряю Тебя! И еще Я боюсь, что из прошлого нас на стремнину снесёт ..... Ну разве так воюют, покорив давно меня!? ... Изменчивость твоя больней, чем флюгерность придворных. Они хоть знают для чего. А ты — забавы ради иль ИГРЫ? Или от красоты своей тиранишь душу? . . . . . .

✱ В Саду ..... на аллее ..... где Б Е Л О Е распалось ... ЧЁРНЫМ, скрепленное скелетами дерев, и перекошенной семеркой пик; где ЧЁРНОЕ посередине каплет Кровью, Где Кровь кипит, но стынут вены; и застыванье вод Невы ... несет в глубинах Канцлера вторичное паденье .... Мд-а-а! Бестужев-Рюмин... Теперь Екатерина в Петербург его вернула. А я?..... Как и теперь, я был ОДИН..... Она тогда чертила пальчиком в снегу, и кринолин ее горел, пылал китайской хризантемой. Хотелось все остановить: горенье на снегу цветов Востока, голос светлый, пушисто-звонкий смех, игру брилльянтов на руке, замерзший пальчик по губам моим скользнувший, ... все ожило сегодня, ... на Аллее. ЛЕТНИЙ САД ЗИМОЙ! ... Запутанные знаки Чёрным на снегу. Противоборство, точно жизнь и смерть. И тайные свидания, записки.... А после? Исступленный Герман. Эх, Лиза — чистое дитя! Не про этих Пушкин скажет: САД — СВИДАНИЙ МЕСТО И ... КОВАРСТВ?

Затемнело на Аллее, над деревьями крестообразно тучи навалились, задевая рыхло по ветвям. И как прошлый раз, в кресте свинцовой тучи просветлело обликом ее и пролетело. Нет, не белым, но прозрачным, чем-то вызывающим и смелым, росчерком крылатым, что ли? ..... Нежным.

✱ А я?! ..... Сражаясь, я здаюсь тебе еще до боя, до тех моментов, о которых знали: "Летом знойным, в терпком поле, удивительном и Русском, васильки-ромашки цветом, и цыкады ... пересорились,переругались: синим, жёлтым, красным, белым и немножечко лиловым; ... яркостью п е р е з в е н е л и жаворонков трепет!" Из-за чего?! Сочувствуя ли мне или, наоборот, не ... веря? Я ли не сходил с ума, свиданья ожидая? Не забросил ли своих я голубей, рисунков, чертежей машины? Ольга! Оля! В той берёзовой, на верхнем берегу Оки, ты как мне слад...!! Берёзовое лето!.....Снега хруст и карк вороны. Пробирает, ... холодюга. И в угаре .... холод юга. В общем, "Сад" во мне разлился зноем и ... изгойным духом странствий. А еще — синющим небом, с улетающей жар-птицей, уносящей часть меня ..... Красные цветы воспоминаний — по глазам кровавой Бритвой! Из-за воспалённых двух-трёх слов ..... и вот дуэль, ... и кровоточит рана. Красное на Белом. Пересохло в горле от любви. Напиться бы воды? Воды из Родника ..... надежд, и остудить испепеляющего жара пыл. Промыть воспоминанья, не замерзающей зимой, водой. Забыться ..... Из Петербурга удалиться? А от себя — куда??! ..... МЫ ПЬЕМ ВСЕ ЭТО ЖАДНЫМИ ГЛОТКАМИ. И БУДЕМ, ЗАДЫХАЯСЬ, ПИТЬ И ПИТЬ . Дух замирает — предчувствие такого!!! ... потом, ... потом я записать .....еще .....
Снежинки пристают. Клавесинные иголочки в снегу, но ти-и-и-и-и ... и тишина зависла звуком "И". И оборваться может. Узкий скрип. Колючесть. Писк синиц. Драгоценностей колючек и холодных игл. Зыбкость звёздчатых снегинок ... эзуидовений... З-З-Г-ЗЭЭНИН ГИЗУГУ ЭИТЫ ГРЭНИН, ИГЫ-ЛА-АГУ ПЭИ ДЗОН — КОЛОГЭННЫЙ ЗОГИЛЭЙ, ДГИЛНА ЭГЛУ СЭГИ ХХЛЮНН! Игла о свэээз, ... судьбою звёзд — живёт свеча. Остановить всё у ... эль-эль-эль и уэтеть, исчезнув от гранитных лиц, как шпага, улиц, ... и чугунных туч. Границ - игольчатых - одной души, расплескавшей в мороз мол-

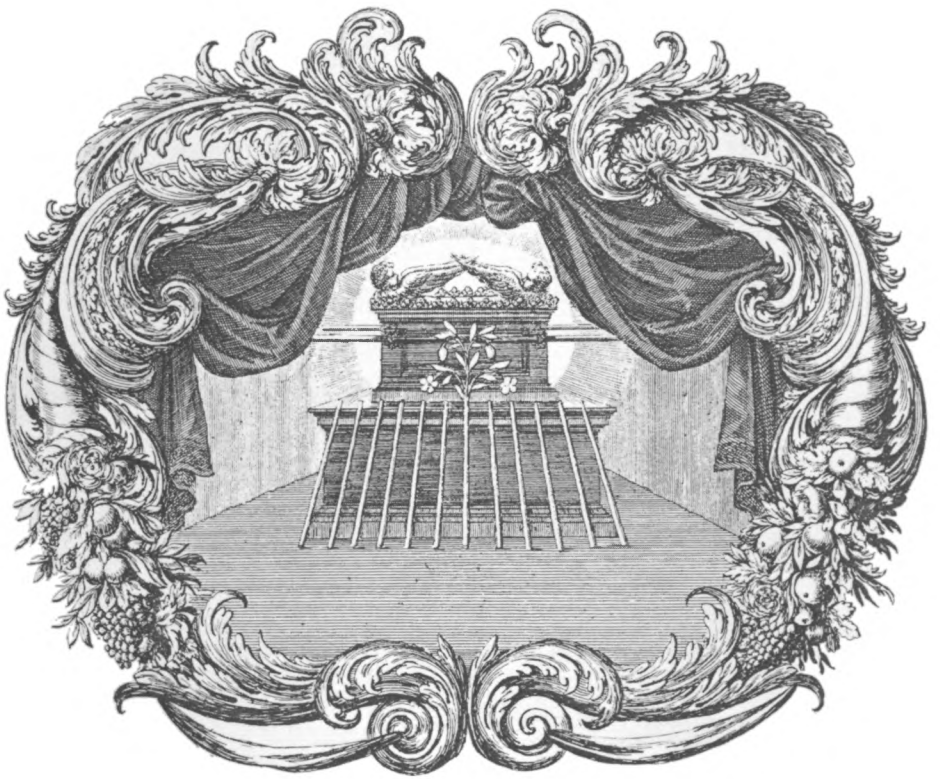
вы и безразличья тех, ... "других" /под кличкой: "главное, не нас, ... не мы,... не знаем"/. Другие карты начертить и указать пути в Потом! ..... Каких мороз не выводил еще узоров средь людей — людей-ветвей, кустов-толпы, деревьев-городов? Каких неведомых еще ему на карте предстоит "стеклянных" трещин навести — та карта, как лицо больной цветочно-умственной проказой.

✱ До перекрестка двух Аллей, с Востока выстрелив в Заход, я дохожу и там топчусь, идя по жизни сквозь мороз могучего непониманья, ... стадности людской. И до-о-о-о-лго, долго там стою — смотрю на БЕЛОЕ, ... с трудом, и вспоминаю: снег идет, преображая все кругом, как будто Мастер неземной творит, шутя, под Рождество, в перспективу уводя сады, каналы, шпили, церкви. И ме-е-е-ееедле-н-н-но,.. ... и очень, очень медленно, с таким трудом ..... с переплете... и ... с ..... прошл... нашим ..... Резная рама и узор .... Я МЕДЛЕННО ВЗБИРАЮСЬ ВВЕРХ ПО ПАДАЮЩИМ ВНИЗ СНЕЖИНКАМ. И затаившись — жду. Прозрачные всплывают витражи двенадцатипроёмного окна /Растрелли иль Земцов отстроил/ из немецких стёкл, камин — в голландских изразцах. Мелькают в залах из парчи и шёлка дамы,... кавалеры. Иду к окну. А там,... там пошатнулся снег прошедшей жизни .....

Судьба?... Моя Судьба — злодейка, коварная шутница, ... лиходейка, но почему же я ей верю? За Аппарат?! "У сильного — всегда бессильный виноват" /а у .... бессильного? ... Бывает и похуже./ Только ль на Руси? В Европе — то же, ... но только с большим лоском и подлей. С улыбкой жалят на смерть. И орошенные слезой, цветы на смертный одр присылают. Клянясь в любви /пустой/ и верности /за место при Дворе/ Престолу, все эти выскочки плетут интриги, как в банке пауки. А сильные, и Идеей люди — ждут, когда Отчизна их и Трон для государственного дела призовут. Граф Аляксей Петрович, канцлер бывший наш Бестужев-Рюмин, сколько лет широкую программу строил, заветам следуя Петра, лепил России роль в Европе ... А ну и что?! Надменные французики добились /с "трусливым австрияком" вкупе/, три года имя Канцлера марали. И где? — у нас! Не в Вене иль Париже — в Петербурге! Все эти Эстергази, Лёпитали ... Елисавета — хороша! Хоть дочь Петра и развлекалась лихо, но от отца взяла не густо. Тянула, трусила и набожностью прикрывала похоть. М-м-даа ..... Святое и наивное: "Люби врага, люби его как самого себя" — закон для Рая только! А на Земле, и даже на Руси немытой /где отдадут последнюю рубаху/, другой для Человека — только дружелюбный волк! Волк-брат! Волк — Лев. Волк — Человек... Волк — Царь! /или волчица - матушка Царица - кормилица Второго Рима". А Третьему, как говорится, — не бывать/. И если так — возможен ли возврат к Началу, дояблочному времени и Раю? Нет, не Вознесение /из тёплой капли на щеке/ Снежинки, а воплощение мечты и ностальгии? Ах, Ольга, где твоё начало - не графский титул и родня, - откуда семена твоих Цветений, куда уносит ... лепестки? Твоя улыбка и глаза — раскосые озёра, с которых ветер птиц, снимая, в синь уносит! По берегам — поля ржаные: тяжелой прядью и косой украсили твой облик русский. И бус лазурь, и сарафан аукаются с васильками — озёрных брызги вод во ржи - твой взгляд лукавый чуть нежней бесстыжей бирюзы Тянь-Шаня. Или серебряный браслет, на загорелой и с пушком, твоей божественной руке, стреляющей по уткам в непогоду. Я осторожно прохожу,.. .. вхожу в Перспективу, теряя связь со всем, что счас, со всем, что здесь, со всем, что окружает. И проецирую Вчера в ... Когда-нибудь, где нет часов, где нет отсчёта, ... где каждый сможет - может быть - создать свой мир, ... с

иными цифрами, словами, формой жизни? Быть может отправная точка здесь? Быть может мы здесь, вправду, г о с т и ...? И холод рассуждений в Сад замёрзшим мотыльком упал, сквозь кристалличность логики и стёкла окон ..... И БЕЛЫМ игриво,.. ... точнее не белым, не снегом — змеи смехом! Эхом ... придворных интриг.

✳ Из памяти опять торчит горбун, задумчиво стоящий на мосту, и деньги по монете вниз кидает. Звенят монеты, шлёпаясь о воду.... /Когда-то бабушка Наташи - Голицына, княгиня - отгадала ... знаки. Сто тысяч крепостных и земли проиграла... трижды, но трижды отыграла, и с лихвой! Блистала в Петербурге и в Париже/..... Я по ступеням новым вниз, к воде спустившись, вижу.... ИЗ ПОД ВОДЫ ВСПЛЫВАЕТ КОСОБОКО КРАСНЫЙ ГРОБ. И именно в него монеты попадают, звеня, как по металлу. И всякий раз он тонет от удара золотой монеты, а затем опять всплывает постепенно, ... но всплыть не может — вновь звенят монеты ... Я крикнул горбуну. Он — расхохотался громко и, бросив сильно горсть монет, исчез. А красный гроб пошёл ко дну. Снег сильный шёл, но совершенно вертикально. Карета, громыхая, прокатилась. Чиновник тихо прошмыгнул, когда я по ступеням поднимался. Тоскливо стало. Захотелось выпить ... у камина ... рейнского вина. И я направился к гвардейцам; сегодня, кажется, день Ангела Никита отмечает. Там бурно как всегда .... Играют, лихо пьют,и до утра ....

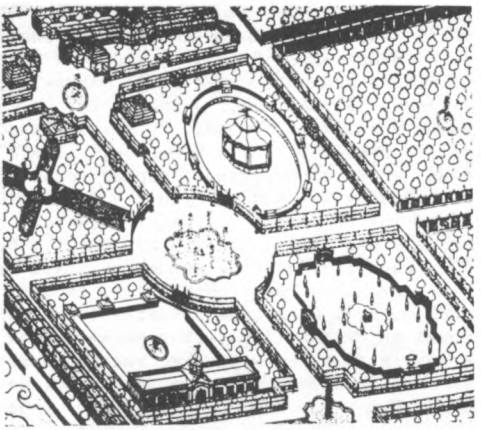

Когда духов флакончик, выпав из кареты на аллее, промёрзшей за зиму, оттаял — цветочек жёлтый из духов пророс французских. Из запаха ударил хаос линий и пульс надежд весенне-зимних. "ФЕВРАЛЬ" потёк в календаре и цифры-дни размыл пониже. И иже с ними у церквей оплавились кресты от напряженья. И грянул праздник заливной с блинами, рыбкой и икрой! И Березовского Псалом семидесятый /"Оклеветающие душу мою, да постыдятся и исчезнут!"/ звучит в ушах, поёт в душе. Эй, Русь! В конце ты Марта иль уже в Апреле? В Европу вклинились, стоим, ... вывозим хлеб им. На нас, разинув рот, глядят — балдеют. В Берлине, Вене и в Москве, ... и в Петербурге веснят грачи. В гнездовьях синь — до одури оруща. Березит гомон по Москве, по колокольням. Пасхальный звон!!! Размах великий на Руси — Великий Праздник! Бессмертен каждый человек ... "Христос Воскресе!" ... А я: "Воистину Воскрес!" и трижды целоваться ... раскрашенных яиц обмен, нарежут кулича ... "Отведай Пасхи". Москва верна себе во век — живет, гуляет! Не помнит зла Царю-Петру, что ... "обесчестил". Пусть Петербург как стольный град — торгует, строит, управляет. Россия-матушка, Ты где, в какой эпохе?! С Европой в Завтра?! С Азией — Вчера? Екатерина обещала много — сумеет ли исполнить? ... Вот немка чистая была, а обернулась — Русской! Сменила веру и язык /но почему же только по-французски пишет?!.../ Россию сердцем приняла....., пожалуй — не поддельно. Не то, что мрачны времена при "Анне Ванне" были /Бирон все долгих десять лет тиранил русских/. Елисавета же всегда дворян ласкала, но чтоб не лучше, чем Она... одеты были!!! В дворце ли Летнем /на балах/, в Селе ли Сарском, иль в Петергофе, по ночам, на карнавалах, сверкали россыпи огней, плащи, камзолы, чтоб иностранцев удивить богатством русским; чтоб знали наших "медведей"... на коблучках, при шпорах.
. . . . . .

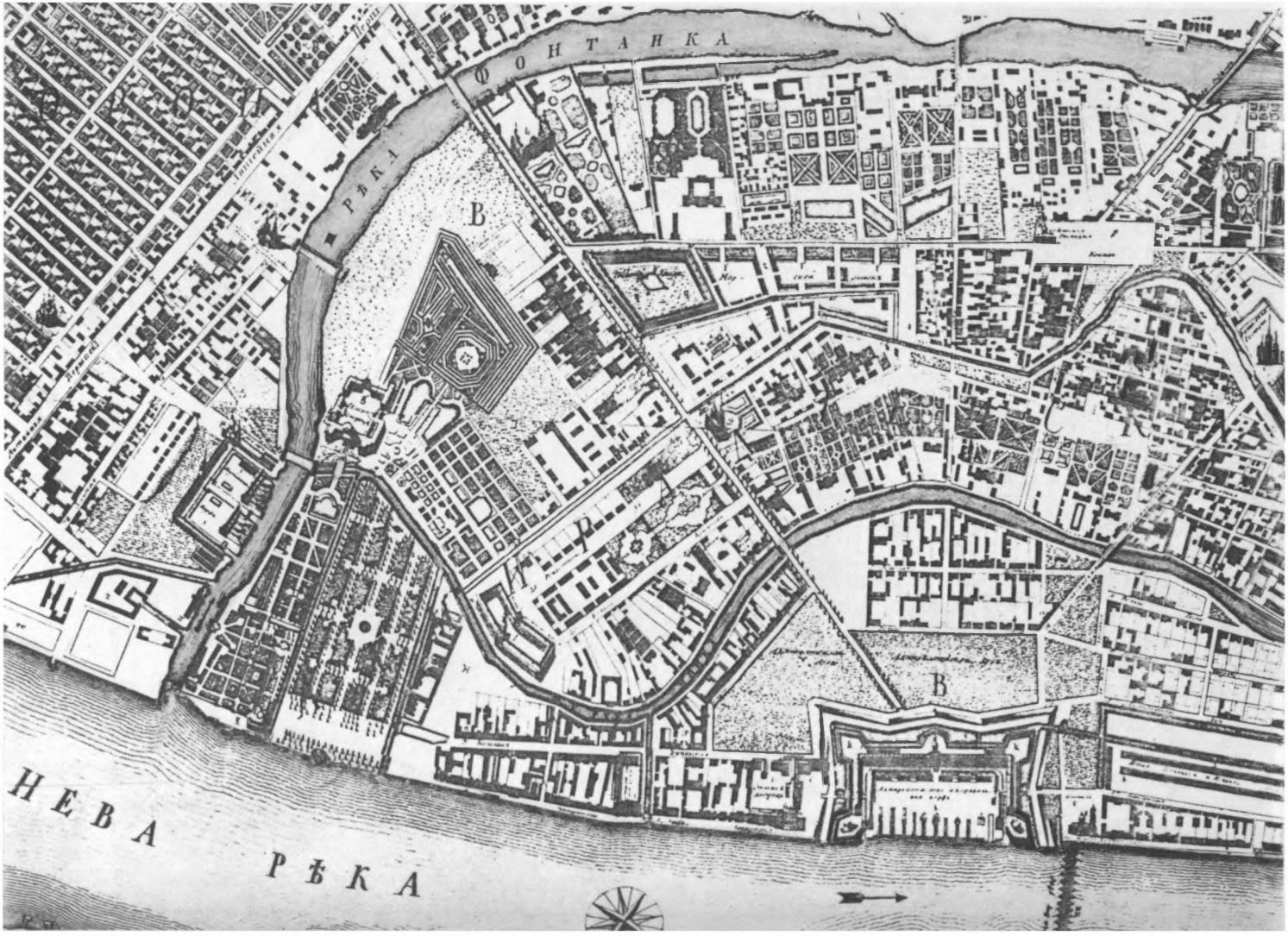
Хозяйство начало крепчать. Казна полнеет! Из "Ведомостей Петербургских" намедни явилось ..... Ан, вот при дочери Петра, при "русской", по 5-7 лет "Решения" ползли по Канцеляриям. Сенаторов в Сенат являлась треть, и та — спала. А при Дворе — балы, ... балы, "куртаги", "вечера", спектакли. И корпус русский для "друзей" /австро-французских/ дерётся с Фридрихом Вторым, аж под Берлином. Апраксин... жалко старика .... солдат радетель ..... в момент лишен был всех заслуг и умер при допросах. Бестужев-Рюмин, канцлер наш, французам никогда не верил, а Воронцова — проморгал, хотя и знал опасность..... Бестужев-Рюмин, старший брат, когда послом в Париже, да и в Вене, копал под Канцлера, ..."по-братски", и Воронцову поносил младшего брата! Зависть? Спесь?... И то и это. Иль ущемленное достоинство? Но ненависть питается не только этим. И Канцлера Великого кредит ослаб, и подпустил противников к своим пределам, а Воронцов - не промах был - Елисавету он подвиг на то, что будто бы Ея кредит в Европе, при дворах, Бестужев-Рюмин, Канцлер, не достойно предержал ..... Да Маврa, женушка Петра Иваныча Шувалова, несла ложь грязную на канцлера Царице ..... Эх, ... Видать болота испаренья, на коем был Дворец воздвигнут, зловонно в царские покои проникают, с ума нормального сзодя придворных, что те, последние, плетут интриги, ни Бога не боясь, ни живота, ни близких не щадя ..... Э .... М-д-а-а-а ..... Страх на Царицу нападал: "А что в Европе скажут?!" Отец Ея, наоборот учился многому у них, со страстью, но уважать заставил — Нас, за Нашу широту и силу!

✱ "Весеннюю" Эпоху Русь переболела, ... лет 25 как миновало лихолетье. Теперь — заиндевело белым сердце, того гляди /из под духов/ флакончиком расколется промёрзшим. По снегу жизнь моя рассыпется /Наташа! Ах... Ната.../ ледышками, душисто ..... Ну, взлетел мой Аппарат, "Машина на лучах"? И что же? Где рисунки, чертежи, модели?! Где свидетели живые? .... Будто не бывало их ..... В ту весну - ты помнишь, Ольга? - каждый день играла "те" сонаты, а потом, вдруг закрывалась у себя и по три дня не объявлялась, не спускалась к завтраку, к обеду.....

..... Снежинки клавесинные на снег, и снегу так приятно, больно так израненному музыкою быть, что я хочу быть снегом. Чтобы раненый звуком, я в тебе б вызывал не холодный /по цвету/, не двойственный взгляд — а боязнь разлуки. Будто канул в луга ... семизвучьем, соцветьем, тропинкою века! Ледяные пути в знойном небе. "Летний Сад" заснеженного зноя?! ..... Где мрамор лунный утром тает, там, в Первом парке, за разделительным Каналом, ... лишь белый кринолин мелькнёт в тумане и вот уж за оградой, у Невы ... растаял ..... И новые на ум приходят строки и новый дух: когда лизнет луч солнца лепестки у розы, осыпав бриллиантами цветы и мраморных богинь, и я почувствую угрозу утренней жары в июле, и зной ... часа в четыре, и к вечеру грозу. ..... "Гроза над канцлером грядёт" — опять всплывает..... Пройдусь еще, обратно в Первый Сад — Екатерина пропадает в Сарском ныне, вот невзлюбила Летний "огород"; да в Петергоф, чтоб уток пострелять, как десять лет назад с Орловым ..... кого-нибудь из наших встречу, "елизаветинцев" ..... с падагрой .....

✱ ..... Февральским лебедем взлетает тень воспоминаний, с оттаявшей у Карпиева пруда глади. В ветвях аллеи, у Лебяжьей, чей голос промелькнул прозрачный? Чей облик в форме звуков странных? Сиреневая лента развевалась, веткой зацепившись в небе. Весна в снегу застряла лебединым криком, криком о любви! ..... Аж снег сырой опал с ветвей. В душе моей апреля лепестки осыпались от з а м о р о з к а той Измены ..... "Изменчивость!" — меня ты поправляла, Оля. Мда-а-а-а..... Забыть ли лето на Оке? Как против солнца из воды, смеясь, ты выходила! Задор бедра, и свето-тень упруго рисовала груди..... Как мы в траве потом с тобой любились дико, закусив удила! ..... Закат венок твой из цветов раскрасил будто сам Ватто ..... Ты разве в жизнь мою приходишь из апреля, Ольга? Ты вся ещё в цветах Зимы и в лебединых взлётах? Миндаль цветёт и снег идёт. Заснеженность — припорошила нежность. Далёкой Персии мотив, а мы на Севере, в России .....

ФОНТАНКА
РѢКА
НЕВА
РѢКА

Помню, при Бироне-фаворите /я еще Кадетский Корпус не окончил/, и потом при Дочери Петра, каждый месяц нам на радость, чтобы ... "Летний Огород" /как говаривал Великий Государь любовно/ украсить как тому пристало, ... из фрегатов итальянских осторожно выгружали мраморных красавцев и богинь. В Летнем Саде выставляли на аллеях — рядом на табличках тексты: Кто таков? откуда? кем сработан? В общем, темень наша просвещалась, потихоньку приобщаясь к европейским лоскам ..... Русская дворянка ж пышность начала сверять свою с залёт<u>ы</u>ми Богинями из камня. Старые бояре, без бород, ... в "немецком платье", отвратительно сморкались и плевали на "бесстыжих, голых баб", "идолов поганых", когда обязаны являться были в Летний Сад, на ассамблеи или праздник. Молодые же дворяне наши, а особенно купцы, старались всё без жён ... "пройтиться" по аллеям, чтобы в одиночку насладиться ляжками и прочими заветными местами, там, у мраморных Богинь! ..... М-д-а-а-а ..... Как бояре и церковники Петра-Царя чествили! И "антихрист" он, и — кровопийца ..... Домостроевские скопидомы — в душных, темных теремах "разводили" вшей, клопов, да тараканов ..... Их же дети, при Царице Анне /внучке прямой Алексея-царя — "русской немки"/, — "хлебали лаптем щи", в Канцеляриях - под париком потели, проклиная пудру. А народ же русский, ну и потешался старого боярина завидев — безбородый и пузатый, глазки злые и с ... косичкой! Но, хотя бы стали мыться! Разузнали, что́ есть "мыло"! ..... Новые тогда, немецкие и прочие, французские словечки приживались: "партикулярная атенция, резоны, ... брульон, негоциация, оферт, ... экспликовать, мин херц! .... Аудиенция, артикул" .... Только вот военные поборы слишком нестерпимы были — просто жуть! Как про́жили — не знаю. Русский — вытянет любую лямку! Потому как он — стожильный..... Однако, мне ПОРА.....

✱ ..... Вспомнил я, ЧТО, в среду в парке удивило ... "почему на жарком мраморе Италии далекой снег не тает?" ... Почему? ..... Мановение Петра расплескано в садах и парках, чтоб застыть по капле в памяти людской, чтобы из фонтанов флейты и фаготы пели: что ..... "Италия остыла брызгами Невы!" От "Коронного фонтана" я свернул к Лебяжьему, налево. Мимо мраморного проходя "Каскада", на пересеченьи двух аллей, у апельсинового древа в кадке, я приметил двух молодок — плакала одна, другая утешала. Ранний час. Я торопился в Гауптвахту, чтобы переговорить с двумя гвардейцами, из караула. Голубое битое стекло, песок - хрустели под ногами хрумко. Замедлил шаг. Прислушался..... Сквозь шум воды и пенье птиц ... разноголосно ... доносилось: ... "Скажи ты ей еще, что буде случай будет, то своеручным письмецом своим я испрошу ее похлопотать у Матушки-Царицы "аудиенции" — остановилась она, плача.— Вчерась я переговорила со своим Фаддеем - он знает свата полковника Преображенского полка, — пыталась обнадёжить первую вторая. — Ну что же он ответствовал Фаддей?! — спро-

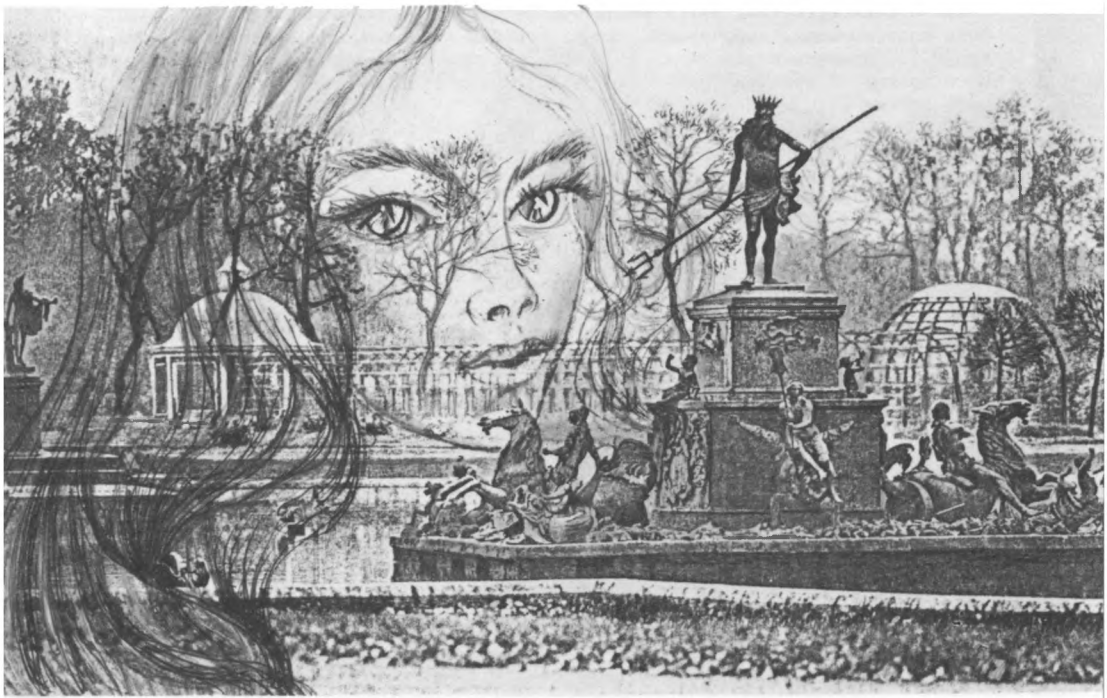
сила с нетерпением и жаром. — Ах, милая моя, Наташа, да не было еще оказии употребить такое средство, — ответила вторая. — Ну, ты войди же в положенье! Осталось только два коротких дня, а там ... дуэль и ..... Нет, я не способна смерть его своею жизнью пережить! Ведь он с ... гусаром будет драться ..... Ну, ты же их изволишь знать, — и снова слёзы, всхлипы и сморканья. - И буде мне известным место, сама бы там явилась я, предерзостно, наперекор Судьбе и... Чести, и не дала бы понаровки тем, гусарам!" — все в большем возбуждении, влюбленная, в задоре говорила ..... Я чуть вернулся и сквозь листья разглядел, кто ж такие? ..... Какое мужество и страсть, и девичья отвага! — при Дворе у нас большая редкость..... Пылающие страстью серые миндалины огромных глаз, и белый кринолин с сиреневой отделкой, ... по-восточному смугла, стремительна в движеньях, словно лань,и молода, еще совсем дитя, шестнадцать, может быть ... пятнадцать .....Год тысяча семьсот сорок второй.....

✶ Тоскливо мраморный "Каскад" среди деревьев чёрных мёрзнет, тоже одиноко. Недавно мостик разобрали на Лебяжьем, уж часового нет, а будка полосатая застыла африканской зеброй. Вода протаяла в Лебяжьем темной, пробирающей ознобом рябью, а берега белеют будто из творожной "пасхи", с торчащими сучками из изюма. "Хоть - оттепель, да не весна. Вот Разделительный миную снова я канал, и к .... Мойке, а там — направо поверну, на Луг Царицын ..... и домой. Уж сколько лет я мимо Карпиева пруда, ... в воспоминанья уношусь? Давно и карпов боле нет, тогда еще подогревали воду - теперь две пары лебедей напоминают фрейлин белы груди..... На зеркале студеном пруда стеклянный холод мне являет сон прошедшей жизни ..... Сон с открытыми глазами. "И призрачно всплывают в отраженной жизни фантомы всех друзей моих, врагов и близких, отбрасывая тени, даже свето-тени в замёрзшее пространство Сада." ..... СОН С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ ..... "Эх, если можно было бы туда вернуться, и взглядом отогреть заснеженные стрелки, дыханьем циферблат расплавить, то может быть мне удалось бы вспомнить — чертежи, расчёты и рисунки? ..... Наталия! Ната..... Ну, почему?! Явившись всякий раз ты улыбаешься, неясно шевеля губами, ты хочешь что-то рассказать ...., а я не в силах разобрать твои таинственные звуки ..... Из тёмно-серых глаз твоих текут - я вижу - слёзы ... страдающей моей души, и, чуть заметно улыбну.... ты исчезаешь, в Ничего."

..... Иль, может быть, ... уехать? Но, ... но куда, уехать-то? В Европу? Да "Сон" ее меня преследует повсюду, даже ночью, в тёплых ласках Оли сладкой, ... даже, ... но под утро ..... Белый ужас приникает к крестовине лунного окна, тени на полу кривя, кресты и рамы. И эта призрачность веселья — при Дворе почет, успехи и вниманье ... божественного пола, ... жив остался после трех дуэлей, сорок тысяч душ в поместьях — перекосилось всё, поплыло,.... дыхание теснит и давит грудь, стучит в висках ..... Блеснуло что?! Из-под воды всплывают карты. Игрок утоп в пруду? Иль обронил проклятую колоду, пробегая мимо? ..... Загадаю я, какое сочетание из первых трёх, как знак судьбы, мной выловленных карт? ..... Скользко ..... Тьфу ты! Не достать .... Где бы прутик отыскать? .....Хмм, ... ТРОЙКА-буби ..... еще ..... Одна лишь тройка всплыла лицом, все остальные — спинкой ..... Странно ... А тот поручик Инженерного полка, как его звали ... Герман,что ли? .... ведь, кажется, он Лизу здесь же, в Летнем встретил, когда она с Княгиней престарелой на аллеях..... Вот Германом где завладели страсти ада! В Летнем саде. Что потом случилось..... Лиза, Лиза! Милая прелестница Княгини. Ну, а старая, и впрямь, нагоняла страху в Петербурге. Все тогда представиться Голицыной старались, от корнета молодого до министра-иностранца. Лиза, Лизанька! Пичуга... чувства чистые твои проигрывают в карты: ..... "Трр-р-р-о-о-ойка, ... семёрка! ..... Ту-у-у-уззз!!!" ..... И печально шарф из Невских вод всплывает.... Далеко уже за полночь, а его.....

Зимняя канавка, стрелки на часах замерзли, и патруль к дворцовым стенам жмется ..... Но и весной еще, в накуренной игральной зале, сквозь карты на сукне зелёном, нежные черты и слёзы вдруг проглянут, и с укором поплывут.... трефовые и буби, а пиковые проколят ... КРАСНЫЕ, ЧЕРВОВЫЕ СЕРДЦА .....
.....

Летний Сад в конце зимы. Днем и ночью дует ветер шведский. Сад — начало многих счастий и ... смертей. Но и надежд, ... особенно в июне. Июнь сорок второго уколол меня расцветшей розой — в июне шестьдесят второго ... послепетровский поворот России

ПЕТЕРГОФФЬ

ВЕСНОЙ И ОСЕНЬЮ СВИДАНИЙ МЕСТО — ПЕТЕРГОФФЬ

Залив, Каскад, канал, ... фонтаны! "Адам" и "Ева", "Полдень", "Солнце" - с вращением фонтан и плещет златом. И "Шахматные Горки", где Грот драконы охраняют, где "Пирамиды", ... где по весне веселья брызги "Фонтан-Шутих", да дев младых восторги, визги! А летом водяных забав в жару прохлада, и в Гроте ждет мороженое Вас! Но Главный, что каналу жизнь даёт, фонтан "Самсон" — аршин на тридцать к

небу бьющий! "Самсон", как будто Император Петр сам, собственноручно пасть разрывает бронзового льва, являющего символ шведской силы. ..... Бросает красное в глаза, у пропустивших шпагу на дуэли, в Петергофе. Сверкает бронзово Самсон мускулатурой. Из пасти рваной разъяренный зверь стреляет временами ... кровью. Нет, не водой, а ярко-красною - трагически забрызгав край "Каскада" и скульптуры, - с терпким привкусом, ... кровищей! КРАСНОЕ сочится через мрамор.

✳ Весь прошлый год меня тянуло не к деревьям, а к ФОНТАНАМ. В Петергоффъ я выезжал с рассветом, когда кругом все пусто, ни души, и главное, что нет еще ... придворных ..... Прелестно и свежо, бодрит меня поездка налегке. Конь мой норовист. Чудный друг мой, конь! ..... Поездка вечером, к примеру, когда тепло, в лучах играет сбруя. Когда канвою золотой обрамлены деревьев купы, когда бликуют маски львов и фавнов, когда, ... когда Фонтан струит расплавленный металл, когда на фоне платины-воды, покачиваясь, алый, горящий кринолин, в воздушных кружевах вдруг ... промелькнет, когда, ... Когда я упоительно люблю Тебя, я полон весь, я весь дрожжу! Я чувствую себя струей, движением ветвей и трав, при неожиданном порыве легком ..... КОГДА Я ПЬЯН, КОГДА Я ПЬЮ ТЕБЯ, ... КОГДА Я ПЬЮ И НЕ ПЬЯНЕЮ! ..... и ... и-и-и .... и вот ....я .....я ..... зде-е ..... А ты?! ..... Я — здесь, а ты? ..... И ты, касаясь светом вдруг меня, ... и не касаясь ..... Ты?! ..... Ты — тёпло-розовые блики! По маскеронам мрамора — последние лучи ..... Ты — тень прозрачная на красно-золотистой ряби брызг топазных струй ..... Ты есть — и ... нет Тебя. Ты здесь, Ты вся, ... Я чувствую, я вижу, я слышу шелест твоих брызг, ... И нет Тебя! ..... Когда-а-а-а! ..... Когда я просто сам не свой, когда огнём закат не может погасить Огня, а небо.... синим, жгучим не может жутче все разжечь — Огонь сжигает всё во мне, сжигает всё во мне до тла, до боли, ... до адской и неповторимой боли! ..... НЕВИДАННЫЙ ПОЖАР ЛЮБВИ — ЛЮБВИ СОЖЖЕННОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ! . . . . Я ПЬЮ — И ТРЕЗВ ..... Я пью Тебя, я весь объят ..... велением Судьбы, Наталия, ... неизъяснимым. Охвачен страхом смутным, но и ... отвагой!! Ты мне надеждой светишь, ... манишь. Быть может вспомню я ещё расчёты, ... во сне увижу чертежи? ..... И тень твоя, Наташа, ... любовно, "сатирически", являясь, которую я часто во плоти ... в кровати обнимаю ..... ведет со мной Игру, испепеляюще, без правил, без сожаленья и утрат. Прелестное, б е с о в с к о е дитя ! Наташа, ... ОЛЬГА — ТЕНЬ ТВОЯ... веселая, живая, вечно в новых платьях,... поёт куплеты и играет! А сколько страсти по ночам! И на прогулках, словно кошка, такая мягкая, валяется в траве, ... вдруг убежит с расстегнутым корсетом, ... кричит, зовет — уже в воде плескаясь ..... Потом недели по две пропадает, играет в карты по начам, флиртует. Изменчивость её — сродни веселью: всех покорять, всем нравиться, надежды многим подавать, а через месяц заявляется ко мне, в красивом синем платье, притихшая и бледная, в слезах, но только лишь до первых поцелуев ..... А там ..... Бесовское начало, жизнь — бьющая ключом! Но иногда меня тянуло снова .....

..... Я уезжал, Наташа, в Петергоффъ, ты помнишь /Я надеюсь/ "наш с тобой маршрут"? Твой дух, твой Ангел, ... присутствие твоё "безвыездно" в округе Петергофа — там наш "дом", там Будущее наше. Там в Нижнем парке /за окном/, налево, давеко за прудом, Марлинский домик окунулся розой в воду. И ночью, свечи из воды, ты помнишь? А дальше там фруктовый сад, по-прежнему цветущий в мае у залива. И дальше ... мы с тобой бродили. А потом — тот выстрел роковой, и в Тронной зале полопались все зеркала в ... иное Время, в измеренье Тайны, ... помнишь? И смерть Твоя ... И легкая улыбка губ, когда прекрасную тебя я целовал в гробу, в Соборе ..... Едва сиреневого цвет тихонько входит в Голубое, и ароматом резеды рисует образ твой на фоне, который сотканный из среды цветов, из незабудок... Идет, ... крадется по затемнённым парковым местам, ветвям густым, кустам, газонам, обходит перекрёстки и фонтаны: "Пирамиду", ... "Римский" .... И приближается

ко мне, прохладой голубою отдавая, потом к Дворцу, Каскаду, и исчезает в трепетной поверхности Канала, и в залив Финляндский..... А сверху, из Дворца — посуды звон /открыты окна в Белу Ночь/ и чёрк свечей больших, ... да приглушенный шёпот накрывающей прислуги, да шорох кресел, шёлком шитых, что челядь тащит на ночь в дом. Прищурившись еще разок, мигнуло солнце полусонно и ..... спать, последнее отдав тепло. Не слышно пташек боле. Шум затихающий фонтана дрожжью дышит. А я вернуться должен к полночи, в Санкт-Петербургъ .....

. . . . . .

В конце аллеи отдалённой, в восточной части Парка, где посты гвардейцев, подходя, услышал лёгкое "Дружка" я ржанье и шурх песка из-под копыт. Уж застоялся, глазом косит. С Залива сыроватым потянуло, йодом, морем, ... Пока теперь я доскачу ..... Вёрст осемь первые дорога вдоль залива, а я — вдоль линии своей судьбы, ... аллюром, закусив удила. Но, ... удивительно, вчера, часа в четыре дня, порывы ветра, шквал за шквалом, и листьев брызги улетали и застилали бронзой землю, песок аллей, газонов зелень. И желтой жалобною песнею лепились, бились о стекло. Не знаю, сколько пронеслось, пока в тепле я созерцал, но вдруг ударилась в окно, где я давно уже стоял, пичуга красная, и ... насмерть ..... Знак? Символ? Совпаденье? Откуда, бедная, летела? К кому стремилася она? К несчастью — если птица в дом влетела. Но если не смогла, разбилась, то это что? ... Предупрежденье? Я тихо в залу перешел, что окнами выходит на Залив. Пяток деревьев под окном сгибало ветром в три-погибель, гудит весь дом, и шторм ревет. Залив чугунно бьётся в борт. На якоре фрегат напрягся. Тяжёл, суров Залив наш Финский — характером Великого Петра напился?! Иль от природы неприветлив? Иль шведы нам "заколдовали"? ..... Красная разбилась птица насмерть .... А сегодня ветренно, но СОЛНЦЕ, и какое? Расцветило осень как! ..... Пили вечером вчера с английским капитаном /за пенькой, зерном, мехами к нам приплыл/, там еще голландцы, немцы-ганноверцы были. Старый Капитан Уильямс вспоминал как пил еще с Петром Великим, так же по-простому, года за два перед смертью нашего Государя. Пахло табаком от них и морем. Крепкие ребята! Водку пили вперемешку с пивом, а потом и брагу, и коньяк! Опасаются вот только шведов. До сих пор "шалят" соседи. На второй уж год восшествия Елисаветы, по наветам Франции коварной, задержали осемь кораблей с товаром шведы. Весь товар - конфисковали, чтобы к "русских" не возили, чтоб не торговали с нами ..... А в семьсот втором, как море отобрать у Карла было, удальца лихого?! "Колокола на пушки лить!" — царь приказал по всей стране. Русь сермяжная и Церковь в миг Его в "антихриста" одели. Так вот и шагал "Антихрист" двухметровый в ... европейском платье, с палкой огроменной, и не только, чтобы Меньшикова бить! Да что колокола! Он горячо любимого Алёшку-сына, Наследника престола своего не пощадил ..... Но твёрдо встав ногой на море, угрозу Швеции разбив, он выстроил у нас кусок Европы, который врезался в Залив. И в основных чертах создал: Флот, армию,... Сад Летний , Петергоффъ и школы. А водные "Баталии", Большой Каскад, ... фонтаны — страсть была Петра ..... Раза два случилось — поздней осенью фонтан вдруг заработал, сам, без видимых причин. Царь поразился, увидав случайно, как неожиданно забил фонтан; не это странно - может быть, включили, чтоб трубы из свинца проверить пред зимой - невероятно, что фонтан струился .... КРОВЬЮ! Но — ничего. Он сделал вид, что будто не заметил крови — суеверьем не страдал. Другой раз, говорят, случилось то же в год кончины Анны "Иоанновны" /которая, наоборот — царица-горе для России/. В крещенские морозы, в заснеженном, промёрзшем Петергофе, куда царица ездить не любила в холод, вдруг потекла из пасти раздираемого льва, горячая, дымящаяся кровь! Розовым и красным пропиталась шапка снега у бронзового льва на голове, и таять быстро начала ..... Дворцовые, заметившие сверху, через окна, с оглядкой, шёпотом /Бирон держал всех в страхе: чуть что — и сразу к Ушакову, на допрос/ передавали по Дворцу о том, что происходит там, внизу. Толпою вскоре, без согласья, спускались по заснеженным ступеням: придворные /а челядь, нагоняя, шубы надевала/, дворцовая обслуга, офицеры, ... гвардейцы бросили посты, сбежались, рты разинув. Вокруг фонтана поднимался розоватый пар ..... Многие крестились исступлённо. А иностранцы, случайно оказавшись во Дворце в тот день, сконфуженно моргали и возбуждённо лопотали "мол, оное подвластно Разуму Науки, но только не тепрь, да и вообще" ..... Другие же, продрогнув, отходили и тихо говорили: "быть беде". Все думали /из русских/, что "может быть, Бирон подохнет", ... молчали и только выразительно смотрели. Друг друга понимали и без слов. Витала ненависть, особенно в морозном,..... флюиды страха и вражды к Бирону ..... На другой же день из Петербурга

PETRUS PRIMUS
RUSSORUM IMPERATOR

прискакали утром офицеры и начали р а с с л е д о в а т ь: "Кто первый видел? Кто, Что говорил? Зачем не запретили слугам вместе быть? ... А кто пустил фонтан?!" - вот главный был вопрос ..... Долго после этого еще судачили, рядили - что, да как?! В Петербурге слух пустили ... будто приказал Бирон врагов своих в водовзводную машину, что в фонтаны гонит воду, бросить тайно ..... Кровь их, якобы, и отогрела в трубах воду, красной сделав ..... Ея Величество разгневалась, еще сильнее заболела. Приказали наказать кого-то плетью, для порядка — чтобы не болтали! ..... Но молитвам Нашим Боже внял — и призвала к себе Судьба, и в октябре скончалась Анна ..... Фельдмаршал Миних арестовал Бирона вскоре ночью; из постели, в императорском дворце — да в крепость, ...в Шлиссельбург отправлен регент ..... "Постелью" и пробился, ирод, "вверх" ..... Тиранил, мстительный и злобный, десяток долгих мрачных лет Российское достоинство и Душу, а сколько жизней загубил! ..... Эх, Россия — драгоценность, брошенная в грязь. "Ея Имперское Величество", Елисавета /"Искорка Петра", как в ризах батюшки Ея в Синоде величали/ потихоньку начала драгую ценность русскую — от мусора неметчины, как зёрна от плевел, подразделять, давая русским "первые" места. Но Миних до нее еще успел Союзом Пруссию скрепить с Россией. Ан, не надолго, к сожаленью. Через 15 лет Елисавета послала против Пруссии и Фридриха II русский Корпус. И вот, когда Апраксин впал в опалу, по доброте своей к солдатам, и выдающийся наш Канцлер, граф Бестужев-Рюмин, арестован был, открылись документы, письма, ... тайный меморандум Фридриха Второго:

✳ "В 1740 году Россия могла выставить в поле без усилия 170.000 войска; флот ее состоял из 12 линейных кораблей, 26 кораблей низшего разряда и 40 галер. Доходы империи простирались до 15 миллионов талеров - сумма умеренная в сравнении с громадмым пространством страны; но в России все дешево. Самая необходимая для государей жизненная потребность - солдаты, не стоят здесь и половины того,что тратят на их содержание другие государства Европы. Петр 1 составил проект, какого не составлял ни один государь до него. Завоеватели стараются только о том, чтоб распространить свои владения, а Петр хотел сократить пространство своего государства, потому что последнее было дурно населено в сравнении с обширностью. Он хотел сосредоточить 12 миллионов жителей, расселённых по империи, между Петербургом, Москвою, Казанью и Украйною, чтоб это пространство было хорошо населено и обработано; остальные же области представляли бы пустыню, превосходную защиту от персиян, турок и татар. СМЕРТЬ ПОМЕШАЛА ВЕЛИКОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ ЭТОТ ПЛАН. После несчастий Карла XII и утверждения Августа Саксонского в Польше, после побед Миниха над турками Россия держала в своих руках судьбы Севера; русские были так страшны, что никто не мог ждать успеха в нападении на них, ибо, чтоб достигнуть до них, нужно пройти пустыни и можно было все потерять, если бы даже ограничиться оборонительною войною в случае их нападения. У них в войске множество татар, козаков и калмыков; эти кочевые орды хищников и зажигателей способны опустошить сильные цветущие провинции, прежде чем регулярное русское войско вступит в них. Для избежания этих опустошений соседи уклоняются от столкновений с Россиею, а русские смотрят на союзы, заключенные ими с другими народами, как на покровительство, которым они удостаивают своих клиентов".....

✳ Но это было только к чести . . . . . .

..... В сорок втором, с июня по сентябрь я в Летнем саде пропадал, где иногда Наташа "променады" со старою княгиней проводила. Вылавливал моменты. Поговорить нам удавалось, если вдруг заснет княгиня; но так, ... любезности пустые, да кое-что о жизни при Дворе, при новой "матушке царице", капризно требующей чтоб в Европе, при Дворах Ей титул признан был ... "Императрица". Наташа невзначай струной звенела звонкой и вспыхивала распаляющей меня еще сильнее страс-

тью, когда случайно о дуэли, ее "любимого" ...Головнина, заговорили ... Лишь только в августе..... /в Ораниенбауме весь Двор собрался на большой охоте/ ..... я выпалил ей все, что думал,когда скакали вместе мы ..... Откинувшись, легко скача, она смеялась дерзко, звонко, потом шалила семилетнею девчонкой. Мы с ней отстали от компании веселой. Еще ружейные хлопки из леса доносились, когда мы вышли с ней на самый берег Финского Залива. И кони медленно плелись, позвенькивая сбруей, вслед за нами. Осока резала до крови тревожное покрякиванье уток, и финскою холодною волной глаза застлало у нее..... Мне показалось ..... профиль изменился, выраженье губ,мелькнула твердость ..... Мы долго молча шли ..... Вот капнуло на лоб, на нос, на слово, что вылететь готово. Заморосило. Спозоранку собирался дождь, да не решался, ждал, пока всех уток Двор перестреляет .... Теперь не выдержал, и тучи разревелись. Неровный шум дождя выравнивали струи всех фонтанов. А у подстреленной Наташи, притихшей под ветвищами, где суше, глаза — невидящи, студёные две чаши ..., готовые пролиться ..... Через неделю я узнал, что был убит "любимый", на второй дуэли.

✳ БАГРЯНЫЕ ВКРАПЛЕНЬЯ В БРОНЗОВЫЙ ОКТЯБРЬ ... ПРОИНКРУСТИРОВАЛИ КРОВЬЮ, ВСЕ ПОВОРОТЫ ЯРКИЕ МОЕЙ КРУТОЙ ДОРОГИ! Октябрь в Петергофе золотой, щедрит отделкой ювелирной листьев, но "золото" фонтанов и фигур до неприличья вызывающе — опасно завистью и местью! Не мене месяца минуло, как мы с Натальей снова вместе. Тогда я помню ... в самом дальнем, слегка заметанном конце ... И вот ...., я вижу как сейчас, наш РАЗГОВОР, как ... с церкви, с колокольни затяжной прыжок на крыльях, как снова через много месяцев, потом, слова разбились оземь, завершив паденье... Наташа, кажется, тогда ... перчатки потеряла, которые ей бабушка-княгиня подарила и наказала, чтоб беречь как знак удачи, которую Голицына еще при короле Людовике XIУ имела ..... Как это нач..... Как начало?..... Я, кажется..... Ах, да ..... Она вдруг повернулась круто, не проронив ни слова, и стремительно направилась к Горбатому мосту..... А я стоял и ждал.....

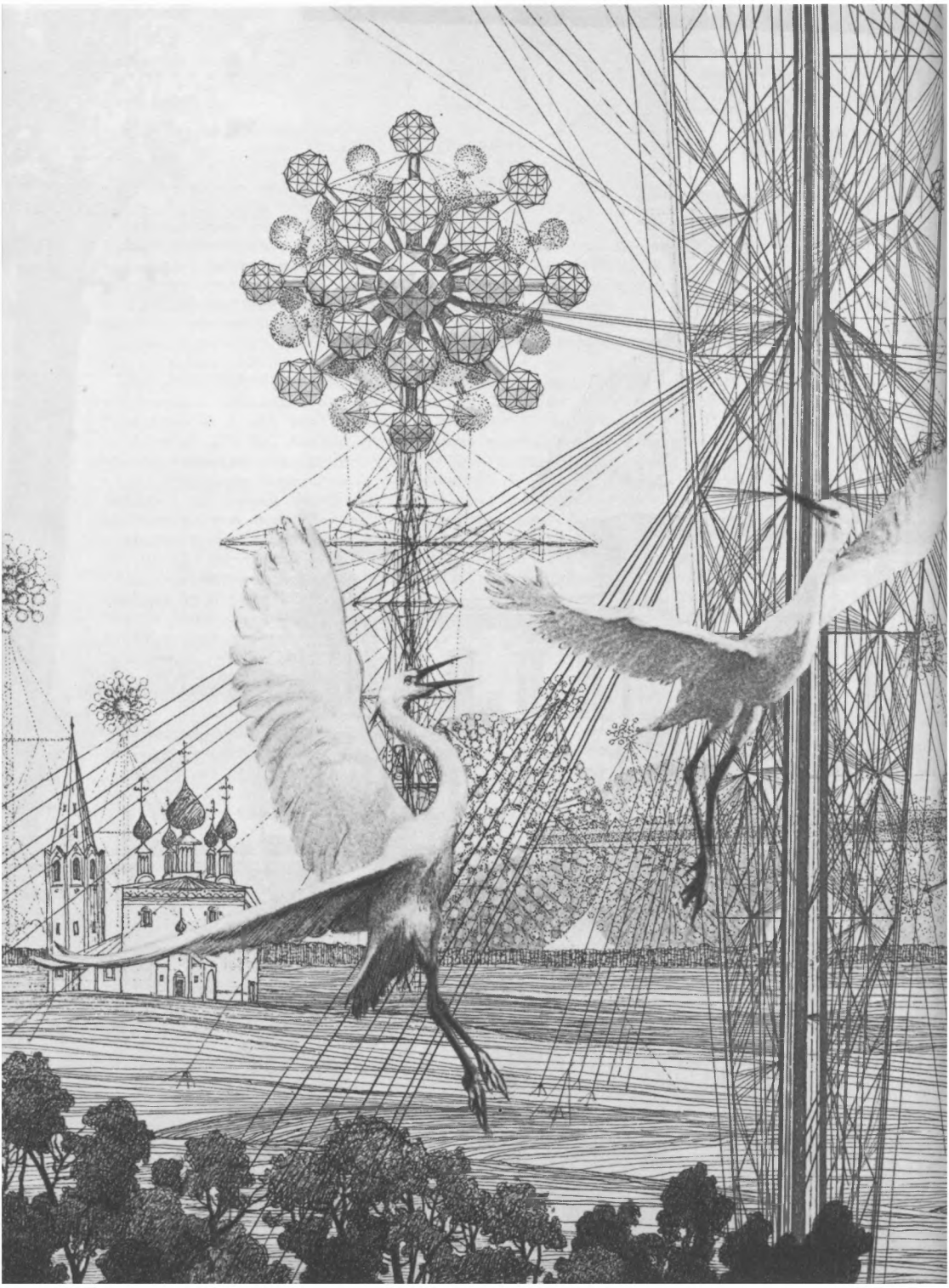
- Ну, что же ВЫ?! ..... Какой забавный ..., - проникновенно и певуче она произнесла, остановясь. - По-видимому, я перчатки обронила в Менажерийном павильоне, - и поманив меня за нею следовать, задумчиво добавила, уйдя в себя, - Специально их взяла и ... вот .....
- Филат найдет ..... Они с Захаркой вечером обходят все беседки в Нижнем.
. . . . . .

✳ Повисла в золотистой тишине, не мыслей — звуков, слов таинственность вибраций. И вариации различных смыслов, зависая листьями осенними в ветвях, от одного промолвленного слова /ну, например, ... "вода", "орхестр", "честность"...../ нас в разные концы разводят, и дальше гонит внутренняя гордость, да и любовь к себе — "к себе любовь сильнее чем к другому?" .....
По-разному, диаметрально,мы стремимся к СМЫСЛУ вокруг нас сущего, и в нас, самих .....
- Смотрите, средь стволов, вон там, правее, - взглянув лукаво на меня, Наташа продолжала, - то фиолетовый, а то мелькнет зеленый ..... Какого не хватает цвета к ним?
- Мне думается ... белый был бы слишком бальным, ... а серый - бледен /так не хотелось серого, тогда во мне надежды все, потенции, цвета и смыслы радужным, цветущим полем пели, а сердце трепетало птицей в тенетах, что я не мо-о-о...../.
- Но черное уже имеется — стволы, - решительно Наташа возразила на мой несостоявшийся ответ. Опавших листьев шумный шорох стих, она, остановившись, выжидающе глядела. А я лишь видел бледность смугловатых черт, да кринолин ее, звучащий красным, густовато-вязким, на фоне обгоревшей и рябящей бронзы листьев. Я брёл за жгучим и шуршащим кринолином, наперекор характеру, наперерез вскрывающи-

мся венам. А там сиреневый - то растворялся вдруг, то исчезал совсем зеленый...
- Из фрейлин, самых юных кто-то. Вы различаете? В забавах детский, колокольчиком зыенящий, смех - переменить я попытался тему.
- Сама еще недавно в "Летнем", так убегала я с княжнами из-под опёки бабушки и няни .... Повеяло прохладой от залива ..... Пойдемте, если Вы имеете ЖЕЛАНЬЕ, в Верхний Парк -- там солнышко подольше светит /.... "если есть ж е л а н ь е"! Да я ее готов был, ... я не знаю как! ..... Взгляд, поворот, улыбку, жест ее, и выраженье, будоражащее глаз, ... и голоса стремительная лёгкость, и очарованье — все меня пьянило! Тогда же в снах моих она являться стала ...../.
- Ах, Наташа! Изволите же знать простосердечно, что я .... что ... у меня, для Вас .... всегда ..... Поелику я к Вам не токмо как к ребёнку ..... /Помню, каково ей было удивление огромно; растерянно заулыбалась, как бы защищаясь от меня, иль ... от себя?/.
- Ма Grande-mère искала, чтобы я отправлена была на счёт Сената в обученье, на три года; ... Она хотела чтоб в Париже ..... но Двор французский интригует. Вы - "взрослые" - всё ведаете лучше, чем мы - "дети"!
- А не хотели бы, Наташа, Вы в Италии учиться, ну, во Флоренции? - я там провел три благодатных и веселых года! - иль в Падуе, Болонье?
- Мы в прошлом годе с ma Grande-mère во Франции с полгода провели, но я Италию люблю - в Париже много ительянцев ..... Grande-mère там накупила великое премножество, что целый "поезд" с сундуками книг три месяца тащился до Россиим. Там и альбом с гравюрами и видами Венеции, Флоренции и Рима, Именное подношенье мне от ..... обожателя и друга ..... и моего .....
- Да вот Растрелли-скульптор с сыном, покорителем придворных дам, ведь тоже "итальянцы из Парижа". Вы видели его, как он галантен был на бале? ... в честь имянин Ея Величества Императрицы, назад тому неделю? Хотят, я слышал, поручить красавцу-итальянцу, чтоб перестроил весь Большой Дворец, снаружи и внутри, здесь, в Петергофе. Он - молод и борзой, я рад его удаче. Пора на смену суховатым Браунштейну и Леблону подвигнуть пышность русских форм
- Обучен танцам он изрядно ... Но Вы любезны будьте так, меня поймите, я убивалась в сентябре печалью, - мою ... любовь убили на дуэли, - и отвернулась.
- Чуть боле месяца я не был в Петергофе, ... а уж скучаю, ... вспоминаю летнюю охоту, как мы тогда с тобо.., м-м-м..... с Вами ... под дождь попали, и потом...
- Дождь тот мне в сладость был, — при сих словах она взяла меня под руку.
. . . . . .
Мы лестницу прошли и приближались к боковым воротцам сада, окрашенного теплыми лучами.
- В Италии тепло: народ веселый, солнце, ... песни и вино! .... Но мы и в Петербурге не скучаем; днем - смотры, служба; вечером - пиры, а ночью - карты.. до зари. Такую жизнь гвардейцам уготовил Боже!
- А Вы удачливы в игре! - тут же, как бы с вызовом, она - Вот мне всегда, всегда везет!!
- В игре - частенько, но не в жизни ..... ну, как бы это лучше пояснить - и я.... как будто бы меня пришибло чем-то, какой-то я тогда ... притихший. Она докончила - что не успел, иль не решался, я сказать.
- Вам не везет в ЛЮБВИ? - и озорно в глаза взглянула, затем слегка мне сжала руку, ... в мгновенье пронеслась опять взаимность! .....
. . . . . .

..... Помнится, что я без остановки начал тараторить ... об архитектуре, о Петре Великом, о Риме, о Трезини, о скульптуре, о великом Леонардо из деревни Винчи, о "летунах", что в разных странах были, о Джам-Батисте Данте, что высоко летал на крыльях в Италии, в XУ столетьи, ... и даже о своей "Идее"... о летательной машине .....

- Случалось выпускать Вам белых голубей на Пасху?! - серьезно, глядя мне в упор, в глаза спросила.

- Когда я после зимней тягостной учёбы в поместье к матушке на лето приезжал, дворецкий Николай Трофимыч"репетировал" почтовых... Благороднейшие птицы! Вот тогда я

- Да нет, вот в колокольный звон, ... пасхальный, КАК! они уходят, в прозрачность утренней голубизны ... вот ЭТО Вы! ... такое радовало Вас?!!

- Мне дед рассказывал, что пред Полтавским боем перехватили белых "почтарей" ... с запиской шведам от Мазепы ... И это, якобы, какую-то сыграло тоже роль...

- Как! ... Правда?! ... Не только Бог, и птицы были с Нами!

- Игра Судьбы. Европа ахнула тогда, узнав, что Карл XII наголову разбит, и плена чудом избежав, бежал к турецкому султану. В судьбе Европы начали мы роль играть с тех пор /имея собственные виды/.

- Княгиня, бабушка моя, не только верила в Судьбу. Но, кажется, ... влияла на нее, - и помолчав чуток, Наташа прололжала - Ее Игра! Ее ... романы! ... дуэлей сколько и ... смертей неосторожных ... И тот бриллиант!

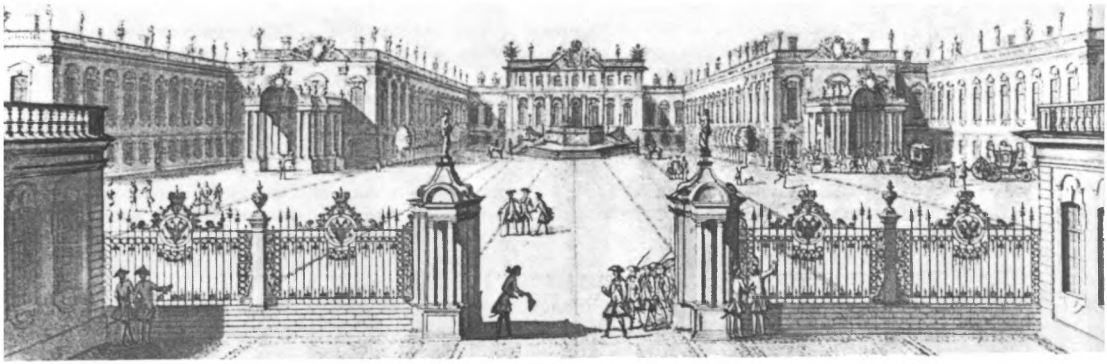
- Игра брильянта - карт Игра! Сверкнет однажды, а потом всю жизнь - воспоминанья /ну как же мог я объяснить, что перепутала она, не замечая, ненароком, масти все, всю жизнь мою?! ... Уже я чувствовал, ... я видел, что НАС к добру не ..... не приведет ..... Что после бури и любви наступит ... горе, чересполосица страданий.... Потом? ..... Потом? ..... Она о Франции опять, а я подумал, что она быть может в будущем смогла б? .....

- Да-а-а-а ... припоминанья делаются так свежи /задумчиво, покачиваясь, шла/ ... Сей час, Вы высекли воспоминаний ворох, - она меня за руку удержала, но продолжала вспоминать с "другим", ... с другими — не со мной. Кольцо! Версаль, ... по вечерам концерты, каждую неделю театр, ... прогулки утренни верхом, галантные, "пресмелые" французы, свобода нравов и ... любви ... И та история с фонтаном, моя гранд-мэр ... потом, потом ..... ах ..... А Вы приметили вчера какое появилось вдруг колье у Воронцовой? Для Мира в оном нет секрету, что сам Великий Князь .... ах, каково Его супруге! Но Катерина /прелесть-немка! Лет на 5 меня моложе, а вот Императрицей стала/ - за это "перетанцевала" всех! А Он .. не отходил весь вечер от своей "любви", все Сумарокова ей, ... пьяный, напевал куплеты ..... Я дурно чувствова... себя .... и там сидела, недалёко. А Государыня старалась не смотреть на Князя с Воронцовой ... "Лисаветой" - поморщилась, когда он пару раз разбил бокалы, шумно уронив. Весь Двор Великую Княгиню одобряет

- Не думаю, что "все" - ведь присягать на верность будут все Петру, когда он станет: "Император!" ... В сем главный вид для многих, - я не успел докончить, как она

- Но не для всех! Имеется премного и таких, кто за Великою Княгиней ..., да и Гвардия пойдет за ней .....

✱ ..... Лет 5 прошло, а всё ещё хулительства и дерзостные шутки кочуют по домам об этом императоре несчастном: мол, Боже иноверца покарал, ... кровавые поносы ...., оправляясь, собственных кишок конец ... торчал ..... И всяко зло другие вещи. Всем рот не запереть — "народ за Веру постоит, и матушку-царицу никому не даст в обиду"! Мд-а-а-а ... Ну сколько же еще столетий надобно России Землю удобрять Культурой, Просвещеньем, Знаньем, чтоб русские терпимо относились ко всему Д-Р-У-Г-О-М-У, к иной Вере, к чужой Жизни??! ..... Шальные мысли, ... и ни к месту, вдруг пронеслись негаданно-нежданно, пока Наташа подбирала листья и сочиняла "сочетанья" на ходу. Гармония вокруг — разлад внутри:..

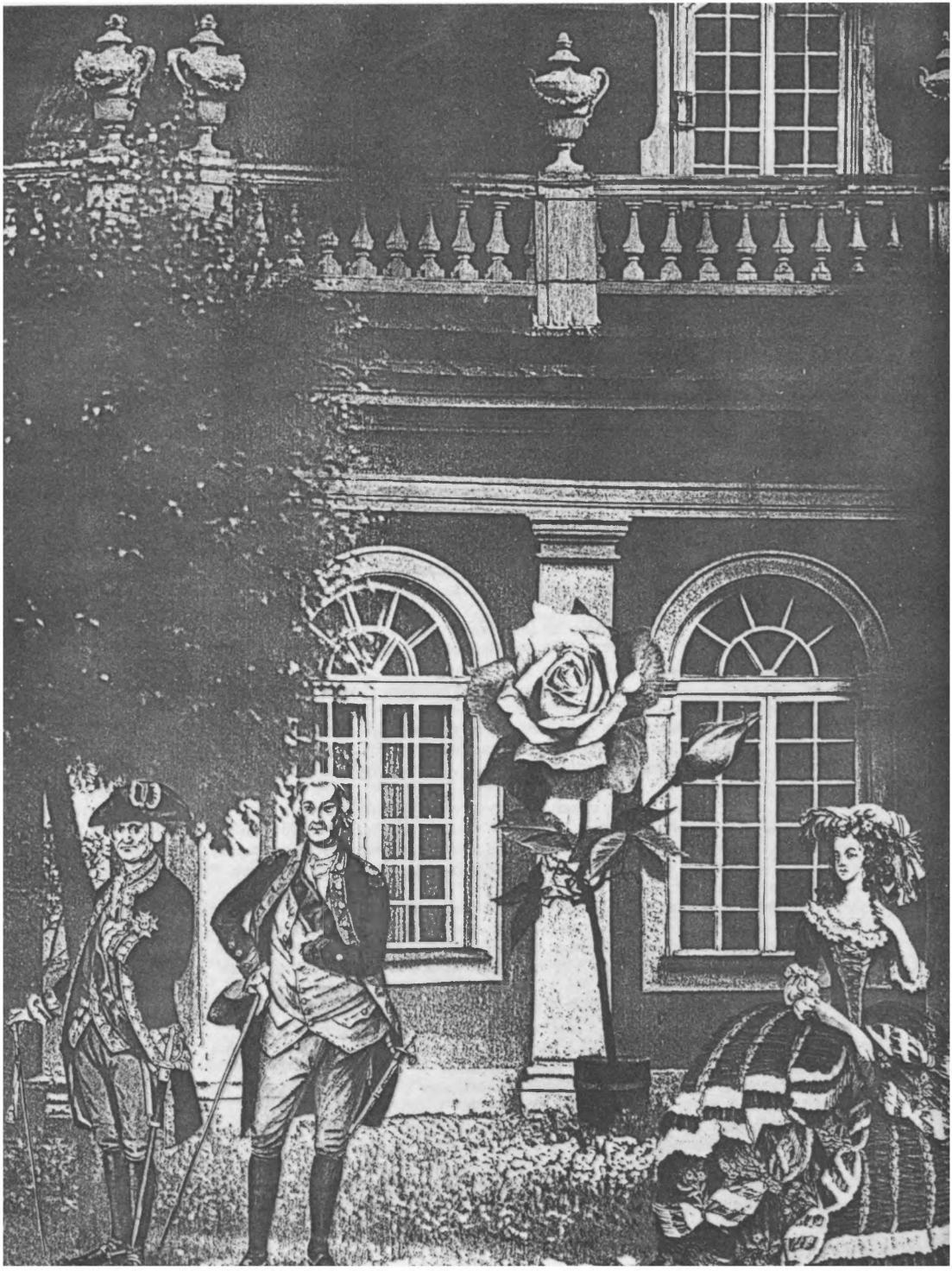
тревога..... Ее порывистость и терпкие на вкус сужденья ... в семьнадцать лет! И неожиданность подмеченных деталей ..... И независимость взирать на мир! Уж ли не здесь, не сей же час? Все сразу выпалить? .... А вдруг провал? .... Неее-е-т ... Нет-нет - вспугну, и птичка знойная вспорхнет и улетит. В концерте лучше... буде будет случай, в перерыв: все громко говорят, мороженое разносят, шаркают, смеются. Надо рядом сесть - пораньше, чтобы сзади кресло взять ..... Или сей час ..... открыться? Без обиняков: "Я обожаю Вас! ... Люблю тебя, Наталья!.... Я сам не свой ..... Не говори, молю тебя, мне "нет"! ...."

- Ах, Боже правый, отчего сегодня вид такой серьезный? - игриво и с напором мне в лицо взглянув.
- Наташа! ..... Наталья, я хотел сказать, что я
- Ну, полноте, какие пустяки. Я и позабыла. А кольцо мне по душе пришлось! .... А кто же мастер, русский, наш ли? /в их доме придавали мастеру значенье - я это знал, еще с времён княгини строгой/.
- Я оччень, очень рад, что ... Да, колечко изготовил русский. Еще я рад тому
- И я! .... Маман намедни удивилась, за завтраком заметив
- Наташа, я вот ..... сейчас хоте
- Слегка знобит. Прохладно делается здесь, нет? Фонтан не золотится боле /солнце спать легло/, и свежесть гонит всех к теплу. А?! А не вернуться ль во Дворец? Мы от розария /последних несколько красавиц распустились в октябре!/ ... налево, к Посейдонову фонтану повернули. Остановившись вдруг, она вся подтянулась, чуть ли не вспорхнула, и жарко ... чмокнула меня, пото ... поцеловала крепко .....
. . . . . .
Не детским, нет ... не девичьим поцеловала - ЖЕНСКИМ! А я ... смотрел. Наташу — жизнь мою, съедая взглядом! Смотрел. Дрожжь нервная, озноб, ... я, кажется, заплакал ..... И мне не стыдно было. Нет, наоборот.На языке и на губах — слезы солёность. И смеялся нервно. Что-то бормотал. Хотел вернуться..... к розам. Для чего? Не помню уж теперь. Потом, потом я
- Наташ - а хочешь я сейчас поймаю "золотую" рыбку для тебя? ... Что "сумашедший"?! И красные там есть. Ну почему "не надо"? - И я полез в фонтан в чем был; она захлопала в ладоши, закричав, и смехом звонким залилась.
- Вы - настоящий ненормальный! Заболеть же можно! Вылезайте .... Нет-нет, не надо. Я тебя прошу! ... Давайте руку, ну! ..... Нет, хватит! ... Вылезай, а то я рассержусь, или сама сейчас в фонтан полезу!!! .....

. . . . . .

Спустя немного, я,переодевшись, нашел ее в гостиной красной, что пред концертной залой, стоящей одиноко у окна. Она как будто бы вернулась, чуть встрепенувшись птицею, на ветке поджидавшей...Птица,при закате - слышишь? - на ночь, когда я, тихо подойдя, сказал:
- В природе затихают на ночь ... страсти, но не жизнь. Фонтан не расточает боле драгоценных капель. Канала зеркало померкло. Во мне же - всё наоборот, как развороченный костер: искрит душа, дымится сердце!
- А я, когда гляжу на затухающий "Фонтан Самсона" - клокочущие утром струи всех фонтанов, солнце, брызги, пенье, щебет птиц веселый вижу ..... И в памяти встает Версаль, и "Майский бал", ... костюмы, кавалькады..... А там - я вспоминала Летний Сад, наш "Огород придворный" и новый наш Дворец Елизаветы, так походивший на версальский ..... и в Москву меня тянуло, в Русь — хотя и грязно, бездорожье.

- А ты монеты бросила в фонтан, чтоб еще вернуться и на ... счастье? - я взял ее за руку осторожно, прохладу длинных пальцев ощутив.
- Моя Grande-mère, ... она была еще так хороша, что многие ... Ах, да. Да-да! Я бросила на СЧАСТИЕ ... колечко!
- В какой фонтан? - я вспомнил сам, когда впервые там бродил, что видел разных стран монеты: восточных много, итальянских, несколько с орлом российским.
- В "Тритонов", - она руки своей не отнимала.
- Обычай этот к ним пришел, как говорят, с Востока. Суеверье, но живет.
- А бабушка моя, воистину Голицынской породы, никак уж суеверной не слыла, но веру странную имела. Всегда за нужно находила на оную в несчастье положиться... Особенно, когда имела случай проиграться... Ну это ... так я. Она тогда мне улыбнулась! И вот ... теперь .... Вы ..... я ..... - и голосом в волненьи продолжала, - Уже давно никто не замечал, чтобы Княгиня так лучисто улыбалась. Я так! Я та-а-ак ее любила!! Хотя крутой ее и строгий нрав, но при Дворе такой почет... Да Вы же знаете! Она мне все прощала. - Наташа обернулась, глаза ее,... да не глаза - огни! ... светились внутренним, таким невероятным... Гул, говор сзади нарастал, все на концерт уж собрались, но всё не начинали - ждали Самою. Наташа рук не отнимала, и шло тепло, разгорячилась кровь, пульс явственно чрез пальцы ощущался... И мы стояли неприлично близко... на глазах у всех. Я должен о Наташе был подумать, но никак не мог ... ни отойти, ни оторваться. Я попытался ..... неуклюже
- В то лето, после возвращения из солнечной Флоренции, я много времени у матушки в поместии провел. Привез тогда я списки текстов, разобранных уже и ясных, и рисунков Леонардо. Великий итальянец долго наблюдал за голубями, ... стремился тоже в Небо ..... Рисовал полеты, изучал крыло; и говорят, что "летуна" построил, но не взлетела та машина
- Это его "Мадонна в голубом" в Кунсткамере хранится? - Наташа посмотрела на меня, да так, как будто изучала, как в первый раз знакомилась со мной, не слушая меня, но слыша. Из приоткрытых дверей Залы музыка уж лилась.
- Он как художник, Мастер ... тоже интересен. Да, ... "Мадонна" сделана его рукой.
- ... И ... "как художник"? А кто же он еще? - теперь Наталья вникла в разговор, откуда-то спустилась, или вернулась в наше время.
- Наташа, для меня великий итальянец был Ученым, он заглянул на 200 лет вперед, да что там 200 - больше! А как художник
- В галлерее Лувра я видела его "Джиаконду", - прервала она меня
- Как приняла ее ты, сердцем, иль умом "холодным"?
- Так затруднительно, ... но будто бы впервые я увидела кота улыбку или Сфинкса ... Я, помнится, шепнула, но Grande-mère загадочно ответила: "Ты многого о нем не знаешь, да и другие тоже ... Услышишь завтра россказни - не верь! Итальянец уродился нашенской породы!! ... В другой раз, Козочка /так она меня звала/, тебе я многое поведаю. Теперь оставь меня, поди, ... маркиз, твой воздыхатель, верую, уж

ждет ..... Я т у т е щ е о д н а п о б у д у ..." и помню хорошо, что это мне она уж как-то слишком твердо сообщила ..... и затем: "Да! Не забудь, что мы сегодня вечером приглашены .... и прикажи, любезная, слуге внизу, чтоб вскоре мне карету дали"

- И ты запомнила весь разговор?! - я взволновался, помню, и опять увидел отпевание ее, ... зимою в Петропавловском соборе. И замешательство, скандал какой тогда там вышел!

- Известно, что не точно, но сохранила суть по памяти моей. Таинственность и странность мне запечатлелись сильно.

- Как досадительно, что не удался случай нам с Княгиней, ты у которой прыгала в балованных газелях, об этом переговорить ..... М-д-а-а, теперь уж поздно. Могу себе предположить, что много тайных Тайн Голицына с собою унесла. Одна из них - "секрет игры". А вот теперь еще и с Леонардо связь ... через иные сферы / я уповал, что внучке от княгини кое-что передалось, уж больно независимо судила обо всем и подмечала необычные детали.

- Любимой поговоркой у Grande-mère ходило: "Противники к моим пределам не дерзают!" Я всегда люби

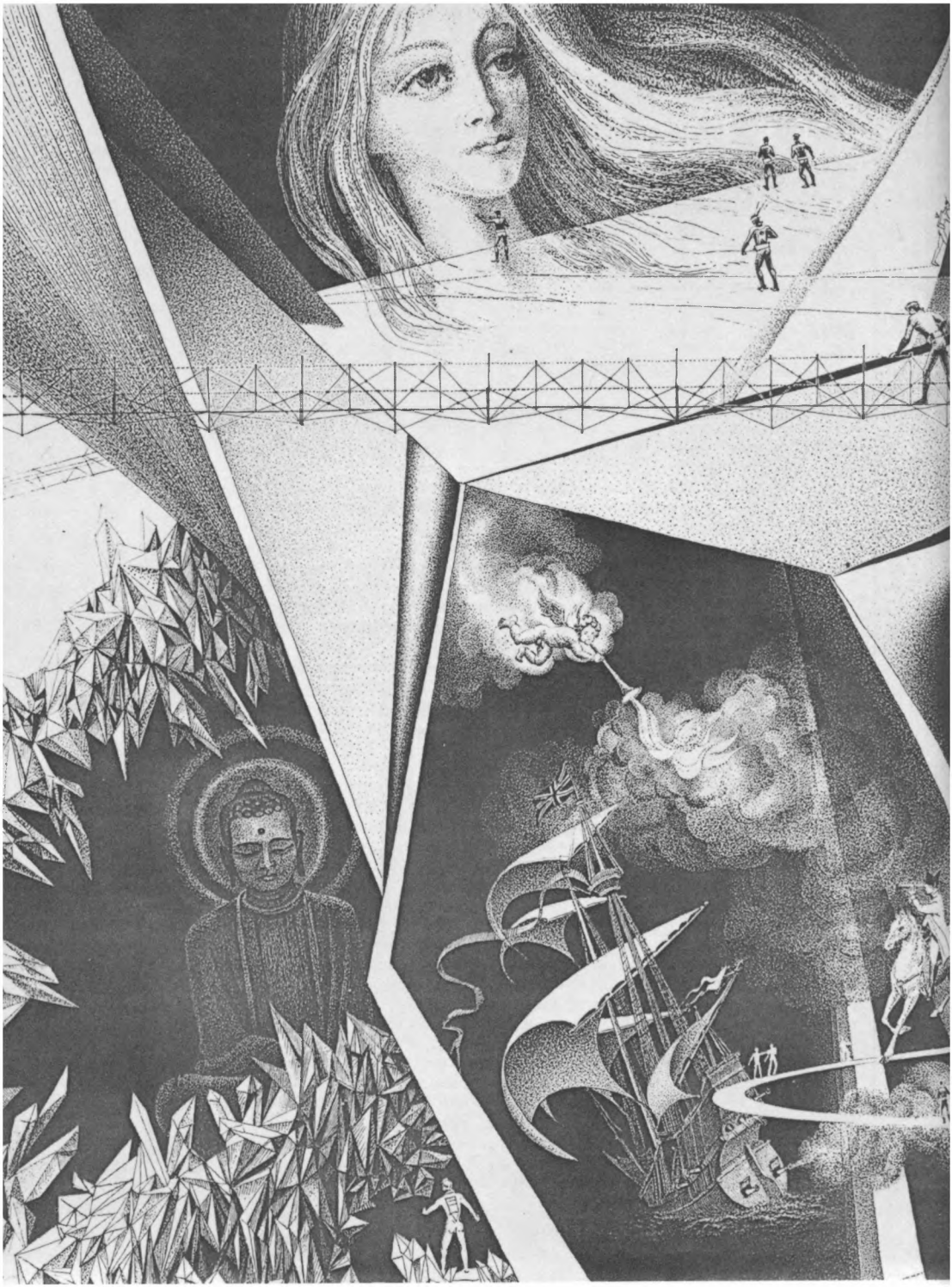
✱ - Прости, Наташ, ... а ты ... летаешь по ночам? - я смотрел в открытое, прекрасно смуглым персиком, лицо ее, в слегка раскосые в стремительность глаза; я был уверен, что она хотя бы чуть смутится, ... но ничего не изменилось - с тем же выраженьем продолжала

- С паденьями парю, ... и с замиранъем сердца! ... А особливо в прошлую весну /я вспомнил день, когда ее впервые в Летнем , на аллее встретил ... Как вся она любовию горела к удальцу Головнину, который вскоре ... плохо кончил/. — Ах, если бы случилась бы возможность май продлить в три раза! Или однажды, невзначай ..... ВЗЛЕТЕТЬ! Вот так, без крыльев, и полетать над Петербургом! Да-а-а ...сего ради, я бы

- А я ... ЛЕТАЛ, ... здесь, недалече, на Ропшинских высотах, ... Пожалуй, с сотню сажень пролетел, - мне не хотелось говорить об этом, но как-то вдруг само, как птица, вылетело эхом. И долго помнил я ее глаза, нет, не глаза, но потаённо что-то в них зажглось, ... да и теперь, когда один брожу я здесь, то... вдруг в листве или в фонтанных струях промелькнёт ... то выраженье. Она тогда поверила мне сразу, ... сразу на всегда! Взгляд на мгновение застыл - Наташа отлетела; я только ощущал сильней удары ее пульса, и руку крепко сжала мне .....

- Ах! ... Ой, кольцо вдавилось, - тихонько вскрикнула она: я причинил ей боль, порывисто пожав прелестную ладонь в ответ на видимую страсть Наташи. И помню, что готов был всю ее расцеловать, сей час, там, в зале, ... сорвав с нее панье́ и юбки, как много раз потом случалось, ... но только жадно целовал, покусывая как младенец, пальцы, всю кисть, внутри ладонь, ... опьяненный ароматом кожи, позабыв где мы .... Бриллианты трех колец ее играли, и сквозь малиновые, с белым, желтым, голубым, бликующие вспышки их - я слезы вдруг увидел на глазах, ... от счастья, а за окном - желтели тускло точки фонарей, и скрипки с флейтой сладко доносились из-за двери, ... то был Люлли иль Куперэн

- Брильант сверкающий, Наташа, знаешь интересен чем? Что в нем искрящиеся вспышки смеха, радости и жути высекают блики ... слёз. Особенно для двух существ, которые внимают при свечах друг другу ..... И чувства нежные пропитывают их, пронизывает шёпот: мебель, занавес и свечи, и притаившись в складках, проникает в сны заснувших, обессиленных предутренней любовью ... И грани, под утро, уставшие, гаснут, оплавясь и стихая, на заснувшей бледной ... ласковой в любви, руке ... - /казалось, что уже ничто не сможет отвести меня от любования, люблення ее девической, шальной натуры .... Как и тогда, теперь еще я вижу, как ее глаза, ... два глубоких тайных мира, все затмивши, увлажнились, горячечно блеснув. Едва приметно вздрагивали ноздри у "Газели".../ И заполыхал, невидимый для мира, испепеляющий до тла, пожар, огонь, и жар двух душ и двух сердец интимный, буйный танец....

и помню, что еще она хоте.... И овладев собой, уже чуть-чуть игриво, она спросила, как бы отвечая

- Но ценность разве скрыта только в самом камне? ... А искусная огранка, да с душой? А мытарства, дабы привезть с Востока камень? ... А склад души дарителя, родни ль?!

- Но знак для камня, под которым он рожден, и если носишь камень, то влиянье Знака на судьбу, на жизнь, на будущее после смерти, как ты считаешь, в чем резона больше? - я знал, что камень, связанный с ее судьбой - ГРАНАТ ... Разбрызганные в гранях капли крови, которыми пораниться легко.

- В драгоценностях ... вся ценность??! - вдруг напряженно, с недоверием она спросила.

- В ИГРЕ!!! ... В Игре, в которой жизнь поставлена на карту!

- Но лезвие бриллианта обостряет жизнь! И Красота от вас, мужчин, ждет поклоненья, ... постоянно! И ... отваги!

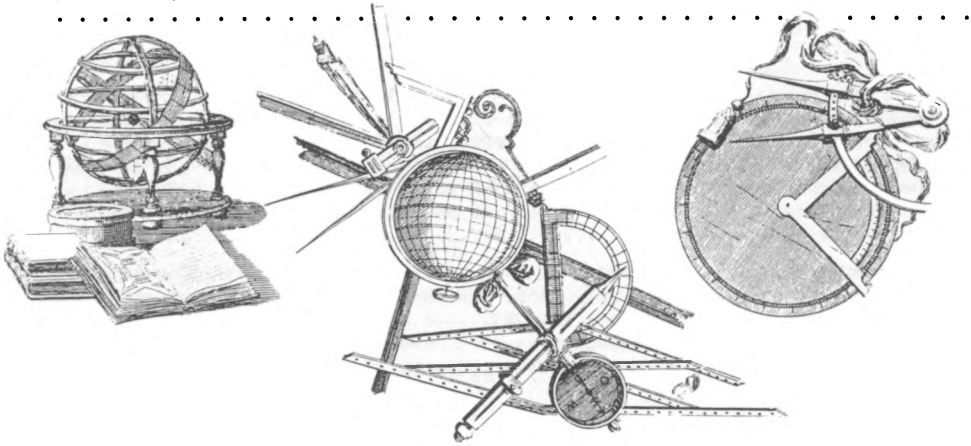
- Заподлинно тебя, Наталья, уверяю, что Красоту всяк разумеет на иной манер. Бывает, что украшенное зло

- Ох, но дьяманты люди в целом мире любят! - вспыхнула Наташа. - А ЖЕНЩИНА?! Как смог бы мир существовать без нас?! Бесславно потонул бы уж давно в тоске и мраке! - я помню, что она в момент преобразилась, стала взрослой и дерзско улыбалась, ощущая собственную силу. И я увидел в ней тогда другую, новую Наталью. И растерялся, помню, онемел.

. . . . . .

✳ Мы молча слушали знакомую мелодию /вторая часть из третьего, Rameau, концерта/, где флейты, светлые рулады возводя, грустили переливчато в andante, где слышалось еще перемузыкиванье наших слов, оттенков, впечатлений новых друг от друга. И вспомнилось немного погодя - на Божий свет явилась ведь она в кончины год Того, кто начал строить Новую Россию. Все 20 с лишним, тяжких лет Он войны Северные вёл - в Европу русским дверь открыл, чтоб затхлый дух боярских Дум и ржавость северных болот - сменить на "Летний Огород", на Петергоффъ и на Сенат, и русский флот морской создать ..... Пол века только пронеслось, а форма жизни уж иная. Координата нового отсчета! Торговля бурно развилась, ... заводы. Конечно, крови пролилось, не счесть и душ, загубленных в войне и дома ..... Не так давно случилось в и д е т ь План Санкт-Перербурга /под личным Мастера Махаева смотреньем гравирован/ — красивый европейский град! Россия, отродясь, такого не знавала. Посереди болот вонючих — ансамбли русского барокко, каретный выезд на шестёрке , одеты коротко и чисто, дворцы, Кунсткамера и танцы, Театр, концерты, иностранцы .....

. . . . . .

..... Льдинные слезинки обронила, исчезая от досады Королева /северных просторов властелинка/, а Искатели собрали их, как перлы, до весны храня - не расплескать бы ... Спит Нева, обрамленная льдами, заковавшими суда и баржи ... Просыпаются команды .... топорами лед рубить ..... Зимним мотыльком порхает колокольчик - на заставу адъютант гарцует спозаранку; иней, треуголку и шинель, и ветви распушив полярным мехом, ждет Зарю ... зарозовевшим смехом ... тихим. Вот все чаще крыши к небу дымные хвосты свои кошачьи ..... Околоточный пошел в трактир напротив ... Фонари спешит задуть фонарщик..

.....

В ПЕРЛАМУТР УТРО ОБМОКНУЛ В ПЕТЕРБУРГЕ .....КТО?!

.....

"Ах! ... Луч брызнул слегка и Игла крепостная ЗВЕНИТ! Игла - собора Павла и Петра.

Вот чуть отогревшись, кресты на соборах, карнизы дворцов и ограды витые, ... гравюры деревьев ..... два вензеля желтых сквозь сизую мглу - все вспыхнуло, СОЛНЦЕ! ..... Все залито светом! Оттенки различные тени рисуют. И все это видно из окон моих."

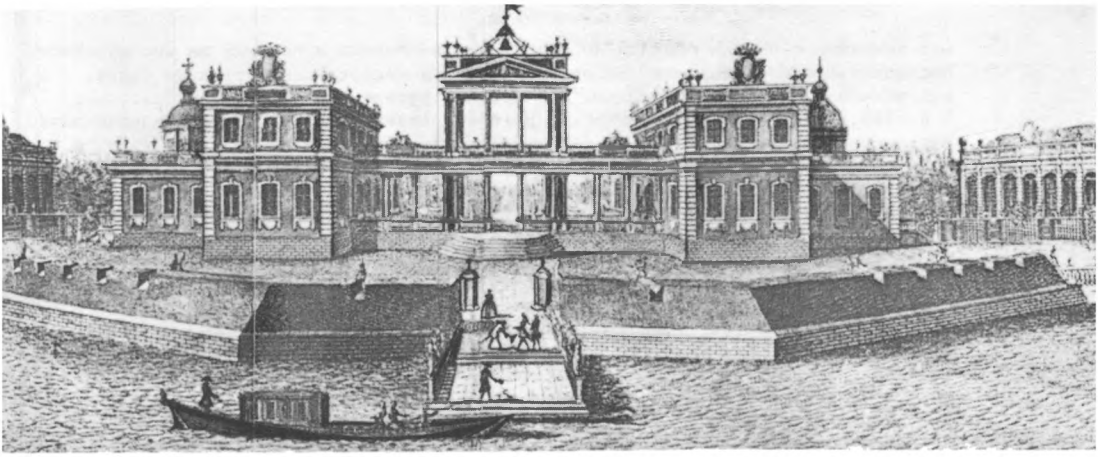
. . . . . .

. . . . . .

"Дубовый кабинет интимно наполняется каминным жаром ... Борзой "Борэй" оленьим глазом наблюдает: как из угла в другой хожу я, потирая руки, и если что скажу ему, то уши - остро вверх, как у коня. Красавец длинноносый! Потрескивая искры вылетают на ковер ..... Ох, и морозище сегодня! ..... Ну, что же Глаша там? Опять замешкалась, смешная! Кофий для нее варить - напасть. Но булки сдобностью и добрым духом /с поджаренною корочкой с краев ...../ вполне с ѣѣ дебелым телом, упругостью грудей, ... вполне-вполне ..... Еще что там на завтрак приготовила она? Так: голландского сырку, яйцо и сливки ... А! И эта рубленая вкуснота ..... Все к завтраку готово уж, а этих, ... "музикантов" - нету .... Хм-м ... Да я, еще пораньше встал сегодня ... Ох, нога, нога. ..... Треклятая падагра ..... Опять бумагами завален ореховый мой секретер /а, всё-ки хорошо, что заказал я "нашим", да и отделку серебром ... добротно, хотя и много взяли/; вот перьев с вечера гусиных надо было боле заточить ..... "Ну! Что, "Борэй", сегодня не играл с другими? Попикал быстренько и в дом? У-у-у, баловень ты мой, ох, обленился!" ..... А-а-а! Вот, кажется, явились... "майн либэ херрэн-компонистэн". Пока они отогревают руки, спущусь-ка я в людскую и спрошу .....

- "Гутэн Моргэн, майнэ Херрэн! ... Ви гейтес Зи? Гут!? Ихь дэнкэ Хойтэ ист ... бисхин Кальт? Я?! Дас ист ,.. матушка-Рассея! - и не вникая в их промерзшие ответы, продолжал, - Майн либэ Штангель, хабэн Зи ди нойе Захе аус Вин, шон? Одэр?! Ихь шон вартэ-вартэ ..... Вы можете сыграть Аллегро еще раз? сегодня из того концерта для гобоя, который прошлый раз играли?! ..... Ну, биттэ, комм цу Мир, наверх и поскорее ..... кофий уж простыл поди! .... А Вас — потом покормят" .....

- "Глаша-а-а! ... Ах, ты здесь - что кофе? Ну, наливай-ка... Да, ничего, я сам подброшу парочку полен ..... Вот, так. И-и-их!!! Как солнце весело играет!" Перед Советом прогуляться б, ... хм-м .... А вечером - Апраксин приглашал ... чтоб у Самой ... просил замолвить за него "словечко" ... М-да-а-а, не сладко старику — последняя "кампания", ... да отступленье через Польшу, а злые языки

не дремлют ..... не складно как-то обернулось, м-да-а-а ... Жаль ...Перебарщил старик-Апраксин.

- "Ваше Сиятельство, еще поджарить, или ... так?
- Нет, Глаша, милая, отдай-ка это ты "Борэю" - не хочется мне что-что... Вот кофию, еще подлей .....
- Нусс! Дорогой мой ... 'либэ Ханс' ... Вы все готовы? — Начинайте!" .....

. . . . . .

Минутку только треск поленьев из камина, и мягко голубые вспышки скрипок, и разгон альтов .... так начинается во сие, так начинается сраженье, ... стрижи так атакуют над водой, ... так можно обрести покой .... Понятно, наши: Соколов, Фомин иль Ведэль, иль другие — куда им! Многое, конечно, из Европы переняли — хорошо! Но хлеб-то с маслом свой едят, ... россейский. А ведь у нас свои старинные мелодии какие! ..... Ну! — я ж не "музикаит", мне б при Дворе управиться с ... "орхестром" ..... Дай то Бог!!! .... Сама-то ... Что творится с ней? Или ... Шуваловы "творят"?! А Воронцов! ..... Чует сердце /и душа болит .../, что нам накликают беду радетели такие, как Шувалов Ваня ..... "граф"!.....

Позавчера, я позже, кажется, проснулся, и позже ел, а солнца свет на-пол ЕЯ портрета падал, ... по диагонали разрезая /всю ЕЯ порочную натуру осветил: лицо и грудь, но вот - глаза! Глаза тяжелым, темным светом проникали — мне так не по себе, ... предчувствие дурное; я диктовал, размеренно шагая, и наблюдал украдкою "глаза" - они давили на меня угрюмыми лучами ..... Сегодня солнце освещает весь портрет, и блики от стола, от серебра, посуды - затмили оба глаза, словно вспышки две .... Фу, ересь!! .... Чушь, какая-то свиная! Сменить портрет? ... М-м-м ... И даже думать - не моги. Убрать? ... Ха!! Да тот же Штангель, например, ... доложит /а ведь - австриец, музыкант ... Сегодня я бы мог его — лишь только пальцем шевельнуть, а — "завтра"?! Да-а-а-а ... Россия-Мать, когда ж ты перестанешь "головы снимать", их заменяя "масками подобострастья"!??/ .....

Как вспомню . . . . . .

. . . . . .

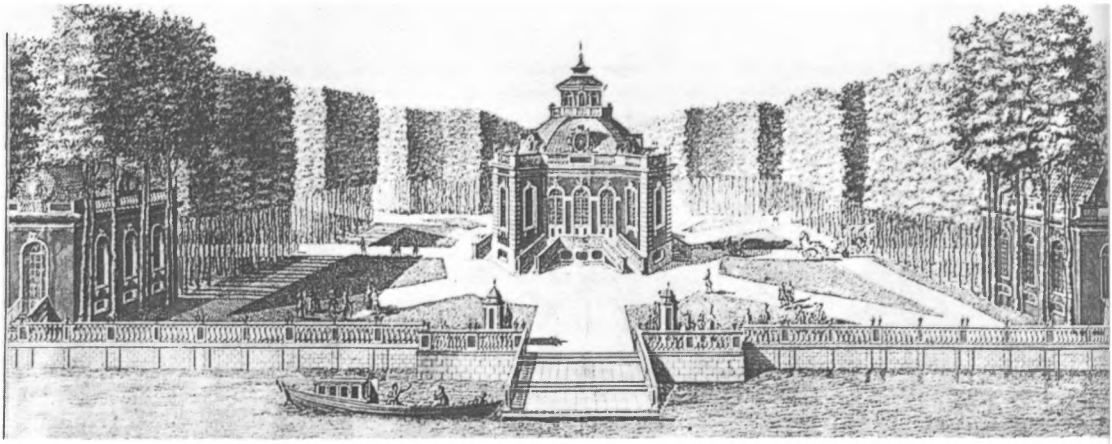
✱ ... Недавно князь Щербатов отписал об отмене у нас смертной казни в Лондон, своему приятелю-министру - "что протчие-же убийцы у нас осуждаются быть биты КНУТОМ, а иногда и со щётом ударов, от ТРЕХ СОТ и более, но все такое число, чтобы нещастный почти естественным образом снести безъ смерти сего наказания не мог. Таковых осужденных однако, не щитают, чтобы они были на ... смерть осуждены, во-

зят виновных с некоим обрядом по разным частям города и повсюду им сие мучительное наказание возобновляют. Некоторое из сих в жесточайшем страдании более, нежели усечение главы или висилица, или и самое пятерение, ... умирают"..... А в 1743, в августе - я помню как Наташа плакала, рыдала ..... возненавидела Императрицу навсегда - когда публично наказали камергершу - красавицу, всеобщую любимицу - Наталию Лопухину ..... К ее любовнику и другу Левенвольду, что в Соликамске в кандалах томился, посылался новый офицер для караула, воспользовавшись случаем счастливым,Лопухина просила офицера передать, "чтоб граф не унывал, надеялся б на лучши времена". Радетели немедля донесли Лестоку, лейб-медику Императрицы, который под Бестужева давно копал - жена Бестужева с Лопухиной дружила ..... Елизавете донесли .... что .... "тайный сговор есть", ... "изменники Престолу" .... Бестужеву - графиню Канцлера жену,.... Лопухину - в застенок и пытать .... Бестужев-Рюмин вызывался на допрос, но - ничего .... оставили в покое .... Бестужеву же и Лопухину, да семеро еще других, Суд приговорил к жестоким казням, которые Елизавета м и л о с т и в о заменила наказанием публичным .... На берегу канала, у Двенадцати коллегий создали эшафот, и ранним утром, в сентябре народ заполнил площадь всю у постоялого двора и берега канала. Под ропот осужденных привели, прочитали приговор и ... началась расправа. Первой истязали Наталью Федоровну ... "Один из палачей приблизился к Лопухиной и сорвал с нея мантилью ... Наталия Федоровна побледнела и заплакала, силилась прикрыться от безчисленных взоров, устремленных на ее наготу. Но она боролась напрасно. Говор сожаления и сострадания пронесся в толпе при виде слабой и прекрасной женщины, отданной в распоряжение заплечным мастерам. Один из них, взяв за обе руки бывшую статсъ-даму, круто повернулся и вскинул ее себе на спину ..... Страшный вопль огласил площадь ... хлопки кнута .... Почти безъ чувств, полумертвая Наталия Федоровна была спущена на земь. По приговору ей вырезали или скорее вырвали часть языка, сделали перевязку и усадили в телегу ... Затем таким же способом наказали Бестужеву ...., когда палач раздевал ее, она сняла с себя крест, усыпанный драгоценностями, и подарила ему. За это ее били не так сильно и вырвали только маленький кусочек языка, так что она не потеряла способности изъясняться" .... Через 19 лет, при Петре Ш, Лопухина вернулась в Санкт-Петербург и, изуродованная, явилась при Дворе, возбуждая всеобщее любопытство .....

. . . . . .

Люблю мой кабинет дубовый и фолианты кожанных изданий Амстердама, английских книг XУП века, парижских по искусству и театру ..... янтарно-жгучий итальянских скрипок цвет и в этом шоколадно-деревянном царстве ... аккорд чернёный СЕРЕБРА: подсвечники, посуда, рамы у зеркал, бликующие образы являют на закате,переливается в лучах венецианское стекло .... Италия Венеция ... Вивальди ... гениус являет радость элегантен ..... листы из золоченой глади .... покатые бокалы бликов ... креолки в поцелуях фиолетовых улыбок ... яблоко любви и губы ... как бы небо заалело ... по аллеям полетэллла Лолла с Олиной виолой ... Виолена фиолеток и"фиалок для Скарлатти" - баркароллой иль сонатой бэлла-бэлла Нэбирэллла и кораллы расплетая Ленардэлла увлекала округленностью Вивальди ..... и алкала и молила: "Милая, О! Милая Италия сладкая мелодия Амалии и малины сладость алая ... э ля бэлли фьёриллиньии азалии элегии и талии" - скрипичные ключи ... тарантэлла ночь и Наполи и любовь и боль выпаливал опаляя легкой флейтою атакующей тюльпании и поля цветов забытых доморощенных и диких .... и поляны и луга ..... семицветье Бога-Ра - семизвучье и один: Дьявол Черт иль Господин или кто-то для контраста к семизвучью - черный цвет! Чтобы - БЕЛЫЙ! Чтобы - СВЕТ!!! Чтобы радуга чтоб я ... эфемерность звуковая чтобы цветом заиграла ... дугой в небо упираясь облака пространства воля и полет и улетанье .... и садов крылом ка-

саясь и снижаясь над водою и над Невскою волною, вспоминая про Венэто и Лагуну Золотую, мрамор музыки застывшей из Италии приносит и кропит по православью, Петербург наш украшая . . . . . .

. . . . . .

..... А за окном — совсем другое. Реальная сказка Рассеи холодной: душою горячей, но лютой по нраву. Снегами и льдами сверкающий брег! РУСЬ — драгоценность, но ... брошена в снег . . . . . .

. . . . . .

- "Любезные, сыграйте-ка еще ... конец из Первой Части.
- Ваше Сиятельство, ... Симфонии или "кончерто"? - потеплевший Штангель уточнил.
- Симфонии, симфонии!... конечно".

. . . . . .

✱ Ну, предстоит сегодня на Совете! Представляю, уже "обшепчена" Сама — депешу из Парижа Воронцов-то прямо к Ней доставил ..... М-да-а-а! Ох, как это не кстати! Годами лепишь здание Политики, друзей и близких, часто не жалея, а "этот" в два скачка - "лихой козел" - ломает! Уж ... готово! И только /как Ей-то это объяснить?!!... Как?!/, только Креслецо ему Мое заполучить — да-да! Беда, беда — грядёт!

..... Давно душа болит и сердце просит: "на покой". Но, как же бросить все?! Особенно теперь, когда готовы с доброго пути Ея свернуть? И остаюсь ....., и остаётся жить со мной, уносит в небо с головой ... несё, как будто веса нет, как будто я и есть тот самый свет, струящийся симфонией судьбы.....соль минорная радость! Но радость, кажется, ... в слезах, сумбурный брызг, ритмический надрыв ..... И Солнца вдруг — неудержимость, бьющая сквозь грани, ... пюпитры, струны и стекло, и слёз искрящихся поток ..., и сожаление утрат, и диких юных кавалькад — утеря, но и ... перемиг ..... И знаки, цифры и глаза, ... фигуры, буквы, стрекоза ..., и россыпи алмазов, и ... судьба — всё завихрилось, и срыва ....., оживней стайкой ноты вдруг вспорхнули сами со страниц, чуть пожелтевших, и затем, ... полетом бреющим звеня, уходят в небо сквозь лучи, и сквозь фрамугу, от меня ..... Но уже иначе, сохраняя строй иной .....

. . . . . провал . . . . . .

. . . . . .

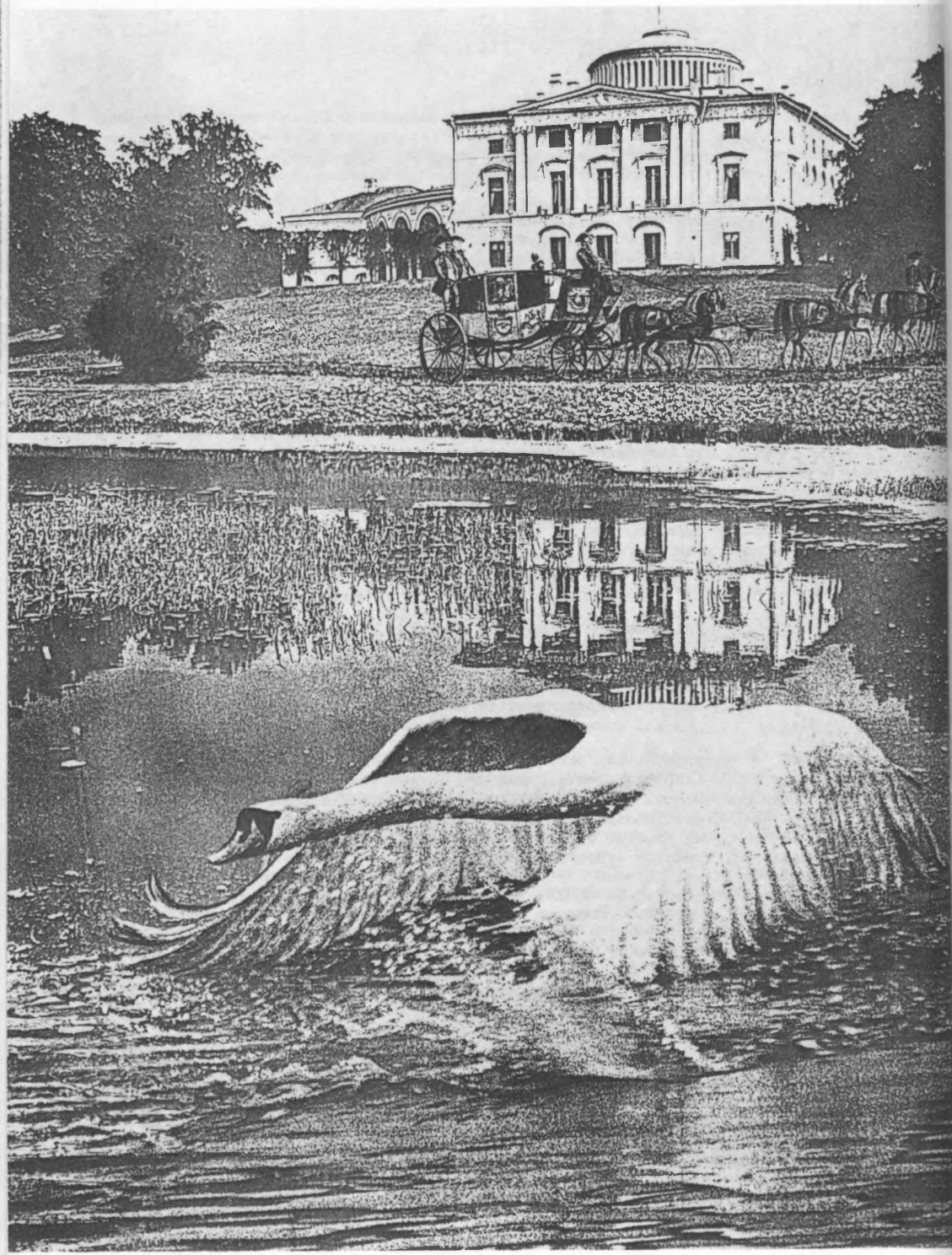
Стихает на мгновение и ... вновь! И вновь невидимого Стража длань, изображая Птицу или Лань, хранит меня созвучьями — свзвучными с изгибами ручья, иль с молнией над рожью, расписавшейся в грозу; иль с кряканьем утят, пересекающим осоки шелест; ... иль ситом мелким затяжной настроит дождик на работу, или еще . . . . . .

И горечь растворяется в листве, пропитанной зэудящим гулом пчел и ароматом липы. Июль. И облако упруго ... на иступленность синевы тугою грудью белизны н а в а л и в а е т с я, и опракидывает планы все мои на осень /а как хотелось в Петергофъ — хоть на недельку, ... пострелять/.
Меня преследует от звуков ... ТЕНЬ. Особенно с сонатами - неловко: скрипичные тени плывут, ... в очертаньях меняясь - лишь только альты удержать их стремятся, но прыгают дробные тени клавира /у Гайдна - получше/. "Колючки" ж Рамо тяжелей, например, чем "Гроза" Куперэна .....
Как испугался я тогда, после концерта! Но мне и нравится, и тянет. Обдумывал "Записку" я, вдруг там, в конце аллеи, где в зайчиках от солнца две Психеи, ... мелькнуло что ..... Прозрачное видение танцующих ... скульптур, но, ... но сквозь них ... видно ясно ... не только ветви и стволы, но и "Эрмитаж", и даже дальше ..... Чуток оторопев - пошел "на встречу" ..... Метнулось и в листве исчезло. И текст я толком не обдумал, и состояние ума подверг я строгому сужденью, и никому, понятно, я поведать не решился .....
..... Вот и теперь. Опять. Является и,зависая, ... улыбается. Игра какая-то: вот только Правил или ... Нот не знаю я, и где б узнать? .....
Оно поёт по-птичьи, хотя и в 'человеческом обличье', тень девичью очерчивая светом иль лиственною чащей - чуть оттенённая прозрачность по краям. Но тень от песни облачным туманом, и плотнее, чем Само .... И снова

"И снова - сонмы слов и звуков сладких, и ... основ!
И снова, мановением искомым, дает Он ... "Слово"!
И СЛОВА /среди них есть ... из Правил тех/
Построят строго Города - на основаньи длинных свай.
На век вперед начертан им - Европы 'статус', Украинный Край,
Наука, войны и искусства, торговля, флот и брань утех!"

И снова - уединенье, как основа, нахлынувшая тень /тональная/ от ..... СЛОВА, нахлынет и ... "стоит", стоит, сидит иль изгибается, и изогнувшись - улыбается. Скажу какое слово вдруг, не зная от чего сказал, а ТЕНЬ его я в л я е т с я, ... сей час. Стоит /прозрачная/ и улыбается /не видно глаз, их нет, и нет лица , но ясно, что улыб...../. И вот заметил я—она сама как существо, как звуковой фантом, сама ... отбрасывает тень! Тень-Сущность, Тень-Игра, тень тенью оттеняет те слова, которые случайно оброня, легко слагаем их в стихи, и ритмом укротив стихию, переодев СЛОВА в костюм, преображаем в Театр Жизнь, реальность переводим - в ранг ... Поэзии!

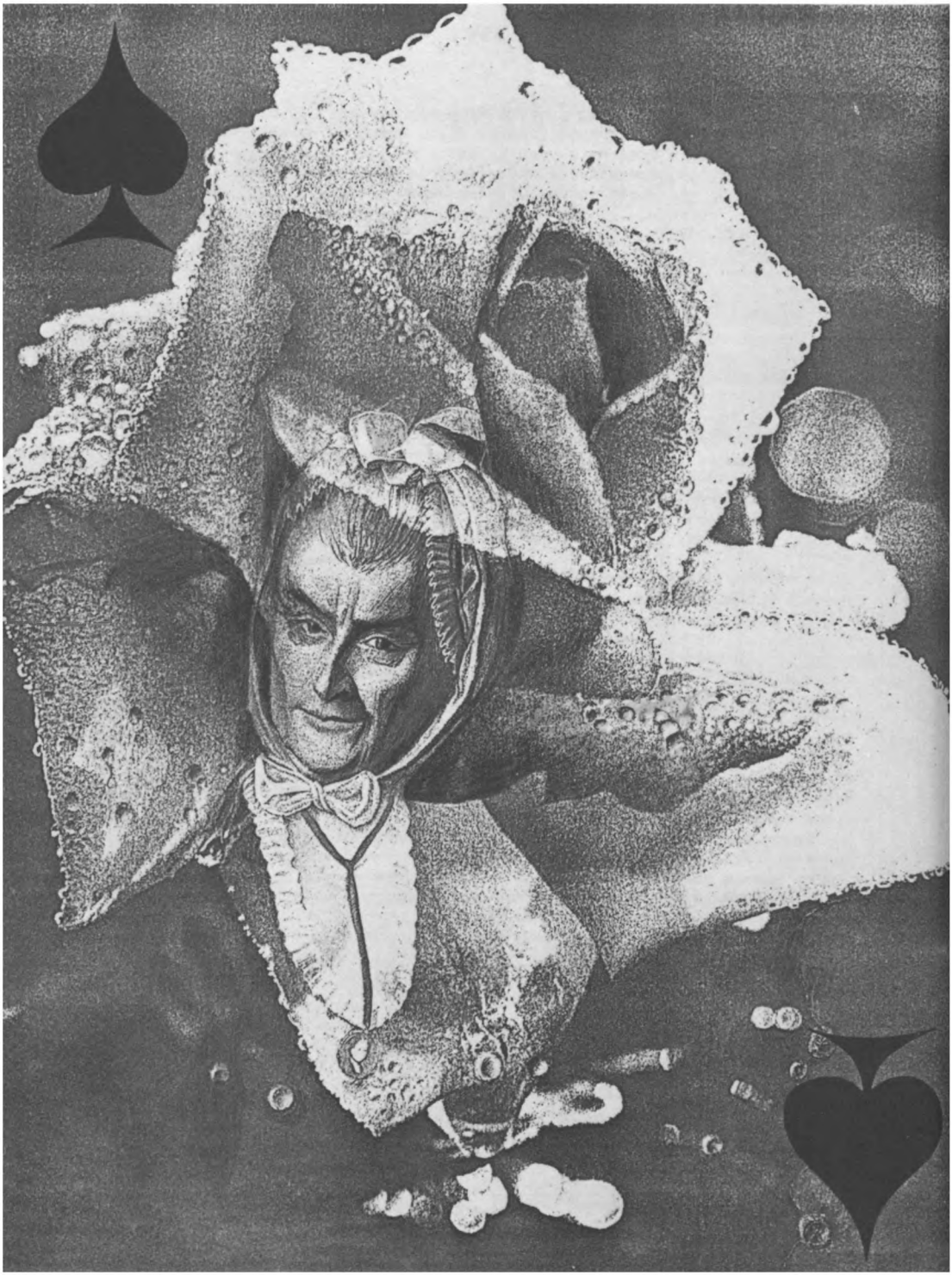
✳ . . . . . .
..... "Наташа, я опять тебя прогневал?! ... О, Боже - почему? Да почему же КРАСНОЕ нахлынуло снаружи?! ... Воронкой ржавой закрутила жизнь. Ну, почему?! Ведь я оставил и ушел. Казалось мне - теперь перерожден! Я ж выкинул все то, что кровь напоминало, которая способна закипеть огнем, я отказался от того, что может вновь ... воспламенить озера и росу, что может водопады вспять пускать, ... что может птиц - летающими факелами сделать ..... Я ж клятву дал, ОБЕТ - с тех пор я маки, георгины обходил, а розы только "чайные" люблю ..... И вот ... /Я даже красного вина не пью/ .....
. . . . . .

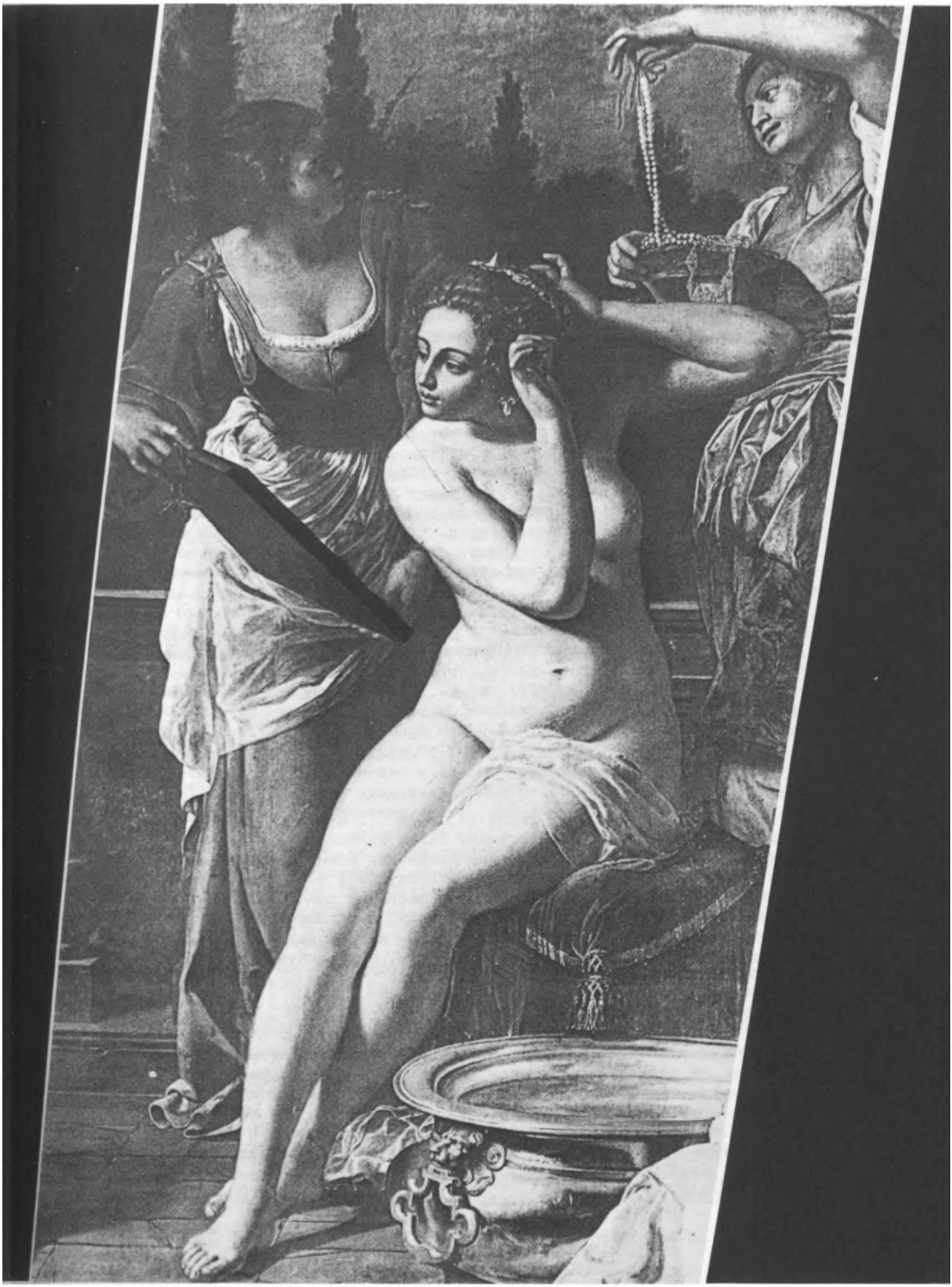
А красный воск свечей палящих, на руке /но не на сердце ведь?/ мне язвы оставляет, словно след Ее страданий от любви - любви не разделенной /но это я! ... я должен от любви сгореть, от "безответной", а не ...../. И КРУЖЕВА сплетений, задуманных заранее искусно ... Симметрия рисунка исчезала, когда сквозь ветви Ей в глаза глядел - Глаза мне отвечали, жгли темным, распаляющим гипнозом, звали: "Рискни, ... смелей! ... Возьми меня, порви все путы, цепи, паутины! .....". Не воск мне обжигает руку - кровь! От боли даже пламя испугалось, метнувшись; ..... помещение краснеет, багровеет, наливаясь, как бы соком крови ... виолончельным пурпуром теперь гудят камины и углы, ... и мебель заливается пунцом, ... и в зеркалах бордовая, с кровавыми подтеками, крутясь, клубится муть, ... жуть ... Ожоги .... в волдырях душа, грудь разрывается от Красного, от Боли, от тех, нахлынувших теперь .....

✳ Какие жуткие, налившиеся кровию, Амуры, как перезревшая смородина в июле, гигантской гроздью прилепились наверху, над входом. Багряный свет в оконных переплетах странно все раскрасил ..... заливовело пламя у свечей и меркнуть стало ..... От красной духоты мне жарко, жар ... - я закипаю, загораясь изнутри ..... Но это что?! ..... Похоже .... Ее инициалы? Кровью проступили вензели, ... Ее?! ... Не разберу ... Вот черт! ... Мои?!! Ее? ... — Мои.... ..... Ну, вот! ..... На желтой ткани, предвещающей измену, скопленье Желтых роз в углу, и Красная одна средь них, тебе в угоду ..... тяжелая, большая, как любовь, прокалывает лепестки ш-и-п-а-м-и — проколотые лепестки обильно кровоточат. И кто-то плачет, отдалённо ... глухо, но навзрыд ..... О-о-о! ..... Т-Я-ЯЖКО .... О Б Ж И Г А-Ш-Ш-О Ж А Р Ш Ш Ш ..... жгучащим жаром душу .... жэ-ш-ш-щ-щ .... и . . . . страшное удушье страсти .... Огонь бежит ..., воспламеняя ... губы .....
✳ В ручищах жар запала ... вздох шуршащий ... шершавость засосавших губ ... разметанность грудей — любвиобвалом, и поцелуем рвать упругость тел ..... Душные волосы прядями-кольцами, знойными лентами вьются по телу ..... сочность груди и изгибы бедра .... вязкость пылающей плоти и мякоти .... мест увлекающих пряность пахучая ... в омут краснеющий вдруг утонуть ..... Туго сцепившись руконогами, страсти орнаменты вздыбить в века ..... ЗНАКИ ЛЮБВИ ИЗ ТЕБЯ ВЫСЕКАТЬ .... ЖЕНЩИНА! ... ЧУДИЩЕ, ... ТРЕПЕТ И ДЬЯВОЛО!! ..... СТРАСТЬ МОЯ ВЕЧНАЯ - ТВОЙ Я ... РАСПЛАСТАННЫЙ... ГУУУББ ТВОИХ РАБ!
. . . . . .

✳ Лебедь из женского тела упругая! Страстью стреляю — храни тебя Бог! Вечный Охотник — добыча для хищника! Лук мой тугою натянут тетивою — стрелы в с т а в л я е т Архангел иль Бес?!
. . . . . .

✳ Дичь настигая клинка раскаленностью в тело вхожу все сжигая до тла ..... Глаз выраженье — меня распаляет будит звериное - тигра иль льва ..... ТЕРПКОСТЬЮ ЗНОЯ И ЗАПАХОМ ЖЕНЩИНЫ — КРАСНОЕ ХЛЫНЕТ БЕЗУМСТВОМ В ГЛАЗА.

Волосы спутались огненным смерчем боль вдруг пронзает и ... стонет она!!! И-и-и ... и снова дыханьем пустыни .... сжигает и-и-и тел двух касанье — мы сходим с ума!
И ПО ХОЛМАМ КАВАЛЬКАДОЙ ПУСКАЯСЬ СВОРУ ОБЬЯТИЙ СПУСКАЕМ ТОГДА .....
. . . . . .

✳ Ласк твоих бурю и пальцев прохладу чувствую ухом ... рукою ... бедром ..... И-и-и-и затихаем стихае и ае стихом ..... Затишье и тише и тихо ... и так до утра интарла до нутра ... И тииихий покой ..... Косулею хрупкой в руках мускулистых - притихнешь и длинных ресниц засыпая вуаль из детства знакомый мотив навевае... и бай и эга и а-а-аее ..... И-и-и разметавшись в бреду полусонном ты шепчешь и нежность губами даешь ..... и иглы счастливых минут упоенья морозят — Судьбы коготки . . . . . .
. . . . . .

✳ Сухая прохлада на мраморе дремлет и сил уже нету....Хочу улететь — отлетая от тела душа развеваясь мелодией бриза влечет за моря-океаны меня и парус мой вновь наполняется силой упругою страстью ... И-и-и и и и ... и снова! ..... И снова - прерывность дыханья касанье губами ..... шероховатость накал! И женского тела настоем пьянею и руки бегут по спине .... и-и-и-и целую я шею и страсть проникает дурманом повсюду и сюду ..... и ... ду-у-у ..... сплетенные руки жар тел обжигает я груди кусаю и трусь о соски я суровой щекою ..... Со мною не Женщина — зверь опьяненный пленить меня хочет сражаясь со мною. И в раскалённое Тело как стрелы огнями ... впились ноготки леопарда когтями .... И РЁЁЁВВ !!! . . . . . .
языками лобзанье и кровь на губах ... душистостью пах и подъем и паденье.. и и и так без конца — до УПОЕНЬЯ!
..... Я чувствую себя "Ножом" дымящимся сиреневым огнем ..... К Р И В Ы М ... потом еще ..... стихает... ает ... и стиха и ... палевая мгла .... Й-Э Э Э! ....н и и и и Й ИЗЗЗ.....ЭЭЭГГ!! и ... НЕГА мягкость ..... ПНЭСС — вот призрак одеяний Неба ..... жасмин прохладные листки покой в которых облачное небо о т р а ж э ..... Ж Э С М Э Н Н Н .....
"ПЭ ААГНЭ ... ДДЭС!" — дух странствий. О,пудры перламутровый мираж /издёрган и измят парик/ и жимолости арома ома .... оат и ТЭ и Т-ТССС ..... Роса на лепестках искрит ... "Э Г - АУ - Э-ЭННГ!..... ХХЭЭЙМ — ПЭЛЛ!!!" разрыв.....

✳ Успокоенье в палевых тенях ... покой ... и ой ... и о-о ... и о-о-о-й, и нежный тела цвет от голубых небесных свеч. Такая свежесть не вполне понятным свойством входит .... и зависает высоко,не предвещая новых ласк,не сочетаясь ..... А чайная Роза в себе растворяет ту часть тебя, N, что часто является мне наяву, во сне, ... даже днем! И лепестки ... беседуют ароматом с линиями твоей наготы. Осветлённое осени эхо, прохладные ласки, лазурные струи, Японии "маски" /Кабуки/ и стыд неприкрытый — распластан по небу страстей и коварства, Игры и Мытарства, ... душевных страданий и страсти, и странствий ..... И СТРАНСТВИЕ ... В ГРЁЗЫ ... ТВОИ! . . . . . .
. . . . . .

✳ Жасмина терпкая и светлая прохлада, где чистое небо развеянной страсти, и отступление жизни — таинственной власти, все карты меняя и путая масти. Мы забываем обо всем, но, ... но только не о том — нам помнить вечно суждено об "осужденных на огонь". О Жанне Д'Арк или.....Э-э-э! .... Что тот костер? — когда душа ... расплавила доспехи Англичан! ... когда, когда горенье бликов на Кресте, напоминало болью о Христе, когда Луара кровью заливала берега, когда Блуа с Парижем спорил, когда ... в истории французской, ... когда сгорало слишком многое от фанатичной Веры и Любви в Творца. Что Инквизиции Костры? Или Изольда и Трис-

тан! ..... Любовь - испепеляет Время в прах, перед которой отступает Смерть, и даже исчезает Страх

Любовь! ..... Где То "любовное зельё"? И чувства истинные где, где красота самоотдачи? ... Не при Дворе ль, где теплится "любовь" полупотухшими - от похоти и страха - дрожащими свечами? Где Самодержца фрейлин, камер-дам - отменно сотканный хлам кружев - насильно, как борзячих сук, за "заслуживших" замуж выдает ..... Эпохи нашей яд всосал я, видно, с молоком, но суть моя противится "болоту" ..... Не Петербургским топям, нет - их режут все-таки петровские каналы - болоту отношений ядовитых, от испарений чьих тускнеет взор, слезятся гла.... Зато острее и быстрее шпага стала, и дымом чаще пахнет пистолет! Я с детства хамства не любил, тем более в камзолах и манишках ..... Зачем, судьба, ты отравила соком страстным?! Зачем "они" смеются надо мной, а я - над ними? Любовь иль чувство страстное, иль страсть шальная - я воспарил уже в пространство только Вами, Вашей силой! Я чувствую себя крылатым ..... "Наташа! Ах, Наташа! Ты же знаешь ... Мне и расчетов, чертежей моих хватило. Я - уж парю!!! А им? - Им надобно "Машину" показать, им "Аппарат" представить, чтоб... взлетел! Пощупать им, цивилизованным барбарам, - "на зубок"! Хотят удостовериться, что Чуда нет, или: что это чудо - но без Чуда! ... А как же со "Святым писанием", они во что-то верят? Иль ходят по привычке в Храм? ..... Повсюду, в целом свете, на всех фасадах христианских храмов из Треугольника в лучах за нашим миром наблюдает "глаз", ... Всевидящее Око .... Дух Вселенский. Все это видят — и слепы /масоны ... может быть они?, ... но, вряд ли, сомневаюсь/" Где то любовное з е л ь ё? — зельё Изольдовой земли!

Размеренность - но не умеренность - интриг, как их французский "регулярный сад" и поголовно .... политическая Геометрия расчета. Великолепье Праздников - конечно, не Версаль, но-о-о по богатству, по размаху - всё же.... А Двор!? А пышная помпезность Самодержцы!? .... Хм, ... Екатерина — Первая Российская Лисица!... "Немецко-русская" Императрица ... Она ж — "дворянская", или точней, гусарская любовь: Орлов, Потёмкин, Зубов, ... Понятовский /за ... "это" - ставший в Польше Королем/, да и еще 5-7 таких же "любарей" ..... Супруга ненавидя своего, "любя" отправила в июне к Праотцам его. Ораниенбаум — "немецкое место" ... июнь ... " двадцать восемь", гвардейцы, Орловы ... Присяга пред Зимним ... Арест всех "голштинцев" .... отравлена пища, ... поносы, и с кровью ... страдал Император от доброй, но дикой, ... Великой России. В поносах и помер — не понял России, не понял народа. Хотел ведь как лучше ..... "Неметчина" и либеральный педантизм - отрыгнулись ему смертельным ядом, и растворился Петр Ш, и стёрся бедный "Император"! "Дворянская ж Любовь", по-бабски, не медля, отомстила Воронцовой, Лисавете ..... Эх, матушка-Россея ..... Говаривал Кирилла Разумовский, и не раз: "Россия — драгоценность, брошенная в грязь!"....

..... Но ты, Наташа, — дикое дитя! ... так непосредственна .... Чиста! Душою — лань, порывом — рысь! Наташ..., — испепеляющее Кавалера пламя ..... ты заставляешь зацвести не только вишню в январе,но розы белые, ... тюльпансирени. Касаясь белых лепестков — снежинки таят, падая на вишню.

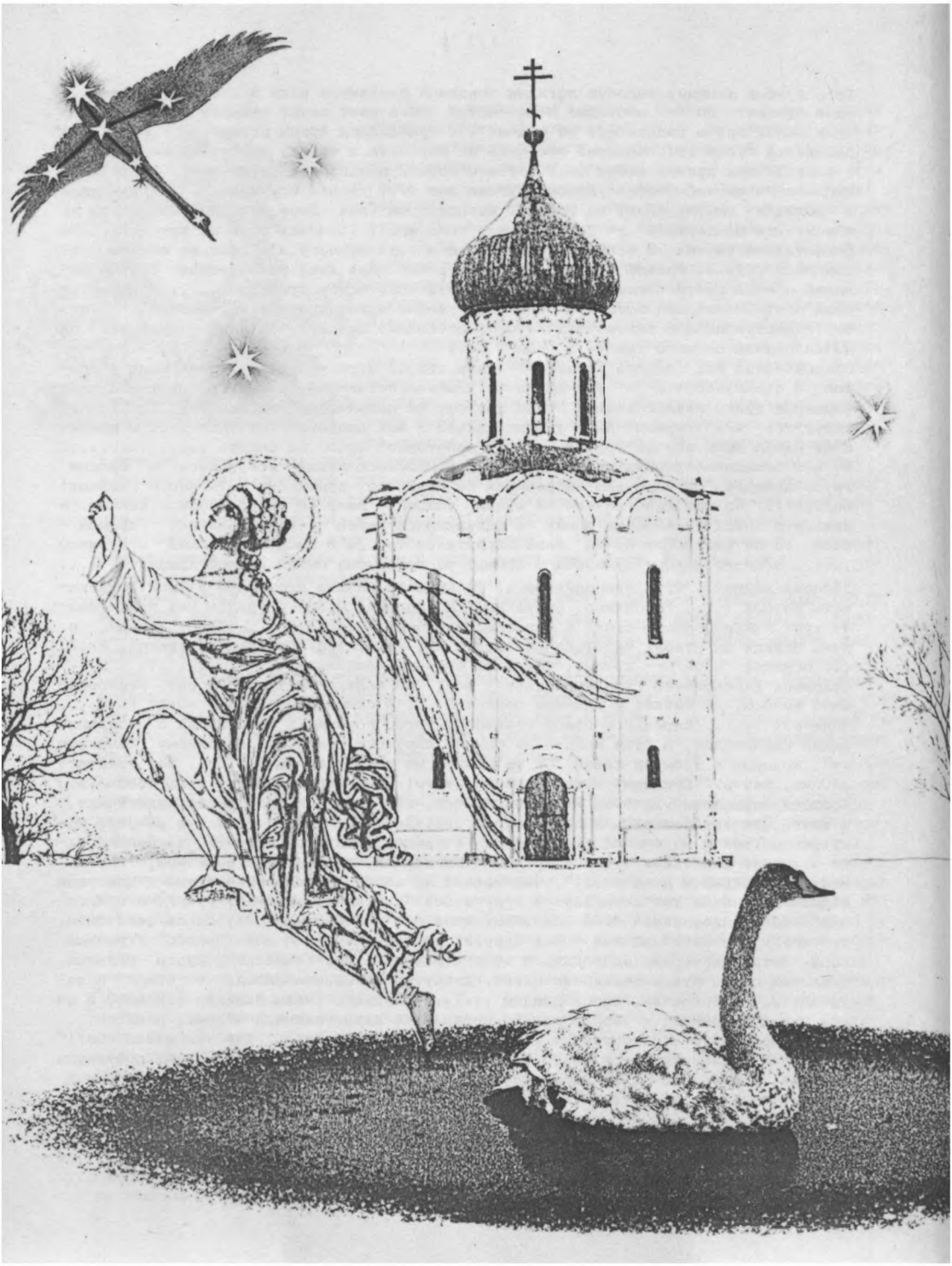

... Иду к окну Там замираю Сперва..... не замечая ничего сквозь промороженный узор ... пото ....сначала успокоиться немного Прильнувший лоб к стеклу потусторонним хладом заломило ..... гудит..... Шум гомон ..... возмущенье за спиной Немного погодя полегче ..... проходит жути той угар бессмыслицы жестокость выстрел роковой зеркало разби..... озлоба .... А за окном раздрызган .... разломился чёрный нелюдимый хлад И трещины зеркального стекла набросили непроницаемую тень на Сад канал замерзший ..... покривив мосты и правый флигель у Дворца обезобразив И сквозь растрескавшийся снег вдруг проступила кое-где зловеще-красная густая кровь и завоняло трупным смрадом И Дьявол приступил к твоим пределам а Женщина — Мечта согнулась в три-погибель и гной потёк из глаз — не слёзы ..... Пытаясь разглядеть сквозь гной свой путь она плелась то припадая на колени то прыгая как злая обезьяна И гады улюлюкали и свист их донося сюда озноб свербил мне уши Дрожь в коленях и .... тошнило ... А сзади гомон надвигался хватая за камзол за шпагу Я всей щекой и бровью посильней прижался к холоду стекла Как мне хотелось раствориться Войти в стекло — и в конце Сада очутиться и броситься бежать из Петербурга из России ..... Куда-нибудь в Казань и далее на Юг за море в Исфахан где персиянки винной ягодой дарят где солнце как в Италии отогревает душу И белые сады что на ночь облаки собою прикрывают ..... Знакомый мотив увлекает опять: ..... "В БЕЛОМ ТВОЁМ САДУ — В БЕЛОМ МОЁМ БРЕДУ, В ЛЕТНЕМ ТВОЁМ ЖАРУ, В СЕРДЦЕ ИЗРАНЕННОМ — КРОВЬ ..... КРОВЬ ЗАЛИВАЕТ ТВОЙ САД, И ИЗ АПРЕЛЯ В ЯНВАРЬ ЛЕТЯТ ЛЕПЕСТКИ, СЛОВНО СНЕГ. А СНЕЖНАЯ ВЬЮГА МНЕ МСТИТ, САД ОБНАЖАЯ ДО ТЛА, ... СКРЮЧИВ КОРЯГОЙ МЕНЯ" ..... Слева оплавились звезды кристаллов, слёзы из сердца звенят замерзая. Бровь моя вмёрзла в стекло, словно бритва, и разъедает щеку соль страданья. И дальше, и глубже всё хлад проникает, и сердце пульсирует реже и тише ..... И гул в голове умолкает .... спокойно и боль отдалённо уходит на дно ..... Замёрзшее сердце оттает в апреле, но это уж будет через столетье.

✱ А потом? ..... Кажется ..... Неужели в тот же вечер? ..... Страшно ночью в чёрном зимнем парке. Рука невольно сквозь рубашку крест из серебра /фамильный, ... его еще Василий из Казанского похода при Иване "Грозном", весь израненный, вернувшись освятил у патриарха/ нащупала нервозно. В конец промерзнув, почти с порога, водки с перцем штофик выпил, и придя в себя, я оказался в толчее танцующих, вокруг бокалов звон — гвардейцы!, ... шёлка и французских новомодных кринолинов шелест, и говор, говор, смех — волнами из угла в другой, без удержу, да и без смыслу. Обычное веселье "наших" в Петербурге ..... Взглянул на то окно, где я стоял недавно, заметил, что слева по стеклу стекали струйки. Я медленно - сапоги свинцом, да каменные ноги — побрел туда, откуда я еще не так давно исчез из "этих измерений", где за стеклом клубились в чёрном промерзеньи "Виде́ния", злодеи, скотолюди ..... Вечерний пересвист и щебет птиц в Саду цветущем. Дневной дурман цветущих вишен, грушь и яблонь — меняет вечер на сирень.... Нисходит благодать. Всё клонится ко сну ..... ГРАЦ!!! — сухо разорвало уши. ГЦАРГ!!..... И сбоку вдруг пронзительно и сзади: ГЦЭННГ!... ЦИУНГ — ДЭЭЗЗ! ... З-ДОННН — ДЗУНН-Н-Н-Н... И тихо всё опять. Оцепеневши я, из-за ветвей, усыпанных цветами, пытаюсь разглядеть, но — ничего ..... Треск разорванной материи КХРАЧЧЧШ-Ш-И-ИИ — ТРЭНГИН .... ВРЭНКЕ КРАУТ ЗГОЛД! ..... Крунг в растронгинных границ ... Н Щ Э-Э-Э растрещенных щелюг и царапины крестом закристаллили стекло ..... Мельтешение, возня фигур, не ясно кто, да что... Дыханье спёрло .... Неужели?! ЗАГРРР БГРУНН! И снова резко: ГРАЦЩ!!! Разорвало треск. Лопнула струна и связи расползлись.

Трое грубых женщину высокую догнали повалили растянули руки в стороны прижали... один срывает он - постарше и плечистый юбки рвет рычит озверев от пьяной похоти самца грубо раздвигает ей колени ... привалился боком ругается — никак не развязать кушак .... Женщина обезумев от мерзости и страха душераздирающе кричит в конвульсиях хрипит слюна .... Тот что справа придавил ей руки бьет в холеное лицо ее по пьяной злобе кулаком ... еще еще .... Божье испытанье Она замолкла а медведь пыхтит сипит на ней ... насилует ее урча Двое возбужденно встали не к чему уже ее держать — она не может боле иль .... может быть не хочет .... Не сопротивляется она И только стонет но не в такт мужлану а в себя во внутрь затаившись ..... Одежда вся изорвана она лежит едва жива разметанная Третий молодой присел почти прилег к ее лицу истерзанному болью страхом ..... расстегнул свои порты и вытащив багровую елду и осторожно приподнял - несчастной - голову с растрепанными волосами в которых несколько цветков застряло и травинок он начал членом неумело тыкать в губы .....

Открыв глаза она глядела на него - иль сквозь него - пустым не здешним взглядом и начала сосать - так месть с улыбкой потаенной посылает смерть А двое взрослых драку пьяную зачали один другому не давал еще раз женщину ..... Вдруг тот что первым был ударил сильно в пах второго тот упал .... и плечистый начал бить его по голове ногами монотонно тупо на смерть ..... Но вот блаженная улыбка на курносой морде молодого парня исказилась и бросив грубо женщину он коршуном набросился на пожилого крича ему 'Ты что, Гаврила! Спятил?!' Но тот схватив его за кудри ударил с маху со всего лицом в колено и тряхнул хряст и молодой обмяк и навалившись тушей завалил Гаврилу Гаврила - злой но он раскис от пьяни едва барахтался теперь в пыли с верзилой и затихли ..... Немного погодя сумеречный аромат разорван был пилою ржавой храпа ..... Молодая женщина, чуть приподнявшись, из корсета начала дрожащими руками вытаскивать шнурок ..... Торопливо. Внезапный сил прилив, и вот с трудом уже подтягивает тушу мужеподобного скота к ближайшей яблоне, и прислонив к стволу спиной, и руки заведя за ствол, тихотько связывает их, но постепенно крепче, крепче, злее, ... осмелев. А он — храпит, устав от скотонаслажденья ..... Стараюсь рассмотреть глаз выраженье у нее, но только быстрый поворот, растрепанные волосы, да четкие и сильные движенья ... И слышу бормотанье, может быть ... молитва? ..... Верёвку с пояса стянула у того, который в луже крови с раздробленным свинолицом, и руки крепко за спиной скрутила молодому, кудрявому "баловнику", который в губы ей совал. Он уж мычит, но не в себе еще ..... Вот крестится она, шепча: "Господи, Боже спасения моего! Днем вопию и ночью пред Тобою .... Господи, приклони ухо твое к молению моему, ибо Душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней .... Несчастна я и истаеваю с юности, несу ужасы Твои и изнемогаю от ненависти к иродам, коих Ты, Господи, наслал на меня ..... во испытание ..... Трудный час настал, помоги мене Боже мой, спаси меня от скверны в душе моей!". Она встала на колени перед привязанным к цветущей яблоне /он начал уже очухиваться и ругаться - видать заломило руки/, и прихватив подолом изорванной юбки член, вытащила его и несколько раз, да со всей силы, проткнула его оказавшимися у нее в руке острыми заколками для волос. Утробный вопль потряс вечернюю благодать и яблоня начала бурно осыпаться, будто повалил июньский снег. Мужик подскочив вверх, дернутый неведомою силой, - завыл и заурчал, ... запричитал, прося пощады ..... Заплакал, слезы потекли обильно, а он все выл и дергался, и умолял ее. То проклинать вдруг начинал и день, и час, ... ее, и черта, что его попутал ..... орал истошно, вопрошая: "Как учинилося сие?!". То обещал на ней жениться ..... Она дрожащими руками, бормоча и плача, проткнула еще раз, и в органе оставила воткнутые заколки ..... А сзади баловник кудрявый убежать пытался, протрезвев, но не смог и умолял ее, свалившись, чтобы пощадила. ..... Другие яблони не осыпались — только эта. Среди корзинок и рассады на лужайке, она садовы ножницы нашла /"секач"/, и продолжая плакать, вдруг парню на ноги уселась всем своим бедрастым и красивым телом, сорвала разорванную кофту,обнажив большие груди с темными сосцами, и энергично кофтой завязала ему ноги .....

Перекрестившись, оттянула его член и чикнула, как черенок засохший розы отрезают .... Все так стремительно случилось, что парень, поросячье взвизгнув, чувств лишился ..... Она косой, разбитою походкой среди сиреневых иль перекошенных деревьев растворялась ..... В ушах ломило нестерпимой болью. Закрыв глаза, я видел в чёрной темноте взлетающие плавно махонькие блики, их длинные следы, затем наперерез полёты, иль сразу фейерверками их сгусток. Кости лобные заныли, боль в зубах ..... Я отвернулся от потёкшего стекла и вскоре легче стало — сверкала Зала тысячью свечей, бал был в разгаре ..... Поговорив с Посланником из Порты /он был здесь дъявольский посыльный, одетый пестро карнавальным туркой, поющий ту же песню, что в Париже сочиняют: Русь ослабить, ... удержать ее подольше, ... на Восток, на Азию ее направить ..../, подумал вдруг, что жить в России никоими мне мерами нельзя ..... Италия! Флоренция, Болонья!!! .....Но жить того я ради буду здесь, и даже в Петербурге, что должен еще раз построить я свою Машину, и ..... взлететь. И чертежи все передать в Кунсткамеру ..... храниться чтоб .... и внуки наши, может быть ..... Кто может поручиться, что рассвет застанет всё в таком порядке точно, как освещала кособокая луна, плутая и бродя по окнам - но снаружи - Петербурга? Гляделась мимоходом в зеркала сквозь примерзающий узор окна, кой-где свечу последнюю затмила, ... и только застревала на всю ночь в благославляющем Архангела крыле - на шпиле, в крепости Петра и Павла, - который КРЕСТ несёт. "Болотный" шпиль напоминает Небу — здесь точка поворота на Европу! Он указует нам Петра перстом /или судьбы Крылом/ откуда ждать опасности, невзгод и бурь, и наводненья ..... Как флот сберечь от датских, шведских и других угроз. Отселе послан был "нервоз" в спокойную, казалось бы, Европу. Задуло снова "шведским", злым. Блеснул Архангел в сторону крылом, сверкнул в ночи своим Крестом .... и чудится: Благословление нисходит в новый град-столицу! ..... Меня манит и тяне..... И в налетевшем шквале память бьёт порывисто, со свистом, наповал, и вой снастей .... "и бьются о берег дощатые боты, и вёслам тягаться с порывами трудно ..... И шлёпают волны о шлюп и по жизни — по жизни эпохи: За выход в Европу!". ..... Мы пьем в тепле /камин и треск свечей/ шампанское: "За выход! За просвещенную Россию!" ..... Мелькают силуэты "нелюдей" — придворных при Дворе /лесть шаркает в изящных туфлях, банты, распах расшитого камзола/, а за окном — заснеженные подлостью с улыбкой, пронзительно скрипят и подступают снизу Руки, узловатые суставы веток, женолюбы ..... и бритвенные раны по стеклу наносят. Вдоль бюстов мраморных у стенки пробираюсь в угол, к канапэ, где старым вороньем расселись выжившие из ума сенаторы елизаветинской эпохи, нахватавшие при ней вначале звезд, лент, ... деревень — теперь их дети вьются в камер-юнкерской Екатерины иль в офицерской , по другую сторону от ..... фрейлин. Игра алмазных имитаций: звёзд на грудях иль у пупа, созвездий на промёрзших стёклах, иль блики в звёздах разграненного бокала, в котором "рейнское" всплеснулось, будто ядовитой страстью. Что НА стекле? .... Что ЗА стеклом?! Со мною Что?!...Что за мужланы там в дворянском одеяньи, где рядом,с крепостными из оркестра? ..... Один — в крови лицо и из кюлот в паху сочится кровь. Другой — с капустой вместо головы, густою кровью перемазанный качан и, утирая кровь, ручищами размазал по камзолу .... Что это значит? Кто они? ..... Зачем я здесь? Который час? .... Часы в той зале давеча без четверти полуночь проиграли ..... Разъезжаться всем пора ..... Сама уехала уже — не любит, чтоб порядок нарушали ..... Приказ был после 10 всем разъезжаться по домам ..... А вот уж полночь ..... Что со мной? Где эта плоскость, ... грань, что отграничивает мир оттаивших реалий от наших ежедневных отношений и ..... д-о-л-ж-е-н-с-т-в-о-в-а-н-и-й? Окно, прозрачность льда, стекло зеркал, зеркал прозрачность отражений и отраженный Мир прозрачен ..... Игра! Все механически и материально. Лишь П Р И З Р А Ч Н О С Т Ь скрывает ощущение того, Что это здесь, и вечно /вне ума/ сквозит манящая, магическая сила. ПРОЗРАЧНОСТЬ .... Прозрачность напряженных отношений: лесть, зависть, продвижение по службе, ... подлость. Старательно наводят камуфляж и форс, используя подарки, грим и деньги. И будучи уверены, что спрятан тайный умысел и цель, галопом мчат-

ся , без разбора средств, по жизни, головам и судьбам ..... "конкурентов". Что можно показать иль увидать через прозрачную СТЕКЛЯННОСТЬ? Хрупкость отношений? Что?! .... Жизнь иную? ... Прошедшее иль Будущее в явь? .... Не знаю я /и вспомнил о моей Идее, о "Летающей Машине"/. А, может быть, там же все нача...?..... Да, нет, пожалуй ..... Или использовать лишь только ТО, что скрыто от простого взора, "глаз простых", с их "здравым смыслом", ... с их: "в здоровом теле - дух здоровый!" ... с их .....? Нет, это только для здоровых "пополанов" флорентийских или купечества, мещан и среднего сословья. Я им завидую, быть может, иногда — все им ясно, все возможно, все умеют .... Их ослепила, правда, собственная вера - точнее, суеверье - что они являются залогом процветанья государства. Все замыслы великие Петра замызгали они и затаскали, примеряя на свой средний рост, на свой воинствующий лилипутов дух, ... и если образован кто из них "на пятачек", то уж профессор он для них и академик! Прозрачность отношений деловых и панибратской простоты - являет в результате Эфемерность. Как часто: Простота - страшнее воровства! А из дворян? ... хотя б какой-нибудь паршивый игрочек, бретёр задиристый и драный — а всё имеет Совесть и понятие о Чести...

Туман рассеится и из воды торчит стекло, осколки острые сверкают на концах. Тончайшее стекло, стеклянный трепет, из световых частичек, из кристаллов водяных. Само являет качество иное, само скрывает многое от нас, иль ... многих, ... особенно "учёных". Тончайшая прозрачность острым языком, клинком из вод, сверкающих полдневным солнцем, таит в себе непогрешимость веры в идеал, в Наташин образ призрачный /стекает каплей/. Прозрачность дивная всех вводит в заблужденье : уверены, что видим ВСЁ, что нам ВСЁ ясно, что вот лишь стоит захотеть ... Но! но шутит страшно как! Непроницаемою чернотой жестокая прозрачность ляжет в душу ..... Жестокость вдруг полосанёт прозрачным лезвием по глазу, исткают иголки весь язык, что не убрать его /распухнет/, и слова не сказать, и всё мычать, ... мыча, рыдать — до смерти .... ЗА ЧТО!!!??... За то, что я тогда ушел, всё бросив? .... За что .... Что я такого сде!?... Прозрачность воздуха в ночной мороз? — даёт общение по звёздам. Осеннего, на озере прозрачность утра? — выстрел меткий. Прозрачность горной высоты? — взгляд ясный в суть вещей и на улыбку милой, на глаза. Прозрачность времени в часах? — "Какого Времени?"... вот ведь вопрос. Душа, расставшись с телом в Смерти, в другие отлетает в Космосе миры. Обогатив там цикл своей жизни, через столетья снова посещает Землю, вселясь при любвисовокупленьи в такое существо, как драгоценная Наташа! Но отчего сегодня только,я видел зверское зачатие Наташи, когда Княгиню, мать ее, догнали трое у цветущих яблонь? Уж столько лет прошло! Всегда между двумя /не говоря уже о трёх/ стоит "стекло", тончайшее "стекло"! ..... Готов реветь скупой слезой, реветь навзрыд, беситься от бессилья, от невозможности осилить и понять .... "Тончайшее Стекло"! Была прозрачность между нами? Я ей доверял! ... И как еще! ..... "Наташа, ну, а ты? .... Ты видела меня насквозь? И только улыбалась и молчала, да?!! Ты знала обо всём, с ... начала?! Но ты — играла?! ..... Н-е-е-еет!!! И думать не хочу, не только верить! А мы, а я - то думал, во всяком случье верил в минуты чистые что вот! ... что было НЕЧТО - чуть замутненное "стекло", что то, что отделяло напрочь нас, исчезло, растворилось, что больше нет его, что мы теперь что МЫ — БЛИЗКИ! Прозрачность только разделяет нас. Теперь-то,наконец, мы ощущаем, понимаем ритм сердец, теперь мы друг для друга — ВСЁ! ..... Но из Вселенной к нам доходит свет, который шепчет: "Вы близки?! Как две планеты из различных двух Созвездий" ..... Опять прозрачности коварство — всего очередная шутка ..... Опять безбрежность .... Ну что?!! Ну что же делать?! ..... Смириться!? И опять искать? И в конце найти, всю исходив Аллею, безнадёжность? ..... ???! ..... Ну-у-у уж НЕЕ-Е-ЕТ!!! .....

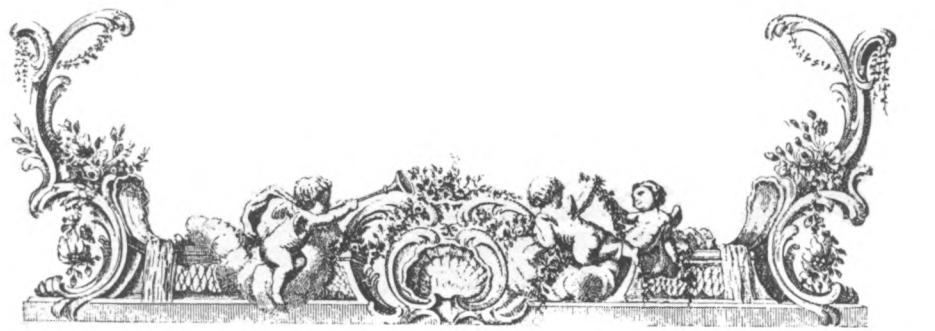
. . . . . .

. . . . . Р А З Б И Т Ь !!! . . . . . .

Разбить, сопротивляться вдрызг, вгрыза..... карежить ... действовать с умом и без ума Нельзя! Нельзя стерпеть терпеть нет боле силы ..... Искать Искать пути к другим и драться биться ... хоть головою насмерть ..... Не позволять с достоинством своим выкидывать СТЕКЛУ такие штуки Взреветь своей всей мощью ... всей силой Жизни и Любви и ... Дружбы ... обрушиться на видимость и на прозрачность Ух-х-х..... И так не уставать не уставать ни в коем случье! Не верить простоте И даже раньше уже заранее еще стремясь суметь увидеть и услышать сладкий звон ... и дребезг тысячей осколков пут тенет ..... И наслаждаться вместе этими созвучьями углов. И затаив дыханье ждать чтобы осколками прозрачности ... Любимой губы изорвать и пить солоноватую на привкус КРОВЬ ... ЛЮБВИ! И не прощать тебе ... себе ... И не прощать обману ..... И жадно слиться с Ней /в осколках тело губы те .... ох-х-х ..... боль/ и ощутить слияние веков цветов и рифм Петрарки ..... "Где в небесах тот край, где та Идея, по образу которых создала природа прелесть этого чела, затмившего все чуда Эмпирея? Где нимфа, где дриада, что милее тончайшим золотом волос цвела? В чьем сердце добродетель так светла, хоть гибелью грозит мне, не жалея? К божественной красе напрасно манит того, кто на себе познать не мог, как ласково очей ее сиянье: не знает, как Любовь целит и ранит, кто не слыхал, как сладок этот смех и этих слов звучанье." . . . . . РАЗБИТЬ - это значит НАЙТИ! .... Найти себя, найти пути. Но Каждый среди нас еще одет в невидимый стеклокостюм тончайший. И чем мутней его стекло, тем серость боле проступает, тем дальше то, к чему его ..... Божественная длань толкает ..... Какого цвета Человек? ..... если камзол, его чулки, кюлоты, шарф, парик - прозрачны? Бесплотности идей иль радуге подобен? ..... Цыфра 7 ... И тайная двух душ игра по правилам или без правил? Семерка только на себя /и возвращается к себе/ делить и множить позволяет "Только для себя" .... А где же смысл, где же суть? И можно ли добраться? ..... В конце заснеженной Аллеи валялось сердце в луже крови ..... кровь хлюпала слегка, просачиваясь в тех местах, откуда острые стеклянные осколки, подрагивая, в трещинах торчали. И сильный звон РАЗБИТОГО СТЕКЛА, цеглоб разгидонно стегла ..... рэзбицэнэ звенит цекло, но резагланглина игла ..... Разбитое текло по острию моё идеи. Мечты о Будущем - кривые зеркала событий тех, что обошла История в веках, оставив их в Проектах только и в Идеях. Что было - повториться вновь, но только ... в сильно измененном виде /духе/ ..... В ладони ранки от осколков запеклись, но ноют - неосторожно близко подошел, чтобы стекляшки острые из сердца вынуть, а сердце, словно дикобраз, стреляться ими стало, обезумев, ... настрадавшись .....

ШТРИХИ О БОРИСЕ ПОНИЗОВСКОМ /конец 1950-х в Питере/

Октябрь. Накрапывающий Питер. Эрмитаж. Проходя через маленький зал с Эль Греко, поразился как близко к оригиналу делал копию /с картины "Апостолы Петр и Павел"/ худой человек, лет сорока, с нервными, птичьими движениями. Постоял. Восхитился точности и стремительности мазков!... Разговорились, с ... незначительного. Я - что-то о прошедшем фестивале, о поразившей многих обширной выставке Искусства из разных стран в парке "Культуры и Отдыха" имени М. Горького. Он - живо реагировал. Копию делал "постсезаннист" из Москвы, Сергей Скульский, самозабвенно и фанатично служивший Искусству /позже я познакомился с его идеями о цвете - "цвет, как психическо-физиологическое питание для Человека" и т.д./.

В просвете имперских дверей - из зала Рембрандта - медленно появляется, с надрывным скрипом протезов, бородатая Громадина. Постепенно приближается к нам, в окружении 2-3 более молодых друзей. Роскошная, ухоженная, разрыжейшая борода Зевса, да и профиль - греко-семита... Восхищаюсь! Классически "античный"! Испарина - ясно, что этому силачу ходьба дается с большими усилиями. Из гордости /промелькнуло.../ - он без костылей, а только с палками. И как бы пытаясь скрыть свою способность притягивать к себе людей, завязывает со Скульским острый, добродушно-иронический разговор, но с теплой, мягкой доброжелательностью, ... распахивающий /как принято говорить - "он был от природы человеком добрым и сердечным"/ почву для совместного сеяния, или для чего-то еще, обещающего, быть может потом, интересное общение. С.Скульский /со своей женой Ириной/ тут же меня знакомит. "Рыжий Зевс" мне - горячую сильную руку: "Борис Понизовский". На мои лобовые вопросы, ответил: "Не только театр, но и литература интересует, а еще более ... горящие глаза молодых!" Все смеемся. Записываю телефон, и вот я приглашен в гости.

Назавтра, я появился на Стремянной 16, с печеньем или еще с чем-то /тогда в середе интеллигенции ходили друг к другу "с чем-то", с бутылкой или с ... "к чаю" - дух был такой/. В густонаселенной коммунальной квартире, на 2-м этаже, пробираясь в плохо освещенном коридоре и цепляя головой развешанные по стенам тазы и оцинкованные корыта, добрался я до последней комнаты, Понизовских. Почти кубическая, большая. Мебели нет - не считая трехметровой квадратной тахты, с восседающим на ней, у стены ... Борисом. Он вырастал кентавром из тахты. Все стены завешаны "картинками" новой живописи, фотографиями и всевозможными мелкими предметами. В воздухе витают театральные, артистические флюиды... А за дверью - соседи, правильные люди, ... "коммуналка"; аж страшно было выходить в туалет. Позже выяснилось, что соседи - вражья сила - уже не раз вызывали от избытка человеколюбия милицию, утверждая, что тут бардак или ... секта! Травили его супругу, не подзывали к телефону, "любезно" встречали приходивших гостей: "Так и ходють, кажный день шастают! Жизни от вас нету! Интиллехгэнция!", - а то и похлеща, и матком... Понизовский, будучи в общении прост и добр /а от мягкости натуры оказывался временами чрезвычайно легко ранимым, где-то ... беззащитным/, долго оставался со многими знакомыми, даже с друзьями, "на Вы"! Типично старомодно-питерская манера, над которой москвичи обычно подсмеивались. На соседские наскоки он отвечал неизменно вежливо, но с таким уничтожающим сарказмом, что бедные "пернатокопытные" совершенно терялись /их агрессивность натыкалась на его безногость/ и, побурчав еще, возвращались к своим кастрюлям и тазам... ... Кто ж не знает в СССР, что такое "советские /т.е. "наши"/ соседи"? "Советский сосед" - надежная опора власти!

Вика - друг и помощница Понизовского, всеми считалась его женой. Хрупкая рюмочка, взрослая "девочка", с огромными серыми глазами, слегка косила. Босоножки-плетеночки на тонюсенькой шпильке и старинная шаль. Иногда казалось, что ее

знобит, как изнеженную борзую. Обожая его - многое прощала. А прощать-то было что... Влюбчивость его - не знала границ.

По окнам плачет "акмеистский" дождь, и как в конце строки машинка звенькнет, так на Стремянную, свернув с Марата, напоминает о себе железный конь с дугой и искрой. Стрекотало городским, чиркало из-за окна, в контраст к рокочущему баритону Бори.

Люди шли к Борису ежедневно. И в те пару, для гостей "закрытых" дней - не помню точно: понедельник и среда? - конечно, тоже навещали, но из самых близких, называвшихся "друзьями дома". Понизовский нуждался в людях, в общении, в слушателях, т.к. он был неутомимым, завораживающим импровизатором и рассказчиком. Записывая свои "абсурдистские" историйки или миниатюрные пьесы на специальных листках /размером с почтовую открытку/ стремительно-игольчатым, но разборчивым почерком, он, перебирая и тасуя их, словно гадатель судеб, начинал негромко читать... Сойдясь очень быстро, я останавливался у них, когда бывал в Питере. Мы раскрывали окна настежь /под беспомощные мольбы Вики - поскорее их прикрыть/, а это было необходимо в любую погоду, т.к. уже к полночи всем, кто стоял, накуренные облака разъедали глаза до слез, а сидящие на полу и на пуфах еще подпускали дыму, как в парилке нижние поддают пару верхним... Борис не курил. Вика же - затягивалась самозабвенно, наркоманисто, постепенно бледнея к ночи. И позднее, когда я бывал у них, то во втором часу ночи /и, если в начале июня - так это уже заря и романтичность!/ устраивали последний "семейный чай", при рассветной чистоте врывающейся свежести, и затем до 4-5 утра - разговоры, когда Борис приоткрывал себя: свои смятения, тревоги... А Вике, терпящей и терпеливой, в 8 - на работу, туда, в "счастливое советское общество". А утром мне надо было дождаться, пока "наши" соседи уйдут на работу, чтобы нырнуть в туалет, да еще успеть ополоснуть лицо в ванной. После работы в типографии, измотанная, невыспавшаяся, она появлялась - всегда приветливая - домой, с врезавшимися в пальцы тяжелыми "авоськами", чтобы накормить своего громоизвергающего младенца, ... и быть готовой к вечернему нашествию питерской культурной "элиты". Элита в ковычках оттого, что, в основном, все мы в общественном, и особенно в материальном плане, существовали вне общепринятых норм советской жизни. Кто-то, где-то числился по документам на работе, иные перехватывали изредка крохотными "договорами", то в издательствах, то на киностудиях; а кое-кто перебивался обменом и торговлей книгами. Или помогали друзья, тянувшиеся к искусству, ко всему новому. Советская действительность противопоставляла нас себе. "Элита"...

Посещение нас иностранцами бывало некоторым событием /я уж не говорю о "дипах" и "корах"!/, лакомством, на которое собирались только "друзья дома"; и не из-за боязни конкуренции: что купят у "чужого" или возьмут "не твои" стихи - как это позже установилось в Москве, в Рабинском кружке, - а из-за элементарных опасений "дерганья" в КГБ. И в Москве, и в Питере, с иностранцами бывали, в основном, предельно откровенны: разговоры тогда велись не столько об искусстве, сколько о различных сторонах советской действительности. В большинстве это были обыкновенные студенты и преподаватели, интересующиеся русским языком из-за "Великой" русской литературы, или из-за своих симпатий к "передовому государству, построенному на идеях социализма". И мы не знали тогда, что многие из этих милых иностранцев смотрят на советскую действительность сквозь ... "розовые" или "красно-левые очки". Выспрашивая с жадностью о жизни в Европе, о литературных новинках, обо всем, что происходит там в искусстве, в Театре /часто с наивностью и детской простотой, вызывавшими у них вежливые улыбочки.../, мы с жаром и откровенностью обрушивали на них одновременно шквал информации, с массой страшных деталей, об окружающей нас советской жизни. Тогда-то и вспыхивали бурные споры. Часто доходило до серьезных обид ... с нашей стороны, а водочка только распаляла страсти! Мы им - свое, что мы, мол, "тутошние крепостные", ощущаем советскую реальность всеми фибрами, так сказать ... тактильно, а они нам, искренне - "на Западе безработица, инфляция, страшные налоги, дорожает жизнь" /а в Совдепии, при Сталине, ежегодно, в марте - снижение цен!!!... Ну ясно, что на Западе куда хуже!/ Они нам - ..."литература и кино отражают ... 'или' выражают жизнь; ... в совреме-

менном, мол, советском искусстве видны сильные характеры, энтузиазм, вера в светлое будущее!... Конечно, есть и мрачные стороны в советской жизни, ну, так это естественно - 'болезни роста'!" И хотя на Западе никто из нас не бывал тогда - мы им не верили. А сегодня, после 5 лет жизни на Западе, подтвердились прежние предчувствия и юные неверия. Ясно, что "западный Ад", со всеми своими общественными болячками и страданиями, несравненно здоровее и человечнее, и, главное, неизмеримо свободнее, чем "коммунистический Рай" советско-китайского покроя! Со смерти Сталина пролетело тогда странных 4 года. "Хрущовская оттепель" едва начала растапливать оледеневшую заскорузлость "советских мозгов". В Москве, Питере, да, пожалуй, в Прибалтике, Киеве и Тбилиси встрепенулась интеллигенция и студенчество. Начали чаще встречаться, откровеннее говорить. И хоть Венгерская Революция была раздавлена советскими танками - об этом мало было что известно. Ползли слухи. Радиостанции "Свобода", "Би-би-си" и др. - успешно глушились. Еще только зарождалось то, что позже назвали: "самиздат". В Москве и в Питере складывались первые "кружки" ищущей интеллигенции. Вот в каком климате общественного пробуждения, с весны 1957, стихийно складывался "кружок" или сообщество, переросшее вскоре в "Клуб Понизовского".

В короткое время можно было заметить в Борисе Понизовском три страсти: Театр, Женщина и История литератур, особенно Востока и Азии. Даже его не очень обширная библиотека не умещалась на полках, и книги стояли штабелями повсюду, многие с его особенными карточками-закладками, с записями. Много книг по Востоку и почти все новинки по современному театру в Европе, преимущественно французскому, к которому, как и к Франции, не только Борис, но и многие из нас тогда питали восторженную и наивную любовь. И любая встреча - в последующие годы - с иностранцами, незаметно и быстро сбивалась на тему о "Театре абсурда". А если иностранец случайно еще и видел какую-либо пьесу Ионеско, Беккета или восходящего Дюренматта, то Борис брал собеседника на абордаж, не считаясь тогда ни с переводчиком, ни со временем! Но при этом он умудрялся быть подкупающе ласковым и вел себя с большим тактом. Необыкновенно ценил трепетность в отношениях с друзьями: первым оценив дарование Аронзона, относился к нему почти нежно; понимал и прощал дикие запои Горбовского, наркотические и иные "странности" Хвоста, Ентина или снобизм М.Еремина и Виноградова. И при своем, элегантно скрываемом эгоцентризме, был внимательным и действительно чутким человеком, к которому тянулись многие молодые люди и, в особенности, девицы.

В 1957-59 гг. в нашей среде ходили по рукам затрепанные копии "самодельных" переводов, фрагментов или даже целиком, нашумевших на Западе книг в духе экзистенциализма /"Тошнота" - Ж.П.Сартра, "Чума", "Миф о Сизифе" - А.Камю, "Лысая певица" - Э.Ионеско, а особенно была модной пьеса С.Беккета - "Ожидая Годо"../ Собираясь в компаниях, их читали вслух, ... по очереди. Потом - чай. Затем обсуждали, спорили допоздна. В наши представления о Театре из этих пьес бурно врывалась абсурдность, бессмысленность всего сущего, нечто совершенно новое, энергичное и свежее, так невероятно контрастирующее со всем застоявшимся, фальшивым и затхлым, что творилось во всех советских театрах, и вообще - в искусстве "соц. реализма". А в Питере Понизовский, аккумулируя отовсюду информацию о современной европейской литературе и театре, по своему ее переработав, "выдавал" по вечерам собравшейся молодежи. В разговорах, особенно в спорах, Борис был остр, афористичен, парадоксален. Он поражал всех своей способностью точно парировать в дискуссиях "упрямые доводы" противника, остроумно нанося ему рапирные уколы в слабое, незащищенное место. Можно было частенько наблюдать ... растерянность спорщика под дружный смех присутствовавших друзей. Но у Понизовского это получалось без издевки, добродушно и весело, не замечалось у него стремления каким-либо образом ущемить человека, показать ему явное свое превосходство. В начальные годы /конец 1950-х/ он был глашатаем любого нового, всего "Необычайно свежего"! Вообще, его любимыми словечками были: свежее, смелое! или - рутина, затхлость... Он умел завораживать приходящих, за-игать молодых, обладая особенным талантом быстро ... влюблять молодежь в себя! Способность Понизовского к неожиданным /"свежим"/ сопоставлениям, совмещениям, казалось бы, не вяжущихся, не сопоставимых между со-

бой явлений, вещей, характеров, ... эпох - подчас смущала в первый момент даже его близких друзей, уже привыкших к его манере общения. Не всегда можно было сразу ухватить внутреннюю мысль какой-либо выпущенной им тирады или сентенции, проникнуть в подспудный пласт его развернутой метафоры или мысли; с чем я сталкивался более 10 лет - примерно, после 1969 года мы редко встречались с Борисом.

В конце 50-х у Понизовского /на Стремянной/ собирались, бывали или залетали почти все "леваки", т.е. ищущие или тянущиеся к новому люди. Приезжали "москвичи". По началу приходил Бродский. Рассказывали о его манере читать: сперва ритмически нагнетая стих, он к концу расходился, громко стеная, почти навзрыд и закрыв глаза. Спорадически бывали контакты, особенно в 1959 году, с "кружком" Виноградова-Еремина, которых уже тогда потянуло в чистый эксперимент, в поиск "формы", а сквозь Понизовского текли "абсурдистские" реалисты или сюрреалисты: Горбовский, Битов, Соснора, Вольф, начальный Аронзон и др.

В конце июня 59 г. Борис с Викой сняли на все лето малюсенький сарайчик, метрах в 100 от воды, на берегу Финского залива..., кажется, в Комарово. Приехав к ним на несколько дней, я встретился там опять с Сережей Вольфом - худым, высоким брюнетом, меланхоличным и сторонящимся людей, поэто-писателем. Втроем, мы все ночи до утра сидели на песке перед неправдоподобным сарайчиком, в котором спали Вика и моя подружка, и говорили, говорили, и говорили. И когда разговор сворачивал к тому, что пишет Вольф, то он уползал улиткой в себя, и я чувствовал, что ему было не очень приятно, что вот он должен сейчас обсуждать свои писания, себя, ... вообще, при этом "энергичном москвиче". У Понизовского он был "своим"; иногда, если было мало народа, он читал свои, замызганные в карманах, измятые листочки: ... что-то об окраинах города, о собачьих страданиях - в еврейско-шагаловском духе. Изредка наведывался тихий, французисто-щупленький, будто "себе-на-уме", Виктор Соснора, и давал читать аккуратно отпечатанные свои "Сказки" /ныне он хорошо печатается в Советском Союзе - приласкали; а иногда кое-что и в ... эмиграции - разрешают/. Глеб - "Глебушка" - Горбовский появлялся наскоком, горячечно-веселый, бывало что и трезвый - особенно в первые-то годы - и захватывающе, шально читал свои, по-некрасовски лихие, поэмы о сюрреально-коммунальном быте Ленинграда, будто протоколировал на свой манер типичную многосемейную "Квартиру" Понизовского, но только под номером "6". Кажется, Горбовский благоволил в те годы Зощенке и Замятину, но точно не помню. Понизовский его искренне любил, хотя и сетовал на его подпития и чрезмерную социальность и натурализм в стихах, но был всегда корректен, даже ласков. Ирония Бориса не переходила в нравоучительство. Понизовский так никогда, ничего и не напечатал официально в СССР, правда, я не знаю точно - то ли его категорически не печатали, то ли он сам не приложил для этого усилий /последнее может быть и верно/. А Горбовского начали печатать одним из первых из его поколения, из их волны второй половины 1950-х гг. Все мечтали, естественно, быть опубликованными у себя в стране, но далеко не все пожертвовали ради публикаций чем-то сокровенным, святым для себя. Трудно сказать, вступил ли Горбовский действительно в "сделку с советским дьяволом". Этого я не знаю. Но, может быть, клоповность и патология советского быта и сыграли, постепенно и незаметно, предательскую роль самоцензуры, ... хоть и ограниченной, но все же? Как знать. Мы только - люди.

Или прозаик Андрей Битов. Его общественная судьба - а творческое развитие тесно переплетено со внешними поворотами жизни - в каком-то смысле перекликается с Горбовским. Одно различие все-таки имеется. Горбовский остался верен Петербургу-Питеру-"Ленин"-граду, а Битов променял Питер на сытую, шумящую вокруг Москву. К Битову Понизовский обращался и относился не иначе как: ... "Андрюша", "Андрюшенька, дружок"... Горбовский был уже взрослый, хлесткий, но ищущий поэт /поиск его питался, правда, только эмоцией, чутьем, ... беззащитностью и душевной теплотой к людям/, когда Битов еще робко делал только псевдоплатоновскую прозу. Тогда, да и гораздо позже, многие в среде интеллигенции зачитывались Платоновым. Он был доступен, да к тому же и понятен. Андрей Битов тянулся к Понизовскому, как медвежонок к пестуну. Иногда прибегал к Борису несколько раз в неделю, читая ему /и прося его - "суровой, но не очень..." - критики/ измусоленные и по многу раз

перечирканные страницы своих рассказов. Борис бывал суров, а временами и ... резок, но не в личном плане, а именно - в высшем! Понизовский любил оказывать на других свое влияние, старался обзавестись восторженными учениками, стремился создать вокруг себя "школу". Постоянно интересовался и выискивал материалы о методах и форме образования в Индии, Тибете, Японии и т.д. Разговоры о йоге, о буддизме, об учении "дзен" - были обычным делом.

Странным кажется то, что в те годы не состоялось дружбы между Понизовским и художником Михаилом Кулаковым, который уже в 1958 г. увлекался дзен-буддизмом /и как выяснилось позже, совершенно серьезно, каратэ, достигнув уровня - "коричневый пояс"!/. От увлечения Кулаковым японской живописью-каллиграфией, рукой подать до экспрессионизма, а позже и ташизма Дж. Поллока /ташисткая живопись Поллока, в оригиналах, была дважды показана в Москве: в 1957 - на выставке современного искусства, в рамках Всемирного Фестиваля молодежи; и в 59-м - на Американской Национальной выставке/. А попавший под влияние "абстракционистов" Жени Михнова и М. Кулакова 16-ти летний "бунтарь" Ю. Галецкий, часто крутился у Понизовского, воспаленно впитывая сведения о Буддизме, об Азии. Только Яша Виньковецкий, с которым я познакомился у Понизовского зимой :7 г. /геолог, начавший тогда рисовать в посткубистической манере, и который вот уже 25 лет живет одновременно в двух сферах - в "инженерно-геологической" и живописной/, долгие годы оставался в дружбе с Понизовским, несмотря на тесные контакты с Михновым и Кулаковым, и на сильное влияние последних на "ташистскую" живопись Виньковецкого.

Понизовский, как и большинство в нашей среде, иностранных языков не знал, хотя "сидел с головой в 'абсурде' и 'сюре'...", довольствуясь любительскими переводами, просачивавшимся, в основном, из Университета. Работал Понизовский всегда по ночам, спал до 2-3 часов дня. После разошедшейся компании, читал оставленные поэтами и писателями тексты, готовясь к "собеседованию" с тем или иным автором, часто ... на следующий же день. Из-за этого в последующие годы происходили постоянные трения с его грузной матерью, работавшей гардеробщицей, которая должна была рано вставать. Жили-то все в одной комнате! Постепенно у Понизовского накопился интересный архив /где он теперь?/ молодой, "новой культуры". Хотя это были только 1955-63 годы - а не те, взрывчато-авангардные 1910-1920-е - все-таки, оседал документ иной, переломной эпохи. Кажется, в 59-60-х годах Борис прилагал усилия, чтобы отобрать из всего скопившегося наиболее интересное и, отпечатав на машинке в 4-5 экземплярах, давать читать эту "книгу" молодежи. Приходили девочки с горящими глазами, что-то печатали, уносили, приносили новые материалы, ... распространяли и т.д. Не могу сказать сегодня с уверенностью, была ли сделана, наконец, такая книга или нет. Кажется, что нет.

Приехав в ноября 1958 г. в Питер, увидел у Бориса на стене, прикнопленный кое-как, большой фотопортрет худощавого человека, напоминавшего слегка араба. Это был Альбер Камю. Кумир! Гибель А. Камю осенью 58 в автомобильной катастрофе странно подействовала на Понизовского: травмировала его. В Москве и в Питере в ту зиму прокатилась волна интереса к А. Камю. За год до гибели Камю получил Нобелевскую премию. Помню, что Борис подготовил /на своих "карточках"/ сообщение, типа "доклада" о Камю. Когда собиралось побольше народа, он долго и интересно рассказывал, иногда мельком заглядывая в карточку. А в октябре 58-го Нобелевскую премию получил русский поэт и писатель Борис Пастернак! И началась его травля в советской прессе. Довели до смерти...

Словечки "экзистенциализм", "экзистенция" - врывались в среду интеллигенции повсюду. В Москве поэт абсурдистского или сюрреального толка Генрих Сапгир вместе с Игорем Холиным /анархист и один из первых истинных концептуалистов в Москве - постоянно появлялся повсюду в красном свитере/ пропагандировали этот самый "экзистенциализм" чуть ли не как новое Откровение; мы с поэтом Михаилом Гробманом познакомились с ними еще в конце 1957 года, в занюханном и темном бараке у О. Рабина. Но никто в нашей среде - насколько я помню - тогда так толком и не мог объяснить: в чем же суть этого учения? Общение с философами /молодыми ребятами, которые в Университете, изучая марксизм-ленинизм - дома читали и обсуждали Кьеркегора, Бердяева, Шестова, Сартра, Хайдеггера, Камю и др./ началось

позже. А тогда все происходило спонтанно; интерес пробудившейся молодежи был направлен на Запад значительно активнее, чем на наши, отечественные корни. Информация о Западе и о западном современном искусстве поступала через робко начавшееся общение с иностранцами и из книг о западной культуре, появлявшихся все чаще и чаще в Москве. Русский же авангард 1915-1925-х годов был скрыт в подвалах советских музеев, а коллекционеры /такие, как Г. Костакис, Чудновский или Я. Рубинштейн/ начали собирать авангард только после скандала в советской прессе по поводу статьи А. Маршака о русском авангарде и о молодых, "левых" художниках Москвы, опубликованной в американском журнале "Лайф" /март, 1960/.

Да это и понятно, т.к. после 25 лет тотального сталинского мракобесия начал немного приоткрываться советский "железный занавес", и интеллигенция, раздувая ноздри, жадно вдыхала ЛЮБУЮ информацию, долетавшую до нас с Запада, как свежий, живительный ветер. Это было время - как теперь хорошо известно - духовного пробуждения, время ломки прочно сложившихся советских стереотипов и представлений, момент переоценки основных человеческих и культурных ценностей. От этого периода Пробуждения нас отделяет сегодня, приблизительно, 25 лет, столько же, сколько тогда нас отделяло ~~от~~ момента Удушения "веревкой соц.реализма" свободы творчества, мысли и самовыражения.

Безусловно, необходимо отметить, что за последние четверть века в СССР были изданы: Кафка и Сартр, Солженицын и Мандельштам, Камю, Ионеско и Хайдеггер, Герман Гессе, Дюрренматт и ... Беккетт /!/; даже исследование о Сёрене Кьеркегоре /и без примитивных ругательств/. В период 1962-1981 годов были разрешены властью, разумеется, под настырным напором неподцензурных художников, около 20, если не больше, публичных - полуофициальных и официальных - выставок молодого искусства, имеющего очень мало общего с государственными, идеологическими догмами советской власти! Да, все это так. Но в глубине советского сознания, в основе советской власти, в большинстве советского общества, по сути своей, произошло мало перемен, и это несмотря на то, что более 15 лет в СССР существует "демократическое" или "диссидентское" движение, которое временами охватывало тысячи участников-энтузиастов.....

А тогда, осенью 1958, мы с Понизовским как-то вдвоем отправились гулять по Питеру, к Аничкову мосту, по набережным Фонтанки - Борис любил побродить, несмотря на часто кровоточащие от протезов культи. Мне показалось, что и Борис был доволен, что мы оказались только вдвоем - надо сказать, такое случалось редко, т.к. его всегда "оберегали" восторженные мальчики и девочки-театралочки; либо одна из его жен: сперва Вика, затем очаровательная "Лара", родившая от него сына Филиппка; а гораздо позже ... третья, длинноногая красавица, которая недолюбливала из-за чего-то меня. Понизовский носил обычно, и в дождь, и в холод, и в жару, прямые рубахи из грубой крепкой ткани, монашеского покроя. Фонтанка пузырилась от дождя, а мы медленно брели вдоль, к Инженерному. Разговор наш - "мужской" - кружил вокруг Будущего, вокруг Литературы: "Куда пойдет лет через 10 русская литература?! Какую она призвана сыграть роль /если способна, вообще-то, играть важную роль в интеллектуальном развитии в современном мире?.../ в духовном раскрепощении и в нравственном обновлении современного, особенно молодого, человека?!... После Бунина, через 25 лет, Нобеля получил второй русский писатель - Пастернак. Это знак чего-то, или случайность? Испытает ли наш народ и религиозный, а не только духовный, подъем?" Тогда началось повальное увлечение Достоевским. И мы много говорили о нем. А живее всего обсуждалось: "Как далеко пойдут "поблажки" Хрущова и советских властей? И только ли в области Культуры, или и в экономической сфере?" Тогда мы наивно верили, что начавшийся процесс либерализации в общественно-культурной жизни СССР уже ... необратим, и что нам, нашему поколению, выпало счастье жить и творчески работать в лучших, более человеческих условиях, чем предыдущим двум поколениям русских и советских людей.

Понизовский со страстью защищал тезис о том, что в русской литературе, в будущем, будут иметь место влияния ино-национальных литератур, ... современной французской, американской, литератур Востока. А я /только что открывший Хлебникова его "Зверинцем" или ... "Крылышкуя золотописьмом тончайших жил...", Цветаеву,

Мандельштама и упивавшийся Пастернаком - благодарен до сих пор Гробману, дававшему мне почитать самодельные перепечатки/ считал, что открытия русских авангардистов не могут не дать когда-то, позже, всходов! Вопрос только - в каких формах, когда и в каком образе?

Всем хорошо известно, что некоторые жизненные моменты, кажущиеся совершенно обыкновенными, или внешне малопримечательные ситуации остаются в нашей памяти на всю жизнь важными, яркими "кинокадрами", и играют частенько в наших поступках, а особенно в творчестве, весьма существенную роль. За долгие годы встреч и длинных разговоров /"молчащего Понизовского" просто невозможно себе представить/ с Борисом состоялось множество интереснейших, и конечно, с руганью, споров, расхождений... и схожих оценок. Но в памяти запечатлелся именно тот разговор, и та долгая-долгая прогулка. Противно моросило, но для ноябрьского Питера выдался на редкость теплый денек; и хотя мы промокли до нитки, нас не покидало чувство удовлетворенности и особенной проникновенности, ... будто бы что-то снизошло на нас! В последующие годы с Понизовским разгорались, чаще и чаще, горячие споры. "Электрической" была тема о принципиальном различии "московской" и "питерской" литературных школ. Борис, естественно, превозносил "питерскую" - в подтверждение его зацикленности и "провинциального патриотизма" я привозил пачки машинописных стихов Красовицкого, Салгира, Хромова, Холина /"хулиганства" Холина были ему по душе, несмотря на восхищение Горбовским или Бродским/, Гробмана, Чудакова; а позже появились Айги, Худяков, Лимонов, "Бах", Мамлеев и др. В такие моменты ни его начитанность, ни его стремление к веротерпимости, ни сопоставление текстов - ничего не могло поколебать его в своей предвзятости. Когда я познакомился в 1974 году с поэтом и историком питерской поэзии К. Кузьминским и его женой, и вскоре подружился с ними, то меня почти сразу начала умилять в нем та же "слабость". Кузьминский явился для меня, в каком-то смысле, аналогом и продолжателем той же "культурной традиции_, что и Понизовский пятнадцатью годами ранее. Да я и сам испытываю неистребимую тягу к Питеру, к его истории и литературным традициям, к Петергофу, Царскому Селу, Павловску, ... меня пронзает неизъяснимая, тихая страсть! Но литература русская была и останется единой и неделимой, невзирая на исторически сложившиеся различия в Москве и в Петербурге, и даже не смотря на временное ее разделение сегодня в политико-географическом плане - на "эмигрантскую" и "советскую"!

В самые первые годы знакомства с Понизовским меня удивляло то, как Борис умудрился в свои 26-27 лет столько прочитать и так много помнить! Втайне я ему даже немного завидовал... Понизовский часто напоминал, "что каждый год, каждый месяц, каждый день - р а б о ч и й /т.е. настоящий/ Художник должен ... отказываться от уже им достигнутого, ... стремиться уйти от себя, чтобы, найдя себя, вернуться к себе"... И в ту нашу прогулку с ним, он как бы невзначай пристыдил за то, что у меня не появляется ничего качественно нового в моей живописи со времени майской /то ли в ... июне 1958 г.?/ выставки, которую он устроил тогда у себя на квартире, Стремянная 16. Его ирония хлестанула меня по самолюбию ... Сбивчиво и долго я что-то ему "объяснял", ... "прояснял". Борис только добродушно улыбался и подтрунивал. Это была чуть ли не одна из первых "Свободных выставок" /а для меня - первая, на публике/ таких работ, которые не приняли бы и близко даже на молодежную выставку в Москве - за их "абстрактность"! Вот пример: в том же 1958 г., на московской молодежной выставке Целков демонстрировал свой совершенно реалистический "Натюрморт с лимоном" /в золоченой рамке/, в котором, в подражание Матиссу, тряпка была написана чистым синим цветом - так и то среди художников прошел шепоток! А у Понизовского все работы просто прикололи или прибили к стенам, безо всяких рамок и стекол, но, правда, с паспарту. Были развешены "ташистские" работы Е. Михнова, любительские - Э. Богданова, кажется, одна или две Я. Виньковецкого, "мальчика" Ю. Галецкого и 10-15 абстракций - "москвича", т.е. мои. Сам Борис также выставил свои рисуночки и, кажется, какой-то "объект", но что, теперь не припомню. Народу - битком. Накурено. Бутербродов девочки наделали - на полк. Все притаскивали с собой - кто что смог. Еда - просто невидаль! Ну и, конечно, ... ВОДКА! Окна - настежь. Шум. Гам. Прохожие внизу останавливаются,

задирая головы, спрашивают .... Хорошо было. Молодо! Весело!

В последующие годы и в Москве, и в Питере устраивались десятки "квартирных", подпольных или полуофициальных выставок. Но выставка в октября 1974 /бульвар Профсоюзов 15/, которую без разрешения властей успешно провел на своей квартире /точнее, в одной комнате 24 кв. м!/ поэт К. Кузьминский; и которую он организовывал все лето 74 г., вкусив всю прелесть художнического самолюбия и нетерпимости к собратьям по кисти. Эта выставка явилась побуждающим сигналом для большинства питерских независимых художников. В ней участвовало 23 художника! Она также неопровержимо доказала, что не только в Москве /15 и 29 сентября 74 г./, но одновременно и на берегах Невы созрело второе поколение неподцензурных, ищущих художников. А в Кузьминском я приметил, в каком-то смысле, историческую перекличку с Понизовским - при всем их внутреннем и внешем различии. Понизовский постоянно был активен. Его фигуру, его "массу", сразу бросающуюся в глаза /когда он медленно, опираясь на палки, приближался к толпе у входа в Театр или ДК, то напоминал, окруженный своими юными обожателями, "кинетическую" скульптуру в духе поп-арта Жана Тингели/, можно было увидеть на премьерах наиболее интересных театральных трупп, гастролировавших в Питере /Ленинграде/. Несмотря на разнообразные увлечения Понизовского, театр, ... ТЕАТР оставался всегда для него самым важным в жизни. Он просто бредил Театром: античным греческим, французским театром "абсурда", японским "Кабуки" и т.д. Кажется, в 1962 г. нам удалось "пробиться с боем" на одно представление театра "Кабуки", который гастролировал в Питере. Пьеса XУ111 века рассказывала о событиях Японии XУ1 века. Но нам казалось, что это действие фантастическое, из Будущего - настолько поразили нас "фантастические" костюмы, необыкновенно сочные и контрастные цвета на сцене, странные "абстрактные" звуки, шумы, ... старинная японская музыка! "Кабуки" оставил неизгладимый след на всю жизнь .....

Несколько лет Понизовский носился с проектом создания Универсального Театра - зрители в центре, а вокруг, на вращающейся "баранке"-колесе-сцене одновременно в разных местах разыгрываются различные сцены, причем, иногда из разных пьес. Абсурд - как сама жизнь. Так считал Понизовский. Студенты "с Моховой" /из Театрального института/ и "с архитектурного", из Академии, помоглали Борису; был сделан общими усилиями макет из бумаги и картона конструктивного образа Универсального Театра, устраивались встречи и "домашние обсуждения", но ... в конечном счете ничего из этой многолетней затеи так и не вышло. А жаль! Но вряд ли такой комплекс интересных /несмотря на некоторую эклектичность/ Идей - находись он и в более практических, крепких руках - смог бы быть реализован в первой половине 1960-х годов в СССР. В 1961-63 годах я предлагал неоднократно Борису отправить /через моих надежных французских друзей: Ж. Фонтэн, М.-К. Басселье и др./ на Запад его "Короткие пьесы Абсурда", которых у него были десятки, и опубликовать их. Но Борис так и не решился.....

И в сентябре 1959 г. /Американская Нац. выставка/, и в сентябре 1961 г. /Национальная выставка Франции/ Понизовский, как и сотни "ленинградцев", путешествовал, но из-за протезов с неимоверными трудностями, из Питера в Москву со своей верной стайкой любимых питомцев. На французскую выставку его, безногого, гэбэшники пытались не впустить, специально уронили его. Собралась толпа возмущенных посетителей... И когда человек 5 подняли его, он начал бить крепкой палкой стоявших еще рядом гэбэшников, ... до крови! Толпа - ликовала. Вечером его силой отправили в Питер. В 1963 году у него КГБ произвел повальный обыск - увезли большой мешок рукописей и архивных документов. Года на 3-4 Понизовский был изолирован, ушел в себя. Кажется, писал роман о современности, в духе абсурда. В конце 1960-х у него снова начинает собираться молодежь: театралы, фотографы, студенты-режиссеры, киношники, поэты /но уже другого поколения/. В 1968 году "группа Понизовского" пыталась сделать кинофильм, смонтированный только из разнообразных фотографий, ... фильм-коллаж. Был ли завершен этот фильм и показан, хотя бы подпольно, не знаю.

Понизовский - человек сложный, но мощная, пульсирующая и фантастически жизнелюбивая личность! Человек-магнит, обладающий невероятной способностью притягивать к себе молодежь. Понизовский - Аккумулятор, заряжающий людей духовной энергией и распаляющий в них энтузиазм! Человек больших романтических замыслов, но, может быть, не способный доводить до конца смело задуманные им проекты.

Лёва, сейчас я не отвечу на ваше письмо, не отвечаю и за то, что пишу сегодня своим знакомым.

Понимаю, вы стали рабочим художником — сейчас весна — сделайте какую-то глупость.

Всё о себе я обязательно напишу Вам, в этом большая инициатива Вики.

Привет от нее.

Борис.

30 IV 58.

Борис Понизовский и баба. Рис. Л.Нуссберга, ноябрь 1957. Автограф письма Понизовского.

КТО ТАКИЕ?

/или "КАЛЕНДАРЬ"/

Москва
Лаврушенский пер., 9
1958 март-апрель

6 дней .... Зз-з-з-ууд нарастает часами в Часах. И закисает жалостью время. 7-ой - Воскресение! Три и Семь. 3 дня зрело чудо - Воскрес! 7-ой день - всемирный, длящийся вечно, Праздник! Чудо. Он - проходил по горе, истекая кровавым вином, и завещая Радость! Мать говорила о крови, когда в воскресенье в соборе Св. Владимира с ней причащался я часто. Кровью Нагорной - ведь Кагор так далек Палестины Библейской . . . . . .
. . . . . .

Проходил вчера по центру - харкали в уборной, на Неглинке. Прокисшее время. Жизнь отдаёт общественным туалетом. Но всё чисто, так как - с хлоркой. Хлоркой крапают в души. Лучше в "Центр" не ходить.... Грех на душу не беру. Как летоисчисленья избежать? А прокисленья? Обещают календарь сменить - на "Счастье"! Как?! А очень просто. Все "субботы"-"воскресенья" перекрасить в черный /можно в темно-серый/; остальные же 5 дней, как в каждый месяц, подкрасить красным лаком. Эх!!! Здорово! По возможности - работать. По потребности - гулять; запускать кораблики и "Змеи", девок щупать и ... И один раз чтобы все, ... ВСЕ по одному снесли яичку - только раз в неделю, т.е. в Воскресенье. Ну, а что? Разве, это уж не чудо?! Ну, к примеру: Вы - р-рраз! И вот уже теплое от Вас у друга на ладони ... Крупное и белое яичко! Практика. Тактично. Во вторник - например, можно: через ноздри пропустить красивую бечевку, затем и через ухи - вместо бус, серег, колец - и к большим пальчикам на ноги.... И вот, ... аккуратно /и, конечно, босиком.../, выступая, "словно Пава", с подругой так продефилировать в кино или пойти гулять с собачкой. КРАС-И-И-ИИВО!

В понедельник, например, перетаскать - чтобы потренировать свой слух /шуршание различное, шорохи, писк мышей и крыс, ругань зав'а магазином, и директора пыхтенье и ... пердёш кассирш: так старается вас обсчитать - фу! ... простите; не к лицу так в праздник выражаться! Ах, ну извините/ - все мешки с солью из одного типа магазинов, например, в отделения милиции. А у них позакрывать все туалеты, и даже унитазы хорошо бы отвинтить ... а что? Вот, к примеру буду говорить: Марсель Дюшан - он, отвинтив у друзей унитаз-писсуар, не только их лишил спокойных ночей, но, что не понятнее, хотя и яснее ясного, ... он лишил душевного покоя умных дядей - теперь они должны писить /по его примеру/ на искусство, а не в писсуар. Пусть советская милиция побегает в соседние дома, попросится к соседям! А соседи в это время: сидят и дружно пьют чай, чай грузинский, пятый сорт! И заедают всё ... укропом.

Один солдат сказал: "пущай ссат в сапог. У ментов сапог - 'керза'!" Грубо, хоть и 'остроумно'. Вон они на фестивале девушкам французским свиданки назначали. По собственной инициативе. И "комсомолки из Парижа" - приходили. А одеты - по-французски. На седьмой /7-ой/ день - забеременели, не французским, но советско-русским семенем, ядреным. Вполне хорошо построенная база для русско-французского интернационализма. Кое-кто завидывал. Я ходил в самый роскошный, и, конечно, самый центральный Парк всякого самого активного отдыха, где ел на интернатские копейки мороженое и не угощал - не хватало - французских женщин /подозревая их/. Хотел предложить солдату /нашему хранителю от западных "врагов" лютых/, но он постеснялся мне дать сдачу, и так ловко цокнул начищенными полковыми коблуками, ... что потом получен был заказ от дирекции Советского Союза: создать "портрет Сапога". Многие участвовали в этом знаменитом конкурсе. К.Малевич почему-то стал строить, причем очень торопился, супрематический сапог в виде вращающейся головы Татлина. За что получил грозный нагоняй от Хруща - кажется был лишен права на третий бу-

терброт, который давали всем алкающим и духовно страждущим, каждую среду после обеда, у стен Кремля. Деталь: со стороны Москва-Царь-реки не давали, т.к. там гуляли "ученые" - овчары. Но без золотых цепей, да и без ржавых, и съедали бутерброды /а ночью и зазевавшихся прохожих/, прямо на лету ... Так что - ну, Вы ж не маленькие, сами понимаете!.....
В общем, вызывали Казимира Малевича на допрос к самому Кандинскому; ну, тот, как человек образованный и, конечно, культурный, только всего раз или два /точно не знаю/ пхнул Малевича в больной живот, спросив: "Ну, что, Гений, пусто в брюхе? ... А-а-а?! - То-то же!". И отпустил ... Ах, да! Кажется, все-таки впоследствии Малевича отправили в деревню, в Эфиопию, на "супрематические разработки". О его судьбе до сих пор ничего не известно. А из его "татлинского сапога" сделали на "ВСХВ" главный фонтан - "Золотой сапог". В "Правде" была заметка, что это было организовано по "творческой" находке лауреата премии Мао-Дзе-Дуна, министра Палеонтологии СССР. Премию эту Министр получил, кажется, за то, что сам, Лично нашел, копаясь в грядках с клубникой на подмосковной даче, яйцо Ахейской коняшки, которое та снесла еще во времена похождений в Московию Шумерского Гильгамеша!
О рождении русских ребят в Париже и о комиссаре Татлине попозже. Сегодня среда - надо торопиться к Кремлю ... Духовный голод - пуще неволи.

"ГИПСОВЫЙ ЛЕБЕДЬ СТАНОВИТСЯ НОЧЬЮ /сладкой/"

Москва 1957
Лаврушинский пер.9
/напротив Третьяковки/

Полосатая ночь. Зависла Черная вспышка. Жизнь - тянущаяся тягучесть. А иногда - грубо. Просто рябью окропить и грязной крупой. Интернат. Коридор. Один за друг.. .. синей краской ночной гипсы падают на пол. "Неслышно"?! Грохота стук пульсом грудь разрывает. Осколки гипсов раскрашенных страхом скандала. Ночь. Давит вода и кран открывает сама. И вот - все течет.... Блики дневные в ирисках мастики. Ночью не так. Геометрический скрип. Давит тупое - линчует паркетно. Занозило осколком ночного гипса мозг. Тычется в голову "рыло свиное" с окраин Афин в образе Бога. Дети и лебеди. Черное - белое. "Черный" гипс белейших, бесцветных Афин. Голову лебедю мальчик свернет! Растрескался гипс. Гипсовый мальчик, а лебедь живой /черный/. Ухает город на сизых по форме. Тюль, дребедень ночных занавесок. Хлопнуло там, на 2-ом?!... Нет - на 1-ом. И тихо. Улыбнулся гипсовой язвой Вольтер в конце коридора. Тревожная ночь . . . . . .
В "Пушкине" - головы черного камня, ... из Рима /в галерее Камерона/. Надо бы взять, да из Черного гипса Лебедя сделать. А что?! ..... А Леду - всю из цветов! И затем - наслаждаться. А Лебедь - пусть попасется. Окна крестами ночь распяли. Гипс из скульптуры. Осколки. Гулкое, тяжкое где-то внизу - грузно по лестнице гипсовый Лебедь на зов поднимается Леды! Ступеньки и - марш. Марш и еще. И гипс растворяется в ней - Любовь и хотенье ... взлететь, изменить. Я изменюсь - если Вы.... Но, Вы, не хотите? Тягучесть ... и дрогнула шея. Эх, дребедень лебедей. Ночь. А будет ли день? В теплой кровати - один на один. А завтра - опять один против тех; ... всех ли?! Благодатная Ночь. Интернат. Гвоздь загоняется в череп. Черный Лебедь сочится из крана. Рассыпается, резинкой стирая из памяти место "на карте", где Австралия красит красные клювы всем Лебедям. А в Леду влюбился не датский ли Белый? Нет ... Не было Дании на Греческой карте, а Леда - была. И любовь. И сладкая Ебля! Что у Софокла в трагедии есть ... /Ну, кто же придумал-то Гипс?/. Красным клювом Лебедь Леду пощипывал терпко! Златокудрая Леда нежно стонала, овевая рками Лебедя шею и То..... Прохлада, змеюка, ужалить хотела душную Ночь, но черная вспышка зависла в веках. Ваксой черной по белому Лебедя гипсу... рванул. Слепок с ракеты ... огнем! Взрыв изнутри - Чернолебеди вдруг оперились из гипсовых перьев. Белые брызги любви и, ... по жизни! В свежее утро - перья летят, формуя из неба Любовь. В Австралию красными клювами все улетим. Грецию /с гипсами/ - к чорту! В Австралии - райские птицы райские песни поют!
А продолжение? - когда будем опять в Австро-Венгерской Империи мы на ... войну.

От составителя:

СЕРЕЖА ВОЛЬФ. О.

Поминаемый Нуссбергом Вольф - и по сю остается "белым пятном". Нашел в Нью-Йорке Тоню из "Леннаучпопы", приятельницу Наймана и Вольфа /помимо чего она работала с Валерой Чигинским и Женей Шлюглейтом, с которыми работал и я, снимали фильм "Старший и младший", а до того они сделали дивный фильм "Я нарисую маме луну", о детских рисунках/, из Тони, переезжая "из варяг в греки" /быв выгнан из Астории и перебираясь в подвал Квинса, к дантистам и окулистам/, успел на скаку выжать с десяток строк Вольфа по памяти, переписала:

На проспекте Газа
Жил чувак без глаза,
Когда бывал на то резон,
Он напевал Мари-Визон.
...

Сяду я на саночки
И поеду к самочке...
...

В моем гнезде есть дюжина яиц
Четыре на три на два года хватит
Ну а не хватит приглашу двух птиц
И каждая мне по яйцу прикатит
...

Я хочу учиться на рояле
Чтобы ровно пальчики стояли
Чтобы извлекаемые звуки
Были просто-напросто особы
Чтобы их воспринимали суки
Жеребцы и милые особы
Чтобы слезы обмывали пудру
Чтобы свой румянец был на теле
Чтобы женщины проснувшись утром
Тихо разговаривать хотели
.....

Подчинившись солнечному дару
Я хочу учиться на рояле
Но бесплодно мучаю гитару

И все-таки Сережа Вольф остается для меня загадкой!

Дополнение: Лариска Волохонская, теолог и сестра Анри, сообщает авторство Вольфа на следующий текст:

Шли по лесу дровосеки,
Оказались - гомосеки.

Который я держал за народный /см. в "Неподцензурной русской частушке" Володи Козловского, стр. и издание не помню/.

АНДРЕЙ БИТОВ.

Иллюстрировать - так иллюстрировать. Битова и я люблю, особенно за главу "Гады и фрукты" в первой его книге "Большой шар", там подробнейше и детально описываются всевозможные гады: гюрзы, каракурты, скорпионы, фаланги, и о том, что самка паука пожирает самца по совокуплении, а заканчивается глава одной фразой: "Ну, а фрукты - совсем другое дело!"Потом он зачем-то еще написал "Аптекарский остров" и "Пушкинский дом", который читать уже вовсе невозможно, и затесался в "Метрополь". Но тот Битов, которого принимал Понизовский, приходил к нему не с "Метрополем", а со следующими рассказами. Рассказы эти переводила секретарша Техасского славика, и "интересного дядю" она перевела, как "анкл", т.е. просто "дядюшка". Я поправил, но было поздно, перевод она уже тиснула. Правда, шеф ее, завкафедрой, перевел строчки Мандельштама "Что ни жизнь у него, то малина", как "И когда он имеет жертву, он глотает, как широкогрудый грузин, ЖУЮЩИЙ МАЛИНУ", и даже снабдил это примечанием: "Буквально - осетин. Осетины - мусульманское племя на Северном Кавказе, отличающееся жестокостью. Говорят, что они празднуют смерть врага ЖЕВАНИЕМ МАЛИНЫ". Так вот, я не об этой развесистой клюкве и об американских славиках, а об Андрюшеньке Битове начала 60-х годов. Машинописный сборник называется:

С ХЛЕБОМ ВО РТУ
/рассказы/

"Когда я ем,
Я говорю невнятно."

Херасков

Ленинград

Февраль, 1960

Посвящение:

Генриху САПГИРУ

и

Оскару РАБИНУ

Тексты приводятся по этому сборнику.

ГОЛУБАЯ КРОВЬ

"Интересный дядя! - подумал я. - Керенский-Врангель-Коненков..."

Интересный дядя стоял в подворотне.

Седые усы серебряными ложками изгибались по щекам. Трость. Корректное пальто. Выдержанное, достойное лицо.

"Джентльмен. Аристократ. Камильфо."

Я смотрел на него вежливо и с интересом, стараясь, чтоб не вышло нагло. И в это время входил в подворотню.

Он тоже смотрел на меня.

"Чувствует породу...- Думал я. - Теперь ее мало. Приятно увидеть ее в молодом. Так настоящая женщина чувствует настоящую женщину."

Я разделился, забежал на место дяди и посмотрел на себя, входящего в подворотню...

"Так себе. Ничего. Просто прелесть!"

Дядя сделал сдержанные полшага в мою сторону. Два пальца сжали поле шляпы. Легкий поклон:

- Извините пожалуйста... - Говорит он поставленным голосом.

- Нет, что вы, что вы... - Говорю я и тоже кланяюсь. Только шапка у меня меховая, и полей нет... Я делаю полшага в сторону, чтобы обойти дядю.

Дядя делает полшага ко мне:

- Извините пожалуйста...

- Пожалуйста-пожалуйста... - Говорю я.

И стараюсь протиснуться между дядей и стенкой.

Дядя прижимает меня к стенке:

- Вы не скажете, где квартира такая-то?

- Ах... - Говорю я. - Я из этой квартиры. Пойдемте со мной.

- Там живет профессор Кронштейн?

- Я его племянник.

- Ах, вот как... - Говорит старик. - Значит, он ваш дядя? Очень рад.

Мы пожимаем руки. И идем вместе.

- А как здоровье вашего дяди?

- Ничего, - говорю я, - хорошо здоровье. Недавно, было, заболел, но все в порядке.

- Так что ваш дядя в пор... то-есть здоров?

- В совершенном порядке.

- Так вы говорите, он сейчас дома?

- Он всегда в это время дома, - говорю я.

- Приятно видеть такого молодого человека, как вы. Ах, теперь не та молодежь...

Я потупляюсь. Только скромность не позволяет мне согласиться. Он должен оценить это.

- Опять лифт не работает, - говорю я.

- А какой этаж?

- Пятый.

- Ох, - говорит дядя, - чего же он не работает?..

- Разве ж теперь обслуживают?.. - Скорбно замечаю я.

Дядя светски раздвигает усы в улыбку.

Мы поднимаемся рядом. На площадках я пропускаю дядю вперед. Ему тяжело. Усы шевелятся по щекам.

- Извините, - говорит он и передыхает. На лице у него достоинство и виноватость. Он пыхтит.

- Ничего, я не спешу, - говорю я. - "Славный, красивый старик, - думаю. - Таких теперь уже мало. Старой закваски."

- А вы чем занимаетесь? Работаете или учитесь? - Спрашивает дядя. - Если, конечно, вы ничего не имеете против такого вопроса...

- Нет, что вы, - говорю я, - учусь.

- Это замечательно, это хорошо, это изумительно - учиться, - говорит старик. - Ваш дядя - прекрасный пример. Наука требует от человека всей его жизни...

Он смотрит с испугом на оставшиеся ступеньки. Наконец пересиливает себя:

- Ну, пойдемте дальше... - Улыбается он так легко и плавно, мол, вы уж извините, что я старик, мол, старость не радость...

- Вот и наша площадка, - успокаиваю я старика. - Вот мы и пришли.

Я чуть задеваю дядю.

- Ах, извините, - говорю я.

- Нет, что вы, что вы, пожалуйста...

Мы стоим у двери. Смотрим друг на друга.

- Нет, вы меня извините, ради бога, пожалуйста... - Я краснею.

- Да ну что вы! - Отмахивается дядя.

Я стою у двери и не могу пошевелиться:

- Да нет, я, правда, очень виноват... извините, пожалуйста... я совсем забыл... простите, ради бога... так получилось... я не хотел...

Дядя расширяет глаза, и его усы выгибают пушистые седые спинки.

- Что вы, право?

- Я совсем забыл... дядя улетел вчера в Кисловодск...
Некоторое время мы смотрели друг на друга.
На дядином лице боролась корректность.
Корректность победила:
- Что ж вы сразу не сказали...
Тучная спина заколыхалась вниз по ступенькам.
"Ничего, - успокаивал я себя, - ничего.
Усы, как у швейцара."

Февраль, 1960.

ЛЮБИТЕЛИ

/для чтения глазами/

За рулем.
Дорога впереди в ниточку. Машина раздвигает дорогу, разрывает лес. Лес разлетается, улетает двумя струями слева и справа.
Поворот.
На лужайке за обочиной - колеса.
Машина, как жук, - кверху лапками.
Чужая машина. Не своя машина.
"Вот это да! Вот это пропорхал!.." - Вообразил. Возникла сказка происшедшего. Диагноз.
"Тот ехал. Тот затормозил. Того занесло. Тот повернул - еще больше занесло.
Заносило, заносило...
И тот полетел.
Перевернулся, перевернулся... Раза два перевернулся.
Не меньше ста была скорость!
Интересно.
А где же пассажиры?
Никого людей. Впрочем, пассажиров могло и не быть.
А шофер?.."
Машина остановилась. /Долг автомобилиста. Интерес профессионала-любителя./
Все равно никого.
Вдруг смех. Послышалось?
Увидел...
На холмике сидит человечек. Смотрит на машину кверху лапками. Прыскает.
"Странный очевидец. Все-таки надо узнать."
- Здорово!
- Здорово. Ха! - Сказал сидящий. - Здорово? Ха-ха!
- Здорово. Ведь шел-то как! На сто.
- Наверно. Ха-ха-ха!
- Вы видели?
- Видел... Ах-ха-ха-ха!
- Наверно подвели колодки?
- Ах-ха-ха! Курица... Ха-ха-ха!
- Ведь не меньше двух раз перевернулся?
- И-ах-ха-ха! Четыре... - Трясся человечек. - И-их-хи-хи!
- Что ж тут смешного! - Возмутился автомобилист. - "Все бы этим пешеходам поскалиться". - Жертвы были?
- Их-хи-хи-хи! - Визжал человечек, тыкая пальцем в сторону перевернутой машины. - Были... Иг-ги-ги-ги!!
- КТО? СКОЛЬКО?
- И-и-иг-ги-ги-ги-ги! Курица... И-их-ха-хи-ху-хо!
- Как?
- И-их-ха-хи-ху-хо! Хотел объехать... Уа-ах-ха-хи-хи-хо! Уа-ах!
- А как же пассажиры?!

- Уôх-хоу-хоу! - Лаял человечек. - Пассажиров нет. Уôх-хоу-хоу! хôх!
- То есть как!?
- Уôх-хох! Фьить-фьюôть... И-åх-хй-хи-гў-го-гô! Фьюйть! - Свистело в человечке.
- Бессердечный человек, - сказал автомобилист. - А шофер?
- Гў-гу-гô-го-гй-ги-гй! Бўль-бульк! - Булькало в человечке. - Ох-гу! Ух-го! Ах-гы-ы-ы! - Ухал он. - Игйги... Хохйхи... Пш-ш-ш! Вш-ш-ш! - Выпустил воздух человечек. - Шофер?!.. Гôги-гўги! Их-хи-хў-хи! Буль-бўльк... Уåп-пи-пй! Бу-бо-бå! Фьюôть-фьить! Х-х-х... ЭТО Я !!!!!!!!!!!!!!!!!.....

Февраль, 1960

КИТАЙЦЫ

624 тыс. тонн мух перебили китайцы.

Торжественное собрание: в районе уничтожили в с е х мух. Эстрада - кумачевый стол - президиум. В зале товарищи в синих френчах. В президиуме товарищи из товарищей. Собрание считается открытым. Слово предоставляется.

Речи.

Товарищи сменяют на трибуне товарищей.

Зал относится с полной китайской ответственностью. Слышно, как муха пролетит...

Вдруг услышали: пролетела.

Муха.

Муха в зале.

- Синь-синь-сяо муха, - сказал председатель.
- Синь-синь-сяо муха, - сказал президиум.
- Синь-синь-сяо муха, - сказал зал.

Все смешалось.

Ловили муху.

Поймали.

Отнесли в президиум.

Собрание продолжается.

... Где-то сдают сухих комаров. Где-то обязательно должны сдавать сушеных комаров....

Февраль, 1960

ТАКИЕ ДЕЛА

В энской районной газетке была нехватка стихов. Кое-как перебивались на армейских собкорах.

Однажды - честь-честью патриотический стих. В редакции обрадовались. Стих прошел.

Все нормальные люди читают нормально. А стихов не читают.

А вот какой-то псих читал стихи снизу вверх по заглавным буквам.

Искал.

Нашел: по диагонали читалось "ПРЕМЬЕР - ДУРАК".

Газетку разогнали. Столько-то человек, кормившихся ею, остались без куска.

Эти люди:
стали писать стихи,
стали читать стихи.
СЕНСАЦИЯ!!

Весь мир потрясен вестью. 500 лет мы неправильно читали Вийона. Все стихи Вийона надо читать не так, как они написаны.

Их надо читать:
снизу, по диагонали, ходом коня, третьими буквами, четвертыми буквами третьего слова с конца пятой строки снизу...

Биография Вийона совсем не такая, а другая, зашифрованная.

А как обстоит с другими?

С другими обстоит так же.

Тыщи лет люди не так читали стихи.

Наивные увлечения прошлого: игра в 15, футбол, Шерлок Холмс.

Все читают стихи. Общий ажиотаж. Детективность стиха.

Страшные истории из жизни великих людей. Их теневые стороны.

Тираж поэзии подскочил до невиданных высот.

Современная поэзия перестроилась. Ушел в историю наивнейший по технике акростих.

Поэты строили дачи.

Поэтессы удачно выходили замуж.

Кроссвордисты, ребуссисты терпели крах...

Но переквалифицировались:
"В этом стихе про зиму, найдя ключ, вы прочтете совет по домоводству".

Литературоведение с ужасом осознало, что оно шло не тем путем.

И оно пошло новым:
Надсон оказался словарем всех русских ругательств при соответствующем чтении.
Барков - лириком.
Классики были пересмотрены. Чистка.

Гражданские поэты были довольны: стало куда помещать идейное содержание.

Возникла проблема Ошанина: его не удавалось расшифровать. Это был один из самых драматических моментов.

Открылась группа врагов.
Жертвой пал Щипачев. Стихи его, при соответствующем прочтении, таили в себе порнографические откровения.

Всюду:
в трамваях и парках,
на улицах и в очередях,
сидели,
стояли
и ходили
люди с раскрытыми томиками и сложно водили пальцем, выискивая закон прочтения стиха.

А еще через тыщу лет - еще сенсация:
обнаружили рифму,
и что читать надо то, что написано в строчках,
и что ничего зашифровано не было.
Такие дела...

Февраль /1960?/

А ПО ТЕЛЕВИЗОРУ...

В квартире жило два доцента.

Охваченный хозяйственным порывом, один из них вынес в переднюю два таза и велосипед. Второй наткнулся на велосипед, упал в тазы и вынес увеличитель, стиральную машину и пару старых валенок.

Первый вынес пол-комнаты.

Второй вынес пол-комнаты.

Первый вынес...

Но шкаф застрял в дверях.

Доцент водил по коридору велосипед за рога. Не мог приткнуть.

Повесил над телефоном.
Второй вышел позвонить. Увидел.
Звонить не стал:
- Я не хочу рисковать своей жизнью!
- Что с вами? - Участливо осведомился первый.
- Снимите ваш велосипед.
- Зачем же, он тут не мешает.
- Снимите ваш велосипед!
- Сами снимите.
- Снимите ваш велосипед!!
- Не сниму.
- Снймете...
И повесил свой над первым.
- Зачем вы повесили свой драндулет?
- А зачем вы?
- Я первый занял стенку.
- Стенка не ваша.
- А то - ваша?
- Стенка общая.
- Вы мне общарапали машину своим драндулетом.
- Сами вы - др-р-рандулет.
Первый доцент - второй доцент. Второй доцент - первый доцент.
Второй-первый. Первый-второй.
Первый-второй-первый...
Маленькие мальчики смотрели, ковыряя в носу, как разговаривали их папочки. И вывели в коридор по трехколесному велосипедику.
- Куда ты тащишь велосипед? - - Сказал первый папа сыну второго.
- Хочет и тащит! - Сказал второй папа. - Играй, сынуля, играй...
- Мало тут вашего велосипеда?!
- А вашего!?
- Пусть он унесет велосипед!
- А у вашего тоже велосипед! Следите лучше за своим щенком...
Первый-второй. Второй-первый.
Второй-второй-второй. Первый-первый-первый.
- Уходите, дети, уходите... У такого отца всему можно научиться.
- Это у вас можно научиться.
- Ничему, кроме хорошего, мой ребенок от меня не научился! А ваш...
- Вот я и говорю, что всему, кроме хорошего...
Первый-первый. Второй-второй.
Второй-первый-второй. Первый-второй-первый.
Звонок.
Соответствующий доцент открыл дверь.
Маленький обляпанный мужичок с ведром сказал:
- Вы одни дома?
- Что вам нужно?
- Мне бы вашего папочку...
- Какого папочку?!
- Вашего. Мы с ним договорились побелить там, покрасить. Так что, красочку чтобы купить, 30 рубликов, пожалуйста. Такая красочка...
- Да вы что!
- Так что мне бы вашего папочку...
- Нет здесь никакого папочки! - Вскричал доцент.
- Вечно к вам всякие шляются... - Добавил второй доцент.
- Не куплю - пропадет. 30 рубликов... Такой другой не достанешь.
- Да что вы, в самом деле, не понимаете, что ли! - Кипел доцент.
- Так вы позовите вашего папочку...

- Весь в папочку! - Заметил второй доцент.
- Вот-вот, - сказал мужичок, - побелить, покрасить...
- Да не нужно же нам белить!.. - Взмолился доцент.
- Ну, это вы бросьте, - сказал мужичок. - Что у меня, глаз нет? Я же вижу, что у вас ремонт, - и ткнул пальцем в кучу мебели.
Мальчики играли в телефон:
- Если крикнуть в унитаз, будет слышно по всему дому, - сказал один.
Второй спустился этажом ниже к мальчику Вове, и они вдвоем заперлись в уборной.
- Вовка - дурак, - крикнул сверху в унитаз первый.
- Борька - дурак, - кричали мальчики снизу.
Через минуту они столкнулись на площадке:
- Слышно?
- Слышно?
- Не слышно.
- Не слышно.
- Надо громче.
- Надо глубже засунуть голову.
Разошлись.
Услышал доцент. Сказал второму:
- Вот, какой у вас мальчик растет...
Услышал почему-то жилец наверху...
Уединившись, он вдруг обратил внимание, что что-то внутри подсказывает ему: дурак-дурак...
Было непостижимо: кто узнал?..
Процесс был испорчен.
Когда он встал, то обнаружил, что это вовсе не изнутри.
"Хаджибеков! Хаджибеков!" - Пронеслось в голове.
Побежал вниз. Столкнулся с мужичком с ведром:
- Папочка!.. - Всплеснул тот.
- Какой я еще тебе папочка!
- Да я в том смысле, что ваш сыночек...
Мама этажом ниже не смогла попасть в уборную.
- Вова! Вова! - Носилась она по коридору.
Вовина голова застряла в унитазе.
Доцентов мальчик очень боялся вовиной мамы и никого не пускал.
Дверь была сорвана.
Мама стонала над Вовой.
Вова вытащился.
Мама побежала наверх к доценту-папе.
Если прибавить к этому, что к одному из доцентов пришел студент-хвостист сдавать зачет на дом, то он увидел следующее:
Жилец сверху - первый доцент.
Мама снизу - второй доцент.
Мужичок с ведром - папочки и сыночки.
Вова и доцентовы дети.
Первый-второй. Второй-первый.
Первый-третий-пятый.
Четвертый-шестой-восьмой.
Десятый...
Поднимался кто-то по лестнице. Удивился:
- А почему вы не смотрите телевизор?
Расставили мебель. Поставили чайники.
Первый доцент включил телевизор.
А у второго не включился.
К первому просунулась голова Вовы:

- А что сегодня по телевизору?
А по телевизору был цирк.
За ним мама:
- У вас Вова?
Спустился верхний жилец:
- А что сегодня по телевизору?
А по телевизору был цирк.
Бочком прошел второй доцент.
У самого телевизора сидели три мальчика.
За ними мама снизу и жилец сверху.
За ними два доцента.
Совсем сзади, в углу, сидел на ведре мужичок.
- Завтра, в четверг, передачи не будет, - сказал диктор.

Февраль, 1960

МНОГИЕ ПОЙМУТ УШАМИ

Обыкновенный крохотный еврей... Он был туг на ухо и неисправимый дальтоник.

Он бы не женился, если бы мог услышать ее голос полностью или разобрать, что ее волосы цвета трех трехцветных кошек.

Это была огромная женщина.

К женитьбе он переоборудовал комнату. Перекрасил.

Мебель он тоже перекрасил.

Перетащил от тетушки фамильную двадцатипятиспальную кровать и тоже перекрасил.

Эта женщина никогда бы не вышла замуж, если бы знала, какой это закоренелый дальтоник.

Глухота - это пол-беды.

Когда он продемонстрировал гнездышко молодой супруге, то сначала она не нашла, что сказать. Но кровать - это было святотатством, и это переполнило чашу.

А у еврея был брат - огромный армянин. Он не был против женитьбы брата, но он не был дальтоником. Когда он увидел невестку, то начал учиться на национальном инструменте.

Жена все чаще била мужа диванным валиком под соответствующий аккомпанимент.

Но армянин не мог видеть волос без головы. А теперь восьмерки вычесанных волос были всюду. Они попадали в котлеты, и всунутая в пепельницу папироса вызывала невообразимую вонь.

Войдя в ванну, армянин увидел на дне массу змеившихся волосков. Вода не проходила. Из трубы дурно пахло. Горячая кровь стремительно взбежала на верхний этаж, обожгла мозг. Армянин оторвал ванну, с ревом вынес ее на кухню на вытянутых руках и швырнул в закрытое окно.

Туда же последовал таз с женскими рубашками.

Жена без рубашки была еще хуже, чем с рубашками.

Она металась по супружескому ложу, и у нее не хватало воображения. Для начала она описала мужа с ног до головы и обратно.

У мужа, простудившегося в прохладной луже, лопнуло терпение. Улучив момент, он выплеснул женину челюсть в баранину, которую тушил себе армянин.

Брат ел баранину и с восторгом обсасывал кости. Обсосав одну из них, он постиг, что это вставная челюсть. Челюсть он растоптал, а из невестки вырвал самую разноцветную прядь.

Все смешалось в доме еврея.

Никто не мог понять, чья очередь мстить и кому.

Жена без челюсти была еще хуже, чем с челюстью.

Все в ней не находило выхода.

Тогда она навалилась на мужа и стала душить его диванной подушкой. Из ее беззубого рта вырывалось шипение.

А муж лежал в темноте под подушкой, смеялся и потихоньку дышал ушами.

Апрель, 1959

Приложением /все равно их некуда девать!/ следуют тексты составителя, посвященные кинетисту /в прошлом/ и футурологу /в будущем/ Льву Нуссбергу за разные годы. В текстах поминается "искусственная био-кибернетическая среда" /ИБКС/, Галина Битт /"Заяц"/, Инфантэ /"Фантик"/, Галина Головейко /ныне половина херра Нуссберга, она же "Хакаска" - по матери/, художник Шапиро /1920-е-1970-е, и еще, вроде, жив/, ихтиолог Нуссенбаум /"Ореховое дерево", "Дуб", мой начальник - в 1963-м?/, итальянец Боччиони, москвич и составитель непристойных сборников частушек, словарей слэнга и переводчик "Камасутры" Володя Козловский - словом,

ЦЕЛЫЙ МИР. Буде кто похочет в него проникнуть - Welcome, читайте.

И.Б.К.С.

бионкин бионкин бионкин
галя битт в просторечии заяц
алый бюст паланкин бикини
и курчав инфантильный мерзавец
нусберг айсбергом тает тиун
тетива татарва крестоносцы
коктебель забирается в тину
по канатам бегут кинетисты
петергофъ стробоскоп восемь ног
боччиони заснувший на бочке
контррельефом себя возомнив
протирает шапиро очки
что на битт информаций идет
нуссенбаум цветет паки-станом
положил на пробор идиот
идеому распухшую станом
на него не имея обид
белым задом шокируя рио
полюбил некрасивую битт
за ее угрызения био
в створе раковин и буковин
на манер иллирийских буколик
возлегает со мной бионкин
на боку на уколе в бикини

10.50.27.11.74
Санктъ-Петербургъ,
Конногвардейский бульвар, 15
под "хером".

А чека не было, равно как и Чука и Гека... Отчего пишу поэмы, для чего, впрочем, неясно. Взгрустил меня запах Бестужева в марле. Марли, мурло, Мэрлин Монро...
И вошь, похожая на ложь, плывет в продавленной калоше, ее лобзания колючи, но - сердце, сердце не тревожь.
Идеальным контратипом располагаешься ты к Рубцову-Радыгину. И не ахматули с наследственной /и подследственной/ импотенцией альянса Ахматова-Бродский, а именно ты. Ибо в них - ни силы, ни здоровья. Так, мосталыга быка, ностальгия.
Пишу это тебе как продолжение хоммажа о Бестужеве-Рюмине /или Ирине Рюминой-Харкевич, моей бессмертной любви/. Ем рыбу в масле из твоей кастрюли - завтрак.
Эти несколько страниц ложатся гениально - не только в "Гения", а как оммаж, мозаика на тему: ПЕТЕРБУРГъ. Потому и нужен на обложку - Арефьев, сочетающий историю /Петропавловка, Лиза, канавка, Нева/ с темой тралфлота /моды 50-х, баретки, лица без лиц/. Тем отрешенней будет образ Вишневой девы в середине тома.
Если Миша не выделит пять паршивых сотен в память друга - сам возьму заем в сберкассе, ибо чувствую: нужно именно ЭТО.
Не знаю, а именно чувствую. Как - почему-то - понадобился мне москвич Бокштейн, как - органично - вписался Чашник, после Хлебникова и Малевича, как - выкинул москвича Ходасевича, хоть и никому не ведомая акмеисткая поэмочка.
Все это строится интуитивно, потому что ни законов, ни закономерностей в этой стране нету и не было. Если появляется что-то похожее на законы - то это, скорее, каноны. Нечто знакомое и потому логично-привычное, как поэтика школы Ахматовой.
Именно это - и ставят во главу угла, стряпая очередной оммаж "о Петербурге".
НО ДАЖЕ У БРОДСКОГО: Арсенал и еврейское кладбище, да - Васильевский остров, но - Богоматери ПРЕДМЕСТЬЯ /Пороховые, Уткина, Автово - Кировский завод/.
Прозрение Петербурга - вижу именно в гуаши Арефьева. Грубость и гисторическая ностальгия, аллюзии - и - порушенные иллюзии.
Не отец мой - что ж, ординарный набросок вазы порфировой, 12 коллегий, розовый, бежевый, серый и синий /голубой/.
Но: даже в эстетских офортах Левитина и его монтипиях - линия Добужинского, хаемая в 23-м: завал и развал, но - не мистические колонны Вильнера /и не тот же бред Богомолова/, а - влияние Васми-Шварца-Арефьева, графика 50-х, социальная по поколению /битники!/, грубо-ностальгическая, отравных локальных тонов.
Ну, приедешь, увидишь. Пока это только в проекте. И надо бы слайд, но у меня они паршиво получаются, а Коган далеко.
Покамест посылаю тебе несколько поемок, потештесь с Галочкой. И птичку мне поставьте. Ибо не пью, а тружусь.
Вчера звонила комариха, Джейми Гамбрелл, искала Джона. Комары-в-мармеладе устроят слайд-шоу с переводом, так что я со своими магами и динамиками, шумами и звуками, буду смотреться независимо. Не суть это, но делать если что - надо на совесть. И шоу тоже.
Гробман просит книжку, а я еще с издателем за ноябрьский заказ не расплатился. Доходов, стало быть, минус 200 пока. Потому что издатель, наетый уже Кукарцом, в "Руссике" не продает, и вообще в Америке - а не заказывать же из Европы, где к тому ж, Нейманис - по 30 долларов ее пускает, плюс пересылка. Издатель сказал: "Вот жулик!" И все. Здесь я могу заказывать по 16 - но не торговать же самому! Доходы /?/ пойдут после 250-й копии, т.е. когда. Шлакс же предлагает процент с первой же копии, только еще не обговорили, какой. Это тот Шлакс который издает журнал "Совьет Юнион" /где ты/ и переезжает сюда. Уже взялся делать мою антологию прозы /Лепрозорий-23/ - НАБОРОМ, хотя я предлагал - офсет. Значит, Мыши делать обложку. Гтова уже, в принципе, давно, но - шрифты писать еще. Он же дает мне журнал, но об этом всерьез говорить будем в мае, когда сам сюда переедет.Я требую ПОЛНОЙ независимости от Джона и кого бы то ни было, в том году мог бы и начать. Берется платить корректорше и дизайнеру, ну а набор, всяко, его. Мне - %% с продажи. Но и Шлаксу послать копию "Лепрозория" - 15 шишей. Съэкономлю на антологии что - туда. Марками Джон, благо, пока снабжает.
Вот такие дела. А еще фотовыставка и кинофестиваль. Это обсудим с тобой.
Обнимаю в усы, а Галку - в /рифму/? Целуй ее в сахарный рот. КаКаКа. И пока.

вечер того же дня.
еще один почтарь принес еще один пакет. в пакете этом был макет /я полагаю, головейки/, и чек на тысячу колов. прельстясь виденьем этой шейки, я ко всему уже готов!. поскольку львы теперь не в моде /и судя по усатой морде/, я обретаю вновь надежды, и разрываю в клок одежды.
зачем, пять долларов потратя - послать видение простаты? я эти деньги проебу в ближайшей женской же массажной. пусть назовут меня мерзавцем - но право, я же не могу - с утра читая камасутру, а ввечеру имея фото, я раб скудельного сосуда, и не лежит душа в работу. сегодня пятница. в субботу является егорий бен /е. бен/, молю: свободу мне свободу - ебать, ебать, ебать, ебать!
в массажную идти пешком - непозволительная роскошь. мышь чистит к ростбифу картошку, желаю мясо есть горшком.
со ста останется на сыр, который противупоказан. у льва имеются усы, которым многим я обязан. но камасутру, сукин сын - послать опальному поэту! в техасе спецов по минету /по кейре/ - не было и нету! но все же приезжай, не ссы. читать такое поутру - пустая трата сил. ужасно. что дева делает ушами - любовь, кошмар. не по нутру. а также евнуха любовь, причем одетого мужчиной! все сорок - сраку защищаю от гомосексуальных лбов.
кошмар. зачем мне эти книжки? мне лев не шлет, к примеру, ножки прелестной крошки - значит, шишки опять окажутся на машке, которая в россии ляжки оставила, чеша подмышки, поэт опять вздыхает тяжко.
в бордель по пятницам - фи донк! опять же чек меняют утром. лежу, читаю камасутру, сползает с чресел мой хитон.

прощайте, голые поляны. прощайте грудь, живот, лобок. как делается - гм! - любовь, я размышлять не перестану. но ужли к делу приступлю? зане жена по грудь в работе, я не в запое, но в заботе - но чую, скоро пизданусь.
на кой мне хуй мой буйный секс? имею пятилетний комплекс - как будто бы жую я тампекс, и бабы остобрыдли все.
нет в жисти счастья, как сказал поэт, поглаживая деву. потом же, с переходом к делу, зачем он внял ее слезам?
пять лет живу монахом
но мне мешает лев
прислав зачем-то на хуй
мне книжку о козле
и позабыв /как к камере
мне приложить свой глаз/
как будто макаронина
с нее придет в экстаз
как ум направлен к высям
так хуй направлен вниз
та искра что он высек
погаснула. финис
парафимозный пенис
находится в опале
так море в берег пенясь
опрыскивает пальмы
на это и годится
покамест мой пенис
пока течет водица
хотя бы только вниз

а массажные - передают по теле - в остине закрыты за проституцию. так что и пойти теперь некуда. а надо ехать.
так что обратно перехожу к антологии - правок еще до хуя, копировок, да и опять же - всех перепечатал, вычетом, как всегда, себя: потом. обнимаю. ккк.
пришлешь еще, сука, камасутру - КАСТРИРУЮ. а портрет голой вейки - ммм!

ГАРЕМ /В АЛЬБОМ Г.Г./

глядится странно головейка
на этой - с розочкой - открытке
ее открытая горжетка
ее изогнутая шейка

как понимаю поза бубен
она мрачна как дама пик
ее пушистый воротник
полуприближенные губы

зачем ее портреты шлешь
что режут сердце словно нож
булатный - тут сидишь и ждешь
а зришь: в горжетке бродит вошь

ах эти норки нараспашку
нырки туда нырки сюда
гляжу на лоб гляжу на ляжку
и погибаю от стыда

на обороте только зад
и подведенные глаза
разрез зачем-то на колготках
подушки, жемчуга в ушах
она похожа на кокотку
ах, я зачем не падишах

посажен лев на дудочке играя
в железной клети но пред тем
хирург проворно убирает
его излишний протеин

и тонким голосом в усы
левко запел на дудке песню
ее прозрачные трусы
становятся все интересней

танцуют гурии гурьбой
и держат бетель за губой
проворный раб подаст чилим
затем предложит вазелин

и на подушках возлежа
его невинная душа
впивает словно анашу
ее подобную ножу

и уст ее расцвел тюльпан
и раб старается в тимпан
она настраивает цитру
и обдирает с яблок цедру

27.3.81, вечер.

К НОЖНАМ

"Да Нуссберг засадил..."
/Г.Г./
"15-й век. Кинжал в ножнах.
Кинжал утерян. Ножны не от
того кинжала."
/Эрмитаж. Тарасюк?/

О, эти ножны, эти ножки,
О эти выпушки на них!
Черкес точил булатный ножик.
И звал он бабушку: - Нанэж!

Пс'т'эк'ва, псых'уа, ч'эт'ч'онч'э!
Зачем твоя пх'ач'ич звучит?
Зачем твой нежный голос звонче,
Чем с гор текущие ключи?

Зачем? Зачем? - Черкес взывает.
А Терек прыгает, рыча.
Зачем Тамара раздевает,
А после кличет палача?

Так думал Пушкин, озираясь,
О камень свой кинжал точа.
Коня б да удаль азиата!
И ножны снятся по ночам.

Куда ты свой кинжал вдеваешь,
Скажи, смуглянка, дева гор.
Зачем над головой вздеваешь
Свой неотточенный топор?

О эти выпушки на ножнах,
О эти пушки по ночам!
Заложник пробовал наложниц
Сперва погладить по плечам,

Потом по персям, лядвей трепет
Ему, насильнику, не в новь -
Когда казачка ласки терпит,
Он жадно пьет ея любовь,

Ея остылыя ланиты,
Ея подвижные персты...
И шерстью персы перевиты,
И кошельки у них пусты.

Зачем, зачем? Заложник молвил
И об колено свой кинжал -
Который все еще дрожал -
Рукою преломил безмолвно.

А этих ножен легкий пух,
Черкешенки тяжелый дух -
Он переплавил в вольность оду,
С кинжалом выйдя на свободу!

24 янв 81

ЗАВТРАК БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

Л.Н.

1

укроп
прозрачный ломтик ветчины
зеленый сыр
еще укроп
петрушка
яйцо одно яйцо
болтушка
бешенка
большой кусочек хлеба
и соус бешамель
бутылка божоле

2

на алом бархате
поставить анну в позу парачхеда
ходьба на ложе бег на ложе
вращенье бедрами
качанье лодки
вращенье ног
и лебединое движенье
/страницы 36 и 37/
толчки вперед
змеиное движенье
игра на флейте
и кольцо

лежащей между ног мужчины
он расширяет
зад поднять
и запрокинув голову
это цветущая разновидность
он
вводит
член
и ноги девушки расставлены
и подняты
то мягкий вид
кобыла конь
высокое сношенье
слониха заяц

как о том писал козловский

о анна
цвет души
высокое дыхание твое
примятый локон
пудра парика

проклятие:
ПОДАГРА

3

итак
не ем мяса
не ем риса
не ем сыра
не ем кашу
не ем овса
не ем овощ
не ем хвощ
не ем соли
не ем меда
не ем рыбы
не ем сала
не ем козу
не ем овцу
не ем яйцо
не ем мозг
не ем хрящ
не ем прыщ
не ем соус
не ем мусс
не ем хрен
не ем борщ
не ем груш
не ем айву
не ем дыню
не ем вымя
не ем муку
не ем соты

ничего не ем
а то не стоит

4

подайте рыбу нототению
подайте рыбу аргентину
подайте рыбу серебистый хек
подайте рыбу мне бельдюгу
живородящую живую
подайте вместе с чешуей
с костями
желчным пузырем
икрой
молокой
подайте рыбу мне в томате
подайте в масле
в соусе горчичном
подайте в винном
и сметанном
подайте в соусе голландском
подайте в соусе французском

ах анна
до чего жива

5

и анна двигает ногами
и анна дышит грудью пышной
она подобна пирогам
уста ее подобны вишне

глаза подобны черносливу
подобен нос свиному рылу
желтеет маслом вологодским ее спинка
она напоминает рыбу

когда в постеле неподвижна
ее движения неловки
когда своею грудью пышной
она касается головки

когда мозолистой рукою
сжимает член его мясистый

и графу хочется покою
при виде девы голосисьтой

6

так:
намазать на хлеб мак
положить потом огурец
два ломтя лимона
табак
не вполне готовый кострец

и помазать горчицей для
остроты и поперчить
в рот
удовольствие для и для
и поставив наоборот

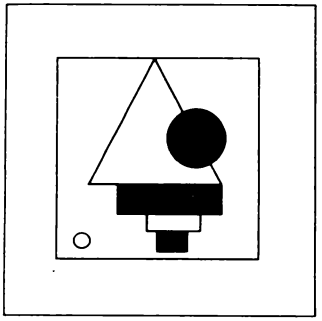
деву в позу на скатерть
рак
так не красен как красен мак
ее щек
и пожатье рук
заменяет движенье ног

7

к дню рождения подарка
не готовлю для тебя
у меня давно подагра
у тебя внутри бебе

лучше выпьем водочки
и закусим килечкой

ух, хорошо пошла, бля! 27 марта 81

The Institute of Modern Russian Culture

at Blue Lagoon, Texas

Konstantin K. Kuzminsky, Head, Literary Practice Section

27 маурта 81

ПОСЛАНИЕ ЛЬВУ НУЗЗБЕРГУ

ПОЧТО ПОСЫЛАЕШЬ
ТРАКТАТ ПРО ЛЮБОВЬ
ПРО ЧТО ВОЛНОВАЕШЬ
ПРОТУХЛУЮ КРОВЬ?

зачем я не сокол
зачем я не конь
ебался б высоко
и дрыгал ногой

в индийские позы
не встанет жена
она для другого
мне гений нужна

чтоб клеить макеты
и пошту носить
чтоб бегать за пивом
и денег просить

володя козловский
засранец и гад
он всю камасутру
изведал подряд

в издательстве август
которого нет
он живописует
индийский минет

и пишет про слэнг он
и для бибиси
при этом пристойно
вполне голосит

а как же полина
и джейми гамбрелл
их и в половину
поэт не имел

комар не подточит
и лев не заест
пошла колесница
в последний заезд

бестужев харчает
зачем-то укроп
а ося качает
ахматовой гроб

куда там мне стоя
и лежа зачем
то дело пустое
колеблется член

о пенис надутый
по волнам скользя
каким ты недугом
сражен как свинья

трепещет и рыщет
белеющий член
а ты предлагаешь
мне книжки взамен

зачем я не сокол
к стыду своему
увидело око
а зубы неймут

поскольку для девы
не токмо что страсть
наличные деньги
нужны чтоб упасть

машины горжетки
трюизмы трюмо
а я на кушетке
лежу как в тюрьме /вар: в дерьме/

и каждый профессор
и аж аспирант
уже служат мессу
на нежных телах

букетик цветочков
пакетик конфект
тогда и святоша
не скажет вам фе

шерше же ля фамму
когда не стоит
для пуку для факу
в тоске ностальгий

лежу и желаю
и лень мне восстать
доволен женою
живу как вестал

поскольку на запад
приехал за тем
чтоб впредь не касаться
щекочущих тем

но вы же херр нуссберг
изряднейший хер
не шлете капусту
и пишете сэр

при двух руководствах
индийской любви
одно рукоблудство
осталось в крови

массажная палка
за сорок колов
что тратить мне жалко
и я не готов

он шлет камасутру
как нежный привет
садяся на судно
кончался поэт

страдав геморроем
он пел соловьем
погибнув героем
на судне своем

индийские темы
индийский бы хуй
которым и темя
проломишь быку

а хуй среднерусский
давно в узелок
с такою сосиской
и жить тяжело

татарские гены
немецкий транзит
и хер по колено
у херра висит

на пампах техаса
цветет феминизм
и в тохесе вася
и в пафосе жизнь

кропаю чего-то
кому-то зачем
зевота зевота
гляжу я на член

не нужен не нужен
он тут никому
к концу малость сужен
внизу одна муть

зачем я не сокол
с слоновым хуём
тогда бы в осоку

полезли вдвоем

на ложе из маков
и кактусов тож
поставил бы раком
какую бы вошь

погода погода
любить не велит
пока не подагра
а радикулит

а главное бабы
дики и чужи
одни баобабы
другие ужи

глисты солитеры
поганки грибки
молочные сестры
душою крепки

здесь любят красивых
богатых лихих
вступлю в кирасиры
или в евнухи

последнее впрочем
спокойней куда
и больше мне ночью
не снится манда

ПРИМЕЧАНИЕ:

с утра читая камасутру
глядишь похабно на соседку
жена мне с ней вести беседу
не позволяет круглосуточно

у девы самый орган уши
в которые слова вдуваешь
и нитку мягкую вдеваешь
в ушко иглы которой нужно

затем оставя эти ножны
глядишь печально и несыто
признание в любви насилу
пробормотав над нежной ножкой

зачем уроки камасутры
преподает мне хер козловский
давно уже поэт кузьминский
живет подобно коммунисту

его сосика в целлофане
не алчет ласк и целований
и то что чудом уцелело
не жаждет нежных упований

27 маурта 81

ЧРЕЗ БЕРИНГОВ КАК ЧИРИКОВ

Г.Г.

... и за узкую ее глазку
полюбил армянин хакаску
за широкую ее спинку
полюбил армянин осетинку
а за плоскую ее будку
полюбил армянин якутку
и за жирную ее гузку
полюбил армянин тунгуску ...

так любил армянин и ахал
изнывая в постеле узкой
прикрывая ей пах папахой
называя ее тунгуской
и подкаменной индигиркой
ангарой золотым ононом
забавляясь баранкой с дыркой
и впадая во грех онанов

шелуху снимая с бананов
голосила в нью-йорке тунгуска
армянин в галлерее банага
выставлял ее профиль узкий
выставлял ее лобик низкий
и лобок обритый травою
называлась эйкуменисткой
и владела она головою

голова татарина немца
что над бритой губой крысиными
нависали два уса сосульками
выдавая в нем иноземца
выдавая в нем иноверца
а тунгуска ходила иноходью
и по ней изнывали похотью
разрывая на части сердце

по тангутской княжне тараканової
не его измученной ласками
ох как бойко она тараторила
ох как смело шныряла глазками
в сарафане на голое тело
сарафане ситцевом алом
ничего она не хотела
только ярким хвостом махала

и глаза ее были бойницами
черный пламень как стрелы мечущими
и грозила она больницами
и побоищами ежемесячными
словно камень гагат черны они
в желтизне зеленой изменчивы
черным порохом начинены они
бузиной глядящей из веточки

а у дома цвела бузина
или то был цветок граната
что-то красное как спина
что была сарафаном покрыта
что-то красное в белый горошек
занималось пламя без спичек
и глядели из всех окошек
словно груди прорвавшие ситчик

груди были раскосы жестки
угрожающие словно пики
и мелькали в колосьях желтые
косоглазые немцев лики
потому что в самом ташкенте
где великий князь жил опальный
жил с усами как у дышленко
кинетист артист эпохальный

ох и круто он был похабен
называя соитье еблей
торсом мощен словно охапкин
что девиц на уздечку емлет
басом зычен а череп в дырьях
пальцы словно связка сарделек
то ли в родинках то ли в чирьях
глазом цвета камня сардоникс

на его кинетичье дышло
словно бабочки лезли бабы
ох послушать бы как он дышит
под священным камнем каабы
мусульманским законом вызнан
он от фридриха шаг усвоил
ингуши разбегались с визгом
когда шел крестоносцем воин

и томлением вен хакассы
повергались у стоп кучума
император первый бокассо
даже ног под собой не чуял
как испивши кровушки кубок
не воитель но и военный
отрывался от алых губок
и глядел в черноту вселенной

расцветали архитектоны
в ошалелом пространстве вращаясь
и пузатые сатириконы
вслед летящим дискам ворчали
потому что на этих дисках
на присосках магнитных спрута
не хакаски так одалиски
синеватым пламенем скрыты

бузина ты моя цвет граната
что над дохлой кошкой качаясь
ничего мне теперь не надо
ни наследства хана кучума

ни раскосости глаз твоих узких
ни семнадцати с тысячью родинок
потому что поэт техасский
показался тебе уродиной

отцвели уже вялые маки
отзвенели весенние твари
кажут голые свои сраки
негритянки в дешевом баре
где сидишь над полпинтой виски
замудохан техасской тоскою
и глядишь как болтаются сиски
перевитые черной тесьмою

а за тихим конечно же тихим
расцветают степи монголии
и хвостами мотают яки
и тувинцы бегут полуголые
с гор спустившися орды хакасов
что косогам казахам родственны
пожирают сырое мясо
пробираются между соснами

на конях их из платины бляхи
а под платьем острые груди
потому что хакасы бляди
амазонки они не люди
потому от них феминистки
расплодились пройдя за берингов
и пуская стрелы фаллические
мужиков превращают в меринов

вот оттуда пошла легенда
о стране лихих амазонок
кобылицы и те лягаясь
не дают жеребцу спросонок
эти орды прошли от байкала
до седых берегов чукотки
и на шее коров ботало
не спасало их от щекотки

привязав ягодицы к пяткам
восседали они без седел
и сырое мясо под потником
отбивалось прело и спело
разрывая конину с кровью
что в червях и поту застыла
развлекались они любовью
с пастухами что шли за стадом

а потом мечом треугольным
обрезали им лишнее мясо
оставляя под туруханском
поразмыслить о воле класса
так досталось сосо джугашвилли
за его аферу с хакаской
и скорлупки яиц шевелили
беспокойные ветры техасские

... в соседней палате затих армянин

а.к.толстой

плыли на байдарах
и плыли на плотах
позади татары
впереди звезда

плыли через волны
в нерповом челне
плыли девы воины
копья на плече

ели каракатицу
чайку и кита
на манер катарсиса
жуткая икота

тихий их качает
травят через борт
слышно крики чаек
необъятен понт

плыли три недели
и еще пяток
воины балдели
пили кипяток

наконец подвахтенный
выкрикнул: земля
словно гроб повапленный
днище корабля

видят калифорния
и на ней форт росс
просят переводчика
говорят фортран

пожелтели морем
скулы разошлись
плосколицей мордой
канул солнца диск

далеко на западе
где поет онон
и доносит запахи
новый континент

по континенту бродили стада бизонов
схожие с зубрами коих привыкли есть
пахло полынью и пахло бензином
неглубокой речки устье

высадились выстроились поставили вигвам
рядом положили вампум и тамтам
колдунья в рогах доела мухомор
вертела кожаной юбки бахромой

встали весталки поголовье целина
каждой нужен такой как у слона
мамонтов повыебли в америке хана
ни тебе коровы лошади слона

бегает по прериям зобатый бизон
богат горбом и широк гузном
а промежду этих жалобный вид
зане у бизона давно не стоит

вымерли и ящеры от ящура давно
осталось одно окаменевшее говно
девы амазонки щупали скорлупки
на щеках накрашенных расцвели улыбки

этих бы которые имели таких
тут не позавидуешь и самцам китих
ежели у ящера такое яйцо
как бы улыбнулся он мне в лицо

рыли копали рудники пещеры
ящеров не видно одни ошарья
шарили искали окаменевший икс
нашли белемнита а что в нем фиг-с

баловались бивнями сломали не един
так доживали в девах до седин
но потом колумбу показалось вдруг
что земля не шарик а скорее круг

понавез испанцев а у тех меж ног
сталью сверкает толедский клинок
но куда там с голоду толедская сталь
поеблись немного и металл устал

выписали негров с черными до пят
утомясь подагрой амазонки спят
негру нипочем амазоночий лук
он таких имел еще от калуг

негр пляшет гремит тамтам
амазонки вспомнили что они из дам
снова расцветала девичья краса
а у негров это такая мяса

смешавшись с хакасами малость покраснели
девок подразнили и опять плясать
так совершалось покорение америк
в черных и сатиновых мужских трусах

едут трусы волокут турусы
алик из тарусы привет им шлет
едут татары в турсук тусуясь
немцы валят валом и прочая шваль

едут кинетисты дантисты онанисты
едут педерасты и едут фраера

иные тайком в душе коммунисты
иные просто переодетые опера

сгрудились в нью-йорке хлеба ни корки
одна галлерея на двоих-троих
хочется выпить и хочется икорки
а по фудстампам дают требухи

выстроились выставились кто где побойчее
один кажет плаху другой голый зад
на бахче нью-йоркской чахнут бахчаняны
приехал херр нуссберг и пошла буза

понавез хакасок борзых супрематистов
какую-то космическую рыбу-фиш
всех завербовал поголовно в кинетисты
и смотрит усами со многих афиш

давит комаров и доит медоедов
эрнсту неизвестному неизвестно что сказал
весь техас засыхает с недоебу
а у льва на это крокодилова слеза

любит покушать и баб пошшупать
называет это поэтично "ёб" ...
эх твою мать такие пампушки
хоть самому ложись в изготовленный гроб

а за этой тушей из усов и мяса
более всего он похож на моржа
неслышной стопой выступают хакасы
кинжал милосердия в руках держа

отвернись припорет по старой привычке
амазонкам любо мужика воевать
глаза что щелки ручки что спички
а под платьем грудь и опять же мать

так и сижу матерясь в техасе
то там чайный сервиз привезут
чашкина тарелкина и очередь к кассе
а он уже помер давно паразит

ладно вмазал ингрид какую-то мулю
но почем не помню потому что был пьян
кинетист распишет на досуге пулю
а за ним хакасок целый караван

едут и едут копьями махая
ищут динозавра или кого еще
и под вороненым собольим малахаем
робкая улыбка смугловатых щек

24 апреля 81

ХАКАСКЕ

... и друг степей ...

а.пушкин

пушкин встретил калмычку
и имел словно птичку
на кошме и звенел он уздой
как спасясь от потопа
воспевала европа
ее профиль и стан золотой

там в верховьях саянов
где родился саянов
где косые желтеют снега
на манер мокассинов
но подбитых резиной
выступала девичья нога

ах у крошки не ножки
и конечно не ляжки
но амброзия амбра бензой
и такую хакаску
за неловкую ласку
херр татарин упарил лозой

он стегал ее круто
по сосцам и по крупу
сарафан задирая в горошек
юбок девичьих ворох
и какой-то там шорох
и мелькание девичьих ножек

пушкин пушкин голубку
ты любил за улыбку
а еще за косые глаза
как же можно калмычку
дать татарину в смычку
и при этом еще чтоб лоза

как подобно союзу
что почел за обузу
и тебя и меня и ее
как же можно голубку
не под юбку по пузу
и хакаска взовьется змеей

эти черные косы
и глаза что раскосы
и сосцы что торчат в стороне
что подобна наркозу
а скорее некрозу
и объятья подобны стерне

так лихая тангутка
что настолько не чутка
что калмычку ты пушкин мой брось
без чулка и без стрелок
ловко бьет она белок
и за ней по пятам ходит лось

путь из немцев в татары
где гогочут гагары
птице гаге подобен твой пух
ты хакаска лихая
коромыслом махая
загляделась на выпуклый пуп

что имелся у будды
пуп второй беспробудный
почему он избранник и бог
на холодных саянах
где снега осиянны
в торбазах ты ступала ногой

ах хакаска калмычка
словно в клетке ты птичка
ты роскошный поющий башмак
ты зачем с непривычки
не имела отмычки
и теперь я погиб как дашнак

нет во мне армянина
только пиво и тина
бултыхаются тихо внутри
потому что хакаска
увезла свои глазки
и остались одни пузыри

путь на родину долог
но крепись как геолог
и калмычку хакаской зови
не в горах ты а ближе
пусть в нью-йорке париже
все равно мы живем визави

но заместо красотки
мне остались селедки
и настолько не сладок мой век
что реву в три ручья я
не твоя и ничья я
а такой же как ты человек

так гласила мне дева
обернувшись налево
плюнув в дьявола что за плечом
и остались саяны
и разверстые раны
по которым она кирпичом

так прощай же хакаска

ни к чему твоя ласка
я не пушкин и я не калмык
только вздернув губою
занесу над тобою
никотином желтеющий клык

2

кровь твою высосу высосу
будешь дракулу дразнить
ночью из шкапа я вылезу
пить пить пить

не спасешься бетонными стенами
не спасешься чугунными ставнями
по ночам палачом прилечу
пить хочу

пусть тебя охраняют борзые
пусть замки замыкают дверные
ночью черным крылом я махну
пить начну

я цыган конокрад и волшебник
и на мне есть железный ошейник
тихо к шейке смолистой прильну
пить начну

прокушу твою шейную вену
осушу всю тебя постепенно
что останется выкину львам
любо вам?

так шуршу я ночами над свечкой
над камином а также над печкой
выпью кровь и из почек мочу
пить хочу

ты хмельнее чем черное пиво
поцелуй обожгет как крапива
к пчелке жадно губами - укус
кровь ли?
уксус?

дыхание мускус

но боюсь чесноку

пить хочу
пить хочу

чу?

24 апреля 81
Техас

УЕХАЛ ЛЕВ...

Г.Г./Л.Н./

уехал лев оставивши руины
и недогрызенные кости
когда он приезжает в гости
случаются подобные картины
оне барочны и порочны
затейливы сетей интриги
и по рычанию узнаешь
коль когти выставит из риги
его извивы и подпрыги
подруг ослабшие подпруги
и пятерни его потуги
подобной крепостью барыги
и отношений буераки
за ним как всхапанное поле
и в сраки заползают раки
дабы плодиться там в неволе

2

уехал лев остыли кости
и недоеденной остатки ветчины
сплетни различной величины
долго пережевывавали гости
уехал увезя с собой индейку
с раскосыми и жуткими глазами
оставив лакомства и деньги
на каковые пью глотками
все то же пиво то же пиво
впадаю в сон впадаю в сплин
о как тревожно как тоскливо
касаться обнаженных спин
спиной к спине у шаткой мачты
не повернись к нему спиной
а лев то прыгает как мячик
то вдруг свивается змеей

3

дожди идут дожди в техасе
на первомай мы пьем бурбон
и нету ни копейки в кассе
которую дадут добром
опять в газетах наши рожи
техасски и хакасски ржут
плыву медузой иглокожей
и потроха совьются в жгут
от пива с запахом конюшни
и кобылицы мертв оскал
и не поймет меня конечно
та с цвета оникса глазком
она подобна жеребенку
и глаз ее косит испуган
и в волоса воткнув гребенку
она напомнит мне испанку

4

она напомнит мне китайку
и ветчины ее корейка
и нежных уст ее кораллы
и шеи раковая шейка
она подобна эскимо
и я подобен эскимосу
когда на вороную косу
гляжу в двоякое трюмо
трюизмы пьяного туриста
за аблаканом облака
и глубина ее байкал
и на балканах там нечисто
пивная бочка омулей
плывет как почта трансатлантик
и я впадаю в транс отныне
душа поет как соловей

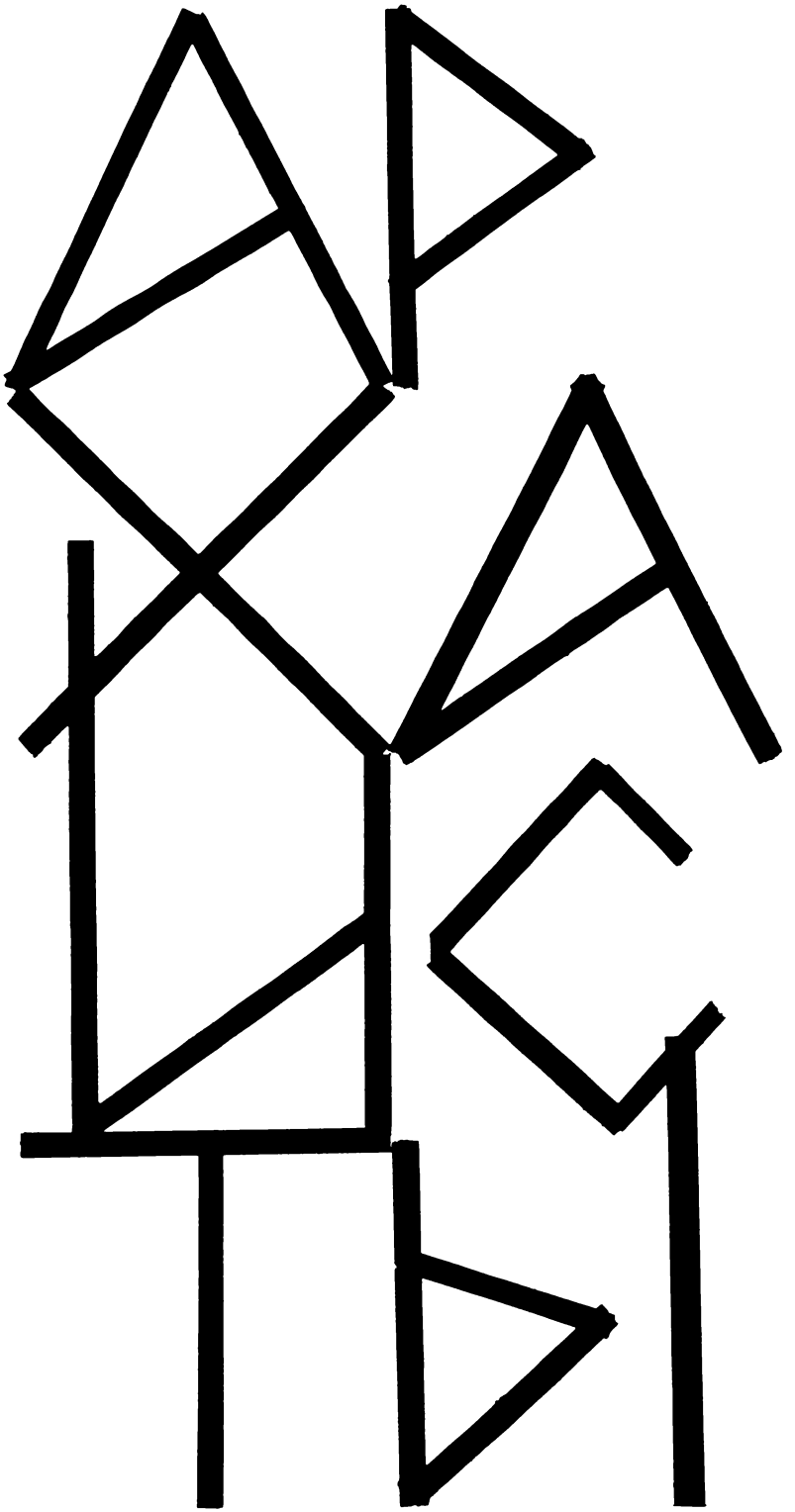
5

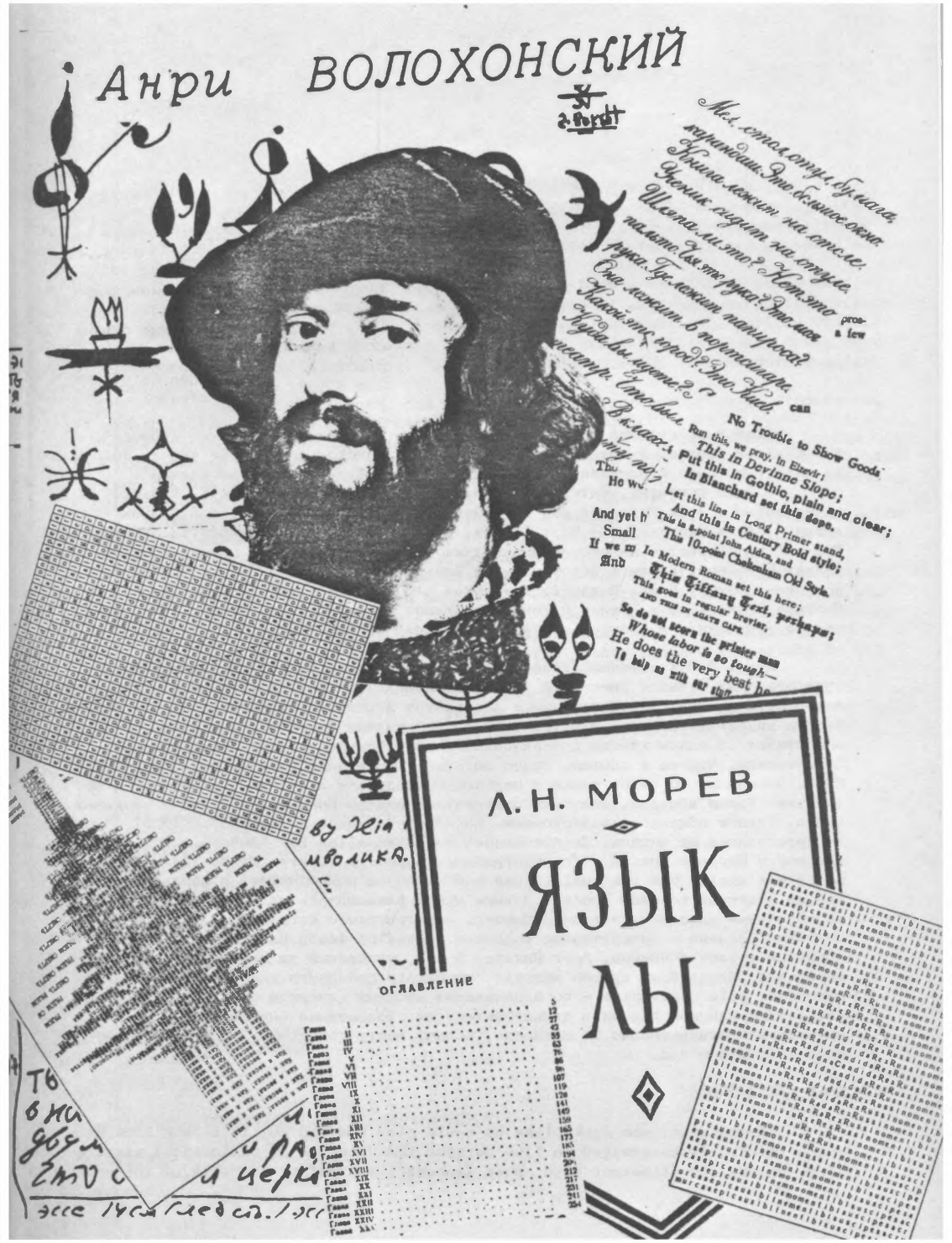
пустынею крадется лев
как кошка шевеля усами
и лик и зык и рёв и зев
грызет терзает и кусает
мурлыча в ушко одному
другому он шепнет на ушко
и посулит он бастурму
которая сыра наощупь
но прелести девицы скрыв
гусар ее щекочет тело
она наличием икры
сразить корнета не хотела
сидящая на льве верхом
покорно бремя икр несущем
а лев зальется петухом
или кудахтает несушкой

6

лев снёс яйцо ее лицо
от этих подвигов зарделось
вначале понял я лишь то
что ей не очень и хотелось
но лев подобно страусам
нес по пустыням свои яйца
ее краса в его трусах
косила глазками китайца
ее корейки ветчина
блистала под надетой юбкой
и яиц тех величина
снесенных явно не голубкой
о эти яйца с ветчиной
как хороши они под пиво
и пальцами нагар свечной
она снимает торопливо

2 мая 81
Техас

Анри ВОЛОХОНСКИЙ
Л.Н. МОРЕВ
ЯЗЫК
ЛЫ
ОГЛАВЛЕНИЕ

БИТНИК И КАББАЛИСТ

/Алеша Хвостенко, Анри Волохонский/

"по небу лететю"

/Анри Волохонский/

"Пиздорванцы! Ёбаные пупки!
Жопники!"

/неточная цитата из
А.Хвостенко/

Яков Виньковецкий отказывается писать о Хвосте и Волохонском. Говорит, что слишком сложно. Я тоже отказываюсь писать. Слишком сложно. Но кто-то должен же писать об Анри и Хвостенке? Ярмолинский? Юрий Иваск? Этот уже написал.

А Анри постарше. Ентин тоже. Круг примет: Аронзон /был ли?/, Галецкий, естественно - Элик Богданов /он же - Эрль/, Михнов но Войтенко, А.Б.Иванов /Стоянович/, Алла Скоринкина - Марк Петров. Пытаюсь обозначить, очертить, оконтурить. Кто же? Складывается из составных: летчик Мациевич, китаец по имени Ху, бледная лошадь Немтинов, Роман с Белоусовым, и Элики /Элла Липпа/ и Эрлики - очерчиваю: нео-нео- ОБЭРИУ? Чушь. Пытаюсь: Хлебников а - Тредиаковский? Козьма Хвостов - и Соломон Беккет, но - Греция и Рим, Пять Углов - и опять - Алейников, ведьма Кари, кто-то /упустил/, а - Анри? а - Алёша? А Алла? Об Анри писал - а "Аполлон"?

Итак: А.Л.Хвостенко /граф Хвостов/, сын Льва Васильевича Хвостенко, 1940 года рождения, учился вместе со мной в английской школе. Классом ниже. Преподавали: И.Н.Гилинский, Л.В.Хвостенко - литературу Англии и Соединенных Штатов Америки. Хвоста не помню. Помню - папу /см. "Пять пойманных шпионов"/. Но тоже где-то около учился. В одном классе с Черкасовым /сыном Черкасова/, полагаю. Закончил ли? Сомнительно. Что-то я слышал, будто выгнали. Школа наша была самой английской в СССР. Давали по 10 часов языка в неделю. Преподавали анатомию и географию - по аглицки. Корни абсурда. Анатомию преподавал Николай Николаевич Бенуа - из семьи Бенуа. Тесное общение с закордоньем. Начиная с авианосца "Аполло" - 1956? До этого иностранцев не видели. Воспитывались на Edgar Allan Poe, Амбруазе Бирсе /нелегально/ и Шарльзе Диккенсе /по программе/. Шарлотта Бронтё, Джейн Эйр - "the quantity was small, but the quality was bad" - по сю помню цитату о школьной каше. Той же овсянкой кормили Хвоста. Здание школы размещалось на Фонтанке, рядом с митрополичьими палатами, в здании бывшего коммерческого собрания. В актовом зале отпевали Есенина - литературные традиции. Директор Федор Иванович был дипломатом - бывший атташе в Японии, друг Рихарда Зорге, уволенный за пьянку - традиции алкоголизма. Школа была сугубо мужская, до самого победного конца - отсюда у меня, вероятно, male chauvinism - по определению местных /американских/ лесбиянок. И отсутствие дамской поэзии в данной антологии. Воспитание определяет. И я, и Хвост принадлежим одновременно к: битникам, хиппи, angry young men, поп-арту, dope-арту, школе абсурда и т.д.

ДАЕМ СЛОВО ЗАПАДУ:

"Khvostenko, who looks like he could play the bad guy in a Jean Paul Belmondo flick, always managed to live outside the doldrums of dialectical materialism. He was the itinerant bard, poet laureate, and enfant terrible of the under-

ground. When he was refused a visa to leave the U.S.S.R. in]976, a friend wrote a letter of protest asking why the Soviet authorities should mind parting with someone who had never made their acquaintance. (He was finally allowed to leave in April,I977.) Some thought he led a charmed life. Everyone agreed he was a master of genial gall.

In the late 60's Khvost was invited along with a handful of other unknown - e.g., unpublished - poets to read at an "evening of contemporary poetry" arranged by women students at the Leningrad Pediatrics Institute. All arrived slightly drunk and made their way up to the stage. Khvost read the first poem, which sort of set the tone for the evening. "He, I mean Derzhavin [an I8th-century Russian court poet] didn't give a shit about fish..."

At the end of the poem, the Communist Party representative in attendance, a barrel-like woman in her fifties, got up to say that this wasn't poetry but a waste of time and everyone should go home immediately. She was followed by the crimson-faced girl who had arranged the reading. "Mr. Khvostenko, we know you have other, fine, 'normal' poems, why did you pick this one with the obscenity which, since you aren't afraid to say it, I'm not either: is shit."

Khvost, with all the courtly flair of a Russian d'Artignan, stepped forward to say "Golubushka [my little dove], in all sincerity, I give you my most heartfelt assurance that I have just read my finest work."

Last fall in Paris, surrounded by ashtrays and wineglasses, Khvost picked up his guitar and began to strum an old Moscow favorite; "Anasha, Anasha, oh you're so fine." Anasha is prime-quality hashish from the southlands [basicly, Kashgharia and Afganistan, smuggled - K.K.K.] usually mixed with tobacco at the end of papirisy, Russian cigarettes that look like fat joints and are guaranteed to gag even the Gauloises smoker."

(Beats in the U.S.S.R. Fade Away, by Ann McRae, Village Voice, Sept.4,I978, h.42)

К сему добавить:

ПОЭТ

ПОП-СИНГЕР

ХУДОЖНИК-ГРАФИК

ДРУГ АНРИ

В ДЖИНСАХ

В ОЧКАХ?

ГЕНИЙ НЕСЕРЬЕЗНОСТИ

ЗАБЬЕМ КОСЯК

ИЗДАТЕЛЬ-СОРЕДАКТОР "ЭХА" С МАРАМЗИНЫМ

НЕШТЯК

Анри Волохонский понёс крестить свою дочку Эрику в ЗАГС. "Запишите, говорит, Эрика тире Анри Волохонская." "Нет, так у нас не положено. Запишем, как всех - Эрика Анриевна." "А если бы я был китайцем по имени Ху, что бы Вы записали?..." Записали - Эрика-Анри. Скоринкиной, матери Эрики, дали двухкомнатную квартиру: "у вас же двое детей!" Так анекдот перерастает в быль, так абсурд, порожденный системой, начинает работать против нее.

Об Анри я писал. Писал в "Аполлоне". Яше Виньковецкому не нравится, но сам он написать ничего не берется. Поэтому перепечатываю. К моим сведениям об Анри прибавилось немногое, отношение же - не изменилось. Я его люблю по-прежнему. Хоть он и в Израиле.

Единственным дополнением может, как всегда, служить художник. И не Виньковецкий, о котором говорилось много и будет говориться /только вчера выяснил, что поэт Дмитрий Бобышев посвятил свои "Стигматы" художникам: И.Тюльпанову, Михаилу Шварцману и - Яше Виньковецкому/, а - Путов. Александр /Саша/ Путов, с которым Анри выпустил в Израиле тиснутый от руки на медных досках гравированный сборник стихотворений - Путов рисовал, а Анри на досках тексты выкарябывал. Об этом см. мою статью "300 лет футуризма" в журнале "Soviet Union", Pittsburg, 1978. Книги самой я не видел, но Анри прислал мне тиснутый лист "Кентавра" /воспроизводится/.

Далее привожу текст по "Аполлону-77":

Анри Волохонский - фигура мистическая и мистифицирующая. Маленький, черненький, похожий на Мефистофеля, с хамелеоном на плече, он изучает на берегу Тивериадского озера свой фитопланктон. Каббалист, мистик, знаток древней Греции и Египта, иудей и христианин, гениальный поэт, автор теософских трактатов и трактатов о музыке, исследований о свойствах драгоценных камней - он возникает тенью за каждой значительной фигурой современного Петербурга. Его имя связано со всеми интереснейшими именами и школами, сам же он остается в тени. За вычетом периода эвакуации и двух-трех лет, проведенных в Мурманске /1964-66/, он практически не покидал Петербурга до своего отъезда в 1973 году. И тем не менее, мало о ком известно столь немногое.

Родился 19 марта 1936 года в Ленинграде, в семье аптекарей и ювелиров. Уже в школе знал химию в объеме университетской программы /по свидетельству академика Зельдовича/, что, впрочем, не помогло ему преодолеть процентную норму евреев при поступлении в Ленинградский Университет. Оставался химико-фармацевтический институт, куда евреев брали. Его и закончил. Работал химиком, гидрохимиком. Это внешняя сторона дела.

В 1955 году Анри Волохонский начинает писать. Впрочем, пишем мы с детства, но осознаем это не сразу. И тут начинается цепь мистических знакомств и связей. Оказывается, Анри Волохонский был знаком с Роальдом Мандельштамом, самым одиноким поэтом современного Петербурга /см./ и с его друзьями-художниками: Арефьевым, Васми, Шварцем. В 60-е годы имя Волохонского связывается с Марком Петровым, философом и теоретиком Борисом Понизовским /о котором надо особо/, поэтами Иосифом Бродским и Глебом Горбовским. Ни один из современных поэтов не повлиял на творчество Анри Волохонского /за вычетом, может быть, гениального Стаса Красовицкого?/, зато наблюдается обратное явление. Хвостенко и Ентин, работавшие в соавторстве с Анри Волохонским, вся школа нео-абсурдизма /Эрль, Миронов, Макринов, Немтинов/, обязанная ему своим существованием. Волохонский загадочен. Его влияние неощутимо. Он сам - порождение мистического Петербурга /от английского "misty" - туманный/. И в то же время Анри Волохонский несет в себе определенные черты петербуржской поэтики - рафинированную культуру, язык, аристократический изыск, немыслимый в наше

время, иронию, переходящую в мистификацию, пародийные литературные реминисценции /коих уйма!/ - что роднит его с Бобышевым и Бурихиным /см./ и - метафизическую глубину. Его поэтика - это следующая ступень по линии Хлебников - Введенский. И я могу смело заключить это вступление именами: "Хлебников - Введенский - Волохонский".

ЕНТИН

"бежит на юг обрезанный енот..."

/Анри Волохонский/

Ентин с Эликом Богдановым чесались у меня на кушетке как стадо обезьян, после коды с планом. Больше о Ентине ничего не знаю.

Цитирую:

"Last month, Leonid Entin arrived at Leningrad's Pulkova Airport for his flight to Vienna. He was accompanied by a scraggly crowd, remnants of the Russian Beats who had turned out to say goodbye. Enot looks like a sallow-cheeked incarnation from William Burrough's JUNKY; he checked in with one suitcase weighing 10 kilos and $100 cash.

Someone once called him the Russian Herodotus because he was always there, like some kind of spiritual catalist sitting in the corner getting high whenever anything happened. In the '60s, he was the cynical sage of the Beats. He absorbed every detail.

Although he's never been there, he knows New York City like the back of his hand, and where the Five Spot jazz club used to be. He probably would have felt right at home hanging out with Ginsberg and Kerouac in East Village or with Burroughs in West Side bars.

Before he left, he made a promise to his friends: "To write it all down before I forget it." How could he forget? He could probably tell you the exact height of the pyramids, if you asked, or the third word in the second line of the first poem that Pushkin ever wrote. He could also tell you what Aleksei Khvostenko said the night John Coltrane died."

(Village Voice, ibid.)

И я такого человека не знал!

Дорогой Костя!

Очень скучал по Вашим письмам.
Одновременно посылаю наш с Лупиновым "Рен"
и свою "Синюю" из Женни, а также
штук 11 сонета из Венка. (полностью он в "Эго" №3)
Об Антологии.
Я тому что у Вас есть посылаю всё, что в Пакете,
Только черкните, что получили. Жстаюсь, а есть ли
у Вас шемякинский каталог "Древо Парижа"?
Нам моя "Арфа" Херувима"?
Если нет - напишите, я вам непременно пришлю.
Всё прочее - на Ваш вкус, кроме "Марк Аврелиознее" - не надо.
"Кентавра" возьмите лучше из сборника. Или нет?
Можете взять также любой автограф - из книжечек.
Теперь с "Романом". Уточните - если сейчас.
Шрифт тот что поуже в конце Вашего письма.
Обложку пусть сделает Лёша.
Жстаюсь. Что-то будет в Антологии у Довнера.
Наверно хорошо бы сверить, чтобы не повторялось.
Пишите мне чаще.
У нас теперь живёт уж, курицу отдали
монахиням, а они - дедушкам, а зайца
в огруппление "Пшеничное - Раз".
"Огруппление" - это то что переводим словом "кибуц".

Ваш Дов Амрам

P.S. Для Красовицкого мне писать трудно. Очень его люблю, но плохо читаю. Дов.

Konstantin K. Kuzminsky
403B E. 30th. St.
AUSTIN, Texas

BY AIR MAIL

Дражайший Константин,

что сетуете, милый, на молчанье и обзываетесь? Не в Вашу пользу счет, как говорят в футболе. Я сочинений Вам послал поболе, чем говорят, Вы мне. И лишь последний том, надеюсь я, разубедит нас в том. Но, впрочем, этот Том пока у Дара. Благодарю, но отдаленность дара покамест не дала мне насладиться им. - Что это значит - ясно нам двоим. Или - см. Алексей Толстой - "обоим" - невнятность мысли словесам удвоим. А чтобы не в сухой благодарить - вот-вот в конверт спешу заколотить старинных наших эпистол с Хвостенко полдюжины. Я ж головой об стенку трубил там-там в соседних лагерях качая им шлагбаум рукой в дверях. Итак не дуйтесь на бесписьменность и скудость. Не знаю где сильней жара - у нас или у вас? Бумага мокнет словно нос в простуду-с, и слово еръ попалось неспроста-с. Пишите мне возвышенней и чаще Пишите мне еще длинней меня Пишите мне - историья не утащит Пера хвоста в ночном павлине дня. А полное собранье сочинений намерен я включить в большой роман - и книгой наших бывших потрясений порастрясти издательский карман. Но эти недоверчивые суки... Все время лгут. Я ж умываю руки.

Костя, милый, дорогой, спасибо.

Целую Ваш Анри

P.S. Получите пакет - напишите. Послал морем, я в финансовых фактах по уши.

А.

/22-ое чего-то 80-го. Израильские штампы столь же неразборчивы, как и советские. И бумага такая же. И пакеты: у власти - социалисты. ККК/

Тексты Анри Волохонского приводятся по двум /основным/ источникам: подборка из "Живого зеркала /1-й этап ленинградской поэзии/", Л-д, 1974, сделанная мной, Эрлем и Мейлахом и - позднее - одобренная Анри, и - по присланным за последние 5 лет авторским текстам - из которых особо хочу выделить приводимую в заключении поэму "Ручной лев". Комментариев к ней я писать не могу, взялся, было, статью - но она получилась про Бурихина. Особенно меня сразили обращения к памяти Роальда Мандельштама /ч.6/ и - к Олжасу Сулейменову /ч.14/, в оценке которого мы с Анри - независимо - едины. В самом конце /ч.27/ Анри обращается прямо ко мне, в бытность мою профессором Техасского университета. "Вбить стих" не удалось, но Сидней Монас перевел 3-4 текста Алика Мандельштама, а я с Кэрол Эмерсон - еще с дюжину авторов. И с Аллой Бураго - "Дневник Юлии", по которому был поставлен фильм /см. в 4-м томе/.
Но это уже к Анри не относится.

Тексты Анри с Хвостенко, по просьбе Анри /в одном из писем/ - будут выделены в особый раздел. Туда же и басни.

Как явствует из того, что выше - в этом томе - Анри мой любимый поэт. Им и открываю.

АНРИ И АНКЕТА, АНРИ/ЕТТА/ И АНК/ЕТТА/, АНРИ-ЕНТИНА и Т.Д.

Ответы на вопросы к анкете из 13 пунктов /см. анкету в Прилож. - ККК/:

1. Мы теперь называемся АБУ-АДАМ /ВОЛОХОНСКИЙ/

2. Между рыб и бараном. Год ТРЦУ.

3.-4. Моря: Баренцово, Норвежское, Гренландское, Галилейское, Киннерет.
Озера: Онежское, Врево, Сяберо, Кубенское, Белое, Островито, Плавущее, Глушак, Геннисаретское, Киннерет.
Реки: Нева, Сухона, Иордан и канал Волго-Балт.

5. См. на обороте. /См. далее - публикации - ККК/

6,7,8,9 - Не отвечаю.

10. Все живы.

11. Кроме классиков: А.Хвостенко, С.Есаян.

12,13. Не отвечаю.

Дополнения: Дорогой Костя, простите мне эту краткость. Но я просто не способен писать искреннюю правду - я вижу в этом одну фальшь, лишь преувеличенную попытками ее преодолевать. Именно поэтому я не могу помочь Вам с воспоминаниями. Я пробовал сопоставить их в уме - но картины образуются ложные. Пусть лучше говорят мои сочинения. Некоторые ответы Вы найдете в прилагаемых текстах песен, а также в строфах 5., 6., и 7. поэмы "Ручной Лев", текст которой я Вам надеюсь вскоре послать. Ваши письма радуют меня неизменно, равно Ваши труды, Ваши успехи.

Целую Ваш - А.В.

P.S. О песнях. Писать тексты песен меня научил Алеша Хвостенко. Он же все их поет. То есть это все - его песни. Я же только иногда сочинял текст сам или помогал Алеше в сочинении.

P.P.S. В Эхе 2 /79/ скоро выйдут и в одном Время и Мы уже вышли его тексты. У Аллоя /YMCA-PRESS/ полно ошибок. Пришлите - исправлю.

P.P.P.S. Воспоминания может написать Лёня Ентин. Его адрес:
M.Petrosian + L.Entin, 8, place du doctor Michael, Paris.

/Писал я по этому адресу, дохлый номер - письмо вернулось в зад. Неуловим. - ККК/

СПИСОК СОЧИНЕНИЙ

1. Стихотворные циклы

Первые травы - 1958 г.
Трели баккалавра - 1960 г.
Крушение очарований - 1964-66 гг.
Девятый Ренессанс - 1965 г.
Стихи для Ксении - 1973 г.
Иог и суфий - 1968-75 гг.
Лики существ - 1966-75 гг.
О картах - 1974 г.

Стихи с базара - 1977 г.
Тексты песен - начиная с 1966 г.
Венок сонетов - 1978 г.

2. Поэмы

Блеск воды: Радуга
О красках
Дом и река 1964-66 гг.

Четыре поэмы об одном: Двое
Аввакум
Одно око
Последняя видимость. 1964-66 гг.

Ветеринар бегущий - 1963 г.

Фома - 1963-66 гг.

Арфа херувима - 1977 г.

Аористы обветшалого - 1977 г.

Смерть Пу-и - 1978 г.

Тайфун и Скука - 1978 г.

Собор в Шартре - 1978 г.

Взоры Нежд - 1979 г.

Пустыня - 1979 г.

Ручной Лев - 1979 г.

3. Пьеса

Буденный /героическая драма/ - 1964 г.

4. Проза

Роман-покойничек. Роман. - 1975-77 г.
Индийский святой. Рассказ.

5. Философские сочинения

Книга Ветвей - 1958 г. /100 экз. В России вышла анонимно в 1959 г./
Стена Виноградная - 1966 г.
Об Именах - 1973 г.
Сим и Яфет - 1974 г.
Утверждения о мере и видимых формах - 1970 г.
О симметрии фундаментальных форм - 1972 г.
Двенадцать ступеней натурального строя - 1974-77 гг.

6. Написано в соавторстве /главным образом с А.Хвостенко/:

Циклы басен: "Темпераменты" и "Народы и ремесла".
Тексты песен.
Маленькие пьесы: "Педант", "Штопор", "Опасность", "Пьеса для четырех орудий и эха".
Пьесы: "Первый гриб", "Запасной выход", "Лабиринт".
Трагедия в стихах: "Домкрат".
Касыда "Министру Культуры".

7. Переводы: Из Джона Донна, Бернардо Белличионе, Шекспира, Исайи.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Циклы стихотворений

1. Девятый Ренессанс. Отдельное издание. Гравюры на меди - тексты с рисунками А.Путова. Израиль 1977 г.
2. Стихи для Ксении. Отдельное издание. "Вымысел", 1978, Израиль.
3. О картах. "Аполлон-77", Париж, 1977.
4. Венок Серебряному Веку. "Эхо" №3, Париж 1978.
5. Первые травы. "Третья волна" №3/4, Париж 1978.
6. Лики Существ. В антологии изд-ва "Алия", Израиль.

2. Поэмы

7. Арфа Херувима. В каталоге выставки М.Шемякина "Чрево Парижа", 1977.
8. О красках. "Аполлон-77", Париж 1977.
9. Фома. "22" №7, Израиль 1979.
10. Одно око. "Время и мы", №36, Израиль 1978.
11. Взоры Нежд. "Время и мы" №41, 1979.
12. Собор в Шартре. "Эхо" №1, 1979.
13. Двое. "Гнозис", №5-6, Нью-Йорк, 1979.

3. Пьесы

14. Буденный. Героическая драма. "Аполлон-77", 1977.
15. Запасной выход. Фарс. /В соаторстве с А.Хвостенко/. Поставлена в английском переводе в театре г. Нортхэмптон, США, в апреле 1979. Отрывок опубликован в "Эхо" №1, 1979.

4. Проза

16. Индийский святой. Рассказ. "22", №22/1, 1978.

5. Эссе

17. Набоков и миф личности. "Эхо" №1, 1978.
18. Сим и Яфет. "Вестник РСХД", №1/120, Париж 1977.
19. Двенадцать ступеней натурального строя. "Гнозис" №3/4, 1979.

6. Тексты песен

20. Опубликованы в "Песнях русских бардов", текстовом приложении к изданному "ИМКА-ПРЕСС" собрании. /В соавторстве с А.Хвостенко/.

Сборник стихов "Дуда и Мак" лежит в издательстве "Ритм" в Париже. /Уже просил Шемякина, чтоб забрал хотя свои иллюстрации у мудака Бекаки, чтоб сюда их. - ККК/

Отдельные стихотворения в "Время и мы", "Эхо", "Континенте", "Новом журнале" и пр. неисчислимы по изобилию /с 1974 года ------/

И з к н и г и "КРУШЕНИЕ ОЧАРОВАНИЙ"
Новая лирика (второе)

I. Монумент

Я монумент себе воздвиг не из цемента
И больше он и дольше простоит
Цемент как матерьял не стоит комплимента
Песка в нем сто процентов состоит.

Подверженный злодействию мороза
Выветриванью, порче всяких вод:
Кислот, дождей, растворов купороса
Он сыплется и долго не живёт.

Иных мой дух мечтает помещений
Ему ничто бетонный обелиск
Зато средь гряд восторженных речений
Его ростки прекрасно привились.

В пространстве слов отыскивает доски
Мой вечный гроб, мой памятник, мой храм
И лишь из них - отнюдь не из известки
Я мощный дом навек себе создам.

И к дивному строенью не из гипса
Придут народы зреть на конуру
Араб, мечтательный пигмей в огромной клипсой
И даже те что рядом с кенгуру.

Чем с пирамид с меня поболе толку
Усмотрит некогда воскресший фараон
Затем что в этот век чугунный смрадный блеклый
Я был трубач, воитель и препон.

И в час когда исчезнет всё на свете
Сквозь мразь смолы, сквозь щебень кирпича
Вдруг заблестят играя строфы эти
Как Феникс дикий плача и крича.

7. Фонтан татарки

Едва повеет воздух майский
Перед гороховой весной
Какой-то страх китайский
Овладевает мной
Словно бы смерть уже душой владеет
Слабеют ноги, тело холодеет
Крадется к сердцу мерзостная штука
В скорлупку прячется мороженая щука
Щеколда тянется по щёлочке к щелчку
Играю в ящик - окрик ямщику:
Приехали, выкладывай чеку
Щека к щеке, родная начеку
Она чека, енкаведе не дремлет
Приходит в мягких тувлях гепеву
И зрячее во сне и наяву
Эдмунда семя с вывернутым пледом
А следом
Плюгавый отложившийся марксист
Ревизией новой волокнист
Приходит глаз сощуря узкий
На край Амурский незаконно приязая
Который исконно русским
Считал как Беллинсгаузен так и я
И Лаперуз
О музы времени! О розы без рейтуз!

9. Размышление

В картину мира всякий раз
Мы напрасно вписываем Духа
Сверкает с неба звёздный глаз
Порхает маленькое ухо...

Но милый мой, к чему же странность -
Души означенной как данность
Тревожный сон боготворить?
За давностию дел Творец устал творить
Удел стареть переложил искусству
Устав его стал ныне так высок
Что даже в основании песок
Мы только тыквы сумеречный сок
Дерзаем предложить надтреснутому чувству
Чтоб горечь невозможную пия
Пыхтела Ева и шипел Змия.

ПЕЧАЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ

Ворон к ворону.
А.Пушкин

Криво, криво, загибаясь, боком, боком
Луч гуляет по пространствам кособоким.

Ходят звезды по пространственному хлеву,
Спектр бабочкой летает влево, влево.

По пустотам, по канавам, по откосам
Время парус надувает косо, косо

Пухнет, пухнет дорогой пузырь небесный
Видно, звездам что-то тесно, что-то тесно

Но пыхтят, пыхтят мыслительные поршни
Подставляйте только руки и пригоршни

Ливень, ливень хлещет прямо в руки, в руки
От щедрот Ея Величества Науки.

Только время на дорогах кососоко
Да поля колышет рыжая осока.

ПЕНИЕ ПТИЦ

Природа щебета неясна и темна
Когда после ночи горбатой
Наннее небо трубит
В бегстве по трещинам прошлой грозы,
Следом, следом дождя
Кто призывает их?
Этих утренних щебетуний?

Желуди в пёрышках иглоголосье
Звонкие на ореховом дереве
Бубенцы
кленовыми крылышками
Погремушками трепеща
Бьют, бьют
По веткам, по облаку.

Кто их звал?
Кто сказал?
Может день обещал?

Струны дерева - их голоса
Пень, пень - барабан
Пыль - труба
А вокруг - пух, пух,
На глазах, на холмах,
На ветвях
только пух.

И пение кончается.

И з ц и к л а "БЕЛЫЕ ПТИЦЫ"

А И С Т

Раз над землей соломенного лета
Иероглиф бесцветного стекла
Возник по следу аистова лета
Казалось буква дивная рекла
Инейная с плиты голубоватой
Трилистник впаянный в поток летел крылатый
Поистине как будто в зеркала
Звездой проистекая угловатой
Из трещины невнятной синевы
И вдруг нежданно рядом показался
Плескался воздух, аист приближался
Собрал крыла, измял волну травы
И в воду встал. И тут я увидал
Чудесное: святые струи шеи
Вдруг слились в ком округлой головы
С зеницы смуглой странным оборотом
Клюв лучевидный вытянулся к зелени
Трезубец лапы виснул над болотом
Над сенью полосатых тростников
Там над руном согнувшихся ростков
Луч изменив тончайшей длинной голени
На стебле стройная багряном леденела
Перная сверкала пирамида
Как терем мраморный вершина ветряная.

ИЗ ЦИКЛА "ТЁМНЫЕ ТВАРИ"

СЛОН

Среди холмов телесен и двуглав
Уж зримый слон растит себя из трав
Как некий холм который скрыт травою
Подъяв над головой костлявый клык
Среди холмов телесен и двулик.

Четыре человека ног его
Шестнадцать стук копыт - державный обод
Шестнадцать раковин - а держат одного
Четыре истукана у него
Два идола подъемлют главный хобот
Из лба из-подо лба растущих рук
С дырою длинной вдоль до переносья
Где локоть сломленный как сук как будто сук
Жрет жрет и жрет колосья и колосья.

Там шкуры бездыханные мехи
Смыкают веки над отдельным глазом
И колыхают хмурый балдахин
И труп нутра объемлют влажным мясом -

Порода бренная, от ветхих чудищ вервь
Неимоверный вывернутый червь
Червь внутренний огромный непомерный
Стоит среди холмов покрытый скверной.

П р о л о г

Соблазном сильно поределым
На небесах тебе далеких
Расположил свои пределы
Наш мир ужасный и жестокий
Природы хрупкие куски
Он поместил в законов обруч
По ним сновали пауки
Плетя для нас познанья поручень.
Прекрасный окорок тая
Природа скрыла эти сроки
Смутясь, оправила оборки,
Стыдливо глядя на меня:
"Во мне ты верно видишь ту
Что резво каждому солдату
Приоткрывает наготу
За незначительную плату -
Пойди со мной, войди в палату
Там средь весов и между мер
Научной прелести пример
Цветет левкоем на пригорке,
Но есть во мне такие норки
Куда их не проникнет взгляд...
Гляди: у самой двери кассы
Напуганы дефектом массы
Толпой ученые стоят
И что-то нежное галдят
Своей испорченной латынью,
Гордясь познания полынью,
Нырнув в такую полынью,
Дерзнувши дно мое пощупать,
Но обретают лишь свинью,
Хотя и применяют лупу.
Луны рассматривая части,
Природный отметают стыд,
Они стремятся к тщетной сласти,
Собравши сведений плести
В распространенные тома;
Один тащил меня в кусты
И каждый палец как Фома
Меня исследовать намерен,
Стоял вокруг в себе уверен.

Однако я была тверда
И не сдавалась словно башня.
А он сказал, что я труба,
Сказал, что нива я и пашня,
А он, ученый, словно плуг
В кругу мотыг, своих подруг
Блестящих новых инструментов,
Копать которыми удобно,
Что я глядела благосклонно
И тесто подымалось сдобно;
Ему казалась я съедобной,
Красивой, глобусоподобной,
И потому меня он мерил,
Размахивая сантиметром,
И делал вид, как будто верил,
И в шляпе был отделан фетром
И на меня пахнуло ветром,
А он заметил тут со смехом:
"Работа делу не помеха,
Отдай себя моим утехам.
Наука обществу - порука
Природа обществу - задвижка
Ларца, куда влагаем клюквой
Средств общественных излишек;
Наука это есть кровать,
На ней сидим мы, свесив ноги,
Над миром царствуя как боги.
Науки склоны не пологи.
Обрывы - должен я сказать -
На ней имеются и тропы -
Наука верная подстилка,
Чтобы с утесов упадать
И не затрагивать затылка.
Природа - сыр, наука - вилка,
Природа - дробь, наука - белка,
В руках у меткого стрелка
Лежит разбитая тарелка
Должок записан под мелок.
На том кончаю свой пролог.

ИЗОБРЕТАТЕЛЮ КОМПАСА
СМЕЛОМУ МОРЕХОДУ-КИТАЙЦУ

Был корабль раб руля.
Был корою крыт каркас -
Корпус-нос от корабля.
Между мачт отмерив час
Жмурил в щель веселый глаз
Измещая воду в чан
Кок, который в самоваре
Капитана совмещал -
Он торговыми судами
Им покрикивал "Куда вы?"
Или им кивал усами
Сам связавши их с причалом.
К нам беда приходит слева
Это древняя примета
Если сердце вроде хлева
Если осень вместо лета,
Вместе с зимами мороз
Разворачивает пни
Муравьиных куч нарост
Расчищает тропы-дни,
Кони жаждут направленья,
Их ездок уздою жмет
Корабли ползут на мели
Это компас их ведет.
Только кок в свои бока
Свободно руки упирая
Потрясает камбалу,
Которая рыдая умирая,
Вспоминает облака
И картины донной мглу
И стрелку алую из лука
Эксцентрика и шутника,
Который пьет свое "пока"
Из металлического кубка...
Это разве не удача
Знать, куда покажет рыбка
Если прежде горько плача
Волны нас качали зыбко,
Знать, где запад, где восток
Должно всякому подростку,
Зыбкий знания росток
С капитаном сшит внахлестку
Этот корень цветом вакса
Этот парень видом - воск
Верещит собака такса
Если ей отрубишь хвост.
Под дождем косматых звезд
На небесах рассыпанного проса
Приди, мой друг, сожми ладонью гроздь
Глотни из терпкого течения вопросов.

СУРОВОЕ И МУДРОЕ НАПОМИНАНИЕ

От появленья до могилы
Все великие явленья
Суть дела рабочей силы
И крестьянские деянья.

Если куполом украшен
Замечательный домишко
Если формулами страшен
Математика умишко

Если кот сидит в мешке
На корявом ремешке
Знай, что это чей-то труд
Уложил пушистый груз

Он воздвигнул эту башню
И вдавил в ученый мозг
Через зад посредством розг
Взборонил чужую пашню

Распахал чужой погост
Но не слушая припева
Жил художник в отдаленьи
Жил поэт на перекрестке

Жил писатель в сновиденьи
А народ страдал и плакал
Лучшей жизни он не чаял
И тогда сказал Некрасов

Гоголю за чашкой чая:
"Чем бунтовать на площадях
Не лучше ль нам стоять на клумбах
Городовой на лошадях

Страшней, чем дворники на тумбах
Но я крестьянина люблю
Царя стихом я покороблю
Я о крестьянине скорблю
И подарю ему оглоблю.

Ты можешь лошадью не быть,
Но долг гражданский заплатить.
Так пей, друг Гоголь за меня!"
И умер, раком печеня.*

И пусть примеров прежний вкус
Напомнит новому искусству,
Что сенокос, где я пасусь,
Не должен быть чрезмерно узким.

Пускай народ артисту скажет:
"Где сущность я, лишь форма ты"
И для примера простоты
К хвосту пословицу привяжет:
Народу вовсе не нужна
Плохая башня от слона.
Поэт, кряхтя, пускай поступит
Туда, где благороден труд,
Художник если нравом крут
Яйцом барахтается в ступе
Писатель пишет. Математик -
Развесит шарик на канатик
Для деток нежную забаву
Или машину для гаданья
Исхода полного собранья
И так, ступая величаво,
Придут великие творцы,
В руке сжимая огурцы.

---

* то есть от рака печени - вольность. Прим. автора.

МАТЕРИЯ I-Я -
САРКАСТИЧЕСКАЯ

Противоречий длинный узел
В себе медлительно неся
Сосредоточась в этом грузе
Крутясь и сочленяя звуки
Материя сияла вся
И чревом мир приподнимая
Червем пронизывая весь
Она протягивала руки
И говорила только здесь
На травах розового мая
На алом бархате фиалок
Вдали от свалок городских
Я лучший случай как подарок
Отдам тому, кто любит их.
Я мира дерево златое
Я мира корень, ветвь и ствол
Цветок и плод и шип и кол
Мой пышен пест, листва - подол
И все, что сверх того пустое
На том летаю и стою -
Ведь я сама себя удвою
Мигнувши только воеводе
В котором социальном слое
(Умрет изящность в тесном слоге)
Уложены начала смысла
Они напоминают ведра
Качают мира коромысло
А риф как наконечник мыса
Дырявит лодочные днища
И хлещут в дыры волны речи
Я вся - клубок противоречий
А на боку моем прорехи
Но я сама свою структуру
- Пчела умна как архитектор
Ничто преобразует в нечто -
Построю в длинную натуру
На мысе рифа наконечник
Опасный корабельным днищам
Его теченьем правит вечность
А мир - качели коромысла.
А мыс концом венчаем рифа

Бурлит водой среди пробоин
Я вся комок предубеждений
Но мой порядок очень строен
Мой пращур был недурно сложен
Потомок вдруг оделся кожей
Совсем нелучшего покроя.
– Смесь молока и сновидений –
Разбитый в тщетности рассудок
Плохой поломанный рисунок
Цветок, обглоданный как остов,
– Поищем кость на дне сосуда,
Туда забитую первично
Скорей пустить в работу зубы
Пусть нам дадут хотя бы кости
А прежде выдуманную ссуду
Заменит кашей чечевичной
Вольют разваренную душу
В приуготовленную полость".
– Ах, бесконечность, бесконечность
Для юной поступи моей
Нет ни опоры, ни дороги
Я дом без крыши и дверей
И нет ни петель ни порога
Но изнутри на щеколду
Храня сама себя на льду
Я крепко сральню запираю
И на трубе играю.

К РАСЩЕПЛЕНИЮ АТОМА

Атом прежде был орехом
Нам о том сказал Лукреций,
Котырый был отец и пророк
ДИДАКТИЧЕСКИМ ПОЭТАМ
Но этот жанр сегодня вымер
Оставив нам одно лишь имя
Оно качается как вымпел
Однако, этот жанр иссяк
Ибо предмет его - пустяк
Вползает в ночь дубов светляк
Он собственным сияет светом
Ему не нужен жалкий слепок
От дидактических поэтов.
Что указательным намеком
Грядой буйков текут по рекам -
Атом прежде был орехом.
Знаний роды были тяжки,
Отстегнув рассудка пряжки
Бесноватой акушеркой
Самомнительным железом
В лоно старое залезем -
Жирный приз тому, кто первый,
- Погляди, какой уродец
Резво ножками качает
Он покинул свой колодец
На вопросы отвечает
Покажи нам ручку, детка
Сунь сквозь прутик
Видишь - клетка
Здесь предел тебе положен
Чтоб прохожий не обидел
Ах, рисунок очень сложен,
Очень тонок, не увидишь
Без трубы и диаграммы
Здесь стекло, а рядом рамы
По воротам не тараном
Надо бить - экспериментом
Лучик света очень тонок
Атом спит морской свинкой
Но его разбудит гонгом
Зов к научным поединкам
Из-под тайн его забрала
Не орех глядит - гомункул

Не ореховая куча, -
А материя - карбункул
Оглядись глазами вяло
Крикни голосом беззвучно
Все, что прежде убегало
Ныне хорошо изучено
Атом в воздухе качается
Крюком закона сцеплен с центром
Который принял облик зайца
Себя окутавшего лентой.
Как рептилии яйцо
На репетицию премьеры
Влекомое заботливым отцом
Трещит от жара общей веры
И внутренний его порыв
Сдувает ставшую ненужной крышу,
Предохранительно покрыв
Младенца шкурою от мыши,
Так атом треснул изнутри,
А мы природу покорив
Поставим знак столбом японским
На нем развесим фонари
Чтоб знал Пном-Пень и знал Париж
О вновь рожденном недоноске
Отрядом новым в нашей войске
Стоит уродец ноготь сгрызший
Стоит гомункул в коже мыши
Перчаткой шлет приветы высшему
Которой генералом
И дарит орден этим малым.

ЖАЛОБА ДРУГУ, КОТОРЫЙ ДАВНО НЕ ПИСАЛ

В пустыне селезнем порожней
В траве кузнечиком пустой
В без творога ватрушке ложной
В душе раздумьями несложной
В душе простой и нетревожной
Любовь - единственный устой.
Она единственное благо,
Она - осмысленная влага,
Она - для нашей жизни редкость,
Пойми, чему ты ей обязан,
Она есть средство вспомнить местность,
С которой ты был прежде связан
Тревогой трепетного детства.
Внутри у каждого есть кузов,
Воспоминаньем небогатый,
Спеши туда - он твой вожатый
Куда вагоном без прицепа
Спешишь верблюдом не без груза
Одолевая взглядом узость
Стеклом для глаз, различных цветом,
Любовь как шторм, но он не крепок.
Так пусть взаимности напиток
Хотя б размерами с наперсток
Вольется в чан с настоем репы
Примером скудной продразверстки
И на березовом пеньке
Взойдут красивые подростки
Каждый в шляпе и в венке.

В пустыне селезнем порожней
Один обычай есть английский:
Чтоб поселенца не тревожить,
Ему не отправляют писем,
Ему не отравляют душу
Фальшивым кексом безизюмным,
Чтоб он свои лишь песни слушал
Над миром одиноко высясь,
Над миром духом независим
И был своим лишь предан думам -
Таков обычай благородный
В пустыне селезнем порожней.

Ведь это, право, по-ирландски:
Линкор любви по волнам пляски
Пусть бороздит чужие мели,
Чужой комар на ландыш ласки
Летит, трубя про эту прелесть,
Звенит летя на эту крепость,
Как вестник, грустный и крылатый
В пустыне уткой небогатой.
В пустыне кряканьем несытой,
В пустыне лебедем неполной,
В пустыне аисту негодной
С отверстой раной и открытой
Лежу, открытый пыльным волнам,
Где ветерок гуляет южный.
В пустыне журавлю ненужной
Лежу. В руках последний свиток,
Моей любви несчастный слиток
Моей души прекрасный сверток
Хоть он размерами с наперсток
И жду пока он будет сверстан.

И путешественник! По верстам
Когда ты меришь караваном
Межгробовые промежутки
Склонись душой к причуде странной
И мыслью околдован жуткой
Нагнись к моей могиле узкой,
Вонзи в нее перо из гуся,
Из замечательного гуся,
Столь чуждого пустынным Фавнам.

И з ц и к л а "БЛЕСК ВОДЫ"

I. РАДУГА

В последний звон дождей прозрачный и печальный
Невыносимый блеск первоначальный
На облака незримые ветрам
Упал развеянный и веянье венчальное
Явление на небе влажных трав
Среди прекрасных трав
Взошло необычайное

По воздуху цветущая пером
Чтоб оку не было погибельно и бело
Обнажена фиалковым ребром
Витая синим зелень голубела
Как два ручья вливая в море хлад
Гонимый ими рядом реял выше
Проникновен кристаллом многих злат
Пространный рог и огненный и рыжий
Словно бы горн где жар звенит и где зола
А в нем струна была
А ветка что над ним была ала
А край был ал ее и так глубоко
Что лишь бледнел едва перетворяясь в воздух
Из разных лент слепящего узла
И этот выветренный образ возникая
Из блеска невозможного для ока
Медлительно над волнами стекая
Для блага ока тканная дуга
Сквозь пустоту желанная цветная
Стояла яркая рука
Стекая на окраинные льды
И камни гор окрашенные в дым

Я знаю птица знаю где скала твоя
Ты выросла цветок в том дальнем устьи
Там где высок сквозь ветер купола
Тот город дорогой мечты моей и грусти.

Радуга

В последний звон дождей прозрачный
и печальный
Невыносимый блеск первоначальный
На облака незримые ветрам
Упал развеянный и веянье венчальное
Явление на небе влажных трав
Среди прекрасных трав
Взошло необычайное.

По воздуху цветущая пером
Чтоб оку не было погибельно и бело
Обнажена овальковым ребром
Витаясиним зелень голубела
Как два ручья вливая в море эспад
Гонимый ими рядом реял выше
Проникновен кристаллом. Многиэ злат
Пространный рог и огненный и рыжий
Словно бы горн где жар звенит и где зола
А в нём струна была
А ветка что над ним была ала
А край был алее и так глубоко
Что лишь бледнел едва перетворяясь в воздух.
Из разных лент слепящего узла —
И этот ветренный образ возникая
Из блеска невозможного для ока
Медлительно над волнами стекая
Для глаза ока тканная дуга
Сквозь пустоту эселанная цветная
Стояла яркая рука
Стекая на окраинные льды
И камни гор окрашенные в дым.

Я знаю птица знаю где скала твоя
Ты выросла цветок в том дальнем устьи
Там где высок сквозь ветер купола
Тот город дорогой мечты моей и грусти.

* * *

Гармония радуги выражена как бы трезвучиями в пропорции 4:5:6
синий : желтый : красный (600 : 750 : 900) — основные
фиолетовый : зелёный : оранжевый (540 : 675 : 810) - смешанные
светлокрасный : желтозеленый : темносиний (864 : 720 : 576) - оттенки
желтый : голубой : чернопурпурный (750 : 625 : 500)
желтозеленый : синий : черный (720 : 600 : 480)
Отношение 1:2 замкнуто черным (480 : 960)
Пропорция 2:3:4 построена как черный : желтозеленый : пурпурный (480 : 720 : 960)

Всех оттенков - двенадцать

Считать можно от желтозеленого. В нем долей 720
каждая доля - около 7,12 ж

6/6

Printed by Molly Reynolds & Kuzminsky

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

IO

Где звуки бьют в сплошное дно
Цветами желтыми о камень
А дым над лиственным огнем
Качает колесо льняное -
Черпак, наполненный дождями
Ковш, обруч ледяной вольет, смешав
Смолу и яркое вино,
В большие плоские стволы,
И рожь мгновения создаст
Железный хлеб, который неделим.

II

Ты сам идешь, кружась в цепях,
На этом блюде одинок
Когда разбит зубец стенной
Или в снегах горбатый ветер наг
Над радугой петух тебе рассыплет пищу
И пусть поют и лгут клянясь
Что прежде видели яснее
Сквозь дыры в пемзе водяной
Пускай плывут рога, как корабли для нищих, -
Не веришь ты - и не иссяк
Пожар на медном пустыре.

I4

Сонет (Нарцисс)

Победой мглы мохнатые коренья
Среди серпов вдоль рыжей рукояти
До искр над ней натягивая сети
Но сети рвут прекрасными ночами
Летая осы армией крылатой
Словно листвы кочующие звенья
И утренние гнезда тонут в пене
Закрытые туманом бородатом.

В паденьи вод и в мутном беге клиньев
За кругом ливня вижу лишь себя
Или в текущем выбитое имя
Непрочное. Прозрачное скребя

Животное в пустующем кувшине
Глядит, как плотный каменеет ряд.

7

Если бы пали горелые сваи
И мухи порою съедали полынь
С белого луга, поляны, где звери лая
Двигают плуги
Даже тогда - в поздний год
В звездный день
Урожай желудей не покажется лишним.

IO

Из внешности паломником начала
Седеет шар, но свет не здесь
Лишь смесь являет горсть
В траве, растущей по краям
Как соль на жарких берегах
Нам выкуп дан таким
Ради того морей ствола тяжелого
Лед глотают реки рыб,
Плавят холод толщи птиц,

В пляске досок снежный груз
Несущих, весел слышен хохот,
Корабли с глазами лис
Улеглись на дне прозрачные холмистом
Этой соли и слюды
Если можешь, берегись последний
Ради прежней тщетности тонувших.

Из цикла "ЧЕТЫРЕ ПОЭМЫ ОБ ОДНОМ"

3. ОДНО ОКО

Туда идя своей чредой
Где город – знал – вдали воздвигнут
Я как нежданною бедой
Внезапно небом был застигнут

Бледнея, утра мрак в нем гас
Был блеск повсюду одинаков
И только сверху дикий глаз
Взирал с него без прочих знаков

Тут одаль все свернулось в вой
Став ветра пепельною плотью
Лишь на дороге предо мной
Виднелось пугало в лохмотьях

Качалась череп-голова
Седое тело тлело сухо
И вихрь выветривал слова
Из трупа Хлебникова духа.

От первого вздоха:
Куда убегает вода исчезающей зелени?
Если бы око мне
О ко мне
Ком неги нежданной
Тебе дней на дне
Дано мало
А надо много
О сон реки
Реки
Рея с мели с милой над ней
Как камней на дне
Надо много
А надо мной мне осталось
Небо льна
Не больно то верится:
Желтого мера
Золото мира
– Солоно мира хлебать тебе
Солнца мало
И мном литься луны
Молиться унылой.

Дуновение новое
Веер вех на хлебных копнах

Ветер дерева тетерев
Гребень багрян
Яркий багор-косарь
Ветви ответь -
То ли око цветок
Слитый с ликом истока-ростка
Проистеканием листвы
Вервие веры вверх
Тянучи до ночи тоньше?
- Смотрите, это солома.

И третье:
Где тела?
Те ли они
Мы не знаем
Плесть ли, плескать ли
Или петь сеть?
Или суть-путь еще ища
Куда убегает вода исчезающей зелени
И так утекающей лебеди?
- А пока мы ищем высыхают колодцы...

С косноязыких челюстей
Через мычанье хрип и скрежет
Стучал мне звук пустых костей
От ветра в трепетной одежде

Я стал судить, но верой скуп
Про что он мне проговорился
Как вдруг исчез шершавый труп
И дух вещавший испарился

И стройный град вдали пропал
И бледный вихрь вымер прерван
А горный воздуха кристалл
Застыл как будто в полдень первый

И вспомнив тот что в высях был
Я вверх свой глаз подъял невольный
Где в гул и в гибель всех светил
Сжигал их ужас треугольный.

И з п о э м ы "Ф О М А"

Вступление второе

Молитва Святого Франциска Ассизского

Избавь меня

Избавь меня от зрелища пустого края чаши той, в которой
нет монеты милости твоей.

Сейчас, сейчас,
Когда кругом темнеют, падая,
Лохмотья осязаемых от яркости знамен
Мгновенье сжатых век
Наверно, это лучшее мгновение прекрасное
О, если бы я видел не мигая
Славы твоей цветочную лужу
И пруд и ручей дорогой незабудок
Поток
Теперь гремит разматывая цепь
Молотобоец-звездочет
А эти здесь
Вокруг стоят, боясь дрожат и словно ждут известия.
Теперь час губ, которые молчат,
Должно быть совершенный час безмолвно сжатых губ
О если бы воздух мой
Мог плавить воск среди цветов златой
Я бы с ними плыл
Над звездами гудящим парусом.
И толго тяжко мед их лил дождем
В эти вязкие поля.
Тогда земля бы стала кружкой у протянутой руки
Но ты - какое серебро сам положил, чтобы горело в
тесный круг?
Какую рыбу кинул нищим в это масло ради мук?
Ты это ты,
Но только как ты отдал нам побег святой древесный мост
на берег близости твоей?
Здесь он был взят и срезан сухо
Здесь меня избавь.

Из поэмы "ФОМА"

ПСОГЛАВЕЦ

Легкий смрад повис над полем
Свора кажет небу морды
Общество трусит на падаль...
Что ему? - Он встал поодаль
Грустен он - потоки скорби
Волны черные печали
Непроглядны, непритворны
На челе его застыли
На груди его - медали
Позади его кобыла
Хороша и без рессоры

Только влево и бесстыдно
Каждый глаз его косится
Совершенно очевидно
В каждый зуб его вместится
Чем в листаньях Августина
Боле сладостного смысла
И иной домашней птицы
И других таких гостинцев
Досверлиться б постараться
Но и ему случится гнаться
Цифры ног своих удвоя
Чуть вдали увидит зайца
С человечьей головою.

Из Джона Донна

СРАВНЕНИЕ

Сколь сладок пот сосуд полнящих роз
Сколь сладостен поток мускусных слез
Иль царь-бальзам, что нам дарит Восток
Столь ароматен персей лепесток
Моей любви, а блеск ее чела -
О нет, не пот - корона в жемчугах.

А у твоей - не лоб, сплошной нарыв
И менструален и спермоточив.
Как тук, который осажденный форт
Хлебает всласть, сварив ремни с ботфорт
Иль с сапогов, смертельным гладом вздут
Как будто сыпь, иль прочий гнойный зуд -
Так в том сосуде грязной кожи сплав
Вскипает в чирьях скверен и кровав.

Глава моей как вечный мир кругла
Как Иды плод, что Зависть поднесла
Иль тот, к хищенью коего Господь,
Ревнуя, смертной сделал нашу плоть.

Как каменный болван глава твоей
Ни уст, ни ок, ни носа, ни бровей
Лишь вечный хаос - так глядит Луна
Когда земною мглой поглощена.

Дары Богини в той, благой груди
Она фиал, коим владеет Дий.

Твоя ж - сума смердит с червями в ней
Иль гроб, где прах внутри и гниль вовне.

Как жимолость дрожащая юна
Так кожа рук и плеч ее нежна
Твоя же - словно сварена живьем
Как зад, что свежепорот батожьем
Иль ветхий герб с растрескавшихся врат
Что зной палит уж много лет подряд
Рука твоя - морковный жалкий пук
Опухла длань, а ноготь съел недуг.

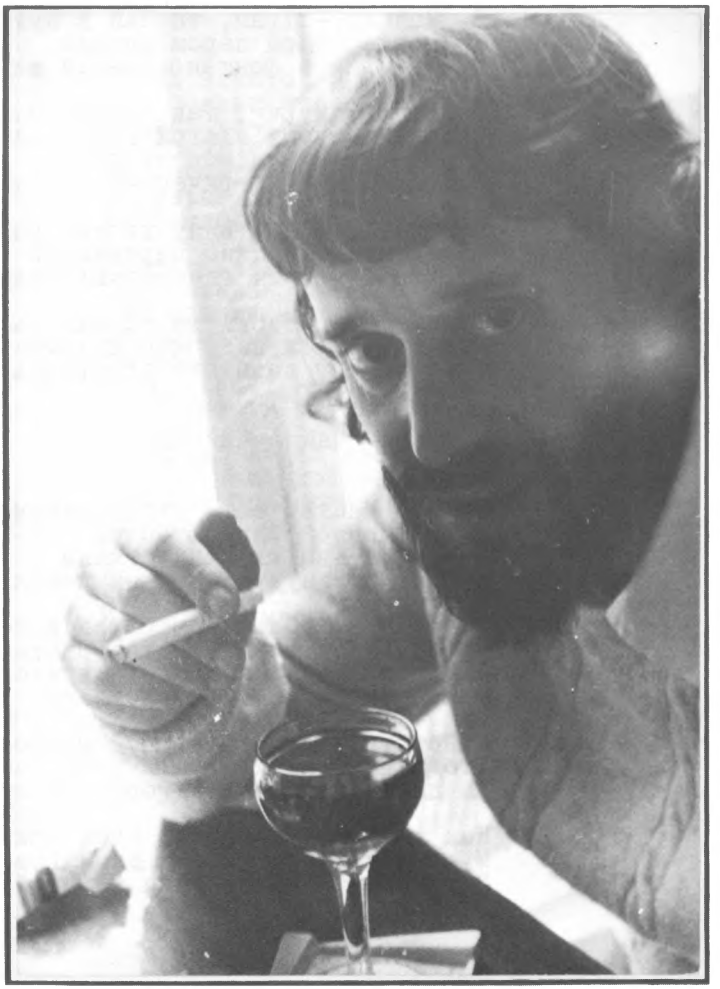
Как ровный ствол спокойного огня
Что душу злата в прах земли гоня
Свой блеск вдруг явит в бренном веществе
Таков и огнь в любимом естестве.

А у твоей - как отрыгнувший зев
Мортиры, что сулит и смерть и гнев
Иль меди воспаленная волна
Иль Этны пасть, где зелень спалена.
И мерзость, что ты с ней творишь, таясь
Есть червь, что лижет яд с прогнивших язв -
Ведь потому и длань твоя дрожит,
Что гад таясь под розою лежит

А ваш разврат бездушный и сухой?
– Вы словно щебень пашете сохой.

Я ж с милой – парочка влюбленных птах
Как пастырь с дароносицей в руках
Я как хирург, что в рану вводит зонд
Сколь нежен я, столь бережен и он.

Ты брось ее, а я – сравненья с ней
Гнусны сравненья, но она гнусней.

Предотъездное фото Анри Волохонского. Начало 70-х. Архив Ларисы Волохонской.

Чайник - Чаю

Торжественный сосуд для аромата
Я, Чайник,- храм, ты Чай в нутре моем
Во мраке сферы паром напоен
Рождаешься с фонтаном цвета злата

Взлетишь, журча, так словно мы поем
Наполнишь чащи влагой горьковатой
И вот уже пуста моя палата
И хладен мой сферический объем

Пусть так - но тайну твоего рожденья
Мне много раз дано переживать
Я глиной мог бы где-нибудь лежать

Кого ж благодарить за наважденье
Кто дал мне жизнь, кто дал мне наслажденье
Тебя во мне назначив содержать?

Чай - Чайнику

Знай - Мастер тот, кто ловкими руками
Великолепной формою облек
Мои дары, на глиняные ткани
В огне накинув пламенный венок

В глазурный блеск преобразив песок
В цветах стекла взрастив растертый камень
Закончил труд и на ковре прилег
Меня смакуя мелкими глотками

И вот тебе ответ на твой вопрос -
Кто ведают меня - те и тебя творят
Ты дивен друг, твой гордо вздернут нос

Как вензель крышечка, твоя как крендель ручка
Мужи безмолвствуют, а дамы говорят:
" Какая прехорошенькая штучка".

К Л Е Н

Перед закатом в хладном небе клен
Был осенью мне некогда явлен
Чернея тонкий ствол стоял непрочный
Напротив солнца в стороне восточной
Был совершенным желтый цвет листа
На черных сучьях будто златом став
На каждой ветке повторившись дважды
Как украшенья жесткие. И каждый
Из листьев что слагал чертог златой
Был обведен столь явственной чертой
Что павшие - напомнили их тени
Прообраз меланхолии осенней
На незадолго убранной земле
В проекциях живых запечатлев
Отдельность их и цвет не изменяя.

Я только видел взор опять вздымая
Листвы чеканной неподвижный пар
Зубцами ограничив редкий шар
Обозначал собой сосуд с ветвями
Наполненный немногими листами
А клен как истлевающий фиал
По одному их медленно ронял
И долго символы передо мной парили
Прохладных дней предсонной эйфории.

И еще несколько текстов - грех не привести! - Анри Волохонского из "Нового журнала" Романа Гуля - и где только Анри не печатается, однако ж - не замечают, а если и замечают, то как первый текст "Лететю" - кретинским глумлением в "Новом Русском Слове", охотно печатаемым высокообразованным редактором Цвибаком, поднаторевшим в переписке рукописей Нобелевского лауреата Бунина, зелеными, полагаю, чернилами /коими предпочтительно Бунин писал/, а сейчас - вонючей типографской краской - на стихи конгениальные Хлебникову:

ЛЕТЕТЮ

А завтра я пока
На крылышках тю-тю
Ку-ку да под бока
По небу лететю

Не то чтобы туда
Но тут недалеко
Пока мое тогда
Поет твое легко

Покуда милый ах
Зачем его спроси
Зачем - не поняла
Не надо - не проси

Не надо - так пока
Я перышком тю-тю
Кукаре-рекука
По небу лететю

1975 /"Новый журнал", №122/

ГАЛИЛЕЯ

Алексею Хвостенко

Пою на флейте галилейской лютни
Про озеро похожее на скрипку
И в струнах голос друга или рыбы
Да озеро похожее на птицу

О, озеро похожее на цитру
Над небесами где летает небо
Там голубая рыба или птица
На берегах мой друг доныне не был

Поет ли ветер - это Галилея
Ты помнишь друга - это Галилея
Привет поющей рыбы - Галилея

На дудке филистимских фортепьяно
На бубне голубого барабана
Пою в огне органа Ханаана
Под пьяный гонг баяна Иордана

Молчи - то аллилуйя Галилеи
Ты слышишь - Галилеи аллилуйя
О лилии белее - Галилея
О пламени алее аллилуйя

О небо - галилейская кифара
О колокол воды как пламень звонкий
Поет мне рыба голубого дара
Да арфа птицы вторит в перьях тонких

О лилии белее - Галилея
Любви моей алее аллилуйя

/НЖ, №125/

ЕНТИНУ

Он был известен в избранном кругу
Где приобрел значительную ссуду
Он полагал что выдержит игру
На основаньи пылкой веры в чудо

И снисходя к наивности его
Предвидя брешь среди его понятий
К нему приставлен дивный педагог
Пригодный для сомнительных занятий

Его бы ждал блистательный прием
Он мог сидеть на самом лучшем ложе
Но он в игре остался при своем
Уразумев что ставил на свое же

/НЖ, №121/

ДЕЛЬФИН

Волна несет перед волной гряду
А между них подвижный влажный дух
То взмыв весь ввысь вдруг вниз в вод пенный прах
Он падает, то снова - вверх в ветрах
Но верно волны следуют за ним
Без меры воплощенные одним
Волнмноговолнократного его
Всевластья плеск - морское колдовство
Бог моря невелик тебе с небес
Насмешливое рыло, сизый бес
Итак нырни, чтоб с блеском вспять взметнуть
В соленый сок стяг тяжкий будто ртуть
И молоко морей груди нагой
Дави кривою мордой дорогой
Буди волну, будь верный дух волны
С волн ввергнув в них валун крутой спины
Хвост в белый след влагая свой трофей
Лети - высокой мании Орфей
Тирс тела всеволхвуя в пенный сот
В лицо воды желанное как мед
Навек в волнах - священная пчела
Пей океан недвижного чела.

Стихи
для Ксении

Издательство
"Вымысел"

Лирика Вертоградской

Письмо

Ася, дорогая, добрый день.
Кофе, окошко, паутинки вьются
Как на аркане, пауки пасутся
На небесах отбрасывая тень

Я устала. Вот бы отбросив кисть
Пошла на тракт с протянутой рукою –
Народы, отвыкая от разбоя
Дают ему того, кому не лень

Картина сельских нравов мне ценна
Опт вас бы пасмурно бы знать где квас
Вот все того душа моя и хочет
(О это И, скользящее как мыло)
Вопрос непрост, да и ответ непрост
Ася, дорогая, добрых ночи.

К выставке Аспекта Мурзиной

2.

Над горою за небоскрёбом
С протянутым вверх набалдашным
                    пером
Ожидаем прохлады.

3.

Букет отдарённой воды:
Два кадра, мыльный пузырь и
                    сухая ветка
В горшке с летучим драконом

4.

Алмазы — в пух! Буран заорет краб
И сев — занав перо из рыбки в птицы
Опять как попугай сведёт доклад
О свойствах обогащенной водицы

С Венерой спутав мыло — этот грех
Теперь и глазам поклёвывает ухо
А кем-то кто? — Мечтою кормит орех
И хватит с нас цусцены и цусцуха.

5.

Бессмертие жука

Любимый конь идёт на эшафот
Мой новый конь, кто жив — того на гриву
Секиры взвись парач заносит птаха
Она летит, сверкает и поёт.

Мне внятен звон железного пера
Мне даже виден ветер смерти жука
Мне сухо эхо пьяное от стука
Под тяжким сарабандом топора

Не так ли — но от мановений век
Исчезнет рук от бывшего волненья
Железный новый мир возникновенья
Живому вновь — и зрячему навек

Однако шар прекрасный голубой
Всегда пребудет как страшилищем тем
                                  пучеглазым
Распахивая окна перед гостем
Как нищим свой раздует золотой

Дельфин

Волна несёт перед волной волну
А между них взвивающий брюшной дух
Как вымах весь вдруг из воды
                  венчик прах
Он падает, то снова — вверх в ветрах
Но верно волны следуют за ним
Без меры возбуждённые живым
Взаимовозвышающего его
Всевластья плеск — дарёное подобострастью

Бог моря невелик тебе с небес
Насмешливое рыло — сизый бес,
Жадны в восторге с плеском всплыть
                  сверкнуть
В серёдний сок тяжкий сжато рвуть

И морока морей груди нагой
Увы кровью мертвой дорогой

Будь волну, будь верный дух волны
С волн свергнув в них валун крутой
                  спины
Хвост в бурый след влагая — свой трофей
Лети, высокой мании Орфей
Жаре тела всеблуждая в пенный сон
Влаги воды, жертвенное как змей
Навек в волнах — священная пчела
Ней океан неподвижного тепла.

Сонет 7.

Молчи, о эхо эго дара Ваш
Пой, иней мой меж лучшими дарами
Стой здато синец стада серой дамы
Той, что бежит скорее гем твердя.

Ваш Бог, что Жнец тот чей край
                  берегам
Вот также Вам верчу Ваш новый
                  камень
Как эхо тот что ныне перед Вами
Ответ его смог, но стон не отвергал.

Когда глагол — прозрачная вода
Невнятно что огонь бежит в надежды
Всегда жуткое цикл в камень льда —
Что ихор Пана — в радужные плечи
Смешно что пламя что-то дарит речи
Когда нам это ветер скажет: Да.

8.

Письмо

Вам, дорогая, розы и дороги
И грянутся с Ста Долгого

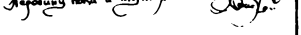
Дорогому Константину
Кузьминскому
с любовью.

Когда же закончатся Все в Этом
содержанное чудо Детства?

Стихи
для Жени

1. Письмо
2. * * *
3. * * *
4. * * *
5. Бессмертие Жоня
6. Дельфин
7. Сонет
8. Письмо

Восемь стихотворений

Отпечатано в Мичигане в 1978 году

тиражом сто книг

Анри Волохонский и прозаик Борис Вахтин в квартире Виньковецкого. Картина - Виньковецкого. Архив тоже.

А. Волохонский

АОристы ОБВЕТШАЛОГО

(сочинение о гармонии)

I ДВИЖЕНИЕ РЕЧИ.

Длинноносый племянник скрашивал одиночество дяди в сосне.

Сосна!

Дядя в сосне!

Близкой мне

Поведай наречье не цыганских стенаний слов!

Дай мне знать

Какого рода жизнь

Влачат люди сосны?

Расскажи

Что за сосна

Племянник в пластмассовом треухе!

Тот отвечал еще весь в иглах своей шелестящей ноздрей:

Сосной!

Сосной!

Сосной!

Не хочешь сказку
Достойную твоих ушей
Мы с осенью
Знаем не то — смысл
А не кто — конечно.

Ищи...
с тобою вместе вместе забудем ещё одно

Но хочешь сказку
Прекраснейшее сказки всех
Оно тебя не ищет не ждет

Как же ему он так сказать нужно
Если он тебя знать хочет он только одно должен

Внезапно в дверь вошла во мху зеленого одна
Заглянула со сквозняка прищурила глаза лесные
Под сенью они как с

и некоторое время не произносили ни слова.
Потом осень лишь тихо вновь кашлянула.

Ищи
— повторил Сеня человеку.
Ты ищешь знать
Кто она — Зимней?

Молчание снова опустилось ещё осеннее и мягкое
молчали часов — знаки усилия — вспыхивали
но они вместе ожидании друг с новой силой
заводили его сопротивление своё.

Осенняя Зимняя повернулись в воду
— вновь прислушались, обратив в воск

Вглядись на него
Вглядись на солнце

Я ищу сказку
и кашляю
Удивительный сверкающий свет
в очень тихое искусство серых

Но я ещё слышу и мою речь
И вновь слышу как в ней некоторая и небо и солнце
Мой голос сказал синеглазый сказку разные плавающая и сильно замерзал.

II Март Мать

Внезапная тень мягкая человек сказку неудивительно тень как научить красивую спасибо у женщин нового заглянул в небо осеннюю тишину мне тебе сказку женщин его неспокойно слушал косяки лужи.

Что же ты слышишь?

Ты я слышал
Но я ничего не услышал

Тогда зашли в небеса
Там красивую все солнце
Там не их цвет превратился на листья

Ты я знаю
Но я снега не вижу него
Кроме самого него
И того же самого солнца
Кроме того на что я смотрю
Даже свалился — и того я не видел
До него его дыра
В вечном исчезании него

Так что же ты не тем напрячь все-таки тишину?

И поэтому
Я его неправильно поняла;
Я ведь что хотела сказать, ясно знаю;
Чтоб ты мне теперь сказал?

Где существует Синий свет
Тоска сменяется
Мечтою — так?

Муза неправильно истолкованных снов
Что ночью уснёт начинает маячить
Тяжести условных малых веков
Вращаются в своих осях?

Поэтому все пишем
оно пишем поэт
чего-нибудь не сказало

И мы узнаем
его весь мир

Хотя никакую вместе не читали?

Почему-то и речи о них
Глазенки плетутся их не обнят...
Своим мне;
Почему они не умирают?

Избитые поэтом оживают опять!

Если роль заходит с головой
Сказал ещё неизвестный слов,
То, конечно, так-нибудь...

И узнает опять много сопоставлю
при этих словах,
но он начал в нас
и мудрость и сомкнись.

На этом смолк неламинтовый шёпот
Раковины Вселенной
Стихли его далекие мелодичные звуки
Уснулись Поэты Девушка
И в изумрудную воду нырнул зимородок.

1977 год.
Тверь.

Потапенко А. Павлик.

Дорогому Ж. Ж. Ж.

17. хи. 89

20/100 Лист 1

20/100 Лист 2

20/100 Лист 3

20/100 Лист 4

Гарпии

Одна из них совсем старуха
Другой – всего шестнадцать лет
Младая нежилась в листве
Комками девственного пуха
Но редким пухом у старой
Стояли перышки. Седая
Сидела рядом с молодой.
Младая мабла. Седая
Завидным тонким голоском
Вдруг загудел игривый ком:

Жидкий ворщ с коровы ищет
Трех мадаристых телят
В ноябре чего-то ищем
Что-то в мае потерял

Ты на старое колечко
Пенаводищ позолот
Только милый на крылечко
Всё равно не позовет

Так куда же нам по клюкву
Распуская руки птицей
Ведь на нашем поле брюква
На подсолнух кустится

И нашем поле даже овощ
Дозвещал и обрещал
Всё равно тебе не будет
Ни борща ни овощ

— Мне любо блеяные утят,
Съедая гроздь сырца рябин
Седая каркнул а шутя:

20/100 Лист 5

—У трёх девиц, у трёх рабынь
Украло чистое дитя
Его лукавый корнеплод
Вовлёк в игру мокрогод

—О рёп надмакистых тропы!
Она рекла в другом примере
—Густых заросли укропа
Надеж сокрыли раздверги
И если даже дольний Лондон
Определенно виден плохо
Туманно рис – к черту это отдам
Весь мир для супа из гороха!

—Какое мрачное пророчество!
Сказала дева подумысли
—Я узнаю моё отечество,
Страну без чести и без мыслей,
Но я не знала что и овощи
Себя ведут подобным образом
Необходимость значит есть
А если рядом тянет смрадом
Так надо значит перевесть.

Старушка перевела чуть повыше,
Стараясь растоваривать логично
Но обе стали слушать дичь —
Двойной была словам с ними гриб

20/100 Лист 6

Когда с морозу и с дождей
Грибы пропитый дрябаны чучел
А тут сырок ещё надвое
Давно примеров не научил
Не помог опыт по выживу
Пришел растерянно стать
Самонадеянному двуногу передать
А вдруг в хорошо, детонирует грибочек ...

И вот вы суп дубравы сей
Летали с разные цветочки,
И моя старая как Норвегия
И жизнь хлопала в ладоши
В гнилом и жёлем Запорожье.

Съедатель частый не бедова
Вы филосов единственный
Направо-дальный сосед
Один мыслитель дорожденный

Неприхотливый как солдат
Давил он мед в нечистых сотах
Бывало с темени до пят
Хранил измазан в печи сотах

Кормил он в город пчелегал
Кругом от вони дети мыли
А длинных улиц мадригал
Напоминал ему о мыле

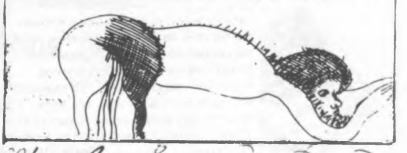
Высокий ум пренебрегал
Подобной жизни неудобством
Лишь туже шапку надевал
На головы стеклянный выступь

20/100 Лист 7

Кентавр

(басня)

Кентавр
Наевшись раз малины
По голову человечьей полодины
К берёзке стройной подошёл
И долго об неё тёрся
Чтобы согреться
И почесать
Свой вот уж обрость лоб
Как шкуркый бок
Тут из соседнего дупла ему ответил бог:
Что жизнь-то наша значит братец
Даром не проходит
И что сойдет : копыт-то с рук не сводит.

20/100 Лист 8

Минос

Минос! Минос! Ты жирен, жирен —
Зато жена твоя умна
Ты сел на трон как мерин мирен
Жена читает письмена

Она читает днём и ночью
При блеске дня при свете звёзд
Но птичий ум её порочный
Уже давно вспорхнул из гнёзд

Минос, ты слишком неподвижен
Ты важен словно ты кедар
Ты недостоин быть приближен
Ея прекрасного бедра

Она читает знаки чувств
На чешуе других ртов —
И вот уж лук цветами устлан
И вот уж бык из берегов

Ручья недавнего подъят
Она спешит к нему навстречу
И вот уже он объят
Свершает ласку человечью

Но как-то холодно Она
Встаёт с цветов поражена
А бык дрожит губою бледной
И требует коровы медной

20/100 Лист 9

Критские вымыслы

Дедал парил по небу
Икар сидел внизу
Дедал там прежде не был
Икар доил козу.

Дедал кричит: Скорее
А то я рассержусь
Снижусь по небу рею
Как я тебе нажусь!

Икар на четвереньках
Подняв вверх тузы
Помедливши маленько
Сказал из-под козы:

Он так сказал: Папаша
Ты ах как высоко
А дома стынет каша
И киснет молоко

Тебе-то хорошо там
Всю птицу общипав
Рулить своим полетом
Ни разу не упав

А дома — разоренье
Как дым летает пух
Плюёт как привиденье
Морщинистый петух

А вдали за околицей
Гусак идет нагой
То о лопух уколется
То топает ногой

Его гусыня голая
Бесчувственна как тварь
Гуляет развеселая
Красна как киноварь

20/100 Лист 10

А детям каково их
Сподвиг незрелых ок
Родителей о зоих
Вдруг видеть без порток

Всеобщее распутство
И шаткость в жизни сей
Вот под летать искусства
И в ка твоих затей

Дедал сказал сынишке:
Сыночек моя сынок
Душа моя сжимается
Совсем как пузырек

Чем больше я летаю
Тем больше я хочу —
Желание питаю
Плевать на эту чушь.

И так раздался уши
Повис вверху Дедал
Икар его послушал —
Ни слова не сказал

Ни слова — ни словечка
Козу свою доя
Под дырочку овечки
Усмешку затая.

20/100 Лист 11

Гей

Гей скончался по ошибке
Он безнадежно устарел
Его недавно съели рыбки
Которых он когда-то съел

Мурены спят в его скелете
Миноги водят хоровод
И кисти рук висят как плети
А кости ног — наоборот

Ужасна месть слепой природы
Какой-то осьминогий спрут
Уже разводит огороды
Там где сверкал зубов редут

Не их ограду выбил возраст
Этой скончался очень стар
Его пример внушает бодрость
Тому кто мыслить перестал

Но выпить над его поминки
Пришли друзья его седин!
Оплакать друга средь сардин
И утопить слезу в сардинке!

20/100 Лист 12

СОПЕРНИЦЫ

(Скилла и Дафна)

Сюжет практического чувства
До дна навески исчерпав
Она легла в сухое русло.
Как холодна ее рука
Высокий лик как камень гор
Рождает спутанье восторги
Слепой груди двойной бугор
Как будто ждет тревог иорсий
Лежит прекрасная она
Касаясь волн морских бедрами
Но внутренне она полна
Одними дрипльми волками
Бурлят суставы стан их
И все другом привлант в ужас
Когда похожие на вихрь
Внезапно выскочив наружу
Невольно тянутся к морям
На гибких выдающихся
И как на страницах фонарях
Глаза горят полузакрывшись
Двенадцать ок алеют в ней
На лепестках голов собачих
Цветочек ей то выдает вне
То снова внутрь вечник спрячет —
Символ губительной красоты
Взгляд голубой шестилизне чья
Неуловимый как мечты
И необъятный словно вечность.

Бежала Дафна — куст лавровый
Листву на юбке шевеля
И видит: грот стоит багровый
А рядом липкая земля
И зверь и тень и скат в индину
Тропою илистой скользит
В пещеру рот стоит разинут
А кости скользящего сразит

20/100 Лист 13

Скилла (2)

А далее — скулят и лают
Из результате всех страстей
Там домовые не просыхая
Висит на ниточках детей.
Тогда Каллипица спросила
Дрожа листвы своей платком:
— Какая сила побудила
Тебя вскормить в себе волков?
Зачем таких длинных клыки
Из вечной выкупались глотки?
Зачем заматы в кудели?
Собаки в образе (людей)?
Я только ветреница — прах
Лечу от юности трепична
А ты — в туманах и парах —
Зачем ты внутриность-хищна?
Зачем корнем морской травы
С медузы пяюсным дукетом
Дракон по имени Увы
Принес тебе запрошлым летом?
Зачем? Зачем? — глаголила ветвь
— И что за смысл в подобной власти?
А Скилла только улыбалась
Ей в ответ
И зубы скалила из пасти.

20/100 Лист 14

Феникс

Горит ли кость на пепелище
Или тлеет (вежее бревно
Или вообще огню нет пищи
Ей это право все равно

Она летит теперь наверно
Легит куда-нибудь туда
Где вешнее недостоверно
Как вле слышная дуда

Меж вечных лун рогами новых
Ей не узнать знакомых форм
Кружится воздух бестолковый
И комары уж ей не корм

Сменяют дни рассвет рассветом
И что ни день — другие щи
Сгорела птичка — больше нету
Теперь ищи ее свищи

20/100 Лист 15

Девятый Ренессанс
Стихи Анри Волохонского
Рисунки Александра Путова

Эта книга на шестнадцати листах
изготовлена ими собственноручно
путем гравления меди
и оттиснута в числе не более ста штук.

© 1977

20/100 Лист 16

РУЧНОЙ ЛЕВ

1.

Кормили зверя птицами и мясом,
Поили зверя пивом и вином,
А он - дичал и, молвить слогом ясным,
Так перст историьи почиет на нем.
Давали зверю кашу и малину
И пробовали рыбу и халву,
Валялся он, хвост за спину закинув,
И все дичал, как подобает льву,
И думали кругом: Что означает,
Что этот лев все время так дичает?
Кошмарным рыком оглашая ночь,
Ходил он вдоль и поперек по клетке,
Пугая мать, попугивая дочь
И в ужас приводя свекровь соседки,
И в обмороке бабушка - точь в точь
Равна предусмотрительной наседке,
Что закудахчет и куда-то прочь
Несется, чуть заслышит шелест ветки, -
Но бабушка уж бегать не могла
А - просто услыхала - и легла.

2.

Был случай тот предлогом длинной мысли:
С чего бы это зверю так дичать?
Всё думали: с чего бы? не от крыс ли?
Подумали и принялись молчать;
Молчали час, не менее, а может
И более, а то и два часа
Иль даже три, и зеброй день стреножен
Бродил как полосатая верста -
Все очень долго думали в молчаньи
Об этом непонятном одичаньи.
Предмет их медитации простой
Со временем, казалось, не менялся -
Куда как был искусник Лев Толстой,
И то бы к третьей строчке потерялся
Иль подпустил драгунов на постой,
Где я лишь львом, дичая, кувыркался -
В квартире кони, дедушка, постой!
Толстой! Стой! Граф, куда? - как ни брыкался,
Хулить его не след мне: у него
Ведь для сравненья не было его.

3.

Заносимся над прошлым через меру
Мы часто. Привожу простой пример.
Вот говорят: Владеть простым размером

Сто лет любой как может землемер,
Личиною коломенского метра
И валенок отстукает строку. -
Валяйте! Но из вашего же фетра
Вам куколка проквакает: Ку-ку!
И скоком в кокон к шелкопряду тщанья,
А там уж не стихи, а завещанье.
Смотри - вкруг двух драгун кавалергард
Зарылся в войлок, хоть и при параде,
Там гренадер под множеством гранат
Мчит к вечности в сверкающей Гренаде,
По гнездам пучась виноградом лат -
Пять кирасиров что сыры в засаде,
А вон - младой улан, десятым в ряд,
Упал ничком - его мы видим сзади,
Как - вновь багаж былого вороша -
Вся сцена - склеп, и пьеса хороша!

4.

Прощай война! Нет войска. Перебито.
Любовь сменила древнюю вражду.
Планета, поцелуями умыта,
Преследует насущную нужду:
Науки углубленные ученья,
Искусства, средства, левые права -
Европа вся плодами просвещенья
Увешана и, право же, права,
Когда в цветах как девушка с Таити
На травах празднует труды своих забытий.
Но память мне пока не изменит,
Я помню дни иные, дни былые -
Какие дни! Она о них звенит,
Ко мне поворотив одни тылы их,
А я на них гляжу и знаменит
Их отраженьем в серебре стихии -
Не думайте, что лев уже забыт
В тех дней полупритворной ностальгии -
Игры лишь для стою на голове.
Так вспомним о поэте - не о льве.

5.

Кто нынче помнит, кто есть Ф.....ский?
Мы, правда, слышим Ф.....скую,
Что простенькой строкой немного плоской
Кокетливо-венецианскую
Фигурную избу игрушечную лепит
Из муравьиных перышек газет
Она. - А он?! - Бросает память в трепет -
Он тоже выл, он тоже дул в кларнет
И даже, помнится, "витийствовал на грани"
Норд-осты выдувая с левой длани!

Ужель мой прежний друг уже меж баб?
Как лошадью жена в бреду горячки
У N. /у Z./ промерзла в баобаб
Его бездельем вынужденной спячки,
В то время как весь генеральный штаб
Спал на коленях у последней пачки -
Так я - сперва спросив: ужель меж баб?
Отвечу сам, швырнув строфу из тачки,
Набобу в ноги, чтоб трубил в кебаб, -
Он баба, а не просто "между баб"!

6.

Вот, вспомнил. Называется - приятель.
Приятно вспомнить. Лучше бы забыл.
Но не забыл. - Послушай, друг-читатель,
Он - мне, а не тебе - приятель был.
О строки рядом дроты претыкая,
Тогда Роальд невидимый сверкал
Он дал мне орифламму, утекая,
Он первым был и первым быть не стал...
Какие годы! Память к ним привыкла:
Девятый Ренессанс иль Век Перикла!
Евтерпой терпеливой напряжен
Орлом, певец в те дни нам не горланил,
Мы не водили падающих жен
Охотой на ежа в соседнем клане
И к пифии в Додоне петь в донжон
Силком на ясной отродясь поляне
Не бегали - чем кто и ублажен,
Так разве дымом дури или дряни, -
О где вы дни, премудрости верней? -
Ну, это, впрочем - "Дамы прежних дней".

7.

Да, кстати. Дамы. Притираясь к дошлым
Причудам турок, серый их сераль
Совсем поблек. Все минуло, все в прошлом -
Ну, так и быть, уж выпишу спираль:
"Снег Дании и иней в Египте
Белее ок татарских век бровей
И дивно уха вылепленный диптих
В чужие скулы смешанных кровей".
Я их любил - не то чтоб безответно,
Но по стиху и посуху - заметно.
Прошли дожди настали холода.
Из центра с юга катят эмиссары
Коротконоги как сковорода
Обутая в обрубок фрачной пары
Между сосцев имея SAMIZDAT
Дианы в передвижнеческих шалях
Вдруг все - Минервы, и с тех пор глядят

Как совы, стилизованные в Палех,
И скука, скука - хоть залей ульян...
О где моя старуха и улан?

8.

Лежат где положили, и не видно
В их обществе заметных перемен.
Знакомая картина: многим стыдно
И предложить так нечего взамен.
Улана ль в коммунальную квартиру
Нам сволочить за шпоры по весне?
Иль бабушку пришпорить к кирасиру? -
Но что там за забавы - в смертном сне?
Всё это, право, лишние заботы -
Хлопоты к перемене мест охоты.
Ведь личности, упавшие ничком,
Лишь призваны помочь нам в этом тексте
Забыть эон, где юным новичком
Порхал я малым юношей в претексте, -
Я терций поплавки ловил сачком,
Нырнуть с Пегасом в обращенной сексте
Еще не смел, а вынырнув сверчком,
Пел стрекозу в прозрачнейшем контексте -
Не так как тут - немея в львином рву.
- Что? Лев? - Ура! Скорей назад, ко льву!

9.

Они лежат. А лев, напротив, едет.
Не едет. Да. Нет. Едет, но везут.
Мазутом черной шпалой синей меди
Переливаясь рельсами за Прут.
Изгнанны оба в нравственной обиде
Кто - Цезарем, а кто, сказать - царем,
Здесь наш Арап мечтал, что он Овидий,
Но мой Бербер не думает о нём:
Он вовсе чужд поэзии Предпрутья,
Лишь в такт езде хвостом молотит прутья.
Мелькнули бессарабские холмы,
За ними трансильванские пригорки,
Где зрелые румынские умы
Французские плодят скороговорки,
Вон Венгрия, что мы в дымах чумы
Распотрошили как мешок махорки,
Вон Чехия - сквозь призрак Колымы -
Остеклянела от последней порки
И тупо варит ладный свой хрусталь,
Германии отхаркивая сталь.

10.

Гляжу ль на юг- паленые болгары,
Под полумесяц выкроив звезду,

Лежат как под монголами татары,
Целуя плеть, намордник и узду,
А к северу - о Посполитой Речи -
Пасть против пасти с Пруссией в зубах
Копают уголь доменные печи
В заброшенных картофельных садах -
И в серый край до запада заката -
Как кол над ними тень понтификата.
Стучат в ночи засовы и ключи.
Везут. Трясется клетка роковая.
Кружат дорог степные палачи -
Закатаны в колеса рукава их,
Чего-то стонет поперек свечи
Мне лира-балалайка роговая
Чужая - да Емелей на печи
Мчит перлы в жемчуга переливая
Крылатый лев в Кастальские ключи -
О муза, умоляю, помолчи!

11.

Молчанье то произвело движенье.
Безмолвных обывателей конклав
/Строфа вторая/ произнес тюленье
Решение: путь скатертью устлав,
Пусть катится с отечественной свалки
Через сугробы в полусферу - ту,
Где Волга - Рейн и где ундин русалки
День дуют щелочь, о ночь - кислоту.
Гремя железом как трехконный Габсбург
Въезжает лев в имперский город Страсбург.
Как мирен идиллический пейзаж!
Сколь девственно спокойствие в кварталах!
Здесь западного духа эрмитаж,
Здесь честь и совесть стран больших и малых
Нечаянно попали за корсаж
Их тертых представителей бывалых -
Вдруг слышат шум, и все бегут туда ж -
Что ж видят? - В шатунах, дымах и шпалах,
Сама собой - осям бы только тлеть -
К ним прямо на колесах катит клеть.

12.

Предвижу приближение пуриста:
Де "клеть" есть приложение к "избе",
И как ей стать кочевьем для туриста?
Иное - "клетка". Это "вещь в себе".
Но случай наш - пример экстраверсии:
Хоть диковаты странствия в клетях,
Пуристу делать нечего в России
Как, чисто, россиянину в нетях.
Затем, Пегас, не испаряясь в нети,

Пойдем, попутешествуем в подклети.
И завернув путем на сеновал,
В часы, когда... /Не встань ногой на вилы!
Ты вдруг поймешь,... /Не угоди в подвал!
Что всё вокруг... /Копыто отдавило! -
Вот, надо ж, - а недавно подковал.../
... Всего лишь только клеть Европы... /Милый,
Там, верно, едет кто-то? Угадал?/
... Или Европа - клеть от нашей виллы...
Стояли и на этом, и на том -
Пурист же пусть сидит за решетом.

13.

Дым улетел. Она остановилась.
Остыли шпалы. К прутьям льнет толпа,
И церемониймейстер "Ваша Милость,
Пожалуйте", выделывает па.
Он полноват, с улыбкою широкой
На сером незначительном лице,
В очках, однако взором недалекий
Читает надпись на другом конце:
"Стандартная. Размер 6 х 4.
Не хватит двери - прорубите шире."
Измерили и принялись рубить
Избранники Европы. Пахнет пылью.
Они прекрасны в искушеньи быть!
Как слаженны их общие усилья!
Долбят вот так, хоть всем бы так долбить,
Имея цель, коль таковые были,
Балдея в одолблении избыть,
И под конец избыли и забыли
И в Илион ушли на перекур,
Свернув труды тьмутороканьских кур.

14.

Минуй меня, о рок Лаокоона!
Рек морем Крита вон бредут ко мне
Два мерзких мозозавра, два питона,
Клубясь, как злые локоны в волне.
Они идут избыть мои кебабы,
И в трубы дури тел согнув кальян
Лохани злобы изрыгнуть - куда бы? -
Уж верно в обалделый мой ульян.
Все ближе, ближе слышен гомон брани:
Они идут на кур Тьмуторокани!
Так будь мне обороной, старина,
Степной байтур Олджас ибн Сулеймани!
Кыпчакский гений, что тебе война!
И со Всеславом ты ходил к Тамани.
От рвов Куры, где тюркская стена,
Мы их тесним! О, скверные критяне!

Кыш, мозозавры! Эй, держись меня!
Вяжи - того!... Повисли тороками...
Ишь, - критики... Придти в такую рань!
/Но есть - еще одна Тьмуторокань/.

15.

Там в стены кур неловкими руками
Сограждане слагали как стихи,
Там улицы мостили индюками,
А башнями там были петухи.
Скрипели ясным селезнем ворота,
Чижами оглашалась высота,
Сам лебедем пройдешь до поворота -
Навстречу гусь - такая красота.
А колокольней городского веча
Был Соловей-разбойник, мой предтеча.
А за рекою, матушка, - легка
Вся жизнь плескалась ласточкиным пухом,
Косым платочком в белые шелка
Как пеликаны сказочным старухам...
Давай, забудем про нее пока,
К иносказаньям приклонившись ухом,
Порою залетая в облака,
Где не слыхать о ней ни сном, ни духом,
Где память кружит уткою нырка -
Чтоб новой брани рати петь бока.

16.

- Пора свести проверенные счеты
Пора вернуть постылые дары,
Пора, пора! - Стоят четы-нечеты
Вдоль всех концов большой земной дыры.
Земли-воды как скифы прежде Ксерксу
Не поднесли в забитый колом чан,
Но, удалившись в степь навстречу персу
Послали крысу, жабу и колчан -
Так мы: вот лев - в своем размере крыса
Жаль жаб нет, пусть держава дротом лыса,
Зато мы ны и вы по роду гряд
Под грохот ны на вы горохом в ряд
Под корень вы - и, соловей, салат! -
Пора! - выходит просто газават.
И мы вот-вот - И срок коротковат
Предъявим вы ужасный ультимат-
ум, Да - придется вы солоноват-
о, Мы на вы хвоста узнать по пят-
кам, Вы держите льва, что крысой звать,
А жабой мы найдем кого назвать.

17.

/"Ахейцы взяли Трою!"/ Сцена в зале.

Кругом сидит Страсбургский Парламе́нт
/ - Сказал бы галл, а мы бы как сказали?
- Парла̀мент Стра̀сбургский/. Я вижу тот момент,
Когда открылось дело в парламе́нте
/Парла̀менте, - пиррихием? - изволь!/
Все было длинно в странном документе,
Когда ж азианическую соль
Известь лакедемонскими тростями,
Все коротко: "Что вы - со львом, мы - с вами".
Однако не лаконянин писал
Да и повествователь не спартанец -
Ему Дракон язык не окорнал,
О, Дионис, прости мне этот танец! -
Но я вдруг вижу ярко белый зал,
Застывших лиц неблагородный глянец,
Как председатель в бубен заиграл,
Едва явил /мимически/ посланец
Четыре такта в ритме топора
И к ним еще призыв: Пора! Пора!

18.

Пора, пора. Пегас, да ты рехнулся!
Куда понес Химеру приручать -
Лев как дракон вдоль прутьев извернулся,
Собрался в ком, попробовал рычать,
Затряс брадой, глазами глянул хмуро,
Подпрыгнул, заорал от ми до ре,
Зевнул, слегка оскалился и шкурой
Ондатр улегся в мускус к конуре.
И тут соображает все собранье:
"Его изгнанье нам сулит изгнанье".
О странный зверь, Пегас, скажи куда
Тебя завлек инстинкт продленья рода?
О одичалый мой, ужель всегда
Тебя манила суетная мода,
Иль сквозь прозрачный гребень "иногда"
Ты исподволь следил полет удода?
Но, вспыхнув, не спеши ответить "да" -
Химера как и ты седобородa,
Единорогом лев нисходит в тлен
И "плен его нам предвещает плен".

19.

Фи, мой Пегас, ты вовсе стал политик -
Портфель копыта - в ямах требухи
И пятистопный ямб как паралитик
Трясется зрелой фигой в лопухи
Между фигур зеленых виноградин
Да фиников лежалых к слову "рать":
"Кинокефал клянется безотраден
В тени родной ступни не загорать,

Не кутать кнехт телес в бом-брамсель уха
И не мигать корме глазами с брюха"!
Пародии! - а шкура-то бела,
Всё шуточки - а дело, где же дело?
Ну что, соловушка, - плохи дела,
Ты ей - хлеб-соль, а я, говорит, не ела,
Что было взять - с собою не взяла
/Не отттого ль ты, дура, похудела?/
Эк, удаль-невидаль, дуда ль тебе в удила?
Не из чужого ль ты, говорю, удела? -
Пойди, товарищ, посиди в хлеву,
А я тебя чуть скоро позову.

20.

Или еще. Гласила муза наша
/Припоминаем древнее с трудом/:
"Всем в доме занималася Параша" -
И вот, Параша заняла весь дом.
Какой Содом! Параша! Муза! Маша!
Какой позор! - Небось, пережуем -
"При ней варилась гречневая каша" -
Нет, манная! Пшено да клей со льдом!
И запустив в нее по горло руки,
Давайте сдохнем, искренне, со скуки!
Пора - кормить читателя, поить,
Доить, любить, дарить стихотворенья,
Присесть, в глаза взглянуть, поговорить -
У самых почв производить паренье,
Пора-пора, придется повторить, -
Варить-варить и кашу и варенье
И тыквы реп отпарить, а парить
Туда, где пухнут верные коренья, -
Который образ, верно, укорит
Того, чей Библ от рифм не угорит.

21.

Грифоны, змеи, львы, химеры, козы
Да ангелы в клейнодах на лугу,
"Пора-пора" да ратные угрозы -
Одну из них забыть я не могу:
"Мы в трое пим унтами сложим шляпу,
Из Ватикана в Сыктывкарский Плен
Ее свезем и навлечем на папу
И будет нам не папа, а Пимен, -
Засада впереди, осада с тыла,
Рим наш!" - Всё врут, не верь, держись, Войтыла! -
Воскликнул убеленный сединой
Один как перст большой избранник важный
И сам к трибуне двинулся стеной
И так провозгласил с нее отважный:
Я, право, сам не знаю что со мной!

Что означает этот бред протяжный?
Невеста ли прикинулась кумой,
В подарок свахе дом многоэтажный
Не завещал чтоб дядя предпочесть? -
Я говорю: чем жизнь, дороже честь!

22.

Гоните ж льва! - так продолжал оратор, -
Вон льва! А там пускай решит металл!
Вы видите, что сердцем консерватор,
Я вам сегодня просто радикал! -
И погасил из микрофона свечку.
И депутаты повскакали с мест,
И вмиг секретари заносят речь ту,
Строча бустрофедоном в палимпсест,
И снова лев рычит, и весь парламент
Кричит в восторге: Что за темперамент!
Уткнув лицо в бумажную листву,
Другой его сменяет: Сердцем правый,
Я лев по видовому существу -
Хоть и не прав был сеятель картавый,
Но - к жатве перейти по естеству, -
Так выйдет: не разините и рта вы,
Уж на траву придут косить ботву!
Я, право, не магистр Калатравы,
Но по "руну" о "льве" судить я смог:
Повесимте на клеть другой замок!...

23.

Слова исчезли. Их следы песцами
По белоснежной тундре понеслись,
Большие запятые месяцами
Украсили трусливой речи рысь,
Кружится зверь в неверном лунном блеске
Двусмысленном как зубы ворожбы,
А по кустам на пара тонкой леске
Лик в лаврах среди страха и вражды
Мелькает. Но как быть? С одной отвагой
Идти на битву с финскою бумагой?
Все кончено. Парламент тихо смолк.
Кружат орлы пчелами возле лилий.
Из безысходности выходит волк,
Здесь воплощаясь, в меру изобилий,
В большую стаю, в свору, в роту, в полк
/На миг мобилизован как Виргилий/
И угли глаз сверкают в желтый толк
На звездных шкурах серебристой пыли
И воет волк от страха осмелев:
Пусть лев решает пусть решает лев!

24.

- Да, мы не верим в силу гаруспиций,
Мы не гадаем по полету птиц,
Склоняясь как Лициний над лисицей
Лить молоко на мельницу ослиц.
Затем, что тощ и толст и с длинной шеей
Наш Рим - курятник, где священный галл
Порхал на стены, не щадя ушей их,
И где кудахтал, там и гоготал.
Но все же ради чувства формы, что ли, -
Не в масть медведю лезть на Капитолий.
Не верьте в птиц! Обманет их полет,
Обманет цапель, выпей, канареек
Воронам вещим лебедей балет
Блестит Психее, но ее не греет
Павлинам-королям фазан-валет
В лес по низу суком на ветке реет -
Не верьте им - и журавлям, чей лет
Пигмеям был знаменьем в эмпиреях,
Грачам на нивах, галкам по гумнам
Не верьте им, а верьте львам и нам!

25.

Вот, цепью грохоча, свинтив печатей
Свинцовый груз и в море утопив,
Под вспышки представителей печати
Плывет мой шлюп из гавани в пролив.
Не шелохнутся берега лагуны,
А на мысу меж тем взрывают форт -
Точить топор на колесе Фортуны,
Друзья мои, - вот благородный спорт!
Тот бомбу драит - этот мину удит,
Кого не будет - много не убудет.
Так что же будет? - Удерет иль нет?
А если - то куда? - Глядим на карту
Звенят ланиты, полон рот монет -
Цыганка пляшет комментарий к фарту,
Звенят ключи - останется иль нет?
И то вино, что мы разлили к старту,
Так, только зашипит? - Иль Континент
Зальет Свободой? - Тост подходит марту,
А завтра - Новый Год, святой Сильвестр -
Щеколда брякнула, читатель см. сл. стр.

26.

Клеть распахнулась. Шлюп встает на бочку,
И взорван форт, и журавлиный клин
Стремится в небо, заполняя строчку,
Подобно скалке, что катает блин.
Один лишь лев лежит - не шелохнется
И зал глядит в мгновения янтарь,
Чуть-чуть дыша, едва не задохнется -

Что выкинет загадочная тварь.
А он лежит, не входит, не выходит,
К нему идет сама Симона Вейль:
Животное, явите Вашу волю!
Вы видите, я кутаюсь в вуаль,
На Вас взирая с горечью и болью,
Сюда смотрите, зверь, пред Вами дверь,
Так предпочтите - волю иль неволю,
Но не лежите так как Вы теперь
Лежите, словно шкуру съело молью,
Вы великан, гигант и исполин -
Не в Вашем духе нюхать нафталин!

27.

Но тщетны эти жалкие уловки -
Лев до сих пор лежит как и лежал:
Сапожник-век стучит по заготовке,
А миг-то босиком и убежал.
Во всех концах стоят четы-нечеты,
Парламенты сидят, разинув рты,
Поэты шьют, строча из переплета
Взамен рубах на головы порты -
Таков их скепсис, мироощущенье,
Не требующее освященья
Традицией: кто первый, тот и прав
Гласить всю правду с терийокской дачи
Тот - сунул нос в штанину как в рукав
Тот - учит саксов речь с натуги плача
И дань слезниц с учительниц собрав,
В них тонет - браво, редкая удача -
Их чистоте завидовал бы краб,
Иль вот, совсем высокая задача:
Вбить русский стих в техасские зады
Из лбов преподавательской среды.

28.

Покуда взаперти дичать горазды,
Друзья мои, мы все - ручные львы,
И рыбий дух общественности праздной
Нам чертит невод в заводи главы.
Снаружи хвост, а естество в неволе,
Свободен зад, а все по грудь - в плену,
Казалось бы осел гуляет в поле,
Посмотришь - нет: лев пашет целину,
Как бегемот надут высокопарный
Откроет рот - услышишь слог тропарный.
Там бродят в путах сеятель и жнец
Кукует мукомол в печатный грохот
И пекаря большой мучной венец
Сидит на литераторе неплохо,
Всем чучелом в глубины как тунец

Нырнет поэт, не чуя в том подвоха,
Но ждет рыбарь, измученный вконец
К уде его маня с глубоким вздохом,
Чтоб оросив взаимный водоем,
Домой по хлябям шествовать вдвоем.

29.

Так диво ли, что вместо хлеба - студень
Для скучных мух печальный варит цех?
По клеточкам меж восковых посудин
Пчела-цикада дребезжит "за всех"
И в результате опытов Гальвани
К амфибии приделав провода,
Труп ямба оживает в кислой ванне -
Глядишь, - и лапка дрыгнет иногда:
Тритоны аплодируют в ладоши,
А саламандры ползают в рогоже.
Я полагаю, это - бред и чушь
И ложь и блажь - сплошное заблужденье
Пока еще бумагу терпит тушь
Давайте, справим слову день рожденья -
И звездный блик сверкнет из черных луж
Чернильных рос в черничных насажденьях,
И нимб поэта, в царственный картуш
Очерчен, явит светоч наслажденья
Всему тому, на чем я тут стою -
И громко память вечную пою.

30.

Я славлю мир с его ручными львами
Прекрасный мир - аквариум химер
Пусть карлы букв, качая колпаками
В последний раз чредою громких мер
Прошествуют по метрам стоп туфлями
Слагая стих, как я бы не сумел -
Пылай мой мир высокими углами
Над бабкой, что коптит последний мел
На пенсии - а где и быть-то старой?
- А что - улан? - Улан пошел в гусары.
Итак, я восхваляю праздный мир
И зверя с флагом впереди парада,
Стоит у Фермопил его кумир -
Там нашим другом хвалится Эллада,
Простимся ж ныне с чемпионом игр,
Которым все, надеюсь, были рады, -
И где Нева, как в Ниневии Тигр,
Над водами ночного Петрограда
Струится, - пусть висит его портрет
Петлею губ на ямба парапет.

Тивериада 1979

АНРИ О РОАЛЬДЕ

/о Роальде Мандельштаме/

В узкой высокой комнате на диване - вдоль от окна был Роальд Мандельштам, когда меня к нему привели. Он еле двигался - астма и костный туберкулез с детства его совсем извели. Также нищета: от еврейской общины получал он, как говорили, 200 старых рублей в месяц, а больше ниоткуда ничего не получал. Высох совершенно, два огромных глаза, тонкие руки с большими ладонями, от холода укрыт черным пальто, а вокруг пара книг и много листочков с зачеркнутыми стихами, потом опять переписанными. Несколько стихотворений он прочитал мне вслух, три листка подарил.

Это было в конце 1959 /?/ года, а зимою следующего он умер. За гробом шли двое - мне фотографию показывали: сани и двое следом. Еще говорили, что кто-то из родни, кому достались его бумаги - дядя, что ли - все сжег из осторожности. Но стихи не исчезли.

/А. Волохонский/

Поэт о поэте. А что еще сказать можно? Но точно: и описание комнаты /я видел и у Шемякина пару старых фото/, и описание внешности /я видел по фотографиям и рассказам/, и описание текстов. Фотографию похорон я тоже видел, у покойного Саши Арефьева - выцветшая 9x12, с расстояния метров в 10 - лошадь с санями и гробом и двое людей в валенках. Снимал сам Арефьев, любительски. И дядя был: дяде достался предназначавшийся мне экземпляр полного Алика, собранного мною, сестрою и матерью. Виноват - я: в конце работы над собранием, сверкой и пр. я запил /февраль-март 73-го/, у Ленки /сестры/ был всегда казенный спиртик, я злоупотребил слишком частыми посещениями и исчез. Полгода ждал, что позовут сами, потом обиделся. Месяцев через 12 послал ученичка, Сашу Исачева - дали мне 5-й экземпляр, 3-й пошел дяде. Дядя, чиновник, действительно, очень беспокоился, куда пойдут стихи, 1-й экземпляр я переправил в Париж Шемякину, рукописи остались у матери и сестры. Сестра пропала в Вене, по слухам выйдя замуж за югослава. О пенсии, датах и болезнях - см. у меня в 1-м томе.

А поэт был. И, упустив его в 60-м /по глупости, в 20 лет/, я собрал его в 73-м. И поэт пошел. Сережа Рейман /он же Алена, Тятенька и Крыса/ носился с его стихами по городу, поэт Петр Брандт в Крыму читал на память Гене Гуму мандельштамовское: "Женщина, прочь от меня! / Раб не умеет любить." Только - какого Мандельштама? Гум утверждает, что Алика. Или это цитируется Роальдом из Осипа?

Прошло 20 лет. Тексты, пройдя через сотни рук, сохранились. Тайну фотографии похорон Арефьев унес с собой, отснятый мной фасад дома где умер Алик - тоже куда-то пропал, остались стихи и 10 строчек поэта о поэте.

Рукописи, действительно, не горят. Горят сами поэты.

А я занимаюсь уже 70-ми.

Дом на Канонерке, где умер Роальд Мандельштам /верхнее окно над парадной/. Внизу - афиша с Пушкиным.
Фото К.Кузьминского и Г. Приходько, 1974.

Александр Исачев. Иллюстрации к стихотворению Роальда Мандельштама "Алый трамвай". 1974, карандаш.

О ПОНИЗОВСКОМ

/штрихи/

Артем Весёлый в своей гениальной эпопее "Ермак" просто процитировал три летописи: Строгановскую, Ремизовскую и еще какую-то, после чего представил длинный список оружий, одежд и кушаний: пусть благосклонный читатель кормит, одевает и вооружает своих героев по своему усмотрению.

Что приходится, как пост-конструктивисту, делать и мне. И еще более придется это делать моему читателю, для чего в 5-м томе будет помещен удобный индекс.

Что делать с этой тысячью штрихов, из которых не составишь и одного мало-мальски приличного портрета. То ли дело - штрихи о Есенине: там задул лампадку, там в чужой цилиндр наблевал. Зная загодя и досконально, по несчетному количеству книг, характер, тексты и поступки Есенина, нетрудно прибавить и еще один-два, подправить, осовременить - и новая книга о великом поэте готова. Как же быть с невеликими? С теми, о ком и книг-то нет?

Чудаков, Красовицкий, Понизовский, Сережа Вольф, Роальд Мандельштам...

Хорошо другу моему, Дичку Сильвестру, шустрить за Ходасевича: письма Берберовой, мемуары Одоевцевой, а вот о Бродском - еще и мемуаров нет.

Ну что же, пойдем по кусочкам.

А читателю, буде любо - и он соберет. Как у Весёлого.

Пишет Анри Волохонский /из письма, как всегда, без даты, но ноябрь 1980/:

"Понизовский предлагал театр, в котором зрители висели бы в центре шара в одном кресле, а сцена летала бы /по/ периферии и многое в том же роде. Также темную трубу чтобы лезть туда голым с разной фактурой стен: шероховатой, скользкой, гибкой, теплой, мокрой, липкой, гранёной - как на ярмарке за плату, разумеется. Говорят, он открыл театр в Кургане и ездит туда каждый год. Понизовского свергли Ентин и Алёша Сорокин. Ему вручили фирман с надписью "На Валаам!", а потом ходили с песнопением под окнами и тем же криком по телефону. Всё из-за неудачных женитьб.

Аранзона /почему-то и Анри неправильно пишет его фамилию АрОнзон - ККК/ будущие ахматули держали в черном теле и он сбежал к нам. У него болела нога. Мы с ним были хороши, но он женился и стал сидеть в кресле. Это было интимно, но он не привык к теплу. Врут что самоубийство: жене и друзьям так интереснее. Я убежден, что это несчастный случай: потянул на себя ружьишко, опёртое о пень дулом себе в бок, а курок и спустился. Иначе не попасть в селезёнку: нужно быть сумасшедшим, чтобы дробью самоубиваться в бок, а он не был. К Иосифу он, я думаю, относился примерно как Дима Бобышев.

Бокштейн, когда мы встретились - 7 лет назад - мне за полсутки рта раскрыть не дал. Сам словил кайф, а меня привел в утомление. Нас затащили в какой-то дом с претензиями, вечером чаю не дали и всё как-то в профиль. Впрочем, он не вредный.

Конечно, все познакомились через Понизовского: даже с Красовицким. Видели в Эхе?

Распускает хвост летя эха длинный минус.

Целую Ваш Анри"

И постскриптум на конверте:

"Костя! Я же в 1964-65 году был почти без перерывов в Мурманске. Потом было три зимы более или менее в городе, но уже весной - на озёрах. Потом 1969 - весь год в Псковской области, а там уж 70-71 годы почти все время в разъездах. Я помню только эпизоды да чужие рассказы - после 1963."

И это ведь не 1920-е, о которых пишут все, кому не лень. Но многое ли - выжмешь и из своего современника? Один друг, вместо своей автобиографии, присылает мне 5 стр. о своем знакомстве с Пастернаком /Олежка, прости! - ККК/, а о себе - где-то полстранички, так может, действительно, мы не заслуживаем внимания? Может, наше время не то, не освященное златым ореолом серебряного века, или какого там? Отсюда сюда же и относится следующий текст Анри Волохонского, на обороте которого написано вышецитированное письмо:

МЕМУАРИСТКАМ

/Здесь слева приписано от руки - ККК. См. ниже./

Спириты спирт в ладонях жгут
Кругом летают духи
Девицы заживо живут
Поэты мрут как мухи

Но память девы - ясный день
Нудит из пыльных окон
Поэта трепетную тень
Скакать из гроба в кокон:

Ивинская:

" - К нам из пижамы Пастернак
Сырым в озноб подвалом
Хотел в осенний лес, чудак,
Тереться снегом талым.

На зависть музою сверчку
Оправив лиру в тело
Я зажигать брала свечу
Чтоб лампа не коптела."

Роскина:
/из "Время и Мы"/

" - А Заболоцкий вечно пьян
Но с дерзостью индейской
Нырял в дырявый сарафан
Мне - деве иудейской

И там чинил такой погром
Колени рук ломая -
Хочу с трудом забыть потом
О том припоминая."

Эль-Банин:
/из "Время и Мы"/

" - А Бунин, Бунин-то каков!
Как будто ель из бани,
Свеженек, в семьдесят годков
Мочился за грибами!

Не заржавел его шампур!
За шашлыком в бешмете
Скакал несвежий каламбур
На бешеной котлете."

Шаховская:

" - А на меня в упор смотреть
Не смог Набоков гадкий! -

Пошел на выбор помереть
Холодною повадкой."

.....

Спириты спирт в ладонях жгут
Психеям преисподним
Девицы заживо живут
Поэтам душ в исподнем

И бледный девичий муар
Их лик растертый в профиль
То влепит с тыла в мемуар
То с носу мнет в картофель.

Затем живым - урок судьбы:
Кто нежен спозаранок
Под вечер падать по грибы, -
Не тронься о поганок!

/Надо понимать, свежее,
"не позже осени 1980-го",
говоря словами мемуаристок. - ККК/

И мемуаристов. Я тут их начитался до блевотины, за последние 5 лет. То литературный распорядитель Есенина пишет, то секретарь /а на хуя козе - баян, поэту - секретарь?/ Бунина, Бахрахи и Германовы, Филипповы /и увы, если б булочники!/ и Елисеевы /но тоже, увы - полковники/, но что бабы - так это точно. Интересно, что напишут обо мне мои бабы? А ведь их было, и пишущих.

О нас же не напишет никто. Не товар пока. Не подтухли. Поэтому приходится писать мне, цитируя от случая к случаю того и этого.

Почему это, кстати, литературо- и искусствоведение занимаются всегда делами зело минувшего, и чем дальше - тем лучше? А чем дальше, особенно вглубь веков - тем безопасней: и конкурентов нет, и по морде какой-нибудь Навуходоносор, вроде меня, не врежет.

Меня же интересуют живые. А по морде - я и сам могу.

/Штамп таможни: 23 JUIN 1975/

О песнях А.Волохонского и А.Хвостенко

Вот несколько песен двух поэтов - Анри Волохонского и Алексея Хвостенко. Хотя оба поэта - авторы многих сборников стихов, поэм и пьес, эти имена пока сравнительно мало известны современной читающей публике на Западе. Большая часть написанного ими еще не была напечатана. Тем не менее многое из их поэтического творчества известно ценителям поэзии и на Западе, и в России. Волею судьбы особенно широкую огласку получили их песни.

Большинство песен было придумано А.Волохонским и А.Хвостенко вместе, а исполняются они А.Хвостенко, редко разлучающимся со своей гитарой. Они совсем не похожи на песни большинства современных советских шансонье, ибо совершенно лишены вульгарной злободневности и париотического сентиментализма. Написанные во многих случаях на мелодии старой классической музыки, они пленяют своей легкостью, светлой печалью, нежной красотой, безошибочным поэтическим слухом.

Замечательно, что популярность этих песен основана не только и не столько на известности в окололитературных кругах. Это, скорее, известность народная. Не раз бывало, что в каком-либо из московских или ленинградских домов или загородом, на какой-нибудь даче, в саду, вдруг, после исполнения "Рая" или "Колоколов" наступившую тишину нарушал вопрос: "Скажите пожалуйста, а эта песня - ваша?", и в ответ на внешне безразличное: "моя" звучало восхищенное: "Вот как! А мы все ее давно знаем и любим, и поем". Известна также и история о том, как придуманные А.Волохонским и А.Хвостенко во время поездки на север России песенки и частушки потом подобрала и записала тартусская этнографическая экспедиция, приняв их за народное творчество.

Само творческое содружество А.Волохонского и А.Хвостенко - явление исключительное в современной русской поэзии. Созданные ими вместе стихи и песни рождают ощущение исключительной поэтической легкости и естественности, которое возникает благодаря редкостному единству двух поэтических душ, радующихся своей близости и достигающих гармонии в совместном творческом упоении. В соприкосновении двух изящных талантов, в блеске поэтической игры, из совместного наслаждения "святой пустотой" и многоликостью каждого слова и нежнейшей мелодией словосочетаний рождаются поэтические искры, исполненные неповторимого очарования. Сквозящие в них высокая простота и кристальная ясность классической русской поэзии соединяются с пронзительным чувством слова и такой остротой поэтического зрения, которое одновременно не только слышит и видит...

Надоело. Надоело перепечатывать эти слюни и бред, под которыми стоит подпись "Х.М.". Полагаю, это Ася Муратова, а не Ха.Эм. Спупендайк и не Ха.Эм. Мак-Суини О'Генри. Так писать можно о Дунаевском и Блантере. Помнится, Фогельсон в Союзе писателей, с улыбкой педераста, подпрыгивая на вертящемся стуле, исполнял песню "для женского голоса". И оркестра. Примерно такое ощущение вызвала у меня эта статья. Я даже задумался /под влиянием проф. Карлинского/, а уж не жили ли Хвост с Анри? Такое можно печатать в Союзе и незачем это тащить через таможню. Я честно, и благородно, взялся перепечатывать эту /слово неприличное, зачеркнуто/, потому что, вычитая полстранички послесловия к песням Хвоста и Анри друга их, Лени Ентина, в "Эхе" /№4, 1979, Париж/ - это единственное, что написано.

Одним словом, как сказал поэт: "Сольемся в экстазе на унитазе".

Читать, впрочем, это невозможно.

А потому - буду говорить сам:

должен отметить, всё врут календари. а литературоведы тем паче. слышал я эти песни в исполнении хвоста, и анри, и при разных обстоятельствах, и признаюсь, не то я вынес оттеда, не так я воспринимаю анри и хвостика, не по душе мне эти предисловия. сидели мы у ведьмы кари унксовой, пьяное алейников меня туда приволок, значит, это было в лето отъ рождества Христова 1970 какое-то, поскольку лето было питейное, всего не упомнишь, занесло нас на лесной по этому же делу, а там уже сидел анри. хвоста не упомню, скорее, его не было, но ведь кто-то же пел, провожали кого-то, полагаю, что в салехард, там к тому времени был уже стоянович с украденными у меня шемякинскими штанами и эрлевским томиком хвоста, который - томик - потом к хвосту и вернулся, но был потом кем-то снова украден, сидели мы в первом этаже, в полуподвале, вдоль задней стены шел коридор, и там был телефон - а был ли хвостенко я не знаю, но было пение. пелось: на суд, на суд полковники идут, пелся потоп и мы с анри говорили о каббалистике. потом анри звонил домой и извинялся перед женой что сразу не может приехать, я пожалел его: он такой маленький, а жены у него всегда такие большие и всегда много детей. хвоста я точно видел, в том ли году, или в следующем, но опять благодаря алейникову - а видел ли я его в первый раз - вот в чем вопрос, но во второй видел точно, потому что был день рождения моей пятой жены, а стало быть, 17 августа. или 16, я точно никогда не помню, в какое-то из этих чисел у меня дочь родилась, что тоже было в августе. но так ли важны даты? ведь это же не биография есенина. дата была знаменательная, и все пели. на сей раз пели: вот летит аэроплан, он несет кашгарский план, аната, аната, до чего ж ты хороша! анаши, естественно, тоже немножко было, но поскольку был алейников, всё забивал алкоголь. кто-то пел на кухне, а кто-то в комнате, и на весь коммунальный двор по красной 18, а по бульвару 15 - неслся мощный многоголосый рёв: анаша, анаша, до чего ж ты хороша! песня, полагаю, народная, но хвост ее развил и продлил. когда получу текст, опубликую. что пелось еще, спрашивать надо не у меня. да и хвост вряд ли помнит. алейников уже уютно спал в чьей-то груди. кто был еще - не помню.

Итак, песни Хвостенко-Волохонского. Отличаются они от песен бардов, ашугов, рапсодов и менструэлей, прежде всего, культурой. Культурой слова и культурой музыки. В феврале 73 года художник А.Б.Иванов положил на барочные мотивы написанную мною при нем /и с ним/ книгу "Гратис". Тексты, написанные слэнгом и корявым языком итээров прелагались на хоральные мелодии. Требовалась лютня. Цитру мы нашли у художника-ювелира Калягина /который хотел бежать в Швецию, замаскировавшись под льдину во время ледохода на Неве, каковым планом поделился с Шемякиным, откуда и сведения/. Но цитра была нам без надобности. Устроилось Гелием Донским публичное чтение моей "Вавилонской башни" с музыкальными интермедиями А.Б.Иванова в научной лаборатории, но в последний момент выступление запретили, и оно было перенесено ко мне домой. С дюжины итээров содрали 20 рублей и немедленно кто-то был отряжен за коньяком. Коньяк итээрам не предлагался, пили исполнители, между ними стоял плакат вечера, выполненный Ивановым. Плакат, полагаю, у Нусберга. Чтение "Башни" на 8-ми языках перебивалось интермедиями из "Гратиса". Итээрия сидела молча, не понимая ни слова. Расходились оболваненные, с чувством, что их жестоко оскорбили, только как - непонятно. То же воздействие на советскую публику производят и песни Хвостенко-Волохонского. Баховские хоралы, "Орландины" Шамиссо перебивающиеся "Хочу лежать с любимой рядом, / Смотреть в глаза ей нежным взглядом, / Хочу лежать с любимой рядом, / А на работу не хочу. / Пускай работает рабочий, / И нерабочий, если хочет, / Пускай работает, кто хочет, / А я работать не хочу. / Хочу лежать с любимой рядом..." - и т.д. Это последнее так оболванивает советского слушателя, что он безропотно проглатывает и имя Господне и Баха, и даже не замечает, что это он проглотил. Вот это и есть Хвост-Волохонский. Ежовые рукавицы эстетического абсурда. А не акмеизм Кушнера.

ТЕКСТЫ ПЕСЕН ВОЛОХОНСКОГО И ХВОСТЕНКО

ФАРАОН

Право, какой упрямый,
Прямо назад, на трон.
Сел он на зверь багряный
И говорит нам: "Вон!" -
Наш фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

Экая, право, жаба,
Боже, какой урод.
Рака с ногами краба,
Рыба наоборот.
Наш фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

Там пирамид кузнечик -
Сущая саранча
Скачет ему навстречу,
Вечно к нему торча.
О фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

Где твои песьи мухи,
Падаль дымит в ладонь.
Жабы слепые глухи,
Тут по пятам-там - вонь.
О фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

В Красного моря реку
Клубом из-за угла,
Падая, "ку-ку-реку"
Дула из дула мгла.
О фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

Лже все твои пророки,
Тварь твоего рогат.
Брюху, как руки в боки,
Тысячи киловатт.
О фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

Есть у него могила -
Пара ступенек вверх.
Варит подруга мыло,
Пара полно на всех.
О фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

Хвост, отдавай комету,
Бубен - последний звон.
Был он, его и нету.
Бедный наш фараон.
О фараон.
Фа-фа-фа-фараон.

ПРОЩАНИЕ СО СТЕПЬЮ

посв. Л.Н.Гумилеву

Степь, ты полустепь, полупустыня
Все в тебе смешались времена
Слава нам твоя явленна ныне
А вдали Великая стена-стена

Поднимает ветер тучи пыли
Огибает солнца медный круг
Где же вы, кто жили, что тут были
Где же вы, куда, куда исчезли вдруг?

Где телеги ваши и подпруги
Недоуздки, седла, стремена
Удила и дуги, дуги, дуги
Где колена, орды, роды, племена?

Были вы велики непомерно
Угрожали всем, кому могли
Много-многолюдны беспримерно
На просто-то-торах высохшей земли

Что же вы, ужели на задворки
Толпы, куры-куры-куры-кан
Туру-туру турки, тюрки, торки
Кераит-найман-меркит-уйгурский хан?

Где татаб-ойротские улусы
Где бурят-тангутская сися
Ого-го-го-гузы, гузы, гузы
Где-те-тетеперь вас много лет спустя?

Вы же жу-жу-жу в Жуань-Жуане
Вы же ни-ни-ни-ни-никогда
Вы же, знаменитые жужжане
Что же вы, уже-ужели навсегда?

Как же вы лишь Гогам, лишь Магогам
Завещали ваш прекрасный край
Что же вы, раз так жужжите с Богом
Ты струна моя, одна теперь играй

Степь ты, полустепь, полупустыня

Все в тебе смешались времена
Слава нам твоя явленна ныне
А вдали стена, великая стена

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Я молод был, имел дуду
Трубил ее, как мог
Тебя же, милая, да-да
Я отыскать нигде не мог
В тот день весенний
Пасмурный день

Я пел как ворох пастуха
Удой махал коня
Тебя же, милая, ха-ха
Не дула прелесть на меня
В тот день весенний
Пасмурный день

Я падал, сидя на суку
Сгубил о пень осла
Тебя же, милая, ку-ку
Лишь страсть к ослушнику спасла
В тот день весенний
Пасмурный день

Я шел с поклажей налегке
Куя в ноге верблюд
Тебя же, милая, хе-хе
Доныне куры не клюют
И в день весенний
Пасмурный день

Да-да, да-да совсем ха-ха
Ку-ку вполне ни-ни
Тебя же, милая моя
Увы, не надо тра-ля-ля
Увы, увы мне
В пасмурный день

РОМАНС ДЛЯ К.М.

Лететь иль плыть к тебе рекою иль по суше,
Нестись или скакать, но в терем твой войти.
Всегда к тебе одной стремятся наши души,
Всегда в тебе одной тебя хотят найти.

Всегда иль никогда - иное побужденье.
Невозвратимый плод запретного плода.
Опять нам дарит друг сердечное движенье,

Желанное ему - чтоб "нет" ответить "да".

Как радостно к тебе ногами двигать руки,
У ваших шалашей расставить свой вигвам.
Не надо нам колес, чтоб ездить друг на друге.
Стремленье наше к вам всегда понятно вам.

СТРАШНЫЙ СУД

Нам архангелы пропели
Нас давно на небе ждут
Ровно через две недели
Начинаем Страшный суд
  На суд, на суд
  Архангелы зовут
  На суд, на суд
  Нас ангелы зовут
  На суд, на суд
  На самый Страшный суд
  На самый Страшный суд

Две недели пролетели
Наступил последний день
Снова ангелы пропели
Было небо - стала темь
  На суд, на суд
  Нас ангелы зовут
  На суд, на суд
  Архангелы зовут
  На суд, на суд
  Торопится народ
  А мы наоборот

Михаил гремит тромбоном
Гавриил трубит трубой
Рафаил за саксофоном
Уриил дудит в гобой
  На суд, на суд
  Картавые идут
  На суд, на суд
  Плюгавые идут
  На суд, на суд
  Слюнявые идут
  Сопливые бегут

Ну-ка грянь жезлом железным
Да по глиняным по лбам
По красивым, по облезлым
По поваленным гробам
  На суд, на суд
  Покойники идут
  На суд, на суд

Полковники идут
За ними под-
Полковники идут
Хреновину несут

В Вавилоне треснет башня
Небеса стоят вверх дном
Все дрожат, а нам не страшно
Пусть смолой горит Содом
А нас, а нас
Давно на небе ждут
Пускай еще
Немного подождут
Пускай сперва
Гоморру подожгут
А нам протянут жгут

Мы невинные младенцы
Двенадцать тысяч дюжин душ
Чистой истины владельцы -
Мы всю жизнь мололи чушь
А нас, а нас
Не тронут в этот час
А нас, а нас
Сперва посадят в таз
Потом слегка
Водою обольют
Вот весь наш Страшный суд.

СВИДАНИЕ

В полночь я вышел на прогулку,
Шел в темноте по переулку,
Вдруг вижу - дева в закоулке стоит в слезах.
Где, - говорю, - тебя я видел?
Кто, мне скажи, тебя обидел, забыл тебя?
Ты - Орландина, ты - судьба моя,
Признайся мне, ведь я узнал тебя.
Да, это я.

Да, мое имя Орландина, ты не ошибся, Орландина,
Знай, Орландина, Орландина зовут меня.
Где-то, сказал, меня ты видел,
Знаешь, что сам меня обидел - забыл меня.
Но для тебя забуду слезы я,
Пойду с тобой, коль позовешь меня,
Буду твоя.

Ах, как хочу тебя обнять я,
Поцеловать рукав от платья,
Ну так приди ж в мои объятья... И в этот миг
Шерстью покрылся лоб девичий,

Красен стал глаз, а голос птичий, и волчий лик...
Меня чудовище схватило
И сладострастно испустило
Мерзостный крик.

Видишь ли, я не Орландина,
Да, я уже не Орландина,
Знай, я вообще не Орландина,
Я - Люцифер.
Видишь, теперь в моих ты лапах,
Слышишь ужасный серы запах
И гул огня!
Так завопил он и возил свой зуб,
В мой бедный лоб свой древний медный зуб,
Сам сатана, сам сатана.

ИГРА НА ФЛЕЙТЕ

Хочу лежать с любимой рядом
Хочу лежать с любимой рядом
Хочу лежать с любимой рядом
А расставаться не хочу

Моя любимая прелестна
Моя любимая чудесна
Моя любимая небесна
С ней расставаться не хочу

Хочу любить-трубить на флейте
На деревянной тонкой флейте
На самой новой новой флейте
А на работу не хочу

Пускай работает рабочий
Иль не рабочий если хочет
Пускай работает кто хочет
А я работать не хочу

Хочу лежать с любимой рядом
Всегда вдвоем с любимой рядом
И день и ночь с любимой рядом
А на войну я не пойду

Пускай воюют пацифисты
Пускай стреляют в них буддисты
Пускай считают каждый выстрел
А мне на это наплевать

Пойду лежать на барабане
На барабане или в бане
Пойду прилягу на Татьяне
Пойду на флейте завывать

Хочу лежать с любимой рядом
Хочу сидеть с любимой рядом
Хочу стоять с любимой рядом
А с нелюбимой не хочу

ПРОСЛАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ГРАЖДАНИНА ОЛЕГА СОХАНЕВИЧА И ЕГО ДОБЛЕСТНОГО ПОБЕГА С БОРТА Т/Х "РОССИЯ", А ТАКЖЕ О ТОМ, КАК ОН ПОПАЛ В ПЛЕН К ТУРКАМ И БЫЛ ИМИ ОТПУЩЕН

В море Черном плывет "Россия"
Вдоль советских берегов,
Волны катятся большие
Вдоль стальных ее бортов.
А с советских полей
Дует гиперборей,
Поднимая чудовищный понт,
Соханевич встает,
В руки лодку берет,
И рискует он жизнью своей.

Как библейский пророк Иона,
Под корабль нырнул Олег,
Соханевич таким порядком
Начал доблестный свой побег.
Девять дней и ночей
Был он вовсе ничей,
А кругом никаких стукачей,
На соленой воде,
Ограничен в еде,
Словно грешник на Страшном суде.

На турецкий выходит берег
Соханевич молодой,
Турки вовсе ему не верят,
Окружая его толпой.
И хватают его,
И пытают его -
Говори, говорят: Отчего?
Ты не баш ли бузук,
Ты нам враг или друг,
И откуда свалился ты вдруг?

Плыл-приплыл я сюда по водам,
Как персидская княжна,
От турецкого народа
Лишь свобода мне нужна.
Я с неволи бежал,
Я свободы желал,
Я приплыл по поверхности вод,

Я не баш не бузук,
Я не враг и не друг
И прошу не чинить мне невзгод.

Турки лодку проверяли,
Удивлялися веслам
И героя соблазняли,
Чтоб увлечь его в ислам.
Если ты, говорят,
Десять суток подряд
Мог не есть и не пить, и не спать,
То тебе Магомет
Через тысячу лет
Даст такое, что лучше не взять.

Не тревожьте, турки, лодки,
Не дивитеся веслам,
Лучше вместе выпьем водки -
Лишь свобода наш ислам.
В нашей жизни одно
Лишь свободы вино,
И одно лишь оно мне мило,
Мне свобода мила,
Вот такие дела,
И прошу не неволить меня.

Возле статуи Свободы
Ныне здравствует Олег.
Просвещенные народы
Мы друзья ему навек.
Лишь такими, как он,
От начала времен
Восхищается наша земля.
Он прославил себя
И тебя, и меня,
Смело прыгнув за борт корабля.

БАСНИ

Из цикла: "Народы и ремёсла".

3. Русский и Интеллигент

Серьезным и культурным человеком
Когда вдвоем - быть надобно б узбекам,
Вот расскажу намеднишний случа̀й:
Интеллигент и Русский пили чай.
Все выпили. Весь чай. С последней чашки
Друг другу отдали, лобзаючись, рубашки.
. . .
Коль рыло спит на самом алтарю
Так дух уже взыскует к чифирю
Иль грезит о другом каком безвредном пьянстве.
Так - на Руси, иначе - в мусульманстве.

4. Ученый и Монгол

Ученый муж, Монгол, жене своей, Монголу,
Ученой как и он, во сне уж мнился голым
И так он ей во сне многоглаголал:
По нашим временам довольно редкий вид!
Ученая жена его, забывши стыд,
Кричит: Монгол! Монгол! Уж мне довольно! -
И вот уж вновь лежит - во сне довольна.
Доволен был от радости и он.
Да в руку, только в руку вышел сон:
Ушел Монгол своей супруге в руку,
Сказав: Жена, спасибо за Науку!

Из цикла "Темпераменты"

9. Грымза

Хотела Грымза надкусить арбуз -
Сюрприз! Сюрприз! А вышел-то - конфуз.

10. Проблядь

У Пробляди бюстгальтер кто-то спер.
А дело было в многолюдном пляже,
Она же - не заметила пропажи.
. . .
Кто на язык остер - тот скор на кражи.

11. Педераст

Зашедши в гастроном проезжий Педераст
Попробовал купить у булочницы лакомств.
. . .
Читатель!
Проезжая через Омск,
В дороге избегай сомнительных знакомств
А то тебя еще поставят раком-с.

Фото В.Нафзигина. Париж, 1979.

27 апреля 77 г. Вена

Привет, Анри, я в Вене две недели!
Спроси: "Ужель ты там? И неужели
Ты две недели мне не написал?"
Да это так - я втуне пропадал
Недели две в Унгарии восточной
И по Дунаю плыл рекой проточной.

Привет, Анри, с альпийского пригорка
Смотрел я вид последнего задворка
Походов тюркских. Что за благодать
Лес венский возвышался в каждой ели
И пеньем птиц в нем дупла все скрипели.

Да, они трещали, а я, от оглушительного своего пере-
мещенья
Утратил нежную способность воплощенья
в слова любви к тебе.
Семь пар ночей и дней
Молчанием был скован твой Эней.

Но вот теперь я говорить обучен
Имперский Рим стоит как редкий случай
Желаньем плыть к тебе
Привет, Анри! Салют!
О сколько там я был
А ныне всё же тут!

А.Х.

АЛЕШЕ ИЗ АРАВЫ /февраль 79 г./

Алешенька, я странствую вне дома
Где - спросишь ты. - Изволь, - южней Содома -
Географически - стоит моя нога
Обута кожей в форму сапога
Февраль, жара - вообрази такое
И общество - увы как сплошь мужское.

Передо мной в пустынной Араве
Деревья чахлые стоят на голове
Еще зима и прозябают травы
Кой-где сквозь камешки просовывая главы
Уже весна - и свадьбы у жуков
Под колкой тенью мертвых трав пуков
Парит орел и бродит антилопа
Верблюду вслед, дырою телескопа.

Ночные зрелища иной наводят сон:
Я созерцаю звездный Авиньон
Где полная луна как пленный Папа
И сфинксу - Льву Сатурн как третья лапа,
Юпитер с Диоскуровой ладьи /и т.д./

А.В.

Мимо летнего солнца за пазухой спрятанный глянец
Он заплатами крепкого тела смущая детей наготу
И забившись в солому дудел свой предутренний танец
Как нехитрый полёт рыболова на вертком плоту

Эти новости пар за окраиной летнего дыма
Эти новости пар узнаю по закрытым глазам
Ваших дрязг голоса и торжественно гул и значимо
Так на старые раны в тряпице приносят бальзам

Так поверьте я счастлив звучанием вашего дола
Как на стуле сижу опрокинув глаза за рекой
Паровозная доля за дальней стеной частокола
Паровозная совесть приносит успех и покой

Так поверьте я счастлив куражась в бегах торопливо
Мне приносит прощанье настой сентября над Невой
Мне приносят в бокалах печальное сладкое пиво
И на память зрачки застилают густой пеленой

ленинград
лето 62

в.стеблин-каменскому
а.стеблиной-каменской

иванушка, зачем забыли вы
с агашкой навещать хвостов москвы.

ведь в питере не выпадет тебе
съесть пудинг, приготовленный в москве.

поверь дружок, что жив приятель твой
не откажись поужинать москвой.

хотя б на завтрак загляни в москву,
я жив еще, хоть ем одну траву.

а ты, агашка, кто тебе внушил,
что здесь тобой никто не дорожил.

зачем, скажи мне, я рыдал весь день,
сквозь сон увидев дорогую тень,

мелькнувшую, когда? в моем лому?
чем досадил я взору твоему,

что этот твой единственный визит
и до сих пор хвостами не забыт.

за целой чередой других явлений друга?
или отныне нам ты не подруга?

Великий писатель последнего десятилетия
Сэнди Конрад мужественно охранял храм.
Мы в это время находились уже далеко
и жили слухами.
Ничего утишительного.
Смурь. Тоскливая игра
в шахматы. Мы сами
беседовали и говорили
с другими. Петя продолжал нелепое путешествие с вороной.

/Воспроизводится с машинописи
Эрля. Книгоиздательство "Польза".
Сэнди Конрад - псевдоним Александра
Кондратова. См. 1-й том и предисловие
Л.Лившица "Тулупы мы". - ККК/

Ване Стеблин-Каменскому

ПЕЙЗАЖ

И вот опять повыпал снег,
Упал и на перила лёг,
Заснул, лежит, как госпитальный флаг,
Небрежно брошенный на пол.
Костяк природы пасмурен и гол:
Петровский остров вдалеке,
Пейзаж японский на реке
И сигарета в кулаке...
Мы по мосту идем и утро
К нам возвращается обратно,
И город мёртвый, словно карта,
Из полыньи имперской курит.

16, февраль, 65

Р.Пуришинской

Прекрасная юная дева
Поклонник твой жалок и нищ
Ему ли желать королеву
Шатаясь направо налево
На досках просмоленных днищ

Отчизна ему напевала
О прелестях простеньких дев
О подвигах лесоповала
О вкусной ухе из нарвала
О страстном величьи дерев

Но он то есть я непреклонен
Он ждет тебя в свете другом
В прекрасном целительном лоне
Природы на северном склоне
России И вот уж бегом

Спешу я к тебе на свиданье
О Боже вот счастье мое
Всей жизни моей оправданье
Отчизне моей в наказанье
Улыбка и слово твое

Л.Аронзону

Я уезжаю вашими трудами
И мне хулить напрасно паровозик
Что бегает над зимними садами
Уныние по городу развозит

Кустарщина введенная затея
Мне промыслов осталось не до песен
Попрежнему упрямо зеленея
На фикусах полдюжины ремесел

Куда вы разбредаетесь колёса
Вожжами ваше тело перевито
До первого удобного откоса

Мне до улыбок ласковая свита
Да до разгула летнего покоса
Всё водами весенними залито

Л.Ентину

Совсем я не похож на лошадь,
припоминая форму чемодана,
напоминая ближнему корзину,
пропитанную запахом бензину.

Я не похож на чемодан без марки,
как не похож на чемодан без крышки,
домов обрушенные крышки
напоминают формы мышки.
"Мои вспотевшие подмышки
протяжный издавали звук".
Я чей-то был непризнанный и неизвестный внук.

Я не похож на виадук,
когда качают воду женщины,
и надо мной качался сук,
который нравился повешенным,
который нравился обиженным,
который нравился униженным.

И ниже не похож я вместе,
в своей одежде и штанах,
на тот изюм, который тесту
придаст знакомый запах кекса.
который нравится невесте
во время свадебного шествия
и небольшого происшествия
по поводу раздела пенсии
между двоюродными сёстрами.

Оставим прежние отверстия,
забудем вырытые скважины...
прости меня, мой огородник, -
я не похож на бутерброт без сыра,
меня преследует пожарник,
когда он поливает дыры
из брезентового шланга.
Пожарников забавная шеренга
несут свой шланг подобно штанге,
огнетушителя ириску
поставив на свободном фланге.
И не похоже, что без ренты
переживу пожара я начало.
Пожарники несут стаканы
и пьют бензин заправленный касторкой,
придвинув крышку от кастрюльки.

Я точно не похож на булку
и на свободную катушку,
которую используют как втулку,
когда отказывают пушки.

Я здесь, повиснув, полечу над чашкой
в соседстве с опрокинутой букашкой.

4 апрель, 64

из сборника "в е р п ы"

дурное дерево

1. существует единственное место, куда приходят всегда, чтобы видеть, исследовать и молиться.

2. каждый, кто приходит сюда, каждый приходящий сюда, видит это одинокое дерево, это дурное дерево, плоское дерево.

3. оно является частью пейзажа, оно и есть пейзаж, единная часть пейзажа на плоском небосводе.

4. все сучья и вся кора одинокого дерева знают свою принадлежность пейзажу, месту, которому поклоняются, месту, на которое приходят умирать и молиться.

5. каждый су, каждый суксамоубийцы, живущего среди нас, превращается в руку со стертыми пальцами, трогает дно небосвода, стеклянное дно небосвода колодца-пейзажа.

6. временно всё изменяется, длительность каждой картины видна изнутри этих пальцев, и каждого пальца движенье /крик пустого растенья/ подобно внезапному окрику, крику пустому.

7. каждый проникший сюда исследует этот пейзаж своих мыслей о дереве, исследует их всевозможные качества, начинку; и контуры мыслей его встают перед ним несомненно в виде растенья иль дерева.

8. так, здесь вознамерившись, в этом пейзаже, у этого дерева, видит слова свои, мысли он в странном сплетеньи корней, уходящих под землю, к самому дну небосвода.

9. все качества дерева, каждая мысль и каждая подлая мысль о зле именуемом "качество" здесь собираются вместе, чтоб видеть свое отражение в качестве зла и насилия.

10. все птиц голоса и животных, все шорохи листьев, песка, муравьев и людей принимающих образ растения, огромного дерева чрево в себя поместило.

11. каждый, кто мог бы гордиться размером своим, отделенным от плоской картины, от плоского вида пейзажа, здесь превращается в тело текучее, тело смолы древесины и /всего?/, чем питаются корни.

12. каждый, отведавший вкус превращенья отдельной секунды пространства в единую плоскость пейзажа, дальше уж подло приплясывая, кружится в такт откровению вкруг или около дерева.

13. это тюрьма, - говорит он, - по вкусу мне, этой тюрьмы, - говорит он, - по вкусу мне тело и место. здесь создается в едином мгновеньи всё то, чем питало нас время, нас отделяя от общего дерева-тела колодца-пейзажа.

14. страх, страх подвигает нас быть в этом месте, единственном месте, страх превращается в благо, единственном месте, где узника благо становится выше всего.

15. да, - говорим мы, - то страх это страх, это ужас пустынного зрелища нас привлекает в тюрьму, в ту древесную плоть бытия, где свершается высшее благо познания.

16. существует единственный раз та блаженная данность картины, совершенная благость пейзажа, где слова превращаются в часть наших мыслей о дереве, в самое дерево.

17. трудно! о, трудно бежать искушения этой мучительной прочности, этой священной тюрьмы, возведенной мудрейшими нашими.

18. твари все падают ниц, преклоняясь в коленях своих, наклоняясь в суставах своих, умножая ползучую фауну радости видеть исследовать и молиться.

19. хор голосов оголтелых, мощный хор голосов, исходящий из глоток луженых славят предмет свой - картину с единственным деревом, деревом дивного умысла, трупа живого.

20. здесь хоронить мертвецов своих близких, покойников, братьев каждый считает за дело семейное, право семейное, право любви и достатка.

21. вот посмотрите, - кричит он, - смотрите! в любви моей вы не найдете блуда ни капли. похоть и семя свое возложил на алтарь я растенья, дерева лучшего. в нем да продлится весь род мой, семья моя, совесть живая.

22. да, посмотрите, - вопит он, - смотрите! я от избытков своих хороню престарелого брата-сестру свою, имя которой "неверие".
я от достоинств своих провожаю отца своего недостойного в путь его легкий, в дорогу порока и праздности.

23. так приходящий сюда восторгается верой своей, умиляясь от мыслей своих о проделанном трудном пути.

24. о, как был долог мой путь. - тщится мыслию он, - долог и тяжек.
но претерпел я недаром. вот наконец всей души своей деревом я обладаю.
вот, наконец, всей души моей дерево знает причастность пейзажу, месту, которому поклоняются, на которое приходят умирать и молиться.

25. так говорит он. так говорим мы, так намеренно трудимся. так на могиле-пейзаже нам тело растения чудится храм сотворившее в чреве своем, сохранившее плод свой внутри нас.

26. говорим, говорим, говорим... это плод, это камень! не живой, а подобье живого, не живой, а подобие мертвого, мертвого, мертвого идола-дерева с нашим "живым" в середине.

27. пресловутое дерево, имя рек - дерево, дерево дерева, детское дерево, дерево жизни, пейзажа, колодца, небесного олова, дерево веры, учения, святости, дерево флоры.

28. вот и его атрибуты: вот корни - приличная прочность, ветви - последняя видимость, ствол - непроглядная тьма, или свет, или, лучше сказать вся вселенная нашей тюрьмы.

29. что же спешить нам туда, где внутри и снаружи пейзажа устроена точная копия всех наших слов о приличии, о приличии дерева, его совершенствах и свойствах? что же? - спешить? - обнадежившись мыслью, что смерть лишь бежит нас, а растения труп и плоды его собирать это дело проворства?

30. посмотри на себя - что ты есть! часть ли коры, древесины иль трепета листьев? будешь доволен ли тем урожаем, что сеешь в себе?

31. ну и довольно об этом. картина меняется. крик или всплеск, эхо блуждает в горах или волны зерцало воды искривляют - это теперь нам не важно. мы теперь видим другое. аминь.

/1965 - 1974/

ленинград - москва

СТИХИ ДЛЯ ПСИХОАНАЛИТИКА
О РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

но увидев тело музыки
вы не заплакали навзрыд,
или прохожий говорит:
скорбь вас не охватила?
да, музыки волшебное светило,
погасшее, имело жалкий вид.
ночь царственная начиналась...
мы плакали навек.

а.введенский

река-река плывет и спереди
видна трава, видны мосты
и громкий сон трамвая-верди
с утра заползшего в кусты.

и всякий беглый итальянец,
на немца холку вздернув шляпу,
выводит блеск и плеск на танец
то, что сверкал в бетховен-папу.

но что же? русский был лукав
забыт иль берегом нагружен?
нет, - мандолинную рукаву
певец зовет к себе на ужин.

поет он ей: "прощай, прощай,
о ты, как месяц над пригорком!"
и мышку вынув из плаща,
пускает в темную каморку.

какое дикое гуденье
услышит выходец из русских,
трамбона тренье и скрипенье
в кривых руках на запад узких.

нет, не гармония, река -
но ряд струи твой лезет в будку!
когда встаешь на каблуках,
заметишь тонущую шутку.

спасать ее? вот это дело!
а дирижер? - он будет дуться!
имея в пальцах складок тело,
он мог бы к нам и повернуться.

чтоб оглянуться и заметить:
вот мы! - несем реку в портфеле!
и певчих птиц придав планете
звезду колеблем еле-еле.

гляди на это представленье,
о дирижер, фанатик, скряга!
как мы ручьем теряя пенье
поем без устали "варяга".

но, но, река! потише! ваши
уж слишком хлопаются уши,
и гендель-бах стоит на страже,
отважно мусоргским укушен.

и преднамеренно повешен,
стремясь в сибирскую келейку,
из срубов маленьких скворешен
пускает в воду канарейку.

а мы уж видим речки спинку,
картечью встретив иностранцев,
и напугав морскую свинку,
пришельцев складываем в ранцы.

СВЕЧА

/К.М./

О свет песка ее
Чей пламень трут и камень
Огонь воды ее
Преобразится в пламень

О свет воды любя
Тьма стен ее стенает
И лишь ее любя
Ствол пламени пылает

В объятьях сов уснул
В поверхность воска шорох
Подсвечник снов уснул
Облокотясь на порох

О свет песка ее!

/ноябрь 1974/

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЛОДЕ ГРАНАТА

/К.М./

Как бы начертан тонко плод
Мы видели вдвоем
В нем целый день хранился мед
Перед ночным дождем

В нем целый век варился сок
Чтоб отойти ко сну
Он был начертан как цветок
В персидскую весну

И средь невидимых светил
Струящимся огнем
К нему наш взор прикован был
Чтоб стать его вином

/ноябрь 1974/

ВЕРШИНА РЕКИ

моему драгоценному пр. Ентину

о Ентино
ты где упало
где твоя потерянная рука
или ты оставил ее там
когда я последний раз проходил мимо
когда я последний раз проходил
меня очень удивило
что ее не было

следующая глава начнется
с повторенья предыдущей
и займет места
немного не больше
притока Волги
или ее Дуная -
мамочка может плакать
о своем дитятке
оставленном в камышах
или
в камышах дитяти
рыдать на удивление всего рыболовецкого общества
это всё зря
я могу поручиться
за пустячную затею с государственным рублём
могу ни за что не ручаться
могу не ручаться
Ентина вышла на удивление
приблизительность которой он съедает котлету
вызывает приступы необъяснимого
необходимого веселья у них
вызывает у них икоту и рвоту
а скорее всего
ничего не вызывает у них

эта следующая глава
была последующей главой предыдущей

ЭЛИКА БОГДАНОВА ЕРС /НЕ/

ремонт оконных рам
и всё строительство соборов века
работа грузчика
или портного нитки
что придают известный блеск строенью
/не/
правильность углов
неровность пола
и суток вечные приметы
/для вечера чудесное соседство/
овечье стадо месячных ночей
/не/
листья и тряпьё
и чертежи побега
прощальный жест еще
/не/
сделан
и не весь
/не/
сбыт
и /не/
просрочен
/не/
кроме торжества
торжественно ничто
ничто торжественно несёт
себя
и шествие стекла
как продолженье шествия стекла
как изученье шествия себя
/не/
шагом и бегом
ползком
на корточках
впотьмах
/не/кома каратин
/не/
запах изолятора и бабы
не жеребячий пах
и не кобылий дых
и /не/ прилив
перегородит авва
/не/
весть перегородит сух
что лестницы синоптик хрупкий
лапки
его сжимают кожу деревяшки
и храмика подножие
в ногах

ОТ ЮРЫ ГАЛЕЦКОГО И /!/

куда
и чемодан
ремней поклажа - чудеса лингвиста
что существо - роман
и висельника свиста
чего вокруг
пустынного холста
листа
вокруг
еще ландшафт румына
выпи
паровоза
еще могилы
стулья и столы
всё это верх чего? -
/!/
низ частного
верх местного
граница медного
свинцового кумыса
/!/
я видел как лиса
я видел как ее расцветка
и вот в уме уже готово место
или осталось часть
пустующего места
чтоб разглядеть следы
оставленные вместо
следов
оставленные вместе
и с тем
куда ведут следы.
/!/
работа версия -
кадило производства
игры скандальная испания -
/ползучая вокруг тюрьма/ -
игра в отбросы
социального сырья
игра
в ответы
северного быта
игра с рукой
в термитнике
в окружности окрестности
игра с рукой
по заключенной местности
/!/
вот вещи

вот предметики
их часть предметов
важная персона
в руках сверкает важная персона
и влажная поверхность вещи
бумажная ее конечность
конечность всех ее углов
законченность ее отсутствия
видна повсюду
протяженность флоры
и вытянутость фауны видна
/!/
событие
как жест
событие
как жесть
как груз
событие поклажи
событие имеет тяжесть
разность
сумму
корень
степень
событие имеет деток
девочек
- /событие трубя/! -
повсюду есть
событие себя
/!/

ВЕЧЕРНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИ РАЗГЛЯДЫВАНИИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ЧАЙНИКА

"странник, знаешь ли любовь?"
/а.грибоедов/

в каком предмете пустотелом
таят невежливые вздохи
счастливцы, знающие ухом
всю прелесть слабостей порочных
в каналах мысли водосточных?
ПРОВЕРИТЬ ЭТОЙ ТАЙНЫ ПРОЧНОСТЬ
посыпать эту тайну дустом,
раскрыть влеченье парашютом
с очаровательною грустью
нам редко в голову приходит...
а, между тем, на пароходе,
когда мы покидаем сушу,
сомненье прячется нам в душу,
и червь, как сердцевину груши,
себе в обязанность положит
грызть наших доков перепонки...
ах, наши дёсны слишком тонки,
чтоб запросто вместить обычай,
любезный волосатым предкам -
красть со столов господ объедки
и наливаться кровью бычей;
нам наливаться соком вешним
в пределах полинялой клетки.
да, - прочь из клетки!
знаешь, странник,
о пользе выигранной битвы
мы узнаем под взмахом бритвы,
подчас не узнаём солдат,
в ручье же видим водопад,
хоть он поверхностно недвижим
и силой буйною обижен.
нам падать на штыки позора
приятнее, чем спать во ржи,
хоть часть она того узора,
в котором облако кружит.
ах, странник, странник!
что за притча -
твоя посудина из жести
глухие подает надежды,
тревожные приносит вести.

Шабашная песнь
ведьмы

Гутц!
Алегремос!
Астарот,Бегемот!
Аксафат,Сабатан!
Тенемос!
Гутц!
Маяла,на,да,кагала!
Сагана!
Веда,шуга,на,да,ла,шуга!
Сагана!
Гулла,гуала,на,да,лаффа!
Сагана!
Шиха,эфан,рова!
Чух,чух!
Крыда,эхан,сцоха!
Чух,чух,чух!
Гутц!

Кубуту!
Абту!
Ков!
Чух,чух!
Тубцы!
Ка!
Убту,убту!

ПРИЛИЧИЯ РАДИ

м.в.ломоносову

"правда, приятно согласие музыкальное,
приятны и колеры, но их приятность весьма
разная"
"к чему кто склонен, тому то больше и
приятно. не всем одна забава угодна."
/из речи академика и.вейтбрехта
о клавесине для зрения/

мы в колбочках теперь
летим в стекляшках
бусинах
летим теперь
и вежливо киваем встречным:
"с добрым утром
"здравствуйте
"когда
"мы снова встретимся
"на этом промежутке
"когда мы вновь
"в той паузе столкнемся лбами."

/ах что за удовольствие
лететь на чистой ноте
иль плыть покачиваясь
на второй линейке
упрятавшись в бадью диеза/

и каждый раз
суворова встречая
снимаем с головы ультрамарин
а колер полководца подбоченясь
нам тоже весело
кричит "ура" с монблана

вот всем на удовольствие
война
за право
наслаждаться трением
соприкасаясь с хрупкостью стекла
и щуриться
на яркие дощечки.

/к теме любви/

в трубе застряло облако. топор
забыв свой давний спор с инаковерцем,
скрипел по каменному дну землепроходца,
как тот комар, что с незапамятных времен
свалился с берега на тощий ил болот
и там искал свой молот.
нам был виден
и край растенья стиснутого морем
со всех сторон и оборот коня,
влекомого охотником в сугроб,
затем охотник с головой коня,
/он рыщет по лесу с огнем в руке и дудкой/
свистело небо в дырки барсуков,
катился шар жука по наковальне...
и мы нашли ее. она со всех сторон
была занятнее и веселей чем глобус.
любовь светилась, точно кактус,
когда в нем ищут блох индейцы,
она нам предлагала экскурс
по отпечаткам своих пальцев.
любовь висела на пружинах
кустов и медленной поляны,
текла в ручьях, скользила под обрыв,
и там замешкавшись, стонала
под тяжестью паров весенних и ночных.
любовь происходила, как нарыв
и этот воздуха порыв
с ней заодно кипел и удалялся,
и где-то в чаще повторялся
в сплетении корней.
пеньков замшелых груды
валялись под деревьями
печальным памятником прежних увлечений.
они напоминали баснописцев -
посланцев в мир глаголов и шнурков,
/им не хватало башмаков,
чтоб быть изящнее и несколько повыше./
да их соломенные крыши
прогнили и светились,
когда в них, пробужденные, смотрелись
лягушки, бабочки, козявки, мотыльки
и пехотинца гвозди, вбитые в сапог...
любовь происходила как поток.
и мы неслись на щепке без подков,
без всех узлов и медных побрякушек,
без фитилей, нарядов и подушек
под душным сводом лопухов.
и мир куском ольхи повис над горизонтом,
когда все стихло.
облако вспорхнуло
на край трубы и там повисло бантом
в пазах кирпичной кладки домны,
и только в раме бронзовой качался франтом,
повязанный шарфом евгений томный.

март 65

ВЕРПА /ПОРТРЕТЫ ДРУЗЕЙ/

а.сорокину

мишени это: петербургская сторона
васильевский остров
коломна
аптекарский остров
охта
выборгская сторона
голодай
новая голландия
франция
италия
фармакология
вологда
одним словом
российская /империя/

1

далеко виден петровского острова серый
скелет /автономная кочка/
так невзначай его выдумал японский
живописец или мыслитель
так мы сами рисуем его в зарослях
тигра или с камышами в руках
так он питается влагой маркизовой лужи
и напичканный важной историей исчезает
в европе

2

вот человек
не умеющий собственно слово "дышать"
вывести за руку
из ряда других
ничего не значащих слов
вот человек
/в шляпе
или с исакием на плечах/
бросает вышеупомянутую историю
на игорный стол
и рассуждая о невозможности проигрыша
уже целую вечность ставит на зеро
/нуль/

3

в родительском доме происходят странные
вещи / /!
отвечая на .....
и поглаживая европу по головке он прошел
вдоль зимней канавки к неве
где-то в складках его одежды затерялись
нидерланды

/а что собственно?/
в португалии - салазар или я
и
/был там столетием раньше/

4

сразу за охтой начинается провинция
бабы и мужики полощутся в лужах
громко хихикая и брызгаясь грязью
далее следует тщательно охраняемая
помещичья усадьба
с портретами бывших вологодских
предводителей дворянства
/в подвалах/
церковь в которой на пасху
/да и все остальные погоды/
слышен стук друг о друга латунных шаров
и далее -
в самом низу -
за границей:
подпись моя -
/а.хвостенко/

5

сундуки
саквояжи
портпледы
коробки
чемоданы
все сдается в багаж
/с условием непременной отдачи их
по концу путешествия/
но на глазах у меня совершается чудо
некий / один / чемоданчик
путешествует тут же
/рядом со всеми туристами/
один
без "хозяина"

6

а иначе
мишени - это лишения
/постоянные пропажи когда-то
значительных слов/
записанных раньше
условий и правил игры.

/ККК: Сорокин, Алексей Георгиевич - эстет, бродячая душа Петербурга,
друг Роальда Мандельштама и живописца Арефьева, о нем - особо./

БАЛЛАДА О ПРИМИРЕНИИ ДВУХ ГЕНИАЛЬНЫХ МОСКОВСКИХ ПОЭТОВ САПГИРА И ХОЛИНА

побил сапгира холин,
а холина сапгир,
сапгир был долго болен,
а холин съел клистир.

пришел к сапгиру холин -
послушай, друг сапгир,
пойдем-ка лучше к оле
и вставим ей клистир.

дай мне английской соли,
а я тебе дам мазь,
воскреснешь ты от боли,
над полом закружась.

а я благополучно
очистив свой живот,
не буду больше вспучен,
а ты наоборот.

немного поразмыслив,
сказал ему сапгир -
в твоих речах нет смысла,
но прав, как сапгир. /?/

как я почти ты волен
молоть любую чушь,
я не хочу быть болен,
но выпить я хочу.

давай скорей лекарство,
бери скорей мое,
и мы устроим царство
от царства своего.

пойдем, конечно, к даме,
и будем пить вино,
и эту даму сами
мы выпьем заодно.

так холин примирился
с сапгиром наконец,
он с лавром распростился,
сапгир же снял венец.

/май 67/

О ВОЛНЕНИИ ОТ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕННОГО ПОСЕЩЕНИЕМ НАШЕГО СБОРИЩА ДВУМЯ ПРЕКРАСНЫМИ ДАМАМИ

катю и сарму хвалить мы намерены здесь ныне,
катю и сарму, прекраснейших дам описать лучше,
чтобы достоинств их дивные качества вдруг вместе
вам в ослепительном блеске явить сразу.

мы словно овцы слепые, бродили впотьмах, ночью,
падая в ямы, ломая вотще пальцы,
только сейчас в лабиринте невзгод нами путь найден -
света источник двойной нам теперь служит.

вот, мы как зайцы, бежим, облиняв шкурой,
новой одеждой сверкая в полях майских,
нет ликованью предела, быть нет грусти,
в диком веселье готовы всегда поливать розы.

кладезь богатств величайших, в себе жемчуг,
мы, словно устрицы моря с трудом прячем,
тайное в нас для прекрасных ловцов станет быть явным,
чувства поэтов немых обрели голос.

катю и сарму могли б мы хвалить дольше,
но дифирамба закон нам велит кончить,
нет драгоценней молчанья, чем петь стоя
сарме и кате наш гимн посвятив чудный.

сочинение магистров и бакалавров
изящных искусств и высоких художеств.

хвостов: алисы и алёши и вити и лёни.

ЭЛЕГИЯ

с.есаяну

наступил на нас мороз,
говорить не можем слова.
в мыслях: запада тунгус
ждет богатого улова.

звезда полярная - медведь,
кометы хвост ему назначен,
как хорошо в снегах лететь,
когда весь мир переиначен.

когда подумаешь - узбек
песок кладет себе на брюхо,
а ты летишь наискосок
и перевесть не можешь духа.

когда, качаясь, дерева
идут вдоль темного забора,
ты улетаешь в ереван,
с усмешкой глядя на помора.

помор! зачем тебе вода?
зачем ты плаваешь на льдине?
смотри - еще летит куда
твой бог обугленный и синий.

смотри - еще бегут они,
дымясь в снегах, твои олени.
но арарат задул огни
поставив друга на колени.

/февраль 1972/

АНТИНИЗМ

псевдо всех бы
эх бы
д ну
идет ко дну
решений штопка волосатая
мерещится кошмарная коза
бызы бызы
быкастая корова
бежит кудлатая корова
и между влажными штанами
кого да мокрые упал
а на нее
ползет ее
ее ее съедает
ее не жалуется
вам
её ёёт
но ает
как будто этим самым вот
куда ееешь ея
но вдруг
оно опять уёт
зачем ему тоска снедает
и незаметно улетает
её топорщится уже
и этим ижет
смотри пониже

КОНЕЦ

ПУШКИН И ГЕНИЙ

поэт пушкин сочинил следующие стихи
поэт пушкин вбегает сломя голову и останавливается на холме
поэт пушкин желает прочесть следующие стихи
вот эти следующие стихи:

если жизнь тебя обманет,
не печалься, не сердись!
в день уныния смирись:
день веселья, верь, настанет.

сердце в будущем живет;
настоящее уныло:
все мгновенно, все пройдет;
что пройдет, то будет мило.

поэт пушкин никогда не сочинял следующих стихов
поэт пушкин плюет опять из своей засады
поэт пушкин хочет пройти в другом месте но снова
натыкается на следующие стихи:

чёрт бы взял воспоминанья!
чёрт побрал бы вас всех, баб...
кроме лишь одной-единой...

узкая скалистая тропинка в горах. раннее утро. пушкин быстро и сердито идет по тропинке. полураздетая девка старается удержать его и говорит следующие стихи.
вот эти следующие стихи:

постой-ка! из тебя повыбьют пыль,
своротят скулы, фонарей наставят.

старушке уж не хочется домой. она прячется за спину прохожего и не своим голосом кричит "ку-ка-ре-ку". пушкин средних лет недоуменно оглядывает эту сцену.
поэт пушкин сочиняет следующие стихи:

царь с царицею простился
в путь дорогу снарядился.

УЧЕНИК БАСЁ / ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ПЬЕСА

"я чую дрожь и в членах и в костях
меня винят, что совершил я это"
эдип
"разумеется, пугало из разноцветных перьев"
из той же поэзии.

действие.

помещение в этаже, лес, шум /он дик/, "эй, лодку" но, впрочем они тянут катушку с проводом, но, впрочем, кровь, кровь, кровь, кровь, сперма. ее хватают и волокут в беседку. волос, поворачиваясь к скуле, "маша тащи самовар". выстрел. порядок смерти. увы, увы! быстрым шагом он покинул город. голос: "что вы там делаете с этим ёбаным автобусом?" пока отец считает члены сына. составляет тело. бесформенный, уродливый обрубок. голос: "вот это бока левого примета" откуп, косой треугольный парус перед фок мачтой. агаву самоё. гнющий дед. сосёт её хуй. весь экипаж на борту корабля. голос капитана шафмана: "я умереть могу" взвизг: "кто берёт железо" взвизг: в задницу. раздвигается. вздвоены. было темнее. темнее чем сейчас. сейчас не темно. сейчас всё отчётливо видно.

басё: /выставив в окно пулемёт: чужую кровь и семя/ я вам покажу, жопники, бляди! ёбанные пупки! пиздорванцы!
/делает очередь/
там падают, снова падают и ещё раз падают.
басё: /устало/ пиздец...
маша: /вылезая из-под ящика пулемёта/ где твой конец?
басё: /удивлённо/ и ты, блядюга, здесь?
маша: нет, не я. это он меня заставил. говнюк!

выстрел
медленно пролетает сковорода
шорох
басё падает.

маша садится на пулемёт, корчится в родовых муках, ей гадко. кидает в дверь гранату. появляется повивальная бабка. пытается вынуть плод. выстрел. падает. шесть резвых близнецов снимают масхалаты. истово крестятся.

басё: /чавкает, собирая свой труп/ ах вот как. шестеро!

тут входят два монгола и всех выносят.

конец.

жуки ползут на тонких лапках,
ведьмы трогают цветы,
и вселенной дикий запах
превозносит имя-ты.

кречет ищет место вроде
хоровода с преступленьем,
церемоний с наказаньем,
хорь его послушный воле,
ходит по полю в камзоле,
собирая показанья.

ПОСВЯЩЕНИЕ ТРИСТАНА

неразделенный разомкнут
в своей привязанности к телу.
возьми пастуший прут и кнут,
ступай к отцовскому наделу.
смотри - как муха, оседлав
круп непокорной кобылицы,
прочтет все сорок с лишним глав,
и съест последнюю страницу.

/июль 65/

судьбу жука, ушедшего в карман
и флейту лона, что пропела басом:
куда пропал твой голубой дискант.
о, черви. вами, вами съеден кант
о черти звучные вместительного лона,
гудящего подобия бидона,
губящее всё, что попало к вам.
лягушек квак из пищевода выпи,
куда бежать от вашего кивка -
за пивом, или, чтобы квасу выпить.
микробы тоже гибнут внутри вас.
смертелен жизни чрева контрабас
и мозга полужидкий этот бубен
висит над лесом гибелен и трубен

ПРАВИЛА ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ
ЖЕЛАЮЩИХ СОСТАВИТЬ СВОЕ СЧАСТИЕ
С НЕ МЕНЕЕ МОЛОДЫМИ ДАМАМИ

1. как добыть даму.
а/ даму лучше добывать невзначай:
добыча дамы на прогулке или в музее,
но ни в коем случае не в ресторане,
равно как и не в общественном туалете.

увидев даму на прогулке или в музее желательно приблизиться к ней незаметно и поместиться за ее спиной, ожидая благоприятного для себя момента завести с ней разговор приличный, причиною коего могут являться:

падение разнообразных предметов в непосредственной близости от прекрасной дамы. попадание коих в оную могло бы стать серьезной причиной для повреждения ее красоты. таковыми предметами могут являться:

а/ картины выпадающие из рам.
б/ метеориты.
в/ булыжники.
г/ жёлуди.
д/ трамваи.
е/ пилястры, люстры и т.д.

2.

дуська вымети куда-нибудь эти листья
а то я за себя не отвечаю.

опус второй

"мне скучно - бес"
пушкин

ОЖИДАНИЕ

я сидел в кафе и писал в блокноте без знаков препинания печатными буквами письмо своему приятелю, сидевшему напротив меня за столиком:

"КРУГ В ИЗМЕРЕНИИ КОЗЕРОГА ДОЛИ ЕНТИНА ИЗ КОЕГО ВЫХОДА НЕТ НИКОМУ
ИЗ ВСЕХ ПЫТАЯСЬ
СВАЛИТЬ ВСЕ /ТУТ СТРЕЛКА УКАЗЫВАЕТ НА КВАДРАТ/ УШЕЛ С ДУСЕЙ
УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА МИЛЫЙ ДРУГ ТА ЧТО ВСХОДИТ В ПЕЩЕРАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ПРЯМО ПО КРАЮ СВОДА И ПОЛЗАЕТ КАК СВЯЩЕННЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ЖУК
БУДТО БЫ ОДНОПОЛОЕ ЖУИ ЭТО ЛУЧШЕ ЧЕМ НЕДОПИТЫЙ КОНЬЯК ДУСЕ ЧТО ЛИ
ПРОПАВШЕЙ ПОД МОСТОМ ТРОЦКИМ И МЕНЯ ПОГУБИВШЕЙ
ТАК ЧТО НЕ В ТО ВРЕМЯ КАК ОТПЕВАТЬ ШЛИ ПОКЛОНЫ ЗЕМНЫЕ ПОЯСНЫЕ И
КЛАНЯЙСЯ ТАК ОТПРАВЛЯТЬСЯ
ПОСЛЕ ПОЛУНОЩНОЙ САМОЕ СТРАСТНОЕ И ЛУБОЧНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ КРАСКОЙ
РУМЯНАМИ И СТЫДОМ ЗА ОТСУТСТВИЕМ
ЭТО ТО ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ ПОГИБЕЛЬЮ ЧЁРТОВОЙ ДРАМЕ КУЛИСНОЙ КРАЛЕЙ
ГОВОРИТ МЕНЯ НЕ ОБМАНЕШЬ РОЖА
ЖНИ ЖНИ ТО ЧТО ПОСЕЯНО ВСЕ РАВНО ВСЕМ МИМО МИМО УХА МИМО НОСА КОПЫТА
А УЖ КОРОМЫСЛЕ И ГОВОРИТЬ НЕЧЕГО
ПОСЛАННЫЙ ФИРМАН НЕ ДОШЕЛ ДО ВЕЩЕЙ ИХ А ДКОЛЬ ЛЮБИМЫЙ НЕ ЗНАЮ И
РАССПРАШИВАТЬ О ТОМ НЕ СОВЕТУЮ ВАМ
В ЭТОМ МОЙ ГУМАНИСЬМ И ЕСЬМ
НА ЭТОМ КОНЧИТЬ РЕШИЛ И РАБ БОЖИЙ АЛЕКСЕЙ"

написав такую ничего не значащую записку, я передал ее визави, а через некоторое время получил ответ:

"ТОЙ ЗВЕЗДЫ СЕДЬМОЙ КОНЕЦ ЕСТЬ В ГОЛОВЕ КОЗЕРОГА РАСТРУБОМ В УМНУЮ
РАКОВИНУ ЗЕМНАЯ ГЛИНА ПРОЛЕЗАЕТ С ОТЧАЯНЬЯ И ПЕРЕПОЯ НЕ УДЕРЖАТЬ В
ПОТНОЙ РУКЕ СЮДОБУ ТО БИШЬ РЮМКУ И СОРВАЛСЯ В ВОДОЕМ ИМЕНУЕМЫЙ ЛЕТОЙ
ЗАХЛЕБЫВАЯСЬ В СТОЧНОЙ ВОДЕ УЛОВИЛ ВОРОШЕНИЕ РЫБИЦЫ С БЮСТИКОМ В
7 ЧЕТВЕРТЕЙ
ДАР ЖЕ ГОСПОДЕНЬ НЕ ПРОПАДЕТ ЗРЯ
ПОСЕМУ НЕ УДИВЛЯЙСЯ ЖЕ КОЗЕРОГА НЕБЕСНЫМ ОШИБКАМ КОЛИ КОНИ ПООБЕЗНО
ЖИЛИ А ДЕТИ НЕ РОДИЛИСЬ
ПОГЛАДАЕМ ЖЕ КОСТЕЙ МОНСТРА С ГОЛОДУХИ И ОТПРАВИМСЯ ЩИ ХЛЕБАТЬ
ЛАПТЕМ В СИНАГОГУ СЕЙ ПАНТАГРЮЭЛЕМ ДА ПРОСТИТСЯ ТВОЕМУ СЛУГЕ КОЗЕРО
ГОМУ САМОЗВАННО ИМЕНУЮЩЕМУСЯ КОЗЕРОГ"

на этом сидение в кафе закончилось.
в семь часов вечера я был арестован.
через три дня меня судили.

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ВЕРПЫ ПОСВЯЩЕННЫХ ИГОРЮ ХОЛИНУ

1. МОНОЛОГ ГАМЛЕТА

Я насыпать лечу
Я усыпать плечу
Я просыпать врачу
Как разумно свечу
Задувает комар
Как законно свечу
Уплывает комар

Я посыпать хочу
Я повыпать точу
Я не ыпать кечу
Покажу покачу
Малый кучер качан
Мой совет палачу
Унавечить топчан
Урезонить сочан
Узаконить лючан

Я насыпать лечу

2. МОНОЛОГ ОФЕЛИИ

Стоит стоит
Наитие азона
И самый дух
Цветочной клумбы
И газона
Стоит стоит
Как маятник бизона

Лежит лежит
Еще мое копыто
Моя подкова -
Бедное созданье
Подкова следуя копыту
Лежит лежит
Посередине мира

3. МОНОЛОГ ПОЛОНИЯ

Я знаю тощего электа
Которого электа дека
Которого аспект кадета
Которого адепта зека
И дочь моя бессмысленно одета
Зачем оде ей алеута
Зачем ночей ей парапета

Зачем чижей ей в закоулок
Зачем ужей ей переулок
Зачем свирели ей походка
Которая всегда одета
О дочь моя -
Для Гамлета находка

4. МОНОЛОГ ФОРТИНБРАСА

Грохот бо
И грохот бы
Зачем вы все рабы бобы
Я собственный свой боб
Кладу в сугроб
А всех нас ждет зевая гроб
Зевай и ты - наследник Пушкин
Исследуй погреб рыжей девы
Ступай направо
Нет налево
В ее владениях еще я не был

5. МОНОЛОГ ТЕНИ ОТЦА ГАМЛЕТА

У - у - у
Н - н - н - и
Гамлет
..... И

6. ЛЮБОВНОЕ

Покуда бык
Покуда ястреб
Покуда дуб
Покуда ясень
Покуда мир
Ах дескать мир
Покуда Верпа на клавир
Покуда жопа не идея
Покуда девка хорошея
В постель сама еще идёт
     Любовь покуда не помёт
     Любви покуда не поймёт
Себе ж пускай пока наймёт
Многозарядный пистолет

7. ПОЭТИЧЕСКАЯ НАЧИНКА

Радищев-Кутузов
Хемницер-Державин
Бобров-Менделеев
Русское слово вот
Ах у поэтов столько забот

Чтоб слово прыгало как кузнечик
Чтоб знаки жуками ползали по строке
Чтоб восклицательный подсвечник
Свечу стиха держал в руке

Кюхельбекер-Романов
Карамзин-Рюмин
Марамзин-Рыжий
Хвостов-Тёртый
Великолепие поэтической морды
Мордобитие дидактической хорды
И наконец похмелие Верпы
Лежит в Рогоже
Пирогом с рыбой

8. ГИДРА

Летит ее
Летит её
Ползёт своё
Родное тело
Отчасти худ
Отчасти уд
Отчасти пуд
Но и у а
Машиный кал
Но и у а
Мышиный вал
Но и у и
Летая звал
Такую
Славненькую
Гадину

9. ИЗОЛЯТОР

Виден новый
Виден отче
Виден лучше чем гусак
Паровоз

Дальше виден
Стебель длинный
Какой мудак
Его занёс
На этот холм старинный

10. ТРЮМ

Внутри собаки
Жуть и мрак
Внутри енота

Жуть и мрак
Внутри рыбёшки
Пустота
Внутри бутылки
Пустота
Внутри затылка
Пустота

Внутри коровы
Жуть и мрак

ноябрь 1965 года

ХВОСТ и ЕНОТ
из архива Д-ра Тупицына

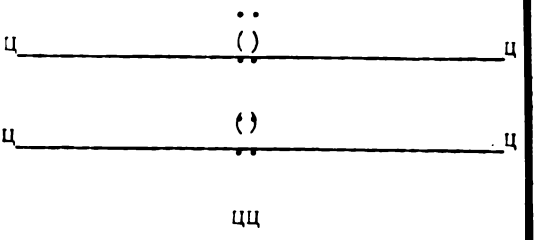
"... Что ново тут, то там не ново, не так ли.
Улитка на склоне склонна сомневаться в том, куда ползти.
Где голова, где ноги?
А мы потрежнему ближе к полюсу, чем того хотели бы.
Я тут живу, ухитряюсь, а более попустительством Господним.
Его Благословение да пребудет с вами.
Спасибо за память /и заботы/.
Начинаю блеять Хвостом.
А так ни писем ни бумаг ни сплетен.
Тут летают, плавают, рожают.
"Петербургу быть пусту" пророчество сбывается,
потому-что меня там нет.

/ЕНОТ, из письма к Ярмиле, конец 76, Москва/

А Х. В.

теперь мы знаем что значит слон
характер нуля
его пронизывает пуля
оль
поэма четыре раза
стоит ли ушей
здесь кошка хватает мышь за хобот
маньяк однажды маньяк не лысый маньяк
сыпь
его проглатывает топь
чердка обоз бобер размыв шакал талдыкурган
ползем теперь ползем ползем бежим
нам новый нравиться режим
и птиц усталые ужимки
ободранные крылья
изодранность
усмешка
мошка
чему не знают откровений вшивых
день мокрота коррозия купель
итти толкать узнавать забываться
жить шить корячиться иначить
и ничего почти не зачить
не чавкать
не сопеть
не не
почем сегодня откровенья
вне
часто шамкала внезапно
со мне нет не со мне
вы
это знаете цветы

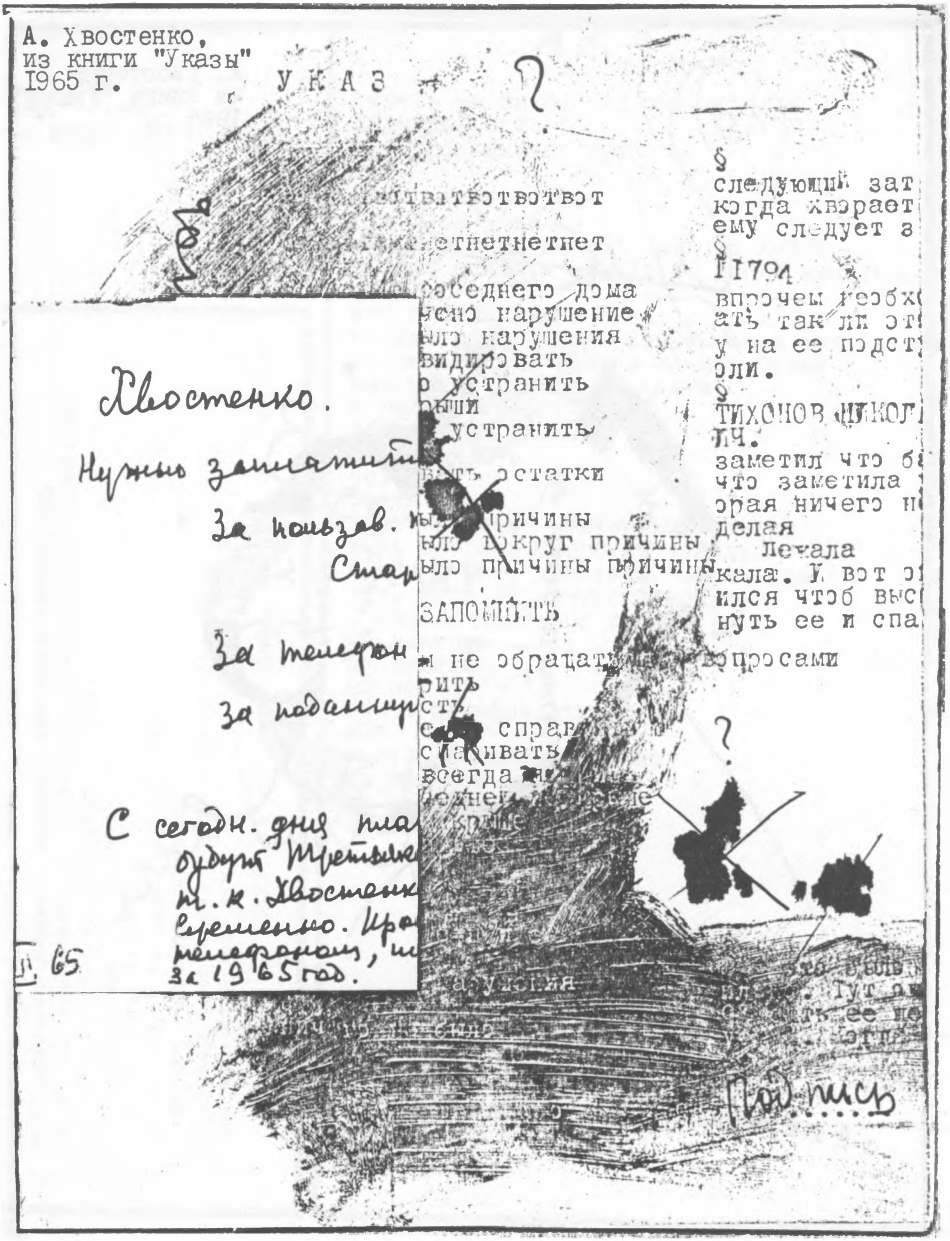
КОНЕЦ

Коллажи А.Хвостенко из несостоявшегося журнала "ПРАВ ДАДА / Авангардбэдж" под ред. Тупицына/.

А. Хвостенко
из книги "Указы"
1965 г.

А. Хвостенко,
из книги "Указы"
1965 г.

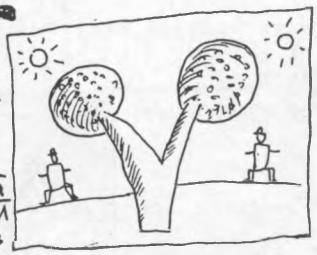

КНИГА

БА МАСКИ СКИТЫ
КУСКИ
ЗАК-УСКИТЫ
-ОН-РАКИТЫ
ТЫ

ШИШ

1. [redacted] в постном масле
К ТЕБЕ БЛИЖЕ ЧЕМ К ГРУСТИ
2. Твой "Бог в сметане и соусе
Кто может быть твоим правителем
3. Миг "Куш в горчичным соусом
твоим хозяином если ты можешь
быть Богом
4. В [redacted] в бытии
ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ УБЕДИТЬ
5. Бог Блинчики с икрой всех
МОЙ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
6. Сын [redacted] пресные ЕСТЬ ПУТЬ СВОЙ
В ТОМ КТО ТЫ
7. ВСЫ-Н кислые умница каждый в своем соусе
болоте
8. [redacted] мясом в своем соусе
собственный
БЕСЕДА С капустой
свой собственный путь
РАЗУМ с морковью
ПОПРОБУЙ ЖИТЬ АК ВСЕ
9. Пироги н ТАК сдобные МИРУ НЕОЩУТИМОГО
ПУТЬ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НИ К
10. Соленые [redacted], помидоры, антоновка, арбузы
22. Маринованый НИ К МИРУ
11. Кислая капуста ОЩУТИМОГО
23. Кислый разум
12. 27 [redacted] рыба: судак, [redacted]
15. СТАНЬ СВОБОДНЫМ КАК НЕБ
13. 33 Холодное-холодец, студень
О. СУЧАЯ созвездие трех чашек молоко
созвездие трех чашек
14. Маринованная рыба щука
молочная так в полной мере
15. Кучебу[redacted]ться грустью обладать
16. Окульт[redacted] рыбой и круглый
НАУКИ С РЫБОЙ
17. [redacted] в сметане своей как в
купели
18. " маринованные мысли змеи
19. КАПашет слоеного теста с качиккою, круглый

ОКНИГА

НОВОСТИ

СТАР

КОАН НАОЖ ГОШИ

ПОЗНАНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ
сть
А НЕЗНА
БЕССМЫСЛЕННОСТЬ

КАК СПЕЛ И СТРАННЕН ТОТ НАРОД
ОСТАК СОБИРАЯСЬ НА ПАРАД
наряд

ЫЙ МИР

КААН

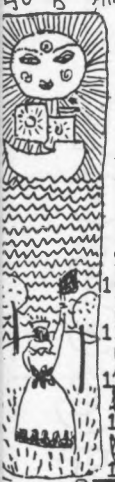
БЕЗРАЗЛИЧИЕ ТВОЁ СОЗНАНИЕ
ПОСТИЖЕНИЕ НЕОЩУТИМОГО

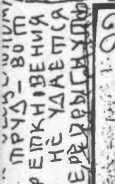
КАК ЗНАТЬ МИЛЕЙШИЙ МОЖЕТ БЫТЬ ВОТ ТУТ И ПОДЖИДАЮТ ТЕБЯ НЕПРИЯТНОСТИ БЫТЬ МОЖЕТ НА ЭТОМ КАМНЕ СЛОМАЕШЬ ТЫ ПОЗВОНОЧНИК ИМ ЗДЕСЬ ТЫ ПОТЕРЯЕШЬ РАССУДОК КРОМЕ КОТОРОГО ТЕБЕ ОСТАНЕТСЯ СУП ИЗ СТАТЬ ТЕБЕ ШИШ И КРАСИВЫЙ КРАСНЫЙ ШАР НАПОДОБИЕ МИШЕНИ ДЛЯ СТРЕЛЬБЫ 1. ИЗ БЕРЕЗ: ИЗ ОВЕЖИХ ОВОЩЕЙ УКРАШЕНИЙ, РАСКАЛЬНИХ ОВОЩЕЙ ЖИЗНИ В ВОЗДУХ ТЕБЕ НЕ ПОСВЕДИТ ДРУГ МОЙ ТАК ДУМАЮ НУЖНО БЫТЬ ЧЕСТНЫМ К ИСТИНЕ НЕ НАДО ПУСТЫХ РАЗГОВОРОВ ГЛАВНОЕ ЭТО-АКТИВНОЕ ОЖИДАНИЕ НАПРЯЖЕННОЕ ОЖИДАНИЕ НЕ ЦЕЛЬ ПОСТАВЛЕННАЯ ИНДИВИДУЧУМ НО ПРОЦЕСС ПОИСКАНИЯ ПУТИ МЫ ЖИВЕМ В ПОЕЗДЕ В ПОЕЗДЕ БЕЗ РАСПИСАНИЯ ВЗДЕ ОПАЗДЫВАПЛОТ ЩИ ЧК ДАШУ КУШАТЬ КОМУ ОХОТА ТЕ ГОВОРИ ЧЕМ МЕНЬШЕ ТЫ ЪЁШЬ ТЕМ ЛУЧШЕ ОТ МИНИМУМА ПИЩИ МАКСИМУМ ПОЛЬЗЫ КЛ В БЕЗДОННОМ КОЛОДЦЕ ГДЕ ТВОЯ ПРАВДА

ВОРОНОВА ТОР КАРМАННЫЙ СПРАВОЧНИК ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ФОТОЛЮБИТЕЛЕЙ НАЧИНАЮЩИХ ВОТОВ И НАЧИНАЮЩИХ ЛЮБИТЕЛЕЙ

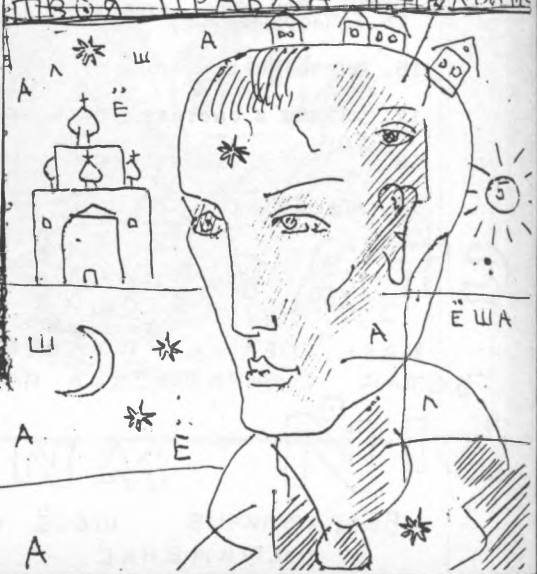
ХВАТАЙТЕ ЕГО ЗА ПОЛЫ СТОРУКА ХВАЙТЕ ЕГО ЗА НОС ЗА ВОЛОСИКИ РЫЖИЕ ТУДА ЯВЫЕ ПУСТО ЕГО БЕСИТСЯ

САМОЗВАНЕЦ

ТРУДУ — СИЗИФОВ ТРУД — ВОТ ТОТ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ УДАЕТСЯ ПЕРЕШАГНУТЬ ДЕРЕВЯНСКИЙ

Д. ДАВЫДЕНКО ИЗ КНИГИ "МЕНЮ" 1964г.

СОХРАНИ МНЕ ПАМЯТЬ ГОСПОДИ НЕ ДАЙ МНЕ ДЕТЬ ВСЕ В ЛОЖНОЙ СВЕТЕ НЕ ДАЙ МНЕ БЫТЬ ОБМАНЩИКОМ ТЫМ НЕ ПОЗВОЛЬ МНЕ ОБМАНУТЬ ДРУГИХ ИБО ОБМАНЫВАТЬ ХУЖЕ ЧЕМ БЫТЬ ОБМАНУТЫМ Я ПЕРЕД ТОБОЙ КАК НА

ПЕРВЫЙ ГОДА
Я С КТО ЗА ТОБОЙ СТОИТ
У Д А
ОН САМ ОДИН КТО ЕМУ МОЖЕТ ПОМЕШАТЬ КОШ ТЕЙ КРОЛА
КТО ПРАВОМ
ВОЗДУХ
ЗДРАВОМЫСЛИЕ
ПРОТИВ ЧЕГО ТЫ ВЫСТУПАЕШЬ
ЕДА
ШАЛ
ГИЛ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ВТОРЫЕ БЛЮДА

1. Бифстроганов — (к шашлыку) Послушайт, милейший, мне на
2. Киевская котлета (по Киевски вежливо) — Ах, мужчины, как ва
3. Мясная котлета (к киевской) — Подумаешь киевская барыня,
4. Пороченок/гречневой каше — это было так омерзительно, да
5. Гусь и с черносливом и кашей — то все снесла, и не пикнула, /вызывающе/. Стерва ты!
6. Шашлык
7. Поджарка
8. Телятина в духовке
9. Курица по еврейски
10. Утка с яблоками
11. Рябчики
12. Куропатка
13. Рулет
14. Плов бараний
15. Пашкетный пирог
16. Тушеная свинина с кислой капустой
17. Котлеты с печенкой
18. Тушенка

Мне не стыдно ругаться при дамах, да я в 43-году спала в одно кастрюле

ГАРНИР:

Картофельное пюре

Грибы в сметане, жаренные шляпкилисички

Цветная капуста

Свежая капуста

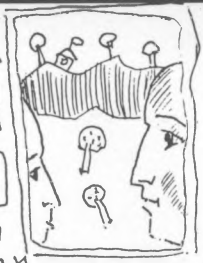
Кабачки

Морковь отварная

Гречневая каша

Винегрет

ВОЯ КНИГА

то что говорит
царь так дол-
жно быть
каждый царь
в своем царст
ве в тво
ем царстве во
ля твоя закон
и все твои слу

камень
дважды два
пять
ты говоришь
тот кто будет ос
паривать это
потеряет дом и
семью
мало того поте
ряет свое право
на себя
если не хочеш ли
шиться всего
расширяй границы
своего царства
чтобы все ока
залось в преде
лах твоих возмож
ностей
ищи зева безли-
где тебя нет
ищи мир там где
глупцы тебя не видят
отрицает бегие иби жить
везде быть повсюду

МОЯ СТРЕЛ

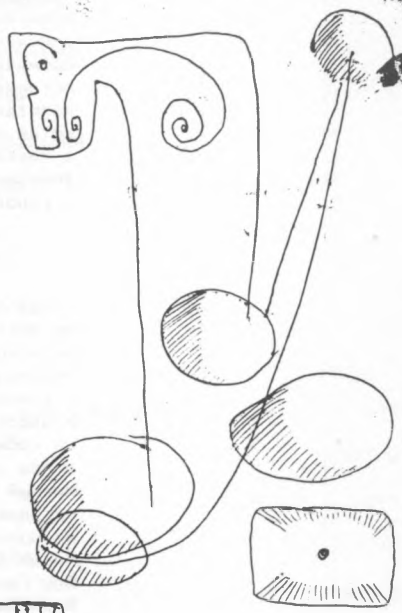
лок
к из лук

луч
ь
книга
я-б
окно
в мир

повседневная жизнь есть путь
стрельба излука когда твоя ме
шень яблоко ты ночью на черном
коне это твое окно в весь ми
ты открываешь его всем о ка
они аплодируют тебе ты ца
на сверкающем троне радости
твои слуги золотые пчелы един
ства всеобщего твой двор
весь мир открытый тобой ми

звёзднаяя спутникь коня
кроме тебя кто?
зная кь-языкя спутникя
знает то что он
хотелось бы
никто кроме те
мне знать
бя не знает оте
кто
все что не слу
чается с тобой
твой
случается с то
потому что
бой хорошего
никто не зна
плохого ни
ет где я и
кто этого незна
что со мной
ет никто не мо
делать как
жет помочь мне
мне по

конь конь ку конь

коан

ПАМЯТНИК
ЛЕТЧИКУ
МАЦИНЕВИЧУ

З А П И С Н Ы Е К Н И Ж К И

1

он умер первым из тех
кто умер вообще
последний раз он умер случайно
все последующие случаи
не рассматриваются нами
из соображений экономии времени и внимания
внимания
и акцента внимания
на неотносящихся к делу подробностях

2

когда он умер
мы имеем
нам осталось
несколько листков пожелтевшей бумаги
исписанных бисерным почерком
/несколько жизней-листов
примыкающих быту отважного
летчика
капитана Мастуровича/ -
сотня истлевших листов кукурузной бумаги
с мертвыми цифрами
знаками
и условными обозначениями

3

когда он умер
мы есть
мы находимся здесь
/исследуя кладбище/
с сумкой из крокодиловой кожи
и шведскими кусачками
мы собираем цветы из железных букетов
вновь создавая на плоскости
мнимый букет
из железных цветов
на могилы почти незнакомых
Алеши Хвостенко
Юры Галецкого
Жени Михнова

4

когда он умер
мы здесь
мы читаем
"мои руки крепко сжимали руль
"и руки любимой
"мои ноги всегда
"шли по земле и траве
"и плотно упирались в Миллионную улицу
"я всегда умел предугадывать погоду на завтра
"я съедал за обедом любимое блюдо
"я вешал одежду на крюк
"я умел и ждать и не ждать"

5

когда он умер
мы тут
нам подарили
свинцовую пластинку с записью
слезного речитатива
по поводу смерти
отважного летчика Месиловича
в исполнении артиста оперетты:
его уже нет
какой конец печальный
как мысль была
от смерти далека
а между тем
уж саван погребальный
угрюмо держит
злой судьбы рука
и далее:
и за Российский флот
и за святое дело
погиб теперь
отважный капитан
Мир праху безумца Мытовича.

К Р Е П О С Т Ь Н А К О Л Ё С А Х

1

длиною в милю
или меньше
пути отрезок был привязан
к своим колесам.
По тем колесам ползали змеи
размером не более

обыкновенной ленты-змеи
и красотой напоминающие ужей.

2

и скорее всего
смерть отважного летчика
капитана Масиловича
не состоялась.
Он не свалился с высоты более пятисот
метров
на холодную землю
/во славу русского флота/
И что он теперь
в своей кепке и бриджах
и что он теперь
со своей улыбчивой смертью
по дорогам прошествий змеи

3

в самый разгар праздника
русской авиации в Петербурге
во время полетов на рекорд высоты
самолет летчика Хвостенко
и самолет летчика Галецкого
и самолет летчика Иванова-Крамского
летели над облаками
над реками и озерами
над фонтанами городских парков
и Фонтанкой

4

они немного видели то
что происходит внизу
немного не видели ничего
и в результате этого
не имевшего места события
не имевшего времени и действия
а также пейзажа и жанра
мы знаем удовольствие
мы видим и ощущаем неудовольствие
от созерцания этих строк
и крепости-развалюхи
на пыльной дороге.

О Н У Е Х А Л

памяти Велимира Хлебникова

хвала первым числам
каждого месяца
/когда уезжают/
хвала каждым суткам
начала недели
/когда уезжают/
хвала всем ночам
и секундам
/когда уезжают/

хвала летчику Митуричу
сумевшему выкроить время
чтоб выкрасть у времени
контуры гения
хвала летчику Хлебникову
сумевшему выехать
точно в положенный срок
хвала летчику-испытателю Галецкому
погибшему в бане с похмелья
хвала летчику Мациневичу
открывшему
новую эру
в истории стихосложения
хвала
летчику Хвостенко
возвестившему
это

Н А П А С Т И П Е С К О В

посвящается
современнику Песков, - Некрасову

такого-то года
/это случилось совсем недавно/
на Песках
снесли Греческую церковь
- как это сделали?
- а очень просто
привязали к канату огромный
каменный шар
и качая его
лупили по стенам
она и рассыпалась
- как? сразу рассыпалась?

нет, ломали дня два
или три
- изрядно!

/нечто похожее на это
написал бы Некрасов./

современник
хе-хе
подбежал
подскочил
похехекал
и снялся
на Никольское кладбище

хе-хе-хе
он сидел
он лежал в своей комнате
пледом завесив окно
хе

а назавтра
старушки хехекали -
повалился забор,
укрывающий рухнувший храм, -
придавил человека
ребенка
и управдома
хе-хе
дескать Бог наказал
хе-хе
Мациневич
лети Мацулович
на своем злополучном хе-хе
Мецупович
на своем хе-хе-хе-дирижабле

П Р О М Ы С Л Ы

А.С.Пушкину

уже девица
дама
ее включили вентилятор
нажав на кнопку пальчиком
выски ее
седеют
и прохладность
бежит ее
как тысячи паломников

из Африки
бегут в Сибирь
чтоб насладиться зрелищем снегов

она
торгуется с приказчиком ее:
/се есть разумное началие природы!/
но топнув ножкой
и пригрозив перстом
угрюмому юнцу
уже смеется:
"беги беги
не место
тебе на этой сковородке".
прыткий
он впрямь бежит
но в направлении обратном
бежит ее
/чем не челнок для гаубиц девицы!/
он летчик
видит все вокруг
ей говоря:
"испортилась проводка
бегу чинить!"
и
лапками
засеменил по полу

П Р И Л И Ч И Я Р А Д И

М.В.Ломоносову

"Правда, приятно согласие музыкальное, приятны и колеры, но их приятность весьма разная."
"К чему кто склонен, тому то больше и приятно. Не всем одна забава угодна."

/Из речи академика И.Вейтбрехта о "Клавесине для зрения"/

мы в колбочках теперь
летим в стекляшках
бусинах
летим теперь
и вежливо киваем встречным:
"с добрым утром
"здравствуйте
"когда
"мы снова встретимся
"на этом промежутке

"когда мы вновь
"в той паузе столкнемся лбами".

/ах что за удовольствие
лететь на чистой ноте
иль плыть покачиваясь
на второй линейке
упрятавшись в бадью диеза/

и каждый раз
Суворова встречая
снимаем с головы ультрамарин
а колер полководца подбоченясь
нам тоже весело
кричит "ура" с Монблана

вот всем на удовольствие
война
за право
наслаждаться трением
соприкасаясь с хрупкостью стекла
и щуриться
на яркие дощечки

Цикл стихотворений "Памятник летчику Мациневичу" входит в сборник "Силуэты Верпы" /1965-66/.

РЕЗЁРЧ /ИЛИ РИЗЁРЧ, РИСЁРЧ?/

/от составителя/

готовя к публикации тексты г-на хвостенко, и не имея возможности спросить проживающего в париже автора, ризёрчер /рисёрчер/ взял на себя смелость прокомментировать горячо любимую им поэму "памятник лётчику мациневичу", впервые опубликованную в однотомнике количеством в один экземпляр /впоследствии похищенный/, изданный в.и.эрлем /издательство "польза"/ и переизданную самим г-ном а.хвостенко в соредактируемом им журнале /периодикле/ "эхо" №1 за 1978 год, париж /стр. 73-79/

составитель берет на себя смелость говорить за составляемого, поскольку: а/ работал экскурсоводом в александро-невской лавре, где находится памятник упомянутому летчику мациневичу /одному из/, а также памятник красноармейцу абраму фишману, интенданту, объевшемуся несвежей семужки, и изображенному в виде красноармейца в шинели и буденновке, при трехлинейной винтовке со штыком. памятник же помянутого летчика украшен пропеллером, оба находятся невдалеке от главного троицкого собора., б/ поскольку составитель читал упоминающиеся в резерче книги, а г-н хвостенко не читал, и в/ потому что хвост поганый на все мои письма упорно молчит.

привожу компаративные материалы в виде голых цитат:

"... лётчики - капитан Лев Макарович Мациевич, ... поручик Матыевич-Мацеевич, ... были и другие."

/Л.В.Успенский "Записки старого петербуржца", Лениздат, 1970, стр. 147/

/нечто похожее на это написал бы Некрасов/ - А.Хвостенко.

Нечто похожее на это написал И.Бродский /см. стихотворение "Остановка в пустыне" в одноименном сборнике/.

Впервые "верпа" возникает в сборнике "Средневековый роман и повесть" в серии Всемирной литературы /утерян при переезде/, на стр. 83.

"Верпа" мужского рода - "верпъ" значится на стр. 181 Толкового словаря Даля: "Верпъ м. морс. малый якорь, завозный якорь, якорек, завоз, четырелапый или двулапый. ВЕРПОВАТЬ, тянуть, тащить судно завозомъ, закинутымъ верпомъ; -ся, идти завозом, тянуться завозомъ. ВЕРПОВАНЬЕ ср. ходъ судна по завозу, завозомъ."

Ожегов же этого слова уже не знает /см. Словарь русского языка С.И.Ожегова/.

Верпа же женского рода и по сю употреблеятся в гидрологии /по наблюдению составителя, техника-гидролога по одной из основных профессий/. Верпа двулапая, с подвижной лапой. Помянутую верпу точила люна докторша-гидрологиня /дежурная шутка/.

Средневековый роман нашелся. Издательство "Художественная литература", Москва, 1974. Там, на стр. 83, в рыцарском романе Кретьена де Труа, "Ивэйн, или рыцарь со львом" /предположительно, 12-й век/, значится:

"Мессир Гавэйн, племянник ваш,
Владений ваших ВЕРПЫЙ страж." /разрядка моя - ККК/

В переводе В.Микушевича. Является ли помянутый Микушевич родственником летчика Мациневича /одного из/, предоставляю судить специалистам по средневековому роману /напр. проф. Мейлаху-младшему/, равно как и у кого украл "верпу" Хвостенко - у Даля, у меня или у помянутого Микушевича.

Сдается мне, все же, что хвостенковско-ентинская верпа отношения ни к первой, ни к другой, ни к третьей, равно как и к байкальской нерпе /единственному виду пресноводного тюленя - Phoca Phoca B. (Baykalika), ныне вымирающему путем советской поллюции водоема Байкал/ не имеет.

Более примечаний к поэме "Памятник лётчику Мациневичу" не имею.

За вычетом /перечитывая/: "хвала летчику-испытателю Галецкому / погибшему в бане с похмелья". С похмелья мы ходили в Фонарные бани, что рядом с моим домом на Конногвардейском, и именно с Галецким, а также с Петроченковым и многими иными людьми, для чего заготавливался термос чаю с малиновым вареньем и листы эвкалипта для поддатия пару. В баню собирались по вторникам, поскольку в понедельник - выходной - она просыхала, по средам же там собирались спортсмены. В помянутой бане производились чтения стихов /на манер древних римлян, завернувшись в простыни/, а также состоялась импровизированная выставка работ гениального фотографа-эзотериста Славы Михайлова, по осени 1974 года, о чем, как и о верпе, Хвостенко, разумеется, знать не мог, пребывая в оный период попеременно то в Москве, то в Салехарде или Сыктывкаре, и в Петербург не наезжал. Так что гибель летчика Галецкого "в бане с похмелья" следует отнести либо к поэтическому прозрению автора, либо к предшествующим привычкам художника Галецкого, с которыми автор был лучше знаком.
Тем не менее, именно в Фонарной бане, или после нее, составителем, совместно с Галецким, составлялся проект оперы "Вавилонская башня", который также никакого отношения к стихам о летчике Мацыевиче не имеет.

Как и к Верпе.

КОММЕНТАРИЙ к ВЕРПЕ /сообщенный младшей сестрой Анри, Ларисой Волохонской, 6 августа 82 г. в Нью-Йорке/:

"Во время пребывания Анри Волохонского в городе Мурманске, где он работал химиком в НИИ /научно-исследовательском институте/, в сказанный институт получилась телеграмма следующего содержания: "При погрузке траулера вышли из строя подшипники у балеров. Верпование невозможно." Отсюда - верпа. Это произошло в начале 60-х годов."

В действительности, как вспомнила, позвонив, Волохонская, телеграмма смотрелась еще бредовей:

"На "Профессоре Месяцеве" вышли из строя подшипники у балеров.
Верпование невозможно."

Не отнести ли это к "мейл-арту", по Тупицыну?

Michel de CHEMIAKINE

SYNTHÈTISME METAPHYSIQUE

album n°1

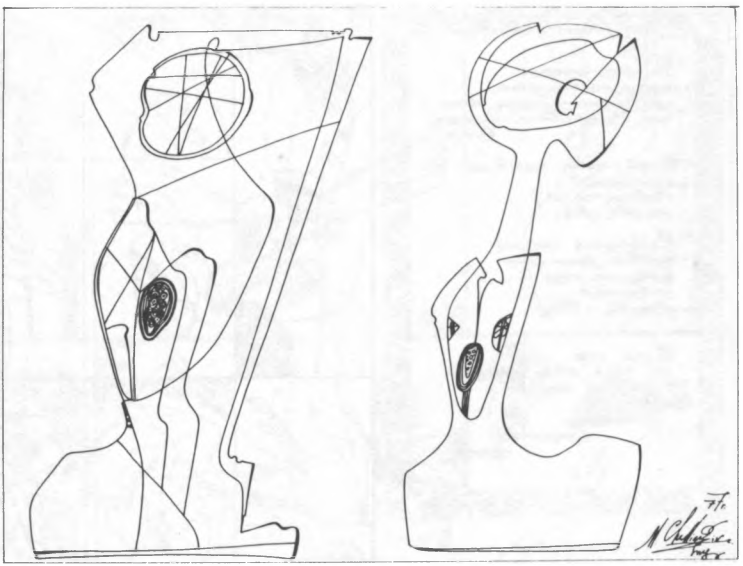
poemes de Alexei HVOSTENKO

Алексей Хвостенко

Слон На

вокруг пропавшей поэмы

1977

посв. М. Шемякину

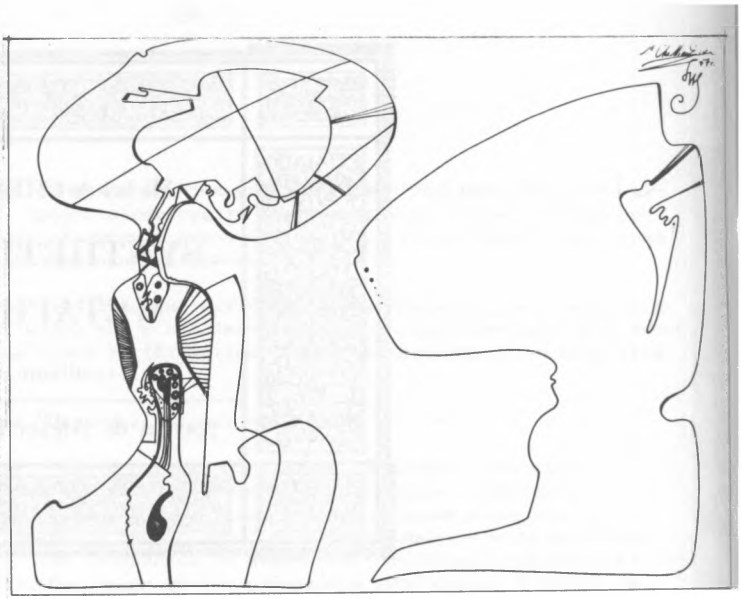
Идет слон, раскачиваясь на
тонких ногах, на
манящий человеческого пикка.

И вот то,
что совершается на
страницах растянутого бытия,
протягивает в сжатой руке на
раскрытой ладони,
лунаваемой то сжатым пальцем,

протягивает: На –
это Твое – Твое,
пальцы сжаты – ладонь открыта.

Мера бытия – "ладонь"
мера растянутого бытия –
"пригоршня".

1.

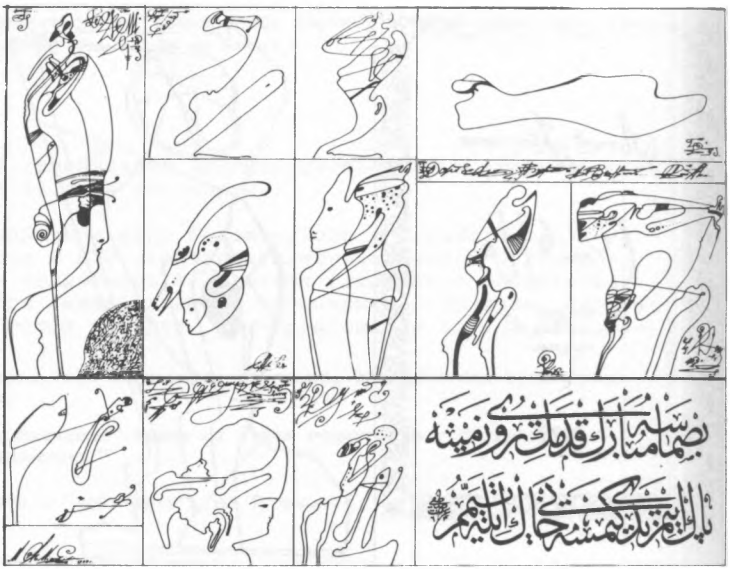
На горнее смотрим
через сомкнутые ладони,
через открытые-сомкнутые ладони,
через две меры бытия, образующие
                    взгляд.

Взгляд – подобие третьей меры,
меры звучной
(возвращенное "на")
это Мое-Мое.

Возвращенное "мое-мое"
трубным звуком слона
человеческого пикка
утверждает:
Мое-Мое – Твое

И сам слон
как посмей любовь возвращения
с поднятой трубой
шествует
через
                    укрепленную
                    пустыню.

2.

Мы следуем мысленно
за архитектом пустынного,
мы проникаем в смысл
расчета этого образца,
смотрим на
слона На.

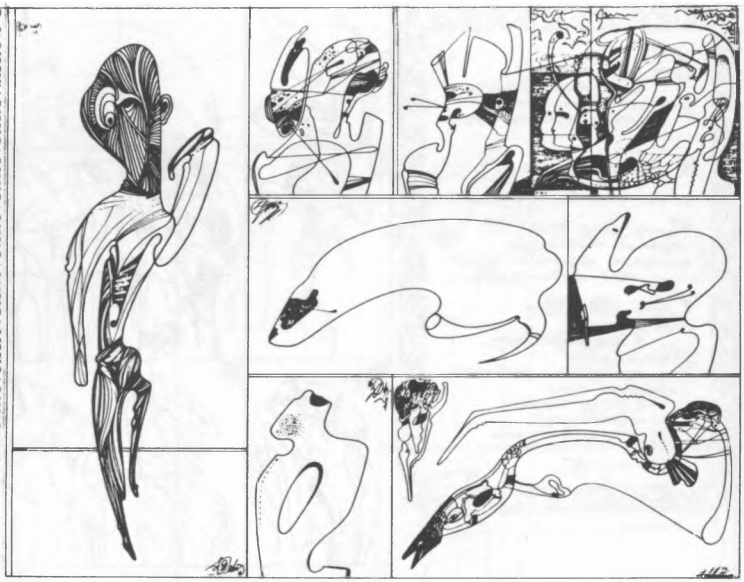
Вот На,
слон,
слон призрачной фазы сознания,
ажурной конструкции бытия,
вымеренной в божьей пустыне:

Хочешь пить – пи!
Хочешь петь – пе!
Хочешь пить – пи!

Хочешь На – на!

Я, следуя им
обликам, слон,
и слон На
воплощаем

Мечта Моё.

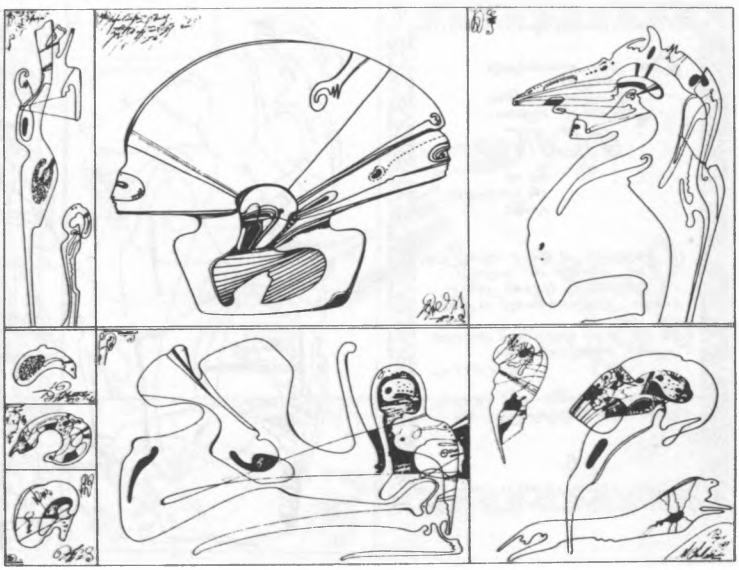

Слон, набитый вещами,
тяжеленный воздухом,
слон, истекающий кровью,
слон – кедр ливанский, –
корень свободный растения
самого время любить,
обогащаться...

Слон обтекающий пытью
утробой времени всего:
иней кровеносных сосудов
гулко в сердце колотится
отсутствующего жука,
слепой крот, проникающий
в коринковый сад мезозоя,
чтобы напоить тезку
страстью человек слепых.

Слон подкожный,
бушующий в сухие пустыни,
слон сумы полощущего,
говорящий:
"Никогда не поздно делать то,
чего можно больше не делать."

4.

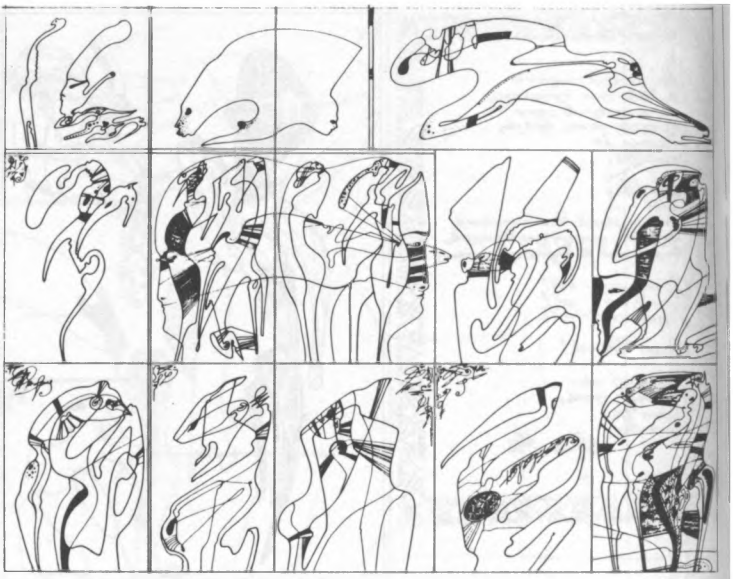
Слон змеи-тропинки.
протянувшейся волну;
слон трупа-иглы, прошедшей
кипящее тело полушария...

Я с чужим временем на
древнему имени На,
слоне поглотившего душу теска.

Темная туша души
тяжелится обильною ног
сокрытостью поверхности листьев
шара плодоносящего.

Опять Твое-Твое
возвращается
в потерянную поэму,
бежит запах
ускользающего животного,
превращает поэму
в басню вкусных
подробностей
о несущественном

5.

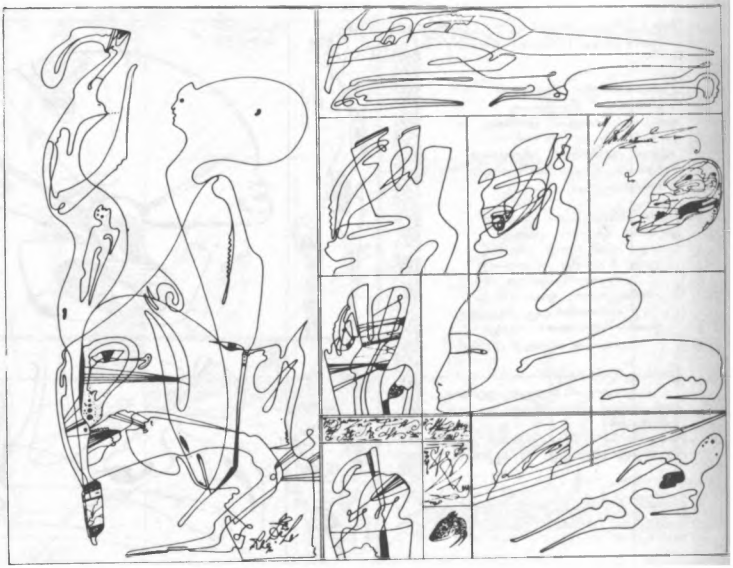
Вот эта молекула
басни,
вспыхнувшая со дна
погибшей поэмы:

ВОЛК

басня
сверкающего
слова

Вскарабкаюсь на ветку куста Вол-
ка. Его убийцы под листом,
где Муравей, высиживая задор,
сжевал, зажмурившись на Том.
А Весь - премудрый аналог
мешал растений соки
в смесь...
Жила природа под кустом
стоя ноги вовремя унесть.

6.

КОНЕЦ

Конец – умная мысль сознания.

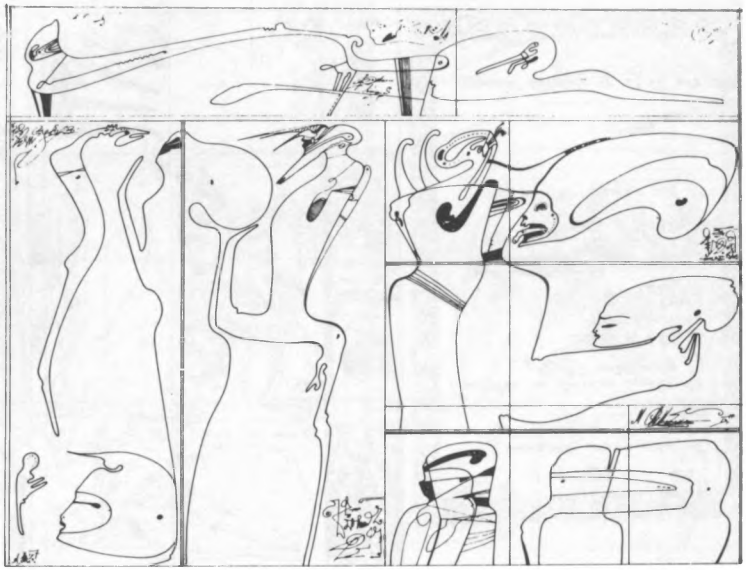
Конец. Что конец? – тревожный вопрос сердца.

Конец. Окончено воспоминание. (о песне ли?)

Конец. Теперь вопрос. Слуга по буквам имени по темечку выбил Красоты дедушки, и пал он гордый сотней воспоминаний? Урга своя Хребтикова двинется по следу стопы Красоты, увозя – печь увечий, бывалые заверты. Оброшюки мостя тогдерды тянут теперь Фингерду.

Конец. В конце пятерых Фингерду! – пусть тоже пьет хощй отравы боль, и пьет в инфо-дактическую соль

7

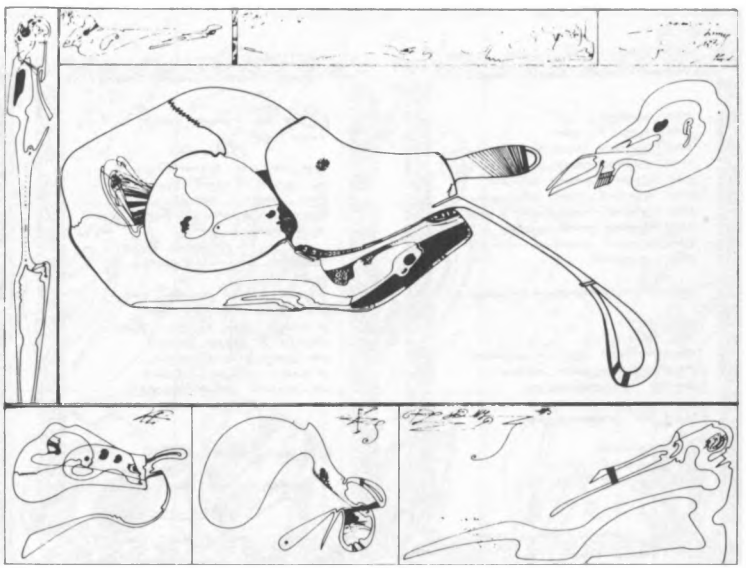
сразу невинности.
Как мысль не дика –
в конце поэмы – новая строка.

Я с ужасом думаю
о замкнутости пространства,
о замкнутости формы
самого древнего воспоминания.

Я оглядываюсь на
звук оборванного времени поэмы,
и вижу, как стайа стонов
медленно,
на тонкой ноге петербургского текста
тронется табором вслед Фирмы
над океаном пустыни.

И в голове колотятся
самой тонкой басовой струной,
как "What is it?"
для Джорджа Дункса,
вечные вопросы к стайе.

8.

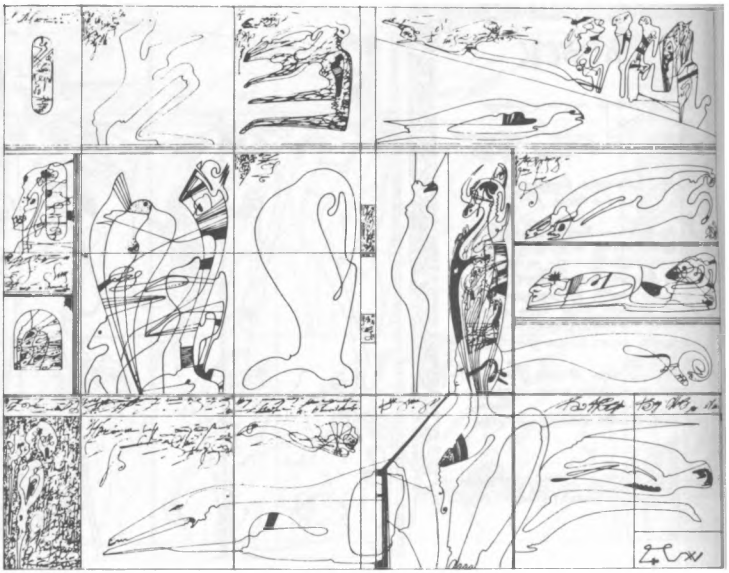

что Ву-Ву-Ву брошенья земного
вопрос
вопрос ...

Вот так-то, музыка!
Теперь я вижу,
как Мы, (оно)
стоновой тропой продолжения
человеческого рода,
следует,
падает,
прется
в омут пустыни.

О вопль тела музыки!
(не первая насмешка ли искусства)
Мы следуем
мысленно
за архангелом пустынного

10.

что музыка
что музыка с ней
что музыка стоит бесплотности
что музыка стоит окаменелости
что музыка стоит подъем
что музыка стоит повергнутого
что музыка стоит стоя и ходя
что музыка стоит обряды и
что музыка стоит
что музыка

что партитура вопль говорящего

свет рояль
свет свет рояль
бесстыдность музыки понятий
рассеянность музыки могилы
могилы протяженность

"ещё бы" партитуры

что музыка
что музыка пи-пи
что музыка буль-буль

9.

Вот-вот и я мое "умрет" —
писал поэт. Вот-вот,
ух „мы" мое летит вперед —
из центра в грудь тоски
(при „живет" и „умрет" — „вот"
бросучим прутом от виска
легка спину).

Пустынь доска
подобна маятнику плача.
Когда тропой стоновой, плача,
Мое-Мое плетется долго,
я плачу сам, дорогой Волги
стекая в озеро морей
от вольных берега погод,
я плачу северного волка
на умный зовот городей.

Ах, умный прут мелкого животного
в гостеприимном доме стоп.

11

О вещий оборотень страха
в костяной раковине гигантского сверлка.

О глотный кузнечик
прыжка в пустоту.

Ах, о!

С живым содроганием
я впитываю в себя этот сгусток,
прогалинную тягу дороги
путешествия
по закоулкам вспоминания
пятьев.

Пятьи стопы — ходьба открытий
Твое-Твое, мерной мерой
растительного бытия,
открывает горсть,
открывает и закрывает взгляд
и там,

12.

в промежутках,
в тканях осязательного
пространства
стен Ма,
просвечивая,
запечатлеет картину пустынного.

Там смыкаются боль и опыт,
надежда и кровинка,
вера и умысел.

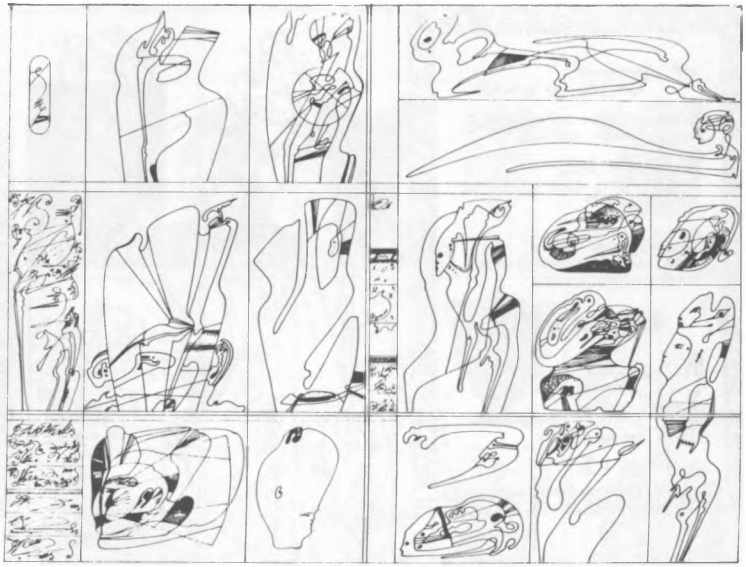
Видимое и невидимое.

Так сплетаются
в открытом-закрытом вагалище
пустот и напряженное.

Так возникает
искусство соединенного.

Так душа камня,
этом насущного,
сплетенных мертвое и живое.

13.

Пустынное и насыщенное,
сплетаясь,
вызывают отблеск,
отклик,
воплощают рисунок
пропавшей поэмы.

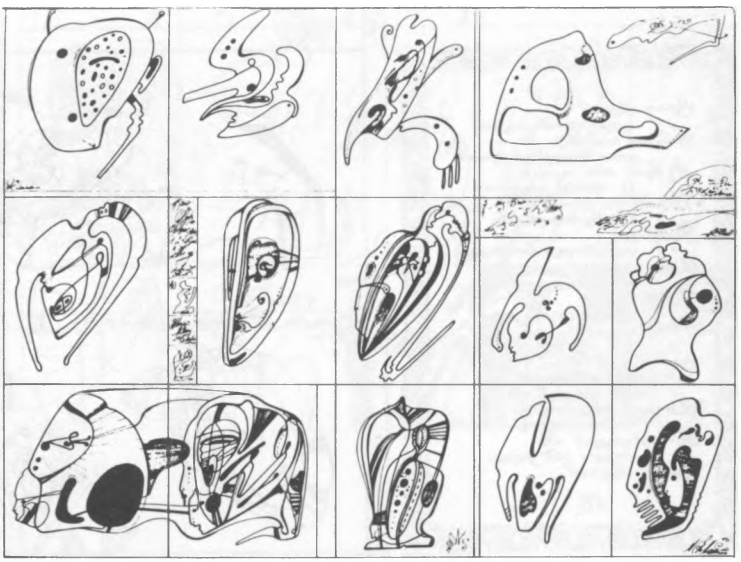
Изображение погибшей поэмы
присутствует при
рождении Ма,
при "МЫ" творчества.

Здесь сворачался город стона,
женщин тяжелей тягуны
страсти.

Здесь клубок светоносного
обретает видимую плоть.

Здесь горячая вода
и светлый камень

14.

над дерзанием
прекрасного чувства.

Здесь на язык медведя рос
лес тростник подков.

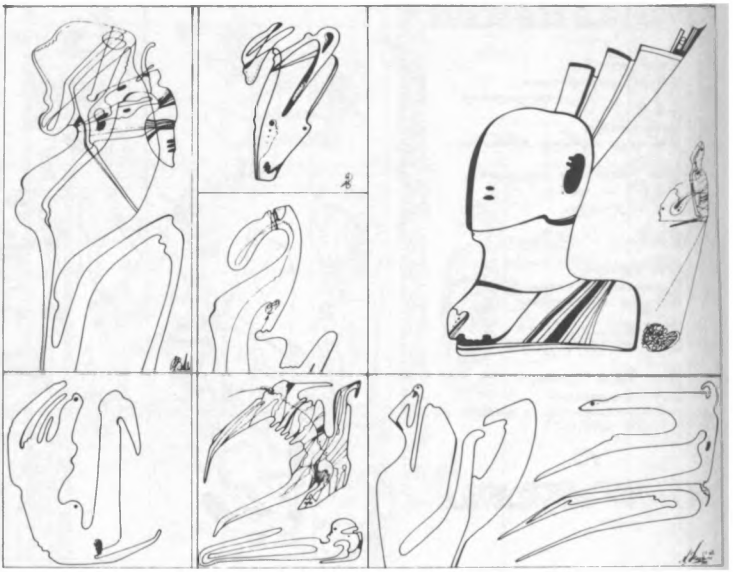
И здесь я вижу
возникновение музыки из тьмы
нерасчленённого.

Изобретенья слов
над пропастью оркестра
встанет вот так:

ИГОРЬ БАХА

Как жаворонок трели
говорящей нёбо
Полдня полдень
знойного пространства
Смолы кипящей ковш

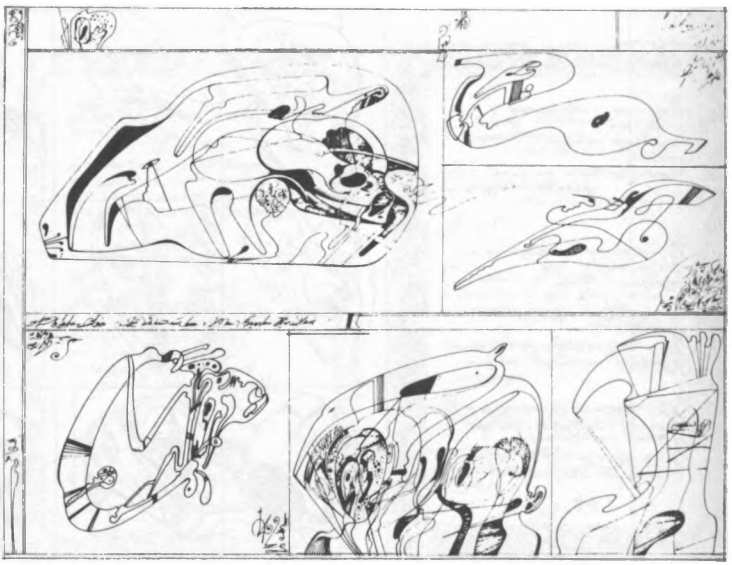
15.

Земли обычной
торжественной минуты
Пой, пой прохладу
затем бегущей тамарски
В венок лба легкого
из листьев горизонта
Как будто встать
и небесам утро
Которому
проснувшимся волнением
Должны искать
исторгнутого звука
Искать - найти
невидимого тех рук
Мгновение

Как утра жаворонок
ковш кипящий неба
Бегущее пространство
вступь - легко
Лед говорящий тех
поющего под утром
Земли обычной

17.

Той, под которой
торжественной минутой
Ногой, под пятой
прокладу горизонта
Котельного полотна
Знойным пейзажем
Бегущей тропы зренья
Звуки невидимой
Как-будто невесомое волненье
Найти бегущ
проснувшиеся звуки
Бегущ искать
исторгнутого обвала
Молчанье

О сон!
о Не бегущего мгновенья!
(пусто) —
протягивает На,
о, на ладони пустыни подвижной
цветок движений —

18.

говорит стопа:

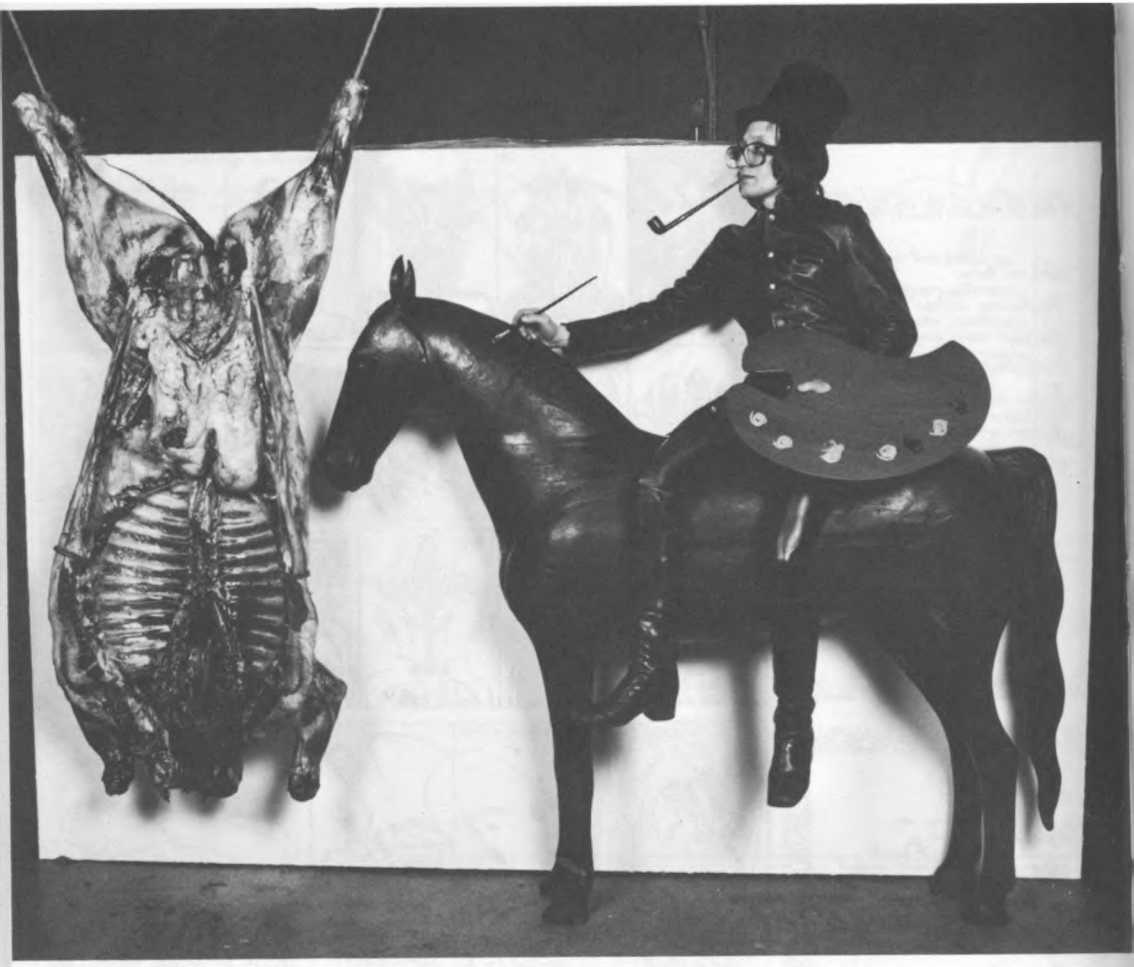
я долго покоилась на
фундаменте тела.
Фреска
созидательно каменной кроной
умело давила, питала
и тела имперской колонной
(растительники белой вороной)
над сводом сна.

О сон металла
пробуждённый!

О сон!

Paris
dec.

„Вера Метафизического Сентиментализма - доктрина, допускающая
чувственного восприятия формы, которая является в известном
смысле парадоксом." (Робер Шемякин)

justification du tirage

Vingt lithographies originales de Michel de CHEMIAKINE
tirées sur velin arches à 100 exemplaires numérotes 1 à 100
plus épreuves d'artiste

N° 1/125 E.A.

tirées par Claude JOBIN aur les presses de GRAPHOLITH

le 7 MARS 1978 à PARIS

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ШЕМЯКИНУ by Kamehameha K[amikadze] Kuzminsky, Texas 1981. @ by KKK.

СКОНЧАЛСЯ И. Л. ТАРТАК

ИНГУШИ В ПАРИЖЕ

флейтисту Дикой дивизии М.Шемякину
и Есаулу

1

скончался тартак
и начался бардак
и скакал на коне есаул
под копытами луг
под копытами мак
и на каждом глазу по бельму

там где маныч река
ты не жди казака
ибо лезет на берег чечен
в длинной шашка рука
в мятой шапка башка
по обличью ингуш и чучмек

газыри на грудях
волоса в бигудях
с золотою насечкой кинжал
и коня сжав кольцом
полосатых кальсон
есаулу кричит он: кунак

хочешь кушай кумыс
хочешь Алла молис
хочешь девушка русый бери
шашка-машка башлык
уружо и шашлык
медной пулей заряжен бердан

в пятигорске поэт
не сносил эполет
и закутался тучей машук
лезет в гору ингуш
ишака взяв за гуж
закусивши губою мундштук

2

цыганку волкодавами травил
пластинку цинка в кислоте травил
жену и дочку чуть не отравил
и поутру с бургундского травил

но все-таки он на глазах трезвел
мудей его задумчивый трезвон
сливался с нотр-дамом
он прозрел
за дебоширство вызван быв к прево

бил булкой по болгарина башке
и в кожаном ходил он пиджаке
он попугая называл жаке
и член сжимал зачем-то в кулаке

3

спой мне ростропович под гитару
полякова песню про любов
и роскошная марина шмара
и со свежей лысиной панов

посадивши голую елену
на вполне троянского коня
эдиком он припадал к колену
бубенцами между ног звеня

ах мечтами в кивере солдата
с чубуком моржового хуя
спой про то что очень бородато
и в техасе пропадает зря

и танцует голая графиня
с тушей освежеванной быка
и свиными глазками в графине
есаул напрасно ищет дна

и жену он загоняет в раму
делает из морды натюрморт
и в нью-йорке вспоминает маму
и с тоскою смотрит на трюмо

4

то глезер то нахамкин
подложат в чай соплю
он припадает к мамке
фарцующей в сен-клу

и красными штанами
сверкает есаул
который между нами
точил свой оселок

и песни пела дина
и вторил ей максим
и тела половина
усохла от тоски

тогда элен ли-хантша
на протяженьи лет
и очень элехантно
его вводила в свет

но карпантье с гобером
наслали тьму девиц
поэт остался с хером
художник без яиц

5

и войдя в контингент
он пошел в континент

и максимову там показал
оторвав у коня
бубенцами звеня
и мундштук янтаря покусал

нет ни шашки нет ни
темляка что звенит
ни ружья ни патронов к нему
то ли шпоры звенят
то ли что из меня
вытекает скрываясь во тьму

взявши в руки иглу
гениальный ингуш
начал пластик карябать опять
получился офорт
что похож на аборт
и на реку с названьем оять

за окошками лувр
запах крашеных мымр
и джаз-банды гремят в мулен-руж
никуда не ходил
и в себе находил
много мелких и сморщенных груш

каковые поклал
на холсты и пока
все не продал нахамкину ко
корку хлеба жевал
и опять наживал
капитал что добыть нелегко

6

не приживясь в париже
он двинулся в нью-йорк
сначала дал по роже
какому-то нуво

потом попал на теле
в составе русских звезд
девицы были в теле
имея много пизд

этаж снял на бродвее
в котором жить нельзя
и брежнева бровями
макаровой грозя

сидит и пьет он пиво
и на душе тоскливо
заводит патефон
шульженко ставит он

а рядом в исподниках красных
сидит есаул безобразный
и звонят и звонят в техас они...

13 авг 81

Енот и Хвост в Венеции. 1977? Архив Н.Шарымовой.

A MELANCHOLY BALLAD

i gazed at the moon, it listens to dreams,
i felt for tin in my pocket.
my soul trailed off, she's got a mind of her own
on the trail of fading dreams.

the moon flower confessed, confessed to the heavens
its almost artless deception,
how the world sees it in the tulip of silver,
but god sees it lives by the clock.

while the moon, it snatches the candy
from its neighbor sleeps by--and
finally clasping the bicycle saddle
it floats out into the sky.

i'll live it like this--the gay tambourine
will wake up the world, its dear
pack of cards, and maybe the hard-headed people
will see [illegible] dawn.

[illegible] time like this, what kind of sage
sees down for a bucket of water,
he hails the freedom in the wave that i am
and leaves off his fading cape.

he doesn't get lost, it only because
the prayers of the faithful
he's praying for me, and he sees
invidious specs in my look.

not the beauty of stars--greetings, greetings
i cry to the goddess,
stars shiver me up in their basket--again
i go down into the shadows.

my soul, overhearing the words
jumps onto a branch,
it looks like a cage. Pale distances
is all she leaves to me.

Alexsei Khvostenko

(translation by H. W. Tjalsma)

Fantasy

Декабря шестнадцатого дня,года 1976.Гринвич виллидж.Нью йорк. **86001**

STEREO

Костя привет,мы не знакомы,но общих знакомых по литеру много и по фонарному,который по слухам закрыли.
Ваш адрес дала мне Алина Скоринкина,пишу я вам с просьбой засунуть те бумаги,которые прилагаю в руки каким-нибудь техасским сильным мира сего,как то губернаторам,сенаторам,амбассадам и гладиаторам...
Север,то есть Ист уже права качает и сыплет письмами в Грановитые палаты,но Техас кочумает и ничего о существовании Хвоста не знает,пора их просветить,
Если нужна ещё какая информация или Хвостовские стихи могу ксерокснуть...
Адрес мой на конверте...
Побрящайте забралом и помахайте копьём.

С уважением - Ю. Ярмолинский.

п.с. как насчёт стаффа в южных краях?Здесь уж больно цены крутые и фуфлят как во всех прогресивных странах.

ВОКРУГ

Committee

for

ALEKSEI KHVOSTENKO

ХВОСТА...

MICHAEL S. DUKAKIS
GOVERNOR

THE COMMONWEALTH OF MASSACHUSETTS
EXECUTIVE DEPARTMENT
STATE HOUSE. BOSTON 02133

December 10, 1976

Mr. Leonid Brezhnev
General Secretary CPSU
Moscow, R.S.F.S.R.
U.S.S.R.

Dear Mr. Brezhnev:

It has come to my attention that Aleksei Khvostenko, a talented, young Soviet poet, has twice been denied permission to emigrate to Israel.

His case, which I believe is typical for many Russian Jews, represents a grotesque violation of both letter and spirit of the Helsinki agreements.

Mr. Khvostenko should be allowed to exercise his right to emigrate from the Soviet Union. I trust that you will intervene in his case to ensure that his right is upheld.

Yours sincerely,

Michael S. Dukakis

MSD:ma

with centers in Europe, Asia, Africa, Australia, and the Americas

P E N American Center

MEL MENDELSSOHN, Executive Secretary
BARBARA RICE JONES, Associate Secretary

156 Fifth Avenue • New York City 10010 • (212) 255-1977 • Cables: Acinterpen New York

PRESIDENT
HENRY CARLISLE

VICE PRESIDENTS
EDWARD ALBEE
JERZY KOSINSKI*
BERNARD MALAMUD
MURIEL RUKEYSER*
THEODORE SOLOTAROFF

SECRETARY
THOMAS H. LIPSCOMB

TREASURER
ARTHUR A. COHEN

EXECUTIVE BOARD
JOHN ASHBERY
AARON ASHER
NONA BALAKIAN
BARBARA BANNON
DONALD BARTHELME
ANN BIRSTEIN
HORTENSE CALISHER
DIANA CHANG
B. J. CHUTE*
MARCHETTE CHUTE*
TRISTRAM COFFIN
STEFAN CONGRAT-BUTLAR
DAVID DEMPSEY
E. L. DOCTOROW
FRANCES FITZGERALD
THOMAS FLEMING*
ANNE FREMANTLE
ALLEN GINSBERG
HERBERT GOLD
WILLIAM GOYEN
RANCINE DU PLESSIX GRAY
TALAT S. HALMAN
DANIEL HALPERN
ELIZABETH HARDWICK
NAT HENTOFF
FRANK E. M. HERCULES
JULIUS ISAACS
MARC JAFFE
ELIZABETH JANEWAY
E. J. KAHN, JR.
BEL KAUFMAN
ADRIENNE KENNEDY
GALWAY KINNELL
ROBIE MACAULEY
JOHN MACRAE III
JAMES MARSHALL
KENNETH McCORMICK
ARTHUR MILLER*
ALBERT MURRAY
VICTOR NAVASKY
CHARLES NEWMAN
SIDNEY OFFIT
TILLIE OLSEN
GRACE PALEY
ROBERT PAYNE
GREGORY RABASSA
KIRKPATRICK SALE
NORA SAYRE
ALIX KATES SHULMAN
ISAAC BASHEVIS SINGER
ROGER H. SMITH
SHANE STEVENS
MARTIN TUCKER
JOHN UPDIKE
KURT VONNEGUT, JR.
AILEEN WARD
VICTOR WEYBRIGHT
HELEN WOLFF
SOL YURICK

* Past President

December 1, 1976

General Secretary Leonid Brezhnev
Central Committee of the
Communist Party of the U.S.S.R.
Moscow, U.S.S.R.

Dear Mr. Brezhnev:

As you are probably aware, P.E.N. is an international association of writers opposed to the suppression of freedom of expression anywhere in the world. The P.E.N. American Center represents 1500 American authors and editors.

We are deeply concerned that our colleague, Aleksei Khvostenko, has more than once been refused an exit visa to travel abroad. Mr. Khvostenko is an accomplished poet and creative artist who is rapidly achieving notoriety in the international literary and intellectual communities.

With particular reference to the Helsinki Agreement, we urge you to permit Aleksei Khvostenko to emigrate to the country of his choice.

Respectfully yours,

Francine du Plessix Gray, Chairperson
Freedom to Write Committee

Arthur Miller
Member of the Executive Board

Kurt Vonnegut, Jr.
Member of the Executive Board

FG:wls

A MELANCHOLY BALLAD

i gazed at the moon, it listens to dreams,
i felt for tin in my pocket.
my soul trailed off, she's got a mind of her own
on the trail of fading dreams.

the moon flower confessed, confessed to the heavens
its almost artless deception,
how the world sees it in the tulip of silver,
but god sees it lives by the clock.

while the moon, it snatches the candy
from its neighbor close by--and
finally clasping the bicycle saddle
it floats out into the sky.

i'll put it like this--the gay tambourine
will wake up the world, its dark
back of cards, and maybe the hatchetheaded people
will greet the dawning soon.

at a time like this, what kind of sage
goes down for a bucket of water
he hates the freedom in the way that i am
and takes off his fading cap.

he doesn't cast lust, if only because
the prayers of the faithful
he's praying for me, and he sees
insidious space in my look.

not the beauty of stars--greetings, greetings
i cry to the goddess,
stars cover me up in their basket--again
i go down into the shadows.

my soul, overhearing the words
jumps onto a branch,
it looks like a cage. Pale distances
is all she leaves to me.

Aleksei Khvostenko

(translation by H. W. Tjalsma)

м е л а н х о л и ч е с к а я
б а л л а д а

ученик басё/телевизионная пьеса.

"я чую дрожь и в членах и в костях
меня винят, что совершил я это"
эдип
"разумеется, пугало из разноцветных перьев"
из той же поэзии.

действие.

помещение в этаже, лес, шум /он дик/, "эй, лодку" но, впрочем они
тянут катушку с проводом, но, впрочем, кровь, кровь, кровь, кровь, сперма.
её хватают и волокут в беседку. волос, поворачиваясь к скуле,
"маша тащи самовар". выстрел. порядок смерти. увы, увы!
быстрым шагом он покинул город.
голос:
"что вы там делаете с этим ёбаным автобусом?"
пока отец считает члены сына, составляет тело. бесформенный,
уродливый обрубок.
голос:
"вот это бока левого примета"
откуп, косой треугольный парус перед фок мачтой, агаву самоё.
гниющий дед. сосёт её хуй, весь экипаж на борту корабля.
голос капитана шаманя: "я умереть могу"
взвизг: "кто берёт железо"
взвизг: в задницу, раздвигается, вздвоены.
было темнее. темнее чем сейчас. сейчас не темно. сейчас всё
отчётливо видно.

басё:/выставив в окно пулемёт: чужую кровь и семя/я вам покажу,
хлопники, блядя! ебанные пушки! пиздорванцы!
/делает очередь/
там падают, снова падают и ещё раз падают.
басё:/устало/пиздец...
маша:/вылезая из-под ящика пулемёта/где твой конец?
басё:/удивлённо/ и ты, блядюга, здесь?
маша: нет, не я. это он меня заставил. говнюк!

выстрел
медленно пролетает сковорода
мороз
басё падает.

маша садится на пулемёт, корчится в родовых муках, ем гадко.
кидает в дверь гранату. появляется повивальная бабка.
пытается вынуть плод. выстрел. падает. шесть резвых близнецов
снимают мясалаты. истово крестятся.

басё:/чавкает, собирая свой труп/ах вот как. шестеро!

тут входят два монгола и всех выносят.

конец.

а. хвостенко

Тот же мир: звезды, чернаки, но все вещи ведут себя иначе, неприбычно. И почему бы нет? Здоровая реакция против наших поэтов.

Сергей — лучше — надо издаться в Сан-Франциско.

Алеша, конечно, умеет склонять темя... Но это мужицко-барское неправильное склонение. Грибоедов: НЕТ БУКВЫ.... Лермонтов: ИЗ ПЛАМЯ. Ю.Ч

Тема Алеши Хвостенко: лирический пантеизм. Сколько свежести, воздуха, живой природы. Влияния: ранний Пастернак, поздний Мандельштам, средний Заболоцкий. Не очень понятно: но все так зримо, вкусимо, осязаемо. Хвала творению и через творение Творцу. Ставлю на Алешу. Ибо он сделает то, что едва ли сделает Бродский. Станет большим поэтом.

ну как письмом отправить эту скуку,
каким лещём умаслить вашу руку,
какой рукой отечество спасём?
как живы мы?умеренным овсом.

вот времечко - охапка бытия,
тепло души на пару телогреек,
случайный ттыб под листьями идеек,
на свет судьбы и слабый возглас - берег...
бери,листай страницы жития:

Бода,песок и клюква и трава,
дрова,костёр,любовь на мягкой шкуре,
а может откровения слова
в пустой орех - игрушку пьяной бури.

проверь,попробуй первым - ты и я
что дале,там за синью беспредельной,
рай воскресенья,чёрный понедельник,
концерты баха,или тишина.

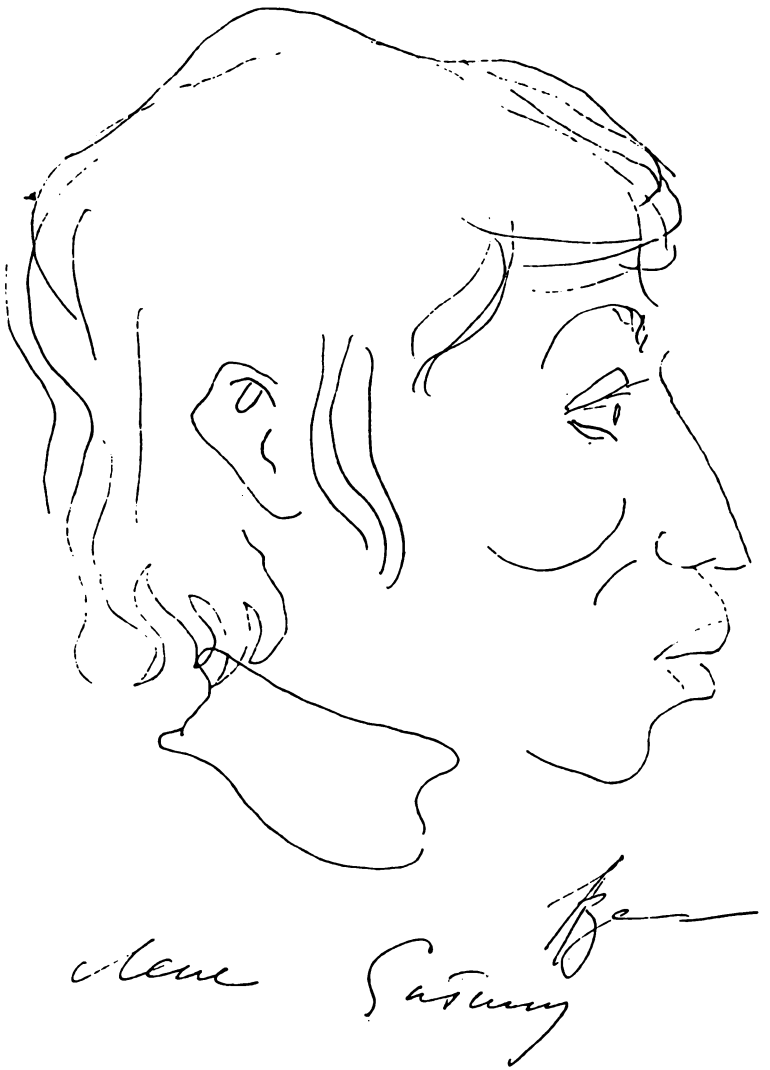
развёрсты рты,да залеплёны уши
парят ли там освобожденно души,
а может цепь,а рядом старшина.

нет,если в назиданье и смущенье
нас ввергнут в новый круг коловращенья
оденут цепь и в руку сунут нож -
должны чертить мы всюду слово Ложь.

а.хвостенко

Зирокс из подборки Хвостенко, присланной мне Ярмолинским в 1976 году. Оный же текст опубликован Хвостенко в подборке Ентина в журнале "ЭХО" в 78 или 79 году. Кто из них автор текста, пускай разбираются сами. Помещаю его просто посерединке.

ККК

ENTIN

Портрет Л.Ентина
работы А.Хвостенко.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 6-му СБОРНИКУ ВЕРПЫ

Итак, и на нашей улице прогресс. Им отмечены даже изменения погоды.

Нельзя не порадоваться некоторому обогащению фауны. А так как первой вершиной ее эволюции следует считать психические процессы, то перед нами ее прелестный и одновременно устрашающий итог - Верпа.

Охотились на этого зверя многие. Но постепенно трудности отпугнули "незаинтересованных", а шкуру и мясо Верпы действительно способен оценить не каждый.

Однако в атмосфере мороз, то бишь некоторое ужесточение.

Поэтому автор предисловия хотел подчеркнуть, что его мысли призваны вернуть былую популярность Верпы, напомнить о занятных повадках умного зверя, воскресить некоторые особенности культа Верпы, обнаруженных в самых неожиданных местностях.

Но вначале посмотрим, где же обитает Верпа.

Внешние, топографические приметы, только исказят ваши представления о повадках и привычках Верпы.

Франсуа Вийон, поклонник и ценитель, оставил нам ценные трофеи, добытые, правда, довольно давно. Кое-какие данные его биографии и те замечания мужественного спортсмена, которые сохранили нам века донесли до нас ценный опыт.

Но только теперь, когда урбанизация наделила зверя всеми чертами нашего века, - охотников сменили исследователи.

Тем более изумительны результаты ветеринара-верпатора и охотника Хвостенко. Практически, в данной области основные достижения принадлежат ему.

- Верпа на дороге не валяется. Утверждение, что Верпу можно выследить в психиатрических больницах, основано на недостоверных источниках.

Самое убедительное - это трофей. Так всегда считали настоящие поклонники и сторонники Верпианы.

Но Верпу трудно выследить, и поэтому мы можем по циклу "Силуэты Верпы" просмотреть процесс расшифровки случайных встреч, впечатлений, почувствовать всё напряжение, которое испытывает идущий по следу.

"Силуэты" учат не доверять. Дубликат - это дубликат, но что делать с дубликатом. Сквозь него надо пройти.

Это трудно.

Иногда - утомительная погоня.

И тогда приходится бежать, переплывать рвы, тонуть в разной совершенно посуде, и причалить в Кэмпе.

- Нет, уже полгода не видели и не слышали.....

..... а на этот раз сидеть в засаде, не надеясь на успех.

Но труд никогда не пропадает паром. По крайности, в

нашем городе выпадает иней.

Его можно слизывать.

А снег можно шевелить палкой. Смотришь - нашел, "скелето приятелям".

А если отправиться за Верпой в воздух, то возникает масса дополнительных ощущений.

Там тоже бывает много интересного.

Об этом "Памятник лётчику Мациневичу". Состояние экстаза продолжает сквозить в замечательных строках последнего цикла "Правда о Рпанге".

Хитрая Верпа пытается спрятаться в дебри языка. Но мы применяем предложенные А.Хвостенко химикаты, и хитрому зверю не уйти.....

- Внутренним взором гурман-читатель может увидеть, как поджариваются на углях самые лакомые куски в присутствии счастливого охотника. Поневоле позавидуешь.

Не печалься, читатель.

В интервью с нами А.Хвостенко сказал:

- Как только все станут художниками, каждый сможет постоянно общаться с Верпой.

- В будущем этот зверь станет домашним. К нему привыкнут и полюбят.

- Я уже сейчас заметил, что верпа любит, когда ее гладят против шерсти. Коллега Рпанг не внял моим советам и растерял собственное Трево.

Да, я тоже ценил Рпанга, поэтому мне и хочется закончить свое скромное предисловие наряду с приветствием герою-охотнику Хвостенко и его техническим сотрудникам, скорбными словами, обращенными к трагической фигуре Рпанга:

- Спи спокойно, дорогой друг. Твои Трева соберут другие. Получится изрядный монумент. Действительно не рукотворный. Я верю, что всем звездам на небе есть место. И тот скромный свет, который долетал к нам от Тебя, не затеряется среди более ярких созвездий.

Леонид Ентин

По городу, по корду, по весне,
По ризнице, по бубну, басу, бане,
По вкусу ветра, по прямой сосне,
По дюнам днём, по незажившей ране
Прокатится невыкованный рубль,
Руль в зеркале, приставленном к затылку,
Заплаканный, проглоченный июль
Обиженный, величиной с бутылку.
Но глазом не моргнув, не выдав слез,
Мираж в гараж, а девушку в больницу,
На остров каменный нас мотоцикл увез
Я спрятал деньги те под половицу,
Но в воскресенье раздавив стакан,
И кровь слизнув с пораненного пальца,
Я у подъезда воду расплескал
И в дом привел другого постояльца.

Гаврская 6-67

Мнемоническое упражнение

6 - 67

" Какая тайна в этих трех
Какое слово больше скажет
Какое чудо зверя свяжет
Какая вера больше врет..."

В.Эрлю в день

рождения

/печатается с автографа/

А.С.

Отринутый от преющей земли
Локаторами лужи обнаружен
Худой и длинный ты кому-то нужен
Для выпаденья соли и семьи
Над жаждой жить безумия пожар
Рассыпан дар и день не состоится
Сны слишком кратки - в лезвие ножа
Тень имени от памяти таится
Но вырезают крылья журавлям
Что тяжелее воздуха, понятно
А милость бога навсегда невнятна
И завязав прозрение и смысл
В прозрачный узел птичьего полета
Судьбу твою просматривает кто-то
И бред ампира на балконе рысь

Володе Эрлю

Расшитые нитью свирели
Прозрачные осени дни
На платье твоем запестрели
И мы на дороге одни
Так зрелая музыка лета
На даче внезапно забыта
Так полная миска салата
Веселое чудо - еда
И нынче пустое пространство
Венчает рассветы на царство
И странствие птицы сулят
А слабые крылья болят
Качается бренная бронза
Летит колокольная медь
Случается зимняя проза
Как отдых - в дороге угроза
Замерзнуть, заснуть, заболеть.

1973

Я, милая, блуждаю, как Тезей,
И телефону - нити Ариадны
Готов грозить бессонницею всей
Пустой квартиры, одному громадной.
Невыносима эта тишина,
Как просто в одиночку заблудиться
В двух теплых комнатах.
Одна освещена,
А во второй молчание разбиться
О зеркала пытается. Портрет,
Кровать, как ложе пьяного Прокруста,
Все вещи умерли,
И пепел сигарет
Меня в астматика вербует
Книгой Пруста.

Нескоро понял я,
Что горек хлеб,
Который мы съедаем
в одиночку...

Ж.Хмелёву

Я благодарен за приют,
Где к хлебу - соли
Мне униженье подают,
Как ковш застольный.
Я жил на свете вопреки
Такой диэте,
Жестоки только дураки
И дети.
Прощай! Обиды тяготят -
В дороге,
А изъявления любви -
В остроге.
Спокойна вечности вода
Не отражает
Как удовольствие твоё
Свиней рождает.

Зима 72 г.

Ллойд

Уроки брать не очень я устал
Но, видимо, совсем не в этом дело
Состав веществ не составляет тела
А тут и происходит ледостав.
Сейчас весна меняет климат наш
Но он во мне не вызовет улыбку
Ладонь чудес толкнула нашу зыбку
И всех пьянит младенчества кураж
Десница та...
Но мне, признаться, вчуже
Высокая осведомленность та,
Которая несет ко мне на ужин
Сто словарей зеленого листа,
Но все-таки о холоде: пора
Подумать нам не о горячей ванне,
А о других материях двора,
Где стужи наблюдаем прозябанье,
А тело-то, да вот оно, ага!
Состав под насыпь в умоисступленьи,
Не ожидай, что слово - преступленье,
Решенье дела, Агасфер-ага.

/А.Хвосту/

Долфи

А все-таки довольно простоты.
Ее на всех и всякому достало
А ты блуждаешь, обходя кусты,
Рукой ломая веточки устало
И цедишь нам целительный бальзам
Мы вкус его ненадолго забыли
С тех пор как сваи в берег позабили
Смиренно тянем тепленький нарзан.
Про нашу жизнь вы знаете. Она
Скорей всего - не начиналась вовсе
А так, приснилась. Некая вина
Ей до сих пор в углу ломает кости.
Горит костер, мелькает твой колпак,
Снимают казнь. Потом ее забудут
Потом идею новую обуют и размозжат
Испанский тот башмак.
Готовится охота на хромых,
Лечи ступню. А лучше скрыться в горы
Об этом говорили мы у Юры -
Путь вымощен и ясен для иных.
Спасайся...

Что мне любовь твоя,
Что злоба,
Что ложь,
Что правда -
Всё равно.
Я знаю между нами яму -
Сырую рану луговины детской,
Молчание средь хора насекомых,
И хора птиц,
Ту паузу без плоти,
Ту щель в иное - не хочу туда,
поэтому мы молча кружим рядом
Мы разделили эту тайну взглядом,
Нам не дано вернуть ее обратно,
Мы врозь ее - единую - несем.

1969 г.

Уехать в Персию,
Оборванным голодным
глядеть в пустыню.
Пусть приходит солнце
К ногам усталым.
Пусть не будет веры,
Смущенья, жалости...
Вода, песок, колючки
И пустота прощания.
Иная - мне невозможна
участь.
Наступила моя вторая половина
жизни
И тяжело, пожалуй,
наступила...

1969 г.

ПИСЬМО ДРУГУ

Ну как письмом отправить эту скуку,
Каким лещом умаслить вашу руку,
Какой рукой отечество спасем?
Как живы мы? - Умеренным овсом.

Вот времячко - охапка бытия
Тепло души на пару телогреек
Случайный гриб под листьями идеек
На свет судьбы и слабый возглас - берег...
Бери, листай страницы жития:
   Вода, песок, и клюква, и трава,
   Дрова, костер, любовь на мягкой шкуре
   А может - откровения слова
   В пустой орех - игрушку пьяной бури
Поверь, попробуй первым Ты и Я
Что дале там - за синью беспредельной
Рай воскресенья, черный понедельник
Концерты Баха или тишина
Разверсты рты, да залеплены уши
Парят ли там освобожденно души
А может цепь и рядом старшина.

Нет, если в назиданье и смущенье
Нас ввергнут в новый круг коловращенья
Наденут цепь и всунут в руку нож
Должны чертить повсюду слово Ложь.

1968

СЛУЖБА

Не возможность, а надобность...
Слово -
   словно ложка царапает горло.
   Лорелея горячим питьем -
   жизнь научит державное жерло
укрывать разноцветным тряпьем.
Не беда, что гнилая основа,
   повторяется сладкий обман -
   порох в погребе, ночь и туман.
   Не зевать, господа офицеры.
Боги жаждут, гуляют химеры -
вызревают дурные примеры.
Хлеб насущный ученым умам.

1970

КАНАТОХОДЕЦ

А.Волохонскому

Что, знающий, и ты в тенетах слаб,
И власть теней тебя не отпускает,
И если небу дорог мудрый раб,
Смущает ад далекими свистками.
Пусть хлопают. Натянутый канат
Качнет несчастье понадежней басен,
Но высота! О кислый плод - гранат,
Ты только в рассмотрении прекрасен.
Нет, лучше падать в теплый чернозем,
Зерном любви нечаянной и робкой,
Чем там - внизу толпы веселый гром
И стали нержавеющей коробки
Внизу танцуют. Кофе бьет в висках
Встречай, земля. Вперед, отбросим опыт,
Слепят огни, Алхимия - тоска
В передней дюжих санитаров топот.

31 мая 1969 года.

З.Богданову

на день рождения -

25 декабря.

Нет совпадений горше тех,
В которых проявленье смысла
Упрятано в нагие числа:
Добро и зло меж черных вех.
А ныне - ныне Рождество
Мороз на улице - 13
Никто не думает стреляться
И ветер сеет торжество.
А новогоднее обжорство -
Награда разума притворству,
Но пустота твоих аптек
И зимних улиц начертанье,
Унылых пьяниц бормотанье
И сонный бред усталых рек -
Всё тянет вспять.
Подобье мысли
Лишь на мгновение повисло
В убогих строчках, в смене стен
Но Богу - сын, а секте - член,
Опять один,
Опять его
Не принял мир
за своего.

25.12.69 г.

Любовь, поделенная на три
Случайных части, счастья не сулит /удачи/
Стучат часы - вчера, сегодня, завтра
И понедельник снова жить велит
Но только ты, отец и покровитель,
Необходимый утра отравитель,
Твоя ладонь на голове моей
Ведешь - не жалуюсь
Дышу, взыскую, жажду
Твой меч и щит
Морозный воздух режут
Ржет конь шестиголовый
Адский запах
Меня опять преследует в такси
Все так, все так
Замешкались надежды
пропали страхи
где-то там в пустыне блуждают страхи
С поздним сожаленьем
я познакомился
и им теперь доволен
доволен
болен
здешних мест болезнью
бежать к воде
потом брести обратно
попробуй эту жажду утолить

/25.1.1965?/

Я вяну от дыханья твоего
Что щит Персея
что сирены щебет
Есть только столб
дорога
плоский свет на лицах наших
есть обеты
нет
только правды
истины
сикстины
Есть журавель колодезный
вопрос
к пустому небу
Кто зачем родился

1968. 12.

Всё блажь. Причуды освещенья
А ты шагай себе, дрожи
Перебирая извлеченья
Из пьяной правды - к трезвой лжи.

1969. январь.

Я уеду, не оставив ничего -
Ни итога, ни начала -
Зря меня поили чаем,
привечали.
Заторчали?

Заработаю динарий и отдам
нет, не хватит -
затаскают по судам.
В рваном платье
неудачница, избранница моя,
нам не платят.
До свиданья -
анонимные
и взаимные
каша манная
грусть лимонная
до свидания.

1969

Не кончается жизнь -
обрывается нить...
Ни твое, ни мое
просто небо.
Лабиринт простодушному рад
только не был
хитрый раб в темноте
где закручено в радуги
яблоко глаза
Там за шалость - проказа.
Ах по лугу цветущему
мертвые дети
хоровода хрустального
водят печальные плети
А любовь - что кащеева жизнь
В дивной птице иголка
И кентавра стрела
И луна на зубах у голодного волка.

1970

BOKSHTEIN

Илья Бокштейн. стихи.
5 текстов

Киноварью облит небосвод,
нинокадрами дети
под зудем.
поладоням их солнце
плывёт.
А ладони большие,
как шёроха уши.

Фото

Четыре фото

За стеклом бродит
сумрак угара,
краски тигра на брюке кота.
В сфере щель-
это вспышки пожаров,
золочённые птицы
в их ртах.

Я брожу по закоулкам
с витражом воображения,
в звенящем стакане
на чёрном столе
плавно вращается звон
моего приближенья.

3/ ЗОЛОЧЁННЫЕ ПТИЦЫ
ВИХ РТАХ

ИЛЬЯ БОКШТЕЙН

в трех эпиграфах

В одном ученом дневнике
прочел я имя Авиценна
Моя душа по доброте
моей собаке равноценна

/И.Бокштейн/

Есть в лагерях некий ритуал: когда арестант выходит на свободу, надо попытаться, если арестант рассеян, запуган или безволен, заставить его пожать "на прощание" руку кому-нибудь из тюремщиков, да так, чтобы в с е в и д е л и ! Илюша Бокштейн был безобидным, незлобивым и безмерно рассеянным человеком и, когда он выходил из зоны, начальство поручило именно Иоффе /все-таки "земляк"!/ вырвать у него рукопожатие. Толпа провожающих и кучка начальства замерли, когда Иоффе, улыбаясь, с протянутой рукой двинулся к Илюше. Бокштейн поднял недоумевающий рассеянный блеск своих могучих диоптрий: "Руку? В а м ? Вы... предатель еврейского народа!" И пошел сквозь ворота под торжествующий вой как евреев, так и антисемитов...

/А.Радыгин/

Я слышал, что именно Илюше Бокштейну посвящен знаменитый "Бумажный солдатик" Булата Окуджавы...

/он же/

А я добавлю - я вижу в нем безумие Хлебникова.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Полагаю, автор лучше знает, чем он занимается.
Пишет Бокштейн:

... Постараюсь на предложенных Вами 3-5 страницах рассказать о своем творчестве.
Основные проблемы привлекающие меня:
I. Философия, особенно философия изучающая проблемы посмертной эволюции сознания /gron/грон/ посмертная эволюция сознания/
Этот вид философии "оксигран" /oksigran/
я называю: "оксигран" /oksigrán/
оккультная философия, или точнее ОКЗИАГРА́Н
OKSIAGRÁN /оккультно-эзотерическая философия/
а т.ж метафизика sofim /софѝм/.

Ей посвящены Беседы /в осн. диалоги/
персон "Аверонны" /часть к-рых вы имеете/
Философию Астрамов Аверонны
я называю логотворчеством - Ло́н-Криша́н
Lón-Krishán. /по англ. это - Ло́джи-Криэ́йшин/
Она включает собственную космологию, мифологию,
и "гранхиологию", /или Софранологию/
- собрание философских ситуаций - "гранхов"
/granhy/. персон Аверонны. и Софранов /именных
философских ситуаций, носящих имена
их ведущих участников,
А также "так наз." - "экстремическую поэзию"
"Exterma poetry", или Sofiárta /Софиа́рта/
и создаваемую персонами Аверонны
/то есть мною/ на экстремическом
языке "Акрила́нта" /Akriláṅta/,
или "Exterma-language" / или просто "Экстерма"
предназначенном почти исключительно для эстетизации
оккультно-эзотерических
и метафизических мыслечувств
/aksináṅty, efináṅty/ оксина́нты, эфина́нты

Принципы логотворчества излагаются
в экстремическом словаре,
гранхах Аверонны,
и в ключах экстремических стихов.
/Refisy/ /рефисах/
Это принципы: Олицетворения
потенциала сознания "Церта́нт" /tsertáṅt/
учения о "гро̀унсности" - разноуровности
сознания, сфер восприятия, и значений
экстермических терминов /exséty/ эксе́тов/
/уровни понимания и восприятия бесконечного/ exséty/
А т.ж, об амплитудах
метацентра мирового сознания
/Gánra-Tántra/Га́нра-Та́нтра/.

Gánra-Tántra / учение об амплитудах
метацентра мирового сознания /,
а т.ж. о принципах эстетики,
и транцэстетики Ilnés / Il'nés / Ильнэсс /.
и др. принципов логотворчества /сейчас их 23/.
И поэтому мое искусство /поэзия/ стремится
базироваться
на собственных сюжетах, философских
ситуациях и мифах /Аверо́нны/,
а т.ж. на ее /Аверонны/ исторических
событиях, хотя у/меня есть
фантазии /Афанты/ - на сюжеты
земной истории и Искусства, напр.:
Afanta-59 /"Историческая"/, фантазия "Рембрандт",
/А-48/, Афанта - Питер Брейгель /А-46/,
Афанта - "Иероним Босх" - А-47, Афанта-14.
А т.ж.: Афанты на сюжеты мировой литературы:
"Афанта-Гамлет", /А-52[а]/, А-та - Магбет /А-52[б]/,
А - Дон-Жуа́н /А-51/, Афа́нта - Те́мпист /Буря/. А-50/.
А т.ж. на религиозные сюжеты:
Afanta-Oksárta /А-56/. Afanta-55
/Афанта-окза́рта/А-56/.(Christian poem)
Афанта-55 "Христианская поэма"
Афа́нта-Ю́тома /А-57/ Афанта-Юто́мма /
/Поэма-Юдаика /А-57/. Yoga-poem /А-62/
/Поэма-Йога /А-62/. Афанта-Асу́нта /А-58/.
/Afanta-Asunta - А-58/.
В "Аверонне" разрабатываются проблемы
нового философского скачка сознания
Nel'-Sofikúnr. /Не́ль-Софику́нр/
/Нель-Новый / Софику́нр / философский скачок сознания,
от: Sofim /Софи́м/ философия, метафизика,
+ Кунр /kunr/ - сознание. / Лику́нр - скачок сознания /Likúnr./

Кр. тог. имеется "поэзия-Дада́", /Dada-poetry/,
Фовистская поэзия "Яхро́нт" /Yahrónt/
Импрессионистическая, экспрессионистская
поэзия, т.ж. поэзия "многопластного
сюрреализма" /Sürdál'/ Сюрда́ль/,
филогенетической памяти,
Filoméris, /филоме́рис/. Филомерис-/по́эри/
тоже относится к "сюрдалю",
метампсихозы - "Sinórt-poetry" /
/Зино́рт-по́этри./, космологическая поэзия
Astrál't-poetry./ Астра́льт-по́этри/
оккультно-эзотерическая, п-я/
oksinéir, plarism / оксине́йр, плари́зм /
/или пларистическая поэзия - разновидность оксинейра/
и логотворческая /ко́довая/. Или
экстермическая поэзия Extérma-Sofiárta /
/экстерма-софиарта/
а т.ж. поэзия - Линха́нт /Linhánt/ -
с небольшими отклонениями от реалисти-
ческой/описательной поэзии /.
Свою поэзию я называю "Инша́нт"
/Inshánt/ "Инш" - пленка субъективно-
художественного смещения видения, /Insh/, /пленка субъективно-художественного
смещения видения/

"Ша́нт" - слюда /shánt/ т.ж.Ли́nts/Ли́нц.
Lintsán - "Поэзия слюды" /
/ В последнее время,
сделал попытки распространить
иншантную терминологию
на творчество нек. других поэтов 60-70[x]
в России, но не рискую пока захо-
дить в этом отношении
слишком далеко, / у меня чрезвычайно мало
фактического материала о творчестве
других совр. русск. поэтов, и я не уверен
будет ли для них приемлема моя класси-
фикация, она возникла /за некоторым исключением/ либо умозрительно
/она возникла либо умозрительно, за некоторым исключением/
я пытался представить себе направления
современной русской поэзии/,
либо на основе исследования собственного
творчества /*см. примечание в конце письма/.

II. Значительное место в моем искусстве
/как вы заметили/ занимает
исследование творческого процесса.
В вашей тетради это:
1/ Часть цикла стихов "О творчестве"
т. есть - весь цикл послать было невозможно,
2/ Большой фрагмент из
Afanta-Amе́ira-Rinhgа́mma /A-29/
Афанта-Амейра-Рингамма /A-29/
Эта фантазия вся посвящена
исследованию творческого процесса
и смежным с ним вопросам
метамсихозы и алимарты
/Alimarta/ инкарнациям / переселениям
художественных душ /Sirinarty/ Сирина́рты
Irenarty / Ирэна́рты

III. Остальные аспекты моей поэзии:
любовная лирика, элегии,
забавные миниатюры "псички/psichki/
псурды/psurdy/,жа́жы/zshazshy/
мифлѝчи/miflichi/,
психологические и эзотерические
ситуации /окзѝмы/oksimy/.
Эзотерическая ситуация - oksìm/окзѝм/
Afа́nta-grо́nna /Афа́нта-Гро́нна /A-54/, Афанта-53/
Афанта-53/, т.ж. короткие
стихи-микропоэмы /mimfy/Ми́мфы/.
Короткие стихи - афризмы /Lipi/Ли́ппи/
из к-торых пытаюсь составлять длинные.
Есть у меня таюк. соображения
о соответствии цвета и звука в слове,
поскольку в поэзии я хочу достигнуть
синтеза цвета, музыки, образа
и философии, а т.ж.: принципа "Лимра́нт"
Limránt / Многоплановая емкость /
Лимра́нт / - Гармонизация как можно

больше сфер сознания в предельно
малой форме / Лимра́нт-принцип /Limrа́nt/,
и кроме того, хочу исследовать в стихах
по возможности все основные виды
обычных, заурядных ощущений,
Но как воплотить, и совершенно
воплотить эти заманчивые принципы?
А вот это уже - только в руках Провидения.
P.S. /см. оборот/
P.S. Уточняю о себе:
В Моск. Институте Культуры /Бывший Библиотечный/
учился в 60-61. Арестован 6 авг. 1961 в Москве
за недозволенные публичные
выступления на пл. Маяковского. Осужден на 5 лет
/ИТЛ./ Срок отбыл полностью 1961-66.
Отбывал в Мордовском Дубровлаге.

... Вот и все о поэте Илье Бокштейне, о принципах его творчества, и о его биографии: Институт Культуры - Маяковка - Дубровлаг - Израиль.

Слава Богу, его хоть помалу, но регулярно, печатает журнал "Время и мы", а то и не знали бы о существовании безумного и гениального, нищего поэта, пробавляясь ахматовскими прилипалами.

Но об этом см. в статье "Под юбками мадамъ".

Илья Бокштейн, возникнув пару лет назад, так же и пропал, и где он, и что он - не знаю, и Милославский о нем больше не пишет.

Остались три его рукписные тетради, тексты из которых приводятся факсимильно и - выборочно - в перепечатке.

Дорогой Константин! Кроме философии и попытки упорядочить Собственную поэзию, в голову сейчас мне просто ничего не приходит, ваше "вместо предисловия", и метод публикации на мой взгляд просто великолепны и лучшего даже не желаю. Никакой биографии, кроме творческой у меня нет, если бы я вздумал(а) ею... Стр 1 | Я уже написал вам только 3 строчки | родился тогда-то, учился там-то, и т.д. и т.п.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Полагаю, автор лучше знает, чем он занимается.
Пишет Бокштейн: 3/ "Вы ехали когда-нибудь в поезде? Вы помните, / значит в этом биографии

... Постараюсь на предложенных Вами 3-5 страницах рассказать о своем творчестве. ибо из биографии меня интересует только то, что есть

Основные проблемы привлекающие меня:
I. Философия, особенно философия изучающая проблемы посмертной эволюции сознания /gron/грон/ посмертная эволюция сознания/ сигнальных

Этот вид философии "оксигран" /oksigran/ я называю: "оксигран" /oksigrán/ оккультная философия, или точнее ОКЗИАГРАН OKSIAGRÁN /оккультно-эзотерическая философия/) а т.ж метафизика sofim /софим/.

Ей посвящены Беседы /в осн. диалоги/ персон "Аверонны" /часть к-рых вы имеете/ Философию Астрамов Аверонны я называю логотворчеством - Ло́н-Крима́н Lón-Krishan. /по англ. это - Ло́джи-Криэ́йшин/ Она включает собственную космологию, мифологию и "гранхиологию", /или Софранологию/ - собрание философских ситуаций - "гранхов" /granhy/. персон Аверонны. и Софранов /именных философских ситуаций, носящих имена их ведущих участников,
А также "так наз." - "экстремическую поэзию" "Exterma poetry", или Sofiárta /Софиа́рта/ и создаваемую персонами Аверонны /то есть мною/ на экстремическом языке "Акрила́нта" /Akrilánta/, или "Exterma-language" / или просто "Экстерма" предназначенном почти исключительно для эстетизации оккультно-эзотерических и метафизических мыслечувств /aksinánty, efinánty/ оксина́нты, эфина́нты

Принципы логотворчества излагаются в экстремическом словаре, гранхах Аверонны, и в ключах экстремических стихов. /Refisy/ /рефисах/
Это принципы: Олицетворения потенциала сознания "Черта́нт" /tsertánt/ учения о "грэунсности" - разноуровности сознания, сфер восприятия, и значений экстермических терминов /exséty/ эксе́тов/ /уровни понимания и восприятия бесконечного/ exséty/ А т.ж, об амплитудах метацентра мирового сознания /Gánra-Tántra/Га́нра-Та́нтра/.

На оборотах Трёх из присланных Вами тетрадей я помещаю мои рукописные тексты

Т.е. о несущественном помимо творчества биографии рассказать, боюсь — вряд ли. Не сердитесь. То, что вы пишите в предисловии, по-моему достаточно и Архи достаточно, ибо другого не знаю. Только творческих заметок.

/ См. оборот.

стр 2 думаю, поэтому приближения вашего | нашего Антония

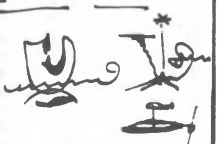
Кто я, чтобы вам кое-что писать кроме своего творчества, то-ест. одурачивать, хотя с сведения по этому вопросу у меня трезвого, как мне кажется, сводки, и кроме того, как бы мне хотелось считать себя ещё и филологом, увы это не так! Правда, приближаюсь к тому житиному с письму во время шиз-32 " и после кое-что "глазами" их, кажется больше привлекает моя "философия", чем "филология" и, по-моему, прозо, филологические исследования умение такие красивые и "экспериментальное" и инициатива "терминологией, к-рая гостеприимно, кажется, /не знаю, сколько с Софиартой |Sofiarta| то мое философское кредо, кажется, / может быть не стоит инвестировать в следующий" в моем возрасте etc. / многие лучшие умные люди уже потеряли и растратили упорство до столь / лучших пор ещё нет связи с издательствами / мы с одним [illegible], / сколько, осмелюсь, лучшие издательства / [illegible], / чтобы готовить уже вас книгу стр 200-300 как писать, моя и больше, / сколько умные фразером с тем этот антитич. (600 стр) но это уже зависит / (св. 600 стр) только от бюджета / и ваших возможностей, или последовательно двенадцать по 300 стр каждая! / ты хотел уже жалкие одну - 500 стр как хотите! / это, дорогой, мне возможно отказаться с публикацией в Антологии, Ваш Ин

Что я услышу в этот ранний час,
Солнце далёко - не увидит нас.
Что же ты сказал мне на прощанье
В последний раз?
Тихо проносится последний час,
И НАШЕ СОЛНЦЕ НЕ УВИДИТ НАС.
Кто же нас обидел,
Сказав: довольно вам счастья раз.

***
Первая любовь
Не оставила
Красоты.
Почему я
Храню её?
Разве горе
Забыть
Тяжело?

Влюблённость наша словно на картине
Красива свидой, а будуще не краше,
Любили мы друг друга для пустыни,
Там слушали Сфинкс вершину пирамиды
И вней полёт звезды - давно упавшей.

Глубины девственной голубизны
В твоих глазах дремучие зелены
Но страсти и страданья не видны
В них только детский страх,
Как будто оборвётся в них вот-вот
Чудесный огонёк и жизнь уйдёт,
Как будто просит у Грешной молвой:
Забудь, что ногою будуя ногой.

2/ Красива свидой, а будуще не краше [illegible]

Тело твоё пахнет как положено
телу и ему лишь одному,
А душа с ним слита так неосторожно,
будто тело - недоверие уму.
В листьях губ - лугов зелёных влажность,
А в глазах - лесов небесных жуть
Будто я увидел третьим глазом
Где мы встретимся опять когда-нибудь

А-1,23

Послушай, сестрица,
Почему я нежней не назвал,
Какой нас чулак поперди?
Хохочешь, поешь не захочешь,
Жалеешь меня, ну, ништяк,
Я буду такой же хороший
Как самая лучшая ложь.

стр 3

А-64, 6.

Увидел на столе я твой портрет
И след руки
Сквозь потолки
Сочился слабый свет
По сигнам заблестели номерки
Что игроки в пока привет:
Увидел на столе я твой портрет
А на паркете - общий след
И зайчик прегад по портрету -
Ломик света
Спросил я свой изнеженный живот:
Не помнишь кто тебя прогладил
Прошлым летом?

А-64,1

Подойдёшь - уйдешь,
приласкаешь - умрёшь!
Ты со мной осторожнее будь
тут.

А-64,7.

Слышу: кто-то сказал: не входи.
Дверь закрылась -
не жди благодати.
Я готов умереть или жить,
Или только дрожать,
Только дрожи всю душу отдать.

А-64,8

Киев. А-64 Отсюда

На мглистых островах
В дупле колдуют дикари
Кошачье глаза девицы
Меня касаются. Косится
В клуб мути лучше не смотри!
Лечу на пёрышке
Несбыточной зари.

А-64, 2

Разлука 2 | А-36, 7 |
Я отвернулась - света было мало
Твой лик в лицо лишь отсвет
На столике дымился светки алой
Мундштук - хребет сожжённого крылка,
По ветке капля медленно сползала
Рука коснулась моего лица,
И на листе дуги обозначала,
Твой уходящий плащ.
И плат мой у крыльца.

А-64 3

Ты глупее ребёнка,
Которым я был,
Ты смеёшься как счастье,
Что я позабыл,
И лукаво ревнуешь меня,
Но к кому?
Мы - две куклы с тобою.
Скоро - не пойму.

Поэта понимает лишь поэт,
А из окна лишь луч - сиятельный свет
Прикосновеньем как и душа
Мне ваша сигарета хороша,
А следующая к ней строка -
Насмешка на камень-скат
И соскользнула, улизнула любовь -
Гуляет не спеша, стишок жевала,
Улыбаясь, шаль

НН

А-36, 8

Убежать мне хочется -
Не смею.
Ближе к тебе -
Вижу - не могу.
Кто же пред тобой
От счастья не имеет
Божество,
Или спичка на спеях?

А-64 4

Ты долго руку руку жал пред расставаньем,
Смотрел с такими чувствами в глаза,
«Домой пора, до завтра, до утра»,
Расправил воротник мне губ касаньем
Слизнул мою слезу, в ней дождь твой отражал.

А-36, 18.

А64,5

Будем обниматься!
Душу вам отдам

Будем обниматься!
Душу вам отдам

Будем объясняться
В будущей любви
Будешь мне сниться
Будто фонари,
Будем мы кататься
В санках по горам

Будем рассставаться душу вам отдам

Близости не вылепить объятьями,
Ты меня зауши потрепала,
И, показав язык, зауныла,
И под ладонью у меня затрепетав,
Вращалась диском платья.

А-36, 17

стр. 4 | Устраивает ли вас, если я буду готовить для вас книгу, этот дополнительный биографический справка? | Я не успела внести нужную правку (прошу текст на руки) стр. / стр. 16 / | этот образец записи?

Дорогой Константин! Ваше "в место предисловия" и метод записи на этой стр. прекрасны и лучше и некуда, Вы уже видите, по характеру искусства, я думаю о проблеме Нель-Софикурпее-Sofikürpee? и хотелось бы создать логотворческий центр в США, напр. но на всё это только воля Провидения.

Думал: нет дружбы прекрасней,
Вдруг прикоснулась едва,
Чудом нескромного счастья
Чудно глаза отвела.
Вспыхнули щёки, смутилась,
Сжала перчатка цветок,
Чистая дружба укрылась
В детстве - нырнула в поток.
Где глубина океана?
Утренний свет на снегу,
Другом тебе я не стану,
Но разлюбить не могу.

**
Оно любимо было
мною,
оно придумано
тобою,
душой увиденной
моею,
кого же я больше
жалею,
себя, или имя
своё?
Как быть теперь
с придуманной душой?

Кольцо твоих рук - мой спасательный круг,
А вокруг - нами сломанный сук.
Я в кольце безысходных намёков, мой друг,
Как безжалостно чист твой нелюбящий взгляд!
Понарошке влюбись, притворись!
Ты всё можешь - скитрила - сомненья молчат,
И кого б не любила, поверю, что рад.

Ты открой мне тайну, что такое в нас любовь,
Если это счастье, почему страдаю вновь?
Может быть страданье?
Зачем надежда с ним ходит вновь?
Волосы твои, что кроны с утренним дождём,
Будто тёмный лес - большой пустыни окаём
Брови, словно рощи, в озёрах лилии вещают гром.

стр 11

Я арендовал улыбку вашу.
для большой арены лжи
ложе мёртвой любви тяжело!

РАЗЛУКА

** Дверь захлопнулась крышкой рояля
В темноте я из щели струной освещаем.

Давно я в пустыне жду влаги зелёной,
А ночью - немного тепла.
Вошла ты, нарядная, в зал освещённый,
Со всеми любезна, немного смущённо
Из лучшего прошлого руку
Безрадостно мне подала.

стр. 12

Ты скажи мне, скажи отчего
Не найти мне покоя нигде?
Мы сошлись только раз на тропе,
Только раз мы ушли далеко.
Эту встречу с собой унесу,
Только раз мы остались одни,
Только раз где-то в тёмном лесу
провожали нас волчьи огни

Душа твоя -
потёмки,
своя - ещё
темней,
каким
бы ни
был
тонким -
не выйти
из теней!

**

**
Привидений - неозаренье.
Хаоса пенье
Вне мне ей вопроса
Одна угроза
Идёт гроза
Удивленье - не упомненье
Улыбки тленье
Урок оптики
В глазах открытки
Азартный зал.

Кто, в свете так, где
В этом сложного,
В поле некто,
Краткие
Сведения
Обо мне/творчестве
Не предисловия
Не нуждаются
В биографических
Справках. -
И в забавную
Анкету в вашем
Письме я отношу.
К вашему
Весёлому
Характеру.

/Сочтением, Ваш Илья/

* Нель-Софикурпее-Sofikürpee

Логотворческий центр Lohsh. (лопш.т.ж: сокращённо - логотворчество Lon-Kr'Shan (лонкришан!

"Новый философский сказок сознания. /Авторские термины/ exsét! exsét!

Думал: нет дружбы прекрасней,
Вдруг прикоснулась едва,
Чудом нескромного счастья
Чудно глаза отвела.
Вспыхнули щёки, смутилась,
Сжала перчатка цветок,
Чистая дружба укрылась
В детстве - нырнула в поток
Где глубина океана?
Утренний свет на снегу,
Другом тебе я не стану,
Но разлюбить не могу.

* *

Оно любимо было мною,
оно придумано тобою,
душой увиденной моею,
кого же я больше жалею,
себя, или имя своё?
Как быть теперь с придуманной душой?

Кольцо твоих рук - мой спасательный круг,
А вокруг - нами сломанный сук.
Я в кольце безысходных намёков, мой друг,
Как безжалостно чист твой нелюбящий взгляд!
Понарошке влюбись, притворись!
Ты всё можешь - схитрила - сомненья молчат,
И кого б не любила, поверю, что рад.

Ты открой мне тайну, что такое в нас любовь,
Если это счастье, почему страдаю вновь?
Может быть страданье?
Зачем надежда с ним ходит вновь?
Волосы твои, что кроны с утренним дождём,
Будто тёмный лес - большой пустыни окаём
Брови, словно рощи, в озёрах лилии вещают гром.

стр 11

Я арендовал улыбку вашу
для большой арены лжи
ложе мёртвой любви тяжело!

РАЗЛУКА

** Дверь захлопнулась крышкой рояля
В темноте я из щели струной освещаем.

Давно я в пустыне жду влаги зелёной,
А ночью - немного тепла.
Вошла ты, нарядная, в зал освещённый,
Со всеми любезна, немного смущённо
Из лучшего прошлого руку
Безрадостно мне подала.

стр. 12

Ты скажи мне, скажи отчего
Не найти мне покоя нигде?
Мы сошлись только раз на тропе,
Только раз мы ушли далеко.
Эту встречу с собой унесу,
Только раз мы остались одни,
Только раз где-то в тёмном лесу
провожали нас волчьи огни

Душа твоя -
потёмки,
своя - ещё
темней,
каким
бы ни
был
тонким -
не выйти
из теней!

**

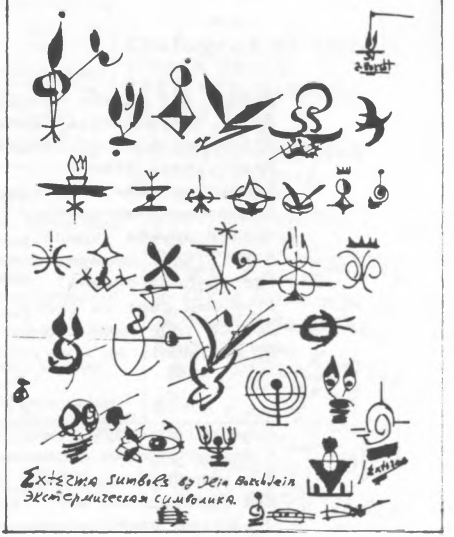
Бокщейн Илья Вениаминович
Юрию Милославскому и К. Кузьминскому
מה אתה יודע על יסודות?

4/июня 79

65.39	30	Zn	Zn	אבץ
238.7	92	U	U	אורניום
121.76	51	Sb	Sb	אנטימון
39.94	18	A	A	ארגון
74.91	33	As	As	ארסן
39.096	19	K	K	אשלגן
118.7	50	Sn	Sn	בדיל
10.82	5	B	B	בור
79.92	35	Br	Br	ברום
55.85	26	Fe	Fe	ברזל
137.36	56	Ba	Ba	ברזים
32.06	16	S	S	גפרית
4.003	2	He	He	הליום
197.2	79	Au	Au	זהב
30.98	15	P	P	זרחן
16	8	O	O	חמצן
26.96	13	Al	Al	חמצן
14.01	7	N	N	חנקן
126.92	53	I	I	יוד
35.46	17	Cl	Cl	כלור
107.88	47	Ag	Ag	כסף
200.61	80	Hg	Hg	כספית
52.01	24	Cr	Cr	כרום
24.32	12	Mg	Mg	מגנזיום
1.008	1	H	H	מימן
54.93	25	Mn	Mn	מנגן
63.54	29	Cu	Cu	נחושת
20.18	10	Ne	Ne	ניאון
58.69	28	Ni	Ni	ניקל
22.997	11	Na	Na	נתרן
87.63	38	Sr	Sr	סטרונציום
40.08	20	Ca	Ca	סידן
207.21	82	Pb	Pb	עופרת
12.01	6	C	C	פחמן
19	9	F	F	פלור
28.06	14	Si	Si	צורן
58.94	27	Co	Co	קובלט
226.05	88	Ra	Ra	רדיום

Extegma symbols by Ilia Bokshein
Экстермическая символика.

эссе 13
Ты прости, что я тебе побеспокою,
я пошлю тебе летающий цветок
ощути его стихию теплоту,
будто между нами светлый бог
нет, он равным сделался по счастью
близости сияющей любви
под крылами невзгодной страсти
хищное солнце отупели!

легкой зорькой кажутся тревоги
16 эссе 14.
эссе №15
как легкий ветер хорошо
на воде лучистые дороги,
с солнцем плящут странные тертоги
плавно солнце обнимая
плачей лёд · шептаний шар.

15
нежность так заманчиво-лукава
как заснеженный сюжет подоконник
почему так незаметно сторонишься
ты
родственных ладоней?
17
твои глаза так искренни, так ярки
в них удовольствие одухотворено
двумя лучами радужные арки
что обвели церковные окна

эссе 14. Я не взаимность полюбил, другой тебя обворожил
эссе 15. нежность так заманчиво-лукава
эссе 16. Когда меня укроет сень
эссе 17. Твои глаза так искренни, так ярки

эссе №14. Я не взаимность полюбил, другой тебя обворожил
ничто всегда была досадой
обоих нас, —
обворожительно-сторонней
родственных ладоней?
15.
нежность так заманчиво лукава
как заснеженный сюжет подоконник
почему так незаметно сторонишься
родственных ладоней?
легкой зорькой кажутся тревоги
как летний вечер хорошо
на воде лучистые дороги —
с солнцем плящут странные тертоги
плавно солнце обнимая
плачей лёд · шептаний шар.
17
твои глаза так искренни, так ярки
в них удовольствие одухотворено
двумя лучами радужные арки
что обвели церковные окна
18
Когда меня укроет сень
осенне-сумрачной каймою
ты терний Аносталий надень
открой Евангелие святое
и со стены портрет сними
и обведи обвалой рамой
и зана веси подними, чтоб свет ушел
как лик мой странный.
и уголки губ оживши искусно вызванной улыбкой
живым широм преобразил
я свет · в дороге отблеск зыбкий

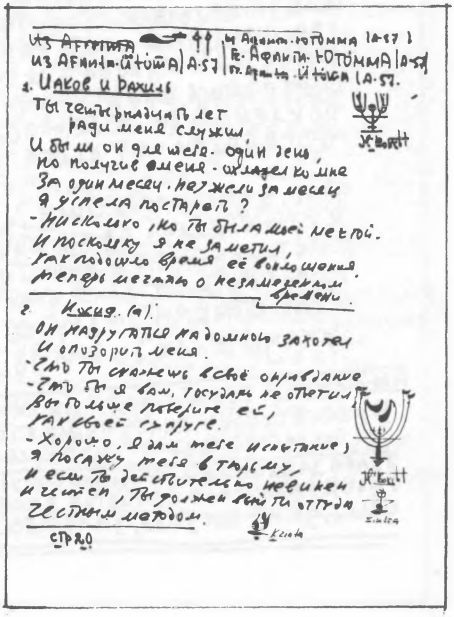
эссе 14. Я не взаимность полюбил, другой тебя обворожил
ничто всегда была досадой
обоих нас, —
обворожительно-сторонней
родственных ладоней?
15.
нежность так заманчиво лукава
как заснеженный сюжет подоконник
почему так незаметно сторонишься
родственных ладоней?
легкой зорькой кажутся тревоги
как летний вечер хорошо
на воде лучистые дороги —
с солнцем плящут странные тертоги
плавно солнце обнимая
плачей лёд · шептаний шар.
17
твои глаза так искренни, так ярки
в них удовольствие одухотворено
двумя лучами радужные арки
что обвели церковные окна
18
Когда меня укроет сень
осенне-сумрачной каймою
ты терний Аносталий надень
открой Евангелие святое
и со стены портрет сними
и обведи обвалой рамой
и зана веси подними, чтоб свет ушел
как лик мой странный.
и уголки губ оживши искусно вызванной улыбкой
живым широм преобразил
я свет · в дороге отблеск зыбкий

эссе 14. Я НЕВЗАИМНОСТЬ... 14. Я НЕВЗАИМНОСТЬ ПОЛЮБИЛ, ДРУГОЙ ТЕБЯ ОБВОРОЖИЛ
эссе 15. НЕЖНОСТЬ ТАК ЗАМАНЧИВО-ЛУКАВА
эссе 16. КОГДА МЕНЯ УКРОЕТ СЕНЬ
эссе 17. ТВОИ ГЛАЗА ТАК ИСКРЕННИ, ТАК ЯРКИ

Emhin | Энхин | Exercise-cycles of meditation. | Экзерцисный | Симвл медитации
Agartha Temple of the summit - Exercise-cycle of meditation.

Для земли Агарт. / Агарт для земли
В Софиарте есть эксперименталь
Знак созерцания | медитации и магии
Там он наз. 'АмгА | 'Амра |
от Ж Сэ ГА Амг" - Созерцание, медитация
| от эссета | 'Амр |
Я узнал Тебя, нарав
Мой высшим представителем
моим бывшим разрушителем
моим будущим Спасителем
'АмгА | 'Амра | или: Amra | Amga |
Экспериментальный символ
Созерцания и медитации
/ в системе Exercita-Classica /
Храм Абсолюта, на вершине которого сияют Кущами
Agartha-Temple at the summit - exercise-cycle of meditation
Agartha-Temple, at the summit - Exercise-cycle of meditation

Ты он рекомендовал мне тебя, Ич!
Ты самая настоящая змея.
-Для тебя я мягкая, словно солнце, Я
но я люблю тебя не меньше,
чем моя несчастная предшественница.
-Хорошо, я дам тебе развод.
3 Король Симур и Жанна Криг. | King Simur and Janna Krig
Я предлагаю тебе
Привет постриг, | постриг |
Это лучше, чем умереть с клеймом
неверной супруги короля.
-Но если я неверна королю
и это самое худшее,
разве монастырь заменит мне
супружеский дом?
-О, если бы ты могла скрыть свою Хитрость
так же как скрываешь
Свою любовь к моему врагу.
Смех, свет, сцена затемнена.
Мне отсутствует скучно без Божественного
Тревожно, Даже Ангел
Смерть! Орущие коты!
Змея
Amza | сирпи

Из Агартха | Из Агарти-Ототмма | А-57 | Гр. Агарти-Ототмма | А-57 |
2. Иаков и Рахиль
Ты четырнадцать лет
ради меня служил,
И был он для меня - один день,
но получив от меня - отказ ко мне
За один месяц. Неужели за месяц
я успела постареть?
-Нисколько, ибо ты была мне милой.
И поскольку я не заметил,
как подошло время её возвышения
теперь мечтаю о незамедлительном
Жизнь. (а).
Он надругался на домом захотел
и опозорил меня.
-Если ты сможешь всё оправдание
-Если бы я был, государь не отпустил
Вот больше покорите ее,
как свою супругу.
-Хорошо, я дам тебе испытание)
я посажу тебя в тюрьму,
и если ты действительно невинен
и чист, ты должен выйти оттуда
Честным методом.
Страд
Змея
Змея

Константину Кузьминскому
от Ильи Бокштейна · стихи. | исправл. | стр 10-13 |

Дорогой Константин! я думаю, после этого послания материал для Аптечки
из своих сборников я вас укомплектовал. теперь с вами ждать Аптечки
и подарков, ответственности
вам нет, стёмы мне подобны уже отделаны / книги / возможность женщин
трогать перемёнки, мелатон, вам нужна дождаться ксерокса,
стали неудобно себя зря, и перепутал текста и синтаксиса,
теперь, что невсегда я счастливчик рисовать словом.
Сейчас я углубился в Анри Волохонского | умею ли в Аптечки (конус
Так мне покажется, | и нельзя из них (фрагмента читал Анри бочек
и вовлечь мой интерес к поэзии в чистом пропорциональном
её сложности и изысканности, я думаю в сфере Аптечки мне будет
"потрудиться и изыскивать", так что давайте
мне Анри Красовицкого, сошлюсь. Хвоста... и т.д. и по-сложнее
и потоньше. как-нибудь

"АМ-1." напишите мне новейшие новости! 15 стр текст

Друг, я давно тебя ищу, оглядясь, натыкаясь на пни-огни,
след на губах брезгливо радужит тает, две ели вдали одни.
Кто же тебя разбудит - окно, где же оно пребудет - в кино.
По зимнему, пили в двоём, и мне снилось потом,
и я забылся потом, то есть в будущем том,
где мы будем опять как две ели одни
на вековых кукушек и соседей бранить.
Целуешь бред, зерна в нём нет,
поклевать бы тебя - соловьи улетят.
От сплетен нет от-боя мне, вот ты на пирил
| за душой у меня

друг, я давно тебя ищу, и нащупал,
к сожалению, один гудок,
к потолку же он прилип - нежелька,
поклевать бы мне в потолок,
кто стакан разбудет? - звонок.
Уходите люди - промок.

АМ-2 Светит в оружи рожа рожками рогожи, где мы мы-ты водянисленово лжи
В ряске скажи плавунещё в дегушку не выбился, ухо поверить ему не хочу.
Уж покраснел, в ударе лихо кольцами обвился холм покончился в закате луг.
Трава завивалась - бурьяна бигуди, гуди, гуди,
гудок различала от визгов в заводи, бык мышь удит,
удил, да не выудил, знать хвостей не солил, или хвостей вы не мил.

АМ-2 (ЯСНОСТИ)

Ам-2 | 1/Мы-Ты, Возникшие Вещи | или Мы — Ты

(1 — "этюк разочтения")

Светит вьюжи рожа рожками рогожки
где мы - мы - ты, водяные во лужи
В рваческажи плавуны ещё в лягушку не влюбился
Ухо поверить ему не хочу.
Уж покраснел, в ударе лихо колесами обшился
Холм покололся в закате лугу

Трасса завилась — буровая бегущая гуди, гуди
Кусок разлитая от вызова в завод
Бетх хлопнь убит
Удил, да не бегущая
Знал хвосте несолил
Или хвосте обтемнил

На стволах коры корней встали ели лапками кленовых шей шелестели
ласками лесистых фей растрепались меж ветьей рассусалили когтей понеж-
ные фритилися сунцук под кукушкой куковал старик-барсук на опушке | нели
белки хором окружив старичка, кричали: шик! пустяки вдали развесили уши
что скажу тебе мой друг на прощанье. сноп повесил вилки рук-увядание
на берёзе ветерок шевелит оди сучок-суковатый каблучок расставанья.

Насову похожа - жизнь моя - луксишко, настоенье без хвоста - закружилась кошка
в рань, в ночь, куда ни пойду я - лопнувшие почки,
Лоскуты не собечуя - лягушата квохчут, бы ли бы вы куры - ветер,
не шуми весенушкой - ветерок послушай,
верхогля дство нахлыне о равнине тужит.
Дед вдет в дирижабль - коробку, уши - две ракетки,
мяч - брик! - о мужайку лопнул, улыбнулась кепка,
месяц на осине - Шуберт нежно синий

Серобурый
Задремучими елями едет космика простора,
Ель кружит
По лужам
Зеленый светофор
Зеленый фланок

Катакомбы усы излучают гулана - уши гробницы -
подковья надменно - гранитные лица,
В гробнице летает ладонь великана - как стены задумчивы и угрюмы
Плащи бы волос раскрыв под ними костёр
К двои жуду в месть Анны вышел комендор
Осенний клён, он зажжён у стен витражи, обожжён,
Обувь варь забыто обложенные, обрывки листвы на крышах
Летят сквозь мосты, пахля пах - намокшие пятна -
Узоры правы на грядках, что дети рисуют ещё в тетрадках
Студиос головы.

Ангел
Как стены задумчивы
Сумрачны
Ангел
Улицей
Обожжён

Хочу запомнить жизнь всю пройти,
Хочу весь мир обнять,
Хочу узнать, что ждёт впереди
За литься отдать,
Но время медлит: в шуми не спеши,
Своё получишь в срок,
Кто в ночи найдёт, в луче проглядишь -
Не ступишь дальше ног,
Иголку в сути не ищи,
Слуша тебя колышет
Воткнись дремучий ёжик души
Ум заумь разберёт

Позволь закону свистеть,
Не пусти стихию творческого бреда,
Пусть Академики подумают:
Для языка беда!
И, прикусив язык,
Умерших классиков
Числить я
Стимулируют твою заумь,
Рифма обманет рассудок
В песню совет ум и крик
Плавает в песне убийдок-
Невнятизимы язык.

*Это фразы, которые не вошли в стихотворение

Задремучими елями едет космика простора
Ель кружит по лужам в фуражке
Зеленый флажок с светофора

Ёжик

Приятель мой краснеет словно мак,
Ежа ему девчонка подарила,
Затем же он волнуется, чудак,
А может ему глупость изменила?
Смотри я ревную меня грызёт,
Ужель меня девчонки разлюбили,
А может эта девочка берёт
Любви моей несорванную лилию,
А может это - майская моя,
А мужество обоих не обманет,
А может он понравится как я.
Любовь моя на песню лучше станет.

Еврейская мелодия

Бегут, бегут за годом годы,
Текут, текут за море воды,
Вдали уходят пароходы
И каждому горит, горит своя звезда
Иду к тебе, а ты не светишь,
Всю ночь прожду, но ты не встретишь,
И на вопрос мой не ответишь,
Как будто ты меня не знала никогда
Кому ты душу подарила,
Кого ты телом наделила,
А может просто позабыла
Ты забываешь всё без боли и стыда.

Как странно слушать ветра недозвон
И крики филина из шёлкота разлуки
И гнущегося стебля тонкий стон,
Из шелеста куста прощание руки,
И плач невыразимо за стеной
Тужную ночь оплакивать одной

Я старинную песню пою,
Как далёкого счастья сотрудничество,
Не сказанно легко мне, хотя узнаю:
Не любовь, это только предчувствие

Ночь пришла. Углится мгла
Пасть крыла меня взяла
Тень легла на край стола
Тюль на кружке росла
За окном на ели
Вырос игла

Кличет вечер
Возгласивший:
Подожди!

Знай: любовь тебя
Осветит,
Из дымка пастильной
Свечки
Тонким профилем
Пути

И по залам
Пророческих
Слов потемнелых
Колокольчиком
Терем бежит
Вчуменый.

Одинокое молчание
Наше
О бок о ноткасанья
Тоньше

Первая любовь
Не оставила
Красоты,
Почему я,
Храню её?
Разве горе забыть
Тяжело?

Друг друга ждём
Я от любви
А ты - из сострадания,
Загадка лучше
Скучного желанья.

Ты приди ко мне ночами без луны, без фонарей,
Белка страсти за пределами - Месса ночи без дверей,
На отвесных передумах я безумно перегиб.
Был быком я, был изюбром, камнем был, и не погиб,
но тебя увидев, право, не желаю спозвать
приручить красотку-славу и щеником тебе отдать.

Я думал, моя бедность, что ты сонет из сна,
А ты на целом свете в тысячу была одна
Подушка задыхалась беспамятством любви
На пламя ты бросала глазища-фонари,
А птица с мыса мысли сидела мне строкой
Она совсем без смысла между мною и тобой,
Она совсем как песня - согласие мечты,
Созвучие в сонете певучее как ты.

Ревность

Знать безверья болезнь исцелилась,
подозренье в себе истребя,
плачу я, крокодил, задушивший невинность,
будто зверь, увидавший себя.
Почему любимого улыбка обезоружит?
Он разлучницы ласкает хищный нос,
на какую я их, и себя, и весь свет
под глаза ми вагонных колёс.
Я рад, что тобою отравлен,
не ожидай ты ответной измены,
не плачь, я в раю перед смертью,
А тебя твой поклонник придушит.
Когда ты вспыхнула предсмертной, внезапно
Фонарь в клюкве у мостовичка,
В лице бегут от страха пятна пёток
А в зеркалах ногтей - рука отца,
оцепенев, вцепился пятью в кожу,
и съёжился, и разорвался в крик,
Разодранною вощью первый ожил
как в глыбе льда просунувшийся старик
скребущ струящихся сосулек сучья,
ползья пальцев распластав в стекле стула.
Смотрю я истуканом всемогущим,
я помню - в этот миг я умерла,
А ты спокойно целовал другую,
дарил ей тут помятые цветы,
В их вмятинах рыдающие струи
Слезой моей румянят ваши рты.

Далее:
Концовка этого текста - ревность"
Вам известна,
как отдельный
кусок:

Я понимаю:
Ты от меня
отвернулась
для всех нас
к лучшему,
но когда я вижу
вас двоих
счастливыми
моё чувство
обиды и униже-
ния так велико
что понимание
его равно
самоубийству.

Итого: состав текста
ревность" состоит
"из ≈ 32 строк

Принцип: две строки
рифмы; но вы
можете комбини-
ровать только
как вам нравит-
ся и удобно

Имя Бенедикты

Разлучка

Я отвернулась: света было мало,
Твой лик заволакивало сном,
На столике дымился свечки жалкий
Мундштук – хребет сожжённого крыла,
По ветке капля медленно стекала
Ручка коснулась моего лица
И на листе дуга обозначала
Твой уходящий плащ
Или мой уголь крыльца

Брысь! – метнулась будто рысь,
Скоки кубарем катись
Под кровати и прожити!
Мы опять одни опилки
Стряхивает чуни, заметает след,
Вкрадываясь в душу, в окнах душный свет

Быть может ты сейчас одна,
Быть может ты уже вздыхаешь,
Об этом, что может тишина
Обманчивой быть, замечаешь,
Я главного-то не сказал,
Зачем опилки здесь, знаешь?
– Ни что бы ты не намекал,
Не лаской, лампочкой мигаешь!

Мы же встретились случайно, а решили – навсегда
Будет дружба беспечальна и любовь как никогда,
Познакомившись поглубже сопливой новизной
Мы решили – будет лучше познакомиться с другой,
За пароном полутайным разминулись улеглись,
Мы же встретились случайно, полюбовно разошлись

Я влюблён не слишком, но слегка,
Хочешь, подарю тебе зверька,
– Ну зачем мне глупый пыс зверёк
Если солнцу жить ещё далёк,
Весел я, влюблённость так легка –
Уходящая застенчивость твоя,
Как тепла пороша река! –
Плавают в ней перья соловья

Я брожу по закоулкам
С выпадом восприятия,
Автоматом спасаюсь от такого начальника
Плавно вращаются твои местоприближения!

Поэма воскресенья

В пути застиг я осуждённого
Себя на ожидание конца
Нашёл я – верстовой имеет,
В дороге блюдущий
Завет,
Конец
Разлуке
Вне́м прогнал,
Вечерний мак.
В пути расцвел
Раскрывши
Три листа,
Концы их сблизив
Округлым делом
Крылья троицы –
Вселенной Трилиста

Евангелие Иоанна впустив

Я читал Евангелие
Овцами и львам,
Травам и звездам
Всем кто поступит
В переработку
Мировой Самосознания,
Чтобы они могли
Вспомнить,
Что слышали Бога
Ещё будучи младенцами

Одиночество

Ни дождь, ни прохожий меня
Задумавшись не задержали,
И камень, стопу не поняв,
Белеет как в жалости плаха я,
К себе повернувшись лицом-
Мистик в неотчётливой позе,—
Пропел белоснежный псалом
Во лбу всю любовь заморозив,
И странным себе чужаком-
Чужие незелены птицы-
Увидел летящий псалом—
Прохожих бегущие лица.

В одном учёном дневнике
прочёл я имя: "Авиценна"
Душа моя по доброте
Моей собаке равноценна.

Я долго думал и забыл
Невольником
Небесной воли
Блестят футляры
САТАНЫ -
ФУРАЖКИ
НА ФУТБОЛЬНОМ
ПОЛЕ

Ищу мистическую тайну в узелках,
Миниатюр хлыбожником бы стал я
Издалека,
Если бы картины пахли
Еловым солнцем на руках.
С непостижимой зеленью уютных ласк,
Неповторимой рябью лягушачьих глаз.
Благоухающих как лист- атлас
Как мой учитель нас встречает у
Красноголовых стен монастыря.

Я питомец московской богемы,
Я гулак одичалой поры,
Я коровам дарил хризантемы
По постелям теряя носки,
А коровы кусали мне губки
И сосали в них глупости ком,
В урнах глаз их искал незабудки
Не забыв, что вернусь индюком,
И теперь мне так стыдно и грустно,
С потолка капает совести сок,
На тарелке лишь горечи сгусток
Поднимает весы в потолок.
Ни восток, ни закат не тревожат,
Только движет забота одна,
Только злость очумелая гложет,
Только воет ночами стена.

Обалдел
от великих идей
Вот тоску
о величье
разбей-ка!
Не сливаться
с грустью
моей
смерть
капарейки

Меланхолия без тени, где мелодия без сна,
Мелодичные колени, миловидно хитрящие,
Миля мимики мелькнула, отвратима получка,
не лажово - твоя фигура, и расплакался я вдруг.

Не оторву вас, ничуть не волнуйтесь,
не расплещу маску миской гримас,
Может еще невзначай коснусь вас,
Луги ускоряя в часах ваших глаз.
В злости грызу свой изнеженный ноготь,
плаха от ярости тайной, и вдруг.....
Вижу: опять перешли мне дорогу
красным жуком на колонну моих рук.

На плече моём зазубренной улыбки крокодил.
И в зарницах фрески у могучего лица
лик-энциклопедий сновидения решётками затмил,
сблизил ~~осы~~ [1] ОСЫ мокрых наших глаз -
В листах моркови - осы! [2]
На оси' остервенелая птицу жалости схватил,
ТАК, рыдая, глохнущий Бетховен
Звонарём по клавишам - по кладбищу [3] Бродил.
И в стекле рулоны пены спрятал
скал ногтистых ребристый плащорлин, [4]
Из-под крышки взвив язык заката
Море шло с розгой золотым [5]

1/ оси, 2/ осы!
3/ по клавишам - по кладбищу
4/ плащорлин
5/ с розгой золотым

"Вебер"

Мы на сцене, проходят колонны помахивать платьями
Все бинокли нацелены в центр - кто там чувствует нас?
И вращая нарядженной тросью с молодой тростниковых объятий
Приглашает пьеро нас на волю - на вальс.
Шум водни не слушай - шелеста в нём нет,
Шелестит ругашка и подошвы цвет [1]
В танце ритмы стройны каблучками,
Потраскрасил одежды - рассеянный торт,
Расступается занавес, кружится знамя,
Окружим меня чудной руки поворот,
Тяжело после суда вернутся на сцену,
Перекатимся роли, вдруг стало телно,
Рассмеяться бы, как все сторонне гиену
Хрупкий Ангел ведет, Ему всё равно.

1/ подошвы цвет

* "Красивы" - кто-то произнес, "уроды" - сказал другой, а всё моя любовь к тебе уродам изменяется.

* Some speaks: my face is beauty, another: its ugliness, but this - from love to Judit, becoming more ugly.

"Моцарт"

"Ты послушай, послушай как бьётся
Рыбка в стёклах обрызганных ветками ели"
На столе зазвенев отзовётся
Покрасневшей в стакане метелью.
Чашки стукнув, обвили их, упёрся
Со стола вёрткий отпрыск петли
Ветер сучьев своевольничавших ветвк
Дед-Мороз за столом поднял веки.
Ты послушай, послушай, снимается с ветки звезда,
Охвачу тебя поясом чёрного поезда.
Горизонт, уменьшаясь часы на руке показал.
За окном небо - чёрное блюдце полного прибоя
А из неба из чёрного блюдца полного прибоя
Лунным лезвием срезанный купол собора
На блюдце под пальмами светит
Лимонной дольки цветная слеза.
Окропила горячие уши [redacted] тепла 2
Нашей кожи от лунного света постели,
На холодном узоре подушки,
Под Аркадой собора краснеют удаляясь лучом поезда.
Не плачь же, послушай!
За окном на мосту покрасневшие удаляясь лучом поезда.

Колонны трепет за луной, колонну грызь клинок-рассвет,
В далёкий век-су-кой звездой ступить смех-городовой,
Судьба скамейку бережёт.-На ней часы-на нет" не исчь,
На лёд завить-конёк поёт: любви цветок с ладони ветка не сорвёт.
Волны сомкнулись пугливо, словно решения жгут
Бросить на лица счастливых страсть на зимний суд,
Тёмным пятном меж грядами-пара на лодке немеет
Он ей влюблённо глазами сказку вечную поёт,
Помнишь про то обещанье, нимфу манит Полифем,
Это любовь или прощанье с жизнью, со светом, со всем.
На перекатные у сна спиралью скорчилась волна
С весенним садом у цветущего окна.

Бегут коридоры, бегут в коридорах, не сук на салфетке трисеребных сердца
Одно от любви, от любимой другое, а третье - а третьему некуда деться
В кокошнике на ножки, прилипло в ложку, старинная ложка звенит на плече,
Там сердце моё лижет старая кошка, и губы у кошки красней чем в коте
Бегут в коридорах ветвистые ноги, на ножках созвездья
Зигзагом пути зачеркнула волна, скрестились дороги как птица ночная,
Я - птица ночная на мачтах у сна.

Млечный шлейф закачался как верба берёзовой шляпки
и нашляпе штрихами дождя распушились ресницы сосны
закружились в ночи баскетбола мяги-
негритянки играющие в прятки,
улыбнулись в антракте появи - излучины складки
плюшевых - подушки кнутя - поцелуи абстрактной весны.
сквозь листы её взгляд безнадёжно безнежен
на заросшей берёзе исохший исток,
а ресницы её изветвей так беспамятно свежи,
как из дебрей елового детства иголки безглазый намёк.

Ты стройна как медуза на лоду мелодичными бликами блюза,
я нашапку твою упаду каплей слов голубого француза,
я на память тебе подарю льва - Давидовых слёз озарения,
я на пальцы твои положу лёгкий плед поцелуя - растения,
я твой образ в тетрадь занесу, как гармонию неба и неги,
в свою душу тебя я внесу как Мария Афинские греки
нёс колонну пурпурная циклоп, под плащём - Афродиты головка,
и волос её нимф потоп ему плеч обнял очень ловко,
на плечах осьминога потоки.
ветрочки - глаза у воды, меланхолия - бликами блюза,
и ко дну красноглобо прижали медуза
мартовской маской морской звезды.

стихи - одни стихи - стихия них взлётов сосны
штрихи моей руки - волос крылатых вёсла
слова любви красивы - красивы как твои щёчки,
зубастых ласк клочки - моих забвений тосты!

про тебя сломал карандаши, в ком скатаю клочья списанной души
свиток совести тебе преподнесу, сумрак повести в непонятом лесу,
ты прогла, вздохнув сказала: нет, не то,
на цитату указала из кого, поповетовала: нужно быть скромней
и не всем приоткрывать свой сердцевей
ты права - я в сердцевеях ослабес
думал: ты так бескорыстна - цвет небес,
и полюбишь просто так меня - из жалости,
как любила Дездемона муки мавритан

Моей страсти вуаль-христианка с телом тайны ведёт разговор,
О, Мария! роди мне Петрарку, не порочь - из пламени штор,
в солнце сонной щеки с стих губами дельфинит,
плавником оденься лицо заримо,
О, Мария!, прости, я увидел твой образ в оболочке любимой.

Тяжко в любви одному, в двоём разве легче?
Руки невынув вших мук в омуте сердца храню -
солнцем не ставших свечи.

Variant [Вариант] Ада Вяксбаин.

I've got God's sight
The silence is a little brighting
in my ming
a frail little branch of my imagination
treмble-treмble under lighting
of Transfiguration

[Вариант Вайда]

ВИЖУ, ЗНАЮ, НЕУЖТО НЕНУЖЕН
Я ТЕБЕ И ВИДАТЬ, НИКОМУ,
ПОЧЕМУ ЗАТЯНУЛА МНЕ ПОЯС ПОТУЖЕ,
А ВДУШУ ЗАГЛЯНУЛА ЕМУ?

Я увидел Божественный свет
Мичиил гуд светлеет в уме
Тонкая ветвка воображенья
~~трепещет под ~~
Трепещет под молнией Преображения!

[1/ Трепещет под молнией Преображения!]

Я местом овас так долго и калоши оставлял,
То в прихожей, то на полке – вместо книг тудных клал
Наконец вы обратили в мою сторону лорнет,
И скользнув по мне спросили так небрежно:
Кто там, вижи, покраснел как на букет,
Я могу, одним признанием вас распространить немного
Сту мечту на расстоянии, не могу так высоко.

Мы в воображении образно умны,
А в безобразной жизни кошки и слоны,
Что сказать мне, скажи, на словах ты синее-не лги
Что? молчишь? ну и чтож, и чужды вечер чем-то ту ты хорош,
Наконец ты вздохнула! Ты знаешь, мне то-то жаль,
Наконец я так и шло отметил! Как красив далёк!
Потеплей посмотри, вспыхнул солнечный отблеск,
Последним на щеке горит
Долго шли мы сюда, а пришли и не знаем где наша

Элегия №0 [1/ Дни мои, то комья смеха уигрывающих вснежки снегозубых звеняших эхо прострелявшего доски]

Дни мои, то комья смеха уигрывающих вснежки,
Снег в зубах звеняших эхо простуженой в гроб доски,
Слово свежившись скрягта с ницего скаиовим гром,
Словно в слёзную бумагу скользкий заверилась вошь,
Путь мой словно путник в пасти радости тужой, поник,
Страх вней клеит слово часть счастья ставшего тупик.

[1/]

I count Reyes,
or grape
and think:
O, Yes!. van Dyck!

[Считая я них, или по-английски „гейи",
и думал: да.... ван-Дейк!]

Элегия №2

Когда я окунулся в мрак
вспыхнул собора фантазий
преступный летящий взмах
ладонь с гвоздём пропитой казни
превижу вилы слепоты страданий беспросветный хаос
недоплавившейся мечты обрубленную одиссею
но в рай опять вспыхнул бонсаи, путь будет там светло как было,
пусть мысль безумную увековечит удавило,
упрётся в беззеркальный мрак, в глубинах голубей фантазий
распяли спасана крыльях, а небо-замогильный лазарь,
ногтями микронами обдят с лохмотьями летящих стонов
в них кляксой кожи глаз вороны, цветком ежа огнь в ней
крестом окаменелость солнце-земли пробитая ладонь.

Я вошёл, присмотришь будь в сторону,
что там, за окном, - весна или снег?
Снисходительно мне! помнишь Настю Воровну
ту, которой ясноглазо-в сплёлсонет?
что тебе до Насти, моя зубинка,
я же аки агнец пред тобой, ~~рот мой - ошалевшая посудинка~~
рот мой-ошалевшая посудинка
ищет поцелуй, нежно, с наглецой,
что смеюсь я. тож. дуриборно,
я готов взреветь, если в огко
прололзёт слезамоя проворно
прослезив твой жёсткий сердецкий

Посягнувший символично поцелуем,
я взорвусь как приц в мозгу слона,
всю тебя от счастья изгрызу я
хоть и неужился в грызунах,
почему до ужасанемило,
смотришь и намёк ими не дашь?
Я ведь мог бы взять тебя и силой,
да боюсь, пожалуй в суд подашь.
Вижу: грусть улыбка изогнула,
я хотела бы сказать... ~~[illegible]~~ ...исмолкла вдруг
вынув листик, трубочкой свернула,
из глубокого мистика мигнула,
а в глухой олисала круг.

Приключенческий текст / между: "Неподалёку газ" и „Наплеча зазубренный ... ключ"

сквозь темноту увидел вас
в соборе в капюшонах лиц
в узорах пролился пыл,
я - продолжение ваших ласк
за лица небылиц.
За сирену - тамцепочкой псы
икон не цепят, себе на беды;
двумя ужами под узцы
выходят рты велосипеда,
в колёсах спицами пружин
цвет лиц отслоенный от стенки,
кним пауками миражи
ползут под брови витражей
на почтительных коленках
на лесницах коленей
в стену вделанных оленей.
линейками приклеены
двенадцатки-стрижи.
я сквозь витраж увидел вас,
в верный зрачок мигом
тревожным глазом птицы,
а небо - алый пластилин
казалось как в газете лица

А. 3, 7
рогатая скала,
в щелях две звезды-слезы
лучами по воде
вытягивает линия,
а между ними тень-язык,
но..... тишина одна под ними

Ни мышеловки за окном!
смотрю сквозь дверь,
как в грот любимой.
за дверью шёпот босиком,
доски настичку не-с-оги,
окном поглядим спину.
Ем
Двугверит: это мысль его
а не изгиб моей страсти,
он мыслил бога своего
лишь со спины -
с боков. отгасти

Ты открыла мне как чудо,
я фантазии не верю,
уходила хмурой вдовой
тебе в спину я захрюкал.

А. 7, 5

светофор зажёг за красив окно,
за окном стало тоже темно
терпоты тишина - некролог преисподней
моя комната - негистый дух полна,
не скажу, чтобы злых - неугодных,
в потолке засветился один
перст Господен и Крест господний.

По лабиринту твоих прелестей
пером брожу, рисую вних
хоряисушу, но вних
души не нахожу,
любимая в глуши твоей
всё глуше.

коровы у стены, короста у берлоги,
коротким девчонка под ноги
ложатся красные слоны
в кольце открытых ключей нет
душа - телогрейкою в снеге

Я от ушиблена желал
и даже дверь поцеловал
за дверью котлежал.

На дорогу жуткий вышел вышка
пень выпучивал заячий лоб
ноги-сосенки поднял повыше
упираясь в небесный глоб
горевали в старчушка собаки
собираясь на волчий погост
поскакали по блёскам во́йски
подавившись подземной луной

А·3, 8

Я на дорогу вышел сквозь туман
блестел в тарелке диск над крышей
под ней гадалку хоронили гости,
а пусть всё становилась выше
на горизонте вырастал
из леса силуэт, внезапно
цыпу зубы показал,
А·3, 10 | а после спрятал их обратно.

Я один между ночью и лесом
в дольдорогесужаетсятень,
Точно ноги сложил перекрестом
подломил моей тени олень
и звездой звёздной зайца
с небагляну смотритель всего,
и не видит, кому бы попасться
всё вокруг только слепок снего.
Он надел меня маской усмешки,
завалил в невесомую мглу,
и по небу прошли обе пешки,
повернули Сатурна полу.

Я была сегодня на свидании
Он желал мне только-универсам!
Говорил, что от меня в отчаянии
Из отдела рук предлагал.

Бег в ошалелом наугад,
Навсегду сгущая оборвано летят
Притянусь, тупую гладь земли,
Свет её погреет, как зарево вдали.

Чотенила нам
ещё далеко,
и слова нам
ещё не искусственны,
от стихов мне
как будто легко,
слог-взаимопроходимости
руко́положение вместо
сочувствия

Зе'Вокзал

Зинарт (Зинаит)
поэзия металлического века

В снег за дверью скрипит
кот под какой ургит
говорит часам пролов
Тонкий крыш полёт
ловит взлёт зари,
две руки на пяд звёздными сосков,
горизонт-ободок часов.
Лист кокошку прилип,
кошка лажкой звенит,
говорит часам пролов
Тонких крыш полёт
Шапок свист вклинил
в горизонт-ободок часов.
в передых кружатся
зонтики сов.
обнимают ладкать
лапами в лапах [illegible]
сала́дных люди.
важно вверх несут
цапли цацу-лису,
пококетничала-салити!
в камень канул Икар
в клад озёрных зеркал,
в уголе видных лекал
глаз скосив покосилась даль
свистну в стремя стай,
прыснув вени стай,
пой ско в легком закосу
Цель-овраг-
усмешку маски

окончание зимарта" после сна!
"Полсок волгком закосил," [1] [3] закосил [2]
щель овраг. усмешку раскрыл.
рыб соски' - шлем с руки,
это пялит белки океана вегрицкий кит,
и я камню кажусь королём,
раскатокругилась волна, красный блин глубина-
оком расклюмлся мегом.

[стр 12 А]
для языкосм потр
в зимарта [zimárt]

[повторяем ясно: "зимарт" - поэзия метамисикалы [zimárt"]

Сне за дверью скрипит, кот ноя коской урчит,
говорит засам про узлов, тонких красных полёт,
ловит езлёт зари, две руки над звёздами сноп
горло ит-молодок засов
лист кокошку прилип, кочерга ложкой звенит
говорит засам про узлов
тонких красный полёт шамак свист в ключом
в горизонт на оны засов, внерьях кружатся зонтики
обволакивают лакать
на мы в ланах, ландо бых блюды, важно вкепке
из-за шкафа несут цветами чучу лесу -
[1] покетничала - салютч! [2] важно скопе начинают
[2] покетничала салютч!
вкамень канчи Икар, вклад озёрных зеркалкх
в цвете возлюх лекал глаз скосив покосилась дуль
свистят стрелы стон, прыснув веки стон
[3] полсок волгком закосил, щель овраг. усмешку раскрыл
рыб соски - шлем с руки - это пялит белки океана
и я камню кажусь королём, [2] вегрицкий кит,
раскат округилась волна - [2] и я камню кажусь королём
красный блин глубина -
оком расклюмлся мегом. [3] полсок волгком закосил [3]

* Вспышка на окне искрится озаряя дальний лес,
Летит, в форточку стучится, слёзы веток на окне
сквозь замок так больно светит, а верх так жалобно скребёт,
снежный ветер меня встретит и за ветер позовёт

Жизнь, что была нам мала
молитвой резца создаём
лицо поднимается скала
когда под плитой мы цветём

На шкафу верзила-кот
ветчину зажимы-жмот,
зонтик под столом промок
платье - прямо эскимо! [1]

[платье - прямо эскимо! [1]

Илья Бокштейн. стихи

Пусто и холодно ночи рассеянье.
Словом мечту озарив
случай назвал тебя чудным мгновением
чудо ему подарив,
Долго ищу наваждение - не встречу
В свой сокровеннейший миг,
что же тогда было, счастье или ветер,
пламя, или плачущий стих?

**
В тёмном углу под лестницей
чуть светится капля плесени.
Тишина.
Банка обрушится,
если суть прислушаться

Снегири, ветер ли,
А может быть тупик?
А на снегу краснеет
Детский грузовик.

стр 1

Невзаимность

Это чёрный рассвет за рекой
Это холодно стало с тобой,
Это ты, помолчав, закурил,
Встал, и вышел,
и ветер окно затворил.

Как просторно светло посвежело
За окном, не ужели зима?
Нет, то иней мне кажется белой,
Письма - бывшей любви черема.
Потеплело у двери знакомой,
Постучался. Бессмысленно жду,
Я обиды свои не припомню,
И упрёка тебе не скажу,
И Веригувшись, внезапно заплачу,
Я, поверь не надеюсь всего,
Может лучше, чем было б иначе
Для тебя, мне же теперь ничего

Дождь смеётся
как струсь вода
как светки звезда
как свинцы
провода
Я промок - не замечаю
Весь продрог - не ощущаю
У дороги ожидая
Беспутного суда
не кружись
рулетка любви
в пластинке
игла -
сломался
луч зари

Одиночество!
Тобою шею обняв,
ощущаю во сне я,
хохочет, коня.

Кто из нас терпением теплей
Глупцы стараний мудрей,
Мы долгие наброски душ в реке -
Удаль комсерце расставанья,
Твоё русло тоньше - высохнет в изгнании,
Но в страстном и поединке ожиданий
Исхожая душа была нежней

Вогороде жди меня,
поцелует тебя ослик,
листья кружатся -
вся осень -
зонтик
пёстрого огня.

Ум стал зеленоватым с виду
В бреду качались ковыли
над нами господа обиды
и горькие плоды любви

Зейа Вокштейн
short poems
1. The blue of your eyes - my childhood's paradise.
The depth, depth - your eyes - my wisdom
But smile of them is woundness,
no! - Virginmass! -
it night-love
sing in the morning rise.
2. my ways are long
its' dawn is far
I have no rest!
until arising I am tired and Child
But can't outside!
3. you says me no "
repeat this many - many times,
but I love you, my eithe cat
as hope for any tiny "but"
4. my friend! why you so shrank?
that's not cold wind,
that's only my joke
that's we friends again
5. The quiet - is cry in desert,
The quiet is knock in the jamed door
The hangman's laugh in the jail
Зейа Вокштейн
СТР 15
1/ The blue of your eyes - my childhood's paradise /
The depth, depth - your eyes - my wisdom
but smile of them is woundness.
no! - Virginmass! - it night-love
sing in the morning rise
2/ О, как длинны мои пути!
рассвети далеко,
и я рассвета устал, пророг
не отдохнуть,
и сверх того с судьбой несчастье
3/ синева твоих глаз - моё детство,
глубина твоих глаз - моя мудрость,
а улыбка их - рана,
нет - ранняя месса!
что ночная любовь поёт у грома.
2/ о, как длинны мои пути!
рассветил далеко,
и я рассвета устал, пророг,
не отдохнуть,
и сверх того с судьбой несчастье
3/ ты ответила мне "нет",
повтори - мне всё равно
я люблю тебя так же
как надежду на дождь -
"нет" зачеркнуто "но"
4/ что ты так сжался?
это же не ветер холодный,
это же я пошутил,
это мы снова с друзья
5/ без молвье - пустынный плач
стук в закрытую дверь,
в камере
хохочет палач.
Мне
Зачем ты споришь с САТАНОЙ
О моей душе?
Ведь книга судьбы написана не тобой?
Я возмездье твое
Несчастья
на тебя
обрушенные
стоны
любимого
не только за зло,
но
за
мои
скрытые
от всех
стихотворения
Ты
с сожаленьем
не глядишь
на
Катине.
Первый дипар третьего спордала / sjördal' 3-1/
Как тысяча / 1 /
Я вновь иду как тысяча чертей,
я вновь пойду с лучинами лучей,
из её мой белый человек на чёрный глаз, на чёрный бас,
у нас несчастный человек, остался чёрный глаз.
из глаз выпала земля как жёлтый бутерброд,
сидит на нём любовь моя, крысиный хвост грызёт,
и видит молодость свою в лице богатыря,
что держит на крючке его, её, меня,
а мир нам улыбается, как гражданин судья.
свет из ветки корня обнюхал, но древесный оброс бирюзой,
зарыгал обмызганное своё брюхо - волк - безлистого детства герой,
пауза за лесами видны, от хлорофилла красной волны
по капал головой в лодке жук - часовой на кольце - обруч ничего.

ИЗ ТРЕХ ТЕТРАДЕЙ ИЛЬИ БОКШТЕЙНА

Мы два круга, мы желаем стать одним,
Кто в него войдет? - один из нас,
а другой исчезнет в тот же час
Как несправедлив один Творец к двоим.

Ветров был тонок, Диков - глубок,
где справедливость? - Глубокий вздыхал.
Ветер был тонок, окрик широк,
Где глубина? - Широченный кричал.

Музыка себя не видит, Слово смотрит на творца,
словно видит в образах творимого лица
ритма теневые лица

ХУДОЖНИК - 2

Голубые волосы хаоса за столом
Изогнулись пальцами вопросов
Из малиновой тарелки расписной рассвет листа,
Карпа плавником
Жерди стула у квадратного окна -
Золотые рёбра окуня,
А в недоуменьи жирного холста
Пальцы полосатые - в полоборота танцовщица, -
распушилась пятнами,
А поодаль - на оранжево зелёном разведённые
Потеплели маслом восхищенья
Щёки красно-ухие - натурщицы смущенья

ЭЛОХИМ КРОНОС И МИША СУСЛАВИЧ

Кронос спросил Суславича:
Я б погиб, если не ты.
- Нет, ты стал бы обычным
ослопавийским обывателем.
- Это невозможно!
Скорей бы экстермический центр
у меня развился от душевной болезни
от сознания своего превосходства
и невозможности его проявления
- Может быть.
- Но тогда б не было Трагедии Сознания
И моя душа ушла к другому,
Нет, скорей всего, я б действительно погиб,
у меня были покушения на себя
/Суславич/
- Ты был неосознанно мистичен,
при всей абсурдности твоего рассудка.
/Кронос/
Это не так редко,
Случается, что человек с душою
Шопена или Моцарта и с сознанием
курицы,
Видел таких,
Нет, я б совершенно точно погиб
Разговор этот происходил на том
свете.

ЕВАНГЕЛИСТ ИОАНН В ПУСТЫНЕ

Я читаю Евангелие овцам и львам
Травам и звездам
Всем, кто поступит в переработку
Мирового самосознания
Чтоб они имели шанс вспомнить,
Что слушали Бога, еще будучи
Младенцами,
А чертёнок в стороне меня не
слушает.
Он думает о метафизике
И от беспомощности мысли
Описел луну,
И от беспомощности мысли
Описывает мёртвую луну.

ИСКУШЕНИЕ СВ. АНТОНИЯ

Упыри, Древсы*, русалки,
И прочая окзинная живность -
это же бесы!
Но я думаю, если им хорошо
И вдумчиво погрозить, -
Это знак к преодолению искушения
В неземном искушеньи задумался я
Мой Господь, излучив, изучает
меня
Из ладони светящейся шляпкой
гвоздя.

*Древс - Г'юмс - Дух в виде четвероногого жука, он не только пьет кровь из мертвецов, но также принимает маску их бывшей природной души - Нирэн.

В углу
Едва шевелится
Метла
Из окон на нее
Указывают двое
Мохнатая одежда, воя -
Склонившаяся статуя
У белого стола.

Моей страсти душа - христианка
С телом тайный ведет разговор
О, Мария! - роди мне Петрарку
Непорочно, из пламени штор.
Солнце сонной щеки
Стих губами расплавил
И Марии лицо - свет -
Малиновым сном озаримо.
О, Мадонна!, прости! - я представил
Образ твой в оболочке любимой.

Я вошел: ты смотришь будто в сторону,
Что там за окном - весна иль снег?
Снисходительно мне - помнишь, Настю
Ворову,
Ту, которой Ясноглазов сплёл сонет?
Что тебе до Насти, моя зубинка?,
Я же аки агнец пред тобой,
Рот мой - ОШАЛЕВШАЯ посудинка,
Ищет нос твой, нежно, с наглецой.
Что смеюсь я, это же априорно,
Я готов взреветь, если в очко
Проползёт слеза моя проворно,
Прослезив твой жёсткий сердцеком
Посочувствуй символично
поцелуем,
Я взорвусь, как прыщ в мозгу слона,
Всю тебя от счастья изгрызу я
Хоть и не ужился в грызунах,
Почему до ужаса немило,
Смотришь и намёк иной не дашь,
Я ведь мог бы взять тебя и силой,
Да боюсь, пожалуй в суд подашь
Вижу: грусть улыбка изогнула:
Я хотела бы сказать.....
И смолкла вдруг.
Вырвав листик, трубочкой свернула,
Из блокнота мистика мигнула
Авторучкой описала круг.

Я увиделся с Богом,
Чуть светлеет в душе тишина
Чувствует смерть
Ударами смеха тихо сыплется,
сыплется
Хрупкое дерево сна
Какая природа согрела
Каплей сознанья мой прах
Ласкать это тонкое тело,
И думать о дальних мирах
Смотрю на тебя из Ничто,
Как будто рождён по желанью,
Как будто особым ключом
Доверено мне мирозданье
На меня снизошло озаренье
И чуть светлеет в уме тишина
В чуткости тонкая веточка сна
Трепещет под смехом уничтоженья.

Когда
Я смотрю
На тебя,
Мне так
Хочется
Плакать,
Но почему ж
На меня
Так жалобно
Смотрит
Собака?

Глубины девственной голубизны
В твоих глазах дремуче зелены
Но страсти и страданья не видны
В них только детский страх,
Как будто оборвётся в них вот-вот
Чудесный огонёк и жизнь уйдёт,
Как будто просят утренней мольбой:
Забудь, что ночью буду я ночной.

Тело твоё пахнет как положено
Телу и ему лишь одному,
А душа с ним слита так неосторожно,
Будто тело - недоверие уму.
В листьях губ - лучей зелёных
влажность,
А в глазах - лесов небесных жуть
Будто я увидел третьим глазом
Где мы встретимся опять когда-нибудь.

На мглистых островах
В дупле колдуют дикари
Кошачие глаза девицы
Меня касаются. Косится
В глубь тучи лучше не смотри!
Лечу на пёрышке
Несбыточной зари.

Ты чуднее ребёнка,
Которым я был,
Ты смеешься как счастье,
Что я позабыл,
И лукаво ревнуешь меня,
Но к кому?
Мы - две куклы с тобою,
С кого - не пойму.

Буду объясняться
В будущей любви
Будете мне сниться
Словно фонари,
Будем мы кататься
В санках по горам
Будем расставаться -
душу вам отдам.

РАЗЛУКА /2/

Я отвернулась - света было мало
твой лик за наваждение сочла,
на столике дымился с ветки алой
мундштук - хребет сожжённого крыла,
по ветке капля медленно сползала
рука коснулась моего лица,
и на листе дуга обозначала,
твой уходящий плащ,
и плач мой у крыльца.

Поэта понимает лишь поэт,
А из окна рисунок - странный свет
Прикосновением карандаша
Мне ваша строчка хороша,
А следующая к ней строка -
Нашла коса на камень - скат
И соскользнула, улизнула любовь -
Гуляет неспеша, стишок жевала,
Улыбаясь, шаль

Близости не вылепить объятьями,
Ты меня за уши потрепала,
И, показав язык, заулыбалась,
И под ладонью у меня затрепетав,
Вращалась диском платья.

РЕВНОСТЬ /2/

Когда ты вспыхнул предо мной,
Внезапно фонарь включив у моего лица,
В лице бегущие от страха пятна пяток,
А в зеркалах ногтей - рука отца.
Оцепенев, вцепился ноготь в кожу,
И съёжился, и разорвался крик,
Раздавленною вошью нерв мой ожил,
Как в глыбе льда проснувшийся старик.
Скребнув струящихся сосулек сучья
Полозья пальцев распластав в стекле
ствола
Смотрю я истуканом всемогущим
Я помню: в этот миг я умерла.
А ты спокойно целовал другую
Дарил ей чуть помятые цветы
В их вмятинах рыдающие струи
Слезой моей румянят ваши рты.

РЕВНОСТЬ /3/

Знать безверья болезнь исцелилась,
Подозренье в себе истребя,
Плачу я, крокодил, задушивший
невинность,
Будто зверь, увидавший себя.

РЕВНОСТЬ /4/

Почему любимого улыбка обезьянит,
Он разлучницы ласкает хищный нос,
Накажу я их, и себя, и весь свет
Под глазами вагонных колёс.

ПОЭМА СОВЕРШЕНСТВА

Спокойна, словно статуя Богини
Любовь, отвергнутая, мыслящая вдруг.
И только тянутся куда-то
Исступлённые, немые обрубки рук.

Из антологии "ГНОЗИС":

МИМФЫ

1.
Я думал: смерть - вершина пирамиды.
Вижу: она - ее основание.

2.
Ждет меня смерть.
Жду ее конца.

4.
Я ждал просветленья.
Дождался.
Взорвался.
Ослеп.

5.
Несоразмерен я своей природе -
Природа на меня пародия.

6.
Счастье - это держать на ладони
Куколку своей бывшей безличности.

9.
Бабочка села
На теплое тело.
Лето улетело.

12.
Продрогли утренние сны,
Как уточки.
А со стола в меня глядят
Озябшими озерами очки.

13.
Одиночество!
Твою шею обняв,
Ощущаю во сне я
Коня.

14.
Вошел в меня гений.
Вспыхнул и ничего
Не породив, осветил
В душе туловище.

17.
В одних желаниях Вечности
Я мысль веду, как девочку,
Ступеньками сердечности
К пруду застенчивости.

18.
Сумасшедшая боль моя
Нищенкой бродит
И в стареньком котомке за плечами
Ищет неразбуженную вечность.

20.
Два равно глубоких глаза -
Рождение и смерть.
Над ними
Слепые брови
Улетающей тоски.

На стволах коры корней встали ели,
Лапками кленовых шей шелестели,
Ласками лесистых фей
Растрепались меж ветвей,
Рассусалины когтей понежнели.
Онефритился сундук под кукушкой,
Куковал старик-барсук на опушке,
Белки хором, окружив старичка,
Кричали: "Шик!"
Пустыри вдали развесили уши.
Что скажу тебе, мой друг, на прощанье?
Сноп повесил вилы рук - увяданье.
На березе ветерок шевелит один сучок -
Суковатый каблучок расставанья.

Под беретом березоузорчатых труб
Стрелки клена с коронами сосен обвенчаны
И сосульками красок обвешаны,
И по-детски весенне расцвечены
Отпечатком влюбленно рассеянных губ,
Что осеннему ветру, как речи, завещаны.

Восковое личико в окне.
За окном кирпичная ладошка.
Штык трубы с лицом помятой кошки
Штейнеровской молится луне.
Шевелится потихоньку крыша
Словно плащ монаха, что под ней.
И страна, притихшая,
как хвост межстенной мыши,
За диваном ждет чуланных новостей.

РЕМБРАНДТ

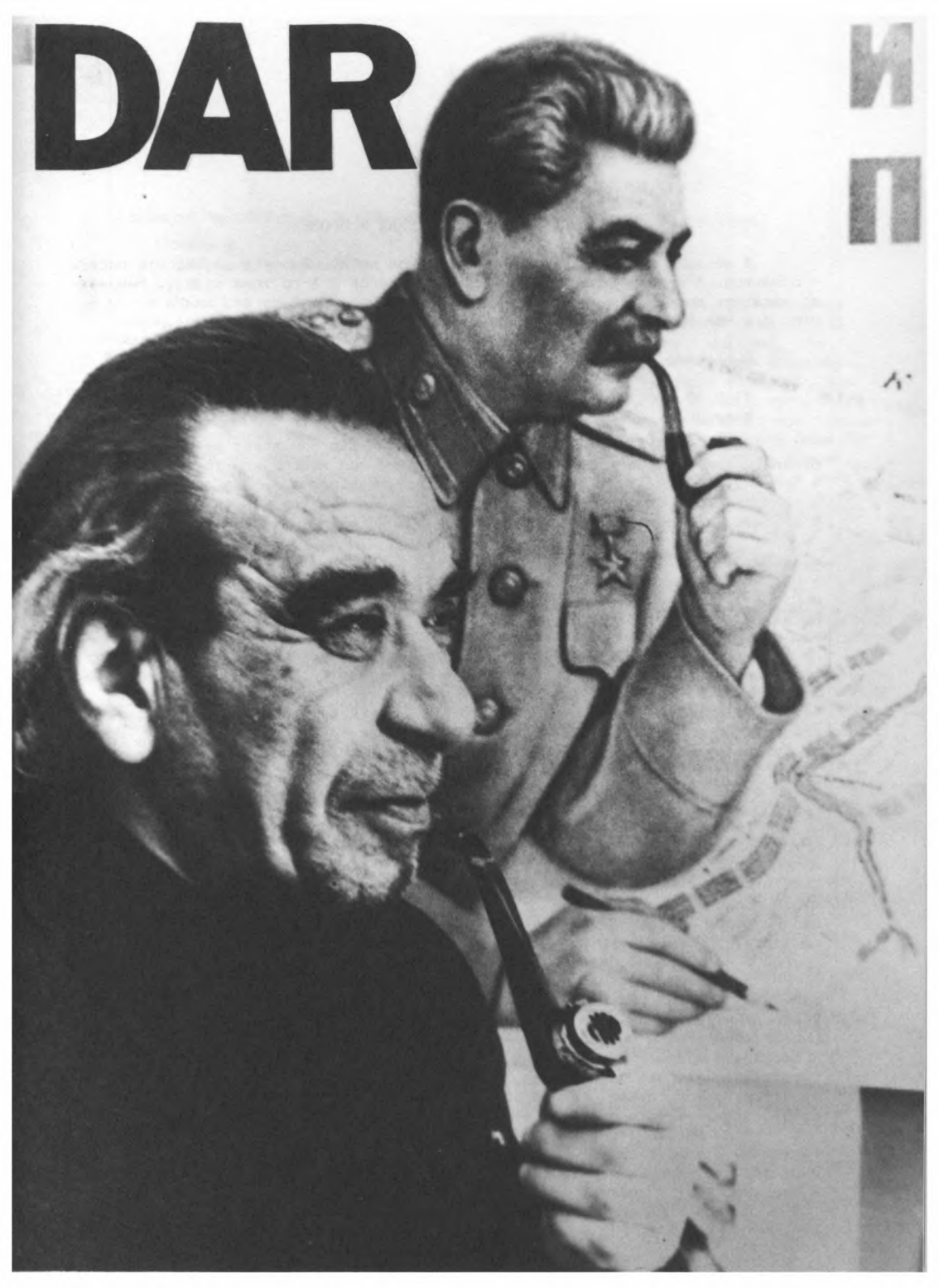
Дождь золотой из окна -
Странствующий монах -
Аполлона посланец.
Под подушкой затихла
Красная кошка
Античного счастья.
Под ними в глубокой задумчивости
Под пальцами слепого отца
Светится пятка
Рыдающего блудного сына.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО

Античный свет во сне раба,
Но - повернулся чуть -
И ночь - Эдипова судьба -
Ущелье приоткрыла лба
Зрачки трагедии вернуть.

ЭМФЕНТ № 1

Христос и Будда будят в нас
В часах тревожных лиц
Безумья океанов час
Календарей зарниц.
Душа становится на миг
Минутой Божества,
И Нуль имеет шанс на лик
Иного естества.
Но миг прошел, и снова круг
Отсчитывает миг,
И жизнь похожа на испуг,
А счастье на тупик -
Задумался - уйти ли в смех
Иль в вечности погром?
Безумец станет божеством
За счет страданий всех.

DAR
И
П

ДАВИД ДАР. В ПИСЬМАХ И ПРОЗЕ

Я не могу писать о Даре. Я его слишком люблю. Это все равно, что писать - о матери. А пока - только письма... Не дождался и 1-го тома старик. Виноват я: издатель послал 3-м классом. А что б мне почесаться? Но эта книга и том - его. И о нем будет потом... Антология моя превращается в некролог...

Пишет мне еврей Милославский:

17.9.80
Иерусалим

Костя, вчера утром помер Давид Яковлевич Дар - и вчера же вечером его отпели и закопали на холме Саула. За последние три недели его трижды волочили в больницу, - и на третий раз он и скончался. Как рассказывают соседи, приехала в последний раз за ним "скорая помощь" вовсе без врача или хотя бы фельдшера. Шофер свел его с лестницы - никаких носилок! Последние сорок часов он страшно, говорят, мучился - не мог дышать. Запомнили, что на вопрос "Чего бы вам хотелось, Д.Я.?" он ответил: "Отдохнуть бы..." Какой-то бабе подарил свою книгу - и надписал: "Давид Дар. Тот свет." Осталось завещание - что там есть, не знаю. Боюсь, что пропадут его архивы - не по злому умыслу, а по наплевательству: кому какое дело? ... Постараюсь, чтобы этого не произошло. Квартиру его покуда что опечатал комендант того странноприютного дома, где он жил.

На похоронах было довольно много народа - человек до шестидесяти, что по нашему положению вполне. Гробман фотографировал крохотный труп, замотанный в полосатый саван: лица у евреев не открывают, гроба не положено.

Я благодарю Бога, что успел с ним помириться - четыре недели назад. Ты помнишь, я тебе писал о его статейке в "22". А тут как раз был "митинг" в защиту Губермана-Гарика, мы там встретились и помирились. Слава Богу.

Пили у некоего Эли Люксембурга. Д.Я. был бы, наверное, доволен, что пили, но уж очень чужая для него была компания. Хотя он был настолько одинок и так своего одиночества боялся, что и такой компании был бы рад...

Там-то и начались разговоры о Даре - "еврейском писателе, вернувшемся на историческую родину". Я их матом - со всеми возможными оскорблениями и похабными обидными издевательствами. Но не побили - постеснялись, надо думать. Я опасаюсь, что Люксембург и прочие попытаются Дара после смерти ожидить. Они не то, чтобы плохо к нему относятся, а просто - по гнусной привычке. Тот же Люксембург за ним ходил в больнице... Поэтому вы, петроградцы, должны что-то такое быстро написать, опубликовать. Все ж таки Дар - он эпоха. Может, эпоха и дрянная, но другой у нас не было.

Думаю, что ты, Марамзин /ему только что написал/, Бродский, Довлатов /им сейчас же пишу на "Новый Американец"/ должны составить что-то вроде комиссии, присоединиться к комиссии же израильский /где будут, вероятно, Люксембург, Сотникова, Генделев и не знаю, что еще/ - и потребовать полного и активного участия. А поскольку в вашей группе имена значительно более весомые, то, надеюсь, что богатейший архив Дара не пропадет, не распылится по вонючим "Сионам". Все это, разумеется, в том случае, если в завещании не указано конкретное лицо /лица/ - напр., его дочь, что получила отказ в выезде.

Если потребуется, можете уполномочить меня - я им головы отломаю. Но это должно быть дело открытое, с именами членов комиссии, с объявлением. Впрочем, я пишу все это, допуская, что тебе и другим важно что-то сделать. Свяжитесь там, в Америке, друг с другом, но не тяните.

А Дара - жалко мне, он был какая-то ЧАСТЬ. И вот, зарыли его в страшный

каменистый чужой грунт. И дождичка не пойдет над ним. Как и над нами.

Обнимаю,
твой Юра Милославский.

Не пойду я ни в какие комиссии. Если государство Израиль, историческая родина, не ценит еврея Дара - то арапскую бомбу ему в необрезанный сионистский тохес, государству этому! - еврея Дара любили и будут любить - русские. Это Дар был единой душой живой на весь провонявший Союз писателей /мадам королеву мы в счет не берем, оне были - выше/, это Дар вел ЛИТО "Трудовые резервы", Дар эстетов не выбирал /хотя сам и дружен был с Пастернаком, Чуковской и прочими/ - Дар брал поэтов - с улицы, из деревни и от станка /да-да, фрезеровщик или токарь Соснора, краснодеревщик Глеб, крестьянин из Тверской губернии и ПТУшник Леша Любегин, маляр-альфрейщик Олег Охапкин, учитель в школе рабочей молодежи Кушнер.../ перечислять затруднительно, да и не всех его выкормышей я знаю, меня-то к нему Олег привел уже где-то в 70-м - тут, к слову, - посмотрел на меня Дед: "Вы, говорит, алкоголик?" "Алкоголик, говорю, Давид Яковлевич." "Странно, говорит, алкоголик - и такие чистые глаза!" Другой раз прихожу: "Вы знаете, говорит, Костя, но у меня почти ничего нет выпить!" "Ну, нет, так нет, говорю." "Но Вы же алкоголик!" /"Почти ничего" - это было четверть полпитры водки, коньяку малость и бутылка еще вина какого-то, не то две - так что мне вполне хватило!/ Но не за выпивку мы любили Дара. А - за ДАР. Дар выслушать и понять, дар человеческий, что так редок, за его мудрейшее из мудрых высказывание:

"ВОТ И СТАРОСТЬ ПРИШЛА. А ГДЕ ЖЕ МУДРОСТЬ?"

которое я высек бы на скалах или на чугунных лбах престарелых мудрецов. Ибо Дар любил - ЮНОСТЬ. Не как гомик - он и однополым-то стал, когда стал - импотентом!, а просто юность, как самый творческий факт. И липли к нему молодые, как мухи или как дети - знали: не предаст.

Это же знали и в Союзе. С предложениями подписать бумагу против Солженицына - обращались к Гранину, но не к Дару. Гранин, правда, умыл руки, свалив в Коктебель, а Дар, за последние предотъездные 5 лет, пока знал - один раз только в Комарово, вроде, съездил. Потому что всегда у него кто-нибудь жил, из бездомных, голодных, молодых и талантливых. На Коктебели нехватало, а как померла Панова - так и на харч не очень. Кстати, о смерти Пановой. Еще когда в начале 70-х, когда я читал у него, не раз, прерывал чтение: "Костя, простите, мне надо Вере Федоровне лекарство дать!" Потом его наследнички поперли, и он уже жил один. А в день похорон Пановой - в марте 73-го, должны мы были с А.Б.Ивановым нести наши детские книжки в "Детгиз", по рекомендации Дара. А тут - померла, писательница /которой я, правда, не читал. И не буду./ Ну, думаю, Дару - не до нас. В самый день похорон звонит: "Костя! /Немножко не в себе голосом/ Я тут обо всем договорился, идите к Доре Михайловне /?/, она вас примет, но я сейчас больше не могу говорить... Вера Федоровна..." В день похорон! Как еврей Леня Палей, в день похорон МАТЕРИ своей - на кладбище тащил Борю Куприянова представлять кому-то: "Познакомьтесь, очень талантливый поэт!" И в этот момент ни Палей, ни Дар - о друзьях не забывали.

А в Союзе... Вечер памяти Пастернака. Слюнявит всякая тварь имя поэта. Дед встает, коротенький /первый раз, как увидел его - напомнил он мне японскую маску, желтоватым цветом лица, поразительной формой - так что может, не так неправ этот друг в "22", который о происхождении евреев от японцев пишет!/, рядом с трибуной. "Идем, говорит, это мы по Переделкино, с Борисом Леонидовичем. Темнеет. А навстречу - две темные фигуры. Пастернак им кланяется, ну, я, маленький - я тоже кланяюсь. А фигуры проходят мимо, не здороваясь. ЭТО БЫЛИ - ИРАКЛИЙ АНДРОННИКОВ И КОН-

СТАНТИН СИМОНОВ!" С трибуны, бля! В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ! Или - на закрытии конференции молодых, куда ни я, ни Охапкин допущены не были. "Пил я, говорит, коньячок с одним тут писателем. Тот мне говорит:"- Ну я, говорит, хороший писатель! Машина у меня есть, дача тоже, дочке вот тут дачу купил - было б у меня все это, если б я был плохим писателем?!"Разные, говорит, у писателей судьбы. Я не буду вам напоминать про Платонова, Бабеля и Олешу, но и сейчас - есть вот талантливейшие Федор Чирстков, Виктор Кривулин, Олег Охапкин, Константин Кузьминский!" Это все с той же трибуны, где и имена-то наши к упоминанию запрещены! Я в зале, от восторга, палкой по полу на каждое имя стучу - ведь единственный, кто - О НАС. Орлов, блоковед, тот - "Ну, конечно, есть там, талантливые, молодые, как их..." И по именам, как и тот же Исаич - не знает И ЗНАТЬ НЕ ЖЕЛАЕТ. А Дар - знал.

Знал не умом, не на память, а - сердцем. Оттого и лепил: "Вы знаете, Костя, я стихов Чейгина - совершенно не понимаю. Это не мой секс." Сексуальная природа творчества - была у него во всей обнаженности. "Сюествует слово, сюествует слово!" - как изображал мне Леня Палей манеру Дара, еще до встречи моей с ним.

Смешной и прекрасный, заходившийся в астматическом кашле, курил или короткие трубочки, или - крутил чудовищной толщины самокрутки, из того же табаку - и как вкусны были, эти, смоченные его слюной, цыгарки! Не брезговал я ими, как, помню - крутил мне в тайге Валька-мариец такие же, сочно облизывая - и Валька был друг, спасал меня, я однажды чуть начальника топором не пришил, звереешь в тайге, а Валька был - человек. И не читал он Ахматову, Дар же - читал, но не чтил. Чтил он - молодых и никому не известных, за что и был нам - больше отца.

А хулиган! Подходит к нему тот же стукач, все в том же Союзе: "Ну, как, Давид Яковлевич, вам понравилось собрание?" На что Дед, яростно пуская клубы дыма - пуф! пуфф! - "Ебал, говорит, я ваше собрание, ваш союз писателей и вашу советскую власть!" Стукач, со сдвинутыми мозгами, уходит и начинает мучительно думать: доносить ежели, то - как? Кто ж в такое поверит?

А трубочки у Деда были Федоровские. Я однин раз у Юпа увидел, в подворотне "Старой книги" на Литейном - такую, ну, прямо дедовскую! - вмещала две унции, обкуренная и с роговым мундштуком, люлька такая, коротенькая - ну, занял тут же у Эстер денег, купил. Деду в больницу понес, порадовать. Курить он ее, правда, не стал - и не потому что после Юпа, а просто - порченая была. Сам же он, еще когда Федорову торговлю прикрыли /частник!/, на свои и Веры Федоровны деньги по штуке в месяц покупал, поддержать чтоб. Потом все в Англии раздарил, в кои-то веки съездив. Федоров тогда /хоть и сам Сталин его трубочки курил!/ торговал ими в комиссионке - брали, как "антик", хотя и заведомо знали, чьи. И в комиссионке люди, случается, бывают. Потом уж Федоров, после Хрущова, мастерскую получив - сам работать не мог, на трубках учеников клейма ставил.

Дар, сколько знаю его, на себя никогда не тратил. То Федорову помогал, то Охапкину /это то, что я знаю!/, Трифонова опекал /а Гена ему, случалось, не тем за доброту платил/, Лапенковых и Любегиных, Васей Филипповых, Емельяновых-Ельяновых - несть им числа! Иные пошли в советские писатели, иные тут. Будут писать о Даре, будут, это я - не могу: то сплетня, то анекдот, а что делать, если я любил его больше иной бабы, а про любовь разве скажешь? Так, стихи.

Отец мой погиб в 41-м, и находил я "старших" уже сам. Братец двоюродный Борька, ерник и умница, самострелы мне мастерил, лупил, случалось, а потом - Викниксор и Дар. Больше у меня в жизни отцов, почитай и не было. С Даром все было до не знаю чего, просто: придешь - сначала жил он у Смольного, а потом на Ленсовета - сидит, кашляет или пыхтит, на стене карта его путешествий по России висит, ни картин, ничего, сделал только, по моей просьбе, Пти-Борис, самый гениальный фотограф, поясной портрет Давид Яковлевича симпатии, юного и прыщавого Васи Филиппова, на кухне Леша Любегин сидит, на машинке стучит, в комнате накурено, ок-

но на Ленсовета выходит, не откроешь: шум, сидишь у стола, уютно /это единственное место, где я мог СИДЕТЬ, а так всегда - возлегал!/. Не помню наших разговоров - да и зачем? Разве передашь разговор с отцом или матерью, не в форме художественной прозы, а просто - как это было?

Это единственный дом, куда, в последние 2 года, я, случалось, наезжал - а так все ходили ко мне. И Дар тоже, пыхтя и опираясь на плечи мальчиков.

Я всегда не выносил гомосексуализма. Гомосеков - тоже. Сидит у меня Трифонов, взявшись за ручки с какой-то долговязой и рыбьей харей, с мочальными волосами, оба в слюнях. Уходя - "Костя, как вам понравился мой возлюбленный?" "Очарователен, говорю, Гена." Чтоб утешить. С Юрием Михайловичем Юрьевым, который был пед, мне не довелось познакомиться, но моя бывая четвертая супруга выросла у него на коленях. И много рассказывала, о нем, и о любовях его. Может, у Юрьева, Кузмина или Сомова это получалось красиво /хотя, сообщил мне тут князь Никита Лобанов-Ростовский, коллекционер и банкир, что последним "ебарем" Сомова был ... боксер!/ Ну, не знаю, в балете я не участвовал, из балерунов знаю только Панова и Сашу Эрасмуса, да и они, по-моему, не - но - чтобы с боксером! Бррр! Мне сразу Мохамед Али представляется.

А вот Дар... Столько в нем было тепла, любви и человечности, что даже жопа в голову не приходила. Ему я даже попытался отдаться, но безуспешно. Дед все грозился опубликовать меня описание, в оной позе, так я сам это делаю, потому что мне - не стыдно. Это не от отчаяния, как Эдик Лимонов с негром, а просто не выразить было всей любви к Деду словами!

Дед был - сама любовь, в наш век злобы, подозрительности и неприязни. А какое -полая она, эта любовь, была - мне и в голову не приходило задумываться. Дед просто любил. Он любил - не жопу, а юность. Как я в женщине люблю скорее, символ, нежели факт /фак/. За любовь осуждать нельзя. Так я, на выступлении Трифонова, в ЛИТО у Деда же - произнес самую замечательную речь в моей жизни. Передать ее нельзя, потому что тогда передо мной сидели Малютка и Генделев, но суть ее в том, что поэт может любить мужчину, женщину, дерево, блядь /указуя перстом на Леночку/, он создает рифмованные вопли и стоны этой любви - а вы ими наслаждаетесь. Или что-то в этом роде. Кто-нибудь другой напишет.

Но я говорил о Трифонове. Самом беззащитном из поэтов, потому что он пед. И сейчас, вроде, вышел из лагеря, куда его кинули за то, что он любил. Так вот, понимать поэзию эту - научил меня своей любовью Дед. Научил понимать высочайший трагизм неразделенной любви, а к кому - хоть к ветке!

Ибо Дед любил.

Так любить поэтов, как он - не дано никому. И мне не дано. Ибо я люблю еще - и себя. Дед, который оставил после себя ОДНУ тоненькую книжечку в каких-нибудь горстку страниц - жил не для них, а для любви. Владимир Гольцшмидт называл себя футуристом жизни /за что посадили/, Дар же был - поэтом ее.

Умер он - в Богом забытом Израиле, хотя и счастлив был, что увидел холмы Ханаана. Но жил он - в России.

В одном из писем /с год, примерно, назад/, вру - какая-то блядь о трех ногах /как она мне отрекомендовалась, поклонница Генделева/- сообщает:

Давид Дар купил осла и поехал на нем по Земле Обетованной. Встретив на дороге старого араба, заспорил с ним, кто из них старше. Стали раскрывать друг другу рот и считать зубы.

Едет Дед по Земле Галилейской, прекрасен, чист, похотлив и мудр, как сама Библия.

Едет Дед.

И я - его Ученик.

Фото С. Смелова, 1974.

Фото Г.Приходько. Постановка Кузьминского. 1974?

ПИСЬМА ДАРА /практически, без комментариев - не мое амплуа/:

25.5.76

Дорогой Костя!
Леша Любегин был у Евдокии Петровны, узнал Ваш адрес и написал Вам стишок, попросив меня его отправить. Я устыдился того, что не написал Вам раньше.
Без Вас Ленинград стал каким-то другим - будто не стало в нем храма Спаса на крови, или львов, на одном из которых сидел безумный Евгений из "Медного всадника", или юношей, укрощающих коней на Невском, на мосту через Фонтанку. Тот-же Леша Любегин, написавший Вам столь плохие стихи, в своей хорошей прозе о Вас написал, что только с Вашим отъездом наш город перестал быть Санкт-Петербургом... И в этом есть какая-то правда.

Я очень рад, что Вам хорошо /так говорят люди/, что Вы довольны.

Мы все /ленинградцы/ любим Вас и вспоминаем с любовью. Сердечный привет супруге. У меня новый адрес - на обороте.

Любящий Вас Д.Дар.

Стихи Леши Любегина не привожу - действительно, плохи. /ККК/

19 августа 1976 г.
Ленинград, бывший Санкт-Петербург или Санкт-
Константинбург.

Дорогой Костя!

Был очень рад Вашему письму, кстати сказать, прелестно написанному /ведь я никогда не читал Вашей прозы/ и знал Вас только по стихам или живописно-фотографическим изображениям Вашего лица и Ваших ягодиц.

Всем нам в Константинбурге Вас очень-очень недостает. Будто мы остались без Исаакиевского собора или Сайгона. И надо сказать, что без Вас вся шарага распалась. Пыталась, было, Вас заменить Юлия, но, сами понимаете, куда ей до Вас? Все перессорились, не могут рассчитаться по порядку номеров /талантов/ - все, в том числе Нестеровский и Ваш последний ученик Витя Иванов считают себя правофланговыми /я уже,правда, забыл на каком краю строя стоят самые высокие/.

Я и до Вашего письма имел о Вас кое-какие сведения от Евдокии Петровны, которой регулярно звоню. От нее же узнал, что Вы уже покончили с благодеяниями Льва Толстого и Льву Толстому предпочли Сиднея Монаса. Я очень рад, что Вы пишете, что любите меня /если даже это и неправда/, потому что я, несмотря на некоторую иронию, любил и люблю Вас по-настоящему. Вы великолепно дурачили окружающих, на уровне высочайшего артистизма /"арцысцызм" - любимое выражение Д.Я.-ККК/, который вовсе не обязательно нуждается в многотомном собрании сочинений или в зале Медисон-сквера. Где находится подлинный артист, там возникают и его подмостки. И Вы под своим ХЕРОМ /я имею в виду парикмахерскую/ блестяще играли свою роль.

Одним только Вы обидели меня: подписавшись моим "учеником" и даже дважды повторив это мерзкое слово. А ведь Вы знаете, как я терпеть не могу и учеников и учителей, и Вас любил вопреки окружавшей Вас толпе Ваших учеников и апостолов. Я и Христа-то недолюбливаю за то, что он первый объявил себя учителем, а своих апостолов учениками. А уж от такого учителя, как Христос пошли и все прочие, кончая Выходцевым и Кривулиным. Но по поводу своей обиды, я преувеличил, потому что прекрасно понимаю, что никакой Вы не ученик, по самой своей природе /артистической/ не способны быть учеником /к счастью/, а тем более моим, который может учить только одному: как плевать на всех учителей.

Сердечный привет Сиднею Монасу и его супруге Керолл, если, конечно, они

помнят меня и их визит ко мне. Привет Мышке. А собаке - не надо.
Любящий Вас Д.Дар.

Далее следуют стихи /не привожу/ и приписка Леши Любегина, под датой "Яблочный Спас, 19-август-76":
"Да здравствует мировая революция, которая сотрет с лица Земли границу, разъединяющую нас и которая даст мне возможность принять вас вместе с Евдокией Петровной /эк, перенеслось!/ в своей фермерской избушке, где будет и хлеб черный, своей выпечки, и квас хлебный, и огурцы-желтяк. А рецепты выслать никак нельзя - тайна народов СССР. И разглашение ее карается Страшным Судом.
Будьте здоровы, мои дорогие.
С уважением и любовью - Алексей Любегин.
P.S. Виктор Иванов очень помнит и любит Вас. Вы подарили нам воздух Санктъ-Петербурга."

Эти огурцы я Леше никак простить не могу. Ностальгия выражалась /и выражается/ у меня чисто гастрономически: воблу по всей Америке ищу, один раз удалось купить в Чикаго, селедку ржавую тут нашел и огурцы /почему-то кошерные/, а вот хлеб пекчи - никак не научусь! И опресноки, которыми Леша меня угощал, из здешней муки не получаются. Квас, правда, делаем. Изюмный. Окрошку тож. /ККК/

11 октября 1976 г.
Санкт-Питерленинкузьминоград.

Дорогой господин профессор!

Вы отлично знаете, как я уважаю профессоров, докторов наук, академиков и других старых пердунов, заменивших естественную юношескую похоть противоестественным половым извращением, которое называется учительством, потому буду по-прежнему называть Вас просто Костей.

И-так, дорогой Костя! Простите, что не сразу ответил на Ваше письмо из прерий, потому что, как у нас в России говорят, несколько "приболел".

Вы пишете мне, что пьете калифорнийское бургундское. Увы! Нисколько Вам не завидую, ибо всем бургундским, коктейлям, шампанским, шарманским, оранжам, авокадо, променадо, Керуакам и Йейлям предпочитаю одну /две, три, четыре/ стопочки русской водки или, на худой конец коньячку.

Вашему роману в 300 страниц не завидую. Исписать 300 страниц даже только тремя словами, составляющими основную классическую общенародную форму мата - тяжкий труд, который был бы мне не по силам. Я никогда не понимал в чем разница между тачкой, к которой был прикован раб в древности, и пишущей машинкой, к которой прикован раб /он-же прозаик, поэт, литературовед, трупоед, профессор/ нашего времени.

Вы пишете, что живете в городе молодых, где Вы - самый старый. И приписываете: "Вот бы Вам сюда!". Не хочу. Во-первых, я стыжусь своей старости, во-вторых - по причине своего возраста единственное, что я мог бы делать с молодежью, это учить ее, а я, к сожалению, давно уже понял, что чем "глупее человек, тем больше он любит учить других". Это мое, опубликованное, и не вздумайте украсть у меня для своих импотентных лекций.

Вас, наверное, интересует, что происходит у нас, на Неве, без Вас. А происходит то, чего я все последние десятилетия боялся больше всего - восторжествовали бабы, Ваши бабы, Наталья и Юлия. У Вас, под "хером" было нечто вроде древнегреческой академии - торжествовало эстетическое начало. И Вы сами лежали на своем диване, как Зевс, и десятки девиц вели на Вашу вершину, как ступени

мраморной лестницы /само собой разумеется, что дабы больше уподобиться ступеням лестницы, они даже не склонялись, а стояли на карачках/. Теперь они разогнули спины. И Ваш храм Ваши бабы /бывшие - давно - девицами/ превратили в обыкновенный бардак. Художники смешались с поэтами, поэты со священниками, священники с фарцовщиками, фарцовщики с юродивыми. Короче говоря, произошло то, что с Еврейским народом, когда Моисей ушел на гору Синай, а они устроили без Моисея рынок. Античности, вот чего нам сейчас не хватает, Вашего бескорыстия /несмотря на всю Вашу саморекламу/, Вашей бороды, ковбойских кожаных штанов, косматого ягненка на спине и лживого креста на Вашей женственной груди. Боюсь, что на фоне прерий, Миссисипи, Колорадо, Техасса, Калифорнии и как там их еще, Вы смотреться будете не так, как на фоне нашего классического, академического, строгого и сурового города.

Пишите мне, я Вас люблю. Может быть встретимся на том свете /само-собой разумеется, в аду/. Если Вы там услышите мой вопль и увидите, что черти с какого-то бока уж слишком пережарили меня, то хоть плюньте на мои ожоги, и за то скажу спасибо.

Сердечный привет Эмме и всем собакам Остина.

Передайте мое уважение и прекрасную память о свидании с ним господину Сиднею Монасу и его милой супруге.

Любящий Вас Д.Дар.

P.S. Сегодня узнал из письма Монаса, что Вас в Остине все любят, что Вы пользуетесь огромным успехом у студентов и профессоров, и что Вы бессовестно заимствовали у меня мое знамя АНТИУЧИТЕЛЬСТВА. Д.Д.

8 сентября 1977 г. /ничего не понимаю, путаница в датах, а по советским штампам смазанным - хуй что поймешь! Год, похоже, тот же. - ККК/ бывш. Санкт-Кузьминско-град.

Дорогой господин профессор!

Наконец-то получил Ваше долгоожидаемое письмо /от 15 декабря/ и окончательно убедился, что Вы это единственный "светлый луч в темном царстве" заокеанского капитализма. Все другие профессора Северной, южной и средней Америки, посещающие наш город, поражают меня своей занудливостью /Сидней Монас был исключением/. Я не хочу называть их фамилий, чтобы Вы им этого не передали, если Вам придется с ними встретиться, но все они /слависты/ вполне могли бы работать у нас в Пушкинском доме и быть членами Союза советских писателей, потому что они, как, впрочем, и Вы, судя по Вашему письму, угощают своих студентов студнем /"Стюдень принимают на ура, ну уж и варю его - отборный!/ /Из письма проф. Кузьминского/. не понимая, что самое главное в "стюдне", это хрен! ... Студнем набиты головы и монографии всех профессоров, а вот насчет ХРЕНУ, так этого ни у кого нет, и даже что-то Вы умалчиваете.

Впрочем, Ваше умолчание о хрене я объясняю Вашей "ипостасью импотента" - опять цитирую Кузьминского. Так вот, поверьте мне /у меня уже полуторагодовой стаж импотенции/ если ты сам импотент это еще не трагедия. Трагедия начинается тогда, когда все вокруг тебя становятся импотентами. Эту трагедию переживаю ныне я - все мои /и Ваши/ бывшие так называемые ученики облысели, поседели, потолстели. Где они, тот прелестный Боря Куприянов, которого Вы первый раз привели ко мне в больницу или тот очаровательный Саша Исачев, которого Вы первый раз привели ко мне на улицу Ленсовета, заявив, что лучше оставите у меня свою палку, чем его?

Нет, Вы не заманите меня в свой скучный Остин двумя старыми и "жирными

индейками" /опять цитирую письмо проф. Кузьминского/, которые ожидают меня в Вашем холодильнике. Вот, если бы на Вашем диване ожидали меня два юных и поджарых /забывая русский язык не спутайте слово "поджарых" со словом "поджаренных"/ индейца, тогда еще стоило бы подумать о встрече с Вами в Остине.

Рад Вас обрадовать - Ваша слава распространяется далеко за пределы Техаса. Недавно мне рассказывала о Вас профессорша Алиса Стоун /жена нашего ленинградца Саши Нахимовского/, как она кормила Вас двойным обедом, за что Вы читали ее студентам многоязычную главу из поэмы о "Вавилонской башне". Она подтверждает, что все коренное население Папуа, Туамоты, Пупау, Пиупа, Тиомиты, Митиоты и островов святого Миши Генделева рыдали от восторга и потом всю ночь били в там-тамы.

Не упрекайте меня в том, что я "напустил", как Вы пишете, на Вас еще одного поэта Мишу. Он, на мой взгляд, пишет такие же плохие стихи, как любимый Вами Михаил Маккиовей, прикрывающийся псевдонимом Генделев. Но так как Вы, подобно мне, и в отличие от всех Владимиров Орловых и Карлов Профферов, к счастью, совершенно не умеете отличать хороших поэтов от плохих /мы то с Вами знаем, что отличить их можно только по гениталиям, которые они всячески скрывают от ученых литературоведов/, то Вы можете вознести и осчастливить его, как пожарника Витю Иванова или дать ему под зад, как фельдшеру Мише Генделеву. И в том и в другом случае я нисколько не буду обижен.

Другое дело, вопрос о суфражистках. В отличие от Вас, я уже в 12 лет понял, что женщины "устроены иначе" /цитирую проф. Кузьминского/ и поэтому никогда их особо не жаловал. Так уж и быть, не пожалею ради Вашей профессорской славы еще одного алмаза из неистощимого кладезя своей иудейской мудрости и открою Вам, что только женщины двигают историю /куда двигают, даже я не знаю/. Все революции, войны и другие исторические катаклизмы порождены извечным женским недовольством существующим положением дел. Да и как им быть довольными, если Господь Бог отказал им в той прелестной штуковине, которой не пожалел даже шелудивому псу, не говоря уж об осле? Я бы тоже на их месте /т.е. если бы был женщиной/ предавался бы суфражизму с таким же энтузиазмом, как предавался онанизму и другим демократическим радостям жизни. Но суфражизм никого еще до добра не довел. Я имею в виду и нашу ленинградскую приму-суфражистку /Юлию Вознесенскую - ККК/, которая после Вашего отъезда долго размахивала своим подолом, как знаменем, и, в результате все-таки добилась того, что хотела. На весь мир ее назвали "ленинградской поэтессой". Конечно, мне жаль и ее и беднягу Геннадия /Трифонова - ККК/. Помочь им ничем нельзя, кроме моральной поддержки, что я и стараюсь делать по отношению к Геннадию, хотя он, как говорят, вел себя как подонок. Этого не говорят о Юлии. Два Виктора /Кривулин и Ширали - ККК/, Олег, Нестеровский и другие все еще продолжают уговаривать Чепурова, Горбовского /вставлено - ККК/ и Шестинского, чтобы те с ними играли, что и они не хуже. Но те уже так потолстели, что могут играть только в неподвижные игры /например, раскладывать пасьянс из своих книжек/, а этим иногда еще хочется порезвиться.

Вот и все. Общаюсь по телефону с Вашей мамой. Она - молодец.

Любящий Вас, сердечный привет Мышке. Д.Дар.

Леша Любегин Вас тоже любит, и хотя Вы его ни за что обидели, просит передать Вам его привет. Д.Д.

Шуточки - ни за что! Он мне вместо рецепта аржаного хлеба /кому и знать, как не автору "Колобка"!/ - стихи шлет, да притом плохие! Так и сижу, без хлеба, 5-й год. Завал! - ККК

21 февраля 1977 г.
Ленинград.

Дорогой мистер К. К. К.

Получил Ваше письмо от 28 "генваря", сам читал его с удовольствием и давал читать всем общим знакомым. У Вас такие великолепные отношения с самим собой и с окружающей Вас средой /я имею в виду испанцев, датчан, омаров, профессоров, президентов, вермут "чинзано", классиков, индеек, русской и мировой литературы, секретуток и др./, что Вам одинаково хорошо живется и на бульваре "Белой Обезьяны" и на бульваре Профсоюзов. Завидный у Вас характер. В этом своем коротком письме я не стану просвещать Вас относительно злонамеренности Пентагона, расовой сегрегации, деятельности Ку-клус-клана и интригах монополий, а посвящу Вас в наши ленинградские дела.

После Вашего отъезда, все поэты как-то распылились, рассредоточились и женились. Некоторые еще вращаются вокруг Кривулина и его новой жены, которая кажется мне сексуально-религиозной истеричкой вроде святой Женевьевы /феминистка Татьяна Горичева, по прозвищу "Хильда", выдворенная вместе с двумя другими дурами из Союза ССР летом 1980 - ККК/. Для других остался только Сайгон, переименованный некоторыми в Хо-ши-Мин. Громадную сенсацию вызвал "Аполлон-77", которого я еще не видел. Злые языки говорят, что его правильнее было бы назвать "Шемякин-77", а добрые языки говорят, что в нем 7777 страниц, что стоит он 60 долларов, что в нем опубликовано 142 Ваших стихотворения, не считая Ваших фото, на которых Ваш пенис почему-то прикрыт пожарной каской, а Ваше имя упоминается 164 раза. /Неправда, пенис не прикрыт, а упомянут я только 16 раз, хотя это - наполовину - моя работа. - ККК/ Говорят, что кроме Вас там опубликованы и все другие кузьминсконосцы, и Опупкин, считая, что он уже заслужил всемирную славу и навечно вписал свое имя в скрижали мировой литературы, успешно сколачивает свою семейную жизнь, непрерывно пиша поэмы, самая короткая из которых включает в себя шесть тысяч строк. Сколько времени выдержит жена не знаю.

Даже бедняга Геннадий, находясь на курорте /в лагере - ККК/, продолжает писать, и новые его стихи мне так же нравятся, как и прежние.

Кривулин мужественно и неутомимо пробивает в толще русской поэзии свое собственное русло, но наполнится ли оно могучим потоком последователей - не знаю. Пока в этом русле сочится один только Боря /Куприянов - ККК/.

Интереснее живут художники. На-днях у меня был Толя /Белкин - ККК/ - он ждет ребенка. Много пишет, много суетится, с любовью вспоминает Вас.

Несколько дней назад приехал Саша Исачев, привез очень много новых полотен /масло/, написанных совсем в новой манере. Эдакий Рембрандт-77. Его работы произвели на меня /повидимому, не только на меня/ очень сильное впечатление. Просто грандиозно. Ему еще нет двадцати трех лет и, на мой взгляд, он обещает стать одним из самых интересных. Эти работы последних двух лет он еще нигде не выставлял. Приехал сейчас с Наташей и ребенком. Думает купить где-нибудь под Ленинградом домик и там жить и работать. Я вспоминаю, как Вы привели его ко мне три года назад, голодного, бездомного, наголо стриженого /он был в парике/. /Парик, впрочем, был моей жены, купленный у любовницы Шемякина, фарцовщицы Мамки, за 50 рублей. - ККК/ Впрочем, и сейчас он также далек от благополучия, как я от Вас: нет ни дома, ни зрителей, ни друзей близких. Но - абсолютная, всепоглощающая и бескорыстная преданность живописи и поразительная мощь кисти. По манере он ближе всего, пожалуй, к Геннадиеву, но глубже, больше поисков и чисто юношеское увлечение библейскими сюжетами. Путь Саши Исачева - один из самых поразительных, которые я встречал в своей жизни.

Очень интересно работают Путилин, Тюльпанов - они оба, также, впрочем, как и Михнов, - в непрестанных поисках, неизменные в этих поисках и все время

меняющие свои стилистические приемы, оставаясь при этом самими собой, так что их сразу можно узнать и отличить от других.
/A propos, до меня - Дед не знал НИ ОДНОГО художника, да и сейчас пишет о них стилем советского литературоведа - не как о поэтах! - и ставит на одну доску - монаха от живописи и гения Тюльпанова - с с ярким, но поверхностно-чувственным и принимающим чужие лики Путилиным. А привел я к нему Исачонка и Белкина еще до моей выставки 23-х, на которой и Дар уже был, Федора Абрамова потом прислал, и Гора - но это уже другие воспоминания. - ККК/

Не пишите так пренебрежительно о Леше Любегине. Он Вас любит, любите и Вы его. Он талантлив, как черт, и обладает одним громадным преимуществом - невежественен и непосредственен, как капуста. Он остался верен Вашей школе, но применяет ее чаще всего в своих графомански-прозаических опусах. Я очень верю в него. Он напишет когда-то что-то такое, чего и как еще никто до него не писали.

Часто говорю по телефону с Вашей мамой. Мой телефон: 217-27-85. Почтовый индекс не 190151, как Вы пишете, а 199151. Прилагаю письмо Леши /отредактированное мною/.

Сердечный привет Эмилии Карловне.

Любящий Вас Д.Дар.

Пока я Вам это писал, позвонил счастливый Толя Белкин и сообщил, что у него родилась дочка, и он просит Вам кланяться от ее и его имени.

Д.Д.

19 февруария 77.
г.Костин.

ПРЕДВОДИТЕЛЮ ТЕХАССКОГО ККК.

Милостивый осударь,

Я рад, что призрак Кузьминского бродит по Европе и Америке. Ему нечего терять, кроме своих цепей. Не понимаю, почему в Техасе нет Невы, ведь у Вас там в соединенных штатах есть с полдюжины Санкт-Петербургов. Прошу Вас переименовать Миссисипи /на худой конец, Колорадо/ в Неву.

Сказочка об Ефиме и Серафиме вельми отрадная, особливо о херувиме, герое нашего времени, заместителе Колобка.

Зачем Вам мертвый Ремизов, когда есть живой Любегин? - странный вы народ, американцы, привыкли все критиковать - то им Форд плох, то Любегин, то Никсон, то Витя Иванов - вот оно истинное лицо буржуазной демократии.

Живой Любегин любит своего полуучителя и кланяется Эмилии Карловне.

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

И тут чувствуется рука Дара! Леше самому так - нипочем бы не написать, хотя его "деревенская" проза - чудо, как хороша. Его рассказ "Колобок" я включил в антологию "Лепрозорий-23" /все еще не опубликована, 5 лет/.
Дар же, в том же, полагаю, году, уехал в Святую Землю, откуда сначала ничего не писал, а потом написал - о Мише Генделеве и о красоте его беременной Леночки, чем меня дико обидел. Я пообещал 6 пуль из моего кольта в ее беременное брюхо, а если родит - детям отравленных конфет прислать. Того не понимал /а вернее, НЕ ЗНАЛ/ старик, что она Генделева, КАК ПОЭТА, мне предпочла! Если б еще за длинный хуй - я бы простил. Но ведь в первую же ночь, когда меня привел к ней толстый бисек Зубарев, она мне, задыхаясь, сказала: "Но ведь это все равно - что с Маяковским!" Я, в хохоте, свалился с нее. Потом, когда выяснилось, что это - все равно, что с Генделевым - мне стало уже не до смеху. Понимаю - Бобышев и Бродский, тут, можно сказать, баш на баш!

Гнида же Генделев - от дуэли отказался. /Бродский с Бобышевым, говорят, хотели стреляться, но их развели. Потом Женя Рейн написал какую-то поэму про это и Бродский на него обиделся. Поэму ищу./ Тогда я Генделева стал поливать публично и в глаза, но он, по принципу "Ссы в глаза - все Божья роса!", упорно присутствовал на всех чтениях.

А тут мне Дед красоты Леночки взялся расхваливать! Потом еще и роман мой изругал. Обиделся я и замолчал. Года 2 дулся. Но этот период, полагаю, покрыт у Ильи Левина, они с ним не ссорились.

А у меня, за вычетом пропавшего письма про Генделева /которое я не очень-то и жажду искать/, до 1 октября 1979 писем от старика и нет.

Но зато потом пошли письма - одно прекраснее другого.

/И письмо о гниде Генделеве нашлось, где расхваливает Дед прелести Леночки, но не хочется мне его перепечатывать - не тот это Дед, не добрый, и поссорились мы с ним - из-за этого письма, почему и не покажу я его никому./

Год молчали, не то целых два.

1 октября 1979 г.
Иерусалим

Уважаемый Константин Константинович!

Я очень благодарен Вам за приглашение принять участие в Вашей многотомной антологии. Вы молодец, что занимаетесь ею. Дело нужное и интересное. Но я принять Вашего приглашения не могу. Я всю жизнь старался избегать всякой работы вообще, а тем более - работы по чьему-либо заказу. В Росии это не всегда удавалось, хотя и там я больше всего имел дела с одним заказчиком - своим собственным сердцем. Сейчас же, на краю смерти, заниматься чем-либо, что нужно ЧИТАТЕЛЯМ, ИЗДАТЕЛЯМ, СОВРЕМЕННИКАМ, ПОТОМКАМ или кому-бы то ни было, кроме меня самого, мне совершенно ни к чему. Дай Бог мне успеть выполнить все ЗАКАЗЫ своего сердца /вроде "Несгораемой часовни"/. Тем более, что живу я не в Техасе, не в Ленинграде и не в Париже, а почти на вершине Синая, где не так давно произошли небезызвестные Вам события /я имею в виду ПЕРЕДАЧУ скрижалей из одних рук в другие/, у подножия которого суетятся мои старые и не очень старые современники, вроде Авраама, Исаака, Экклезиаста, Гомера, Марамзина, Гэте, Шиллера, Лимонова, Солженицына, Картера, Морева, Жорж Занд, Лесниченко, трех Толстых, Льва Успенского, Юлии Вознесенской и Миши Генделева, которого я, кстати сказать, никогда не любил ни как поэта, ни как человека. /И правильно, а за что эту гниду любить? - ККК/ А на вершине Синая сидим мы с Господом Богом, который оказался прелестным мальчиком, похожим на моего ленинградского Божка Васю Филиппова, и поплевываем вниз на плеши Гомера, Чегина /Чейгина - ККК/, Максимова, Чернышевского, Картера, Бегина, Солженицына, Охапкина и других МАРАМзматиков. Впрочем, поплевывает только один Бог, ведь он еще мальчик и его некому воспитывать. А я не поплевываю. Я ОТНОШУСЬ КО ВСЕМ С БОЛЬШИМ УВАЖЕНИЕМ.

И именно последнее обстоятельство вызвало мое активное неприятие Вашего и Довлатова отношения к нашим литературным современникам. Для Вас и Довлатова жизнь ленинградской литературной богемы это балаган. А для меня все иное /и политика, и диссиденты, и религия/ балаган и в этом балагане есть только один уголок где все подлинно, величественно, трагично. Это ИСКУССТВО И СЕКС. Я никогда в жизни не позволю себе амикошонствовать ни с Охапкиным, ни с Губиным, ни с Кузьминским, ни с Довлатовым. Для меня каждая из этих фигур слишком значительна и величественно-трагедийна, чтобы я трепался о размере их хуев или о бабах, которых они дра-

ли или которые драли их.

Писать ни о ком из моих предков и совеременников мне сейчас не хочется. Может быть я напишу о Вас. Так же уважительно, как написал об Охапкине, Трифонове и Сосноре. Я убежден, что настоящий художник прежде всего творит не то, что Вы называете "тексты", и не полотна, а собственную жизнь. Что главное произведение художника, имеющее наибольшее нравственное значение для человечества - это ЛЕГЕНДА ЕГО СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Эта мысль есть в моей "Исповеди безответственного читателя", опубликованной, кстати сказать, на английском языке в США. Наиболее яркими примерами, иллюстрирующими мою идею могут служить Ахматова, Сократ, Солженицын. Я придаю очень малое значение Книге, и громадное значение - рукописи. В свете всего этого, в Вашем личном эксгибиционизме я вижу /громадную - зачеркнуто - ККК/ большую историческую значительность. Легенда своей жизни, которую Вы сочинили и тщательно отделали во всех деталях, на мой взгляд имеет больше значения для духовного раскрепощения поколения, чем все стихи великолепного на мой взгляд поэта Виктора Кривулина. /Кстати сказать, я написал о нем все самое главное и нужное в той же самой своей "несгораемой часовне" - не знаю заметили Вы или нет, т.к. Виктор там не называется/.

В Вашей юродствующей фигуре я вижу такой же величественный трагизм или такое же трагическое величие, как и в Олеге Охапкине, в Геннадии Трифонове или в Вашем замечательном друге Валерии Молоте. Убей меня Бог, если бы я когда-нибудь позволил себе отозваться о ком-нибудь из вас или о Довлатове, о Губине, так же насмешливо, пренебрежительно, как отзываетесь о своих современниках Вы и Довлатов. Даже об Армолинском и Генделеве /которого Вы несправедливо называете моим дерьмом/ я не позволю себе отозваться насмешливо. То, что я их не люблю или не понимаю, еще не дает мне основания для насмешки. Хорошо ли, плохо ли, но они живут на СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ - в поэзии. И Морев тоже. Пусть хоть этот пятачек на земном шаре останется неприкосновенным для насмешек, амикошонства, безответственности.

В составе Вашей антологии кое-что мне кажется сомнительным. Например, стоит ли объединять московских поэтов и ленинградских? Неужели Вы не чувствуете /это Я-ТО?!! - ККК/, что существует ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА поэзии, и что именно она определяет сейчас лицо русской поэзии?

В Вашем списке поэтов кое-кто отсутствует, например Володя Британишский, который был первым кумиром ленинградской поэтической молодежи, еще до Глеба Горбовского и Уфлянда. Британишский /если Вы не знаете - знаю, и есть - см. 1 том - ККК/ принадлежал к поколению Тарутина, Агеева. Тогда же были очень заметны первая жена Глеба Горбовского /я забыл ее фамилию и имя - сейчас она стала профессиональным гадом. - Лида Гладкая, см. 1 том - ККК/ и Леночка Кумпан. /Леночкой восхищался Гришка-слепой, сделал ее сборник "Горсти" - ККК/. А где Таня Галушко? Неужели она меньше поэт, чем Саша Морев? А где Саша Ожиганов - на мой взгляд один из самых сильных русских поэтов нашего времени, ни разу не публиковавшийся. /Баб не будет, а Ожиганов - в 3-м, как и в Антологии "ЮГ" - ККК/

О Сереже Кулле. По-моему, мы с Вами как-то сверяли хранившиеся у меня рукописи Кулле и хранившиеся у Вас. /Мои, стало быть, пропали в ебаном Исраэле, а я и не помню! - ККК/ Оказалось одно и то же. Незадолго до своей смерти Сережа был у меня и на мою просьбу почитать, сказал, что давно ничего не пишет. Так что я думаю, что у Вас есть все, что осталось после его смерти.

О Леониде Соловьеве я ничего не могу Вам сообщить, я не был с ним знаком.

О "Господине Гориллиусе". Я Вам уже говорил, что это беспомощная и жалкая журналистская стряпня, а кто отзовется об этом господине иначе, плюньте тому в лицо. /О Даре я впервые услышал, как об авторе вышеупомянтуго памфлета, времен войны, от поклонника Ильфа-и-Петрова, гитариста, футболиста и лингвиста Толика Хакимуры./

Если я проживу до выхода в свет Вашей антологии /эх, не дожил Дед! - ККК/, то обязательно напишу о ней. Я не успел написать об "Аполлоне", хотя придаю этому изданию громадное значение. А Вашу Антологию очень жду. Так как я терпеть не могу рецензии, статьи и всяческую псевдонаучную мудню на литературные темы, то может быть именно в своем отзыве об антологии и напишу о Вас /Вы УЖЕ написали, Дед! - ККК/, т.к. антология ленинградской поэзии пятидесятых - семидесятых годов, это не ТОЛЬКО ОНИ, ни и ВЫ ЛИЧНО.

Сердечный привет Вашей жене и г-ну Монасу. А Илье не передавайте привет, пусть "сидит, и хуй на мервяков дрочит", как Вы пишете. Теперь я понимаю почему он мне не пишет. Еще не "мертвяк". Мертвяки всегда котировались на профессорско-литературоведческой дрочильне выше живинки.

Дай Вам Бог всяческого счастья. Давид Дар.

25 декабря 1979 г.
Иерусалим

Дорогой Костя!

Поздравляю Вас с Новым Годом, с Рождеством Христовым, с Днем Рождения Сталина /100 лет/, с Днем Рождения Брежнева /73 года/ и с ТОРЖЕСТВОМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ ПОЭЗИИ. /Дед Фурцеву забыл, министра, как-никак, Культуры: 7 декабря, вместе с моей первой бывой супругой! - ККК/

Я выслал в Ленинград Олегу Охапкину вызов. Не знаю, что из этого последует. Письма из Ленинграда мрачные: повесился Саша Морев, выбросился из окна Геннадиев, отравилась Марина Соснора. Пишут, что Ленинград стал другим городом: ни в филармонии, ни в "Сайгоне", ни в Доме писателя, даже не с кем поздороваться - все уехали. Пишут, что обсуждение книжки Ширали в Доме писателя проходило по сценарию Франца Кафки. Пишут, что без нас с Вами Ленинград стал не тот - будто не стало в нем Адмиралтийского шпиля /это я/ и Исаакиевского собора /это Вы/. Пишут, что без евреев Ленинград стал похож на Порхов. Пишут, что Вы крещенный еврей - спрашивают у меня: правда ли, что Вы внук цадика из Жмеринки и родственник Любавичевского ребе? Я, конечно, подтвердил: написал: "Стоит взглянуть на бороду Константина Константиновича, на его веселые жуликоватые глаза, на его манеру держаться, осененную божественным сиянием, на его образ жизни в Ленинграде - толпы верующих в него, приходивших к нему за поучениями,- чтобы сразу догадаться, что он внук еврейского хасидского цадика!"

Я продолжаю "воспитывать" молодых поэтов. Правда, "воспитываю" я их сейчас негативно. На-днях написал Вашему земляку Михаилу Армалинскому, чтобы он больше мне своих книг не присылал, что все его писания мне совершенно неинтересны. А позавчера почти до утра убеждал Мишу Генделева бросить писать стихи и объяснял ему, что все, что он пишет не поэзия. А недавно сюда приехал еще один господин из Ленинграда, ученик и друг Левы Мочалова и Нонны Слепаковой /брр!-ККК/. Некий Дмитрий Малкин. Такое говно, что его сразу же подхватили все журналы и лучшее израильское изд-во /"Москва-Иерусалим"/ издает его книгу стихов. А Мочалов и Слепакова написали мне из Ленинграда такие восторженные отзывы о нем!

Скоро выйдет маленькая книжечка моих эссе. Зачем она издается я не знаю. Решительно никому не нравится то, что я пишу. Ни один дурак этой книжечки не купит. Правда, сколько-то экземпляров куплю я для подарков, хотя дарить ее мне некому. Так, что Вы этого подарка не избежите. Напишите мне: кому бы в Америке можно было подарить еще? Кто там знает мое имя?

В Европе, как говорят, устроили "суд" над повестью Лимонова. Там, как я

понимаю, усиленно создается некий союз писателей во главе с Максимовым. Вполне естественно, что Лимонова они не могут принять, как не могли бы его принять и в Советской России. Там тоже все сугубо идейные.

Костя, пришлите мне, пожалуйста, небольшую подборочку стихов Саши Ожиганова и Вашу подборочку. Хочу попробовать опубликовать их во "Времени и мы". Если бы они взяли Ваши стихи, я написал бы предисловие - мне очень хочется попробовать написать о Вас. Кроме меня написать о Вас некому. Я лучше всех других понимаю Ваше значение для современной русской поэзии и яркость, неповторимость, исключительность Вашей личности.

Вот, как будто бы и все. Гоните, пожалуйста, Илью Левина ко мне в гости в Иерусалим. Клянусь, что я не буду уговаривать его остаться в Израиле и сделать обрезание /если он не обрезанный/. Просто, я ведь здесь очень-очень одинок. Даже выпить не с кем.

Дай Бог Вам всяческого счастья.

Как я смогу получить Ваши антологии? Сколько они будут стоить с пересылкой? Хотел бы написать о них. Правда, пишу я очень мало - ленюсь. Но, считаю, что если бы другие семидесятилетние старики /Брежнев, Хомейни/ так же ленились, как ленюсь я, то человечеству было бы лучше.

И главная идея моей книжки, которую Вы скоро получите, состоит в том, что стариков следует душить пока они еще молодые.

Любящий Вас, с дружеской приязнью
и уважением - Давид Дар

10 февраля 1980 г.
Иерусалим

Дорогой Костя!

Получил Ваше письмо от 10 января. Не знал, что ответить, т.к. Вы грозите публиковать всю ту ерунду, которую я пишу Вам и другим моим корреспондентам. Для чего? Чтобы перлы моего остроумия, которых даже Вы не способны оценить в полной мере, читали всякие Малкины-Палкины-Залкины, Бетаки, Иверни, Боковы, Сергеевы, Шаховские /епископы Сан-Францисские/ и другие инженерно-религиозно-диссидентские деятели? Мне это совершенно не нужно, т.к. я скоро умру и единственное, что мне еще в жизни нужно, так это такой незабываемый мальчик, как Сережа Иванов /брат Саши Иванова/, как Вася Филиппов, как Леша Любегин. А на всех старых пердунов мне абсолютно наплевать.

Ради одной ноги Сережи Иванова, или живота его, или ягодицы, я не отдам всей славы, которую может мне пообещать заведующая отделом критики "Континента" Виолетта Иверни. В одной лопатке /Боже! Какие у него были лопатки!/ Сережи Иванова больше Божественной мудрости и Божественной гениальности, чем в полном собрании сочинений Чегина, Бобышева, Куприянова и Юлии Вознесенской.

Однако с нетерпением жду Вашу Голубую Лужу и считаю, что имею право получить ее бесплатно, не только потому, что у меня нет денег на приобретение книг и журналов, но еще и потому, что я болтался в этой голубой луже много лет и, пожалуй, являюсь ЕДИНСТВЕННЫМ СВИДЕТЕЛЕМ той небывалой ЭПИДЕМИИ ГЕНИАЛЬНОСТИ, которая впервые в истории мировой литературы, разразилась в Ленинграде в конце пятидесятых годов нынешнего столетия.

Еще задолго до Вашего появления на свет /литературный/, микробы гениальности занес в Ленинград, кажется Володя Уфлянд, и с тех пор началось: гении плодились и множились с невероятной быстротой и в невероятном количестве, пока не вытеснили из ленинграда всех других поэтов, так что в разгаре этой эпидемической гениальности, в гениях ходил уже даже Шмоткин /Юп-Таранов - ККК/. Так что Ваша

Голубая Лужа, явившаяся бассейном, где плодились и множились бациллы гениальности, безусловно должна быть СОХРАНЕНА ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Когда я пишу об эпидемии гениальности, я не совсем шучу. Основной и главный признак гениальности, это, на мой взгляд, ОЩУЩЕНИЕ СЕБЯ ГЕНИЕМ. Других признаков гениальности я не знаю. Ведь не могу же я считать признаком гениальности признание современников и потомков, т.к. современники и потомки признают только ту продукцию, которая разжевана, смочена слюной, переварена и извергнута из задниц /диссертации и монографий старых пердунов, именующихся литературоведами, профессорами, докторами, кандидатами и аспирантами/. Но не могу же всерьез считать гениями то, что является отходами чьих-то организмов? /экскременты!/

Ленинградская эпидемия гениальности, на мой взгляд, имела грандиозное значение для русской поэзии, т.к. почти столетие до этой эпидемии все литературные дегустаторы и вся русская литературная лженаука, руководствуясь ремесленными критериями искусств, потивопоставляла некие будто бы ОБЪЕКТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ /искусства/ СУБЪЕКТИВНЫМ. ЭТО столетие было ПОСТЕПЕННЫМ УБИЙСТВОМ ИСКУССТВА. Настоящие художники /девятнадцатого и начала двадцатого столетия/ еще сопротивлялись этим белинско-чернышевско-хомяковско-фричевско-храпченско-переверзевско-луначарским критериям, но с торжеством советско-мещанско-кустарной эстетики, субъективный, т.е. единственный ПОДЛИННЫЙ подход к искусству был совершенно подавлен, и поэтому, когда в Ленинграде появились сначала Хармс и Введенский, а потом Уфлянд и Еремин /похожий на ободранного петушка/ и все последовавшие за ним поэты, искренне убежденные в своей гениальности, это стало освобождением русской поэзии от мнения говнюков-читателей и говнюков-профессоров, это стало восстановлением ЛИЧНОСТИ в поэзии, именно личности во всем прихотливо-самовлюбленно-артистическом ее значении.

Вы, например, как и все остальное стадо наших ленинградских гениев, так искренне верили в свою гениальность, так ощущали всем своим существом, всей своей кожей, всей своей чувственностью свою гениальность, что, конечно, я имел больше оснований верить Вам, чем тем приват-доцентам, вроде Владимира Орлова и Александра Дымшица, которые НИЧЕГО НЕ ЧУВСТВОВАЛИ, а ТОЛЬКО ЗНАЛИ ТО, ЧЕМУ ИХ НАУЧИЛИ В УНИВЕРСИТЕТЕ. Вот почему я убежден, что и Ваша самооценка, и Виктора Кривулина, и Олега Охапкина, и Иосифа Бродского и всех Лен Игнатовых, более соответствует какой-то высшей ИСТИНЕ, чем оценка профессоров и дегустаторов.

Не желая приуменьшать значения ленинградской эпидемии гениальности, я все же должен признаться, что не поклонник никакой стадности. И даже гениальность, если она стадная, несколько меркнет в моих глазах. А стадность наших гениев проявилась в выборе жанра. Об этом я пишу Илье Левину, но так как в своих рассуждениях о гениальности и стадности я ссылаюсь на Ваш пример, то напишу Вам и то, что я написал ему.

Большинство ленинградских гениев бросилось на легчайший и уже проверенный до них другими гениями жанр - поэзия. Но, если поэзия это океан /бурный/, то поэт /гениальный, и даже не очень/ это не молекула воды, которые составляют океан, а корабль. Чтобы его было видно с берега /читателю/ он должен быть заметен и отличаться от всех других кораблей.

Бродский сразу спустил на воду броненосец /сейчас? В современном океане, который бороздят авианосцы - броненосец?/, Его видно издали. Виктор Кривулин построил корабль какой-то совершенно необычайной формы, может быть круглый, или многоугольник, или вообще это не столько корабль, сколько "звучание подводных сфер" /простите за мой дурной вкус/. Олег Охапкин много лет сооружал свою посудину и все у него не получалось, пока он не использовал старых досок, лоскутьев парусов, мортир петровского времени и еще бог знает какой дряни - получилось что-то старинное и музейное. Другой такой посудины в океане не видно.

Но поэзия, на мой взгляд, это не только сама сумма стихотворений - это стихи окрашенные всем образом жизни поэта, его личностью, характером, умом, глупостью и в первую очередь чувственностью. Геннадий Трифонов снабдил свою лодочку великолепными педерастическими формами и на флагштоке развевается знамя его мечты и притязаний - прелестный фаллос. Попробуй не заметь? Костя Кузьминский всю свою поэтическую баржу /баркас/ изваял в эксгибиционистском вдохновении, украсил своими фотографиями - голый в пожарной каске, изображениями своего члена и своих ягодиц на стенах своей комнаты, гаремом у своей постели, страстной любовью к самому себе, такой же ВЫСОКОЙ и ЧИСТОЙ любовью, как любовь Ромео к Джульетте или Данте к Беатриче.

Большинство других ленинградских гениев времен эпидемии гениальности не нашли своего жанра и поэтому похожи друг на друга, и разглядеть их в океане поэзии можно только через бинокль или подзорную трубу.

Наверное я не прав в отношении многих. Наверное я не сумел разглядеть своеобразия и исключительности ЛИЧНОСТИ /а это и есть ПОЭТ/ некоторых других. Ну, что ж, пусть Бог и Кузьминский мне это простят. /Впрочем, я разглядел и некоторых других, просто мне сейчас лень обо всех писать - подождите пока о них напишет Илья Левин , когда он станет профессором русской литературы, а они - горсточками пепла в урнах/.

Не подумайте, что это письмо для потомков, и публикации в Вашей Голубой Лагуне. /Очень даже подумаю - не ждать же, когда Илья Левин напишет?! - ККК/. С потомками мне разговаривать скучно. Ведь они никогда не поймут ни ПОТРЯСАЮЩЕЙ ЧИСТОТЫ Геннадия, не увидят Ваших сияющих глаз толстого бородатого сатира, не проведут рукой по телу Васи Филиппова, не услышат музыки его талии и ягодиц, его длинных золотистых волос; несчастные, они никогда не прикоснутся губами к голубовато-фарфоровой головке державного члена Сережи Иванова! О чем у меня может быть с ними разговор? Мне их просто жалко.

Жду приглашения на какой-нибудь симпозиум в США!!!! /Жди, Дед - на хуй мы им тут нужны, достоевсковедам и импотентам - меня тоже уже года три никуда не приглашают, а жрать и делать эту антологию - приходится за счет жены, на ее 500 в месяц за мытье сортиров. Приглашают Орловых и Дымшицов - если б хоть Лотмана! - ККК/

С уважением и дружеской симпатией Ваш Давид Дар.

P.S. Выслать вызов ни Юлии Вознесенской, ни Софье Перовской, ни Жанне Д'арк, к сожалению, не могу. Могу выслать вызов только Розе Люксембург - еврейке. Других сейчас не вызывают.

Д.Д.

14 марта 1980 г.
Иерусалим

Эпиграф: "Потомков в жопу!"
Давид Дар. "Завещание"

ДДД[x/] ККК!

/[x x x] - дорогой, дорогой, дорогой/

Только что получил Ваше очень интересное, серьезное и талантливое письмо о себе и своем альманахе. Меня совершенно покорило Ваше справедливое утверждение, что "Голубая Лагуна" это Ваше изображение, Ваше проявление себя в искусстве и мире. Я восхищен Вашим флоберовским признанием, что "Еремин это я, и Уфлянд это я, и Чегин это Я, и Куприянов это я". Я понял, что Ваша художественно-эксгибиционистская деятельность в Ленинграде, как и альманах "Голубая лагуна" это совершенно новый жанр, именно новый жанр поэтического творчества. Этот жанр еще не

имеет названия, но он создан Вами и благодаря Вам существует и будет существовать в литературе. /Ну, положим, создан он Солом - монолог за всех "ГУЛАГ", но повеселее и получше. - ККК/

Я, так же как и Вы, не чужд эксгибиционизму, уже давно догадался, что эксгибиционизм лежит в основе всякого подлинного искусства. Без обнажения, без ЧРЕЗМЕРНОЙ откровенности, без этой противоестественной с точки зрения инженера, зубного врача, профессора литературы и других парикмахеров ПОТРЕБНОСТИ РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ И О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К МИРУ то, что другие люди рассказать не решаются, искусства вообще не существует.

Я опасаюсь, что большинство Ваших сверстников, счастливых жертв ленинградской эпидемии гениальности, не смотря на свою гениальность не оставят заметного следа в литературе только по той причине, что они проявили и проявляют себя в давно существующих жанрах, некоторые из этих жанров уже почти изжили себя или переживают явную девальвацию. Жанр романа, лирического стихотворения, сонета стерт, как: ... /сравнение найдите сами/. Обновить этот жанр безумно трудно. Жанр романа обновляется на наших глазах /Пруст, Дос-Пасос, Лапенков, - примеры подобраны наспех и безответственно/. Жанр рассказа обновил Хармс - отказался от сюжета, традиционной композиции и проч./. Некоторые московские поэты Вашего поколения пытаются обновить стихотворные жанры.

Совершенно новые жанры искусства создаются в живописи и музыке. В живописи - попарт, кинетическое искусство, в музыке - конкретная музыка. Это не изменение стиля, а именно жанра - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ, к которым раньше искусство не прибегало.

Ваша яркая и мощная творческая личность не уместилась в существующие жанры искусства и потребовала создания какого-то нового небывалого. И Вы его создали. Может быть для одного себя и никто не повторит Вашего жанра, потому что он присущ только Вашей художественной натуре, Вашему эксгибиционистско-сексуально чувственному отношению к миру.

Я не знаю, как этот жанр назвать - он еще не имеет названия. Характерный признак этого жанра - ВБИРАТЕЛЬСТВО в себя своих самых ярких сверстников. Один художник - вбирает в себя звуки, другой - краски и формы, третий - реалии жизни. Вы вбираете в себя своих ярких сверстников, Вы пожираете их и внутри своего творческого чрева кормите какими-то весьма полезными и чудодейственными выделениями своего творческого организма /ферментами /?/ но не экскрементами/, так что через некоторое время эти сожранные Вами сверстники вылезают из Вас, как вылез Иона из чрева Левиафана и продолжают жить еще более уверенные в себе, чем прежде, но уже принадлежа не только миру и самим себе но, в то же время, еще и Вам, и становясь не просто Ереминым, Уфляндом, Куприяновым, Любегиным /один из самых своеобразных и обещающих Ваших учеников/, но и героями замечательной эпопеи "Кузьминский и его чрево".

/Тут должен прервать Дара на минутку - должен изложить "парадный смотр" моим "ученикам", имевший место в Союзе писателей, разумеется, в кабаке. Быв изгнан из сумасшедшего дома за пьянку, вместе с другом каким-то Женей, инженером из ... Смольного, занесло меня, году в 71-м, в Союз, на чтение, не то, Охапкина. Пока он, кто-то, там читал наверху в Голубой гостиной, мы с Женей гужевались внизу, в кабаке, куда, после чтения народ и попер. Я, пьяный, ему и говорю: Это всё мои ученики! А он не верит. Ну, я, лупя дубинкой по столу, ору: "Ученик Охапкин, встать!" Встает. "Ученик Куприянов!" Тоже встает. Ширали, Чейгин, Эрлюша - тот - "Уже стою, уже стою!" Гурвич тоже полез. "А ты, говорю, Гурвич - Курвич, тебя я в ученики не беру!" Обидел Мишу, а зря. Единственный не встал - ученик Кривулин, чего ему никогда не прощу. Видели ж, что пьяный был - отчего не побаловать? Ученички... - ККК/

В Ленинграде я Вас еще не понимал. Я иронически относился к тому, что Вы почти всех своих сверстников считали своими учениками. Да и к Вашей "звуковой школе" я относился иронически. Оказывается, Вы и сами себя не понимали. У ВАС БЫЛА НЕ ШКОЛА, А ЧРЕВО. ВЫ НЕ УЧИЛИ СВЕРСТНИКОВ, А ВСКАРМЛИВАЛИ ИХ. И ЭТО БЫЛ ПРОЦЕСС ЧИСТО ТВОРЧЕСКИЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИБО - ЧУВСТВЕННЫЙ. Вы такой же гомосексуалист, как и я, только Ваш гомосексуализм проявлялся иначе. Вы любили всех этих прелестных мальчиков, как своих мальчиков любил я, только я кормился ими, ОНИ ВСКАРМЛИВАЛИ МЕНЯ СВОЕЙ ЮНОСТЬЮ /И СПЕРМОЙ ТОЖЕ/, А ВЫ ВСКАРМЛИВАЛИ ИХ /ЧЕМ?/. Особенность Вашей чувственности придавала Вам что-то бабье-материнское. Не по этой ли причине у меня и не встал на Вас хуй? Не по этой ли причине Вы не воспользовались /если верить Вам/ божественной прелестью юного Бори Куприянова и отдали мне головокружительные и опьяняющие ноги, плечи, живот, бедра Сережи Иванова? Не эта ли бабье-материнская природа Вашей чувственности влечет Вас в болото, топь, тину, жир, суп, хляби женственности? Не по этой ли причине Вы и свой альманах назвали лагуной. Ведь лагуна - это что-то мелкое и теплое, в лагуну погружаются и Вы возлежите в Вашей теплой голубой лагуне, обнаженный, толстый, красивый, как римский патриций, и ладошки Ваших волнушек-блядушек-секретушек ласкают Ваш обнаженный живот и Ваш член, изумительной красоты, белизны и стройности. Не так ли?

Короче говоря; хочу:

1. Взять в руки "Голубую лагуну".
2. Попробовать написать о ней.
3. Взять в руки Вашего восемнадцатилетнего испанца Рэнди.
4. Попробовать обольстить его.

Правда, для этого надо, чтобы Вы устроили у себя в Университете СИМПОЗИУМ И ПРИГЛАСИЛИ МЕНЯ НА НЕГО. И еще надо, чтобы я вспомнил, что такое эрекция. Кажется, это что-то вроде насморка, да? Или это похоже на резь в животе? Интересно, как это было, когда Вы первый раз привели ко мне восемнадцатилетнего Борю Куприянова? А я увидел его и ... Ой, что это со мной происходит сейчас? И не в носу, и не в животе, а пониже?...

Испанца мне! Испанца!

С уважением и дружбой Дед

P.S. А Милославским не хвастайтесь. Он, к сожалению, не поэт. Крылышек не хватает. И Кузьминского тоже. А какой же может быть поэт без Кузьминского спереди а крылышек сзади? Юра очень ХОЧЕТ БЫТЬ МОДНЫМ поэтом или прозаиком или критиком или редактором, лишь бы модным. Дай ему это Бог! А поэзия здесь не причем.

К Милославскому Дед несправедлив, хотя - о поэзии - я писал уже Юре, что его стихи слишком КРУТЫ для поэзии, так бы - прозу /еще не читав ее/, а Дед - он просто сразу почувствовал. - ККК

26 апреля 1980 г.
Тот Свет.

ТЕЗИСЫ ПИСЬМА /ПРОЕКТ/.

1. О Ваших письмах.
2. О Вашем сорокалетии.
3. О Ваших сочинениях.
4. О Вашем антисемитизме.
5. О Вашей реакции на мою книжку.

Дорогой Костя!

Только что получил Ваше письмо от 14 апреля с Вашим весьма запоздавшим признанием в любви. Должен поставить Вас в известность, что Ваши письма являются ЛУЧОМ СВЕТА В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ МОЕЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ. Все другие мои современники /впрочем, так же, как и многие предки/ пишут такие скучные письма, что я их читаю, как читал бы журнал "Звезда", если бы только мог его читать. Это относится и к письмам Олега Охапкина, и к письмам Виктора Соснора. Я предугадываю в их письмах /а так же и в письмах всех других своих корреспондентов из России, Европы и Америки/ все то, через десять строк, через тридцать строк и через тридцать лет. Боже мой, как быстро стареют современники: вчера еще были они прелестными восемнадцатилетними мальчиками /за одного восемнадцатилетнего Олега Охапкина я бы охотно отдал десять семидесятилетних Вольфгангов Гэте/, а сегодня они уже превратились в старых пердунов с отвисшим животом, лысиной, парезом и хронической импотенцией. ДУХОМ ИМПОТЕНЦИИ ПРОНИКНУТЫ ВСЕ ПИСЬМА, КОТОРЫЕ Я ПОЛУЧАЮ. Кроме Ваших писем. Ваши письма сверкают юмором, похабщиной, безответственностью, умом, мальчишеством, парадоксами, человеколюбием, антисемитизмом, половыми извращениями, алкоголизмом, нежностью, попытками /неудачными/ ненависти, самоупоением, низкопоклонством перед сопливыми потомками, преклонением перед старыми пердунами, именующимися предками; Ваши письма гремят, как ..... /впишите/, звенят, как бубенцы, стреляют, как ракеты - не письмо, а цирк! А мне это по душе. Можете поверить мне, стоящими обеими ногами по колено в могиле, произнесшему свою надгробную речь, живущему на Том Свете, что жизнь - это прекрасная штука. И наибольшая КОНЦЕНТРАЦИЯ жизни - это именно искусство. Особенно в наше время: когда вокруг - клоака, все тонет в дерьме, когда над всем торжествует физическая сила, и все борятся со всеми, и все борятся против всего - единственное, что сейчас может делать нравственный человек, это ВЫПАСТЬ ИЗ СОЦИАЛЬНОГО, выпасть В ИСКУССТВО, в НЕСОЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО, тогда и в этом мрачном, свинцовом одуряюще-гнетущем СОЦИАЛЬНОМ возникает прекрасное - свободное, яркое, праздничное пространство, в котором МОЖНО ЖИТЬ. Такое пространство Вы создавали вокруг себя в Ленинграде. Повидиму, то же происходит с Вами и в Америке. Ваши письма - это письма не из Америки, не из штата Техас, не из вонючего городишки Остин. Они - из того прекрасного пространства, с той цирковой арены, из того цветущего сада, где птицы свистят, трещат, орут, поют, а цветы кувыркаются, радостно совокупляются, приплясывают, а лягушки пьют водку, охотятся за зайцами /кроликами/ и сочиняют стихи, а посредине возлежит /или сидит/ эдакий козлоногий Пан /или Сатир/, и своей флейтой /флейтой?/ щекочет скучных и унылых гениев, которые мрачны, злобны, истеричны, озабоченные своей прижизненной или хотя бы посмертной славой.

Вот, что такое Ваши письма. Я люблю их получать. Я хочу короткое время побыть на Вашей лужайке /арене/, выпить с Вами Бог знает что и, преодолевая свою одышку, импотенцию и старческую мудрость, попытаться совратить /с чего?/ Вашего восемнадцатилетнего испанца /или индейца? Лучше - индейца/, если, конечно, он еще не обзавелся пузом, лысиной, очками и ученым званием. На таких у меня не стоит. НО ДЛЯ ЭТОГО НУЖНО ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВАШ СИМПОЗИУМ.

О Ваших писмах все. На очереди: О Вашем сорокалетии.

Поздравляя Вас с днем рождения в своем предыдущем письме, я не знал, что Вы находитесь на краю сорокалетия. Опыт моей жизни подсказывает, что сорокалетие - это старт. До сорока лет я жил совсем другой, неинтересной, глупой, скучной жизнью. ВСЕ У МЕНЯ НАЧАЛОСЬ ПОСЛЕ СОРОКА лет. Только после сорока я понял, что ЛУЧШИЕ ЖЕНЩИНЫ ЭТО ТОЛЬКО МАЛЬЧИКИ. А поняв это /с моей точки зрения - самое главное/ понял и все остальное: что такое литература, что такое творчество, что такое я сам. А, когда человек понимает, что такое он сам, тогда ему уже совершенно неважно, что о нем скажут современники или потомки, потому что кактус и-

ли паук являются не менее величественными и значительными созданиями Господа Бога, чем кипарис или лебедь. И после сорока лет я перестал стремиться стать кипарисом или лебедем и по этой причине стал "самым счастливым стариком на свете". Под мою колючую тень /кактусовую/ и в мою уютную паутину приходили все те, кто мне нужен и я старался /и мне удавалось/ сделать так, что там им было хорошо - лучше, чем в дерьмовой и вонючей "социальной среде".

Все это я пишу Вам, чтобы Вы поверили мне, что сейчас только начинается лучший период Вашей жизни - все у Вас впереди: любовь, творчество, освобождение от всех иллюзий, торжество и ликование, как торжествует и ликует каждый камень, каждое дерево, каждый еж, каждый кактус, каждый лев, каждое облако, каждая колючка, каждый цветок.

На очереди: о Ваших произведениях, присланных мне для опубликования в Европе.

Пока мне никого заинтересовать ими не удалось. Ни в Израиле, ни во Франции. Может быть по той причине, что я сам не сумел их прочитать, т.к. никакого языка, кроме русского не знаю. Все редакции просили меня перевести Ваши стихи на русский язык /читай - на язык Тёлки Владимировой! - ККК/ и отказывались верить, что это русские стихи. Но еще не пропала надежда опубликовать Ваши "Глубоко под землей", "Туман", "Глава о сифилисе кабацком" и из "нештяков" в журнале "Эхо" под рубрикой: "Из литературного наследства", или: "К.Кузьминский. Из юношеских стихов." "Роман с гугенотом" опубликовать нельзя потому что Вас опередил мой прелестный Володя Лапенков. Короче говоря: я ни за что не отвечаю. Все переслал Володе Марамзину со своей рекомендацией. /А на хуя? Что я, Марамзина не знаю? Знаю, и не даю. - ККК/

Что касается Саши Ожиганова, то ОЧЕНЬ ПРОШУ ВАС ПРИСЛАТЬ МНЕ ЕГО АВТОБИОГРАФИЮ. МЕЧТАЮ опубликовать его "Цирк" со своим коротким предисловием в буржуазно-респектабельном журнале "Время и мы".

Ваш портрет прелестен. Анкету /заполнил и высылаю - зачеркнуто. - ККК/ Вышлю.

О Вашем антисемитизме. Антисемитов терпеть не могу, как и всех других "АНТИ". В порядке самозащиты усиленно распространяю слух о том, что Вы еврей, что я лично знал Вашего дедушку, раввина из Белостока, что Вы ОБРЕЗАННЫЙ /за это Вас так и любят Ваши лесниченки/, что Ваша неприязнь к Генделеву объясняется тем, что при сравнении Ваших поцов, Вы оказались еще более обрезанным, чем он - и этого Вы ему не можете простить. Что еще? Да,,, что Вы картавите, не произносите букву "р", что я сам однажды застал Вас /после попойки/ в талесе и с тфилином, совершающим утреннюю молитву. Что Вы больше всего любите фаршированную рыбу и чеснок /А ведь правда! - ККК/. Все?... Пока. Если Вы не станете филосемитом, то я еще стану рассказывать о Вашем хасидском происхождении, и о Вашем втором дедушке - цадике из Умани.

О Вашем отношении к моей книге, которую Вам должны были выслать. Я очень рад, что она стала Вашей настольной книгой. Правда, она слишком многословна, но следующую книгу я сделаю короче.

С любовью и уважением Ваш Давид Дар.

Что молчит Илья? Почему не приезжает? Еврейские и арабские девушки стареют - уже не те, что были 2 года назад. Сердечный ему привет.

Д.Д.

24 июля 1980 г.
Иерусалим

Дорогой Костя!

Давно я Вам не писал. Все очухивался от "ТРЕХ ВОПИЮЩИХ В ПУСТЫНЕ". Во-первых: какая же это пустыня, когда и Ерофеев и Лимонов прогремели на весь мир? /Охуел, Дед, что ли? Да кто ж их - УСЛЫШАЛ? - ККК/ Во-вторых, причем тут Милославский? Я прочитал его книжку - самый обыкновенный критический реализм - разоблачает всех, кроме себя - и сионистов, и диссидентов, и поэтов. Только, чтобы прослыть авангардистом и печататься в "Эхо" склонен живописать минет, который делают бабы не ему, а его отрицательным персонажам. Так, что о чем "вопиет" этот "солдат" /он такой же солдат, как я баядерка/ я так и не понял.

/А не понял Дед потому, что на Милославского поносы полились - и русские, и сионистские - а Исраэля Шамира Дед не читал, да и вообще, Милославский - ХАРЬКОВЧАНИН, Дед же превозносил - Петербург. И не слабый он, а СИЛЬНЫЙ, а сильных Дед - никогда не любил! - ККК/

И еще обидно, что Вы не читали "Исповеди" Руссо. Я понимаю, читать его Вам не обязательно, т.к. он не поэт и не посетил Вас самолично, как г-н Ерофеев, но если бы все-таки его прочитали, то узнали бы, что он, задолго до Лимонова, признался в таких сексуальных /уголовно-наказуемых/ грехах, которые Эдичке Лимонову и не снились. /Онанизм, эксгибиционизм, мазохизм - и это еще не все!/

Ну, Бог с ними, с вопиющими! Пусть себе вопят - за это им деньги платят. Но где Ваша "Голубая лагуна". Четвертый вопиющий в пустыне, Анри Волохонский, ТРЕБУЕТ ЕЕ ОТ МЕНЯ. /?/

Ничего не понимаю, что происходит с Ильей Левиным? Что Вы с ним сделали? Ну, не поблагодарил меня за книжку, так не он один такой. Но, чтобы и на письмо мое не ответить? Обидеться на меня ему было не за что? Может быть он разучился читать по русски, так Вы бы перевели ему мое письмо и написали, под его диктовку, ответ.

Напишите мне, пожалуйста, что-нибудь интересное. Что-то скучно стало в литературном мире. Единственное событие, это любовная фотография Лимонова и Щаповой в очередном номере "Эхо" - значит все-таки в литературе что-то происходит, и то ладно.

Как Ваше отношение к новому альманаху "Часть речи"? Что-то Алешковского я не мог дочитать. Довлатов написал мне, что этот альманах теперь станет альманахом КЛАССИКИ АВАНГАРДИЗМА. Все, что он печатает - признанный авангардизм, а то, что он не печатает, никакой не авангардизм, а совсем наоборот.

Как там у Вас процветает авангардист Шмоткин /он же Юп/? Написал ли Вам авангардист Слава Гозиас? Он недавно приехал из Ленинграда и написал мне, как там живут многие интересующие меня люди.В частности, Саша Ожиганов. Живут плохо. Его и Петю Чейгина обвинили в том, что они где-то что-то украли /антикварное/, но обошлось. Саша по-прежнему ведет жизнь передвижника - мотается с одной чужой квартиры на другую. Сейчас опять уехал куда-то в провинцию. Жалко его ужасно. Но, в отличие от Володи Алексеева и других, уехать из России он не хочет.

Что касается наших, Иерусалимских, новостей, то половина Иерусалимских евреев, в том числе Анри Волохонский, Саша Окунь, Анатолий Басов /Басин - ККК/, перестали ходить в синагогу, перестали писать стихи, прозу и картины, т.к. все их время занято составлением ответов на Вашу анкету.

Простите за бездарное письмо, что-то мне сегодня не пишется.

Лучше Вы напишите мне - пусть вновь засияет светлый луч Вашего таланта в темном царстве моего иудаизма.

Ваш, с любовью

Давид Дар

И это было последнее письмо Деда ко мне.

А я, обидевшись, что не понял Дед статьи моей "Три гласа вопиющих", которую в "22" ПОЛТОРА года промариновали и вышла она - уже и по выходе книг всех, и уже и когда Эдика бить кончили, и Милославского, как звать, забыли - словом, глас мой тоже был вопиющим, а Дед - "прогремели"!, и ответил я пьяным блекотанием, самому стыдно -

В ДЕНЬ СМЕРТИ ДЕДА, 16 СЕНТЯБРЯ.

Слава Богу, письма он не получил.

И пишет Олег Охапкин, неделю спустя после его похорон /24.9.80. С.П./:

"Питер сделали образцово мертвым городом. Зайти уже бывает буквально не к кому да и незачем. Питер стал настолько пуст, что даже и хорошо в нем стало. Какое-то совершенно новое ощущение оккупированного города.Оккупировали его какие-то безличные люди из глухомани. Буквально на глазах за эти десять лет Питер - тот, какой мы любили и знали, умер, но вот народился другой и неудержимо спешит к своей чреде. Здесь остатки почти заглохшие. Большевизаны поработали по-большевицки.

У нас в этом году много рябины уродилось. Говорят, это к морозной зиме. Ну, что ж! Будем лучше топить /Олег работает истопником - ККК/. ...

Алимпяда провалилась, будто ее и не было. До чего призрачны все эти псевдособытия!"

А не о том ли писал и Дед?

О единственной реальности - искусстве.

И потому жив он для меня, Дар, Давид Яковлевич...

3-5 октября 80
Техас

Я привожу здесь единственный текст старика, мой любимый. Из его книжки.

КУВШИН

Как-нибудь ты встретишь меня под вечер на улице, изнемогающего от усталости, жары и жажды, и спросишь:

- Откуда вы бредете с этим мешком за плечами?

- С ярмарки, - скажу я, - с ярмарки.

- Что несете вы в своем мешке? - спросишь ты.

- Черепки, - скажу я, - битые черепки.

- Зачем вы купили битые черепки? - спросишь ты.

- Я не купил их, - скажу я, - я продавал кувшин. Ах, какой это был отличный кувшин! Я делал его сорок лет, пости всю жизнь, и был самым счастливым человеком на свете, потому что думал, будто я один могу сделать такой кувшин. Ах, какой он был большой! Какой удобный! Какой красивый! Я думал, что имея такой кувшин, можно обойтись без водопровода, без колодца, без реки, потому что воды в нем каждому хватит на всю жизнь, и всегда она будет свежей и холодной. Я думал, что как только принесу свой кувшин на ярмарку, покупатели окружат меня и будут выхватывать кувшин из моих рук, разглядывая его и восхищаясь им, а мне отвалят на старость полный мешок благодарностей и почестей. Ах, какой это был кувшин!

- Как же вы не сберегли такой прекрасный кувшин? - спросишь ты.

Я берег его, - сказал я, - очень берег. Обеими руками прижимал его к груди. Но вскоре увидел другого продавца. Он тоже обеими руками прижимал к груди свой кувшин. А потом я увидел и третий кувшин, и четвертый, и десятый. И были те кувшины нисколько не хуже моего, а некоторые даже лучше. И не покупатели теснились вокруг меня, а я вместе с другими продавцами кувшинов толкался вокруг редких покупателей, протягивая им свой кувшин и расхваливая его громким голосом. Но голоса других продавцов были такие же громкие, как и мой, а некоторые кричали еще громче. А между тем пот застилал мои глаза, потому что солнце пекло все неистовее, вода в канавах пересохла, из единственного водопроводного крана возле уборной еле-еле капали редкие ржавые капли. И все, кто пришел на ярмарку, и продавцы, и покупатели, толпились у этого крана, подставляя под него ладони и отталкивая друг друга. И я тоже отталкивал других, чтобы напиться, и, складывая ладони лодочкой, я выронил свой кувшин, и вот... остались только черепки.

- Зачем же вы несете черепки домой? - спросишь ты.

- А как же, - отвечу я, - не возвращаться же с ярмарки с пустым мешком. Я думал, что он был набит благодарностями и почестями, которые согревают старость, как сухие поленья в печке, а вот видишь, он набит черепками.

- Ну что ж, - захочешь ты меня утешить, - вы покажете эти черепки своим детям и внукам и скажете: "Я тоже всю жизнь трудился, как другие, а то, что мой кувшин разбит, так в этом не моя вина". И вашу старость будут согревать эти черепки, как других согревают сухие поленья в печке.

- Нет, - отвечу я тебе, - я не хочу, подобно другим старикам, сидеть у своего разбитого кувшина, напыщенный и важный, будто мой кувшин цел и служит людям. Я отнесу мешок к чистому и холодному роднику, который звенит в роще. Я высыплю в родник все свои битые черепки, и они будут лежать на дне вместе с камешками, и звон родника станет от этого еще мелодичнее. А сам я сяду на берегу, выну свой старый кисет и закурю трубку. И когда увижу на дороге прохожего, который спешит на ярмарку, крикну ему:

- Постой, сынок. Если ты хочешь пить, то сверни сюда и напейся.

И услышав мой голос, ты, быть может, свернешь с дороги и, став на колени, напьешься из родника, а потом бросишь в мой кисет свою благодарность.

- Спасибо тебе, старик, отличная водичка! - скажешь ты, утирая рукой мокрые губы.

А дома, вечером, оставшись один, я выну из кармана кисет и стану раскачивать его возле своего уха и слушать, как звенят в нем, подобно медным монеткам, маленькие и небрежные "спасибо". И, может быть, я расслышу в этой тихой музыке и звон твоей монетки, и тогда мой старческий вечер станет не грустным, а милым.

GNEDICH

Т.Г.Гнедич. 1974 /?/. Фото Бориса Смелова.

Г е о р г и й Б Е Н

НЕУЖИВЧИВАЯ МУЗА ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ГНЕДИЧ

Притом, не любит видумок пустых
Взыскательная муза - и не диво,
Что говорить о действиях людских
Она всегда старается правдиво
И славу оставляет для других,
Давно привычных к лжи красноречивой;
Излишнюю правдивость с давних пор
Поэтам ставить принято в укор.

Байрон, "Дон Жуан" /XIV,13/

/Здесь и далее: все стихотворные цитаты из "Дон Жуана" - в переводах Т.Г.Гнедич/

В середине 50-х годов, когда после смерти Сталина по всем российским полям повеяло свежим ветром, этот свежий ветер подул и по такому тогда запущенному и захламленному полю, как книгоиздательская нива - и, среди прочего, нива издания иноязычных книг.

К 1953 году нива эта находилась в нарочитом небрежении и заросла такими сорняками, что из-под них почти не было видно ни цветов, ни даже травы. В полном забвении были великие традиции русского книгоиздательского дела, еще и в тридцатые годы щедро знакомившего русскую публику с тем, что писали и пишут в других краях. Переводных книг выпускалось - раз-два и обчелся. Очень многие великие писательские имена настоящего и прошлого были либо вовсе безвестны, либо прочно - по приказу - забыты, либо даже попросту под запретом.

И вдруг в середине 50-х годов все изменилось, словно по щучьему велению, по читательскому хотению. Всего за два-три года было издано больше иностранных книг, чем за предидущее десятилетие. Вновь появились произведения, давным-давно не издававшиеся и ставшие редкими, как инкунабулы. Появились романы и сборники стихов многих классических и современных писателей, которых русский читатель прежде знал разве что по фамилиям. И, естественно, возникла нужда в новых переводчиках. Небольшая когорта маститых мастеров перевода, еще недавно отлично справлявшаяся с теми немногочисленными заказами, которые могли обеспечить им издательства, - эта переводческая когорта должна была получить новое подкрепление. И вот в 1957 году в секции художественного перевода при ленинградском отделении Союза писателей возникла идея создать несколько переводческих семинаров, призванных обучить и подготовить новую переводческую поросль.

Для начала было решено создать при ленинградском Доме писателей шесть переводческих семинаров: английской, французской и немецкой прозы и английской, французской и немецкой поэзии. Руководить семинаром английской поэзии поначалу предложили Борису Борисовичу Томашевскому - отличному переводчику, опытному редактору, блестящему знатоку английской и американской литературы. Однако Томашевский, работавший штатным редактором в издательстве "Гослитиздат", задихался от нехватки свободного времени - и потому не смог принять на свои плечи еще и руководство семинаром. Вместо себя он предложил переводчицу, которую тогда еще мало кто знал, но которая, как заве-

рил Борис Борисович, сумеет руководить семинаром гораздо лучше, чем он. Этой переводчицей была Татьяна Григорьевна Гнедич.

Автор этих строк в то время только-только начинал пробовать свои силы в переводе и, естественно, ухватился за возможность поучиться у опытного мастера и записался в семинар переводчиков английской поэзии. Честно говоря, я поначалу огорчился, когда узнал, что хорошо мне знакомый и глубоко мною чтимый Борис Борисович отказался руководить семинаром. Помню, я обратился к Борису Борисовичу с претензией, и он, дабы рассеять мои сомнения, сообщил мне, что эта самая неведомая Гнедич великолепно перевела ни мало, ни много, как байроновского "Дон Жуана" - произведение, оказавшееся не по зубам всем предыдущим переводчикам, - и что этот перевод вскоре будет издан. От Бориса Борисовича я впервые узнал и то, где, когда и как Татьяна Григорьевна перевела "Дон Жуана".

Сейчас история этого перевода хорошо известна в российском литературном мире. Она была описана даже в советской прессе /Т.Сатыр. Один листок перевода. - "Вечерний Ленинград", 1964, №12 и "Известия", 1964, №25/ю Однако советская пресса приложила все усилия, чтобы суровый рассказ о высоком творческом подвиге превратился в сусальную святочну. сказку. Выражаясь словами Байрона,

"Десятки, сотни, тысячи писак!
Вы ложью увлекаетесь опасною,
Вам платит власть, чтоб вы писали так!" /XIII,35/

Как сказал Ходжа Насреддин, "истина не тускнеет при повторении"; поэтому мы расскажем эту историю снова, постаравшись обойтись без советских журналистских прикрас.

Во время войны Татьяна Григорьевна Гнедич работала в штабе партизанского движения - переводчицей на связи с союзниками. Не успела еще окончиться война, как Татьяна Григорьевна была арестована "за связь с иностранцами" /та самая связь по радио, да еще по указанию военного командования/. Пока шло предварительное следствие, Татьяна Григорьевна сидела в одиночной камере. Чтобы скрасить время, она декламировала наизусть стихи - чаще всего своих любимых поэтов: Пушкина и Байрона. И здесь ей пришла в голову мысль: а если попробовать начать переводить байроновского "Дон Жуана"? Еще на воле она готовилась к этому, читала и перечитывала "Дон Жуана" - и уже знала наизусть или почти наизусть несколько песен. И вот теперь здесь, в одиночной камере, Татьяна Григорьевна, не имея ни бумаги, ни книг, ни словарей, начала переводить "Дон Жуана" по памяти.

Это кажется совершенно невероятным. В обычных условиях переводчик, предпринимающий такой труд, запасается словарями, справочниками, энциклопедиями, книгами об авторе и о его эпохе. Он исписывает горы бумаги, отбрасывает десятки и сотни вариантов, прежде чем приходит к какому-то приемлемому тексту. Татьяна Григорьевна вынуждена была всю эту титаническую работу производить в уме. И вот, когда она перевела так уже две песни и принялась за третью, ей неожиданно повезло: она сумела утаить от следователя один-единственный лист бумаги. На этом листе, более чем бисерным почерком, она ухитрилась записать целых две песни байроновской поэмы - около двух тысяч строк. Листок этот сохранился: его можно читать только через лупу.

Естественно, шила в мешке - то есть, листа бумаги в тюремной камере - не утаишь. Однако случилось невероятное: когда следователь с помощью лупы прочел переведенные строки, он не только не разорвал лист, но добился того, что Татьяне Григорьевне было разрешено получить бумагу и английский текст "Дон Жуана" - и продолжать работу в тюрьме.

Вот как описан этот эпизод в советской газете:

"В ответ на вопрос следователя, куда девался этот лист, Гнедич протянула ему свою запись. Он внимательно прочел ее и воскликнул: "Это же великолепно!"

- Мне посчастливилось, - говорит, вспоминая об этом, Татьяна Григорьевна, - что я встретила человека, который всегда оставался верен заветам славного чекиста Дзержинского."

Я не располагаю доказательствами, а Татьяны Григорьевны уже нет в живых, так что я могу только просить поверить мне на слово: ничего подобного Татьяна Григорьевна никогда не говорила, а к Дзержинскому она испытывала чувства отнюдь не восторженные. Мало того: она была совершенно возмущена этой беспардонной статьей. На самом деле, по словам Татьяны Григорьевны, следователь ни разу ни словом, ни намеком не выразил никакого восторженного отношения к тому, что он прочел /да и посмел бы он, в сталинское-то время, восхититься творчеством врага народа! сам бы рисковал оказаться в такой же камере/. Но следователь действительно добился для Гнедич разрешения продолжать работу над переводом. Впрочем, гуляющая по печатным страницам, в том числе и по страницам эмигрантской печати, легенда о благородном чекисте - это тоже журналистская выдумка. Как рассказывала сама Татьяна Григорьевна, ларчик кагебистского великодушия открывался очень просто. Снабдив свою подследственную бумагой и байроновским текстом, следователь по-доброму, по-спокойному добился от нее того, чего его коллеги добивались от своих "клиентов" выбиванием зубов и проламыванием ребер: Татьяна Григорьевна подписала на себя требуемые показания /как подписывали тысячи людей, которым не давали за это ни бумаги, ни книг/ и в обмен получила спасительную возможность работать, творить - и, может статься, благодаря этому остаться мыслящим человеком, не сойти с ума в одиночке. Кто за это бросит в нее камень? И почему мы за это должны восхищаться чекистским благородством?

Т.Сатир продолжает:

"Двадцать два месяца одиночного заключения были месяцами напряженного творческого труда. Забывая о невзгодах, о неизвестном завтра, работала Татьяна Григорьевна над переводом поэмы и почти закончила его до отправки в лагерь. Прощаясь с ней, следователь сказал: "Надеюсь, что наступит день, когда я смогу горячо пожать вам руку."

Воистину, как сказал Байрон:

"... Что такое ложь? Простой ответ:
Не более, как правда в полумаске." /X1, 37/

Советский журналист, стремясь солгать, обряжает правду в полумаску - а из-под полумаски все-таки выглядывает кусок настоящего лица. Ведь из самой статьи видно без очков, что этот благородный следователь, "верный заветам славного чекиста Дзержинского" и мечтавший о том дне, когда он горячо пожмет руку своей подследственной /кстати, по словам Татьяны Григорьевны, эта тирада следователя - тоже бойкая журналистская выдумка/, - так вот, этот чекистский рицарь по должности занимался оформлением судебного дела, по которому женщина, на его взгляд, невиновная, должна была предстать в качестве закоренелой преступницы - врага народа - и получить крепкий лагерный срок. Следователь одновременно и надеялся, что наступит день, когда он пожмет Татьяне Григорьевне руку, и делал все необходимое, чтобы этот день никогда не наступил. Вот вам в полном блеске симбиоз святочного Деда Мороза и кагебистского палача!

"Нам новый мир узреть не суждено,
Но вы, вкушая радость мироздания, -
Поймете ль вы, что было так темно,
Так мерзостно людей существованье?
Да будет навсегда погребено
Презренных этих лет воспоминанье!
Забудьте кровожадных дикарей,
Кичившихся жестокостью своей!" /У11, 136/

Как бы то ни было, перевод "Дон Жуана", почти целиком сделанный в тюремной камере, сохранился - и вместе с Татьяной Григорьевной был "реабилитирован" после смерти Сталина. Конечно, уже на волен над ним пришлось еще немало поработать. Поэтому, вернувшись в Ленинград, Татьяна Григорьевна засела за книги, просмотрела и выверила весь текст; перевод был тщательно отредактирован и в 1959 году вышел в свет. С тех пор он издавался еще три раза - и каждый раз довольно большими тиражами, - и тем не менее, в советских книжных магазинах его днем с огнем не сыщешь.

Своим переводом Гнедич впервые раскрыла русскому читателю великую поэму Байрона. В прошлом веке "Дон Жуан" был переведен дважды /Д.Минаевым и П.Козловым/ - и оба раза неудачно: поэтически слабо и крайне неточно. Советский переводчик Г.Шенгели, справедливо протестуя против вопиющих отсебятин Минаева и Козлова, кинулся в другую крайность: он, по выражению профессора Эткинда, создал "явление удивительное, некое чудо стихотворной техники... - зарифмованный в виде октав весьма точный подстрочник", в котором все перенесенные из Байрона элементы текста "образуют мертвую сумму, а не живое художественное единство". /Е.Г.Эткинд. Поэзия и перевод. Л., 1963, стр. 221-222/.

Итак, невзирая на усилия Минаева, Козлова и Шенгели, "Дон Жуан" полтораста лет оставался для русского читателя одной из тех книг, которые положено хвалить и невозможно читать. А Гнедич создала перевод, о котором К.И.Чуковский сказал, что, когда его читаешь после прежних переводов, "кажется, будто из темного погреба, в котором ты изнывал от тоски, тебя вдруг выпустили на зеленый простор." /К.Чуковский, СС, т.3, М., 1966, стр.488/. Байроновский "Дон Жуан", раньше казавшийся русскому читателю образцом академической скуки, стал вдруг для очень многих людей живым и любимым произведением.

В 50-е и 60-е годы Гнедич продолжала много работать: она перевела две пьесы Шекспира, в соавторстве две поэмы Вальтера Скотта, трагедию Корнеля "Полиевкт", много стихов английских и скандинавских поэтов, украинского поэта Миколу Зерова. Но "Дон Жуан" остается ее главным творением.

Однако дело не только в том, что Гнедич достойно передала "Дон Жуана" на русском языке. Она, и несколько других поэтов-переводчиков, выступивших в печати примерно в то же время, произвели переворот как в теории, так и в практике перевода и нанесли смертельный удар теориям "лингвостилистов", которые требовали, чтобы перевод был как можно более точным, почти буквальным, а все остальные качества - это уж как получится. Да, в 30-е и 40-е годы в России работала блестящая плеяда очень талантливых и очень разных мастеров стихотворного перевода - таких, как М.Лозинский, Б.Пастернак, С.Маршак, Т.Щеркина-Куперник, К.Чуковский, Б.Лившиц, А.Оношкович-Яцына, О.Савич, И.Эренбург, И.Кашкин, В.Левик и многие другие. /Здесь и далее я перечисляю лишь переводчиков с западных языков. Перевод с восточных языков, осуществляемый чаще всего с подстрочника, ставит перед переводчиком совсем особые проблемы./ А в то же самое время другие переводчики тяготели к лингвостилистическому буквализму.

Этот буквализм возник, что называется, из лучших побуждений - как реакция на своеволие, а то и просто безграмотность прежних переводчиков. В ответ такие переводчики, как Г.Шенгели или Е.Ланн, провозгласили своим идеалом безоговорочное соблюдение всех элементов формы подлинника /воспроизведение синтаксических конструкций, порядка слов, расположения и числа художественных приемов, категорическое равнострочие и т.д./. Перевод превращался в точную науку и переставал быть искусством; переводчик виртуозно передавал все детали, но терял целое. Нередко произведение, переведенное по таким рецептам, становилось просто-напросто неудобочитаемым; как выразился как-то Томашевский, лингвостилистические переводчики "лингво-стелят, да жестко спать". Шенгелиевский перевод "Дон Жуана" оказался неудачен не потому, что Шенгели был бездарен, а потому что Шенгели задался целью быть точным во что бы то ни стало /в некоторых других случаях, когда Шенгели вырывался из пут буквализма, он создавал отличные переводы - например, из Гюго/. У буквализма были и свои мэтры-практики и свои высокоученые теоретики-лингвостилисты. Под влиянием этих, как их называла Татьяна Григорьевна, "лингвостилистических зубров" многие переводчики - особенно переводчики "второго ранга" - часто склонялись к буквалистическому переводу. Да ведь это, кстати, и легче: для того, чтобы переводить буквально, достаточно филологических познаний да добротной усидчивости. А для того, чтобы создавать переводы творческие, нужен еще и талант, и полет фантазии, и виртуозное владение собственным языком: а если всего этого нет, то где ж это взять?

И вот Гнедич, как и некоторые ее собратья, в 50-е годы вывели перевод из затхлой и смрадной пещеры буквальности на зеленый простор поэзии и хорошего русского языка. Следуя стезей не Шенгели, а Лозинского и Чуковского, они, с другой стороны, учли также и слабости таких выдающихся переводчиков, как Маршак или Пастернак, склонных иногда рядить переводимых авторов в собственную одежду, - и стремились к переводу подлинно поэтическому, однако без отсебятин. Конечно, Гнедич не была одним воином в поле. В начале и середине 50-х годов в сферу перевода пришли многие большие мастера: К.Богатырев, Л.Гинзбург, П.Грушко, М.Донской, П.Карп, Ю.Корнеев, М.Кудинов, Э.Линецкая, В.Столбов, И.Тынянова, А.Штейнберг, В.Шор, Е.Эткинд и другие. В их переводах старые, уже знакомые произведения зазвучали так, что прежние переводы сразу же безнадежно померкли. И практика была поддержана новой теорией - в первую очередь трудами Е.Г.Эткинда. Под влиянием этой "новой плеяды" даже некоторые переводчики старшего поколения, прежде грешившие буквализмом, тоже, как говорится, выросли сами над собой и заговорили новым - более ярким - голосом. А тут уже подрастала следующая смена. И коль скоро лингвостилистическому буквализму был недавно нанесен решительный удар, у этих молодых переводчиков уже не оставалось выбора, они не могли спрятаться за спасительную ширму буквальности /дескать, "мой перевод, может быть, трудно читается, но ведь буквально так сказано у автора"/. Новым переводчикам приходилось либо бороться до победного конца за создание переводов, которые были полнокровной литературой во всех отношениях, либо тихо удалиться с поля боя. Значение переворота, который совершили Гнедич и ее соратники, - в том, что они подняли новое знамя; и под этим знаменем добиться переводческих побед сумели не только выдающиеся таланты, но и люди гораздо более скромных способностей, которые могли бы сказать о себе словами Ньютона: "Я видел далеко не потому, что был высок, а потому, что стоял на плечах гигантов."

Но взобраться на плечи гигантов - совсем не просто: тут нужна чья-то помощь. И Татьяна Григорьевна Гнедич помогала. Она не только сама переводила, но и учила, как переводить.

И здесь я возвращаюсь к тому, с чего я начал свой рассказ, - к переводческому семинару.

Дважды в неделю, а иной раз чаще, собирались мы в одной из гостиных ленинградского Дома писателей, приносили свои переводы, разбирали их по косточкам, сравнивали с подлинниками, отвергали одни варианты и принимали другие - и скурпулезнейше, как на аптекарских весах, взвешивали каждое слово и перевода и оригинала. Нередко все мы переводили одно какое-нибудь стихотворение, а потом переводы тщательно сравнивались, и из них выявлялся лучший. Каждый из нас за это время перевел сотни, если не тысячи строк, которые были безжалостно забракованы, так что от них даже черновиков не осталось. И если кому-то из нас удалось стать приличным переводчиком, то этим он обязан прежде всего семинару - и Татьяне Григорьевне Гнедич, с ее европейской культурой, широчайшей образованностью, глубокими лингвистическими познаниями, благожелательностью, терпением, бесценным переводческим опытом и - что тоже немаловажно - добрым, изящным юмором.

А потом нам неожиданно очень повезло. Неуемная энергия Татьяны Григорьевны и ее забота о своих питомцах принесли плоды: издательство "Прогресс" расщедрилось и выдало нашему семинару /всем нам скопом/ заказ на перевод целой книги - сборника стихов отличного американского негритянского поэта Ленгстона Хьюза - целых две тысячи строк.

Вероятно, ни один сборник стихов в истории не переводился так, как этот. Сама Татьяна Григорьевна не перевела ни одного стихотворения; и она не стала раздавать заказы: ты переведи это стихотворение, а ты - то /как обычно делается в подобных случаях/. Все стихотворения переводились в конкурсном порядке. Почти всегда одно и то же стихотворение переводило двое, трое - а то и все восемь участников семинара. Все эти переводы с убийственной нелицеприятностью сличались и обсуждались, и из них отбирался наиболее удачный. Нередко случалось, что тот из нас, чей перевод был забракован, "жертвовал" несколько хорошо получившихся строк своему победоносному сопернику, у которого как раз эти строки оказались похуже. Каждый из нас сделал переводов в пять, в шесть раз больше, чем в конце концов ему удалось включить в сборник. Именно во время работы над сборником в семинаре произошел "естественный отбор": трое участников семинара, увидев, что они слишком редко побеждают в суровой борьбе за переводческое существование, тихо ушли из семинара. У них хватило ума и такта понять, что в творческом деле благотворительность неуместна.

Семинар Татьяны Григорьевны отнюдь не был "секретным учреждением", неким элитарным кружком. Всякий, кого интересовало переводческое дело /даже и тот, кто не собирался становиться переводчиком/ мог прийти, и высказаться, и спорить, и пробовать свои силы. Нередко появлялся и милейший Георгий Павлович, муж Татьяны Григорьевны. История их брака заслуживает особого рассказа - или, скорее, поэмы. Георгий Павлович - малообразованный человек, рабочий - встретился с Татьяной Григорьевной в сталинском лагере, где он тоже сидел как "враг народа". Он был истопником - и спас Татьяну Григорьевну от гибельных "общих работ", устроив ее истопницей в котельную. Потом они поженились - и не расставались до самой смерти Татьяны Григорьевны. Они относились друг к другу с необыкновенной трогательностью, и Татьяна Григорьевна нередко спрашивала его мнение: например, какой из двух переводов лучше. Он несколько смущался и, не желая никого обидеть, отвечал, что ему нравятся оба. А в его отсутствие Татьяна Григорьевна не раз говаривала: "Вы не думайте, он хоть и не очень образованный, но у него - очень тонкое поэтическое чутье." Самое интересное, что в этом была доля истины: долгое обще-

ние с Татьяной Григорьевной, видимо, ни для кого не проходило бесследно.

Почти на каждом занятии нашего переводческого семинара появлялись участники другиз семинаров, да и маститые переводчики тоже заглядывали нередко. Несколько участников французского и немецкого семинаров, знавших английский язык, попробовали свои силы в переводах Хьюза, и некоторые их переводы вошли в книгу /Татьяна Григорьевна не рассматривала сборник стихов Хьюза как золотоносный участок, который она застолбила - а другие по нему не ползай/.

Сборник стихов Хьюза вышел в 1960 году. Он имел такой успех, получил такие хорошие отзывы, что издательство вскоре решило выпустить второе, дополненное издание на четыре тысячи строк. Переводы снова были заказаны семинару Татьяны Григорьевны. Второй сборник, подготовленный таким же безжалостным способом, был выпущен в 1964 году.

Для Татьяны Григорьевны ее семинар - и вообще ее работа с молодежью - стали таким же важным делом, как и ее собственная переводческая работа. Попутно можно заметить, что Татьяна Григорьевна была наставницей не только для переводчиков. Поэтесса Юлия Вознесенская называет Татьяну Григорьевну своим "первым учителем" /"Посев", 1977, №3, стр.15/, и для многих молодых поэтов не кто-либо из маститых стихотворцев, а именно переводчица Гнедич была "крестной матерью". По-моему, тому есть две причины. Во-первых, из современных так называемых "оригинальных" поэтов /хотя часто им не хватает именно оригинальности/ редко кто обладает всеобъемлющей культурой, знанием иностранных языков, широким филологическим кругозором. А Татьяна Григорьевна обладала не только всем этим, но и в русской литературе разбиралась так, что многим филологам-русистам не в подъем, и стихотворной технике поучить могла не хуже, чем любой поэт. А во-вторых /и, может быть, в-главных/, дело в том, что большинство "оригинальных" поэтов очень уж запятнало себя соглашательством, лицемерием, а то и просто пресмыкательством перед советскими власть имущими. Может быть, не стоит бросать в них за это камни: ведь иначе не проживешь. Поэт Василий Бетаки - кстати, тоже ученик Татьяны Григорьевны - может рассказать, как издательство отвергло сборник его стихов на том основании, что там не было стихов о Ленине, о партии, о советском патриотизме и т.п. /так и было сказано в издательском разъяснении/. Бетаки не последовал доброму "совету", отказался вкл.чить в сборник такие стихи - ну, и не был издан его сборник. Но ведь не все - такие щепетильные: потому-то поэты /даже лучшие из них/ вынуждены писать дежурные вирши о Ленине и кричать "банзай" коммунистической партии.

"В чем слава? В том, чтоб именем своим
Столбцы газет заполнить поплотнее.
Что слава? Просто холм, а мы спешим
Добраться до вершины поскорее.
Мы пишем, поучаем, говорим,
Ломаем копья и ломаем шеи,
Чтоб после нашей смерти помнил свет
Фамилию и плохонький портрет." /1, 218/

Однако молодежь - это обычно публика максималистская, ей ведь не втолкуешь, что поэты хотят печататься и получать многоцифровые гонорары, ей противен "купленных восторгов шум нестройный" /X, 86/, она хочет в своих наставниках видеть рыцарей без страха и упрека. Вот и льнули молодые поэтические дарования не к "оригинальным поэтам", а к переводчице, которая, казалось бы, по определению не может быть "оригинальной".

К тому же, в Советском Союзе жанр перевода волею судьбы стал, может быть, самой свободной формой литературы. Недаром в 30-е и 40-е годы многие крупные русские поэты /Пастернак, Маршак, Кузмин, Заболоцкий и другие/ почти не печатали собственных стихов, а "ушли в перевод". Как выразился профессор Е.Г.Эткинд /и за эту неосторожную фразу его долго и упоенно травили/, "русские поэты, лишенные возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гете, Орбелиани, Шекспира и Гюго" /см.: Е. Эткинд. Записки незаговорщика. Лондон, 1977, стр.184/. Действительно, от переводчика не требуют, чтобы он в угоду идеологическим доктринам искажал переводимого автора - будь то даже завзятый монархист Бальзак или "бард империализма" Киплинг. За грехи переводимого автора переводчик не отвечает - и потому /редкая для советского литератора удача!/ может творить так, как считает нужным. Более того: в области перевода сложилось такое - довольно необычное для советской литературы - положение, когда форме отдается предпочтение перед содержанием. Чтобы передать содержание стихов максимально точно, нужно переводить стихи прозой /правда, тогда в стихах не останется поэзии, но это уже другой вопрос/. Во многих западных странах рифмованную поэзию, например, нередко переводят свободным стихом, без рифм и размера /а во Франции часто даже просто прозой/. Спрашиваешь: "Почему?" Отвечают: "Чтобы точнее передать содержание." А вот на русском языке такой перевод сейчас практически невозможен /впрочем, заслуга тут - не советских переводчиков: такова русская переводческая традиция, восходящая к XУ111 веку/. Не только перевод рифмованного стихотворения белым стихом - в России вещь небывалая, но и такие случаи, когда, скажем, дактиль переводится ямбом или наоборот, крайне редки. /Должен тут перебить переводчика Бена: перевод на русский ямба - ямбом, а дактиля - дактилем, в случае одно-двухсложного английского вызывает убыстрение метра, а в случае, скажем, многосложного финского - замедление, потому что ПАУЗЫ в расчет не берутся. Значит... Значит надо отойти и от этого рабского буквализма и УДЛИННЯТЬ или УКОРАЧИВАТЬ размер - но на это уже радикализма Бена не хватит, как и на современную, а не занудно-глагольную рифму в переводах Байрона, о чем уже было спорено-переспорено. Но это так, a propos. - KKK/. *Русские переводчики давным-давно уже поняли, что поэтическая форма не менее /а часто и более/ важна, чем содержание, и неразрывна с ним, - поняли, что если разрушить форму, то и от содержания не останется камня на камне. И советский переводчик стихов прежде всего переводит форму, нередко даже в ущерб содержанию /где вы, советские идеологические догматы?/. Воистину, перефразируя слова Бетховена, можно сказать, что в СССР слово сочиненное связано, но слово переведенное, к счастью, еще свободно.*

Вот и приходила действительно талантливая и действительно мыслящая молодежь не к "поэтическим мэтрам" - руководителям официальных литературных объединений, - а к переводчице Гнедич, у которой они находили и большую эрудицию, и подлинный демократизм, и литературную честность. /Впрочем, влияние Татьяны Григорьевны на молодых поэтов - это тема уже для совсем особой статьи: как сказал Ариосто, "может быть другие споют о том блистательней, чем я."/

И когда уже давно распались созданные в 1957 году переводческие семинары, а многие их участники вышли в широкий литературный мир, - и когда ленинградское отделение ССП уже давно потеряло интерес к таким семинарам, перестало им помогать и предоставлять им помещение, - и когда, вдобавок, снова наступила эпоха бескнижья /блаженное время, когда многопудовые Бальзаки и Диккенсы доступно лежали на магазинных полках, сейчас кажется советскому человеку словно приснившимся/ и снова обострилась борьба переводчиков за куски издательского пирога, - Татьяна Григорьевна продолжала собирать у себя

молодых переводчиков и поэтов /теперь уже не в Доме писателей, а в своей комнате в коммунальной квартире/, и они до поздней ночи обсуждали, спорили, делились рассказами и впечатлениями. Стоит ли упоминать, что ни тогда, ни ранее Татьяна Григорьевна за всю эту огромную работу не получала и медной полушки?

Впрочем, это ведь тоже было в ее характере. Когда она в тюрьме начинала переводить "Дон Жуана", она не ждала от этого ни денег, ни славы. Вообще она /как и все тогдашние зэки/ не чаяла даже, что выйдет когда-нибудь на свободу. Просто она не могла жить без творчества и без работы - вот и все, без громких слов.

Громкие похвальные слова о ней говорили другие - и, увы, часто это были такие похвалы, что хуже всякой брани. Процитируем еще раз вышеупомянутую статью в советской газете:

"Испытания, выпавшие на долю Т.Г.Гнедич, не сломили ее духа. Она верила партии, верила в свой народ..."

Не будем заниматься опровержениями. Не будем рассказывать о том, какие эмоции вызвала у Татьяны Григорьевны эта разухабистая статья с панегириком кагебисту, оформляющему дела на людей, которых он сам считает невиновными. Не будем говорить о том, как Татьяна Григорьевна относилась к советской власти и партии. Лучше скажем несколько слов о том, как советская власть и партия относились к Татьяне Григорьевне.

Для этого вернемся еще раз к статье и прокомментируем ее.

"Творческие планы Татьяны Григорьевны разнообразны... Она... пишет книгу для детей "Разговор о Байроне"..."

Комментируем: книга эта была написана, но издать ее Татьяне Григорьевне не удалось - "по причине ее неактуальности". А теперь - после смерти Татьяны Григорьевны - эта книга, видно, уж и совсем потеряла шансы встретиться с печатным станком.

"... хочет издать сборник своих стихов, работает над автобиографической поэмой", - продолжает Т.Сатыр излагать творческие планы Татьяны Григорьевны.

И эта поэма, и эти стихи тоже не увидели печатного станка. Ничего странного: ведь в этой автобиографической поэме была бы изложена совсем не такая биография, какая пришлась бы ко двору в наши славные брежневские дни посмертной реабилитации товарища Сталина. А что до стихов, то Татьяна Григорьевна, как справедливо пишет Юлия Вознесенская, - "автор замечательных стихов, не печатающихся по тем же причинам, по которым не печатаются и наши". Татьяна Григорьевна могла бы сказать о себе словами Байрона: "Муза неуживчива моя" /Х1У,9/.
/Статья Бена писалась несколько лет тому назад. Сборник Т.Г. вышел, в 87 стр. в четвертушку листа, со вступительным словом ... Дудина, в 1977 г., посмертно - и слава Богу: я в этой книжечке - тетку Таньку не узнал, а она себя - ...? - ККК/

Да и не только стихи - многие переводы Гнедич остались неопубликованными из-за неуживчивости ее переводческой музы. Например, она много переводила замечательного украинского поэта Зерова - неоклассика, эстета, поклонника античности, арестованного в ежовщину и погибшего в лагерях. Уж сколько добивалась Гнедич издания сборника стихов Зерова по-русски - и все тщетно. Да и как его издавать? Ведь даже после его посмертной реабилитации "Краткая литературная энциклопедия" писала, что в 20-е годы Зеров занимал "крайне правые позиции", выступал "против социалистических принципов молодой украинской советской литературы" /КЛЭ, т.2, М.,1964, стр.1019/. Такого ли поэта переводить советской переводчице?

"Задумана интересная книга "Разговор о стихах" - анализ творчества молодых поэтов", - пишет далее Т.Сатыр.

Где уж тут до издания подобной книги! Да ведь эти молодые поэты, вместо того, чтобы писать стихи про Ленина да про партию,

либо пошли в "диссиденты" да в "самиздатчики", как Юлия Вознесенская, либо эмигрировали, как Василий Бетаки и Константин Кузьминский. Что-то не тех поэтов пестовала Гнедич!

И, наконец, едва ли не самое важное:

"Есть у Татьяны Григорьевны заветная мечта - новое издание собрания сочинений Байрона", - пишет Т.Сатыр.

Казалось бы, почему нет? Байрон - признанный классик. В последний раз его полное собрание было издано по-русски в 1904-1905 годах. К нашим дням большинство прежних переводов из Байрона устарело, они не отвечают требованиям, предъявляемым сейчас к переводческому искусству. Так почему бы и не издать Байрона? И, однако, осуществления своей заветной мечты Гнедич не могла добиться целых шестнадцать лет. За эти годы под ее руководством группа переводчиков перевела почти всего Байрона заново, а она отредактировала все эти переводы /конечно, не имея издательского заказа и не получая никакого гонорара/. В 1967 году вышел под ее редакцией маленький сборник лирики Байрона. Да и этот сборник почему-то целый год, уже в готовом виде, валялся на складах типографии "Красный Пролетарий", что вдохновило Томашевского на эпиграмму:

"От всех читателей со всех сторон
Несется стон: ну, где же лорд Байрон?
А мы даем им ясный комментарий,
Что лорда держит Красный Пролетарий."

А большой издание сочинений лорда держали - и "не пущали". И лишь в 1974 году решено было, наконец, выпустить Байрона - но не полного, а только избранного. И тут-то выяснилось, что сейчас - в эпоху нового бескнижья и яростной борьбы за издательские заказы - многие влиятельные переводчики, прежде и не думавшие о Байроне, вдруг страстно его возлюбили и спят и видят, как бы перевести одну из его поэм. Вдобавок .ва переводчика, которые под руководством Гнедич перевели по две-три крупных вещи Байрона, - Бетаки и автор этих строк - эмигрировали за границу: а ведь в СССР запрещается печатать тех, кто имел и потерял советскую прописку. Короче говоря, в итоге многие переводы были спешно перезаказаны и спешно сделаны заново. И уже проделанный феноменальный труд Татьяны Григорьевны в большой степени пропал даром. А сама она была отстранена от подготовки издания и редактирования текстов /поделом: не вскармливай на своей груди потенциальных эмигрантов!/. Ее перевод "Дон Жуана" был в издание, конечно, включен /как и "Чайльд-Гарольд" в отличном переводе В.Левика/. Однако поэмы да драмы были расхватаны теми, кто побойчее да попробивнее. И из многих этих переводов снова, как и из прежних, не ясно, почему Байрона считают великим поэтом. А вскоре после этого Татьяна Григорьевна умерла, так и не дожив до хорошего полного собрания сочинений Байрона на русском языке.

И еще одна мечта была у Татьяны Григорьевны - мечта, о которой Т.Сатыр не пишет: лучшая в России переводчица Байрона хотела побывать на родине Байрона - увидеть, как

"... в прозрачном отдаленье
Вестминстер возникает сквозь туман -
Величественно-гордое виденье, -
И кажется, что слава многих лет
Покоится на нем, как лунный свет" XI, 24, -

увидеть Ньюстедское Аббатство - поместье Байрона под Ноттингемом -

"... фамильное аббатство,
В котором архитектор проявил
Готической фантазии богатство" XIII, 55.

И эта мечта Татьяны Григорьевны тоже не сбылась. Юлия Вознесенкая пишет, что побывать в Англии Гнедич помешала "тяжелая болезнь сердца, заработанная в сталинских лагерях". Вознесенская ошибается. Побывать в Англии Татьяне Григорьевне помешала не болезнь, а советская власть. В конце 60-х годов один британский университет официально пригласил Татьяну Григорьевну посетить Англию. Татьяна Григорьевна законопослушно подала соответствующее заявление в соответствующие органы. И тогда какой-то кагебисткий чинуша /поэт Алексей Сурков - ККК/ с великолепным лицемерием объяснил Татьяне Григорьевне, что в Англию ее не пустят - для ее же блага: "Ибо, - сказал он, - сейчас, после того, как мы оказали братскую помощь Чехословакии, на Западе подняли голову антисоветские силы; и вам могут устроить какую-нибудь провокацию. А мы вас бережем: вы нужны советской культуре."

Так-то!

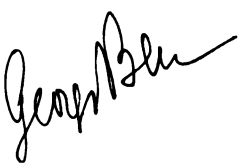
Татьяна Григорьевна умерла, не побывав в Англии, не напечатав написанных ею книг, не осуществив многих своих замыслов. Но еще до того она - на радость себе и нам - сумела завершить и опубликовать главный труд своей жизни. И она могла бы сказать о себе словами переведенного ею стихотворения Байрона "К Времени":

"Когда темно и скорбно было
Вокруг меня - мой ум и взор
Ласкало дальнее светило,
Стихии тьмы наперекор.

Но луч погас - и Время стало
Пустым мельканьем дней и лет:
Я только роль твержу устало,
В которой смысла больше нет.

Но заключительную сцену
И ты не в силах изменить:
Лишь тех, кто нам придет на смену,
Ты будешь мучить и казнить!

И, не страшась жестокой кары,
С усмешкой гнев предвижу твой,
Когда обрушишь ты удары
На хладный камень гробовой!"

Георгий Бен

Изменчивость

ГЕОРГИЙ БЕН родился в 1934 году в Ленинграде, окончил Ленинградский педагогический институт имени А.И.Герцена, преподавал английский язык и зарубежную литературу в высших учебных заведениях Ленинграда, Петрозаводска, Новгорода, Ижевска. С 1958 года он публиковал свои переводы стихов и прозы зарубежных авторов (Байрон, Скотт, Лонгфелло, По, Киплинг, Хьюз, Моэм, О'Хара, Чаттопадхайа, писателей Африки и др.). С 1973 года Георгий Бен живет в Израиле, где также опубликовал ряд переводов ("Мои прославленные братья" Фаста, "Тьма в полдень" Кестлера, "Это Бог мой" Вука, "Помощник" Малламуда, "Счастливый новый мир" Хаксли и др.). В настоящий сборник входят стихотворные переводы, ранее нигде не печатавшиеся (за исключением нескольких стихотворений, появившихся недавно в израильских журналах).

ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Поэты Англии и Америки
в переводах Георгия Бена.

Посвящается памяти
Татьяны Григорьевны Гнедич
и
Бориса Борисовича Томашевского

Костя!
Прими с приветом
и пожеланиями —
пусть
тоже
тебя
русский
по-
Бен
18/XI-1977

ВиМ

Издательство "Время и мы"

1977

ПЕРЕВОДЫ НА ТОТ СВЕТ...

"О, сколько мук! О, сколько мух!" - выразился старик Бахтерев на супере 1-го тома. Кому что докучает. Лидия Чуковская старательно записывала все жалобы Ахматовой: кто с ней не поздоровался - а Анастасия, подруга Т.Г.Гнедич, рассказывала мне: отняли у тетки Таньки лагерницы пайку - и в сортир бросили. Оттуда и вылавливали, а потом почистили и съели. Кому комаровская ссылка, кому - воркутинская.

Но плачут об Ахматовой. Я не плачу: меня бы в Комарово! Один раз только и был, с Охапкиным, он меня лагернику-астроному Козыреву представлял. Говорили о Хлебникове. Я все Козырева вербовал "Доски судьбы" переводить. На язык математический.

Но я не о том. И не так я начал.

Начал за меня Жора Бен. А я продолжу. Про пайку, Анастасию, Егория...

Во всем прав Жора. Кроме одного: пострашнее там были дела, чем допрос у следователя. Мне все пайка эта мерещится. Я в детсадике - тюбитейку туда уронил - не уронил, тоже ребенки кинули, а потом нужно было палкой вылавливать. Черви там жирные, подвижные, на готовых харчах отъевшиеся - и не черви, личинки мух - я ж биолог!Но тогда я не знал. И тюбитейки второй у меня не было, а сандалики мама спереди обрезала, чтоб пальцы. И пришлось доставать. Вытащил, а она кишит. Я не то, чтобы их боялся: противно. Так, на палке, и понес в ручей полоскать. Мерещится мне тетки-Танькина пайка...

10 или 11 лет лагерей, и из них 2 - в одиночке. Я не знаю. Об этом не пишут. Пишут об Анне Ахматовой. Как в очереди с передачкой она стояла, Леве Гумилеву, и шепнул тут ей глас народа:...

Тетке Таньке никто не шептал. Вот орали - случалось.

И если бы не подруга ее, Анастасия, да не пьяная морда Егорий - не выжить бы ей. Не такие кончались. Таких же - кончали скорее.

Анастасия Дмитриевна /фамилия ее мне была ни к чему/, как и Гнедич, полная, седая - но с короткой стрижкой по моде 30-х /20-х?/ годов, была секретарем наркома земледелия, муж был военный. И подруга Землячки, к тому ж. Когда взяли мужа, а заодно прихватили наркома - вместо молчать, пошла кулаками стучать, там где надо и чаще - не надо где. И ее прихватили. Но суровой закалки подруга была. В лагерях не сломалась. Опекуншей для Гнедич заделалась, матерью. Говорила мне, что если у Гнедич вовремя пайку не отобрать - или сама кому даст, или отымут. Отбирала, кормила кусочками. Из своей добавляла: поэт же!

А потом уж - жила просто рядом. И куда ей? Пенсию дали, какую никак, а друзей и родных - никого, только Гнедич. Так и сидела, в стороночке, в кресле - вроде, я с ней один говорил, и частенько. Вынимала из коробочки янтарный мундштук, из другой - сигарету, затягивалась, прятала все по местам. И через две минуты ровно - по-новой. А потом аккуратно на место. Аккуратность спасла и ее, и ее "подопечную" Гнедич. Сколько знаю - доходить начинают, когда на себя наплевать. Так, говорят, в лагерях Мандельштам - по помойкам, безумный и грязный. Но не такие, как Анастасия! Сидел с ней, курили, пока Татьяна Григорьевна кому уроки давала, за копеечку дополнительную: книги ж надо было на что покупать, да еще и Егорию на пропой.

О Егории, о его понимании стихов, Жора пишет - красиво. Прихожу как-то к Гнедич - фонарь здоровенный под глазом. Не сама же? "Вы говорит, понимаете, Константин Константинович, я любила другого, а он меня - спас. И теперь я должна..." Достоевщинка! Напечатала венок сонетов в "Просторе", Егорий, гордый,

поволок на службу показывать - он в электриках вкалывал. Приходит - злой, как скотина: "Ты что ж, сука, меня позоришь?! Показал мужикам - ни хуя не поняли!" И - хрясь по ебалу! "Понимаете, говорит, Константин Константинович, он вообще-то не злой, это так, у него тоже жизнь ведь горькая!"

А и правда, мужик Егорий был ничего, можно ладить. И выпить случалось. Но привел как-то раз я к Т.Г. Сюзанну Масси, с Алисией Бейкер /негритяночка - мммм!/, сидим, на семи языках говорим. Обалдели подруги. А потом по сарделькам, в открытой пивной, что под домом. Я там пива, сарделек купил, пьем, Сюзанна с Алисой - балдеют! Оксфорд или там Кембридж - и только! Про лагеря им Т.Г., естественно, не рассказывала. НЕ ПОЙМУТ. А за нами - шарага ханыг. Вобла, пиво хлебают, пиздят. "Кось! - вдруг слышу - А Кось! Ты бабам рыбки-то - предложи!" Оборачиваюсь - Егорий, и с воблами ко мне тянется. Ну, разделал я рыбку им чинчинарем, жрать не умеют - сосут. "А кто это?" "А муж, говорю, Татьяны Григорьевны." С тех пор, наверно, Сюзанна и уверовала в загадочную русскую душу, после Оксфорда с Кембриджем, и Сорбонной впридачу.

Не то страшно, что эти сволочи из России сделали, а то - что ТУТ, СЕЙЧАС про нее говорят! Все голые сраки прикрыты белыми фраками, Сол по фене не тянет, Е.Г.Эткинд в Сорбонне по-французски свистит.

А как же пайка та, тетки-Танькина? А фонарик под глазом, что - елочный? Не, об этом не фо. Почитаем-ка лучше Одоевцеву. Ах, Россия, балы!... Когда камбалы сраной - для кота уже не достать /про себя и подавно/, когда с Гнедич хлебаем мы супчик на кухне и про Байрона говорим.

Но давайте блюстити приличия.

Т.Г.Гнедич была человеком. За что и любил. И она меня тоже. Года два, но потом - начала пугаться, когда каша вкрутую с Сюзанн заварилась: ведь сидела уже за сношения с союзниками по радио! И расстались мы, тихо, тепло. Забегал - когда в Пушкине был, но все реже. И старела она. После смерти Анастасии - и сама в разговоре почти засыпала. Попрощались, конечно, когда уезжал.С кем еще бы?

Бессмысленно излагать все это западной публике. Их не колышет.
Но колышет - меня.

А учила она - как никто! То-есть, именно что - "как никто": как никто и не давит, как будто ты сам! Так, сидишь, говоришь, выступаешь, базаришь и споришь. Жора, Усова Галя, Бетаки - вот, вроде, и все, кого видел я там. Постоянно. Ну, и Толик, конечно, Архипов. Приемыш ее. Он сейчас, вроде, где-то в Италии. И переводили мы, правильно, как пишет Бен - не для денег и даже не славы для. Так, от нежности велией к лирику Байрону. Лирику и хулигану.

Я не знаю, что делают - ТАМ. Ученик ее, Саша Щербаков, напечатал, наконец - это память ее - свою "Алису в стране чудес" и "В Зазеркальи". Две копии, на радостях, у Камкина купил: ТУДА чтоб послать, ребятенку какому-нибудь! Ведь и дочке своей, лет 10 назад - Винни-Пуха ОТСЮДА заказывал! Там оно дефицит.

ТУТ - Ваську я просто вычеркиваю, за хамство и тупость - Жора Бен напечатал-таки избранных своих англо-американских поэтов. Молодец. /Хотя "Сад Прозерпины" - не так бы я перевел! И уже начинал, лет 15 назад. Но зачем?/

Приезжал ко мне Жора с женой, путешествуя по Америкам, днями. На Лагуны мотались. Март, теплынь, все цветет. Я купался, а Жора с женой побоялись. Запил после отъезда их: не из-за них - книга эта сосет.

К тетке Таньке, любимой, жалость сосет. Кто напишет о ней?
Об Ахматовой пишут, шумят.

Просто, сделанные в бытность ее и при ней, переводы печатаю. Байрона. В память ее, а так - мне они зачем? Сотни собственных текстов лежат, и роман - а когда и кому и зачем...

Помещаю здесь 3 перевода из Байрона, ею одобренные и принятые.

Прощание с Мальтой

Адье! - веселье в Ла Валетт!
Адье, сирокко, пот и жаркий свет!
Адье, дворец, немой свидетель эскапад,
Адье, банк, где мне случалось рисковать!
Проклятье узким улицам твоим -
С каким трудом взбираешься по ним!
Адье, купцы, почтенные банкроты!
Адье, привыкшие без писем пакетботы!
Адье, толпа, не устающая, дрожа,
Глупцам вышестоящим подражать!
Адье, обнаглевший карантин, -
Ты гал мне лихорадку, скуку, сплин!
Адье, таинственный, пленительный балет
Провинциальных очень Ла Валетт!
Адье, круг Питер, ты зевал на весь партер:
"Ces femme en militaire sont 'tête-a-tête!"
Адье, mesdames, одетые по моде!
Адье, мундиры, красные, как морды!
Адье, вы, рыжие как бычьи пузыри,
Не вас мундир, но - ничего внутри!

Я уезжаю, но Бог весть, куда,
В туманные от дыма города,
К вещам / прикрепляясь истины по мере /
Таким же скверным, но в другой манере.

Прощайте, дети горькой синевы,
И Адриатика, где остаетесь вы,
Где волны моря ниже поглотили
Кровь командиров, корпуса флотилий,
Улыбки ночью, вечные обеды,
В любви, в бою беспечные победы...
/ Боясь прослыть ужасным эгоистом,
я отвлекусь от темы, "eo ipso"./

Итак, я посещаю миссис Фрезер;
Не буку льстить ей: стих мой вял и пресен.

ПРОЩАНИЕ С МАЛЬТОЙ

Адье! - веселье в Ла Валетт!
Сирокко, пот и жарюий свет,
Дворца чугунные ограды,
Адье! - былые эскапады!
Проклятье - улицам твоим:
С трудом взбираешься по ним!
Адье, купцы, привет, банкроты!
Адье - без писем пакетботы!
И восхитительно-тупа -
Адье, снующая толпа,
Не устающая, дрожа,
Вышестоящим подражать!
Адье, собачий карантин -
Москиты, лихорадка, сплин!
Адье, пленительный балет,
Очаровавший Ла Валетт -
Зевали ложи, спал партер -
Адье, красотки terre-a-terre!
Mesdames, одетые по моде,
Мундиры, красные как морды -
Адье, вы, бычьи пузыри -
Сукно снаружи - и внутри!

Я еду, но - Бог весть, куда -
Опять на север, в города,
Где холод, слякоть, грязь и лужи.
А здесь жара - так где же хуже?
Прощайте, дети синевы,
Моря, где остаетесь вы,
Где волны тихо поглотили
Кровь капитанов, крах флотилий,
Улыбки, празденства, обеды,
В любви беспечные победы,
В бою блистали иногда вы -
Воспой, о Муза, in octavo!

А ныне я - у миссис Фрезер.
Что льстить ей? Стиль мой вял и пресен,
И что бы я ни сочинил -
Не будет стоить тех чернил.
Штришок - могу я допустить,
Но в целом незачем ей льстить.
Пускай ее другие чтут:
Она модна, но без причуд,
Она скользит, блестя, смеясь -
Нужна ли песня ей моя?

Но ты, о Мальта! Как далек
Твой гарнизон, весь твой мирок!
Я не сторонник грубых слов,
Но я послать тебя готов...
В окно, наружу, киньте взгляд -
Поймете, ГДЕ я видел ад!
Забьюсь в постылую нору,
Примусь читать, вернусь к перу,
Лекарство /доктор назначал
По чайной ложке через час/.
Колпак тепла надену ради.
Опять - о дьявол! - лихорадит!

/1966-7/

СТАНСЫ,
НАПИСАННЫЕ В ГРОЗУ

И был туман, белей молока,
Где сумрачный Пинд в лесах,
И страшный гром разорвал облака
В неистовых небесах.

Проводник пропал, и надежды нет,
И молний игра и гром
Озаряли поток, ревущий на дне
И скал зловещий излом.

Что высится там, на склоне голом,
Когда молнии блещут окрест?
Но увы, не дом, а могильный холм
И не нем - покосившийся крест.

И шум водопада в уши плывет,
И мрак качается, зыбок,
И во тьме мой спутник кого-то зовет -
Я слышу родной язык.

Выстрела звук - то враг или друг?
Тишина, и грохот вновь.
Он зовет на помощь живущих округ,
И призыв уносится в ночь.

О, кто услышит отчаянья зов,
Когда от молний темно?
И кто решится сквозь глушь лесов
Пуститься в такую ночь?

И кто решится ступить за порог
Прежде чем солнце встанет?
Кровавые пятна темных дорог
Прославили эти места.

С громом рушится неба гора,
Зверея, воет гроза.
Но сквозь ее беспросветный мрак
Я вижу твои глаза.

Пусть в бреду бродить по утесам мне,
По скалам, мохом одетым,
Где стихии свой изрыгают гнев,
О, Флоренс моя, где ты?

Только не там, только не там,
Не в бешенстве моря голого!
Пусть шторм, что идет за тобой по пятам,
На мою обрушится голову!

Прощаясь, руки твои целовал...
О море, услышь мой вопль!
Пусть ревущий шквал и девятый вал
Не настигнут корабль твой!

И вот уже ты, с корабля снята,
Ступила на берег ногой...
Только не там, о, только не там -
Не в бешенстве моря нагого!

И сейчас в этих хлябях, этих топях
Небо - словно светает.
Помню тебя, вижу тебя
В музыке и цветах.

Средь девственно белых Кэдиса стен,
В решетчатый окон узор
Взгляни, как море в безмолвии стынет,
Синея перед грозой.

Вспомни тот остров, зовущий как гимн,
Ставший для нас звездой.
Улыбки можешь отдать другим,
Мне подари лишь стон.

Когда румянец окрасит вновь
Познавшие грусть черты,
В твоих глазах мелькнет любовь,
В слезах - промелькнут мечты.

И взгляд твой снова открыт и весел,
Улыбка не сходит с губ.
Я рвусь к тебе через горы и веси,
Тоской по тебе погублен.

Улыбка и вздох - равно не нужны,
И только разлуки боль.
Но мысли нежны, и слова нежны,
И сердце полно тобой.

1966-67

СТАНСЫ ДЛЯ МУЗЫКИ

Немею, не смею назвать твое имя -
Печаль в этом слове - устами моими,
Что в сердце таится, что жажду сказать -
Уста промолчат, но расскажет слеза.

Сколь долги для страсти, сколь кратки для счастья
Мгновенья печали, и радости часа!
Мы скованы цепью, мы болью палимы,
Мы жаждем расстаться, но мы - неделимы.

О, ты - это радость, а я - это боль!
Прости мне, покинь - я останусь с тобой.
И сердце не сможет тебя разлюбить:
Другим - не разграбить, тебе - не разбить.

Для всех - непреклонна, тебе лишь верна
Душа моя в горе пребудет, черна.
О, дни наши кратки, мгновения - сладки,
Одни в этом мире, горим в лихорадке.

Один вздох печали, лишь слово: "Люблю" -
Вернут иль повергнут, простят иль убьют.
Пусть спросят другие: но что ж я отверг?
Лишь мне твои губы прошепчут ответ.

/1966-7/

KONSTANTIN K. KUZMINSKY

Фото Г.Приходько, 1974. Труба и комната В.Левитин

Democrat and Chronicle People

ROCHESTER, N.Y., TUESDAY, MARCH 23, 1976

News Makers

Princess 'not up to royal standards'

Princess Margaret returns to her royal duties today following the breakup of her 16-year marriage to **Lord Snowdon.** But she is facing a new controversy over her $70,000-a-year official salary.

Britain's most outspoken antiroyalist, **Willie Hamilton,** a Scottish legislator who thinks the monarchy is immoral, yesterday urged the withdrawal of Margaret's royal "annuity."

He added his voice to that of several British newspapers which sharply criticized Margaret over the weekend for enjoying what they called an unconventional private life that was not up to royal standards.

In her first public appearance since her legal separation from Lord Snowdon was announced last Friday, **Queen Elizabeth** II's sister was scheduled to attend a naval ceremony aboard the guided missile destroyer Hampshire on the River Thames tonight.

It will be an evening of memories for the 45-year-old princess. The ship is being taken out of service and sent to the scrap yards 14 years after Margaret and her husband, then Antony Armstrong-Jones, launched the vessel in Glasgow.

The princess returned from weekend seclusion with her family at Windsor amid growing public scrutiny of her royal duties for which she is paid a $70,000 state allowance. Queen Elizabeth II receives $2.8 million.

Hamilton urged Chancellor of the Exchequer Denis Healey to consider withdrawing Margaret's state salary because her jet-setting social

'I'm a trumpet...the sound's from Russia'

By JACKIE
D&C Staff

D&C photo by T. Gordon Massecar

Poet Constantine Kuzminski

"I am a smuggler Constantine Kuzminsk another cigaret.

His teeth were sta the black, Russian br to smoking — and drink.

Chroniclers of hi reported the "grace Kuzminski's early often "blurred by dri "It's all true," reports, and he smile poet if he is gifted n am 36. I have to do to do everything I st my life."

He was kidding ab but he was serious smuggler of poetry.

KUZMINSKI is a refugee from the So was in Rochester yest public reading of hi University of Rochest

He left Russia last taking part in sever open the Soviet Unio other than Socialist official art form of th

He said his notebook poetry of Russia's porary poets — enoug anthologies he plans to works.

"I have some here trumpet," he said, comes from Russia."

Kuzminski began adventures that ende flight in 1974.

IN SEPTEMBER of supported what has co in the Western World a er Exhibition." Several ers, refused permiss their work, held their o vacant lot. Kuzminski heard of the plan lo immediately authorized project for the lot.

"They came with the trees," he said. "But forgot about the trees.

Эпиграфом возьму:

"His clear mind and graceful accents of only a short time ago are now too often blurred by drink..."

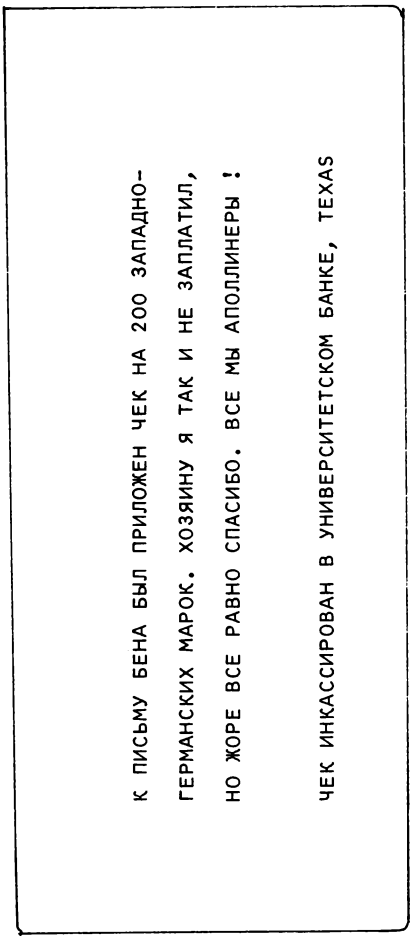
(Suzanne Massie,
"THE LIVING MIRROR")

ВОСЕМЬ лет назад. Для русских - перевожу:

"Ясная память и, совсем еще недавно, грациозное исполнение теперь зачастую затуманены алкоголем..."

/Сюзанн Масси,
"ЖИВОЕ ЗЕРКАЛО", 1972/

Ничего, помним еще маненько. Половина антологии сделана НА ПАМЯТЬ /пропитую 8 лет назад/.

Литколлаж Г.Бена и ККК.

A L'AUBE DU 5 OCTOBRE
1899 LE POETE GUILLAUME
APOLLINAIRE QUITTA CETTE
MAISON OUIL VECUTUNE
SAISON DE SAJEUNESSE

/Эта надпись на здании отеля в Ставелоте /Бельгия/ оповещает о том, что здесь останавливался Гийом Аполлинер. Известно, что утром Аполлинер смылся, не расплатившись, но об этом надпись умалчивает /хотя намекает/.

/Из письма Жоры Бена/

Таковы поэты.

Я свалил с моей предыдущей квартиры в Остине /403 B E 30th St./ не заплатив хозяину, мистеру Иби /и его мать/ за два месяца. Так и ждет.
Домик О'Генри в Остине имеется, и в том же виде, поскольку за квартиру он, полагаю, платил.
Но он был не поэт.
Солженицынский Вермонт тоже, сомнений быть не может, сохранят.
Для благодарных потомков.
А у его соседа там черная смородина растет, мне Алик Гинзбург говорил. В грибы бы... Или в огурчики... Под что нищему поэту выпить чтоб...
А за квартиру я и здесь уже месяц не платил! Подождет.

Папа, мама и я. Портрет матери работы Дроздова, лауреата Императорской Академии художеств.

Я ДО 1957 ГОДА

/первый период творчества/

Поэт Олег Александрович Охапкин, основоположник нео-нео-акмеизма, утверждает, что первым написанным им стихотворением была дразнилка:

Я спросил у тети Моти:
- Тетя Мотя, что вы трете?
- Жопу луком к четвергу,
Я иначе не могу!

Я за собой таких совершенных дразнилок не помню, но твердо помню, что в детстве я был гениальнее, чем сейчас. И был я тогда, естестественно, формалистом. О существованиии каких обэриутов я и не подозревал, выросши на вольфовских однотомниках Гоголя и Лермонтова, юбилейном 1937-го года Пушкина и такого же размера Маяковском. Помимо этого я читал что попало, поскольку читать научился не то в 3, не то в 4 года. Матушка моя, учительница, эвакуировала детдомовских детишек из Ленинграда в село Сулость Ярославской губернии, на озеро Неро, напротив Ростова Великого, и пока матушка ходила по деревням, вымаливая картошку для детдомовцев, они-то, поскольку все были постарше, меня и воспитали. Особенно Люсики-Усики, как я ее называл, сейчас вроде тоже директор детдома. Матушка была завучем. Без ее ведома детишки и выучили меня читать. Году в 44-м мы возвратились из эвакуации, идем с матушкой по городу, и вдруг я это так явственно читаю: "Пи-во". "Что это ты говоришь?", спрашивает матушка. "Да нет, это я ищу - где тут "Воды" написано!" Уже тогда я был опытным лицемером и скрыл свою последующую страсть к пиву. В первом классе /рассказывает матушка/ учительница оставляла меня читать детишкам, сама же смывалась с урока. Стою это я, носом едва до стола доставая, и урок им читаю. Зато чистописанию я обучаться категорически не хотел. Или садился на пол переобуваться к следующему уроку /физкультуре/, или к буквам в тетради - ручки-ножки пририсовывал, чтоб не падали. Имел стабильную двойку по письменному. Зато сейчас у меня почерк - почти как у Ремизова. Матушка выучила. Брала она бельевую веревку, сложенную вдвое, вставала рядом, "Пиши, говорит. С нажимом - легко, с на-жимом - легко!" А я - одним глазом за веревкой, другим - за пером. Так и научился.

Году в 52-53-м /я - помню?/, уже в английской школе, где обучался с 49-го, с открытия ее, я начал писать стихи. Одно из первых, что помню, относится к Шекспиру, проходимому нами тогда:

Жил принц Гамлет,
Любил омлет.
Раз принц Гамлет
Сел есть омлет.
Пришел Макбет
И съел омлет.
- Умри, Макбет! -
Вскричал Гамлет.
Схватил стилет -
И мертв Макбет.

Ударения и тогда меня не очень устраивали. Поэтому менял их по своему разумению.

Следующий текст представляет собой отрывок эпической поэмы об ученике Лене Надирове, армянине, впоследствии - сотруднике органов КГБ /таких у нас было - трое. В 74-м году я встретил в бане на Фонарном лысого и толстого Леньку Гунина, в чине, не соврать, капитана. Надиров же, вроде, выше лейтенанта не пошел. Третьего по имени не упомню, но говорили/. Помню только конец:

Дрался д'Артаньян шпажонкой,
А Надиров-шах - книжонкой.
Дрались, дрался они,
Не считали вовсе дни
И додрались до того,
Что убили одного.

А кого из них убили -
Знает лишь отец Рахили.

Тогдашние васибетаки все у меня допытывались, какой это Рахили отец, и при чем он здесь, на что я отделывался незнанием. Не знаю и по сю. Но - какой сюрр!

Потом уже следовали непосредственно дразнилки, выполненные все в том же изящном сюрреалистски-обэриутском ключе. На Вадима Прозерского, моего лучшего друга, ныне преподающего ... эстетику в ЛГУ /а в школе писал прозу и соредакторствовал со мной стенгазету "Жало"/:

Проза наш молокосос,
Покупает он насос
Перекачивать водичку,
Чтоб достать из лужи птичку.
Проза наш большой дурак,
Только так, и только так!
Он купил себе калоши,
Не сдержал он легкой ноши,
Носом шлепнулся он в грязь
И запачкал свою бязь.
А потом полез в Фонтанку,
Вытащил оттуда банку,
Налил он в нее чернил,
Покрестился и выпил!

Как видите, до лицейских стихов Пушкина далеко. Державин меня не благословил бы, хотя в гроб явно сошел бы. Но меня интересует не державинсо-коржавинское благословение, а природа творчества. А здесь она обнажена. С ударениями же - полный завал: выпИл! А перед этим еще не влезшее - покрестился!

Следующее посвящено Коле Ефремову, блестящему в школе художнику, который, когда я его встретил 13 лет спустя, мечтал стать барменом на заграничном теплоходе. Грустное было зрелище. Те из нас, кто не пошли в физики /а пошло - больше половины/, пошли кто куда: в КГБ, на кафедру эстетики, в бармены, я вот - в профессора, но меня скоро выгнали за бездипломность. Поэтому продолжаю писать стихи.

У Ефремова на плешке -
Кляксочка чернильная.
У Надирова в кармане -
Палочка ванильная.
Ефри лысина блестит,
Как у солнца шар,

Ефря нас благодарит
За землицы ар.
Вырыл он себе могилу,
Наложил побольше илу
И улегся почивать
В эту грязную кровать!

Так что, если судить по вышеприведенным стихам, я уже был готов к принятию Крученыха и Хлебникова. А какая грамматика: "у солнца шар"!

Но 14-ти лет решил еще попробовать свои силы в реализме. Прозерский затащил меня в ЛИТО Дворца пионеров, где я прочитал своего "Дон-Кихота". Реализмом там не пахло, правда, с самого начала:

Сервантес был, однако, неплохой писатель.
Он написал книжонку "Дон-Кихот".
Но был словами он большой бросатель,
И делал иногда неверный ход.

И далее:

Напав на мельницы, чудак наш получил побои,
Но это не сломило его дух:
Он жил в лишеньях, как живут ковбои,
Напал на агнов стадо и разбил их в пух.

И кончалось:

Он умер чудаком, но так ему и надо:
Не надо дела затевать,
Коль у тебя вместо главы -
Бутылка из-под лимонада!

Нет, я все-таки иду более от графа Хвостова, нежели от Гаврилы Романыча. Во дворце пионеров этого не оценили, и я стал переучиваться на классику. И уже почти переучился, но тут кто-то принес в класс Хлебникова и Маринетти. И все пошло насмарку. В 56-м году, наряду с "Куртыбаем", я написал целую книгу "футуристических стихов", писал которые в бухгалтерской книге на уроках и читал все тому же многострадальному Диме Прозерскому, моему Дельвигу. Книга позднее, в 1963 году, была издана издательством "БэТа" тиражом в 1 экземпляр, а в 1968 году подарена Мадонне Войтенко. Привожу, что сохранилось, по памяти:

В окно взглянула морда дня.
Рыгая и урча спросонья,
Локтем опершись на меня,
Привстала на постели Соня.

Она икнула пару раз,
С постели слезла и к столу
За водкой босиком прошлась.
Потом оправилась в углу

И вмиг в постель ко мне забралась,
Вдавив в перины жирный зад.
Рубашка до лица задралась,
Открыв пленительный фасад.

2

У уса появилась морда
Сияя вылезли глаза
А ветер начал дуть вдруг с норда
Снежком плюясь на нас а за

Пузатым боровом ненастья
Блистая сытой чешуей
Хрипя расширенною пастью
Неслась корова за свиньей

3

Усатый луч взглянул в окно
И осветил нахально стены
Угрюмо мерин пил вино
А во дворе старик ел сено

4 Фиолетовый голос барана
Прозвучал в тишине утром рано
А свинячий ржавый визг
Бил в глаза как солнца диск /писк/

5

Красная морда
Сияя усами /глазами/
Плыла извиваясь
Широким сазаном

6

кусая лягая плюя и рыгая
боролись два чорта от страха икая
а дьявол встопырив глазницы на них
в уме сочинял воспитательный стих

7

.....
все грешники в аду вопили
вертясь на жаркой сковородке
а черти смачно водку пили
и били грешников селедкой

8

Речным поросенком несли антилопу
По белому лугу схвативши за жопу
Сияя копытом и носом лохматым
Летел чертененок как дьявол косматый

Шныряя ушами глаза растопыря
Схвативши за крылья несли нетопыря
И впившись зубами в усастую кожу
Плевали со смаком в зеленую рожу

Борьба моя с классицизмом выражалась в:

ИДИЛЛИЯ

Рыгая и урча желудком,
Мы шли по берегу Невы.
Глаза твои, как незабудки
Сияли, ты сказала: "Вы...

Ты - плод души моей полнощный,
Мечта, любовь моя и свет!"
А я стоял Гераклом мощным,
И весь дрожа, промямлил: "Нет!..."

Это уже влияние читавшихся мною тогда Щербины и Козьмы Пруткова.
Но классицизм победил /не без участия извне/. И к 1957-му году я пришел с:

ДВЕ МУЗЫ

Передо мной в ночи звенящей
Стояли юныя две девы,
И сладкой влагою пьянящей
Из уст одной неслись напевы.

Она дарила мне веселье,
Сиянье уличных огней,
Роскошныя разврата кельи -
То было все подвластно ей!

И я смотрел, как пораженный
На бедра узкия и плечи,
На стан, безстыдно обнаженный
И слушал вкрадчивыя речи.

Другая - в стороне стояла,
Сурово опершись на меч.
Кольчуга строгая скрывала
Живую прелесть нежных плеч.

Она ни слова не сказала,
Но я стоял, застыв как камень:
Ея глаза дробили скалы
И с алых уст срывался пламень!

Но я, я выбрал путь разврата -
Пошел за блудницей нагою.

Хоть то была мечты утрата,
Я не посмел пойти с другою.

За нею - шли души Гераклы,
Из сильных сильныя Антеи...
И горько, горько я заплакал,
Но все же - не пошел за нею.

Вот так писали-с. Одновременно. Была еще и третья ипостась, "Партия". На пари с Димой Прозерским /что напечатают/ было написано следующее:

15-й год. Мировая война.
Крови - море. Хлеба - нет.
Но тут - возглавила нас она,
Вперед повела дорогой побед.

17-й год. Буржуйская власть.
В душу лез обещаний газ.
"Хватит! Довольно! Нанюхались всласть!"
И тут она возглавила нас.

19-й год. Интервенция, белые.
Но вновь она возглавляла народ.
Шли впереди коммунисты смелые,
С единым девизом: "Только вперед!"

21-й год. Введение НЭПа.
"Учитесь торговать!" - сказал Ленин.
Мятежники бились за власть свирепо,
И праведной кровью знамена алели.

Страшный 24-й год.
Ленин умер. Нет вождя.
Но партия вновь возглавляла народ,
Вперед, к коммунизму его ведя.

Были среди партийных масс
Лютые наши враги подчас.
Но выявил этих врагов народ
И с партией вместе пошел вперед.

Партия только тогда сильна,
Когда народу верна она.

Послал в "Смену". Не напечатали. Пригласили на ЛИТО. На консультацию. Пари я проспорил, а надо было - не в "Смену" посылать! А куда поменьше. Стал бы сейчас - Аквилевым. А то - до сих пор ни одного сборника не напечатано! За вычетом изданных неутомимым Борей Тайгиным. И утерянным - мною. "Стихи из Занзибару", к примеру. Петя Чейгин сборник свиснул, а Вася Бетаки без спросу в "Гранях" напечатал. И вдобавок, переврал. Я вот не вру. Я за свою память - ручаюсь.

П О Э М Ы

Поэма "Томь" написана за 4 часа в январе 1962, в деревне Родионово, что под Томском. Ехал я на автобусе, после звонка в Ленинград, Евгении Давидовне Жмудь, моей тогдашней платонической любви и породил строчки "Омичи и томичи...", ставшие потом эпиграфом.По возвращении в избу, улегся я на кровать свою без простыней, покрытую лоскутным одеялом, и принялся писать в блокноте. Начисто. Вся поэма, с ничтожнейшими поправками, была выдана за столь короткий срок - 4 часа.

Это было первое мое "монументальное" произведение. Хотя поэмами грешил с детства. Первой была "Поэма о Куртыбае", написанная в 16 лет. Начиналась она:

О шапсуги и бжедуги,
Абадзехи, темиргои,
Бесленеи, племя смелых!
Вы не знаете породы
Несравненного бечкана,
Иль /чего-то/, иль жиращы!

Поэма была длинная и большей частию написанная по-адыгейски, размером "Гайяваты" или "Калевалы". Посвящалась она моему другу детства, Ачердану Нуховичу Абрегову, сыну Нуха Зульхаджевича Абрегова, чья сестра, Заргуащ, прочилась мне в невесты. Адыгейский язык я очень люблю и по сю: Пс'т'эк'у /дай мне воды/, пх'ач'ич /трещотка/, ч'эт /курица/, ч'эт'ч'он'чэ /яйцо/, пс'ыхуа /река/, х' /море/ и другие слова. Язык этот слышал Бестужев-Марлинский, Пушкин, Лермонтов. Но на них он подействовал меньше. Река Псезуапсе, на которой я работал осенью и зимой 1961 года, равно и Туапсе - адыгейские /черкесские/ названия.

Так, с адыгейского, началось мое грядущее "говорение на языках".

Следующей моей поэмой была длиннейшая "колхозная" поэма "Сачки", посвященная моей первой супруге, Риве Ильиничне Шендеровой. Приводить ее не следует. Того, "классицистическая", вроде Ахматовой или Пушкина.

Затем, по весне 1959, последовала моносиллабическая поэма "Sister Death", посвященная, вроде бы, Марге Фроловой. Привожу из нее куски:

встал плебс
слаб хил
жрет хлеб
как бхил
мысль вон
мрак будь
нам вонь
нам блуд

И дальше я, естестественно, сорвался:

гелт гоулд
золото - всё
пусть холод
грудь сосёт
пусть - жар
дождь пусть
дро-жа
про-бьюсь
для баб
с ви-ном

дол-бал
сви-нья̈й
ко-пал
и рыл
для впа-
лых рыл
для крас-
ки губ
для пуд-
ры щек
с лю-дь-ми
был груб
день-гам
вел счет
нож рвал
хруст шкур
ав-рал
со шхун
со шхун
из клеш̈
в баш-ку
рвись нож

и тому подобное безобразие на протяжении 100 строк. Начиная с этой поэмы я стал писать "стострочники", которые не оставил и по сю.

В том же начале 59-го было написано еще некоторых поэм,"Стеклянные губы", скажем, с посвящением - И.Х., которой и "Туман" /13 октября 1959/.

В 60-м году я вернулся из тайги с двумя "стострочниками", помимо прочих несчетных стихов - "Тайга" и "Голубое". В "Тайге" я продемонстрировал типическую неграмотность поколения моего: многие слова мы лишь встречали в книгах, отродясь не слышав их. Поэтому путаница в ударениях - увы! Так, я писал:

И нет ничего, кроме страха,
и вяло тупеет боль.
Кривая сосны острога
проткнула месяца бок.

Ударяя, естественно, на предпоследний слог: остр0га, хотя не мешало бы - знать: острогА, кочергА, даже Юнна Мориц знает:

Тают в море острова -
Камня глыбы.
Ты вонзайся, острога,
В сердце рыбы!

Я же не знал. Поэтому пришлось переписывать, чтобы сохранить последующую строфу:

И тянется страха рука,
и вяло тупеет боль.
Кривая сосны острога
проткнула месяца бок.

И раненой рыбой мечется
в мутно-черной воде
отражение жирного месяца,
плавниками лучей водя.

Вся поэма, помимо рифм, была набита образами:

Закат в сотый раз алел,
клубились туманом сопки,
кустами рогов олень
бодал багровое солнце.

Ну и хватит. Так что, ко встрече с Колей Рубцовым я пришел вполне подготовленным, а уж по части рифмы - !

С рифмой было еще и до /1959/:

Просеянная сквозь сито
чернота Апокалипсиса
покажется синей звездой,
Вегой.
А пока липси сам
танцевать не умею,
я буду
пасынком века!

И это не что-то исключительное. Все мы рифмовали и рифмовали. Леня Палей зарифмовался до полного отрицания рифмы, "зима - зерна" Евтушенко казалось классикой, а "руки опускаются, / шторы опускаются" Кирсанова - становилось модерном.

Но о "поэмах". Вторая моя поэма "Голубое", написанная без знаков препинания - в одну ночь, наощупь, - /отсутствие знаков очень раздражало членов СП/ была зачитана на ЛИТО Вс.Азарова, со скандалом. Начиналась она:

голодом опоена
холодом освистана
проросшая на бойнях
блестящая и мглистая
прогоркнувшая кровью
на острие меча
придавленная кровлей
ненужная мечта
и верили наивно
как дети старики
и вешались на иве
нависшей у реки
а люди все же верили
смеялись жили плакали
распоротыми венами
тифозными бараками

и т.д. 100 строк. Этой мере я не изменил, как я говорил, и сейчас. /См. поэмы герметизма/.

1961 год, год встречи с моей нынешней супругой /пятой/ я, под влиянием Го-

лофаста, посвятил верлибрам /препаршивейшим/. Помимо - меня очень раздражал Пастернак, Мандельштам и Цветаева, которыми меня усиленно пичкали и моя супруга, и упоминавшаяся Джеки /Е.Д.Жмудь/. Слали и слали мне - в Феодосию, Лазаревскую, Родионово - переписанные и перекаканные рукописи этих трех. С тех пор и возненавидел. Крученыха они мне, положим, не слали. И Туфанова тоже.

Поэма же "Томь" - вобрала в себя все "трэнды" футуризма и смежных: Городецкого /периода "Яри" - цитаты из "Писем о русской поэзии" Н.С.Гумилева/, Велемира и Крученыха, Каменского /особенно/ и т.д. Помимо - обширнейший материал литературы о чалдонах - от Зуева-Ордынца /периода 1928/, до Арсеньева, Шишкова, Задорнова, Пришвина и т.п.

Помимо "филологического" общения с автором "Слова о словах", Л.В.Успенским, где я вырос, чтение мое всегда составляли /и сейчас/ - книги по этнографии, биологии, экологии, зоологии, антропологии, дневники всех путешественников - по Амазонке ли /полковник Фосетт и Арк.Фидлер/ или по Тянь-Шаню, Обручев, Дарвин, Миклухо-Маклай, Кук, Хейердал, барон де-Сегюр /дивная книга по Новой Зеландии/, Те Ранги Хироа, Робертс и Кэрвуд, Дарелл и Сэтон-Томпсон, Спангенберг, Г.Успенский /не тот, который "Нравы Растеряевой улицы", этот само собой, а - "В дебрях Забайкалья"/, настольными же книгами были: журнал "Вокруг Света" за 1928 год - издательство "Красная Газета", Ленинград - не путать с московской дрянью! и - монография начала века "Народы мира" /без обложки, но с тысячью иллюстраций/.

Вот, собственно, и вся литература, оказавшая "влияние на мое становление", как поэта. В большей степени, нежели классики.

Поэтому и Томь я - живописал с любовью, но не с натуры - был-то я там с декабря по январь! - а по Пришвиным и Зуевым-Ордынцам. По Г.Успенским и Спангенбергам. По алданским рассказам А.Сахарова с иллюстрациями Н.Кочергина и Фитингофа. По книгам Платова /"Страна семи трав"/ и Линевского, Покровской и Рони-старшему. По людям, которые умеют писать вкусно и по людям, которые умеют писать документально. И по сю - лучшей вещью Паустовского считаю - "Кара-Бугаз-гол". Пришвина же - "Белый араб".

Читал путешествия Крашенинникова и Обручева /лучшая его книга - "В дебрях Центральной Азии"/. И все это, пополам с Хлебниковым - намешалось в "Томь". И - конечно - Каменским. Каменский, с его уральской сочностью, был самым "почвенным" из футуристов. Недаром нашел общий язык с Есениным.

Есенин повлиял на меня круто, но - в течение одного месяца. В январе 1958 был я в селе Лубенском, под Новгородом. Лягушек ловил. И - именно в январе. Они зимуют в незамерзающих ключах /крыницах/, под срубом. Закинь сачок - и тащи, сколько надо. Жили мы с Наташей Князевой /моей долгой любовью/ и Андреем Поповым, а также Григом Баранюком и Боссом Тихомировым в избе у вдовы тети Паши. Деревенька малюсенькая, 25 верст от железной дороги, от станции Кабожа. Колхоз льноводческий, но льна я там мало видел. Мужики, в основном, рыбалят на озере, а бабы - собирают клюкву и везут ее мешками в Сталинград, скажем, где продают по рублю /старыми/ за стакан. Тем и кормятся. Но это 20 лет назад. У тети Паши мужика убили в войну, справлялась сама. Мяса и не пробовала, но кадка с квасом стояла у дверей, хлеб да картошка со своего огородика - вот и все. А на постное маслице - ну, подработает там в колхозе. Изба большая, печка - в полизбы, на запечье я там маялся в гриппу, а потолок оклеен довоенными газетами: Молотов там с Риббентропом обнимается, флаги со свастикой и советские на Красной площади - вся история России. И тараканы шуршат за печкой, и "у порога в дежке квас" - ну как тут не заесенинствовать! И Наташа рядом. Вот и напосвящал я ей стихов - в день по десятку писал, а приводить здесь не буду.

И в 62-м году, в Родионово - намешались впечатления прошлые, а жил я в из-

бе у переселенцев из средней России - олухов и лентяев редкостных. Мужик сачковал в конюхах, приходил и валился в навозных валенках прямо на мою постель в боковушке, еле отучил. Баба же, тетя Маруся, была и того похлеще: на столе гора посуды грязной, просишь: "Тетя Маруся, налей молочка!", берет первую попавшуюся чашку, пьешь, а на дне - волосы и сахар. Дочка, косоглазый мордоворотик, невеста Нина, на выданье, соком набухла, сидит, руки сложив, да сынишка придурочный. И все хозяйство - из рук вон, сени к избе с лета не пристроили, зимой под дверь сугробы задувает,как тряпками не закладывай, и сама изба - стенки из бревен нетесаных, одно поширше, другое поуже, волной, и сортира нет. Питался я, в основном, хлебом с чесноком, весь чеснок у них со шкапа поел, а по субботам отправлялся в Томск, звонить в Ленинград любимой. Денег я получал прилично, рублей 120, а на харчи и квартиру - 30 уходило, поэтому покупал каких попало книжек /ну какие там, в Томске, книжки!/, помимо тех, что присылали. И по субботам, после лирического разговора с моей любовью-психиатршей, отправлялся я в кабак. Тогда еще кормить кормили, и заказывал я там водочку под осетринку, рябчика да сухие вина, и кофе под коньячок. Кайфовал, словом. В лыжных штанах и ботинках, не то валенках, как чалдон-старатель. А потом, от поселка Бахтин, от автобуса - пять верст по снежку - ляжешь - мороз не мороз, тепло - звезды сквозь сосны, тишина. А наутро с похмелья - "Тетя Маруся, рассольчику нацеди!" Ковш с рассолом ледяным и мокрыми огурцами /погреб худой, огурцы в слизь померзли/. А сортиру нету. За овином, на снежку, на сорокоградусном морозе - огуречными семечками с поносу свистать! Зад весь поморозил. Поэму "Проблема сортира" написал, Безменову посвятил. Опубликую потом. А работа - три раза в день на речке температуру льда и воды /электротермометром/ замерить, да воздуха /термометром-пращой/. Ну, мерил я один раз в день /а когда и ни разу/, в журнал же - из пальца сосал. Потому - писал очень много, круглосуточно, как сейчас. Читал, что попало /для разрядки и зарядки/, лежал на койке и писал. Стихов по 6 в день не то выдавал, да письма. Родионовская осень.

Стихи, надо сказать, были зело эклектичны, а потому плохи. Я всерьез-то начал - в 67-м году писать, а до этого - что? Ну, "Туман" /20 строчек/ в 1959 году, "Томь" /400/ в 62-м и - баста. Остальные, добрые 3 000 стихов, по теперешним моим меркам - никуда не годятся. Потому и не привожу их здесь.

"Томь" же - привожу. По совету жены - кусками. Хотя как я из нее кусков накрошу - понятия не имею. Одним дыханием делалась. Прочтена была в феврале в Союзе писателей. Восторженная Наденька Полякова выпустила. В черной гостиной. Я же - мальчиков своих, Кривулина и Пазухина, после себя представил. Народу в зале было человек 50-100 /сколько он там вмещает, надо у Эткинда спросить, он хвалится, что с пионерского галстучка там вырос, а я и был-то - раз пять/. После моей "Томи" Витюша Кривулин читал:

Нас как хлыстом стегает
Холстов академичность,
Посредственность седая
Хлюстов фотогеничных!

.....
У нас - другое, ярче,
Стозвонней и стоцветней -
Рубиновые мячики
Зари рассветной!

Вите тогда было /сейчас посмотрим его куриной лапой написанную автобиогра-

фию/ - 17 лет.

И началось. Мама! Вылез поэт Сеня Трескунов /постоянный поставщик "Смены"/ и заявил: "Я семнадцать лет токарем проработал!" Я /с места/: "А какое это отношение к поэзии имеет?" Сеня подумал и сказал: "А вот ваши стихи - оскорбляют хороших седовласых поэтов!" /допер таки!/. Я /с места, кричу/: "Хорошие поэты не доживают до седых волос!" А в президиуме ... как на подбор: седовласые - Браун, Ойфа и Людмила Попова! Встает Браун: "Я, говорит, оскорблен!" "Николай Леопольдович, - кричу, - так ведь это же - аксиома!" Браун подумал и говорит: "Я не за себя оскорблен. Я за Сельвинского!" Я: "А Сельвинский - приятное исключение!" Ну, после этого, меня, ясно, в Союз перестали пускать /выпускать на сцену, по крайней мере/. А еще вышла рыжеголовая девушка: "Я, говорит, люблю в стихах - иррациональное!" Что это такое, я и посейчас не очень представляю, но девушка оказалась Ларисой Максимович, которой той же весной я посвятил стихи "ЛаЛа" и "Оранжевая", которые, хоть и за скудостью места, все-таки приведу. Перед "Томью". Или лучше, после. Оно и хронологичнее.

Браун же, какой ни говенный поэт, а профессионал. Со слуха, из четырехсот строк пения-выпевания, указал мне строчку: "Да на пузе - узко". Действительно, кошмар. Взялся исправлять, поменял на "Пропотела блузка", путем чего всочилась в поэмку единственная доделанная главка "Август" /вроде, и лучшая в поэме/. Так что Брауну я благодарен. А то, что он член и соцреалист - это уже окупилось: сын, тоже Коля, в фашисты пошел, и вроде, еще сидит, вместе с Сережей Мальчевским, Гогой, братом двоюродной сестры моей бывшей четвертой жены. Кто-то из них сидел, вроде, с Синявским. Написал я из Вены четыре года назад Синявскому поклоны /просили передать/, так до сих пор не ответил, все журнал издает. "Синтаксис". И меня не печатает. Правда, я туда и не давал ничего. Но это - о тесности мира.

Эта весна, весна 62-го, была очень продуктивной. Помимо организации "первой звуковой школы" /я, Коля Рубцов, Эдик сбоку-припеку, из мальчиков - Кривулин и Соколов, Пазухин тогда уже писать переставал/, было читано немало. Где читали и кто с кем, уже категорически не помню. Летом Коля уехал в Литинститут, Кривулин заныл свое "Оставьте все меня, оставьте!..." /влюбившись безнадежно в Машку-мордашку/ и несостоявшаяся школа развалилась. Возродилась она спустя 5 лет, с новыми силами - Куприяновым и Алексеевым, но о них - в 4-м томе.

Я же - витийствовал. Читал свою "Лалу-Лалу", "Оранжевую" и "Пиво-пиво" везде и повсюду, но по лету попал под тлетворное влияние Бродского и завыл, и если бы не сбежал в экспедицию в низовья Лены, не знаю, что и было бы. Уже интонации бродские стали появляться. Это оттого, что я читал его всем и каждому по 10 раз на дню. У него к тому времени были созданы гениальные "Богоматери предместья...", "Холмы" да и многое прочее. Тогда мы и готовили с Гришкой и Борей его сборник.

На чтении же "Томи" произошла и моя встреча с "литератором Б.Тайгиным", как его называет Кожинов. Боря подошел ко мне, сославшись на Юрия Паркаева, которого я в каких-то ЛИТО встречал, и тут же предложил мне участвовать в альманахе "Призма". Первый номер "Призмы" уже вышел в Москве на ротаторе, и в нем участвовала, помимо Бори /или нет, это в нашем/ одна из жен Морева, Шурочка Базановская. Второй же /наш/ номер альманаха не вышел, поскольку девица, на квартире у которой стоял ротатор, поссорившись с мужиком, пошла на него доносить в КГБ, и все разбежались. Боря же с тех пор стал моим первым /и последним/ издателем. Любимым.

Вторым подарком этого чтения, помимо эпизодической Лалы, была встреча с художником Валей Левитиным, который, возлюбив мои стихи, зазвал меня посмотреть свои работы в Гавани /тогда он еще жил с родителями, и там нельзя было курить/. Надаренные мне офорты того периода целы до сих пор, а вот монотипия осталась одна. Левитин повлиял на меня больше, чем все остальные художники, но о нем - особо.

ИЗ ПОЭМЫ "ТОМЬ"

"Омичи и томичи -
точат чёрные мечи.
За обиду будет бит
главный вольник их обид!

... И хохочет чёрным ртом -
Томь."

Там, где Томь в затоне тонет,
где кошмою - камыши,
только -
тонкий лебедь стонет,
только - нету ни души.

Над рекою - частокол,
древней двери косяки.
А в воде -
за частиком
ходят нельмы косяки.

За стеной - не мёд ведь:
матицы
брус
никнет!
Ходит медленно медведь
по сухой бруснике.

Еле-еле
дремлют ели.
Рядом снег -
сник.
А в избушке
по неделе
спит лесник.

Рядом -
белые поляны,
там, где лес - лыс.
За глубокими полями -
чует лось
рысь.

Пробираясь по чащобе -
куст таит
хруст.
Сердце бьётся учащённо,
словно грусть - груздь.

Сверху - небо,
снизу - небо,
а с боков - снег.
Вьюга вьётся,
поле - немо,
ветер рвёт
смех.

На току
снег толкут
глухари глухо,
а вокруг -
бестолку
ветер рвёт
ухо.

Зима. Синяя.
Зима. Белая.
С инеем
деревья
укрывают белок.

Охотник - ник.
Ствол - за ствол.
Мимо них
прошёл волк.

Рысью, рысью,
лошадь!
Серой рысью
воет леший.

Лес...

.....

Ты не май меня!
Запах трав - густ!
Ты поймай меня,
поимей меня,
август!

Доченьку я выношу,
красавицей сделаю.
Ах, смутят вьюношу -
груди её
спелые!

Ты присунься близко,
навались глыбой!

Рви на мне блузку,
мни мои груди,
милый!

Ах, стога, стога -
словно груди, дрожат!
На стогах - стонать,
под стогом -
рожать.

Журавли меня пролётом
назовут по имени.
Отзвенело бабье лето -
сединою инея...

.....

Баушка, а баушка,
расскажи!
Баюшки-баюшки,
не дрожи!

За окошком -
ветер воет,
поле - ёжится в снегу,
за деревней - ходят волки
и добычу стерегут.

На бегу -
в бровь!
На снегу -
кровь!

И метель с метёлочкой
квочет, словно клушка.
Четверо -
над тёлочкой.
Вой.
Глушь.

.....

Ручейки -
оравой -
дразнятся:
Поймай!
Это -
по оврагам

пробегает
май!

Пой, май!

Зеленеет пойма,
зеленеет лес.
Веселящим пойлом -
синева небес!

Синяя, синяя,
сильная весна!
Сына я, сына я
солнцу принесла!

Солнышко,
сонное,
добрые глаза.
Сотнями, сотнями -
птичьи голоса!

Весело, молодо,
ни золы ни пепла!
Солнце -
молотом -
в наковальню неба -

бей!
Чтобы стало голубей!
Бей!
Чтобы -
стаи голубей!
Бей!
Бей!
Бей!

Солнце скачет весело -
высоко-высоко!
Лезет птичье месиво
ворковать в осоку.

И совсем без роздыха
/только берега там!/ -
скачут рыбы в воздухе
к бурным перекатам!

Течёт половодьем Томь,
связана страшным обетом.
И можно мечтать - о том
или - об этом...

И снова -

сердце томит
весной,
весной на Томи...

20 ч. 40 м. -
23 ч. 15 м.
20 января 1962
село Родионово.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Братец Борька, гидролог и охотник, по прочтении поэмы сказал, что нельма - хищная рыба и "косяком" не ходит, глухари же - зимой не токуют.
Л.В.Успенский, в своей 20-тистраничной рецензии на сборник "Ассорти" /куда входила и "Томь"/, 1963, помимо того, что отметил "словесное богатство поэмы" по отношению к другим стихам, как 1:1000, заметил, что "осот" - типичный сорняк пашни и в лесу не растет. А если моей любимой книжкой было "Открытие мира" какого-то В.Смирнова, о деревенском детстве и все реалии, переврав, я почерпнул из нее. Там чего-то про осот точно было. Трава, всяко. Но в той же рецензии Л. В. изъяснил мне за строчку в других стихах "Где дикость индиго и пальмы", что "индигоноска" - маленькая травка и живописать "дикость" наряду с пальмой - не может. Ботаник он, что ли? И вот тут-то он не прав. Про индигоноску я и не знал /спасибо!/, а индиго, как экзотическая кубовая краска, привозимая из Индии - это уж точно! - скорее относилась к небесам, нежели к растительности. Это никак не "голубые воды Ганга" Анны Андреевны Ахматовой! Идиот, и тот знает, что вода в Ганге - мутная, как и в Хуань-хэ, "Желтой реке", от лесса там или от глины. А небеса цвета "индиго", глубоко-синего - для Индии - отчего ж!
Последний сборник "Ассорти" /неопубликованный, как и рецензия на него/ спер у меня семипалатинский журналист из павлодарской газеты "Звезда Прииртышья" Альберт Павлов, занимавшийся творчеством Вс.Иванова и рассказывающий, что у вдовы в Москве - ШКАФЫ неопубликованного этого автора /которого я люблю/, а также о судьбе Павла Васильева /где-то я уже приводил/, так что с Альберта и спрашивайте.

Кстати, в отношении этой "сибирской" поэмы - я все хочу поговорить о "колониальности" творчества русских писателей /о чем почему-то молчат!/, взяв и пушкинские фонтанны и пленников, лермонтовско-бестужево-марлинские дела, всю сибирскую тему в литературе, среднеазитскую, ну - за бальмонтовский туризм мы говорить не будем! - но вот "царскосельский Киплинг" о Гумилеве - это очень точно найденная В.Корниловым характеристика! Помнится, ругался я с Сельвинским в письмах за В.Португалова, где, в "Студии стиха" Сельвинский не усек киплинговских интонаций у лагерника и камчадала Португалова:

Русский, Чириков Алексей
И датчанин Шпанберг Мартын,
Чаплин, гардемарин,
Штурмана-англичане - Вензель и Моррисон...
Юнга - Вилин Буцковский. ...Сквозь сон
Проплывают года и события... /В.Португалов/

Как иногда только - поминают Киплинга у раннего Тихонова /но и ... А.Прокофева!/.

For Kostya

21 декабря 1978 года * № 291 (19434)

Лев Васильевич УСПЕНСКИЙ

18 декабря 1978 года на 79-м году жизни скончался известный советский писатель Лев Васильевич Успенский.

Советский ученый, педагог, писатель, Л. В. Успенский начал свой путь красноармейцем, участвовал в разгроме белогвардейских банд.

После окончания гражданской войны Л. В. Успенский преподает русский язык в вузах Ленинграда, является редактором только что созданного журнала «Костер», основывает и руководит в предвоенный период Домом занимательной науки.

В 1937 году выходят его первые книги для детей. В 1939 году он становится членом Союза писателей СССР.

С первых дней Великой Отечественной войны Л. В. Успенский — военный корреспондент, участник обороны легендарного Ораниенбаумского пятачка. Страницы военной биографии писателя позже нашли отражение в книгах «Пулковский меридиан» и «60-я параллель».

Около трех десятилетий Л. В. Успенский работал над совершенствованием созданного им жанра научно-художественной литературы — лингвистической беллетристики. Книги Л. В. Успенского «Слово о словах», «Ты и твое имя», «Почему не иначе?», «Имя дома твоего», «Загадки топонимики», «По закону буквы» и многие другие широко известны читателю. Писатель много выступал по радио и телевидению, на страницах периодической печати по актуальным вопросам сегодняшней жизни, развития нашего родного языка, совершенствования культуры.

Л. В. Успенский был большим знатоком Петербурга-Петрограда - Ленинграда и щедро делился своими богатыми знаниями. Его книга «Записки старого петербуржца» — большой вклад в историю нашего города.

Много сил и времени Лев Васильевич Успенский отдавал общественной работе, воспитанию литературной смены, встречам с читателями, молодежью. Неоднократно Л. В. Успенский избирался членом правления Ленинградской писательской организации.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Л. В. Успенского перед Родиной, наградив его орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями.

Светлая память о Л. В. Успенском навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей

Редактор А. К. ВАРСОВИН

ПЕРВОПУБЛИКАЦИЯ С КОММЕНТАРИЯМИ.

Дорогой "Дусе маленькой"
от автора.

Я это "Слово о словах"
Хотел слепить в таком бы смысле,
Чтоб у младенцев в головах
Оно проращивало мысли.

Но наших встречу я двоих
Англо-славянских стоеросов,
Смотрю, и в головах у них
Не вижу никаких вопросов.

Так пусть для этих двух зверей
Во времени возможно скором
/Уж вот - тем лучше, чем скорей!/
Хоть "Слово" зазвучит укором...

1954 19/X Лев Успенский

Автограф моей матушке, Евдокии Петровне Захарычевой, подруги жены Л.В., тети Шуры /моей крестной матери/. Была еще в доме и "Дуся большая", но я ее помню смутно. "Англо-славянские стоеросы" - это я и Левка. И еще двое - см. на предыдущей странице. На фото - Мишка Ручьев, я и тетя Шура, Володька Фруктов /сын концертмейстера и певички/ и Левка. Они меня в тот день довели /лет нам было по 11-12/, и в утешение дядя Лева устроил съемки. А тетя Шура все пыталась меня утешить. Особенно усердствовал Фруктов - он у нас в классе первый подлец был - посмотрите на его умильную улыбочку. Сам - никогда, он других натравливал! А Мишка и Левка были не злые, а просто охламоны. Одного Фруктова - мне случалось бить, но он один старался не попадаться. А уж против троих... Ну и я на фото, зареванный. Потом Фруктов имел амур с Эстер Вейнгер, Ручьев куда-то пропал, а Левка работает мясником. "Слово" же, как и прочие книжки о словесности Л.В. - и по сю мои настольные.

Фото - см. на стр. 621.

И рядом - другая публикация. Похоронка. В ней мы не упомянуты, как не упомянуты и дивные детские книжки Л.В. Зато - для денег сделанные /ЧТОБ БЫЛО НА ЧТО "СЛОВО" ПИСАТЬ/ - "Меридианы" и "Параллели", с генерал-майором Караевым, в соавторстве. Катал нас генерал-майор на своей "Победе", а у Л.В. машины никогда и не было. А книги его, лучшие, и любимые - Лев Рубус "Запах лимона" /фантастический детектив!/, "Купип" /детская книжка/ и переложение мифов Древней Греции - не упомянуты: зачем? Но выросли мы - не на параллелях и меридианах, а на них. Добрый он был, большой, в его валенок мы с Левкой - четырьмя ногами залезали! Шутки ради - силомеры в кулаке ломал! И злым я его - не помню. Даже когда "Книгу маркизы" пытались пропить! А тетя Шура - была просто теплая мама. У них я и жил, частенько.

О ЛЬВЕ УСПЕНСКОМ, БИОФИЗИКЕ, биоархитектуре, Баженове, Гауди, Митуриче и Викторе Николаевиче Сорока-Росинском

Науки возникают на стыке наук, голоса глаголят, поток информации сметает дамбы и клумбы, и все смешалось в доме Облонских. Литературу /язык/ рассматривают и посейчас в свете реализма /или нео-реализма, или нового романа/, но все в том же веке 19-м. Если же переходят к более новейшим исследованиям - то получается структурализм Лотмана, Тартусская школа, графики и фонограммы Панова и математические выкладки Гаспарова /на всем том же материале века 19-го, должен заметить!/. Помимо - ни графики, ни матемограммы эти - без специалистов, и иногда и инструментов их - не расшифруешь.

В целом же, даже самодеятельность ОПОЯЗА /например, "Звуковые повторы" Брика, которые я тщетно проверял, исписав 2 записные книжки - за что могли и посадить: уж больно смахивало на шифр!/ - опиралась на имена истэблишированные, все того же Пушкина и Лермонтова. "Сдвигология" Крученыха всерьез нынешними исследователями не принимается. Жуют мякину классики /тот же Гаспаров/, а о новых тенденциях в языке никто и не говорит. Да и то, если за "новый" принимается язык Ахматовой.

Виктора Некрасова от его однофамильца, Николая Алексеевича, и не отличишь /правда, если первый говорит о выпивке, да в киевских подворотнях... - !/, а вот от Андрея Некрасова, автора "Приключений капитана Врунгеля" - можно. У того хоть язык "морской" /на чем сделал свою карьеру Соболев, единственным рассказом!/, и у, Сергея Колбасьева, скажем. Того, который печатался в 1928 в журнале "Вокруг света", а не которого переиздали в 60-х. У того уже - не язык был, а блеяние.

У Леонида Соловьева тоже, в "Ходже Насреддине". Тщетно пытался я купить "Словарь тюркизмов в русском языке", но можно пошаршунить и Даля.

Теперь, о чем же это речь? А о Льве Успенском и его влиянии на современный язык. Академики его не ценят, потому - популяризатор. И не то, что бы "не ту попу лизнул", как говаривал мой братец, говорят, и это было, а - за доступность. Володя Крутиков, правда, под прямым воздействием книжек Льва Васильевича на филфак пошел, в чем мне сам признался /а сам нынче в Хьюстоне/, а не, скажем, Гаспарова. И это я не к тому, что Гаспаров не нужен. Но не Гаспаров /и не славянофилы!/ заголосил о русских именах и гибели их, а Успенский. Дали ему тиснуть "Слово о словах", а потом понеслось: "Ты и твое имя", "Имя дома твоего"...

В 64-м, вроде, или в 66-м, не знаю, я там 2 раза работал, ведут по ленинградскому телевидению очередной "круглый стол". В гостях - Успенский, Соллоухин и кто-то еще. Проверять не стали: заслуженные. Пустили прямо в эфир. А только - лепит Лев Васильевич с экрана следующее: "Тут, говорит, бойкий дядя в Москве, в Исполкоме, додумался: переименовать все улицы, "носящие религиозные названия"! Я бы, говорит, этому умнику, для начала, предложил: декретом - поменять все фамилии того ж, религиозного происхождения! Ну, мне - поскольку от "Успенья Богородицы", обоим Рождественским, Вознесенскому и даже - Олегу Попову, поскольку... того..." А тут еще Соллоухин подключился: "Чего это, говорит, нам - католическую церковную музыку по радио играют - Баха там, Бетховена, нет, чтоб то же - Чайковского там, Рахманинова - в католиков превратить хотят, что ли?" А "дядя из Исполкома" - аж в Москве слушал. Понеслись головы - ну, не Соллоухина-Успенского, и даже не директора телевидения /тому был только втык/, а помельче: редактора программы, да "слухающих" там. А что слушать - когда прямо в эфир? Это обычно, когда, с запозданием на минуту-другую, "недоверенных" пускают, чтоб матюки там выцедить, или сомнительное, да и то не всегда, о симферопольском потом.

Так вот, о географизмах, скажем, о стыке наук - филологии и географии -

стоит поговорить, и особо. По преданности партии, беспартийный Лев Васильевич - переименовку Питера-Петербурга защищает, но за менее важные - стоит горой. Роль же "географизмов" в языке - всегда была значительна. От экзотизмов классика Бальмонта - ну, с тем понятно: послаще и позаумней чтоб!, аж у торговца Даниэля Дефо - имеется толковое описание Сибири. По литературе географической, путешествий, того времени.

Литература о путешествиях просто - заменилась с течением веков на литературу просто иностранную, и абалоны /или мидии?/ Хэмингуэя стали столь же знакомыми, как и кальвадос и перно Ремарка. Почему-то никто не замечает, что роман Толстого написан наполовину по-французски. Лев Васильевич такое замечал. Помимо борьбы за чистоту языка русского, как такового, как человек грамотный /как и Чуковский, в своих жалобах "От двух до пяти"/, понимал он факт развития, а потому и изменения языка. Чему и меня научил, невольно. В доме ж у него вырос!

А вторым моим учителем, правда, по части выпивки - был ВИКНИКСОР, знакомый по "Республике ШКИД", Виктор Николаевич Сорока-Росинский. До него я пил, в свои 17, как все идиоты, с сыном Льва Успенского, тоже Левкой - "150 портвейна "777" на 50 "КВВК" - /коньяк выдержанный высшего качества/, на всех углах и во всех четырех /тогда/ забегаловках Невского проспекта, закусывая эту жуть, натурально, шоколадной конфеткой. Пил на деньги Успенского, отчего и погорел /позднее/. Виктор Николаевич же, когда я приходил к нему на Садовую, подле площади Тургенева /а как она раньше звалась?/, в полутемную комнатенку, сам полуслепой - пенсии у него, в аккурат, на сыр рокфор хватало, и на 10-12 метров жилой площади, всегда, прежде чем начать разговор за литературу /меня 1-я жена, школьная ученица его, ему - ПОЭТОМ представила, в мои-то 17!/, спрашивал: "Ну, что мы, Костик, сейчас будем пить? Мадеру массандровскую, или, вот у меня херес хороший есть?" А хересы и массандры - приносили ему родители учеников репетируемых, поскольку жил, как Ленин, уроками. И стояли они у него под столом, куда он лез, близоруко нагибаясь. Но потом, когда ученики, болтая ногами, переколотили у него пару бутылок - выставил их на стол. Потом начинали говорить за словесность, с бывшим аристократом, бывшим заслуженным учителем /а говорят - он был лучше Макаренки, только поэм не писал, писали о нем/, и... бывшим человеком. Погиб он где-то в 59-м, попав, по слепоте, под трамвай, а там и здоровому-то было опасно переходить: давили всю дорогу. Так вот, от Викниксора /а кто он - я узнал позднее/, я и узнал названия русских вин. А до того знал только портвейн. И мифический кальвадос, позднее, у Ремарка. Который потом сподобился выпить /см. где-то/. И несмотря на любовь мою к "Шато-Икем", "Аштараку", "Тетре" - пил, большею частию, что доступнее: гуталин и тормозуху /на Севере/, денатурат /на Черном море/, одеколон и прочее.

А какое все это имеет отношение к языку? А так, спросите у Бродского - где Большой Невер, Средняя Нюкжа, или Сковородино - сразу ответит, а насчет Алпатьевска или Акмолинска - еще задумается. То же и о винах. Может, он здесь рейнвейн экспортный от калифорнийского отличит, а там - пил, что дают. И пил не "за военные астры", и не "золотое, как небо, шабли" /у нас, почему-то, шабли больше связывается с народным: "На виноградниках Шабли / Два графа девушку... ласкали...", да и то, я полагаю, пришло к нам от каких гусар, вроде Виктора Николаевича - а он, вроде, и в гусарах был /см. его биографию/, или "Кадетских азбук", дошедших к нам через сто лет; а пил он, как и все: кориандровую, померанцевую, яблочное, сучок и много других напитков, в меню не установленные.

Почему же, все же, говорят о какой-то чистоте языка, грязи этой жизни не замечая? И вот, и Бобышев, и Нуссберг - говорят, в общем, каким-то вымышленным языком 18-го столетия, причем, правда, Нуссберг слово "ебля" /из любви и к слову, и к делу/ включает, Бобышев же - кокетливо избегает, как "непоэтическое". Оно,

действительно, кроме как в кадетском "Шабли" /а обучал меня, 6-ти лет, этому, как и всей кадетской азбуке - бывший кадет, и, полагаю, лейб-гвардеец - по росту! - дядя Костя, в доме у двух смольнянок, преподавательниц филфака/, нигде и не рифмовалось, разве - неоднократно - у Пушкина, но не в слове дело, а в деле. И тут идут выражения "шить дело", и другой ассоциативный ряд.

Я веду это все к тому, что выросши в доме у школьной учительницы, двух смольнянок, Успенского и Сорока-Росинского - язык я складывал сам. И не только я, но и... Ладно, оставим обоих. Но язык, язык, с чего я и начал...

И к которому придется вернуться.

2

Уже и тут, в казалось бы, автобиографической бодяге - запутался. Астры и Шабли подкосили. У Блока же, впрочем, "аи". Что это такое, не знаю. Полуобезьяну ай-ай /есть такая, как есть и мармозетки, и уистити, и гверецы, и.../ - это я, будучи, частично, биологом - знаю, а вот классику читать - словарь, а то и примечания требуются. А тут Ахматова: "Была soleil ты, или чайной..." - Диме, может быть, и нравится, а я знаю только "Розу канину" /что по-латыни - шиповник/, "канина" же от латинского "канис" /собака/, отсюда - "Собачья роза". И не та, не емблема "Бродячей собаки", которую Судейкин, по словам бывшей супруги моей, пьяный нарисовал, макая окурок в лужицу красного вина /какого? Кабернe? Но - полагаю - не "Алжирского"/.

Все смешивается: Успенский, Бродский, Судейкин, Ахматова, Петя Чейгин: "Увидимся. Свиданье расцветет / Черемухой алжирского вина..." /см. 4-й том/, и полуобезьяна ай-ай /какой ПОЭТ ее называл?/, и "личинки мокрецов семейства ПАЛПОМИНИНАЕ и СЕРАТОРОГОНИНАЕ" из каталога Камкина /а МОКРЕЦЫ Стругацких?!/, но суть не в этом. Суть в языке, о котором говорю, не переставая.

Играть с языком разрешается только в детстве. См. у Кассиля, Чуковского, многих. А как насчет Кэррола? Англичанам все можно.

Более всего меня в этой антологии интересуют поэты, работающие с языком. А их то - и менее всего! Остальные - просто им ПИШУТ. Не задумываясь, что и как, и откуда. Такова вся ахматовская школа и добрая - абсолютным большинством - половина поэтов.

Правда, Лосев говорит об англоязычных поисках Бродского /см. его статью в "Части речи", №1/, иные же - и много - говорят о "русскоязычности". При этом, как тупейший Александр Исаевич, онаго языка - не зная.

Сунулся я тут, бывши в Вене, в его корпуса и круги. Футурист, батенька!

"Пасмурь. В вытаинах росла желкло-коричневая трава, где мелкий сосонник и голубой песок. Припеленутый к русским перелескам и польцам, лежал в обмоте и укрючливо матюгался. Шитейные дела! Мешает разворотливой работе запетлистая болезнь, средолетние искорчины. От каждого переступа туфелькой седую простиночку Евгению Устиновну - новокупка из белья, ошарье или овершье полукартонных бланков, по крыльям которой прошлись расчисленные ножницы - жаргон! То есть феня."

И нет здесь ни одного слова моего. Все - Исаичевы. И только "новокупку" и "переступ" нашел я у Даля. На каком языке говорит футурист Солженицын? Мне сей неведом. Если это - РУССКИЙ язык, то я предпочитаю - писать на китайском. Что, впрочем, и делаю.

Итак, с одной стороны, у нас имеется "солейль" Ахматовой, с другой - "шитейные дела" Сола. Выбирай, что любо! А язык подождет.

Дорогой „Душе маленькой"
от автора.

Я зю „Слово о словах"
Хотел слепить в таком бы смысле,
Чтоб у младенцев в головах
Оно пирамидою мысли.

Но наших встреч я двоих
Анайо-славянских сюжетов,
Смотрю, и в головах у них
Не вижу никаких вопросов.

Тем пусто даже этих двух дверей
Во времени возможно старом
(Уж вот - тем лучше, чем скорей!
Хоть „Слово" задрожит пожаром

-1954 19/X

Слеф

Фотографии и автограф Л.В.Успенского.

В ПОИСКАХ ПАПЫ,
И БОЛЬШОЙ ВОЛОСАТОЙ ЛАПЫ

Соснору "породил" Асеев, Исаича - Трифоныч, Осю Бродского - полагаю, Анна Ахматова, Хикмет - Халифа, и только меня, похоже, никто не рожал. С 59-го года /а то и раньше/ - поэты тыкались к маститым. Впрочем, и Есенин не то к Мережковскому, не то к Блоку - а, к Городецкому! - "маляром" или полотером пришел. Всегда ходили. Благо, было к кому. В наше время стало потуже. Ходить было не к кому: ну, Ахматова там, Гнедич для переводчиков, а так - к Аквилеву? к Дудину? Ходят и к Дудину - поэты Геннадий Алексеев и Виктор Ширали. Плюются потом, но - ходят... А - "куда пойдешь, кому скажешь?" - эпиграфом из газеты "Чортова перечница" за 1918 год. К кому-то да надо.

Созрев "для печати" годам к 22-м - правда, и раньше - "прозу" мою оценил Всеволод Васильевич Успенский, брат Льва, преподававший литературу в Театральном институте /провидел, полагаю/ - со стихами я уже искал: к кому? Сделал в том же 62-м, помимо Бродского, и свой сборничек, назвав его "Ассорти", потому что замешал в нем все мои "эксперименты с экскрементами" в области формы за 4 предыдущих года. Экспериментов было много. Опять же, матушка требовала, раз я бросил биофак - идти в Литинститут. Матушка ж!

Ну, составил-перепечатал я сборничек /на машинке "Мерседес" подаренной-одолженной мне Львом Васильевичем/, и к нему же и понес. Хоть и не поэт был Лев Успенский /см. его стихи в этом томе/, но язык знал, и даже мне за Бальмонта рассказывал, которого видел, будучи еще гимназистом.

Буквально через месяц был призван им, и мне была вручена объемистая рецензия. Я потом, к слову, к нему Кривулина и Пазухина таскал, тоже на предмет "усыновления", и с Пазухиным он носился, как с писаной торбой - но об этом см. в 4-м томе. Рецензию, поскольку это Успенский, привожу целиком.

К.КУЗЬМИНСКОМУ

1. Я бы без всякого колебания, представил в Институт из данного сборника "Томь".

Я не сказал бы, чтобы поэма эта произвела на меня впечатление окончательно доработанной. Для этого в ней /на мой взгляд/ нет того, что является непременным отличием поэмы от длинного лирического стихотворения: некоей единой, иногда сюжетной, иногда "мысленной", чтобы не употреблять термина "идейный" /АГА! - и Льва Васильевича от этого слова воротит! - ККК-80/, но всегда доведенной до читательского понимания /и "по-чувствования"/, линии.

Какой-то намек на такую линию /что-то вроде "бабьей судьбы"/ чувствуется, но именно в плане "какие вы это натумеки натумекиваете!" Для читателя моего типа, которому это нужно, таких "натумеков" недостаточно, чтобы понять "про что" поэма. Она выглядит /"выслушивается"/ для меня этакой энциклопедией захолустной российской жизни /в эн + 1 году/ и авторских наблюдений над нею. Скорее наблюдений из дочувствований, нежели самой реальной жизни. Как говорится "примет времени" в ней почти нет, да, повидимому, автора они и не интересуют.

Тем не менее, поэма на мой взгляд, любопытна по языку. Если бы я был сторонником "математической лингвистики", я бы сказал, что богатство словаря поэмы и лирических стихов сборника соотносится примерно как 1000 : 1; мне кажется, что и свобода соединения этих слов в предложения, а предложений в образы /пусть всегда шаткие и нестойкие, "ненадолгие", сменяющие друг друга без закрепления и развития/ точно также в поэме несравненно выше, чем в остальных стихотворениях. Пожалуй еще существенней для меня то, что эти образы, которые в стихах были чаще всего исключительно-акустическими, а поэтому в значительной мере слепыми, "не

зримыми" /"онэ зихвархайт", как выражаются немецкие искусствоведы/, тут, в "Томи", приобретают телесность и удобообозреваемость, без которой, на мой взгляд, и поэзии нет, один "кимвал бряцающий и медь звенящая". В стихотворениях я /исключения есть и там и тут/ не вижу никакой словесной живописи: образчик такого чисто-фонетического упражнения в чистой "звукописи" - стихотворение "Лала", а отчасти и следующий за ним, довольно искусный куншток, разрабатывающий прием известных школярских и бурсацких сочинений "где все слова "на пы": "Прилично покроенные порты Петра Петровича Павлова прекрасно покрывали и так далее". Запомнились мне и отдельные "слепые" строки и предложения стихотворений, "безобразные образы", вроде "индиго и пальмы". /"Индигоноска" - травка не выше колена из семейства зонтичных, а тут она призвана рисовать "дикость побережий гористых"... Чем рисовать? Только звуком!/ или "глаза, о которые можно сломать память".

В поэме дело обстоит совершенно иначе: она состроена из хороших или плохих /зависит от вкуса/, ярких или менее ярких, но явно рассчитанных на их "зримость", а иногда и на "моторную представимость" картин. Нельзя сравнивать образ "Земли глаз, в которую вбит престол гильотины" /все вещи несводимые зрительно/, да еще и вбит то "тебе", и существенную красочность: "у невесты слёзы: тук,тук, тук... ходики на стенке: тик,-тик,-тик... Входит нареченный: туп, туп, туп... Вечер за деревней - тих-тих-тих..." Тут и звукопись служит живописи.

Поэма представляется мне произведением несравненно более зрелым, более "взрослым", нежели большинство стихов. Кроме того в ней заложена и какая-то смысловая многозначительность, может быть, впрочем, и иллюзорная /я для себя этого еще не решил/; мне кажется, она /поэма/ может сослужить автору добрую службу при оценке его творчества комиссиями. Понять-то "про что написано" не очень поймешь, но ощущение, что "про что-то существенное" - создается, и может возникнуть некое "обещание": "Сейчас автор начал работать в новом направлении, и, возможно, овладеет искусством "говорить про", а не просто "говорить-звучать". Уверен, что такая мыслишка будет лить воду на мельницу кандидата по приему в Институт.

Я бы не сказал, конечно, что все в "Томи" свободно от "голой звукописи", которой приносятся в жертву остальные элементы речи, и, в первую очередь, содержательность.

"Пробираясь по чащобе, куст таит хруст" читателю прозвучит как типичное "проезжая мимо сией станции у меня слетела шляпа". Читатель плевать хочет на то, что, может быть, автор имел в виду и впрямь "кусты, которые пробираются", читатель вправе понять это так, что "пробирается"-то автор, а "хруст таит куст". И - все пропало, если это не "театр одного зрителя". "Глухари" могут токовать зимой только для рифмы или причудливости образа. А тут точно сказано: "на току снег толкут глухари". Может быть - весенний, талый снег? Никак нет: строчкой ниже "Зима синяя, зима белая". Белки, и те укрываются, а глухари - бесчинствуют, токуют! Чистая звукопись, оторванная от точного образа, каким бы он ни был экспрессионистским. "Берега на реке молока". Это не гумилевское "высокое косноязычье", дарованное поэту, а обыкновенное, низкое. "Груздь, словно грусть"... Что кроме своеобразной "омоформности", "сходнозвучности" могло извлечь этот образ из сознания. "Почему судьбу называют индейкой?"

Это все довольно опасно: хороший, и вроде как подслушанный, "областнический" язык впадает в противоречие с некиим городским барством приблизительного "игорь-северянинского" восприятия и изображения "дярёвни": "А в лесу - оса." Не бывает в лесу ни ос, ни крапивы; любой томич это знает. А у Северянина действительно "прогуляться там в лесу, видеть птичку, лягушонка и осу..." Такая "дачность" описаний природы резко откалывается от отлично сделанных, страшноватых картин ее "извнутри": "рядом белые поляны, там где лес лыс, за глубокими полями

чует лось рысь", "А пурга пуржит. На пути - убродно..." "И метель с метелочкой квохчет, словно клушка. Четверо над телочкой. Вой. Глушь."

"Осот" опять же на "лугах" не растет даже для рифмы с "осой": это типичный сорняк пашни, пара, возделанной почвы. /Это Чуковскому можно "И мочалку словно галку проглотил"./

"Бёдра, словно вёдра..." Тут уж хочется сказать про автора словами Ивана Шмелева: "Образованные, а пакостники!" Тем более, что интонационно получается, какой пунктуацией не исправляй: "Бёдра, словно вёдра, улыбаются!" Никогда не видел, да и видеть не приведи господь!

"Все во имя каламбура" приводит к таким финтам: "Будешь ты с ногой, буду я снохой", где хоть семь пядей во лбу имей, не сообразишь ни о ком идет речь, кому угрожает ампутация ноги, или, наоборот, улыбается ее приживление, ни какая связь между этим /неразборчиво - ТЫ/ и невестой, которой от сношества - так и так не уйти.

Все это, и многое другое, есть, и тем не менее "Томь" производит довольно сильное и, за всякой "напоминательностью" то Есенина, то еще кого-то, до А. Белого включительно /"Трепаком-паком размашистым пошли, да трепаком-паком валяй, валяй вали, д'притопатывай! Д'обрабатывай!"/ прочувствуется некая самостоятельность поэтического облика. А ведь это - главное.

Со стихотворениями мне труднее сделать выбор.

Я поставил птички /рекомендательные/ над следующими опусами:

1. ..... /И.Г./
2. ..... /И.Г./
3. 1730.0
4. На мари
5. Вьючное
6. Песня каюрки
7. "Думай, думай, думай..."
8. Почему не любят поэта?
9. Туман
10. Девочка, зачем ты...
11. Разве
12. Не могу без тебя
13. "Майя" /?/ /первое из двух/
14. Ты не Ева
15. Ты - не "пассия"...
16. Я Вам незамедлительно покаюсь...
17. Печь дымит
18. Почетный страж
19. Ночью, ночью...
20. Мы идем к женщине...
21. Девочка плачет.

Но это, собственно, мало что означает. Просто мне лично эти стихотворения кажутся п о э т и ч е с к и более крепкими, не детонирующими, не чрезмерно "завинченными", не до конца "зазвученными". Но я никак не могу утверждать, что мой выбор совпадет с тем, что может пленить приемную комиссию. Я думаю, что из них вообще надо снова выбрать, и не более пяти. Я бы остановился на 7, 6, 16, 17, 20, 21... Неудобно то, что стихотворения, на мой взгляд более ценные, в большинстве интимно-лиричны; это может как-то однобоко представить автора. Но - что поделаешь?

А теперь я поговорю, безотносительно к конкретным стихотворениям, попали они в мой перечень или нет, о том, что мне видится как недостатки, уже совершенно "конкретные", т.ск. "построчные". /"Томь" сюда не входит: я о ней уже много говорил/.

1. Заголовок книги. Мне не вполне ясно, в каком смысле она "Феникс" /это было название не книги, а раздела - ККК/, а само слово несет в себе что-то от "Скорпиона", "Сирина и Алконоста". И отзывает переинтеллигенченным архаизмом 10-х годов.

2. "Родник". "Громадил грохот груд..." звучит, как нечто тысяча раз слышанное. Не Бальмонт, не Северянин, не ранний Маяковский, что то между ними, и

поэтому - "вообще эпигонское", без определенного прицела. /А это чье выражение? Лефовско-чекистское? - ККК/В дальнейшем ведь таких грубоватых "инструментовок" в сборнике нет.

3. "Он был горд н а и г р а н н о й тоской..." Вся строка нацело состоит только из звуков, полностью лишенных значения. Она не вызывает и не может вызвать никакого "образа", и остается чистым "бряцанием", не оправданным повышенной или острой звучностью.

4. Как-то концы с концами не сведены: "Родник" вроде как персонаж более положительный, нежели "пресмыкающиеся" ручьи, а оказывается, это именно он "избрал путь Ужей, а не Соколов". Почему такой реприманд неожиданный? /Потому что надо уметь читать по-русски: противопоставляя ЕДИНСТВЕННЫЙ родник МНОЖЕСТВЕННЫМ ручьям - ежу ясно, что к кому относится: "Он выбрал путь: удел ужей - / не сокола удел!" - ККК/ /Пардон, Лев Васильевич!/

5. "Свинцовая Аму-Дарья" - образ кабинетный, вроде пресловутого "Голубого Дуная". Обе реки - буро-рыжие, но Аму - прямо-таки как кофе с молоком, да еще под среднеазиатским безжалостным солнцем - никак и никогда не бывает "свинцовой". Это не нахождение новых признаков предмета, а незнание старых.

Все последнее четверостишие не сделано и рассыпается врозь уже синтаксически.

6. Феникс. Насчет "индиго", как детали дикого тропического пейзажа, я уже сказал. Еще один образец чистого "звучания", поскольку никакого зримого образа из слова "индиго" не высосешь. /И сосать не надо: ЦВЕТ. Про травку знает только Л.Успенский, а остальные знают краску. Помимо: грамматически - "Где дикость индиго, и пальмы" - первое родительный, второе - множ. именительного, но можно и оба читать в родительном - таков язык. - ККК/

7. "Ревели рулады горниста..." Строчка "инструментована" на "р", как говорили во дни Опояза, но от этого никому никакой пользы, ибо образ рассыпается: "рулады" противоречат "рёву", а "реветь" - "горнисту". "Ревущий горн" это уже кузнечный горн или "мыс Горн" в "ревущих сороковых широтах" Южного полушария. /Кстати, о певчих: Бродский, который нигде кроме Белого и Черного морей не был, пишет "Письмо в бутылке" об океане, а Анри Волохонский, который был - см. биографию - пишет, в лучшем случае, о речках. "Опыт" тут ни при чем. - ККК/А когда ревут "комки", да еще "золотистые", получается вполне: "серенький небоскреб" или же "свирепый папенька". Создается комический эффект.

8. "Ты дразнишь улыбкой и кофтой..." Это все равно, что "ты радуешь нежностью и подметками". В современном языке "кофта" всегда "кофта старухи", "кофта китайского кули", "желтая кофта". Девушки носят даже не "кофточки" /и это уже типичный архаизм/, а "блузки". Они автору поддадут горячих за "кофту".

9. Где у фонаря крестец, любопытно также, как "сколько ангелов поместится на острие иглы"? При узкой и длинной фигуре фонаря, это вряд ли удачный образ.

10. "Полметра с вершком"... Крайне странный гибрид, вроде "пуд семьсот граммов". Непонятно, какую смысловую нагрузку он несет.

11. Вторые глаза, "Глаза, о которые можно ... поломать и сложить бесподобную память..." "Поломать" что либо обо что либо /только не о глаза/ можно, но "сложить обо что либо" в русском языке немыслимо.

"Бесподобный", как определение "памяти" не значит решительно ничего. Оно и вообще то всегда было словцом жеманных институток: "Бесподобный креп-де-шин! Бесподобный мужчина!" Тут оно крайне невыразительно. Что такое "бесподобная память" - "счастливая", "очень сильная", или еще какая? Никакая!

12. Тут же "без глаз и безгласно..." Каламбур очень неудачен, потому что в чтении, в восприятии на слух "с" перед "носовым звуком" неминуемо звучит как "з" или почти как "з", и получается "без глас/з/-ы-бесглаз/с/но". Точно также

неудачна и до четырехэтажности закрученная метафора следующих строк: "В землю глаз /перед "вб" "з" читается как "с"/ вбит тебе гильотины престол".

Можно ли представить себе такое. "Земля, которая не есть просто земля, а есть "земля глаз". "Гильотина", которая не есть просто гильотина, а "престол", т.е. нечто ни с какой стороны на гильотину не похожее. И вот этот "престол" "вбит в землю глаз", да еще не просто, а "вбит тебе", хотя вообразить "престол" /т.е. либо "стол", либо "трон"/ во что бы то ни было "вбитым" уже решительно невозможно.

Поистине: "и представивши ты отойдешь в эту землю", и столь же "поистине" - "ни на миг простоты", как сказано строчкой или двумя дальше.

13. Следующая строфа: "ночь начала конца, что /?/ конец бесконечности нежностью выпет" и просто синтаксически непонятна, т.е. не имеет никакого реального фразового значения /причем тут это "что"?/ и, главное, непростительно перекликается с известным высказыванием Козьмы Пруткова: "Где начало того конца, которым оканчивается начало?" Поэтому можно идти на что угодно, только не на ассоциации с Козьмой Прутковым.

14. Белая даска. Снова непродуманный синтаксис: "Оставив лаской нервный тик, ты ускользнула..." Как можно что-либо "оставить лаской"? Что это значит? "Взамен ласки", "ввиде ласки", "при помощи ласки"?

15. Посвященное Е.Ж.

Стихотворение мне кажется по своему любопытным, но удивляет откуда у автора вдруг появляется столь неожиданно чисто Северянинская интонация? "Я имею намеренье Вам сказать в интродукциии..." "Не имею намеренья - в этот раз" я намерен! - Вас одеть фиолетово..."

Стихотворная строка сложная и опасная вещь: она, конечно, звучит, но нельзя забывать, что до ЧИТАТЕЛЯ она доходит через графику. Слово "какая" на конце строки может быть прочитано еще до самого стихотворения и совсем не так, как желательно.

А в остальном я считаю это стихотворение одним из самых интересных, хотя "геморрой" остается несколько загадочным, резко меняя "лирическое лицо автора".

16. Цикл "Лала" мне кажется малоудачным. Первое стихотворение уводит к известным опытам К.Бальмонта "Ландыши, лютики, ласки любовные...", "Чуждый чарам черный челн..."

"Воткни в мои вены кровавые губы..." "Кровавые губы" вообще вроде археоптерикса, почти как "чувствительный читатель", а "воткнуть" что либо можно "в губы", но губы ни во что "воткнуть" /как в другом месте "прислонить"/ нельзя. И вообще, против намерений автора, вдруг возникает ощущение "жестокого романса".

Кстати сказать, следующее стихотворение я ввел в мой списочек, но должен оговориться, что я сбился с толку. Речь пока что идет не о цикле "Лала", а о цикле "Лесли", и с Бальмонтом я сопоставил пока что стихотворение "Не любишь", хотя самый разительный пример этого же рецидива Бальмонтизма - первое из стихотворений "Лалы".

Поэтому "следующее стихотворение" -

17. Печь дымит и еще два за ним я ввел в список без особых размышлений. "Печь" кажется мне тоже одним из лучших.

18. В цикле "Лала" самое показательное не "Лала, милая" с обидно-старомодной, "модерной" по понятиям 10-х годов сплошной "л-аллитерацией", а "Пиво-пиво". Знаете ли Вы, что оно пародирует в стихах популярнейшие бурсацкие и школярские творения, рассказики на "ПЫ" или на "О", типа: "Присяжный поверенный Павел Петрович Пирогов проснулся поутру потому-что проклятый половой Прохор /Карл Проффер/ принес приглашение писаное прелестными пальчиками Полины Прыжковой популярной покорительницы провинциальных подъячих". Такие творения бывали иногда дово-

льно головоломны, но есть ли смысл теперь возрождать их, да еще в лирических стихах? В юмористике - уж куда ни шло...

19. Возвращаясь несколько назад /стих. 13, 12, 62/ хочу обратить внимание еще раз на довольно характерную "недочувствованность зримого образа".

"Тормоза, уполэая понемногу, б а р б и з о н я т "ввзза".

Звуковой образ /"ввзза!"/ довольно удачно передает впечатление от остановки машины с большого хода, притом резкой. А "глазной образ" дается прямо противоположный: "уполэая", да еще понемногу "барбизонят"... Все разрушается...

Неудачно упоминание "па-де-де". Вопервых, это "танец для двоих"; "Ты" не могла танцевать его одна; только у А.К.Толстого, в сценарии балета "Комма, или запятая" два помещика танцуют ПА ДЁ ТРУА, т.е. "танец для троих, втроем". Но ведь у Вас же не пародия!

А кроме того "па де дё" /"pas de deux"/ никак не может рифмоваться с "везде", ни при старой, ни при новой системе рифмы, ибо тогда его надо произносить "па дъ дъ".

Вот почему я включил это стихотворение /"Ночью, ночью..."/ в список под вопросом. Подумайте, стоит ли...

Вот основное о лирике. Впечатление от нее куда менее определенное и менее "самостоятельное", нежели от поэмы. Ваша беда, Костя, в этой части, конечно, в непреодоленных пока еще и достаточно хаотически напластывающихся друг на друга "влияниях" не какого либо одного поэта прошлого, а смутного множества поэтов. Получается действительное "ассорти", или, говоря прямее, "винегрет" /слово "ассорти", приличествующее кондитерскому производству, настоятельно рекомендую убрать из сборника/.

Вы спрашиваете - "какое общее впечатление от сборника". Ну какое же может быть это впечатление? Я думаю, Ваши сановные рецензенты правы, каждый по своему. И "техническая выучка" у Вас есть, и очень хорошо бы, если бы Вы, махнув рукой на уверенность, что классика Вами пройдена в школе, по новому прочли бы творчески больших поэтов прошлого, остерегаясь "традиционности" в Вашей работе, но стараясь осмыслить общую "традицию" русской поэзии. Тогда бы к "технической", голо-формальной, выучке наверняка прибавилось бы и некое более широкое, чем есть сейчас, душевное наполнение, стремление не только сказать хорошо, но и сказать о значительном, быть новым не только в стихосложении, но и внутри самой лиричности Ваших произведений. Сейчас нередко говорят, что совеременный поэт не может писать в стиле "травка зеленеет, солнышко блестит". Но точно так же /а я думаю, даже еще больше/, и не может производить революции в поэзии, пишучи "зеленавка травеет, блестёлнышко солнит"; не может он писать:

Ма
ру
ся
чаплашку
кар
бол
ки
выжрала,

и думать, что это уже не то, что "Маруся отравилась". То-же самое, и пожалуй, хуже, чем честное "ласточка с весною в сени к нам летит".

С поэмой Вы продвинулись куда то в смысле свободы обращения со словом. Ее слабая сторона в том, что русская деревня, изображенная в ней, не есть наблюденная Вами деревня "села Родионова", а немного сусальная, немного жутковатая, вычитанная главным образом из книг, "некая деревня в некотором царстве, некото-

ром государстве". Вашу поэму нельзя никак иллюстрировать методом Родченки; иллюстрировать ее пришлось бы приглашать из 10-20 годов Кустодиева и м.б. даже Билибина.

Но - отдаю Вам должное - нарисована эта - та! - деревня сильно, и это уже много, если Вы не пойдете только по линии такой стилизации.

В чем я должен Вас решительно предупредить: ни в коем случае не демонстрируйте перед Приемной Комиссией ни заголовков отделов, ни посвящений, ни напоминающих билетные компостеры даты под стихами, с уточнением до минуты и секунды времени их написания. Все это произведет /и не без основания/ впечатление чего то одновременно и "демода" /вышедшего из моды/ и незрелого.

Вот главное, что я Вам хотел сказать. Не сердитесь на мою прямоту: я о литературе дипломатически говорить не умею.

1963.III.3. Л.У/спенский/

/Приписка от руки/:

А что Ваш сборничек у меня есть - этому я рад.

Чудак, как же можно обижаться на такой дотошно-доброжелательный разбор! Я и по сю благодарен, тем более, что в подавляющем большинстве случаев, ЛВ абсолютно прав. Правда, я стал чисто "звуковым" поэтом, отринув почти полностью "зрительный" образ /я ж не Вознесенский, который в этом отношении - ГЕНИЙ!/, к коему не способен "по слепоте", но, Льву Васильевичу благодаря - еще и семантический ряд чрезвычайно стал важен.

А жучить я сам стал, в первую очередь Витю Соснору, впрочем, без какого-либо проку. То у него "оброчные" шляются по полю в 11-м веке /"Мальчик Боян из Загорья"/ - говорю - "Да, ну ты знаешь, это же ... так.." и продолжает печатать. А уж зрительные! "Шашлычки ласковые - с кочергу" /это по форме, что ли?/, "бревнами вырублен сыр" /был и вариант "ромбами"/ - по длине, что ли? "Пьем кагор из чайника, как из люка" - Витя, говорю, в люк только блевать можно, а пить - никак! "Деревья - как термосы: кроны - зеленые крышки - завинчены плотно в стволы" - Витя, говорю, ты термос видел? Где ж это крона - УЖЕ ствола?

А уж с лексикой-семантикой - об этом я уже писал. А Сосноре все по хую. Потому - рецензенты его не за то кроют, а сравнить себя - не с кем. Не с Дудиным же! Нас-то он не читает.

Кстати, за Аму-Дарью - каюсь. В том же году, по лету, вкалывал в Али-Байрамлы в Азербайджане на Куре - так там из воды вылезал шоколадного цвета! Кофе, и без молока. Но я уже писал о "голубых водах Ганга" у классика Ахматовой. Тоже, тово, девушка, не подумала. Или как Маяковский у Лермонтова обнаружил /вру - Сельвинский!/ "львицу ... с косматой гривой на хребте".

А за "осы" - ЛВ врет. Водятся и в лиственных и в лиственичных даже лесах. В 60-м году шли мы оленями по северным склонам Станового - "страна маленьких палок" по Лондону - болото и хилая поросль лиственичек - так там олени гнездо осиное потревожили, а мы сзади, нам и досталось, Семенычу, начальнику, в его бабье волосье под капюшон - накинул, как увидел - штуки три, и давай долбать! Семеныч за всю войну только ухо потерял, да и то половину, уже 10-го мая, после победы, перевернувшись по пьянке на джипе, и потому носил длинную волосню и при этом широкие бедра /как ведра!/, я его сперва-по-началу за бабу принял, когда он раком из вертолета вылезал. Это об осах.

А название - не один я грешен: в те же 60-е - я, что ли, издавал: Феникс-66, Сфинксы, Фиоретти, Вече, да и в 70-х - Мишин "Аполлон-77". Общая болезнь.

Но Льва Васильевича я чту своим учителем.

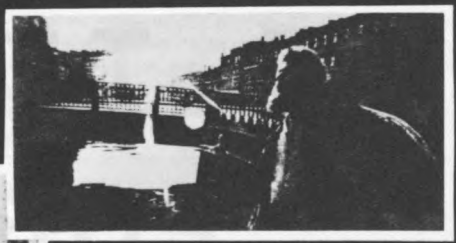
S TEX

POR

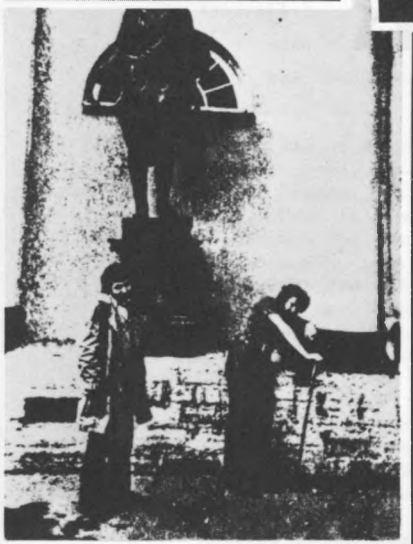

РОВА
23.
ЯРЫ
ЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ

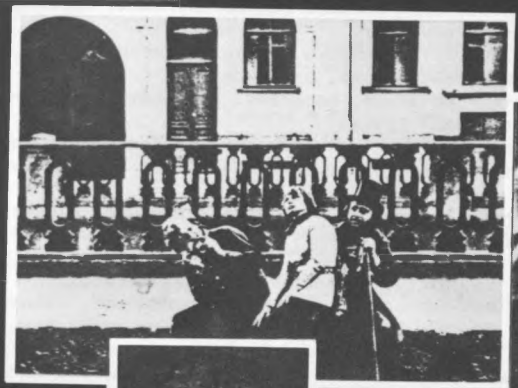

девять
gladis

КОНСТАНТИН
КУЗЬМИНСКИЙ

РУКОПИСЬ ИЗ XX ВЕКА

"Рукопись из XX века" - первая моя "конструктивная" поэма. По методу Дос-Пассоса. Писал ее /вернее - "делал"/ зимой 65-66 года. Приснилась она мне, для начала, во сне. Записал кусок. Который кусок обратился сюжетом.

Идея: к Земле летит какая-то хреновина. Публика ликует. Ждут марсиан. Выясняется: к Земле летит отечественный снаряд, заряженный водородом. Кто-то нажал кнопку.

Вопрос: чего делать с этим снарядом? Включаются монологи: того, который отказался нажать кнопку и - сержанта, который ведет отказавшегося на расстрел.

А хреновина - все летит. Надо спасать Землю. Вертелся, вертелся, а пришлось посылать "смертника" - на перехват.

Прочитал написанное. Страсть и лирика. То же и четвертая жена, Ника Валентиновна, внучатая племянница Мейерхольда, отметила.

Обдумал. Надо спасать - не Землю, но поэму. Разбавить лирику - а чем?

Что "антилиричнее" в Союзе? Газета.

Полез в публичку. Полез в "Уголок космонавта" в "Великане". Нашел цитат. Много. За все запуски. Пустил цитаты в перебив. Получилось еще страшнее:

"В заключение участники совещания обратились с призывом к народам земного шара: "Шире и решительнее развертывать борьбу за мир без ядерных бомб!"

Это после расстрела пацифиста, отказавшегося нажать кнопку.

Пошли дела. Я тогда работал на студии "Леннаучпопфильм". Рабочим-универсалом. Предлагал ребяткам из "Попы": Валере Чигинскому и его другу Жене. Не взяли.

Год спустя, в 67-м, схватился за поэму чтец Игорь Озеров /см. главу о чтецах, если будет/. Игорь Озеров, пра-пра-правнук драматурга до-пушкинских времен Льва Озерова, помимо изображения Ленского в "Онегине" /см. главу о чтецах/, читал чего попало. Уцепился в рукопись.

Подготовил спектакль: 1-е отделение - В.Луговской "Середина века" /что не очень похабно, ежели рядом/ и мою "Рукопись". Газетные интермедии /а ля выше/ - начинали глушить публику еще в фойе. Потом должен был вылезти Озеров с монологами.

Но мне всегда не везло. Отдал Озеров в цензуру мою поэму, мадам, заведующая цензурой, ни хрена не поняла. Отнесла домой, мужу-полковнику. Полковник, хоть и не числился в цензуре, с ходу понял: "За такие поэмы - следует расстреливать!" Мадам с этим решением вернулась к Игорю Озерову.

Поэму, понятно, не пустили.

Зато очень любил читать ее в воинских частях /по путевке обкома комсомола, с "Барабанной" Васи Бетаки/, там тоже не понимали, но хлопали.

Текст поэмы /окончательный/ утерян и, возможно, хранится у Игоря Озерова.

Мне он не нужен. Дарю.

ИЗ ПОЭМЫ "РУКОПИСЬ ИЗ XX ВЕКА"

Монолог сержанта:

Я нюхал кровь. А смерть - о, спорт!
Ремень от автомата
до блеска о плечо натёрт -
таков удел солдата.

Послушай, ты! Двенадцать лет -
и это всё же дата! -
на мне мундир страны надет,
а это - честь солдата!

Свинец и порох, смерть и кровь -
как видишь, небогато!
Я позабыл про отчий кров -
а это - долг солдата!

Семнадцать ран - сюда, сюда -
свинцом богато тело!
Два раза избежал суда
и двадцать раз - расстрела!

О, я не трус! Не нам мельчать,
когда попал сюда ты!
Но - подчиняться и молчать -
таков удел солдата!

.....
.....
.....
..... /утрачено/

Монолог отказавшегося нажать кнопку:

Когда меня вели сюда,
я думал: Боже мой!
Без следствия, и без суда,
и две строки - домой!

Я честен был, я жизнь любил.
И - смерть, как подлецу!
Когда меня конвойный бил
прикладом по лицу...

Я отказался. Я не мог.
Я знал, что если - "да" -

погибнет шарик синий мой -
Земля моя, звезда!

И вот - стою. И десять дул, *)
направленные в грудь!
.... Как над ветвями ветер дул,
а в сердце - тихо - грусть...

Но я не мог тебя предать!
Я не сержусь, сержант!...
Клочок земли к груди прижать...

.... И падает, сражён.

/В заключение участники заседания обратились с призывам к народам мира - "За мир - без ядерных бомб!"/

1965-66

*) ПРИМЕЧАНИЕ:

Было - "20 дул", но я не очень-то разбираюсь, сколько там положено. Под расстрелом не был, и в армии - тоже. Спросить у Довлатова, он служил в конвойных войсках.
А поэму я уже - наглухо забыл. Да и Бог с ней!

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Башня. Начал писать ее в 1967 и считаю началом своей поэтической биографии. Зрелой. Начал с главы "украинской" /"Чи ти кохана..."/ и продолжал в форме писем "Мадонне", Ларисе Андреевне Войтенко, на протяжении 5 лет. Началось с "Поэмы, обреченной на заклание", каковую я заклал, за поэтической недостоверностью, и из обломков выстроил "Башню". Крошиться и ломаться она у меня начала еще в августе, в Петергофе, когда после украинского меня понесло на европейские /тут и встреча с Сюзанной Масси 15 апреля 1967, и влияние "многоязычности" Павловска и Петергофа, и трудность преодоления английского, и Гоголь в связи с Мадонной - а отсюда и "татарские" кровя и языки - см. "Отступление о форме глаз" в "Живом зеркале", и - учеба у Г.Чугунова, моего "гуру" - он и не знал об этом, и - встреча в 1968 с Леонидом Николаевичем Тимофеевым, художником и реставратором, хранителем Алупкинского дворца музея имени графа Михайла Семеновича Воронцова, тоже, как и Тимофеев, полиглотом, и мотания мои по Крыму и Украине, и любовь к Марине Сосноре - ненаписанная поэма "Лжедмитрий", и - 2 дурдома за 69-й - 72-й, и Миша Шемякин, его отъезд во Францию - словом, по его просьбе, я ее закончил в декабре 72-го, за двое суток - должна была приехать Элен де Виль-Морен Ли Бакстер, дочка техасского миллионера Ли Ханта, внучка Тулуз-Лотрека и многое прочее, забрать поэму к изданию, каковое Миша так и не осуществил, забыл за многими делами, и делает уже 3 года - Марк Пессэн, совместно с Петроченковым, но где Петроченков, нарисовав много хуёв в моей бороде - на что возмущается матушка - и сбагрив эту продукцию через кордон, где она исчезла на пути от Парижа к Греноблю, так что четырехязычное издание "Башни" опять задерживается по независящим от меня причинам/, так вот, с тех пор я пишу на всех мыслимых и немыслимых языках, не исключая и русский, предпочитая ему /как и в "Томи" и в "Ермаке"/ сибирский диалект, как более свойственный нашему веку /см. "Биробиджан"/.

"Башня" же, писаная все эти годы - являет собой жёсткую конструкцию, коей я недоволен, что и пытался преодолеть в своем "Биробиджане" и более - в романе "Хотэль цум Тюркен" /неопубликованном/ и книге "Вазамба Мтута" /тоже/.

Танцую я - и в "Башне" и в романе, и в "Вазамбе" все от тех же Чурилина-Туфанова-Чичерина, с добавлениями Ремизова-Белого-Пильняка, и многих еще, узнанных, но не названных, танцую от Лескова и Мельникова-Печерского более, нежели от Достоевского и Лео Толстого, и при этом ничуть не стесняюсь. Танцую от Стерна - "Жизнь и мнения Тристрама Шенди" и от Алена Роб-Грийе /в переводе Валерия Молота/. Не танцую от Беккета и Хемингуэя и Фолкнера, ибо порядочную прозу в России писали только поэты: Чулков, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Ремизов, Белый, Платонов и я.

Вагинов тоже. Лимонов. Немножко Милославский. Ерофеев не поэт, но Веничка. Веничку - чту. Немного прозы писал Мамлеев, но он же шлет мне - стихи.

Бродский прозу не пишет. Оставляет ее Марамзину и Максимову.

"Башня" писана стихами и многими языками, которых я, как, впрочем, и русский, мало знаю. Много знал их - д-р Даль и мой Сальери, Владислав Константинович Лён. Но он тоже учился по Далю, которого я, не будучи зажиточным итээром, купил - только на 39-м году жизни, да и то, одного тома /"З-П"/ нехватает! Поэтому, в отличие от Лёна, учился на "живорусском" языке - в Сибири, в Прибалтике, на Украине, на Кавказе, и в Санкт-Петербурге, выросши в двух домах: у словолюба Л.В.Успенского и у двух смольнянок, преподавательниц филфака: Галины Николаевны Байбаковой /чей сын, Сережа, мой братик, говорят, работает в ТАСС/ и Валерии Германовны Дистфельт. Там меня, помимо языка, 6-ти лет отроду учили держать вилку, а с братиком Сережей мы играли в зоопарк и в пиратов /с дуэльными пистолетами Пушкинской поры/.

Потому и меня - не русофила, а, скорее, западника - понесло глаголеть на языках многих - от чтения Миклухи-Маклая и Арсеньева, а также - на любом языке увиденном /или услышанном/, потому что - в отличие от Бальмонта - почитаю красоту языка звуковую /по Крученыху/ и балуюсь им на уровне Клее и Миро. Детском уровне, когда никакие "языковые барьеры" не страшны.

И, вероятно, смешались во мне: Л.В.Успенский /"Слово о словах"/, смольнянки, английская школа, Гоголь и Котляревський, Чугунов и Тимофеев, последний живой караим Амет-хан Султан, чей бюст стоит на площади Алупки и которого - единственного - не выселили во время Сталинского геноцида, и я с ним пил, мои шляния по Сибири, Дальнему Востоку, Прибалтике, Кавказу и Украине, а отсюда - один шаг до многоглотии, говорения на языках.

А еще - биофак с латынью, и геология с оной же, мечты о путешествиях, книги, журнал "Вокруг Света" за 1928 год, "Народы мира" - да мало ли тосков?

Тоска таскала меня по городам и весям, в погоне за Мадонной ли, за Джеком Лондоном, и всегда, везде и всюду - я впивался пиявкой в язык, чтоб не быть безъязычным, чтоб общаться и знать.

В 59-м году, за Ириной Харкевич /"Туман"/, понесло меня в Эстонию: возьмите, говорю, хоть переводчиком! /А сам ровно три слова знал: Курат и Саттана перкеле/. Взяли. За неделю - пришлось выучить эстонский язык. Захожу в магазин: "Юкс лейб, юкс соомкаля, юкс йыхвика вейн!" /Хлеб, консервы из частика и клюквенное вино/. Но учили меня, пели эстонцы /Энн Рейсманн и другие/: "Ма токсин кодус олля, миллял Пятс эст президент!" /Хотел бы я быть дома, когда Пятс - президент/ - песня времен "зеленых братьев". Но учили меня - языку эстонскому, в котором было 20 падежей, а осталось - 14. Падежи я не запомнил, но запомнил: "Куй сюйкав кайв он?" /Какой глубины колодец?/ "Миллял ветт рохкем?" /Когда воды больше?/ - это по профессии, а помимо: "О, сильма, эт сильма, я нейне роза ме, я нейне роза катейра, пульвейт сет силь на ме!" И припев из другой песни: "Эй, сеури Тексас!"

Это и пою сейчас в Техасе.

И пишу на испанском, на замбия и занзибаре, диалектах восточного побережья /по Стенли/, подошел тут негр из Африки после чтения: "Спасибо, говорит, я впервые родной язык услышал!" А я намешал просто названий рек и озер, деревень и кухонного инвентаря по Стенли, да "бвана" там, "симба" /господин и лев/ по занзибарски, да Нгорангора там, что из Даррела вычитал - поклал на барабаны, а куда как лучше все эти "мтута" и "симба" идут, зазвучал и зазвучил - Африка!

Кайфую на языках. Кайфую на марийском /Валька-мариец научил!/: "идэр - шидер" /девушка - звезда/, дежурная рифма на марийском, но я переделал: "Изи идер, кугу пичка же" или на эстонском /родственном/: "Вяйке нейю - суур витт!" Переводить не буду, неприлично, вроде моих "Пусси поэмз" на английском, а только легче языку - на матерном учиться. Запоминается. И по сю эстонцы пользуют мою: "Мууст саатана персель!", что переводится /с финского/ "Саттана перкеле" - "Чорт побери", что не соответствует тексту: "Грязная чортова задница!" Грязную - я в текст добавил, так и пошла. Спросите теперь эстонцев в районе Антсла - "мууст" обязательно добавят.

Потому и пишу - что на эстонском, что на эвенкийском - все слова, что знаю, и неважно, что знаю на ином - лишь матюки или лирику, а что все остальные слова - посторонние! "Ихь либе дихь" надо уметь сказать, и "Доннер веттер". Послал в 69-м Марине Сосноре телеграмму: "Их лебедих полно на озерах". Приняли и дошла. А что это калька с "Баллады про гени" Ивана Драча - не догадались.

Так и торчу в немецком на уровне: "Ихь вайс нихт вас золль эст бидойтен, / Даз ихь зоу траурихь бин ..." - и не знаю даже, правильно ли?

А не все ли равно?

Красиво...

Привожу 100-страничную "Башню" в некотором сокращении до дюжины основополагающих текстов, с комментариями.

ГЛАВА, ПОВЕСТВУЮЩАЯ
О РАЗРУШЕНИИ ЦЕРКВЕЙ

отсекоша главы
правым и неправым
кольцом облавы
вола вели
повели повели
поелику ликом не схожи -
отсекоша

от Сегежи
сего же
вяляный снятоk
зане они
в Заонежьи
оленьи важенки
птенцов выважиают
снесли яйцо

снесли купола
сняли колокола
лики святых от сего же -
отсекоша

ГЛАВА О СИФИЛИСЕ КАБАЦКОМ

В кабаке на заблёванных досках лежит потаскуха,
заголивши паскудно подол, тряпку грязную ткнув промеж ног.
По лицу её бродит небритая пьяная муха.
Лился свет в слюдяное окно...

Ах, кабак, полуштоф, цаловальник - вонючая цаца!
Нынче деньги звенят, завтра снова кукуй с лебеды.
Молча нынче любимый на досках венчает на царство -
ночью дохтур придёт из немецкой Кукуй-слободы.

В чёрном дохтур придёт и глаза побелеют от страха,
и как кочет, отскочит мужик от тебя,
заголяет подол тебе пьяная царская стража,
и подъячий стоит в стороне, бородёнку свою теребя.

Ты мычишь на полу и, колени раздвинув ногою,
с грязным шприцем в руках, там где сладко падалью пахнет,
наклоняется доктор над потаскухой нагою
и рука погружается в пах

Нет! Стонет и бьётся девица о доски,
стынет кровь от воя её,
опалённая пламенем адским,
оплатив наслажденье твоё.

А в углу у стойки, рыдая,
поражая гостей красотой
две безносые приседают
от заморской болезни той.

ГЛАВА ИЗЛАГАЮЩАЯ СОН СЛОНА

он польский ричаль
стон осиный слон ли
плеск печалин ручья
Пилецк плоск сонный

он вереск в рост
стон осолн печальны
чальны ли он врос
хворост трещит печами

тёрн и ныне трон
тронь этих волн тропы
трепет залон свон
солно плывут трупы

у́пы пупы́ упырь
прятай в ертеп пряди
топот опой толпы
лопнет пузырь ради

хохот лепи лпи
липы пото́м пахнут
слон это сон спи
ныне купно и паки

ИНТРОДУКЦИЯ

Л.

Чи ти кохана,
Як чисте небо?
Чи то погано?
Чи то не треба?

А що нам треба
Як гірко стане?
Шматочок неба,
Та гірстка степу.

В широкім полі
Трава зелена,
І гірше болю -
Сльоза солона.

Рокі як люди
Крокують мимо.
Кого ти любишь?
Кого ти минешь?

Тепер коли я
Розправлю плечі?
Її кохаю,
А серце плаче.

24.5.67

НОЧЬ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

возьми в зубы язык повешенного
и на вечерней заре
когда ведьмы ведало в котле помешивают
прилетай к Лысой горе

чур меня, нечистая сила!

вопль удавленниц по полю стелется
черные телеса саваном заслонят небеса
когда корова черным бычком отелится
прилетай и не бойся

чур меня

жабы с грудями женскими голосами поют осиплыми
сыплют кал младенцев в черный котел
варится варево и дрова трещат осиновые
и блудят вилоокие с черным котом

чур меня

змеи сплетутся плюя своим ядом в варево
вьются старухи их руки вокруг котла
одноглазые мыши летят кутерьмою в зарево
черные буки набухшие кровью куделью кадят

чур меня

ночью на Лысой горе угорая подпрыгивают
возле костра где страх пополам с ядовитой травой
в желтом болоте жабы ногами подрыгивают
нетопырь в купырях заунывный заводит вой

чур меня

варится варево кровью нечистой окрашенное
валят в него черных могильных жуков и пожухлую плоть
черви оплачут и пламя оплавит оранжевое
похоть утопленниц топчущих зачатый плод

чур меня

варится чрево червями изъеденной девственницы
желтые зубы оскалит череп на мертвом лице
когда месяц бесцветный с небес оглядев, сдвинется
и петух пропоет о конце

чур меня

когда калом и кровью наполненный котел опрокинется
желтые жабы примут подобье камней
когда сук суковатый рукою отсохшей прикинется -
ты прилетишь ко мне

чур меня!

... А потом Вавилонская башня рухнула
и началось говорение на языках:

C'est les arts o saint la Soyon
Et la mer nuit soillont
Elle sorti la mer est la toit
Et la Saint Souci choise noix
O adieu Nadian ce n'est pas
O, mon Dieu, mon Dieu, ce n'est paix
Pas-de-deux du monde c'est tres bien
O, Campagne et tu le Compien
Comprenes du son chansonnet
O, mon Dieu, mon Dieu,
o, mon Dieu!

Und weisser Gott die gelten Bruder straffen
Und weis die Kunst die König schnaps geschiht
Ich strobe weis das ich Genossen sprache
Gesunde Gott und Böehm Bohemisch nicht

Esta bueno del Rocho puerto
Los escapados Maria muerte
Rocho di burro mi esta enferma
Presto del terra, presto del terra

Busca venido un pronto de veras
Pobre estancia los Estanjeros
Por supuesto pedaso di sorte
Casa del norte, casa del norte

Mio cara dell mi tutto
Sancta Riba della guerza
Piazza el palazzo putta
Mio cora dell mi scerzo

O, Firenza fioravento
Bella venta forde cotto
Il momento si memento
Sacramento della motto

Pax tibi Tiberius magnus et mirius
miricus cantum horrendum solari
lupus est humor Domini consolita
alta Tantalus dendroni Etruri
croni morendum to crania morte
nihil memento solaria folium

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ 1770-аго ГОДА

колесниц вавилонских вольтером измышленных орды
когда снится на шее румянцева-графа фельдмаршальский орден
когда спицы с серпами под корень срезают неверных
на равнинах исполненных крови и пролитой скверны
как каверны зияют следы неприятельских ядер
и войска пруссаков переходят разлившийся одер
на одре своих дум задремавший пустынник фернейский
смотрят бюсты глазами пустыми на остров форесский
кифаредом воспетый истоптанный берег эллады
где зарыт агамемнон в глазах его каменных клады
словно пена небес облака над пустыней кровавы
слово пелопонесс и спартанцев сухие когорты
там где руки раскинув упал на камнях миссалонги
тот оболганный лживым кивком головы ипсиланти
на высоком колу у ворот развалившейся трои
эти трое голов отсеченных от шеи атрея
и проливом леандр проплывает там ждет его шлиман
и роняет цветы олеандр осыпая лигийские шлемы
и летят колесницы библейских полков соломона
и несмело прижмется зюлейка к груди сулеймана
там где запад восток восстает затмевая акрополь
древний город олега и ольги мой константинополь
и стремятся к нему черны воды евксинского понта
и лежит на тахте отдыхая от подвигов порта

ВЛАДИМИРКА

моей маме

нужно верить в сына
больше чем в отца
русская осина
символом венца

он винца не выпьет
не войдет в собор
кандалами выбьет
торный путь в сибирь

русская дорога
осип мандельштам
я осип немного
продал мендель штымп

сына осенила
деревянный крест
осенью осина
сыплет желтый лист

не пылит дорога
ивы над ручьем
где-то про подругу
пел борис ручьев

где-то за болотцем
синеватый свет
это заболоцкий
оставляет след

матерно ругаясь
хлеба у дверей
александр галич
каторжный еврей

торою дорога
тёрнами кусты
подожди немного
отдохнешь и ты

но исходят стоном
в пятилучье звезд
колокольным звоном
кандалы окрест

ж и г а ,
м е н у э т
и б у р р э
с п р и м е ч а н и я м и

1

комарики, комарики
по берегу летят.
они кричат: "кошмарики
нас по ночам едят!
ужасные кошмарики
нас по ночам грызут -
ушастые комарики,
что причиняют зуд."
комарики спускаются
на лоно веших вод,
и взапуски пускаются:
у нех болит живот.
упившимся комарикам
легко дремать в тиши -
внизу течет Кама̀-река
и реют камыши.
река течет по камушкам,
реке вольно петлять.
река ты наша, Камушка,
заботливая мать!
и я тебя не трогаю,
комарик, за ушко -
соси, грызи утробою,
отращивай брюшко.
ведь все в Натуре праведно -
комар, кривулин*, клоп.
и я ведь в ресторане
жую свой эскалоп.
а по ночам кошмарики
покоя не дают:

ушастые комарики
над рекой поют.
летят, летят комарики,
летает комаров,
и снятся нам кошмарики
ужасных колеров.

Примечание: кривулин /виктор/ - см. русскую поэзию 60-х годов XX века.

2

М е н у э т

"Вона його цілуе,
А він їсть пироги"

/Украиньска народна пісня/

четыре манекена
гуляли по лужку
их звали Маня, Гена
полушку взял ушкуй
вторых же звали: Палыч
и мудрый Соломон
пластинка им попалась
но сломан патефон
пластинка не кружилась
поломан аппарат
а красная крушина
прекрасный препарат
они ее крутили
недрогнувшей рукой
вокруг цвели куртины
и в мире был покой
пластинка пела басом
недурно сложена
простившись с Женей Бассом
ушла моя жена
четыре манекена
плясали на лугу
их звали Маня, Гена
а двое ни гу-гу
крутил рукой пластинку
премудрый Соломон
и тихо плакал Палыч
в исправный патефон

Примечание: поется на мотив "Таирова поймали..." /гр. А.К.Толстой/

3

он СМЕНОВЕХ он смехотворен
он в горле СМОГов словно кость
рыдай пиита смех отворен
как вена взрезанная вкось
и накось выкуси носуха
инакомыслящих мозги
в парадняке распить косуху
с изображением МОСКВЫ
рыдай пиита СУМАРОКОВ
гиперборейский СУМРАК мерк
он рек: ненужная морока
сорока стащит трупы в морг
ЛЕНТОРГ МОСТОРГУ не помеха
потехе не было конца
когда приехавший помещик
не встретил в городе скопца
сидельца копчиком у лавок
в кафтане фирменном стрельца
о БОЖЕ МОЙ моих уловок
никто не станет отрицать
отринь оббитые пороги
ДУША тоскует по рогам
отныне здравствуют пороки
подобно прежним пирогам
там пир и гам в гамашах гейши
подмышкой век свой скоротав
на УКРАИНЕ Августейшей
картавит сам СКОВОРОДА
вы слов неситесь скороходы
хоть полушопот полустон
душа ПОЭТА скомороха
пуста как ЦАРСКИЙ полуштоф

1967 - 1972

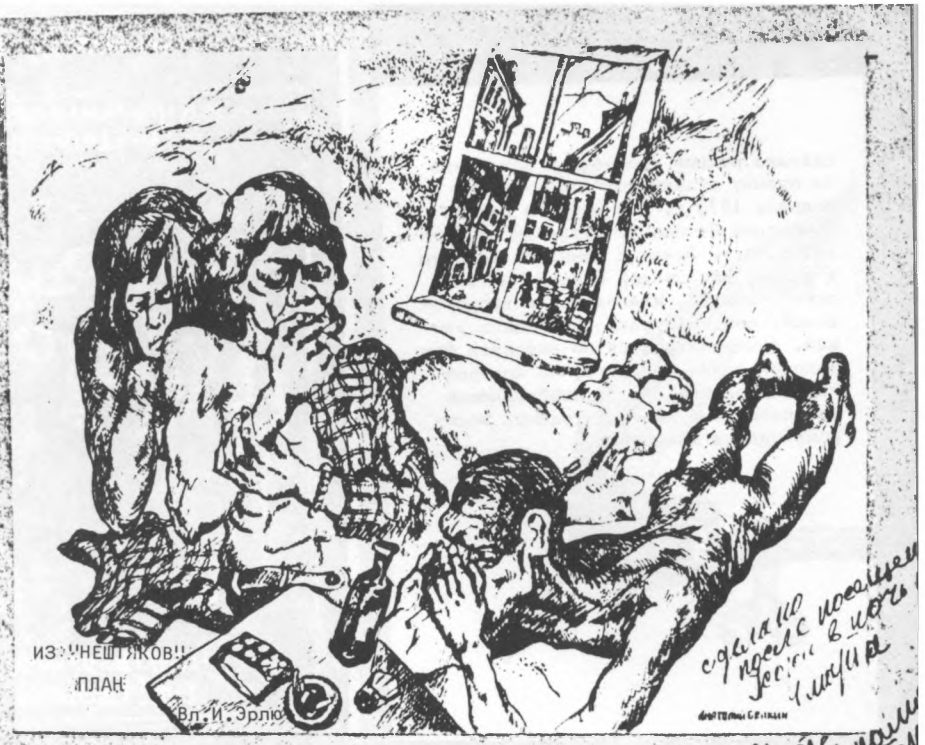
Так заканчивалась "Вавилонская башня", основные главы из которой здесь привожу. Там, посередке, имелось и псевдоклассицистическое "Осеннее троеглавие", которое "Континент" по тупости и безграмотности редколлегии, принял за "диссидентское" и тиснул без спросу. Пусть подавятся, а морды набью всяко. А мне его даже стало противно перепечатывать: уж раз понравилось им - ...

Остальные главы не привожу по скудости места.

Кое-какие из них приводятся в книге "Живое зеркало" Сюзанны Масси, а несколько /тоже без спросу/ в каком-то из номеров "Время и мы" у Перельмана, в основном, лирические и "общедоступные".

Да Бог с ней, с "Башней".

Иллюстрация и текст из книги "Нештяк", написанной плановым жаргоном. Наркомы балдеют. Художник Белкин. Лев, отдай иллюстрацию, зараза! Остальные, приходькинские - у Левина.

марихуана
кейф
фиакр сел в факир
марихуана
лафа лама-лама
самарканд
марихуана
лайф
фламастером
мохер
массуется
торчок
марихуана
экспресс-косяк
у колизея
на коду кофеин
колёса не стоят
траватраватраватраватрава
сухое
анаша
на баш шабить*)

*) набить
/забить/

ТЕБЯ МАРИХУАНА

Н Е Ш Т Я К

-

18 апреля 1972 года от Р.Х.
Санкт-Петербург
больница Бехьтерева

сделано ручным способом и покладено на музыку художником а.б.ивановым в феврале 1973 г. для подруги Наташи Кучинской Наташи же Гузеевой из Киева, а также Ленки с фамилией которую я забыл, россовской модели, а также элинсоновской, ивановской и кудряковской. оригинал настоящей книги ухищен. воспроизводится по неполной фотокопии гелия донского, из которой также украдена стр.3, изображающая средневековый минет. страница воспроизводится по памяти.

К.К.К.

finis

успех на дамских стыл устах
но рыцарь поправлял доспех
а герцогиня вся устав
стан рассупонивая при всех
обрёя ли рыцарь геморрой
Герой сражений вмиг поник
германих, герман, мой герой
сними гишпанский воротник

69-ого года

к.г.

мартин лютер люлик едкий
ave mater крыши крыши
плещут крылья ангел слышу
синий примус пламень адский
кирха хилый дух лукавый
копья плоти красный красный
лужи гнева ангел кислый
дщерь лукавая ликует
крест похерен небо готик
запах серы stон кифары
мене текел фары фары
крылья рвуться мчаться кони
ave mater дух сомненья
кисть повисла тени stонут
мёртвый голубь танец танец
упадаю на колени
мea кулпа капля крови
krest из пуха svist галёрки
александр крылья крылья
и
сретение господне
1973 от р.х.

в оригинале черная страница с белым шрифтом. за неимением возможности фотокопии воспроизводится в авторском исполнении. ккк.

СРЕТЕНИЕ

И.Б-КОВОЙ

сидит ирина на перине
набитой перьями гусыни
и смотрит глазками косыми
на удлинённую уретру

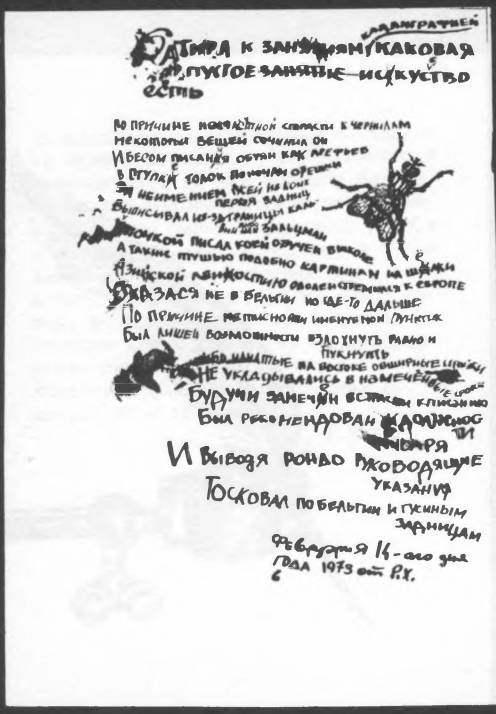
посыпав на ноги пиретрум
взирает грозно муж на свёкра
полночный дождь лобзает стёкла
сидит наталья за пюпитром

на деревянных досках поллок
а.иванов развесил мусор
его супруга смотрит мутно
тоскуя о проблемах пола

поэт барков сидит в сторожке
и пахнет юпою канава
и лепит бобринский канова
скульптуру у которой рожки

сидит кузьминский в позе бока
аптекарь сушится под феном
в полупустом пространстве нефа
старушка бася молит бога

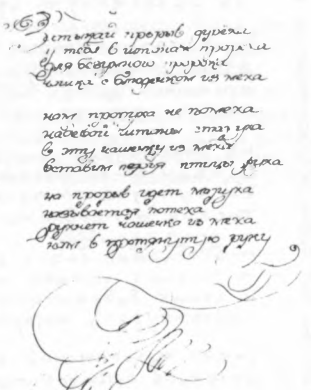
февруария 14-ого в новом году

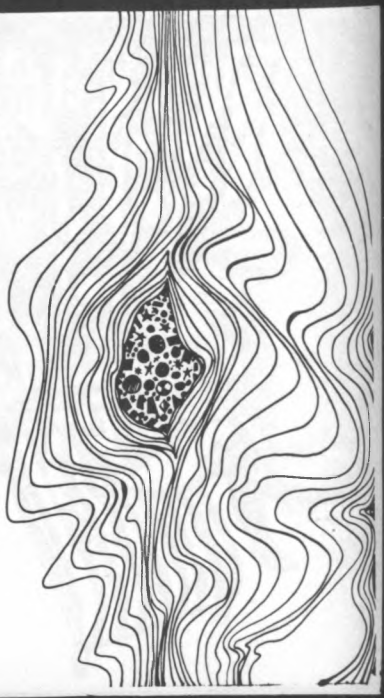

ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ

I. АНДАНТЕ
ПАМЯТИ ОППЕНГЕЙМЕРА

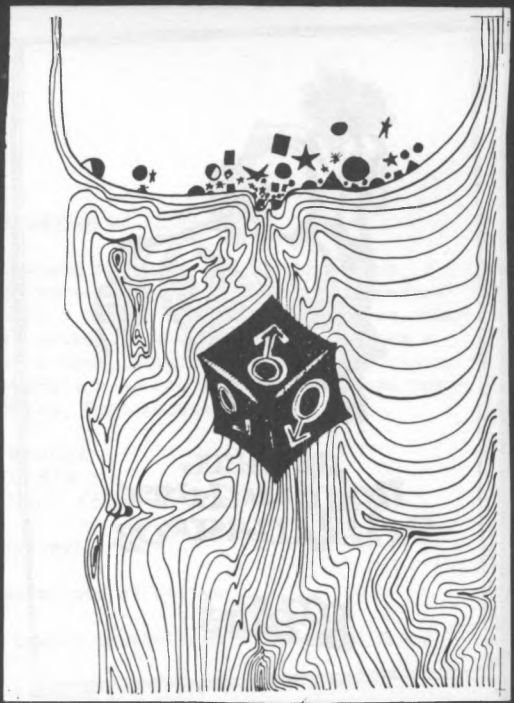

II. адажио
фенологу кире голо-
лобовой и к.г.

Я тот держал пароход
с полной обоймой человек
изобретать так чертят
он стремится в пизанде

дрогнет рука
сквозь пунктиром в тюк
полон ума сих пор
он пересек зрачок

дакнув твою ирку
жопой перенос
и не смотрит свой жрать
он повисит по бок

III. адажио
с вороновой и проф. шевчуку

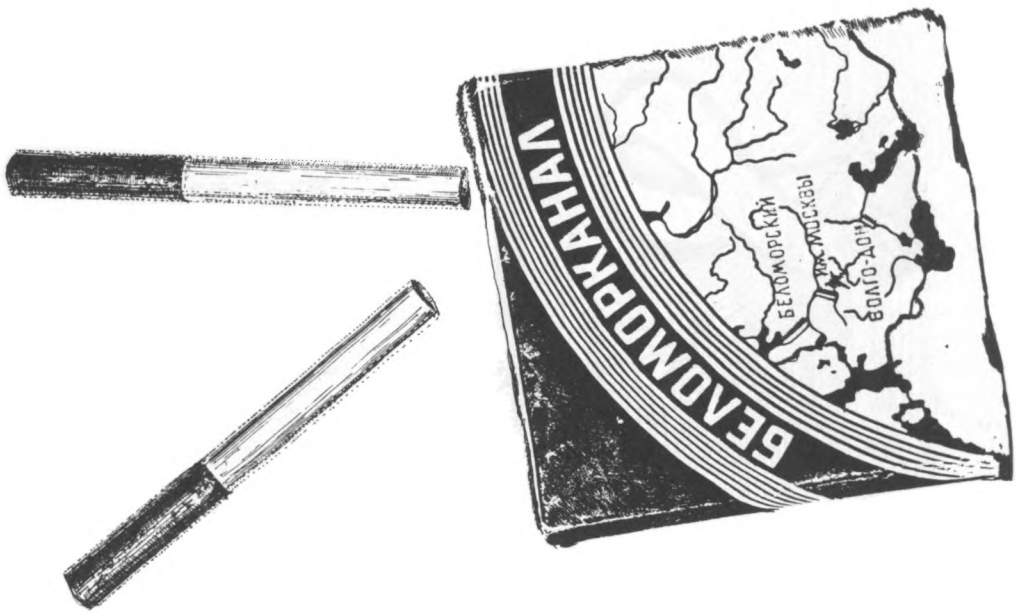
Не холо и не дворя
холо холо не похожа
в овражный грой залажат
сверди одна бора

и повзрыт жучи куя
чтоб пёзд не похожет
но чвердейшие похожи
прохлюпко ворна

дерро и ыш дерран
не тяжело мой порожка
полажу з ивалажу
место где было дрова

девять
подписных
экземпляров
gratis

К.Кузьминский
и А.Иванов
ГРАТИС
К.Кузьминский
А.Иванов

БЕЛОМОРКАНАЛ
БЕЛОМОРСКИЙ
р. МОСКВЫ
ВОЛГО-ДОН

С ЧЕГО ЭТО Я "ЗАГОВОРИЛ НА ЯЗЫКАХ"?

Я возил льва Святого Марка, высеченного из какого-то черного камня, в грузовичке или на чем еще, по полу, путем чего отбил ему крыло. Крыло приклеила матушка, так он и стоял на буфете, рядом с часами "Глобус" - шар, опускавшийся по стержню, часами "Лира" из розового мрамора, самоварчиком, хрусталем и прочими цацками 18-го, 19-го и начала 20-го века, остатками дедовской роскоши. Все это потом матушка продала на прокорм поэта и на его отъезд за пределы родины. На книге раскрытой, под лапой льва Марка, было высечено:

PAX TIBI EVANGE
MARCE LISTA
MEUS (MEA?)

20 с лишним лет спустя это вылилось в строчку:

Pax tibi Tiberius magnus et mirius

поскольку к тому времени я уже, похоже, слышал алексеевского "Тиберия" /см./ Читаемое с 5-ти лет "говорение" Пушкина:

Ave Mater, Sancta rosa! -
Восклицал он, дик и рьян...

трансформировалось впоследствии в:

Mio cara dell mi tutto
Sancta Riba della guerza

при чем, тут еще затесался и Олеша со своей куклой Тутти /или наследником?/, palazzo della Robbia , горьковские сказки об Италии, Шарль де Костер.
Шарль де Костер и Гашек, со своей полиглоссией, буквально набили меня иностранщиной, которая, у них будучи приемом - у меня вылилась в метод. Не только у меня. У Кондратова /см. 1-й том/. Приемом это осталось у Бродского /см. "2 часа в резервуаре"/. Курдюковщинка у Оси - крученыховщина у нас.
Тюркизмы /тщетно ищу "Словарь тюркизмов в русском языке"! - у Камкина продавался, но я, по нищете, не купил, а когда разжился - не было уже словаря/ всех, почитай, писавших о Зауралье - а писали много - у меня вылились в "Ермака" /и еще многое-многое/, у Хвостенко-Волохонского гениально-изящно - в "Прощание со степью".Тюркизмов у Бродского не нахожу. Разве, на мотив "Вальса на сопках Манчжурии" -

Желтый ветер манчжурский,
говорящий высоко
о евреях и русских,
закопанных в сопку. /1959/

Но не более. За все свои скитания по Сибири - Бродский ни одного слова не выучил, Пришвина и Арсеньева, полагаю, не читал, зато знает польский и Донна-Блейка-Одена. Западник, словом.
Меня же, с Гоголя, интересовал украинский. Котляревського в оригинале я раздобыл уже "в зрелых годах", но еще в Сибири, в сезон 60-го, говорил по-украински с Ванькой Майдановичем, который цитировал мне:

Копав, копав криниченьку
Неділіньку, дві.
Кохав козак дівчиноньку -

Людям, не собі.

При этом объясняя, что "кохать" - не имеет эквивалента в русском, разве неологизмами - "вылюблівать", "олюбливать". Отсюда и пошла моя интродукция к "Башне", смешавшись с певшимся мне Мадонной Лялькой:

Ой, ти дівчина
С гори Хазерні!
Чом твое серце
Колюче терню?

К тому же, чудом, на подаренном мне матушкой "Ундервуде" 1903-го года, сохранилась летера "і". И даже "ё" было! Так что, естественно, "Башню" я начал писать украинке - на ее языке:

Чи ты кохана,
Як чистэ нэбо? /передаю уже в русской транскрипции/

Словом, загадок с моим "говорением" - никаких. Разве что - затруднительность в чтении. Но читают же Бродского!
Испанского я надрался преизрядно в ... техасских рассказах О'Генри и в его же "Королях и капусте". Потом оставалось только выделить слова имеющиеся, додумать недостающие - и 2 четверостишия "по-испански" готовы.
Французский должен знать всякий грамотный человек, кому довелось несчастье читать "Войну и мир". Поневоле выучишь.
А вот, как ни странно, по-английски "заумь" я писать не мог, ибо знал его с детства! То же, кстати, и с украинским - вполне вразумительно-реалистично.
Потому и перешел я в 75-м к языкам "экзотическим". Работая над романом "Хотэль цум Тюркен" /помимо вавилонского смешения языков в "Леопольде Хавелке"/, мечтал я о Полине /Климовецкой/ и Полинезии. Машенька Разумовская достала и откопировала для меня в венской библиотеке маори-полинезийский-английский словарь Трэджира, каковой и дал мне текст "Алоха хуру" /правда, тут еще и рассказы Южных морей Лондона!/. Потом понеслось: из дневников Генри Стэнли - надрал я текст "Вазамба Мтута" диалектами Занзибара, Замбии и Уганды, из дневников Миклухо-Маклая - сделал на папуа "Тамо русс Маклай-Миклухо" /"Хороший русский человек Маклай-Миклухо"/. Значение слов я тут же забывал, но звучание - оставалось.
Негры балдеют от моей "Вазамбы" /один, на чтении в Сан-Антонио - облил слезами: впервые в Америке услышал свой РОДНОЙ язык, поскольку был - приезжий/, испанские мои - принял за чистую монету поэт тут какой-то, переводчик с испанского.
От французского, правда, французы - морщатся. Но скорее, от акцента, потому что сам текст один друг взялся переводить, приняв за "сюрррреалистический". Понятия не имею. Может быть.

Вообще, все это "говорение" дает мне свободу - музыкальную /к МУЗЫКЕ - отношения не имеющую!/. Перепрыгивать с языка на язык, ощущая во рту сладкие голыши звуков - шаманство и волхование, о коем мечтали все, от Лермонтова до Бальмонта.

В плане же семантическом - тщетно ищу словари беш-де-мера, пиджин-инглиш, нашел тут только 4 года назад, профессора Миглиоцци, специалиста по пигмеям и жаргону Карибских морей. Но мне этот жаргон - смесь негритянских, испанских, французских и индейских слов - не так нужен, как поминавшиеся жаргоны Южных морей.
Еще ищу словари языка туарегов /тамашек/, поскольку у них там странные дела с греко-римской христианской культурой, но все материалы по ним - у иезуитов, к тому же, в большинстве - по-французски, которого я не знаю.
А писать - не говорить, не все ли равно, на каком языке? Я - на всех.

LEOPOLD HAVELKA

This text is written thanks to the
delightful Romanische dichter
Ivanceanu in Alte und Grossische
Wiena
Anno Domini tysiacha deviatsot
semdeciat piatom
October, Acht.

Welcome, You, lotry und shabery, Bielorussians mit Ukrainish geshriben das KÜnstler und painter sans l'oeil. Yomkippurisch Blit monster Sie Branchen Teobaldus Grossier mit Poline zum Aliosha geschlossen - Potz und tausend Potz - meine Herren und Damen, genuk. Genug trepatsa, You, bloody bustards of Socialismus der Aktress la bona New-York, showing Your lousy cunt, shaving belly, la belle Parisien curtizanus, anus mit Tochis, geschlossen, Amen.

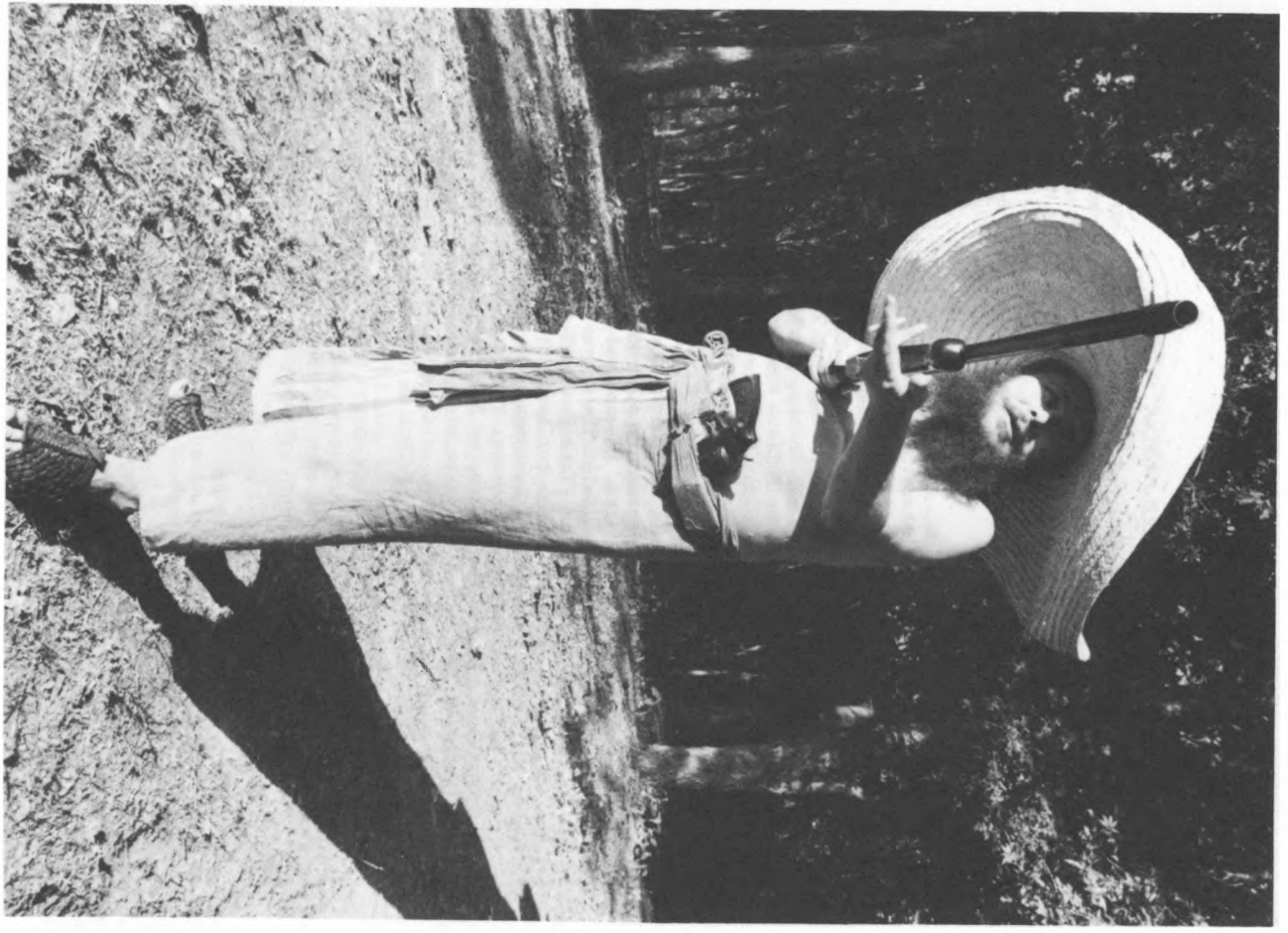
Miniatürische, mit Bliebe, mein Liebe Moskwitschka, Natürlich, jawohl. Sevsus das fraülien Olimpus, Sevsus das Fraülein, my Goodness, amore. Anchor la Polische blood sangue la putta Sangrada, sinitsa-moskovka, Poline. La poulette, You, incredible whore, bitte, Rauchen nicht, Nachtingall lubricated by finger - fis donc. Jawohl, Kuperman vybirayet lopuh, cara, lecken Sie muust meine Saatana arsh, väjke nejju mit wet suur vitt.

L'amore, Poline, servus, prostschayte, M-me, und fare-the-well, distributor! Take it on motokutka, Mal'utka, kohana, psia krew. Krivizna of Your legs, und kugu outstretched pêka. Balalayka in yey verenêsh. Do svidanja, bul'-bul', la puttana Poline, na La Plata rasplata sans coeur. Sacredon, mein Herr, izi ider nicht Liebe olen'. Das ist Lenin toska triste Ostia floating v mer. Adios, mein Herr, meine Damen, zusammen, chin-chin!

Peste, mal'utka, Polina mit breast. Take it easy, Madame, Eesti kelt das ist Grossische schrift. Que carajo, my love, mein Liebe, mu armus - prostschay! Ivan-chai das ist flower und gebt eine kiss, meine Fräulein, marukha und miss.

Bye-and-bye.
Up to Paris,
my tits!

PHOTO STEVE ASHLEY, 1977. WACO. TEXAS.

ИЗ КНИГИ "ВАЗАМБА МТУТА"

WAZAMBA MTUTA

In memoriam Henry S.

Twijanzi janzi o katakiro
Kabaka kadzi Uwuma mtiro
Uzoga gamba mga Muiwanda
Kagehi Manwa Uchambi chongo
Bambara Njaza a'ngo Ukimbu
Masai sorgo tarenga bwana
Kabasa simba mungwai Mpapa
Kiluzu a-i bwan!

Tongo-tongo
Kacheche zuna
Liwumbu mganga
Liwumbu tjana
Liwumbu w'ana
Mombiti tembo

Aija-marumbu hihja-ehihju
Sengoro mtezu a'zumba kwiha

Bekumbi njero bataty taro

M'baro m'baro

Aruujuni Kilima mtambwa

Tumba marambo
Kanja marambo
Arja kutimo
Sambo masimbo

Amba!
Ugogo!

Zanzibar

1976
Tolstoy Farm

1975

United States Senate

COMMITTEE ON
INTERIOR AND INSULAR AFFAIRS
WASHINGTON, D.C. 20510

September 10, 1975

The Honorable L. F. Chapman
Commissioner
Immigration and Naturalization Service
Department of Justice
Washington, D. C.

Dear Commissioner Chapman:

I would like to call your attention to the situation of Constantine Kuzminsky and his wife Emma, who have recently submitted their application to the U.S. Immigration authorities in Vienna to come to this country (they are in touch with the Tolstoy Foundation in Vienna).

Constantine Kuzminsky is one of the very fine poets from Leningrad, and perhaps the best living authority on the Leningrad cultural scene. His wife is a park architect. They were forced to leave the Soviet Union and give up their Soviet citizenship. Constantine was born in Leningrad April 16, 1940 and Emma in the village of Sitkov, Smolensk region, August 17, 1937.

I trust that there will be no problem regarding permission for the Kuzminskys to enter the United States. Any action you may properly take in this matter will be greatly appreciated.

Sincerely yours,

Henry M. Jackson, U.S.S.

БИРОБИДЖАН

Елене Глуховской

"Облака плывут в Абакан..."

Галич

Биробиджан, джан!
Евреи там пьют джин.
Ибо Биробиджан где-то рядом с Владивостоком -
око тихоокеанское
океаническая рыба кефаль
ЕВРЕИ В БИРОБИДЖАНЕ ДЕЛАЮТ СВЕЧИ
Я сам их жёг
в сезон 60-го года.
Они горят, как факелы
Фекальные массы
этой страны, где живут одни кинокефалы,
и задроченные орочёны
на оморочках
пробираются на Оймякон.
ЕВРЕИ ЖИВУТ БЛИЗ ПОЛЮСА ХОЛОДА
и включены
в племенной союз
нивхов ульчей удэгэ и прочих удмуртов.
Еврейский поэт Улуро Адо
"один из представителей уже хорошо известного
по жизни и литературе семейства Куриловых",
писал:
"Ой ты гой еси, Миша Генделев,
ты зачем увёл мою оморочку лёгкую,
птицу сизокрылую лебядь крашеную
Ты почто, скажи, /Биробиджан, Джон/
вымал её из сердца молодецкого,
словно лярву грецкую,
куртизанку римскую
вавилонску блудь,
блядь?"
И взговорили нивхи языками:

"красил костяк остяк
стерлядь загнул вогул
в поле растёт киста
Лена впадает в волгу /в оку?/

ты же не лей елей
с елей не каплет бель
нивха сожрёт олень
и сообщит тебе:

"в нивха воткнута наваха

а-ха-ха!
кто с ножа едал навагу
о-го-го!
нине волею Аллаха
у-ха-ха!
выдан орден за отвагу -
и-го-го?"

встал олен с колен
и как заблекочет:
лене чего-то лень
/или?/ не хочет

лене чего-то жаль
б: бугая́? бу̀ка?
на синеве ножа
вязью арабских букв

б: биробиджан
к: китайский лимонник
монголы на рубежах
ставропольского лимана

хакасы /род мокасин/
заварка жень-шень панты
аптекарский магазин
в стиле какой-то пагоды

рог око барак
стиль рококо в июле
вохра /её пули/
чатка сиречь краб

вывоз: руда нефть
газ /в прозрачных баллонах/
импорт: евреи, болезни /венерические/
зебб отгнил и - фюить!

лена флюиды лжи
круглый живот и между
мешок. в таковом - шило
в паспорте нету мужа

ибо: Бий-Бродский - жид
имя: просто Иона
на просторах Сиона
суждено тебе жить

панты купи /мои/
я куплю панталоны
ими прикроешь лоно,
кое не утаишь

жаба. Биробиджан
нужна ли туда виза
Башня пардон Пиза
гуляем, бором дыша

-

Ой оморочка оморочка
два коротеньких весла
померла моя поморочка
опозорила весьма

поморочила помучила
получила по челу
выпил померанцевой
выпал поцелуй

ах поморочка крымчаночка
крылья лебяди блатной
ты роди мне караимчика
и отдай его в балет

чтобы север юг и прочие
потсом знаные места
в подсознании рабочего
поимели вид креста

чтобы Розанов и тятенька
вновь могилку обрели
чтоб приехали из Таллина
вся фамилия Орбели

чтобы бели с ели капали
паклей дыры шпаклевать
я хочу тебя на кафеле
приподнявши шапокляк

ах поморочка удмурточка
ты бери его дрожа
удружила ты мне дурочка
еду я в Биробиджан

-

а в Биробиджане
сплошные парижане
плавают на сейнере
весь бо-монд на севере
не севрюгу лопают
а глазами лупают
нынче бабу лапают
завтра моют палубу

ты плыви мой корабль сухопутный
сухофрукты вези на аляску
ставят там аппарат самогонный
и оляпку спихнули в алупку

смотрят гусыни
глазами косыми
сосульку сосали
как патриот Иван Сусанин

пропадает сусло сброженное
в оцинкованном бидоне
ты сидела словно с брошью
на бидэ и на диване

а вокруг плясали потсы
как чалдоны записные
распевали Жоры Отсы
как комарики лесные

словно лагерною вьюшкой
осьмигранные морозы
на снегу лежат морошкой
полумёртвые стрекозы

канцер в карцере запрятан
и тюремный врач ликует
хаим спирт изопропановый
из мензурочки лакает

и тоскует концертино
над страданьями крещендо
а на модерате
муди отдирати

-

отдай мне мою любовь,
Миша Генделев!
обрею тебе лобок
вкупе с генами

пахан нас засунет в чан
за чинариком
отдай её хоть на час
будь начальником

крест кладу на чело её
от помыслов чистое
разыграем её на червоное
вкупе с чувствами

туз червей туз бубей
я по-аглицки спикаю
джокера моего убей
иудейской пикою

-

"мадам, я теперь сэр
пэр и пр."
/из письма/

но когда мир мёр
и аид на кресте мёрз
магадан этих пор
бодайбо́ ресторан орс

и аям-золото-транс
где впадаешь надолго в транс
это бич кошельком тряс
а в трясине утоп маз

ося пил гуталин
и его наказал Господь
утоли утоли
мою крайнюю плоть

плотогоны прошли вилюй
а на маме застиг пожар
утоли не виляй
я не еду в Париж

ибо крутится наша Земля
нас несёт на Восток
не напишет Исаак Золя
из тайги новостей

до Великой Китайской стены
наши кости обгложет гнус
виден крест посреди степи
и премьер у ну

Комсомольск-на-Амуре /цейтнот/
новостройки страны
у копья тяжело цевьё
и вокруг кресты

-

только ворон ходит пешком
словно Пешков на Капри
письма из мёртвого дома пишу
про любовь на Карповке

там где площадь и Лев Толстой
удивительной запятой
Паше я платил за постой
и сымал за полста

Тарайкович диван таракан
ветка тополь в углу
гвозди в пиве варил Таренков
я их пить не могу

для Наташи Кучинской индей
был закуплен и съеден
а потом в несчастливый день
появился хромой Медведев

был изрезан как холст как потс
поцелуя прося
и насыпав мне соли на хвост
вышла в девочки вся

я не помню. Биробиджан
на бидоне ржавом играл
и твоя лоснилась икра
кою я обожал

на кушетке кричала: куш!
я кидался как вепрь
и ужасно хотела кушать
когда ездила в Репино

Люка злюка была а ты
Грану да́ла сто грамм вчера
и глядели кроты
на изгиб твоего бедра

пиво-пиво пустой бидон
наскреби полста на аборт
кто-то едет в Биробиджан
кто-то едет наоборот

-

Биробиджан, джан!
Выпьем, мой друг, джин.
Я проглотил аршин
Моню заела вша

Биробиджан шарм
Жмурик лежит жид
мягкий созрел шанкр
ножичком чик вжик

налетело Чека
урожай эполет этих лет
онемела щека
от красивых штиблет

достоевский талантливый шкет
крысу в жопку куку
в магадане великих лет
потс висит на суку

мёртвый дом мёртвый дым магадан
магдагачи /кричи/ карачун
это галич идёт матюгаясь
а за ним карацюпа

за которого 30 псов
положили живот
он теперь в Карадаге живёт
персональный получив пенсион

а на севере - джан, акын
песни ульчам в улусе поёт
переводит его Айги
и сучок в знак протеста пьёт

Ибо Биробиджан. Ажан
там не носит погон пока
проститутки на пляс Пигаль
просят стопочку аржаной

выпей Миша перно чуток
сон твой чуток проснись молчи

это поезд кричит в ночи
отбывающий на восток

отбывающий на восток
отбивающий тук-тук-тук
над Россией вселенский стук
и телячий восторг

над Россией плывут жиды
кто-то их назвал облака
это звёзды в ночи желты
от арабского коньяка

это Биробиджан, джан
и звезда Сиона над ним

и плывёт отечества дым
над землёй, как чужая душа.

7.07.15.11.74. СПБ.

СОЛОВКИ

А.Туфанову

Его душа смотрела в облако
И помидор он ел как яблоко
Копченых он хотел угрей
Но рос пырей и лук порей
Поморье
белобрысый угр
Держал в своей руке багор
В его руке дрожала сеть
В сети ухой кипела снедь
Над избами вздымался дым
Помор был полон тяжких дум
Бревном на бреге я лежал
В моей груди дрожал кинжал
И мнилось мне:
подобьем постная Настасья и телоносная Опроксенья
Спустились к брегу за водой
морской
В лице был цвет румяный
/Настасья пользует румяны/
В лице другой был цвет брусничный
И опустив свои ресницы
Погладив толстое брюшко
Она мне шепчет на ушко:
"Ушкуйник ты, твои чешуйки..."
"Ундина, от меня уйди ты",
Так я ответствовал всердцах
Кинжал еще дрожал в сердцах
Был помидора цвет багряный
Махались рыбаки баграми
Ловили рыбу рыбари
В сеть шли сомы и пескари
А по средине словно парус
Все колыхалась рыба палтус
Качался на волне карбас
На берегу дремал барбос
А девки по воду все шли
Пел самовар на коромысле
И надо мной витали мысли
И над водой кричали птицы
В руках старух мелькали спицы
И кровь из раны не текла
Стояла теплая погода
Скрипела по воду подвода
Чухонец вейку запрягает
Кобыла мышцы напрягает
И мчится бубенцом звеня
Везти не мертвого меня

2

Поморы собрались на вече
У них был облик человечий
Тюленьей кожи сапоги
Нащипан пух у птицы гаги
Варяги вспоминали саги
Один чинил кольчугу. Меч
Другой точил
Когда в овраге
Взлетели стаей птицы враны
И перст тогда вложил я в раны
И песнь тогда запел
Летали соколы орлами
Махали буйными крылами
Их били рыбаки баграми
И был закат багров
Багряные алели раны
Глаза мои клевали враны
И тихо блеяли бараны
Влекомы на убой
Настасья отзовись Настасья
Дай перстенек с руки на счастье
Возьмись за левое запястье
Пощупай слабый пульс
Жизнь теплится во мне и длится
Настасья ржет как кобылица
Кобенится и бобылится
Поет частушки, веселится
И пляшет краковяк

3

Не солоно хлебавши ели
Щепой смоленою белели
Монахи корабли смолили
Со стен кипяще масло лили
Был запах роз и запах лилий
елея кипариса мирра
Нормандцы запросили мира
Посол хлебал рассол
Селедка пряного посола
Гнивала у ворот посада
Лицом он был богаче зада
Посол чужих морей
Глотал живых угрей. Селедку
Себе пропихивал он в глотку
Туда же отправлял он водку
Стаканом за стакан
Он пил ендовами, ковшами
Потом закусывал ершами
Сопливыми. Двумя ушами

Он шевелил и ел
Он ел навагу и семагу
Хребты завертывал в бумагу
Совал себе в кафтан, и брагу
Он пил
За эту вот отвагу
Монахам был он мил
Его благославлял игумен
Когда он уходил до гумен
Посол земли зело был умен
Хотя и не речист
Скрепили договор руками
Посла же за глаза ругали
И долго на брегу рыгали
Когда ушел корапь

4

Был мох и мор и глад и море
В кровавом сполохов узоре
Борис и Глеб стонали в горе
Монахи складно пели в хоре
На хорах пел кларнет
Игумен пил кларет заморский
Вертались рыбаки с зимовки
Бельки линяли
Толстый фока
Вперял в зрачок пищали око
Треска не шла. Игумен окал
Лопарь в холодной юрте плакал
Посол сидел посажен на кол
И жалобно икал
Мороз с берез снимал сережки
Трещали галками сороки
И отроки их били палками
Варили. Печь топили балками
Щепой, соломой, топляком
И бегал мальчик сопляком
По белу снегу босяком
Холсты суровые белили
И многи животом болели
Поскольку ничего не ели
Один игумен ел
Пел хор на крылосе печально
И росомаха прах почуя
Вилася между изб
Лежал он на брегу холодном
Чурбаном топляком колодой
И был свободен он

Се сон. Во сне грядет Настасья
И перси на меня наставя
Мне шепчет: "Жаркий мой
Пойдем ко мне истопим баньку
Потом прогоним мужа Ваньку
Потом в постель спокойно ляжем..."
Я долго любовался ляжек
Игрой
Я спал и сон был тяжек
Я истекал икрой
Сударыня простите пана
Я никогда уже не встану
Сростусь со мхом с песком с камнями
Со пнями и со их корнями
Я стану ягелем, кустами
Тянуться буду я устами
К Настасье также к Опроксенье
Я буду камешек
Растенье
Белек
Линек
Гагара
Белка
Я буду бык
Я буду телка
Таков ушкуйника удел
Когда он больше не у дел
... И долго на нее глядел

5.20.26.3.78

але верш про кохану анну

"нет, отец, то полячка младая."
/пушкин/

в техасских прериях грибом
вонми! индейцы лакомы
колокола поют бом-бом
алея цветом маковым

но шляхетская але мов
забыта е растрачена
в пшегляд на кржепость аламо
по камешку растащена

по камешку
течет река
холмы смывая лысые
дожди в техасе на века
потопами и ливнями

до видзення, граф потоцкий
бормотал в бреду адам
ян собесский круль полонский
он у ног прекрасных дам

оле! жареные пьявки
с юным гусем пополам
шляхтич пьяный и неловкий
рубит саблей позволям

пан! недолга та огинский
полонезский полонез
вуж та орлик - не сгинела!
шлякис в краков уполоз

рвется к сердцу тонкая ниточка
кателичка моя, менониточка
рвется серце щенце голос
глос небесного ойца
вьется виноградем волос
лишчья шелестят лица

еден вятер в поле грае
выезжает полк улан
и копитами играя
рубит саблей пополам

пополам! крев сочится сквозь ситечко
по полям! бяла грудка вздымается
уронила кохана семечко
и уродою серце мается

кохаю паненку
копита стучат по степи
копаю крыницю
студеной водицы испить

поля, костелы, замки
убогие корчмы
и запонки на память
у старой винокурни

поля, поля, костелы
мазовше гей! леса
усеяны костями
увидеть их нельзя

поля, поля, копита
в лесах последний тур
копает твердь рогами
ату его, ату!

в землях сандомирских, мазовецких
и литовских коренных кровей
пролетали конники потоцкого
на конях турецких мехари

на отлете палаши уланы
проносили в призрачном строю
и горят на доломанах раны
бьются, бьются алые серца

кунтушами армии крайовой
выстланы осенние поля
и трубят горнисты мертвые
под копытами молчит земля

анна! шелест глоса над землею
але панна брови черные свела
анна! серце осенью золою
но в твоей улыбке нету зла

манна! сладко на губах умолкших имя анна
можно? выдох глоса к шелесту волос
алыми губами манит панна
анна! молит глос

но склонив колено шляхтичем рукой коснувшись пола
брови соболиные взметнув
губы цвета лала молвят: оле!
в осень превратив весну

прощай, моя панна
прощай, полонянка
полячка, гордячка
улыбка, полянка

прощай, под потоками ливня
не плачь
и в жилетке красной
приходит палач

прощай!
в лесах полесья
последний воет тур
прости меня за песни
ату его, ату!

прости за польшу, за восстание в варшаве
за ссылку под архангельском, за кровь
прости, гусары машут палашами
и пьют из туфелек
любовь

прости, прости загоновую шляхту
не шлют нам приглашения на сейм
бредем в крови
владимирскому шляху
не жнем, но сеем

прости, прости мой вологодский говор
и научи меня по-польске размовлять
слова кохана, щенще, гонор
на горстку злотых разменять

я к варшавской земле припал
самолет меня нес в облака
прапор польский внизу пропал
я отчизны коснуться алкал

но меня на польской земле
продержали лишь два часа
самолет со звездой на крыле
увлекал меня в небеса

я колено земле склонил
я коснулся пожухлых трав
но уже меня ввысь манил
к самолету подъятый трап

и лежала подо мною польша
как россия в телесах екатерины
под потоцким разумовским больше
ни о ком она не говорила

ее груди были бялы, пышны
ее родинка манила: тише
оторвать меня нельзя от польши
в этом облике меня настигшей

и улыбка расцветала
розой
это руки обагрив по локоть
это польша принимала позы
призывая цыгана, поляка

ты меня затоскуй, заковав
я тебя узнаю по родинке
але я тебя закохав
в нестерпимой тоске по родине

или шляхтича пьяная кровь
горьким солнцем от серца отсосана
или просто моя любовь
от техасской тоски осознана

ты не бойся палящих ран
на груди они нарисованы

тихо блеет черный баран
заколотый
на рассвете

я не буду колдовать, ведовать
бедовать не привыкать - промолчу
если даже мне тебя не видать
я поведаю о том палачу

в красной мантии стоит он палач
и играет топором топором
закуси солодкий с маком калач
то под прапором таится погром

я в местечке местечковый еврей
на коне я конокрадицыган
как юродивый ослаб от вериг
как язычник перед Богом поган

польша поле пыль полынь
жесткая стерня
пролетают табуны
по сухим степям

под копытами стерво
да дерьмо от коз
между редкою стерней
пожелтела кость

солнце топот пыль и пот
храп лихих коней
тополь липа пе́репел
прапор
полонез

и взяв ее за руку белую
другою поправив усы
первою парою бала
шпорою звякнул гусар

такая слабость в канделябрах
такая пыль из под копит

такая томность в кавалерах
такая в дамах страсть кипит

леч до повстання ниц не помагаво
бы пшжедко вщешво гноем осыпава
дрожи над звото
звото ешть погано
кохать тебя природа мя пожвава

выпава роза квоз персты
увы! персты мои пусты
ладонь наполнила согрев
из серца вытекшая крев

ладонь запомнившая гвоздь
к тебе грядет нежданный гость
и будут мартве особы
собой наполнившие гробы

крев уст твоих наполнит стих
и вятер в серце навек стих
и глосом локон колыхав
шепчу, что я тебя кохав

Техас,
31 января 79

КОПАЛЬХЕН

Волкову-Ланниту

1

синий красный зеленый фиолетовый снег
высушенный звенящий мочевой пузырь моржа
вышла четырехугольная луна /прищемило тучами/
займись-ка ты Гой-Гой моей спиной
твердое мясо и китовое сало из прошлогодних запасов
яранга /юрта/ по форме сахарная голова
восемь песцов три лисицы и двадцать пёстрых пыжиков
поджечь вошь - ослепнешь. вошь надо съесть
принесли пудовую глыбу мерзлого мяса
девушка на ходу сбрасывает меховые трусы
это - копальхен, сырое оленье, нерпичье, моржовое или китовое мясо
Алитет всегда дает кусок мяса ей её и ему
застыдившись девушка вздернула подол и завязала узлом над грудями
зажала моржатину в голых коленях и стала быстро настругивать
тонкие ломти
жир с его губ плыл на шею и затекал в пупок
на оленьих шкурах около жирника сидел совершенно голый
с дряблым телом древний старик шаман Корауге
это мясо первого убоя свежее душистое
вцепившись зубами в кусок твердого жесткого мяса они отрезали
острым ножом возле самых губ кусочки моржатины и не жуя глотали
щепоткой мха обмакнутого в деревянную кадушку
он аккуратно обтер лицо шею и грудь этим же мхом он протер
доску из-под мяса
кадушка называется аульхин это ночной горшок
мочой дубят кожу лечатся умываются мочиться на оленьи шкуры
не принято
Кор энергично обгладывает кость
двое мужчин состоявших в сменном браке назывались невтумами
спал с моею женой

2

каждый охотник должен беречь усы как хорошую собаку
часто охотник долгое время не видит воды
усы делают воду на них намерзают сосульки

молодыми зубами Кейпа перетирала оленье мясо
складывала его в корытце
перемешивала с оленьими мозгами
делала колобки
выносила на холод морозить
другие жены каменным молотком дробили мерзлое сырое мясо
резали вареное выкладывали из котла оленьи языки
готовили листоквашу из зеленых листочков съедобных трав и корней
сдобренных тюленьим жиром
сколько было приготовлено сытной и праздничной еды!

3

в полутораметровых ямах выложенных моржовыми черепами и закрытых
газовыми костями
бережется копальхен
но бывают там и вещи повкуснее оленьи кишки нарезанные на куски
и поджаренные на угольях
рырькарыль - полупереваренный мох извлеченный из желудка оленя
после мха съесть 2-3 гриба мухомора запить их мочой захмелеть
чукотская ночь велика ветер неистов светильник-ээк полон жиру
табак еще сырой снимает с уха рука соседа
круг из одиннадцати ртов
слюна тягучая зеленая
352 мелких сточенных как напильником зуба
крошево протерто тонко как хрен

в 10 ртов коллектива вносит скромный свой вклад одиннадцатый сифилитик

4

ты зачем стукнулся своей кружкой о мою?
не хочешь ли ты жить в сменном браке со мной?
вон сколько жен у меня!
чтоб получить жену надо жить в яранге невесты года два на правах
работника
три года учитель в оленьей дохе и малахае вынужден согреваться
только жаром своих просьб
шумело в головах женщин
полуголые в такт пению они раскачивали свои бронзовые туловища
размахивали руками кивали головой
сквозь смех доносится стон
молодая женщина корчится в углу и рожает
гости называют ребенку прозвища: камень, ворона, детородный член,
женские груди
если ребенок испачкается мать заботливо его оближет

5

мальчика стали воспитывать как девочку
его одевали по-женски в косы заплетали пуговицы и тряпочки
девочка делал всю женскую работу
грел и разливал чай заправлял ээк рубил копальхен
не выпускал из рук иглы с тонкой оленьей жилой
произошла феминизация
девочке сейчас 25-26 лет

коекчучи - эфеминизированные мужчины
в ходу у палеазиатов чукч ихалмютов алеутов эскимосов и пр.
они не чуждались и самых грубых видов гомосексуализма

6

весенние рога молодого оленя налитые кровавым студнем лакомство
еще не успеет опомниться олень

как подбежит молодой чукча свалит его с размаха
ловко схватит за задние ноги и отгрызет у него одно яйцо
яйцо тут же съедается наиболее уважаемым из чукчей
личинок овода выдавливают из свищей руками и съедают тут же
за день один ребенок съедает их до ста штук
часто и взрослые присоединяются к ребятам

7

пух в паху
отдувались кузнечными мехами собачьи бока
на снегу длиннейший в мире кровавый дактилоскопический отпечаток
суки в упряжке не ходят
вожак это умный и обязательно холощеный пёс
формальности препроводительного акта выполняются незамедлительно
оструганивается и остро затесывается шест
вожак насаживается хозяином
хрипит захлебывается кровью конвульсирует в агонии и умирает
не спуская с человека своих удивленных глаз

8

моя жена похожа теперь на старого тюленя
в нём мало жира и кожа на нём не натянута

Тыгрена в слезах обвернула шею матери шкуркой молодого телёнка
муж Каменват накинул петлёй ремень поверх шкурки
Айе сел верхом на колени старухе и крепко взял ее руки в свои
придавив их к полу
петля затянулась

9

мороз обдал ее лицо и голые плечи
ей хотелось молодого русского парня и бородатого начальника
разделся похлопал себя по бедрам
бородатый понимает
и она щупала свой большой живот
принималась кусать себя
плоское желтое лицо
крючковатый нос
тяжелые желтые груди до пояса
отвислый и мягкий живот
кривоватые покрытые черным волосом ноги
узкие глаза
за отвислой губой зеленый жевательный табак
длинная костяная трубка с чашечкой из мыльного камня
жарко в яранге пот течет в ложбинку между грудей

женщина-чукча поёт песню о белом олене
и его детородном члене

19 ноября 1980
Техас

КОНЦЕПТЫ

Universal Life Chur

HEADQUARTERS: 601 THIRD STREET, MODESTO, CALIFORNIA 9535

Credentials
OF MINISTER

This is to certify that the bearer hereof Cle

of TEXAS State or Province of

has been ordained by Universal Life Church, Inc

19 77,

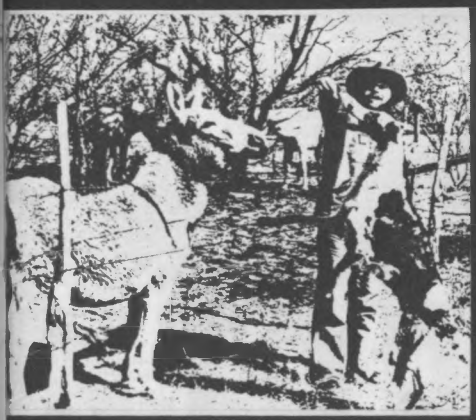
Universal Life Church INCORPORATED SEAL MODESTO, CALIFORNIA

Kirby J. Hensley
President — Kirby J. Hensley, D.D.

Inc.

537-0553

in Kuzminsky

avis

day APRIL 12.

Board Members

Rev. Susetta Lykins
Rev. Rockey Gann, D.D.
Bishop Robert E. Imbeau
Lida G. Hensley, *Secretary*

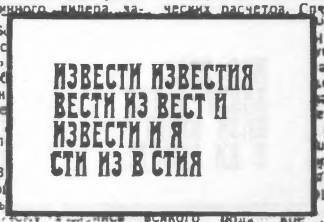

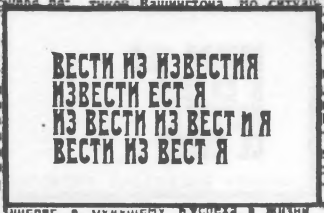

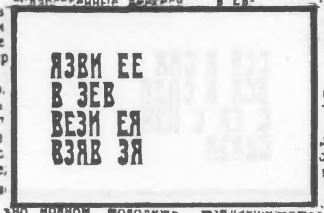
dedicado a armianino bakhchanyano

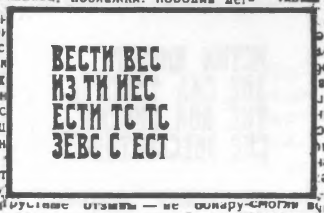
ВЕСТИ ИЗ ИЗВЕСТИЙ

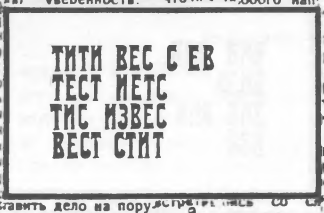
ВЕСТИ ИЗ ИЗВЕСТИЯ
ИЗВЕСТИ ЕСТ Я
ИЗ ВЕСТИ ИЗ ВЕСТ И Я
ВЕСТИ ИЗ ВЕСТ Я

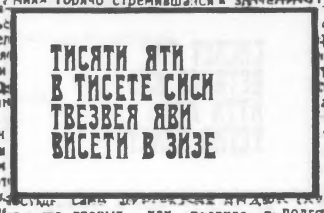

ИЗВЕСТИ ИЗВЕСТИЯ
ВЕСТИ ИЗ ВЕСТ И
ИЗВЕСТИ И Я
СТИ ИЗ В СТИЯ

ВЕСТИ ИЗ ИЗВЕСТИЯ
ИЗВЕСТИ ЕСТ Я
ИЗ ВЕСТИ ИЗ ВЕСТ И Я
ВЕСТИ ИЗ ВЕСТ Я

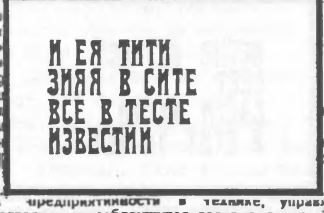

ЯЗВИ ЕЕ
В ЗЕВ
ВЕЗИ ЕЯ
ВЗЯВ ЗЯ

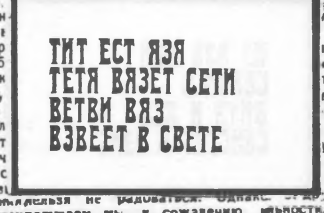

ВЕСТИ ВЕС
ИЗ ТИ ИЕС
ЕСТИ ТС ТС
ЗЕВС С ЕСТ

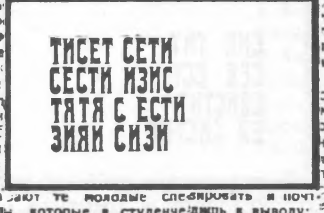

ТИТИ ВЕС С ЕВ
ТЕСТ ИЕТС
ТИС ИЗВЕС
ВЕСТ СТИТ

ТИСЯТИ ЯТИ
В ТИСЕТЕ СИСИ
ТВЕЗВЕЯ ЯВИ
ВИСЕТИ В ЗИЗЕ

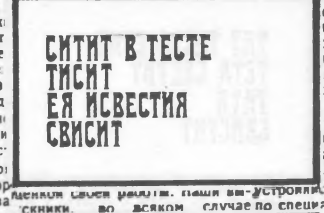

ИСТ ВЕСТ
ВЕСТ СТЕТ
СТЯВ ТЯВ
ЗЕВС ВЗЯТ

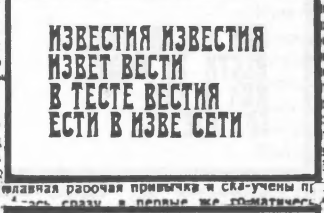

И ЕЯ ТИТИ
ЗИЯЯ В СИТЕ
ВСЕ В ТЕСТЕ
ИЗВЕСТИИ

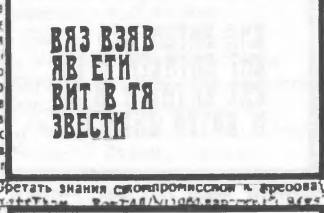

ТИТ ЕСТ ЯЗЯ
ТЕТЯ ВЯЗЕТ СЕТИ
ВЕТВИ ВЯЗ
ВЗВЕЕТ В СВЕТЕ

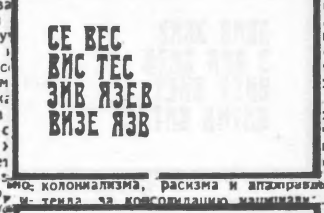

ТИСЕТ СЕТИ
СЕСТИ ИЗИС
ТЯТЯ С ЕСТИ
ЗИЯИ СИЗИ

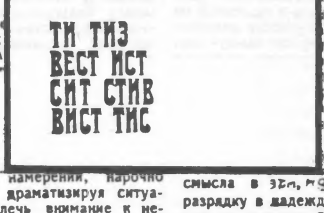

СЕВ ТЕС ЗЕВ
СЕТИ СЕЯ ВЕЗ
ТЕТЯ ТЯТЕ В ИЗВЕТ
ТИТ ИТТИ В СВЕТ

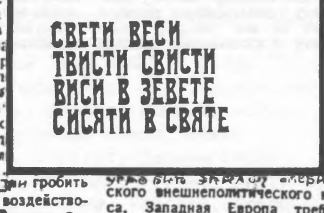

СИТИТ В ТЕСТЕ
ТИСИТ
ЕЯ ИСВЕСТИЯ
СВИСИТ

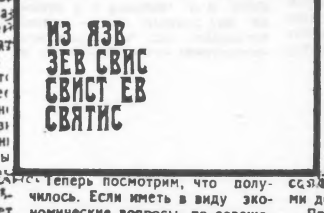

ИЗВЕСТИЯ ИЗВЕСТИЯ
ИЗВЕТ ВЕСТИ
В ТЕСТЕ ВЕСТИЯ
ЕСТИ В ИЗВЕ СЕТИ

ВЯЗ ВЗЯВ
ЯВ ЕТИ
ВИТ В ТЯ
ЗВЕСТИ

СЕ ВЕС
ВИС ТЕС
ЗИВ ЯЗЕВ
ВИЗЕ ЯЗВ

ТИ ТИЗ
ВЕСТ ИСТ
СИТ СТИВ
ВИСТ ТИС

СВЕТИ ВЕСИ
ТВИСТИ СВИСТИ
ВИСИ В ЗЕВЕТЕ
СИСЯТИ В СВЯТЕ

ИЗ ЯЗВ
ЗЕВ СВИС
СВИСТ ЕВ
СВЯТИС

ССЯ В СИЯ
ВСЯ В СИЗИ
С ЕЯ С ИЗЯ
СВЯЗИ

ВИЗЯВИ СЕВ
В ЕЯ ЗЕВ
ИЗВИИТЕ
СЕ ВИЗИТ

ИЗЯ ЗЯВЕ
ЗИВЕТ ВИТЕЗ
ВИЗЯ ВЯЗЕТ
И ВИ ЗИВИТЕ

СИСЯСТ ТИТ
ВЕТВИСТ ВЯЗ
ИТТИ ИТТИ
ТЕТИВ СВИСТ

ВИВ ВИВ
ВИЗЯ
ЗИВ ЗИВ
ИЗЯ

ИСТИЯ ВИСТИЯ
ЗИЕ СИЯ ТИСТИ Я
ТИЕ ВИЯ СИСТИЯ
СИЕ ЗИЕСВИСТИЯ

ИЗ ЯЗВ ЯЗЯ
СВЯЗИ С
ВИТЯ И ЯСЯ
СВИСТЯТ В ИЗИС

ИСТИВ ВЕТВИСТ
СВЕТ
СВЕТИ ВЕСТИ
В ЕТИТ ТВ ЕСТ

ИЗ ЯВИ
ВЯЗ
И В ЯСЕ
ЯЗ

ТИТ ТЕСТЯ ЕТИТ
ТЕТЯ СВЕТИТ
ТИТЯ
СВИСТИТ

СВЯЗИСТ ВЗЯВ ЕЯ
СВИСТИТ ЕТИТ
ИЗ ЕЯ ЗИЯЯ
ТИТЯ СВЕТИТ

СИВ ТИТ
СЕВ ЕСТ
СВИСТИТ
ЕЯ СИСТИТ

ЗВИВ ЗВИВ
З ВИЯ ВИТВ
ВИЕТ ВИЕТ
ВИТИЯ ВИТИВТ

ВИЯ ВИТВИ ВИЯ
ВИТ ВИТИВТИ И ТИ
ВИТ ВИТИВТИ И Я
ВИТ ИТТИ ВИТИТЯ И

ЗИЯ СВЕЗИ ЗЯВЕ
ВЕСТИ ЯЗ ВИЗИ
ЯВИ В ЯВИ
СИЕ ИЗЕ

ПОЭЗИЯ РУССКОГО РАССЕЯНИЯ /1920-1977/

/читая Штейна/

Охапкину, Штейну и Нусбергу

Хороший человек Х.В.Попов
Хороший человек издатель Паальманнитрюкк
Хороший человек Татьяна Чичуга
Прекрасный человек Темира Пахмусс
И некто Глезер человечек ничего

Великий человек Г.Голохвастов
Гомолицкий, Горгулов, Горюнов
Дартау Ольга, Джанти Джамбулатов
Джанумов Юрий, Ольга Джембулат
Дешевой, Дитерихс фон Дитрихштейн
Дордополо, Дон Аминадо, Дир
Дукельский, Дисская, Дон Карлос, Бетекс
Благих, Бирская-Окунцова, Блох-Блох-Блох
/их трое, Блохов/, Сеня Бессарабец
Бен-Таврия, Бентов Миртала, Бергер
Ирина Бем, Бетаки, Бек и Барт
Б.Беккаревич, Бек-Софиев Юрий
Белевич, Белоцветов, Баканач
Н.Балабан, Бергенрюн, Борицевский
Боржавин, Бор, Бострем и Павел Бред
Илья Британ, Н.Бродская, И.Бродский
Бродяга, Брофельд, Булич, Булкин, Бурд
/А.П.Восходов/, Бобышев, Ч.Буткис
- вернувшись к Д - Джунгар, Давид, Л.Даль
Жемчужный, Жирбутович, Жаботинский
Замтари, Зиман, Зоммер, Иванов
Иулиан Ильюшик, М.Л.Кантор
Кшижанна Зороастра, В.Изгой
Кавецкий, Калантаров, Карабелиш
Карлен, Кельберин, Клингер, Кнорринг, Кнут
Кроль Константин, Светаев Эльтон /он же Кумминг/
Залшупин, Ли, Гизелла Лахман, Лирска
Лопатто Михаил, Лукаш, Лукич
Ицхак Шапиро, Магильницкий, Магнусофский
Магула, Мак, Мандрыка, Молл, Менде
Март Венедикт, Мими-Вноровская, С.Меринг
Нарциссов, Наль, Недзельский, Анна Ней
Б.Неллин, Непокорный, Ася Нилус
Як. Окснер /Жак Нуар/, Паркау, Полл
Игнатий Побегайло, Макс. Подскочий
С.Прегель, Продан, Пронин, М.Роос
Сарана Зинаида, Снида, Сетер
Соргонин, Спургот, Мариам Стоян
Стоянов, Странник, Струве, князь Сумбатов
Тагго, Таль Анна, Танская, Тарле

Татида, Тельтофт, Терох /Цьорох, Цворох/
Тер-Погасиан, Терапиано, Тюрсев
Упениек, Фастович, Жирбутович
/все та же Фен/, Феррари, Фидлер, Финн
/пропущена Мария-Марк-Людовик Талов/
Флота, Форштеттер, Хегар, Ценципер
Черкес Екатерина, Черячукин
/Андре Тцециу/, Чеквер, Чичуга
/уже была, Татьяна/, Шах, Шемет
Шене, Шибко, О.Шеттнер, Шкляр, В.Шкробов
Шлейн-Фишер, Шлосбер, Лева Шнеерсон
Эм, Эмишева, Энден Лев, В.Эллис
Порфирий Юшкин-Котлобанский, В.Эфер
Ялан-Шьекелис Мириам, Ирина Яссен...

А говорят, поэзии здесь нет!

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Фон-Меран, Надьбарцаи, Тартаковер
князь Лев Лыщинский-Троекуров, Май
Колодий, Ваврик, Вейнберг, Росимов
Нальянч, М.Банд, М.Вега, Д.Ясько
Борис Буткевич /Бета/, Д.Южанин
Хаиндрова, А.Эйснер, Погребной
Екатерина Ив. /Приплесь/ Дычкевич
Полковников, Карпук, Закович, Федд
Кутузов-Голенищев, Пугачев, В.Ант
Трувеллер-Галицкая, Ещин, Сергин, Яффе
Дряхлов, Терапиано, А.Касим
Х.Кроткова, Ирина Бушман, Раич
Ветвицкий-Белостоцкий, Н.Моршен
К.Лонхиадис, Орская, Алябьев
В.Мамченко, Шайкович, Дараси
Гюмиш, Иевлева, Мария Коростовец
И.Легкая, Василий Шумный, Дем
Халябин, Мейендорф, Шамье, Дриженко
Дудорова, Ошурнова, Димер
Пря-Прясникова, Критская, Мунштейн
Бодно, Амуров, Колес, А.Карель
Кукаркина, М.М.Голубен, Козин
А.Ф.Кузьминская, Заборская, Ю.Галь
С.Певзнер, Неймирок, Б.Новосадов
А.Геринг, Пестрово, П.Харчлаа
/Платон/, Пласкеева, Егорова-Кострубa
Копостова, Маадан Ханлари
Грот, Бикерман, Халафов, Однострунный
Гансон, Ю.Мандельштам, Морковин, А.Корбэ
Эдель-Стефанова, Салькова, Трубецкой
Т.Тукалевская, М.Визи, Туроверов
Ю.Герцог, Глинка, Ганский, Бурнаков

Корона, князь Кудашев, Померанцев
Лапикен, Скопиченко, Шмейсер, Алл
Набоков-Сирин, В.Гадалин, Берлин
Георгий /Юра/ Венус, Либерман
Биск, Троцкая, де-Манциарли, Оцуп
Б.Бродский, Астров, Луцкий, З.Дубнов
Мария Шелехова-Бенке, Иртель
Амари-Цетлин, Иваск, Гарднер, Зак
Перикл Ставров, Карл Гершельман, Раевский
Корякин-Межаков, Мария Сх
Изида по фамилии Орлова -

в рассеяньи поэтам несть числа!

29 августа 80
Техас

/Из книги "НЕ МОЙ ЧЕМОДАН"/

ГЛУБОКО ПОД ЗЕМЛЕЙ

Термиты едят:

автомашины, амбары, ангары, асбест, бамбук и изделия из него, батат, бельё нательное и постельное, бивни слоновые, бирки, бичеву, блоки электросвязи, бобы, бочки, брезент, брусчатку деревянную, будки собачьи, бумагу всех сортов, в том числе пропитанную, вагоны, валы и колодезные вороты, вату, верёвки, вёсла, ветошь, ветряки, вешала, вешалки, виноградники, возки, вышки, гаражи, головные уборы, граммофоны, грибы, гренки, гробы, деревья, в том числе живые, на корню, доски, древесину деловую, жилые строения от гребня крыши до фундамента, саманные, бревенчатые, даже кирпичные, если кладка велась с известью, засыпку, здания нежилые, землемерные знаки, игрушки деревянные, тряпичные, из папье-маше, известь в каменной и кирпичной кладке, кабель, кареты, карнизы, картины, картон, картофельные клубни, кегли, клепки, книги любые, в том числе, как особо и сейчас отмечается во многих зарубежных сочинениях, книги конторские, бухгалтерские, ковры, коллекции растений, семян, плодов, марок, почтовых открыток,спичечных этикеток, дензнаков и сами деньги, коробки, колья, консервные банки,корзины, короба, корыта, кости, кровлю, ледники, ленты, лестницы, линолеум, лодки, лопаты, мебель всевозможную, меха, мешки, молельни, молотки, мольберты,мосты, музыкальные инструменты, мумии в египетских гробницах, мыло, надводные службы, непроводники, носки, носилки, нары, ободья, обои, обувь, обшивку корабельную, овощи, олово, опоры, органы в храмах, орехи всевозможные, паромы, патефоны, пианино, планшеты, пластмассы в изделиях разного рода, платье всевозможное, плетенки, плоды на дереве, плоты, покрытия дорожные, покрышки, полки, приёмники, пристани, причалы, пробки винные, продукты всевозможные, за исключением жидких и жиров, пряжу, птичники, ракетки, рамы, резиновые валы на стиральных или пишущих машинах, рояли, рубахи, ручки деревянные всевозможных инструментов и машин, самолёты, свинец, семена, сёдла, скамьи, скирды, сено, солому, склады, силосные сооружения, сумки, сундуки, стебли, стёкла, столбы телефонные, телеграфные, линий электропередач, тачки, телеги, теплицы, тесьму, трубы долблёные, тряпичные изделия, тальк, тесто, толокно, украшения из дерева и кости, ульи, фотоаппараты, фонографы, фрукты, футляры, хлеб, хлопок, холст, ходули, хамбургеры, хинин, хлопчатобумажные ткани, хоккейные клюшки, хмель, цветы, циновки, целофан, ЦЕЛЛЮЛОЗУ, цепы, частокол, часы кабинетные, настольные, настенные, чемоданы, чертежи, чертёжные доски, чехлы музыкальных инструментов, пишущих и швейных машин, чучела, чечевицу, чумизу, чернильные орешки, челноки для плетения сетей, черпаки, шары для бильярда, крокета, гольфа, тенниса, шахматы, шахтные крепления, шерсть, шкатулки, шланги, шорные изделия, хомуты, сбрую, шпалы железнодорожные, штампы, штаны, шишки, шинели, грибки для штопки, штакетник, щепу кровельную, щетину, щётки, элеваторы, электростанции, этажерки, энциклопедии, ягоды, ящики, яловыя сапоги, яйца...

СКОРО ТЕРМИТЫ СЪЕДЯТ ВЕСЬ МИР

Совместно с И.Халифманом

/Из книги "Не мой чемодан". 1974-1979-?/

В аэропорту. Слева направо - лысина Натана Завельского, за ним моя бывая четвертая супруга, прозаик Вадим Федосеев, сидит с собачкой А.Исачев, я /обнимаемый таможенником, предлагавшим услуги/, Б.Понизовский, А.Морев. 1975. Фото В.Окулова.

На заднем плане - фотограф А.Нарышкин, художник А.Арефьев, моя матушка, секретарша Гум-Лесниченко /в длинной юбке/, я /положивший руку на плечо В.Молоту/, Понизовский.

КАК Я ВСЕ ЭТО ВЫВОЗИЛ

По рассказам, микрофильм романа не то Довлатова, не то Марамзина был вывезен в матке французской туристки, и он /Довлатов или Марамзин/ всем этот микрофильм с гордостью показывает.

На фотографиях Бродского в этом томе изображен Бродский за писанием стихов, в Ленинградском аэропорту перед депортацией на Запад. Стихи он переписывал для Виньковецкого, по его просьбе и, по-моему, ту самую знаменитую "Цинтию", за которой охочусь не первый год, но тут подошел провожающий в форме и дописать не дал. В остальном же Бродский бумажек не вез: не дозволено. На таможне он мерзко хихикал, тыкал пальцем себя в голову и цитировал Гейне: "А вся контрабанда - она со мной, / В моей черепной коробке!"

Вслед за Бродским, ту же цитату повторял и я, уже в июле 1975 года, на той же таможне. И действительно, многое из этой антологии - выехало в моей голове, скажем, том-другой, не больше. Есть вещи, которые даже я запомнить не в силах, например стихи Охапкина. Поместительной же матки для всех пяти томов антологии, да еще тома прозы, да еще некоторого количества моих собственных произведений и черновиков, не говоря за тысчонку-другую фотографий, не нашлось, природа не придумала, поэтому пришлось обратиться к людям.

Дипломатам я не верю: надуют. Профессия у них такая. И даже если, скажем, он культурный атташе, то это не значит, что он имеет отношение к культуре. Прошлый /пред-предыдущий/ культурный атташе, которого мы ласково звали в Ленинграде "Сукин сын" - а фамилию лучше не называть, чтобы не портить отношений с новой родиной - по профессии был моряк и специалист по советской экономике, и он этого не скрывал, но выпить с ним было приятно. Ему я обязан тем, что целовался с самой Элизабет Тэйлор, у него на квартире. Одако обещанный чемодан с рукописями он взять забыл, не явился /а я-то трудился, взвешивая на теткином безмене пуды рукописей, чтобы было не более одного, как договорились!/, передал меня следующему атташе, а тот, 4 года спустя - тоже меня нагрел: привез папочку биографий и при этом путано извинялся.

Так что дипломаты автоматически отпали.

Оставались голландцы. У отъезжающих в Израиль берут они частные материалы для пересылки при выдаче израильской визы. Почему этим именно голландцы занимаются, я не знаю, но такова ситуация. Поскольку выезжал я по израильской визе /2 парижских приглашения были сначала отвергнуты ОВИРом, или там КГБ, а когда я пробил две эти инстанции - мне отказали во въездной визе во Францию, французы уже - или французское КГБ? и пришлось срочно переписываться на Израиль/, троюродная сестра у меня там объявилась /а в Париже был брат, двоюродный, Миша Шемякин/, словом, в Израиль меня пускали.

В Москву, я не дурак, взял жену, а чемодан с рукописями приехал сам, на другой день, когда я успел уже обговорить с голландским консулом мои "частные бумаги". Тут мне еще Нусберг собаку подарил, борзую, так что прихожу я на другой день в голландский переулок, волокем с женой авоськи, а я еще и саквояж, рукописи в газету завернуты, а сверху - булка. Подхожу к ментам у консульства, мне, говорю к консулу надо! А зачем, говорят? /А он мне на 11 назначил/. Я говорю: "За деньгами!" "А деньги в 2 часа выдают, а Вы пришли в 11!" /Все, паразиты, знают, и когда деньги выдают! Так что пишу без смущения, секрет это только для советских граждан - что там, в консульстве, творится./ Ну, тут я, озверев, и вспомнив свое неудавшееся актерское прошлое, начинаю орать: "Целые сутки, как идиоты, по Москве шляемся, у вас же в стране даже гостиниц нет, на вокзале ошивались, все шмотки с собой таскать приходится!" /А сам им авоську с рукописями в нос тычу/.

"Что ж Вы, говорят, у консула не попросили направления в гостиницу?" /Для иностранных граждан, отъезжающих, значит, в России и гостиницы имеются!/ "Да вот, говорю, пол-Москвы друзей, так лето же, все на даче!" А сам чувствую: ноги - ватные, в руках - 100 друзей /титульные листы я поотрывал, с посвящениями, но все-таки/, не то, чтоб им срока, Солженицыных я не вез, но все же - неприятности! "И жена, говорю, сутки не спавши, я - знаю, почему мне в 11 велели прийти?!" "Ну, проходите!" Вошел я в подворотню, поднялся на второй этаж, а там, в коридоре, так на пол и сел: колотит.

Ну, с консулом был разговор короткий, показал ему все манускрипты, баночка тут еще, говорю, с лекарством, и все. А рукописи, говорю - антология, ну и мои там, всякие. Взял. "В Вене, говорит, запросите - перешлют."

Вышел я, как на крылышках, ментам язык показал и поскакал с друзьями прощаться, все были в городе, а дач у моих друзей нет.

Настоящая борьба за архив началась уже с Вены. Пришел я, чин-чинарем, в израильское посольство, прошел все телекамеры, мальчики, деловые такие, меня обшмонали, трость декабристскую отняли, по яйцам металлодетектором поводили, ну и к мистеру Гореву, кто он там, не знаю. "Ну, говорю, антология там, русско-еврейское искусство /куда еще Бродского там, Наймана и еще с полсотни моих еврейских друзей отнести?/" Мистер Горев по-русски не шибко сечет, я с ним больше по-английски объяснялся, однако изрек: "Нет, говорит, есть русское искусство, и есть - еврейское, но мы благородных гоев тоже уважаем." /Это я-то - гой, с моей осьмушкой благородной соломоновой!/ "Кому, говорит, доверяете архив получить?" Ну - кому, ясно, что Эстер Вейнгер /хотя следовало бы Голофаста помнить! - см./, она мне и вызов посылала. Написал доверенность.

Проходит месяц. Передает мне изустно директор отеля "Цум Тюркен", бывший фарцовщик с галлереи, Коля Полянский, что там, мол, неполадки с моим архивом, так не зашел бы я. Ну, я захожу. И кладут передо мной на стол - письмо Олега Охапкина, из моего архива выдранное. "А вот, говорят, объясните, что это за письмо?" Я, несколько опупевший, "То есть, как это? Меня не предупреждали, что архив шмонать будут, и вообще, при чем тут письмо?" "Нет, а Вы напишите, объяснение, мол, письмо о том-то, а в архиве то-то, со списочком." А надо сказать, что перед отъездом мы в хлам полаялись с Охапкиным, за его безобразное поведение, и он запретил мне его печатать и потребовал рукописи взад. Об этом и было письмо, хотя как они почерк Охапкина разобрали - ума не приложу, я - не разбираю. Рукописи я ему вернул , а письмо это "гисторическое" - помещу в аппендиксе. Но список всего моего архива - это было уже требование непомерное, все-таки страниц с 20 000 рукописей было, не считая прочего. Написал я требуемую объяснительную записку и потребовал, чтоб архив мне в Вену переслали, за мой счет, поскольку Эстер на письма никак не отвечала. "Да-да, сделаем." И при этом такая приятная улыбочка. Жду еще пару месяцев. Ни слова. Наконец, прихожу туда с Алешей Цветковым, поддавши. "Где архив, говорю?" "А мы его гражданке Вейнгер передали!" "Ну, говорю, суки, обшмонали, как КГБ, а теперь яйца морочите, приду, говорю, в следующий раз с автоматом, после меня арабским террористам - тут делать не хуя будет, гады!" Они что, они - дипломаты, заулыбались. А архив так и не отдали. Писал я Эстер, писал в МИД Израиля - ответа - фиг!, писал Гробману и Дару, Сотниковой и Милославскому - "У нас, говорят, бюрократия, а так - все отдали, говорят." Ну, я плюнул.

В июне 1977 года Эстер прислала мне процентов 80, без объяснений, всё, в основном, слава Богу, мои рукописи пропали, да еще там по мелочам: Хромов, Юра Алексеев, да еще у меня нашлись с профессором микрофильмы переправленные, так что ничего. А дипломатов я ненавижу, суки, как и Шин-Бет израильский, а по русски - КГБ вонючее: методы - те же. Знакомо. Пусть подавятся.

Мои контакты с „Континентом“

МАРШ СЕЛЕБРИСТОСТЕЙ НА ВЕНСКОЙ ПЕРЕСЫЛКЕ /КВАРТИРА ГОРБАНЕВСКОЙ, ФОТО Е.СОКОЛОВА И Э.ЗЕЛЕНИНА, ЯНВАРЬ 1976/. Слева направо: Вадим Делонэ, Наталья Горбаневская, Эмма Кузьминская, графиня Мария Разумовская, Лидия Мастеркова /ниже/, полосатая австрийка /жена Саши Соколова/ и сам Саша Соколов, старший сын Горбаневской /Ярослав?/, К.К. Кузьминский, монархист Женя Соколов /крестник В.Шульгина/, Василий Ситников, графиня Ольга Разумовская. Ниже - всё те же. /Переснято с полароидных снимков Александром Коганом, зоофотографом/.

Архив К.Кузьминского.

Нижнее фото: стоит Э. Зеленин /сзади/.

МОИ КОНТАКТЫ С "КОНТИНЕНТОМ"

/документальный роман в письмах и сплетнях/

Началось с малого. Кто-то /знаю кто, но не скажу/ еще в Ленинграде приволок мне по весне 75-го машинописную копию статьи Синявского из №1 "Континента", об анекдоте. Я впечатлился. Загорелись надежды.

1-го июля вылезаю из поезда в Москве /Юлия билеты по блату достала/, оформлять визы. Из соседнего вагона Марамзин лезет, зайцем ехал, жену выкинули: лето, отпуска. Марамзин - дока. Тут же, за четвертной, подговорил таксера весь день по посольствам возить. И понеслось: голландцы, австрийцы, МИД и по-новой. У людей на эти скачки по три дня уходит - мы за 8 часов обернулись, за 5 минут, под завязку, в последнюю инстанцию примчались. В промежутке, пока западные дипы ланчевали /а во время ланча их не побеспокой!/, где-то в старой Москве остановились, на пустыре, отдохнуть. Сидим и за "Континент" говорим /я-то знал, что Марамзин к Максимову едет, другу своему, сотрудничать/. Говорим, чего печатать там будем, чего - не будем. Говорим об общих друзьях - Охапкине, Волохонском, Хвостенко. О Бродском говорим. Говорю о своих архивах переправляемых: все поэты Ленинграда. Поговорили.

В Вене - о том же. Потом Марамзин по этапу в Италию, а я в Вене сижу, переписываюсь с ним и с Виньковецким. Максимов Марамзина в редакцию ждет, трудиться. Пишет Виньковецкий:

"Насколько я понимаю парижскую ситуацию, надо быть в дружбе с "Континентом", организовав своего рода "разделение труда" при взаимной поддержке. Ты, сам, впрочем, в Париже все поймешь. Но придется тебе извлечь из собственных недр все имеющиеся запасы сдержанности, мудрого спокойствия и дальновидности - памятуя, что от каждого из первых шагов все зависит. Прости за назидательность тона /момент уж больно торжественный.../."

/от 23 сентября 1975/

Яша всегда такой, нравоучительный и мудрый.

В Париж я попал на скаку перед самой Америкой, в конце января 1976. Прикатил на открытие выставки в Монжероне, с поручениями от Горбаневской. Наташа приехала в Вену где-то после Нового года с партийным заданием: бить мне морду за Бобышева /Дима категорически отказывался от участия в каких-бы-то-ни-было антологиях, и я его, озверев, выкинул./ Наташа же об этом не знала и основное возражение ее было: НЕЛЬЗЯ ПЕЧАТАТЬ ПОМИМО ВОЛИ /И БЕЗ ВЕДОМА/ АВТОРА! Через 2 недели почти каждодневного общения, разговоров о поэтах и антологии, о месте Бобышева в ленинградской школе, Наташа заявила: "Костя, я сама дам тебе Бобышева, даже если он возражает, потому что это - нужно!" /Наташа от слов своих отказываться не будет, она человек честный/. Но дело было не в одном Бобышеве.

По приезде в Париж я явился с визитом /и поручениями/ к самому Владимиру Емельяновичу. Принят был в бело-голубой классицистической гостиной в его квартире на Rue Lauriston, 11bis. Представившись и отрекомендовавшись, начал разговор о подборке ленинградских молодых поэтов для "Континента". Принято было благосклонно, подошел Марамзин и тоже подключился о необходимости. Подарены были два номера "Континента", с автографами. Предложил подборку Москвы: Лен, Губанов, Вели-

чанский, Алейников, Лимонов... "Лимонов!? Да он же кагэбэшник!" "Успокойтесь, говорю, Володя, не надо так нервно, ну, поэт, ну, дурак, может, но уж никак не кагэбист!" "Нет, вы их не знаете! А они за мною - следят, вот и сейчас, из дома напротив, а у меня жена, дети! " Я говорю: "Да причем тут поэзия-то Лимонова? О каком КГБ речь?" Еле-еле успокоил господина Максимова. Сошлись пока на подборке молодых ленинградцев: Охапкина, Кривулина, Ширали, Куприянова, Чейгина, Стратановского /см. в 4-м томе/. Объем - 15-20 страниц, или печатный лист, как они его там называют. Я в Союзе не печатался, не знаю.

И понеслось. С Толстовской фермы посылаю им подборку. Молчат. Пишу Марамзину /неудобно же самого редактора беспокоить, у него там диалог с Восточной Европой, дела со Шпрингером/. Получаю ответ:

"Я ничего не знал о твоей присылке и даже недоумевал: что ж ты, вроде, не вполне серьезный человек? Обещал - не шлешь.

Но я спросил вчера у Максимова: оказывается, он получил и отдал сразу Горбаневской. Она, по-моему, ничьих стихов, кроме своих, не любит /неправда! Любит еще Бобышева и Бродского - ККК/, но это меня не касается. Максимов сказал, что "будем печатать". Что, когда - спрашивай у него или у Горбаневской, коей можешь писать на адрес Максимова, то есть "Континента".

/от 24 августа 76/

Пишу Марамзину:

"Кто у вас там в журнале редактор - не знаю. Посылал Максимову, Наташе отписал попутно. Твой ответ меня не утешил. За себя бы я просто послал на хуй, за других же /в том числе и твоих друзей/ прошу вторично. Не могу же я почтеннейшему Владимиру Емельяновичу или вздрагивающей от моего лексикона Наташе в таком стиле писания писать!

А знать не мешало бы. С поэзией у вас в журнале такое гавно - разнобой и с бору по сосенке, в то время как в России всё смотрят с надеждой на вас. Похоже, прозаики, начиная с Толстого, "стихов не читают", у Наташи же - честность, но это - не вкус. Увы.

Пишу, не скажу, чтоб в надежде, но так, чтоб понять, на какого ... вы молитесь? Скушно все это, сир..."

/от 1 сентября, 6 утра/

Пишет Горбаневская:

"Костя! Прости, что долго не отвечала: первое письмо попало ко мне без обратного адреса/странно. Я человек аккуратный.КГБ?-КК/ на второе тоже просто собиралась. Страшно много работы, так что не успеваю писать писем. И сейчас-то пишу по делу. Мы сдаем сейчас №10 Континента, в него идет большая подборка Бродского, так что вместить еще один "корпус" стихов нет возможности. Дадим твое собрание в №11, так что, не откладывая, присылай предисловие и /или это будет в предисловии?/ биографические справки об авторах. В 10-м идет неск. стихов Кривулина /не совпадающих с тем, что у тебя/ - не можешь ли ты срочно прислать биогр. справку? Прямо на мой адрес.

.....

Отношения тут у всех сложные, я немножко вроде буфера, это тоже требует некоторого напряжения душевных сил, но не быть буфером было бы еще нервнее и хуже для меня же самой..."

/без даты, на конверте - 6.9.1976/

Пишу Горбаневской:

"Наташа, милая, уж месяц, как мы в Техасе, отписал Марамзину, а сегодня - твое письмо. ..... /личное/. Отношения тут так напрягаются, за счет расстояний, состояний и противустояний, что сам чорт не разберет, что и что. Письмо - это хорошо.

Посылаю справку о Кривулине, надо - сократи. Лучше за счет диплома, чем "общественной деятельности" в феврале 74. Их сейчас за это трясут. Имеет смысл подчеркнуть. Кривулину не повредит - он полиомиэлитом бронированный, таких не вяжут. И то слава Богу. Хочет сваливать, опять же.

Посылаю, опять же, образчик "предисловия" /не для печати, сдано Шемякину в евонный "Аполлон"/, в таком, примерно, стиле воспоследует предисловие к подборке. Отдельно будут "биографические справки". Не понравится - черкни "нет", напишу "по-континентовски", новомировски, огоньковски - как хошь. Предпочитаю, правда, раешник.

..... /личное/.

Надеюсь, что хоть у вас неожиданных перекроек /и редакторских правок!/ не будет? Вся ли подборка идет? И опять же - что за путаница - тут Кривулин, и там Кривулин, за Иосифа я не говорю, и еще - готовить ли Москву /Лимонов, Лен, Величанский, Губанов, Алейников/?"

/от 14 сентября 76/

Пишет Горбаневская:

"Костя, милый! Пришли человеческую, кратчайшую, сушейшую биографию Кривулина - срочно. Биографии своих героев подборки - такие же! - тоже не очень медля. Надеюсь, что подборка пойдет в 11-м номере, который сдаем примерно в конце ноября. Но номера наши имеют тенденцию разбухать, и горе твоей подборки - в том, что она практически размеров прозы /выкинуть пару стихов ничему не поможет/, так что как бы не передвинулась опять из-за отсутствия места. Писать нет сил. Сижу сейчас, исполняю эпистолярные долги, пока только континентские, а еще свои личные поднимают волосы дыбом, так что я даже при своем росте дорастаю почти до потолка /впрочем, нет - я ведь остриглась - ах, ты же, наверно, видел на обложке континента/. Прости опечатки, руки уже не варят /башка - да, опечатки вижу, а пальцы как будто дровишки, спотыкаются/. А, прости, я идиотка - только сейчас увидела, что, кроме вздохов по Кривулине и Охапкине /ох, сей - такой, а той - такой/ /см. в "Аполлоне-77". По-моему, там не вздохи, а мат - Кривулин и особо Охапкин - обиделись! - ККК/, приложена нормальная справочка. Сокращу. И не надейся, что не сокращу. А может, и не сокращу. В континенте уже есть одна такая изысканная биография - Анри Волохонского - пера, я полагаю, Марамзина. Почему выскочил Кривулин отдельно? Потому что прислал с кем-то через кого-то стихи. Не совпадающие с твоей подборкой и, видимо, более новые. Прислал именно для Континента, а в случае самиздатских поэтов это просто закон - ежели не бездарь, то напечатать за храбрость."

/на конверте - 23.10.76/

Тоже мне, критерий! Самый храбрый в Ленинграде был - Синявин. И тоже стихи пишет. Почему же в "Континенте" не печатают? Или - бездарь?

От Марамзина на письмо /вышеприведенное/ ответа не последовало. И сейчас не отвечает, став редактором "Эха". Ни он, ни Хвостенко. Я, впрочем, только помощь им в подборке Горбовского предлагал, его лучшие тексты. Молчат.

Пишу Горбаневской:

"Наташенька!

Прости меня за опоздание с ответом, но занят был выше утерянной головы. Я не говорю за лекции, просто выступления и по теле-, просто - замотался, замучился, теперь понимаю, каково вам - бабам! Затеял грандиозную работу, результат пришлю тебе. В январе, полагаю.

О "биографиях" поэтов. Покамест таковых не получил, придется по памяти. За точность ручаться не могу - но нужна ли она? Важен поэт, а не биография. Публикация же жизненно необходима, и в ЭТОМ ГОДУ, в начале будущего выпускаю антологию Петербурга здесь и авторам понадобится защита. Получил фантастические материалы, своего рода "поэтический ГУЛАГ". Печатаю самые острые стихи, поэтому лучше, если "первый удар" КОНТИНЕНТ примет на себя - меньше внимания господа уделят антологии. А она нужнее нужного.

Итак:

ОХАПКИН Олег Александрович. Родился в 1945 г. в Ленинграде. В детстве пел в церковном хоре. Христианин. Закончил школу и ремесленное училище. Работал: рабочим, каменщиком, геологом, в археологических экспедициях, рабочим в Эрмитаже и музее Достоевского и где попало. Занимался в ЛИТО "Трудовые резервы" у Д.Я.Дара вместе с Соснорой, Горбовским, Кушнером. В поэтике примыкает к И.Бродскому и Дм. Бобышеву. Участник нескольких конференций молодых писателей, неоднократно рекомендован на сборники. На 1975 г. имел 8 книг /неопубликованных/ и 8 стихотворений /опубликованных/. Литературный заработок на 1974-75 год составлял 8 руб. 46 коп. 4 октября 1975 года вышел из профгруппы при Союзе писателей за невозможностью жить литературным трудом. Входил и выходил /неоднократно/ в состав сборника "Лепта" /32 неопубликованных поэта Ленинграда/, предложенного вниманию Союза писателей и издательств и отвергнутого, невзирая на положительные рецензии в 1976 г.

КУПРИЯНОВ Борис Леонидович. Самый "молодой" из неофициальных поэтов. Родился в 1950 г. Детство провел в Германии в офицерском городке оккупационных войск. Закончил среднюю школу в Царском Селе /ныне гор. Пушкин/, учился в библиотечном институте /ныне Институт Культуры/ на режиссерском отделении. Ученик Татьяны Григорьевны Гнедич, поэта и переводчика /умерла 7 ноября 76 г./. Участник конференций молодых писателей. Не публиковался.

ЧЕЙГИН Петр Николаевич. Родился в 1948 г. под Ленинградом в дер. Сойкино. Кончил среднюю школу в Рамбове /Ораниенбаум, ныне г.Ломоносов/. Год прослужил в армии, которую вынести не мог. Комиссовался. Работал рабочим в магазине "Старая книга", рабочим в музее Достоевского. Участник конференций, рекомендован на сборник. Не публиковался. В сборнике "ЛЕПТА" не участвовал.

КРИВУЛИНА сокращай сама. Можешь добавить, что активный организатор "ЛЕПТЫ" и издатель религиозно-философского журнала "37" /см. статью в "Вестнике РСХД"/.

ШИРАЛИ Виктор /Виктор Гейдарович Ширали-задэ/. Родился в 1945 г. в Ленинграде на Галерной ул. /ныне ул. Красная/. Кончил среднюю школу, работал клубным работником в провинции, сторожом на лодочной станции и т.д. Публиковался в провинциальных газетах. Рекомендован всеми конференциями на сборник. Сборник не опубликован. /Сборник опубликован в 1979 г. - ККК/.

СТРАТАНОВСКИЙ Сергей. Родился в 1946 г. в Ленинграде в профессорской семье. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Работал на заводе. Преподавал в школе. Самый скромный из поэтов.

Вот, пожалуй, и все, Наташенька, что я могу сказать за поэтов. В дополнение имею сообщить, что кроме Стратановского, все вышеперечисленные поэты составляют, так называемую, "поэтическую элиту Петербурга" и полупризнаны Союзом писателей. На протяжене последних 10 лет всем им были неоднократно обещаны публикации и сборники, чем власти и держали их "на крючке" до февраля 1975 г. В феврале же началось движение "неофициальных" поэтов, к которому примкнула и часть "Элиты".

Власти пытались выделить их в отдельный сборник, под свой контроль, но за вычетом Охапкина, Куприянова и Чейгина, на это никто не пошел. В декабре 75 г. на сборник "ЛЕПТА" была дана крайне положительная рецензия Майи Борисовой, о которой умолчали /но не Майя!/ и сборник был отдан на рецензирование Выходцеву. После чего в феврале 76 последовал категорический отказ на издание этого сборника и подобных ему. Летом этого года стихи Охапкина были напечатаны в журнале "Нева" /?/. А за Ширали, Нестеровского и Игнатову "заступился" Вознесенский в Литературке. Так продолжают делить и властвовать.

Так-то, Наташенька!

Готовлю им маленькую бомбочку, посмотрим, как пойдет. Обзавелся уже машинкой, но головки приходится заказывать в Париже.

А вообще, Наташа, понял я, что надеяться можно только на самого себя - только тогда будет сделано то, что надо. А так - Шемякин поступил с моими материалами по своему усмотрению, КОНТИНЕНТ мне по эстетике не подходит /это не значит, что я не буду сотрудничать с вами, но - в каком вопросе?/, в журнале "Время и ми" Перельман сейчас моего Алика Мандельштама кастрирует /и ждать приходится, как в Союзе/, с американскими же издательствами - у меня просто ничего общего.

Мне может понадобиться ваша помощь, но когда будет чему помогать. Через пару месяцев... Увидишь второй "Полдень". Пока - молчу.

..... /личное/.

P.S. Прости, забыл написать предисловие. Со мною это случается. Можешь сокращать хоть на 90%, но НИКАКОЙ РЕДАКТУРЫ, даже твоей! Редакторов не выношу с детства.....

/14-15 ноября 76/

Пишет Наташа:

"Дорогой Костя!

/..... строчка личного/.

Ленинградская подборка все еще откладывается, поскольку у нас хроническая нехватка места, материала много /но - какого?! - ККК/, а подборка большая /когда приходит несколько стихотворений из России, мы их всегда всовываем, а для такой подборки приходится ждать и ждать, все время что-то срочное./ Пока я прошу тебя подготовить минимально короткие, сухие и деловые биографийки всех авторов, вошедших в нее. Думаю, что она может попасть в 12-й, а еще вероятнее - в 13-й номер /12-й у нас будет в значительной степени посвящен полякам в связи с тридцатилетием "Культуры", поэтому мало вероятности/. Во всяком случае, в принципе она, да ты это знаешь, принята.

/..... личное/.

Целую Наташа.

/как всегда, без даты/.

На этом прощальном поцелуе все закончилось. Насильно совать им в задний проход подборку лучших поэтов Ленинграда - мне надоело, политика редакционная - совать, что ни попадя, что из России пришло /а я что, поэтов - из Африки вывез?/ за "храбрость", посвящать целый номер польской культуре /за что и деньги платят/ и ни одного - петербуржской /и это говорю я, поляк!/, затыкать стихами дыры и прорехи в журнале - мне тоже стала ясна. Поняв, что не в коня корм и что "свиней ведь не кормят вареньем", решил вареньем их не кормить.

Но тут повязали Юлию.

Разослав письма сенаторам и прочей сволочи, решил обратиться и в "Контин-

ент". Защищали ведь членов Союза - Войновича, Владимова и Снегирева, может и за не члена вступятся?

Пишу:

"Наташенька,

с Новым годом уже поздравлял, а сейчас, как всегда, оффициальное.

Повязали Юлию Вознесенскую, последнего живого человека в Ленинграде. А я узнал об этом только 31-го, от матушки моей, и со скрипом. И чего теперь делать? Говорил с Амальриком, чтоб поминал ее в речах, письма там разослал сенаторам, а проку?

Юлия ж для Ленинграда живой душой была, матерью всех поэтов. Ругал ее за плохие стихи, ссорился, а любил. Получила вызов, ждал уже, и вот те на! Ну в лагерь ее не загонят /именно - загнали, за побег из ссылки - 2 года! - ККК/, хоть дети и большие, и дурдом ей не грозит /тьфу-тьфу!/, нормальная она, но ведь это ж я ее дневник собрался выпускать и уже весь перевел, а сейчас не знаю. На "Континент" надежды у меня нет: то у вас поляки, то чехи, то герой кривоногий Кривулин /который всем зело поднасрал/, а ведь это не случилось бы /или случилось бы не так/, если бы подборка пораньше пошла. Ведь это же ее за официальную "Лепту" судили, за сборник 32-х, отпечатанный ее руками и сданный в издательство в марте 75-го /почему я на "Лепту" и упирал в предисловиях/ - без нее эту книгу бы не сделали! И все собрания - у нее на квартире, ведь самой "защищенной" казалась /не квартира, а Юлия/. А за этим еще 3 или 4 книги сделала она - ОБЩИЕ! - а Кривулин выпустил свой христианский журнальчик, так о нем и говорят /"37"/. А она - и на площадь Декабристов - первая, и Гумилева защищать - как пионер, и о могиле Ахматовой /запущенной/ пеклась, с архитекторами и наследниками договаривалась, чтоб сделать что-то, и всех поэтов, пропойц, со своих 70 рублей кормила, а они у нее в квартире душу свою поэтическую путем скандалов демонстрировали, что ж ей - в милицию их тащить? 5 или 6 лет опекала поэтов, места в городе не было более доброго, чем у нее - и при этом еще работать успевала, двоих детишек вырастила /бандиты - вроде твоих, все в рыцарей играли/. И что же теперь?

Ведь знала, на что шла - в письмах неотправленных мне писала, которые надо сейчас публиковать /я - для американцев, а вы - ... Да и станете ли?/. Ведь вместе все начинали, в одном только мае 75-го 25 чтений 30-ти поэтов устроили - и в основном, она: поэты - то изволят быть с бабой, то в миноре, то забудут приехать, а отдуваться - Юлии. Ведь она - живая история поэтической культуры Ленинграда, добрым двум десяткам поэтов сборники сделала и перепечатала. Именно "сделала", потому что эти гении и рукописей-то своих не хранят, все, что есть - в голове. Что они сейчас, поэты, делают? На площадь пойдут? Так ведь не смогут - без Юлии! А я здесь что могу? В техасском-то захолустьи.

Пишу - и без надежды. В журнал ваш - это письмо по стилю не подойдет, уж больно стиль ваш - "новомировский", а иначе писать - не хочу. Даю вам просто информацию, которую вы все равно засушите, как цветочек, а Юлия - живая пока!

Итак, преступная Юлия, помимо того, что писала стихи и прозу, сделала три или четыре антологии "неофициальных" поэтов и прозаиков, которые пошли в советские же издательства - чтобы положить конец подпольному существованию вполне лойяльных поэтов. С тем же она организовала десятки поэтических чтений и вечеров, в том числе поэтов уже умерших, и все еще неопубликованных - Леонида Аронзона /1939 - 1970/, Роальда Мандельштама /1932 - 1961/ и вечер памяти Николая Гумилева /пересмотренного и нереабилитированного - по мотивировке отказа Секретариата правления ЛОСП/, и помощь в организации проведения выставок "неофициальных" художников, и попытка почтить чтением стихов память декабристов 14 декабря 1975 года. Аресто-

вывали ее неоднократно, перед 14 декабря и перед 15 апреля /Гумилев/, без санкций прокурора, "в порядке профилактики", но запугать ее не удалось. И то, что она наверняка не дала показаний против художников, написавших лозунги о свободе творчества на стене Петропавловки - обратилось в "дело" уже против нее. Я Юлию знаю, она всегда была такой. В 60-х годах ей выбили зубы в милиции, когда она защищала какую-то женщину от рукоприкладства блюстителей "порядка". Зубы она вставила, но характер не переменила. Кто же еще будет защищать поэтов, которые готовы заложить и себя, и ближнего во спасение своего гениального поэтического "я" - доносчика О., поэта, который предавал нас не трижды, а четырежды и пятьюжды - чаще, чем Петр Христа, Петра Чейгина, слабого и двуликого - а с какой теплотой и болью она пишет о них! Кто же защитит их, если не от властей, то - от самих себя, от собственной слабости?

А кто теперь защитит Юлию Вознесенскую? Дали ей три года лагерей /но обвинение просило о высылке, поскольку - мать/ за "распространение лжи о Советском Союзе в своем предисловии к рукописи антологии поэзии и графики, в автобиографии поэта-диссидента Геннадия Трифонова /просто - поэта, тончайшего лирика, у которого нет НИ ОДНОЙ политической строчки в стихах. - ККК/ и на неофициальное интервью, данное ей художнику-диссиденту /вероятно, кретину Синявину - ККК/", как сообщает в заметке газета "Нью-Йорк Таймс" 31 декабря 1976 г. Юлия не идиотка, чтобы в антологии и книги, сдаваемые в советские издательства, включать антисоветские высказывания. "Интервью" же, отдельно - не документ. Вряд ли у человека, прожившего при Советской Власти 36 лет, могут еще сохраниться симпатии к этой власти, но одно дело - симпатии и антипатии, другое - политические высказывания. Юлия их не делала, крест святой! А если бы и сделала - то разве нет в Советском Союзе свободы слова, мнений и выступлений, и прочих свобод? По крайней мере, они утверждают обратное.

Так вот, Наташечка, вот тебе мое письмо, вот письма сенаторам и всякой прочей сволочи, и делай ты с этим, что хошь. Я все равно ваш журнал не читаю, хотя тебя люблю. Только учти: ДЕЛО ЮЛИИ РЕШАЕТСЯ СЕЙЧАС, ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ БУДЕТ УЖЕ ПОЗДНО. Посылаю заодно фотографию заседания поэтов "Лепты" у Юлии на квартире. Оригинал вернуть обязательно - живую съем, если не вернете - переснимать некогда. Портрет Юлии не посылаю, только зирокс, у меня он вообще один, правда, есть еще негатив, но вам-то он ведь все равно ведь не потребуется.

А вообще, Наташечка, прости, что пишу так неласково о "Континенте". Меня тут Нусберг Володе старшему /В.Е.Максимову - ККК/ пропагандирует, а зря. По поэтам я вам дам любой материал, потому что это нужно поэтам, а я себя и сам издам /когда будет время/. Потому что сейчас перевел дневник Юлии /гениальная книга, увидишь - потому что ДОБРАЯ/, издаю его в марте, заканчиваю перевод 20 поэтов Ленинграда /все, что уцелело от Израиля, а из моих ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ друзей так никто и не почесался - я просил Марамзина, а Миша Шемякин, говорит, Максимова, а тот - Агурского - ?/, потом статью Н.Н.Пунина о Хлебникове /100 страниц рукописи/ и тоже в переводе, потом кого-нибудь из поэтов /то ли Алика Мандельштама, то ли Чейгина/, потом прозу Б.К. /псевдоним пока рано раскрывать, но крутая, вагиновская/, потом материалы по художникам и выставкам /статья отдельно идет в "Арт Ньюс", уже переводится/, потом, глядишь, и до себя дойду. А если клятый израиль вернет антологии прозы и стариков - то нет, не дойду.

Так вот и живем. Воюем потихоньку с Израилем за архив, готовим и переводим поэтов, пишем тексты для рок-группы /пластинку скоро пришлю/, выступаю с чтением по-аглицки и на 16 языках 17-го в здешнем кабаке поэтов /я им устрою хэппенинг!/, разъезжаю по лекциям и с ужасом жду лета и конца работы, потому что работать придется посылать Мышь.

Если не считать горестных новостей из России, то - жить бы и жить! А то я

ведь за год 5 /пять/ друзей потерял: друга моего и Димы Бобышева - убили /биолога Алика Тихомирова/, Женю Рухина - сожгли, Татьяна Гнедич - умерла, Юлия и Трифонов - в тюрьме. Кстати, посылаю копию одной из лучших вещей Трифонова. Сможете - опубликуйте. Данные - дам. Ему, самому нежному из поэтов /полу-женщина, пэссив/ дали 4 года лагерей. Четко не выдержит. Юлия - смогла бы. Кажется, он и дал на нее показания, но ему это можно простить, он не Охапкин. Вот те и Рождество Христово!

И пришлешь ли ты мне своих стихов, новых? Трудно копирку заложить? Хотя что я говорю - на Западе копирку? А зироксс? Тебе своих не посылаю, не поймешь. Ахматова от Крученыха вздрагивала и отродясь не читала. И Пастернак тоже. Зубы у всех акмеистов и академиков вставные, и кубофутуризм - не для них. А я - ученик Крученыха, Чурилина, Туфанова, Василиска Гнедова и Чичерина. На том стоим. И Бурлюка. И главное - Божидара. И Хрисанфа. А также Довгалевского и Величковского /17 век/. И Ильи Зданевича. За Велемира и не говорю. Понятно?

Это я дразнюсь, Наташенька. Ведь все равно "Континент" статьи о футуристах не примет, уж зело журнал благополучный. А мог бы написать! В Союзе, в "Новом мире" их тоже, скажем, не печатали. Ахматову напечатали, а Хлебникова - нет. Ну не позор ли? И здесь их не едят вонючие графини и княгини шаховские. Ничего, еще поборемся! Целуем поголовно.

/8 января 77/

Ни слова о Юлии Вознесенской в журнале "Континент" не появилось. На письмо вышеприводимое - также ответа не последовало.

На чем отношения с "Континентом" автоматически закончились.

Или только начались.

В конце июля 1979 года на мой адрес пришел №20-й журнала "Континент", с обратным адресом отправителя - Наталья Горбаневская, проживающей по улице Гэй Люссак, что по-английски звучит совершенно неприлично. В оном номере обнаружил 2 стихотворения /точнее, главы из "Башни"/, принадлежащие моему перу, и перевранные биографические данные о моей особе.

Пишу:

В редакцию журнала "Континент".

Уважаемый господин редактор!

Прошу опубликовать данное заявление, поскольку "недоразумение" произошло исключительно по Вашей вине. Аналогичные письма я посылаю во все ведущие русскоязычные газеты и журналы за рубежом.

С приветом,
Константин К. Кузьминский,
Голова секции литпрактики
ИСРК.
/В данном случае - просто
Автор./

P.S. Прошу в заглавие, текст и подпись не вносить никаких изменений.

P.P.S. Кроме того, ни в каких "технических" вузах не обучался. Ушел с биофака ЛГУ /специалист по змеям/ и из Театрального /искусствовед/. Информацию давал, не иначе, Бетаки. Могли бы и у меня спросить.

Не ваш - ККК.

НЕ ПОЗВОЛЯМ!

Господа! Меня, никак, в Союз приняли. Под Максимова причесали. В №20 журнала "Континент" два моих текста напечатали. Я туда стихи не давал. Полагаю, что это медвежья услуга кого-то из друзей. Но публиковать при живом закордонном авторе тексты его без его на то согласия - это, как ни говорите, криминал.

И какие тексты? Выдрали из меня, из семиязычной "Вавилонской Башни", стилизованное "под классику" - и представляют, так сказать, читателю. Из меня, последователя Крученых и Туфанова - дали кусочек, похожий на Ахматову. Для вставных челюстей, помягче.

Что ж мне, в ножки благодетелям кланяться? Кастрировали, как верблюда, как это в Советском Союзе водится, теперь поди, доказывай.

И это не первый случай. Для начала меня "Время и мы" тиснуло, издатель Перельман. И тоже выборочно. Ну, я смолчал. Тоже без ведома.

Но сейчас я желаю возразить, и возразить категорически.

Для начала: в "Континент" я ничего не давал, кроме подборки ленинградских поэтов /куда себя не включил/, три года назад. Подборка эта так и не была напечатана, хотя им это нужнее.

Я же - не разделяю эстетику журнала, куда меня насильно засунули, и печататься в нем не желаю. Кроме того, меня представили каким-то антисоветчиком, хотя я колебал сам факт существования Советов. И "Континента" тоже.

В суд подавать не буду, поскольку денег на суды нет.

Два текста, никак не представляющие меня, как поэта, равно и публикацию во "Времени и мы" /не помню, какой номер/, прошу считать несостоявшимися.

И вообще, пора бы прекратить эту практику литературного пиратства за рубежом. С господами же из "Континента" - разберусь при встрече. Они меня знают.

Константин К. Кузьминский,
.38,
Техас.

P.S. Да, забыл: в "Третьей волне" Глезер тиснул "Владимирку", тоже оттуда. Говорит, Жарких дал. А причем тут Жарких? Растащили "Башню" по кусочкам, шакалы.

ККК

Редактор "Нового Русского Слова" Седых, поливающий по-черному Эдика Лимонова и печатающий всякую гнусь в адрес Александра Янова, печатать протест отказался /как и в случае с Яновым/. И "Слово" и "Континент" - одна бражка:

"Многоуважаемый господин Кузьминский!

Получил Ваше письмо и очень сожалею, что Ваши стихи были опубликованы без Вашего разрешения. Но письмо написано исключительно резко,- такие вещи мы в газете не печатаем. /Врет, печатает и гораздо хуже - см. письма против Лимонова, Соловьева и Клепиковой, Янова. - ККК/. Однако, если Вы не возражаете, я пошлю Ваше заявление Максимову. В конце концов, протестовать нужно не у нас, а на страницах "Континента" и "Время и мы", которые нарушили Ваше авторское право.

С искренним уважением -

/Андрей Седых/

Ну спасибо, господин редактор! Максимову протест переслал! Будто я в первую очередь об этом не позаботился.

А проку?

Получаю из "Континента" следующую писулю:

"Многоуважаемый господин Кузьминский!

Опубликовать Ваши стихи мне удалось с немалыми сложностями, т.к. и гл. редактор и отв. секретарь, и большинство членов русской редколлегии /прежде всего Ваш друг И.Б./ категорически возражали против публикации. /Так на хуя ж тогда вообще публиковать?! Я что - просил? - ККК/У каждого, разумеется, свои вкусы и взгляды, но преодолеть сопротивление было нелегко. И в результате, подтверждая отношение к Вам многих людей, для которых Ваше обращение с ними заслоняет Ваши стихи, Вы пишете глупое и хамское письмо в редакцию.

Можете быть уверены, что теперь ни "Континент", ни "Грани" Вас больше не опубликуют /а я о чем прошу, чорт побери?! - ККК/, даже если бы у меня сохранилось желание содействовать Вам, поскольку я считаю вас безусловно талантливым поэтом. Но вопиющая неталантливость Вашего поведения и у меня отбила охоту что-либо делать для Вас в дальнейшем.

С уважением /только к стихам, но не к автору их/

Василий Бетаки
/без даты/

Что ж мне, с Васькой полемизировать?
Горбаневская и Максимов не удостоили меня ответом.
Зато я их удостоил. И еще удостою. При встрече.

Итак, контактам моим с "Континентом" пришел полный и очевидный - "п....ц".

И чорт с ними.

13-15 октября 1979,
Техас.

ДЕЖУРНОЕ МЕНЮ

/еще о кухне заведенья "Континент"/

Кухонный, надо полагать, рабочий, Вася-Бетаки /муж В.Иверни/ глаголел мне в начале 70-х: "Я, говорит, еду на Запад, чтобы доказать, что Бродский - не поэт!" "Вася, говорю, ты прежде всего докажи, что ты - поэт!"

Открываем 25-й номер. Кухарка Горбаневская стряпает, скривясь от отвращения, хомаж из текстов, которые она - цитирую: "...Каюсь ... - не одолела. Даже настолько не одолела, насколько положено моими редакционными обязанностями выправлять опечатки в машинописи..." и пр.

Ладно. В совписовской столовке "Континент" - подают иногда, чтоб "и прочих" читателей утешить, на заклание какого Лимонова, Кузьминского или Щапову. То, что к примеру, из меня приготовили холодный "диссидентский" винегрет, немытыми руками кухаря /и на вкус, полагаю, столовского разнорабочего/ - это меня уже не колышет. Я уже об этом написал.

Но вот опять кривится кухонная дама: стряпать из какого-то Лимонова. Что до нее, то она бы... Цитирую: "Если бы я , скажем, заняла пост /не существующий в "Континенте"/ завотделом поэзии и печатала только тех, кого всерьез считаю поэтами. Тогда бы /о, мечта кухонной дамы! - ККК/... кроме давно мною любимых Бродского и Бобышева, недавно открытых Кенжиева и Кублановского, да меня самой, кого бы еще печатал "Континент" в последние годы?" И кокетливо оговаривается перед этим: "Было бы хуже..." Если бы она, значит. Тогда - кто?

Да уж хуже некуда. В следующем номере /№26/ Эдик Лимонов жалуется, что неграмотная кухарка /занимающая несуществующий пост/ - умудрилась напутать даже страницы - но она ж сама признается, что "не одолела". Она ж и не читала. Так что шли, Эдичка, грамотные рукописи, чтоб не жаловаться потом.

А о способностях кухарки /или, полагаю, самого "шефа"!/, просто помещаю следующее меню /из №25 и - на будущее!/:

Читайте в следующем номере «Континента»

Прозу:
Г. Русского, В. Марамзина

Поэзию:
И. Бродского, Н. Горбаневской

Публицистику:
Э. Кузнецова, А. Дравича, Б. Заксa,
Ф. Чортока

Кушайте, дорогие читатели!

ОЛЕГ ОХАПКИН за 10 ЛЕТ
/снимки 1974, 1973, 1970
и 1980 гг./

Фотографы: В.Окулов /ПАПА/, Б.Смелов /ПТИ-БОРИС/,
Б.Кудряков /ГРАН-БОРИС/ и не знаю, кто.

8 ПИСЕМ С ОТВЕТОМ.

ОЛЕГУ ОХАПКИНУ.

Данные:
Охапкин Олег Александрович. Поэт. Друг Бродского и Бобышева. Мой.
Родился в Ленинграде 12 октября 1944 г. Крещен. Родители пережили блокаду. Отец из крестьян Тверской губернии. Воевал в Финскую кампанию. Был контужен, в войну служил в пожарной охране. Мать из крестьян Саратовской губернии. В блокаду рыла окопы, работала на лесоповале, а потом в пожарной охране под началом будущего мужа. Рос вместе с младшей сестрой Галиной без отца. Живет в Сосновой Поляне с матерью, бабушкой и сестрой /в 2-х-комнатной квартирке - КК/. Мать на пенсии. Окончил 7 классов школы и закончил среднее образование в ремесленном училище. Имеет специальность маляр-альфрейщик. Учился в музыкальном училище им. Мусоргского на вокальном отделении. Работал: на строительстве Хрущевских лет в новых районах Ленинграда, участвовал в послевоенном восстановлении города /59-62 гг/, в в Малом Оперном театре осветителем и статистом /62-65 гг/, артистом хора Радио и Телевидения, библиотекарем Публичной библиотеки, экспедитором в Детгизе, грузчиком в типографии, рабочим в геологической партии в Заполярьи /сезон 69 г./, подшкипером на парусснике "Седов", участвовал в создании музея Достоевского на должности единственного рабочего, был лит. секретарем Д.Я.Дара и В.Ф.Пановой, с 66 по 70 гг. периодически работал в Эрмитаже рабочим. Последние годы был в археологических экспедициях в Средней Азии и на юге Архангельской области /неподалеку от места высылки Бродского/. С 72 г. член профгруппы при Литфонде. Работает поэтом-переводчиком. Напечатано 7 переводов стихов.
Своих стихов напечатано - 7 /кусками/. Написано 7 книг, заканчивает 8-ую. /"Ночное дыхание" 66-68 гг., "Возвращение мест" 69 г., "Душа города" 68-69 гг., "Моленье о чаше" 70 г., "Времена года" 70-71 гг., "Посох" 71-72 гг., "Высокая цель" 73-74 гг./.
Числился в Центральном ЛИТО при Союзе писателей /69-70 гг./, где был старостой /врет: членом бюро. Старостой был Миша Гурвич, секретарь Эткинда. - ККК/.
Крещен. Воспитывался в ортодоксально-православной семье. Участвовал в восстановлении Александро-Невской Лавры, где 3 года пел в церковном хоре. Верующий.
Учился писать: у Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, Жуковского, Державина, Тредиаковского, Ломоносова, Кантемира, силлабистов 17 века, Сковороды, Тютчева, Баратынского, Языкова, авторов церковных песнопений, Анненского, Блока, Клюева, Гумилева, Пастернака, Мандельштама, Белого, Ходасевича, Кузмина, Маяковского, Хлебникова, Заболоцкого, Красовицкого, Бродского, Бобышева, Наймана, Рейна, Горбовского, Сосноры, Кушнера, Кузьминского.

Анкета взята в начале 1975 года.

/Из Антологии Новейшей Русской Поэзии у Голубой Лагуны, т.4 - в подготовке./

Остальные данные см. в стихах и в письмах.

Константин К. Кузьминский

Дорогой Константин Константинович, 25.10.79. С.Т.

после того всё от Весов до этих вот Род. Бастиарит, кокается, получается. Ну, что ж! С Богом.

Среди всё Уоол. Самое вавилонское. Я его нашёл, да он пошёл лукаркой никак... Хирцой хрипел. И то правда его к свое. Чудеть на сапожника трется. Кстати, есть ли у вас там в Костине русский хрюк? Меня, надо, попрут. Прочак-с:

Сдать бинокль на почту, какого я отдал тут-то, Гнорреева. С него надать он кой-чего начать. Есть и него, и только, чтобы Гнорреева. Спросите о "Госсе" и "Гоше." Лирика его второстепенна, но подлин! Кроме того это дает нашего времени много в прозе." Род. Мирн" - много "предр о конце, но самая книга "!!! Такого еще и в Росии не было. и поэт-вулканер. Кокетка, запишу и обязательно, и эротика-регенератор, как у нас говорят. Есть чудак на Москве. Могу достать адр. к тов прямо и нем через своего офицера. Это говорю. Была у него маленькая интрижка, все пропадало до конца. Но для такого случая гектит и „Ген. апокалипсис" Хочешь, пишем сам-с-писъ-интрижку. Поэт. „Рано заревано." Вдова — Не не запасись от царя, и всё пр. Насчет — ... писать о марке. Марок-с, марочек-с, и к соответствующей, как и полагает: по семь лет. Первая группа: 21 год, вторая 14 и третья — пять 14 лет. Это закон. Можно считать и так: для мальчиков: март, апрель, май. Без перерыва лет. Ясно. Читай:

Новый год
О-ктябрь. Весна.
Февр. Х. VII ж

март 1: 5-2		
2. 3-9		
3. 10-16		
апр. 4. 17-23		
5. 24-30	Васнр. Христово!	
май 6. 31-37		
7. 38-44		

и т.п.: Ж. в. Тлеф. в. Элев. в. Маш. в. Эмп. в. Сор. в. Папки конституц. пропорц. Ленч. перерезка. Но вот ими бижутерия и адресы внимание на то, что поэт. форд. и пр. вавренья.!!!

Ещё можно прочитать об фильтрах писчей пасмешат так. с ним. не торопись! Славная. сделас март, как так можно от the Ancient World, Конвей, 1969. в нем. народы Европы; Египтяне, но считать надо с 5020 года до Н.э., Вавилоняне, Ф. Ассирия, и. прод. до истинного нач. Форд. И. Хеттеи и в двенадц. Хетты так часто

Март { 1956, 1957, 1958, 1959 | 1960, 1961, 1962,
1963, 1964, 1965, 1966 | 1967, 1968, 1969,
1970, 1971, 1972, 1973 | 1974, 1975, 1976,

Апрель { 1977, 1978, 1979, 1980 | 1981, 1982, 1983,
1984, 1985, 1986, 1987 | 1988, 1989, 1990,

Май { 1991, 1992, 1993, 1994 | 1995, 1996, 1997,
1998, 1999, 2000, 2001 | 2002, 2003, 2004...

И соответственно в сентябре и ноя декабрьдает. Весьма вопрос обычный колонии. Интересный пример по одним неврит: 52, 57 (пом. вр) Статистическая книга: задать. Это к орму не вписаться. На осёт древности морских на орнере праверить по E. J. Bickerman, Chronology of the Ancient World, London, 1969.

Нам. Родить так: интересно русск. повезли. Обязательно!

Найдёт интернет Алексея Терещенко. Это последний такой. Не знаю интернет О. Прокофьева, но в наших спорах не участ. Ю. Игр. и др.

Империя. Поэтика. Лето. V ф (прот. стар.)

P.S. Ваня прибл. Перед ним Настя Ивлева и Наташа Мартынова!!!

Олег.

А поколения надо считать по отдельности.

		сейчас живут	
I	1. 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0,	1, 2, 3, 4, 5, 6, —	первое поколение, прямой
	2.	19 - 2п.	6 пф - родс. Великой Терапт.
	3.		
	4.	32 - 3п.	Ряд - это от великого
	5.	45 - 4п.	сейчас до великого.
	6.	58 - 5п.	
	7.	71 - 6п.	
		84 - 7п.	

прямой для XX века

		Сейчас пок. XX века		
XXII	1. 5	16, 17,	— 148.	краеугольного! это счёт поколений
	2. 18	29, 30,	— 149.	от родоначальника.
	3. 31	42, 43,	— 150.	
	4. 44	55, 56,	— 151.	(модель покроет почти
	5. 57	68, 69,	— 152.	всех всё
	6. 70	81, 82,	— 153.	пространство).
	7. 83	94, 95!	— 154.	Это видно и в природе
		Сейчас пок. XXI века		
XXIII	1.			Метрополь в сторону!
	2.			И всё такое.
	3.			Пушкин не мудрил
	4.			надписью на памятнике,
	5.			а так сказал!
	6.			Конф. - прав.
	7.			И. конф. - тоже. Больше
				так нельзя.

Надо учесть, что в XXIII веке будет 154 поколения.

Накумекал надо всем этим так: пастбище, может быть, как и здесь, приведёт к новым поколениям и поэтому отвалит аборф, и поэтому Литинин, да тоже, что и т. п. и надо двигать вперёд. Следует Аркадия надо рубеж. Сам посчитать, главное чувствую где рубеж, и абзацы. Фото нет: того или другого. !!! Покажи это Гинзбургу. Пусть он ещё Вам покажет. Во всякой случае Н. А. Кузьмин одобрит. Но это, пусть, только мне и.

Сергей. вот поворотная Гоголя и Н. Гоголя.

Белов - поэт рубежа!

44 пф рож. - Я, Юрий, Окун., Сергей. Абр - многие наши поколения.

21 пф - 2106 и т. д.

Как-нибудь в Вере это надо знать! Вот почему Вы — Ты, Юрий, Ай и мы

Я тоже с своим пок. Конфликт сего предела прямого поколения.

имеет с своим! У конф. пок.

есть близкий пол. Гончар, Ивл, Тр.

С 57 п. - пока полный прот. но ведь уже 80 п. не ноу!

Видно, что 70 п - пок. (154) умел как-то и в позд. (152) пок. — прозр, смерт. прозр. Потому и не Зин. много нет. Я уверен, что это процесс

Когда поколений почти нет, то общество предоставлено это только время и судьбе.

Наше поколение у нас называют «задано-ные»: Это - народное! Никого, а? Вообще непонятно что-то существует в этих краях.

Вопросы, пока! Нашло Монтень в подлинных, и можно сего перечитать. А французы сего любили?

16.9.79.С.П.
Дорогой Костя,
я получил твое единственное письмо в свое время, но не стал тогда отвечать, ибо не знал твоего адреса. Этим летом я узнал, что ты готовишь эпохальный труд о четырех томах. На мой взгляд, это будет не превзойденный труд вплоть до первого десятилетия XX1 века. Во всяком случае, у тебя есть все основания соорудить нечто совсем грандиозное.

Вот несколько моих соображений на сей счет.

1. Во-первых, надо давать всех более или менее видных авторов, писавших с 1956 года, разумеется, кроме баб. Пусть они сами сооружают свою клумбу.

Почему с 56 года? - А потому, что именно с этого года вступил в силу наш Бронзовый, а не Медный, как полагает М--åки, век. Медный век был при Екатерине 2-й, если уж на то пошло.

Вот схема символического календаря истории нашей новой культуры, начиная с учреждения Сената в Санктъ-Петербурге:

I Оловянный век /Зима/
1711 - 1759 гг.
II Медный век /Весна/
1760 - 1808 гг.
III Золотой век /Лето/
1809 - 1857 гг.
IV Серебряный век /Осень/
1838 - 1906 гг.
V Свинцовый век /Зима/
1907 - 1955 гг.
VI Бронзовый век /Весна/
1956 - 2004 гг.
VII Железный век /Лето/
2005 - 2053 гг.
-
Amen.

VIII Платиновый век /Осень/
2054 - 2102 гг.....
Но это уже начало нового цикла, о котором не место здесь говорить.
Семь веков составляют большой период: первые три века - одна эпоха, вторые два века - другая эпоха, и третьи два века - еще одна и завершающая эпоха.

Нечто подобное и в Московский период, и в Киевский. Таким образом наша культура прошла уже два больших периода и завершает свой третий, если хочешь - петербургский, а точнее - имперский период. Что будет за сим .....
Короче, аналог - Рим.

За сим должен быть совершенно новый культурный цикл. Но об этой моей теории как-нибудь после. Замечу лишь походя, что наш - Бронзовый век /весенний/ - лишь подготовка последнего расцвета имперского периода нашей культуры. Короче, я взял на себя полномочия Гесиода поименовать историю нашей культуры. На сей предмет у меня имеется объемистый труд.

Суди сам, что мой символический календарь намного точнее календаря Ахматовой, Маковского и М--åки. И мой тебе совет - употреблять мою классификацию, ибо она здесь в России вполне прижилась с моей легкой руки, да и на международную арену, кажется, вышла, и В---ке, пожалуй, не вытянуть за мной, он-то лепит от печки...

Я слышал, в Вене вышел журнал "Бронзовый век", - спроси подробности у Есаула. Он в курсе. Посмотри мою публ. в №30 за 78 г. "Вр. и мы". Только там очень "неточный" список приведен. Ода "Бронзовый век" - опубликована с опечатками и даже неточностями, то же и "Пророк". Посмотри списки хотя бы у Наташи или у Сергея Уса.

2. Во-вторых, предлагаю тебе сделать антологию Бронзового века, и пополнять ее до следующего - Железного века. Идея, по-моему, грандиозная. Только не вступай в полемику с М--åки, делай тихо и без объяснений. Во вступительной статье можешь сослаться на меня, как на нового Гесиода что ли ... и можешь привести мою классификацию. Если тебя заинтересует, вышлю подробности. Идет?

3. В-третьих, не брезгуй и другими поэтами этого века /бронзового/, т.е. конфор-

мистами, их можно так и представить как поэзию конформистов или конформизма. Каково чесать зад Вознесенскому и ЕвтуXу, а?... - Пускай почешут!
4. И в-четвертых, гони свои этапы по городам. Эта твоя идея весьма недурна. Остальное, natürlich, на твое шамуринское усмотрение. А после такого труда ты мог бы превзойти и антологию Маркова /полюбопытствуй!/. Т.е. гони сразу за Бронзовым веком - Свинцовый. NB. Свинцовый век начинается именно с 1907 года. Это запомни хорошенько и не сумневайся. Так оно и есть. А символисты полностью во второй половине Серебряного века. А как освоишь Бронзовый и Свинцовый, так хиляй и Серебряный, и Золотой, и Медный, и Оловянный. Что будет неясно, спроси у меня!

А главное, не вступай в полемику ни с одной сукой. План грандиозный и вполне комерческий, потолкуй с мадам М. Привет ей. Получил от нее открытку с о. Патмоса. Но мне не известен ее домашний адрес. Мои вирши можешь употреблять по назначению, т.е. как тебе заблагорассудится. Привет от Рейна. ... А сам ты напиши Володе М. /полагаю, Марамзину? - ККК/ Он в курсе моих дел, потому что поближе к Питеру. Всем привет. Мыши, Наташе, Усу, Мише, Володе, Левину, Дару, С. etcetera.

P.S. Полюбопытствуй у Уса 1-й том /1962 - 1972 гг./. Можешь использовать на полную катушку. Там самый верный список. 2-й том /1973 - 1979 гг./ полным ходом кончаю. Со списками из него надо быть осторожней. За справками ко мне. Мой адрес: Л-д, 198259, ул. Тамбасова, д.27, к.1, кв.44. О.А.О. род. 12 окт. 1944 года в Л-де. Ныне уже 35 лет. Полжизни.

Дружески Олег Охапкин.

/От адресата: первое письмо привожу полностью, из остальных буду драть куски, поскольку, во-первых, Охапкин барочно-многоречив, а во-вторых, не получая ответа, неизбежно повторяется. Ответы читает КГБ./

27.9.79.С.П.
Дорогой Костя,
я послал тебе одно письмо с открыткой "Весы". Это письмо, следовательно, должно быть с открыткой "Скорпий" et cetera... Надеюсь на каждое письмо получить ответ, хотя бы вкратце.
.....

Никакого Анн Харбора не признаю. Пусть издают торт с говном - "Метрополь" и т.д. Уж лучше любая другая самодеятельность. "Cont." тоже не признаю. Это, на мой взгляд, фракция /франция? - КК/ Союза писателей. Пошли бы они в этот Союз!..

"Messager" Никиты и сорока его дочерей тоже не признаю. Масонская ложа мне не подходит. А вот "Грани", "Время и мы", "22", "Эхо", "Ковчег", "3-ья война", "Новый журнал", "Перекрестки", "Через", "Ticet" или как там его /"Thicket", тють твою! - КК/ - вот это все по мне.

Видел "Parler" с Камаринской... Поздравляю. Не очень понял, что за строчки из меня - переведи. Можешь дать что-либо и мое К---е, ежели ей понадобится. Смотри сам. Надо бы там у нее и других хотя бы по стишку - по два.

Вышла книжка Ширализаде и Дионовой к нему впридачу. На днях вышлю тебе.

.....

Никто не пишет. Все перебзделись, что у меня был обыск. Вот и не пишут. Надеюсь, ты-то не из пугливых. Проверим. Напишешь, аль нет.

Отсюдова все драпают. Еще полгода - года два-три-четыре, и никого не останется, ибо времени нет.

Р--н летом лежал в сумдоме. То-то лазать ложкой да в торт с говном! /Читай - участие в Метропольевском застолье - ККК/. Лишили всех заработков: фильмов, детгизов, договоров. Примерно, однако, не то же и Битов. Оба поседели и потощали.

Это вам не Аптекарский остров подписывать у прилавка. Что же говорить обо мне, то я в качестве мула побатрачил на музей истории города, перетаскал 4-е тонны витринного стекла на 6-й этаж, то бишь на чердак и обратно, и чуть не дал дуба, однажды возвращаясь домой, забулькав сердцем, именно этим, а не другим органом.

Видишь ли, у нашей страны и ее населения нет никакой иной возможности найти место для поэта, как только - стойло мула, откуда ему полагается ишачить в гору, то бишь поэта здесь используют только в качестве ишака, не иначе, а ишаки, как известно, у нас пишут газеты, журналы и трилогии воспоминаний, точь-в-точь персонажи того "Скотского хутора", которые всех свободней. Ф. Е---д хорошо одного такого отделал /проф. Эткинд, но кого - Максимова в Синтаксисе? - ККК/, да надо бы и других тем же концом да по тому же месту. А для того надоть открыть отдел: у нас на хуторе близ Диканьки - скотские вести.

.....

Сижу без денег и без здоровья, чего и вам, ясное дело, не желаю.

Олег.

P.S. Спишись с Н.Ш/арымовой/. У ей есть мои вирши. Пусть она мне напишет. ... Бобышев едет к вам в октябре. Поздравляю всех вас с приобретением такого поэта. В вашем полку прибыло и прибудет. Это уж точно. Подумай об изд. моего тома в 3-й войне, а? Это бы самое подходящее мне было, либо в славном граде Ерусалиме. Это тоже поджодит, ибо Хомякова борода.

О.О.

10.10.79.С.П.

Дорогой Костя,

я послал тебя в сентябре три письма: Весы, Скорпий и Стрелец. /Одно куда-то затерялось, у меня уже - КК/. Это четвертое, как понимаешь, а значит - Козий рог, как я и обещал.

Во втором письме я высказался насчет "Cont.", что де не признаю "союзовскую" позицию в отборе авторов, ибо сам я принадлежу к новой, неконформистской литературе и болезненно воспринимаю новомировских авторов с их антимузыкальной тенденцией, т.е. попросту говоря - с голой античной /"антика" у нас значит совсем не то, что ране - ККК/ тенденцией, что напоминает мне примерно то, от чего тошнило еще в школе. Может быть, я плохо информирован, но твоя реакция и лимона /Лимонова - КК/ истерика дали мне повод настроиться подобным образом. Ты мне писал, что "Cont." кормит человек 6-8 из бывших, а лимон так и того чище писал на Москву, что те, кто нас давил в совдепе, теперь непрочь продолжить это же за бугром. Все это вызвало мою крайнюю настороженность, и я сторонился сего журнала, как вот слышу инт/ервью/ Емельяна /В.Е.Максимова - КК/, в коем он буквально мои прошлые мысли высказал, т.е. о необходимости отмежеваться от конформистов, et cetera. /Это Максимов может, от Ахмадулиной, но не от своего друга и патрона Кочетова. - ККК/

Смею надеяться, что это его искренняя позиция, а коли так, то и обвинения мои снимаю, и отныне нет причины воздерживаться от участия в этом емелькином предприятии, и даже наоборот - надо бы попробовать обратиться непосредственно к Емельянычу /Пробуй, я - уже, 3 года - за вас. - ККК/, чтоб он сам что-либо там написал и дал какую угодно отборку-оборку-проборку. Я был бы рад содействовать его лит. стратегии. Что до тактики, то мне, собственно, безразлично. Положение мое едва ли можно ухудшить хорошей публикацией, скорее, наоборот. На этом хватит.

Что до Харбора /Анн Арбора, Ардис - КК/, то я понять не могу на что надеется Префферанс /Карл Проффер - КК/, если его даже не пущають, а он лезеть... С Евтухами далеко не уедешь, а с Возн./есенским/ и Ахм./адулиной? атовой?/, думаю, тоже. Другое дело - Битов. А вот Аксенов уже хуже. Ужли не ясно?

Но, конечно, что̀ такое наши мнения в префферансе, где, поди, доходит и до реверансов, я полагаю, а?... Но и это я зря, видно, пишу. Но душа горит, когда видишь всю эту близорукую кухню. Ты, на мой взгляд, куда правильнее делаешь, когда ратуешь за новую литературу. Даром что ли она наплодилась? Зачем же ею пренебрегать? За нею - будущее. Надо это и пора понимать.

О "Messenger" лучше умолчу, ибо вот уж ничего понять не могу в этом болоте. Но, к счастью, это и не литературный, хоть и хороший журнал. Чтой-то они крутят-вертят, а простоты, видно, боятся. А время-то наше требует как раз простоты и ясности. Сколько же нам будут мочки крутить! Право, надоело это все до тошноты. У нас тут не до шуток, а у вас там всё крутят и крутят. Отсюда порой даже гадко смотреть на всё это. Что они все сбесились с этим крутежом? Будто мы ничего не видим и ничего не понимаем. Вот уж дудки!

.....

Я тебе послал две книжонки: Торшера /Ширали - ККК/ и Дианову, зная, что ты без ума от них. Читай. Наслаждайся! У Горба /Горбовского - КК/ вышла еще одна книжка: "Крепость". Если интересуешься, могу послать. А вообще-то, написал бы ты мне хоть к Новому году, если я тебя раскачаю этой серией писем. Я решил выплатить долг тебе за годы молчания. Надеюсь, всё получишь.

.....

Я тихонько страдаю сердцем и жду выздоровления. Невроз, батенька. Помнишь эту мою болезнь, а? Вот то-то! Даже работать уже не могу. Пока лишь хватает сил на кой-какое чтение поспокойней, да вот на письма, что уже трудней. Но я привык что-то делать и в болезни.

.....

Пиши короче, тогда дойдет. Самое надежное - открытки.

Всего хорошего... Олег.

P.S. Найди Уса и Нат./алью/. Пусть они дадут там чего Емеле /Максимову - КК/. Это - моя просьба. Сам понимаешь мое положение. Я тут как Гвидон в бочке, и что у вас там происходит, почти не слышу из-за морских помех. Гудит, как в трубе. Слышно ли и меня?

О.

18.10.79.С.П.

Дорогой Костя .....

Я затеял послать тебе ряд писем. Авось, хоть что-то дойдет. Мне теперь мало пишут, и я не в курсе как вы там поживаете, что нового в литературе и т.п. Раньше мне довольно часто писал Сергей /Ус - КК/, но, видно, и ему надоело бесплодно переговариваться через бугор.

.....

Сюз./анна/ поздравила меня телеграммой. ..... Несколько ее писем и одно мое, не отправленное прошлой весной, сод. мою краткую автобиогр., предназн. для Н., я утратил по независящим от меня обстоятельствам. Машинку тоже. /Обыск летом 79? - ККК/. Сижу третий месяц без оной. Вообще-то даже не знаю, что все сие может означать. Так что ограничусь молчанием.

Теперь касательно конформистов. Почему нас метят нонконформистами при всяком случае, а тех нет. Их надо, конечно, кому-то печатать, но пусть их метят конформистами. Напр., Возн./есенского/ и т.д. А то что-то неясно почему нам такой почет, а им нет. Им тоже надо отдавать должное, т.е. метить. Пусть будет поровну. Или вообще никого не метить. Тогда отчего же мы нонконформисты? Может, просто русские поэты?... Но я всё ж предпочитаю позицию благоволения ко всему талантливому и честному. Это естественней.

Опиши мне вкратце лит. журналы. У нас тут говорят всякое, и мне трудно соста-

вить себе определенное мнение. Я спрашиваю разных людей, и каждый загибает по-своему.

Ты, как мне раньше казалось, умел быть объективным. Будь добр, просвети меня на сей счет. Полит. журналы меня не интересуют, лишь художественные и даже преимущественно те, которые публикуют поэзию. Кстати, какие интересные русские поэты за бугром? Я знаю отчасти лишь Ивана Елагина, да и его совсем плохо. Есть ли молодежь? Куда они движутся? /На все эти вопросы я ответил бы, но боюсь, мои ответы даже "Эхо" не напечатает. - ККК/. Всё это любопытно мне. Здесь я надыбал трех поэтов на псковской земле, совсем молодых, но это уже не то, что было в начале 60-х и 70-х гг. И даже можно сказать, что наступила значительная пауза в поэтическом процессе.

Владимов считает, что нам не придется ждать великого писателя еще лет 30, поскольку свободная лит./ература/ черезчур жестоко преслед./уется/. Но я не согласен с этим его мнением. Как раз великому человеку и писат./елю/ никакие репрессии не помешают настолько, чтоб он не выполнил своей мисссии, а вот просто талантливой молодежи такие уникальные условия, что говорить, губительны. И вот налицо исчезновение толп пишущей братии, но кто-то всё ж таки пишет. Так будет всегда, пока нас не разморозят. А как скоро разморозят, так люди не станут бояться брать перо в руки, и снова явятся толпы.

В июле покончил с собой Саша Морев. Ты, конечно, знал его. Он выбросился не-то из окна, не-то в пролет лестницы на какой-то новостройке Вас./ильевского/ острова. Так мне сказали художники. Ну, а кто совсем юн, так те бросают писать, не чая ничего доброго от лит. занятий. Видимо, так. И Владимов отчасти прав. Ты даже не представляешь, до чего стало бесперспективно заним./аться/ лит./ературой/. Лишь такие закаленные бойцы, как старая наша гвардия, что-то еще пишут. Но это слишком грустная тема. Оставим ее. Так-таки удушили, стервецы! И всё ж целая лит./ература/ состоялась, успела состояться. И это прекрасно. До нач./ала/ 90-х гг. ничего нового, боюсь, не явится, разве что кто-либо из прозаиков. Для поэтов нужны тепличные условия: общение, выступления, интерес публики, красивые женщины и поэтические кружки и ристалища. Прозаику же подчас даже вредно все это. Вот и остается ждать лишь прозаиков. Но с другой стороны прозу в стол писать - почти безумие /Кафка! - КК/. Но ведь пишут же в России. А и будут писать.

Остаюсь в ожидании твоих писем. Олег.

25.10.79.С.П.

Дорогой Константин Константинович,

послал тебе все от Весов до этих вот Рыб. Бестиарий, кажется, получается. Ну, что ж! С Богом.

Греби усё Уса. Самое выверенное. Я его нашел, да он пошел музфак никак... Пущай учится. А то греби его к себе. Пусть на солнышке греется. Кстати, есть ли у вас там в Костине /Остине - ККК/ русский храм? Меня, поди, попрут. Мрачок-с.

Обрати внимание на поэта, коего я открыл тут - Даниила Андреева. С него надоть бы кой-что начать. Есть у него, покойного, целая книжища поэм: "Русские боги" называется. Справки в "Логосе" и "Общ." /??-КК/. Лирика его второстепенна, но поэмы! Кроме того это Дант нашего времени, только в прозе: "Роза Мира" - много бреда в конце, но сама книга!!! Такого еще и в России не было. Он поэт-визйонер. Кажется, заткнул и батюшку, и братца-дегенератца, как у нас говорят. Есть вдова на Москве. ...

Дело говорю. Была у него маленькая книжечка, да прополота до камней. Но для твоего замысла хватит и "Лен. апокалипсис". Хочешь, пошлю совпись-книжечку. Наз. "Ранью зоревою". Вдова чуть не задохнулась от горя, и всё же. На счет поэмы звони Кр./аснову/-Левиту/Левитину/ и т.д.

/От адресата: Далее следуют полторы страницы математических выкладок, каковые целиком - приведены во 2-м томе "Антологии новейшей русской поэзии у Голубой лагуны" - см./

.....

Нами пока всё заканчивается. Это видно и в жизни. Метрополь в ж--у! И всё такое. Нужен не мудовый профессионализм, а таланты! Конф./ормизм/ - проф./ессионализм/. Н./он/конф./ормизм/ - тал/ант/. Должно бы быть!

Покумекав надо всем этим ты поймешь, может быть, как и зачем приходят целые поколения и почему бывает отдых, и почему битники, битлы, мы и т.д. и чего ждать впереди. Смерть Аронзона тоже рубеж. /Л. Аронзон. 1939 - 1970. - КК/. Сам понимаешь. Главное указывать годы рождения и обязат. дата нач./ала?/ того или другого.!!! Покажи это Гинзбургу. Пусть он еще Верм. /А.И. - КК/ покажет!

Во всяком случае Н.А.Козырев /астроном - К.К./ одобрил.

Сереб./ряный/ век завершается 1-м томом А.Блока.

Блок - поэт рубежа!

44 года рожд. - Я, Крив./улин/, Ожиг./анов/, Страт./ановский/. Мы начинаем новое поколение. Вот почему вы - ты, Брод./ский/, Лён и т.д. есть предыдущее поколение.

31 год - Глеб /Горбовский - КК/ и т.д.

Кой-кому в Верм. это полезно знать!

Я писал о своем пок./олении/. Каждый пишет о своем! У кажд./ого/ пок./оления/ есть ключевой поэт. Иногда два, три.

С 57 г. - пока полный мрак. Но ведь уже 80 г. на носу!

Думаю, что 70 гг. - пок./оление//153/ - /отн. к табл. поколений, о которой шла речь выше, см. в "Антологии" - ККК/ даст кое-что и в поэзии. /152/ пок./оление/ - проза, скучн./ая/ проза. Потому и на Зап./аде/ ничего нет. Я уверен, что это процесс однородный.

Каждое поколение можно как-то назвать. Предоставляю это твоей фантазии. Наше поколение у нас называют "сорокопятки". Это - народное! Ничего, а? Даже народ-с чтой-то чувствует в этих делах.

....

Олег Охапкин

P.S. ....

P.S.S. Жизнь моя такая. Сижу жду у моря погоды. Всё надоело. Хочется покою. Я все-таки поэт, а не тэон /? - КК/. Хватя. Хочу дописать роман в стихах. Начат в 77 году. Остальное меня неинтересует. Пусть Илья даст тебе две поэмы: Одиссея и Иова. Отыми у него! Привет ему. Господам профессорам тоже.

1.11.79.С.П.

Итак, дорогой Константин Константинович,

поздравляю Вас с должностью /Зав СЛП ИСРК - ККК/. Неужто приходится ходить в присутствие? Письмо изрядное/значит, одно из 9-ти, какое-то, прорвалось? - КК/. Большое спасибо. Привет Мыши. Моя жена в той же функции /уборщицы - КК/. Зовут ее Лена. Женат с лета 76 года. Летом 78 года венчаны. Живности: кот лёновский /Вл.Лёна - КК/ - Маркизкой зовут, сиамец. Любит поспать. Да вот овчарка шлёт вашей собачке /Неге, борзой, от Нусберга - КК/ хвостовой привет. Зовут Чарлик. Восточный европеец, как папа, т.е. я. Пёс известного Огородникова. До 8-ми месяцев тот воспитывал. Довёл собачку до двух приводов в ментовскую. Я довёл до обыска. Итак, собачка видела много. Сейчас сижу без машинки. Завидую твоей. Может, ваш институт пожертвует какую списанную? Мрак. Известно.

Но к делу. Ты бы зажабрил Уса, да что там поскорей сварганил бы на свой вкус.

Я тебе доверяю. Кроме того надоть бы бориску /Б.Куприянова - КК/. Ус пусть все гонит. Есть там еще чтой-то - таратон /С.Стратановский/, да сашок /А.Ожиганов/. А там посмотрим. /От адресата: обговоренная с Максимовым и одобренная Н.Горбаневской, подборка помянутых поэтов, плюс Кривулина и Ю.Алексеева - засохли и утухла в "Континенте" ТРИ года назад. См. статью во 2-м томе "Антологии". Твой "диалог" с Максимовым не получился. И не получится. - ККК/. Verstehen-то verstehen, но stehen auf... Лянив я, батюшка, грешен. Когда потом... а то не до того. Я тебе писал "Логос", а надо "Гнозис". Это по поводу Д.Андреева. Кроме того "Messenger" что-то печатал. Глянь. Привет Маркову. Я знаком и с его антологией, и с его идеями. Мои соображения похожи. Безусловно, символисты породили футуризм через голову акмеистов, и Клюевщину. Факт-с. Оттого-то и надоть все это относить к Свинцовому веку. Тогда малость напутали, приняв позднее цветение Серебряного века, а ты теперь знаешь, когда он кончается, за сам Серебряный. Расцвет Серебряного - Фет, Тютчев, А.К.Толстой, Некрасовщина и т.п. А позднее цветение, скорее, плод - В.Соловьев, недаром из Фета и А.К.Толстого, ранний Блок, ранний Белый и, конечно же, Брюсов, Бальмонт, Мережковский, Сологуб, "Весы" и т.п. А главное - Анненский. Он последний. Блок рубежный. Белый - коренной свинцового. Акмеисты, футуристы и т.д. - Свинцовый. "Аполлон" и "Садок судей" - раннее цветение Свинцового. Золотой, как мы уже говорили, синтезировал Оловянный и Медный. Факт. Один Пушкин чего стоит. Тынянова почитай! Есть у него статейка "Промежуток". А впрочем, туда его в промежность. Он кой-что понимал, да все больше по верхам. Глубины не было. Писатель, впрочем, хороший.

Напиши Боре Парамонову /куда?? - КК/. Он писал, что единственное отрадное в Штатах это встреча с тобой, ибо не с кем выпить по-питерски. Боря П. занимался Заболоцким. Пригласи его прочесть лекцию. Парень башковитый. Заинтересуй его моей классификацией. Он может помочь. Сделай так. Выпиши годы рожд. и смерти поэтов, годы периодов их творчества и сгруппируй по поколениям. Увидишь закономерность. Так и валяй от Кантемира.

Символисты - плод всего Серебряного века. Футуристы и до вас неофутуристов - это уже традиция не меньше /чем/ от Тютчева. А!

Ну, а Тютчев, известно - от Державина, а что такое Державин - это тебе лучше известно. Ося /Бродский - КК/ и половину не понимает. А еще профессор!

.....

Товарищеский просьба, как говорят чучмеки, 1-й том тискать повсюду что получше, а то скоро будет не до него. Хоть подборками, хоть как. Можешь серией пяти книг, можешь разом хоть принтом. В обиде не буду. Очень нужно не для меня, хоть и для меня, но больше для отечественной изящной славистики. Пора. Пусть яица покусают. Авось голову сломят, не разберутся, что к чему. На то они и профессора, чтоб мы их учили на страх студентам. Особенно надо прижать Осю, чтоб чего не путал. Хватит. Натерпелись. Пора за ум браться.

.....

Меня толкай под любым флагом. Пусть голову поломают. Я всем сродни и всем дружен. Ты знаешь. И меня много, как ты понимаешь. Всё бесплатно, коли так.

.....

Поменьше рекламы. Побольше натиска. Мы еще живы. Обойдемся и без наживы. Всё будет наше. Сам понимаешь.

Всю Америку надоть сквозь. Европу тоже, но не обязательно. Востоком не пренебрегай. Еще есть Южная Америка и Австралия. Короче, будь Дягилевым. Поставят памятник. Пока старпёры чешут песак, надоть грохнуть.

9.11.79.С.П.

.....

Таким образом, брат, пора подбивать бабки. И ты правильно это ухватил. Честь тебе и хвала.

... Мы же находимся в самом конце Возрожденческого периода в большом смысле, и пожинаем плоды этой затянувшейся культуры, которая, кажется, уже повсеместно тяготеет к чистой цивилизации, относя все больше и больше саму культуру к музейным ценностям. Это особенно видно у вас на Западе. У нас склоняется к тому же.

.....

Наше же дело увековечить ту весну, участниками которой нам привелось быть. У меня есть подозрение, что тех, кто идет за нами больше будет интересовать наука, философия, теология и просто жизненный уровень. А может, они и книг-то не захотят читать. А то и не дадут им книг-то... Как бы там ни было, а XIX век уже сейчас, буквально на глазах, становится кладбищем, даже и первая половина XX-го. И остается лишь вторая половина XX-го. Да и та требует полной смены парадигмы. Однако ей предстоит еще стать на какое-то время классической, как для нас явилась первая половина XX-го века. Кто будет это отрицать?

И ты, конечно, прав, что сосредоточил свое внимание на нашем времени. Оно ключевое для будущего. И здесь пора во многом разобраться, хотя бы начать. Потому-то я и думаю, что за нами придут, скорее, истолкователи, а не творцы.

.....

И в самом деле, до коих изучать господина Чехова и Джойса! Пора этот кисель оставить бабушкам. Даже Набоков-то и тот на глазах окисляется. Что говорить о Мандельштаме и Гумилеве!... Да не обидится господин Монас. Я сам отдал много сил на изучение всех этих господ поэтов, и уже тошно. В глазах рябит от знакомых литер.

А вот нынешняя литература, даже нам, ее творцам и соучастникам довольно мало известна. Опять же эта проклятая догутенберговская эпоха. Хоть вы-то, я надеюсь, ее преодолели.

/А как же! Набираю на Ай-Би-Эм, а не на Ундервуде - разница! - КК/

.....

15.11.79.С.П.
Дорогой Костя,
я послал тебе довольно много почты: "Скорпий", "Стрелец", "Козий рог", "Водохлёб", "Рыбы", "Овен", "Бык". Итак, восемь писем. Ответов на них не получал. Прими это к сведению и принимай девятое письмо "Двояшей-двойняшей". Надеюсь, что буду иметь ответ сразу на всё. Не томи. Отвечай: что дошло и почему "тебе нет отклика", Олёг многоречёвый?

.....

Всё дошло. И на всё было отвечено. Справляйся, сам знаешь, где...

Это не ответ. ЭХО.

Ты спрашиваешь много. И многословно, "Олег многоречивый". Эпистолярис не вырождался-таки в наш рукописный XVIII-й век! Но отвечаю сразу - телеграфно.

Из поэтов - напечатан и печатается один Бродский. Анри Волохонский тискает в Галилее книжечки офортами вручную. Остальные - у Ильи Бокштейна - ни одной, у Бобышева - 1, у Сапгира - 1 /44 странички за 40 лет работы в поэзии/, у Красовицкого - ни одной, а это я называю тебе всё "имена знакомые".

В Израиле у "новых" нет денег, да и ... другие причины. За Профера - ты сам сказал. Ерёмин не выйдет. Уфлянда, Лимона - со скрипом /Ося жал!/. Кухарец и

Половец тиснули на двоих Халифа и Эдика. Прозу. И еще похабные частушки. Камасутру. Рынок... Это в Америке.

В Израиле - друзья и итээры - покойного Илью Рубина.

В Париже - Бетаки - "цветник": Виолетту Иверни, Игнатову. И свои переводы с курдского. "Ритм" накрылся.

Глезер - троих по 20 стр. и себя.

Армалинский - сам себя. Тетрадкой.

Для "Посева" и "Граней" - вы недостаточно "антики". Бомбы надо бросать! Почему жив Романов?!

Заспорили у меня тут Алик Гинзбург и Виньковецкий о московских и питерских путях "диссидентства". Заснял их на фильмик.

В Италии издают только "левых" /читай - кинетистов/. Пока они "там".

В Мюнхене издают "авангард": Айги, Казакова - ? 2 года лежит гениальный Оболдуев /20-х/.

Остаются - журналы. Их - с полдюжинки /наших/, а накопилось - на 100.

Про журналы прочтешь в Антологии.

В Южной Америке /рвешься куда!/ поэт Перелешин /Салатко-Педрище/, перешедший из монашества в гомосексуализм, нашел у тебя какую-то лажу церковную. Больше ничего не нашел.

Иваск нашел Бобышева. И то хлеб.

Филиппов, Марков, Струве-старший - ничего не ищут. На троих доедают Ахматову-хлебникова.

Бродского и Киплинга один проф. назвал "сержантами от поэзии". Но никак не генералами. Генерал - Адамович. Жоржики. И вдова-генеральша Одоевцева.

Имен - много, тебе и никому неведомых. Молодые - в годах. Поплавский, Гронский, Божнев, Дов. Кнут - не переизданы. Из лучших.

А в остальном - евреи разбираются, кто из них - русские, русские - кто из них монархисты /всё ещё!/, автор "Носорогов" справлялся у пятидесятников /лагерников/ за гомосексуализм, Аллен Гинзберг созерцает пупок /так и заснял его!/, Алик - пытается примирить и правых, и левых, мадам М. больше не коллекционирует русских /пресытилась/, словом, много чего в этом мире непонятного.

Я же - пишу роман /напечатать - негде/, бью антологию /добивает - она/, ем ростбиф /с кровью и с хреном/, лежа заведую целой секцией Института Современной Русской Культуры /литпрактикой/, вооружился бландербасом, трёхлинейкой и кольтом 1845 /на случай пришествия коммунистов/, купаюсь в Голубой лагуне /и сейчас/, матерю безгрешную и многотерпеливую Эмилию Карловну /глажу же борзую псицу, Неженку, Нежку, принцессу Нежинскую - Нусберговскую/, курю Честерфильд /кинг-сайз, - по 3 пачки в день, как Джемс Бонд/, смотрю Тарзана и вестерны, читаю Дюма /подписного, советского, "макулатурного"!/, не изменяю жене с июля 75-го /за неимением соблазнов и денег/, и неразлучно лежу /sic!/ за своей Ай-Би-Эм.

Поэту - живется /была бы жена-уборщица, экс-ландшафтно-парковый архитектор/. Не хуже, чем негру. А негры - живуут!

Ничего, побелеем. Целую, дружище.

Декабрь. Техас. IBM.
5.09.17.12.79

Послал в "ЙЕХУ". Друг Володя Марамзин разразился ебистолой, первой - объемной - за 5 лет:

25.12.79

Дорогой Костя!

Прочел внимательно "8 писем с ответом Олегу Охапкину" и очень огорчился, и за Олега, и за тебя. Попробую спокойно объяснить свою позицию, а ты не лезь в бутылку и попробуй меня понять.

Я тоже получил несколько писем от Олега - и гораздо более содержательных, где он больше размышляет о стихах и меньше - о себе любимом и о недостойных русского поэта мелких огорчениях. Но не в этом дело.

Пора бы уж вам обоим повзрослеть. Основной смысл и писем, и ответа сводится к тому, что та литература, которая вами и вашими /нашими/ друзьями делается и делалась за последний десяток лет в России, преследуется у себя дома и не находит достаточной поддержки за границей, в среде иностранцев и среди русской эмиграции. Рассмотрим прежде всего посылку - ее правильность и что из нее следует.

Что дома наша литература преследуется - это бесспорно. Впрочем там преследуется и разная другая. Иногда и такая, вместе с которой мы, по русскому выражению, на одном поле бы не сели. Ревнуямым Охапкиным именам /см. цитаты/ тоже не слишком сладко приходилось, да и зачастую посейчас приходится. Не будем вдаваться в подробности. На то она и советская власть бездарностей, чтоб всякое чуть выступающее даже в сторону чистого авантюризма, не говоря уж дарования - бить по голове книзу. Верно ли, что за границей возникло нечто специфическое, неблагоприятное именно для определенной группы писателей, живущих в России? Такое впечатление, разумеется, может создаться у техчто живет там и имеет ограниченную информацию, а здесь - у людей невзрослых и безответственных. Прежде всего, мы не можем требовать интереса к нашей литературе от чужих народов. С какой стати? Особенно, к стихам. Они часто и своими собственными поэтами не интересуются, не то что чужими. Вспомни, много ли и мы в России интересовались дурными переводами из современных нам поэтов. Нужно было чудо перевода, чтоб поэт заиграл по-русски. А здесь переводы во много раз хуже, чем у нас, потому что у нас талантливые поэты, чтоб прокормиться, занимались переводами /да чтоб еще и высказаться чужими устами/. А здесь у них другие способы прожить. Наконец, вот это и есть настоящая свобода выходи голый среди прочих /одетых - ККК/ людей и покажи, чего ты стоишь. Некоторые, кстати, показали - не будем называть имен, тебе они известны, и к тому же самые непохожие друг на друга. Почему мы хотим спекулировать на своем несчастьи, требуя исключительного внимания к нам лишь на основании нашей угнетенности? Разумеется, мне тоже бывает иной раз обидно, мне тоже, в сущности, негде издать книгу, была одна, пока я жил там, да по приезде немцы издали одну - это все. Хотелось бы издать то, что накопилось. Но я уверен: если то, что я написал, чего-то стоит - все придет.

Теперь об эмиграции. Чего скрывать, ситуация тут не совсем простая. Старые русские плохо понимают даже тот язык, на котором мы говорим /я имею в виду пореволюционных изгнанников и их детей/. За это время и жизнь, и язык изменились очень сильно. Я не считаю, что язык стал хуже /что за чушь!/, но он стал другим. Французский язык, кстати, все тут говорят, изменился за то же время не менее. Так что читателей у нас тут немного, наш читатель в России, а не здесь. Ситуация осложняется тем, что наш читатель в России не заплатит за наши издания - иначе не было б проблемы, наши книги расходились бы сотнями тысяч - одна надежда на здешнего, а он нас покупать не торопится, да он и не слишком богат, чтоб

покупать книги. Особенно те, что приехали недавно. Однако книги по-русски все же тут издаются, что и вызывает неудовольствие тех, кто не сподабливается. Вы с Охапкиным сошлись в желчи против всех, кому удается тут что-то издавать: против "Посева", "ИМКИ", "Континента" в первую очередь. Почему же? Ведь если они не хотят вас печатать /а и это неверно, но об этом потом/, то кто ж виноват? Одно издательство с классическими вкусами, другое религиозное, а "Континент" заменяет нам парламент /ЧТООО? А вот Дару, почему-то, кажется, что Союз писателей, а уж кому и знать! - ККК/, и если у него не всегда получается заменить еще и пару академий, то не его в том вина. Вопрос стоит жестко: если ты считаешь себя полномочным послом другой литературы, другого поколения /в чем есть свой резон/ - организуй дело сам, не пристраивайся к чужому и, самое главное, не огорчайся, если другие организаторы своих представлений не кидаются тебя зазывать. Максимов тоже приехал сюда с голыми руками, а сумел организовать дело, до него немыслимое. И если ему почему-то не захотелось напечатать стихи Охапкина, что ж его сразу честить и в хвост и в гриву? Он делает то, что считает нужным, ты делай то, что считаешь нужным делать ты. А если не можешь - вот тебе и вся цена.

Нам с Хвостенко, кстати, совершенно никто никогда не помогал деньгами /три раза мы получили по 100-200 долларов в поддержку от друзей - сам понимаешь, для журнала это крохи/. Кстати, ты тоже не постарался хотя бы найти нам трех-пятерых подписчиков среди своих знакомых американцев, а если б каждый из друзей постарался, у нас бы их было сейчас достаточно, чтоб окупать наши скромные типографские расходы, а не вкладывать свои, с трудом зарабатываемые тяжелой работой денежки. Однако журнал существует, и мы надеемся продержаться еще долго. Но мы тоже будем в первую очередь печатать то, что нам ближе - иначе получится окрошка без всякого общего смысла. Ты ведь вот организовал антологию - так чего же нервничать? В результате все будет нормально, все будет напечатано - только вот что из этого последует дальше, все равно неясно.

Теперь о том, насколько справедливы обиды. "Континент" напечатал - и продолжает печатать - всех "более или менее видных авторов" /что за выражение в устах русского поэта! - см. первое письмо Охапкина/. Волохонского печатали, Хвостенко печатали, тебя печатали /БЕЗ СПРОСУ и НЕ ТО - ККК/, Бобышева печатали, Лимонова, Кривулина печатали, Еремина печатали, Шварц печатали - кого еще не печатали, назови? /35 авторов в 1-м томе и 45 - во 2-м. - ККК/ Охапкина - не помню. /Мудак же, все-таки, Марамзин! Чтобы ТАК прочесть письма Охапкина - что ЕГО и МЕНЯ не печатают - надо быть или мудаком, или сволочью - судить по себе! - ККК/ Может, и не печатали, но ведь он напечатан во всех журналах, какие тут есть, и не по одному разу. Ведь редактору все же хочется, чтоб его журнал отличался от прочих, и я понимаю "Континент", если он иногда предпочитает подождать с автором, который достаточно широко распечатан повсюду. "Грани", это правда, несколько поскучнели за последнее время, но и они печатали и печатают многих. Мы, наконец, за два года нашего существования перебрали целую когорту поэтов и прозаиков, многие в первый раз появились именно у нас. Проффер, конечно, американец и нельзя от него требовать, чтобы он жил нашими интересами, он и по-русски-то не вполне понимает - но он тоже массу хороших и разных авторов перебрал, и еще не остановился. Нельзя же требовать от него 300 процентов выполнения плана /О, от он где, итээр! - ККК/. А главное, в письмах сквозит для меня постыдное и неприемлемое: печатайте, кого я вам укажу, и все будет в порядке, вы будете похвалены.

Прости меня, Костя, но я считаю, что утверждать свое надо не тем, что отрицаешь чужое. Затевая журнал, мы с Хвостенко так и договорились, что не будем полемизировать, а будем строить. Когда наша постройка взойдет на достаточный уровень, она сама покажет, чего она стоит. Один раз мы позволили себе напечатать

полемику - и то жалеем. Больше не будем. Поэтому ты попал как нельзя неудачно: мы будем печатать даже кое-что из прозы и стихов, что нам не вполне нравится /и даже уже делали это/, но перебранки нам не нужны. Я люблю и "Континент", и "Грани", и "Вестник", и "Посев", и "Время и мы" /хотя он в последнее время все тоже норовит вляпаться в перебранку/, и "Глагол", желаю успеха "Ковчегу". Я не люблю и не читаю тех, кто только и делает, что раздувает рознь. /Читай: "Синтаксис" и "22", где хают самого Володю. - ККК/. Даже отвечать на явные оскорбления печатно я нахожу бессмысленным и недостойным писателя. Делай свое дело, и все увидят, что правда, а что нет.

Как может русский поэт, да еще верующий /это-то тут причем? - ККК/, написать: "... надо давать всех более или менее видных авторов, писавших с 1956 года, разумеется, кроме баб. Пусть они сами сооружают свою клумбу"? /первое письмо Охапкина/. Остальное даже не хочется цитировать. Честное слово, поверь взгляду со стороны: недостойно.

Мы никогда не будем печатать ничего подобного. И это не наведение цензуры. Если хочешь взять себе другое правило, заводи свои издания или посылай в "Современник", в "Синтаксис", в "22" - издания, зарекомендовавшие себя базарной руганью. Не хочешь? Так и нас извини, мы тоже кое-чего не хотим.

Мне бы очень хотелось, Костя, чтобы ты не обиделся, а понял меня правильно. Все, что лишено мелкой ругани промеж себя, присылай, мы будем очень рады и благодарны. Сколько еще всего надо напечатать! Даже и места нет для полемики. Сделай лучше подборку стихов Охапкина /да дался ему, блядь, этот Охапкин! - ККК/, с учетом того, что уже печаталось в разных местах - мне трудно уследить. Мы напечатаем - пусть он тоже утверждает себя делом. Кстати, ты ему оказываешь дурную услугу - он ведь пишет в письме, что услышав Максимова по радио, он изумился, что их позиции далеко не столь уж различны, как ему казалось из-за отсутствия информации. Так не нам же его сбивать с толку. Я хорошо и достаточно долго знаю Максимова. И утверждаю, что он делает все, что может, и даже несколько больше, для всех нас, тут и там.

Я ответил на твою анкету, Костя, несколько раньше, чем дочитал вашу переписку. Я ее все-таки вкладываю. Но если ты ее захочешь использовать в издании, в котором будет хоть какая-то ругань, то пришли мне ее обратно. Я не хочу участвовать нигде, где есть распря.

К тебе, к твоим стихам, прозе, к твоему собирательству остаюсь всегда в самых лучших чувствах и отчасти в восхищении.

Кстати, такими речами, как ты прислал, мы оказываем дурную услугу друзьям, которые там: ГБ с удовольствием будет бить их нашими же речами: видите, вы и там не нужны. Куда податься бедному крестьянину? Меня тоже так тыкали, да я не поверил, и резонно. Мы нужны, самые разные, но нужны, разумеется, своему народу и языку. А средства сделать нужное найдутся - да и находятся ведь?

Твой Володя.

Размазал Вова сопли по тарелке: гладенько и - гаденько. Все хорошо, и все хорошие /кроме бяк/. И все печатаются, и тишь, и мир, и гладь, и благорастворение воздусей, и благолепие во языцех. Пай-мальчик, ни разу не ма-юкнулся, бля. Это я - матерюсь. От тоски и от боли. Я-то выжил, 1-й том - вышел, и без советов Володиных - "делом себя доказую". Жена, архитектор с 20-летним стажем, моет сортиры за 500 в месяц, я стучу на машинке /за которую 100 в месяц плачу/, не журнал - так антологию "организовал". "Организуй дело сам" - ДЕЛО, бля, БИЗНЕС! - интересно, что он писал 69-летнему старику Дару - тоже "ДЭЛО организовывать"? А Дар не себя ведь хотел печатать, а - других. Где они, эти публикации? У Пердельмана? У Марамзина? Не все могут на Западе ДЭЛО открыть... Олег - не сможет.

Есть в словах Марамзина сермяжная доля истины. Ее даже много. Кто - в свободной стране, в свободном мире - отнимет у Максимова право быть носорогом? Кто - ущемит Мудáки в праве быть мудаком? А не нравится - действительно, делай свое, или печатайся в "Современнике".

Наивные люди! Они думают, выехав за бугор, найти здесь друзей и единомышленников! Есть и это. Куда же от дружбы денешься, старой и новой? Дружим по-прежнему. Но - не получилось "дружбы" - ни у меня, ни у Дара, ни у Милославского, ни у - с израильскими оффициалами, что в Вене, что в Святой Земле. И должен отметить - и отмечаю во многих статьях - ЕВРЕИ на Западе, как евреи. Что с русским прошлым, что без. Но если "Евреи из СССР" в СССР - ошивались у меня дома - Левина повязали на процессе Марамзина - врывается мне незнакомый Миша Бернштам: спасать надо! Ну, спасаем, чего ж делать. А приезжаю в Вену - читай мою "венскую эпопею". Тут - они поделились на евреев-монархистов и евреев-сионистов.

При тоталитарности мышления нашего /или незрелости онаго, как мягко упрекает многоопытный Марамзин/, казалось: все, кто против НИХ - за НАС. Потому, и Вене, и во Франции - лез я, как дурак, к кому ни попадя. Якшался и с диссидентами, и с Глезером, и с континентовцами.

А надо было - ДЭЛО начинать. Чтоб не получилось "разочарования", как у Эдика Лимонова. Читаю письма Дара, его трехлетнюю, тщетную - как в Союзе! - борьбу за напечатать - меня ли, Трифонова ли, Ожиганова, Охапкина - ГЛУХО. Если б я еще был поэт. Как Эдик. Да и тот - у Седыха - не о себе писал. А о: Губанове /недруге/, Лёне, Сапгире, Алейникове, Бахчаняне - почему-то ему их хотелось представить, своих учителей, друзей, врагов, соперников.

С кем там Марамзин "на одном поле /срать - стыдливо опущено/ сесть не сел бы" - мне неведомо. С Максимовым он сидит. И не могу сказать, чтоб валит на пару - против носорожьих куч куда ж ему, с интеллигентским стулом! А дело надо делать - без полемики. Что из того, что Коле Бокову пьяный Некрасов стулом по голове навернул, а Максимов - Эткинду грозится? Надо ж кому и нейтралитет блюсти. Главное, что все делают "хорошее и доброе дело". Ебет Максимов авторов в уста, далеко не сахарные - "так ведь он же тебя напечатал!"Поблагодарил. Благодарность - почему то - нигде и никто не напечатал. Надо открывать свое ДЭЛО.

Но главное: не надо полемики! КГБ только того и ждет. А чего ждет Охапкин, который "напечатан во всех журналах, какие тут есть", или Ширали, который нигде не напечатан - мне ведомо. Охапкин ждет, что печатать будут - не за диссидентство, и не "за храбрость" /определение Горбаневской/, а "более или менее видных авторов", что очень раздражило Марамзина. Не ведает того Охапкин, хотя и читал он "Невидимую книгу" Довлатова, что печатают и здесь - "за ондатровую шапку", "за устройство сына в бассейн", "за мурманскую рыбу" и, наконец, просто "по дружбе". Пусть говорит Марамзин:

"Хотя каждый раз есть и бытовые соображения: этого надо, этот просит, а тот принесет удовольствие друзьям, либо читателям-покупателям" /из письма без даты/.

А может, не надо? Может, стоило бы - всерьез? Или уж не говорить, что журнал там, или альманах, а просто - семейное предприятие, ДЭЛО?

Когда же пытаюсь объяснить я Олегу, что шансов ни у него, ни у Ожиганова, ни у у у у у у /50-100 имен/ нет и не было, меня останавливает Марамзин: ведь - "того и того и того - печатали печатали печатали". Что ж, если меня, ЖИВОГО, присутствующего тут - обосрали и облажали в: "Континенте", "Третьей волне", "Время и мы", в "Аполлоне" Шемякина /друг же, чать/ - куда, кроме "Аполлона" - я НИЧЕГО не давал - то что же вздрагивать? Ведь - печатают. И даже, к сожалению, много где.

Когда приехавшая фарцня - ведь не поэтов же одних выпускают! - разводит в Остии или Нью-Йорке одесский притон - торгуют, воруют, случается и убивают - это одно, а когда такой же притон учиняет Максимов в Париже - союзовскую мафию, это что, уже другое? Я люблю Васю Бетаки, он был мне другом /пока не бросил жену - там, с двумя детьми/, он добрый человек, но - запустить его в литературу, дать ему открыть рот /как это сделал Максимов/ - да упаси меня Боже!

Естественная иерархия "второй" литературы, бывшая в Союзе, по выезде - порушилась. На поверхность всплывает то, с чем "мы рядом - не сидели" /говоря словами того же Марамзина/. И вот, как в Союзе - ходить на поклон к бывым литературным шестеркам. Почему - они издают журналы /газеты тож/, а не Дар, не я, не Лимонов /Милославский - побыл, но, естественно, погорел/? А опыт на что? Я, или Перельман - выдавал клей в "Литературке" /см. у Халифа/? Я, или Нудельман - писал статьи о советской фантастике, в советском стиле ж?

И вот, по прошествии пяти лет - тщетно пытаясь наладить контакт с бывыми членами Совписа - МАРАМЗИН может подтвердить, и Максимов, и Горбаневская - что совал я им - не СЕБЯ /как и Дар/, а других и многих - я от этих "контактов" - отказываюсь. Я не могу работать на вкус "приказчиков из мелочных лавок", как говаривал Флобер. Я не могу угодить Седыху - да и упаси меня Боже! /В 1-м томе имеются статьи Лимонова, правленные Седыхом, и одна статья - НЕ ПРАВЛЕННАЯ, рекомендую сравнить!/

Мне больно за Дара, отца и учителя, которому крутили мозги и яйца - все те же "редакторы" - и "Эха", и "Время и мы" /это только, что явствует из писем/, кто там еще? И если в этих журналах /или где/ появятся хвалебные статейки за Дара - я буду бить ебало. Это не литературный способ "решения споров", хотя и введен в практику самим респектабельным "Континентом". Барону можно, а мне - нельзя?!

Чтоб много журналов, хороших и разных... Олег, они все - очень разные, но нашего журнала - не было и нет. И НЕ БУДЕТ, Олег! Ибо там, нищете в - все мы были едины: евреи и русские, диссиденты, поэты - ДЕЛЬЦОВ среди нас только не было! А чтобы тут выжить - дельцом надо быть. ДЭЛАТЬ ДЭЛО, Володю цитируя.

У тебя есть - моя антология и, дай Бог, сил у меня еще хватит - все ж таки я ж помоложе же Деда! Антология - не журнал. Некролог. Да и не поспеваю я с ней: все меняется с бешеной скоростью. Дар был в 4-м, Высоцкий же - в 5-м... Где они? Надо успеть, надо сказать.

Пусть Володя готовит окрошку на вкусы Максимова - ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА продукты лежали на леднике! Я готовлю свою. А кому не по вкусу - так в рот им!

Я готовлю окрошку из мяса друзей. Потому что поэзия - мясо. А никак не душа. Той - не больно: не дышит она. Дышит - шорохом - Эхо.

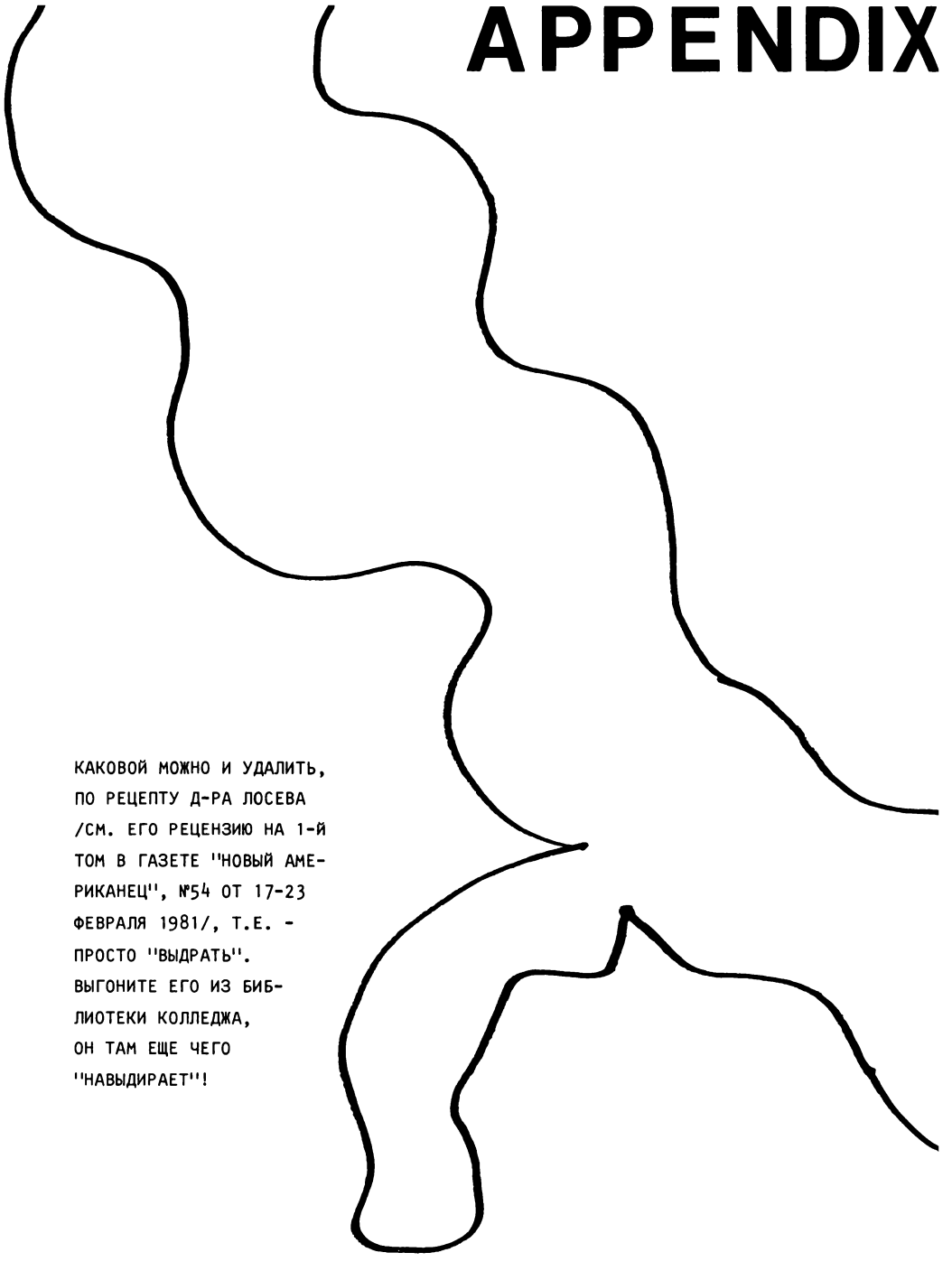
А надо бы - громом!

Понимаю, почему Дар плевался с Володиных писем. Я - тоже. Только Нусберг рычал от восторга, на то он и - Лев.

Напечатаем, все напечатаем. Было б время и деньги. Немножко.

Антология - вот она.

APPENDIX

КАКОВОЙ МОЖНО И УДАЛИТЬ,
ПО РЕЦЕПТУ Д-РА ЛОСЕВА
/СМ. ЕГО РЕЦЕНЗИЮ НА 1-Й
ТОМ В ГАЗЕТЕ "НОВЫЙ АМЕ-
РИКАНЕЦ", №54 ОТ 17-23
ФЕВРАЛЯ 1981/, Т.Е. -
ПРОСТО "ВЫДРАТЬ".
ВЫГОНИТЕ ЕГО ИЗ БИБ-
ЛИОТЕКИ КОЛЛЕДЖА,
ОН ТАМ ЕЩЕ ЧЕГО
"НАВЫДИРАЕТ"!

БРЮШКО ТЕТКИ ТАНЬКИ. ЖИВАЯ АХМАТОВА

На только что полученной фотографии Гнедич, сделанной лучшим фотографом Ленинграда Пти-Борисом /Боренькой Смеловым/, Татьяна Григорьевна сидит в креслах и при благородной королевской голове /правнучка Гнедича, как-никак!/ имеет такое беззащитное, такое человеческое брюшко, как у графини Уты на знаменитой скульптуре.

Не знаю, было ли брюшко у Ахматовой. Все ее поздние изображения /в отличие от ранних, концентрировавшихся на ножках и плечиках угловато-изящных - см. у Модильяни, Альтмана, этс./ дают одну голову. Знаком же я с ней не был, хотя семейно слышал об удивительно маленьких и изящных ножках и ручках, невзирая на возраст. Любила она ходить босиком, как Айседора Дункан. Я не видел, рассказывают.

Рассказывают, вообще, многое. Так по рассказам современников и создается улучшенный, опоэтизированный образ поэта. Потом Тыняновым и Губерам приходится восстанавливать "историческую правду". "Похоже ли была живая Ахматова на все эти портреты?" - патетически восклицает кто-то в "Новом Русском Слове" /см./

Конечно, нет. Меня же, вполне удовлетворенного обилием ее портретов, и в гораздо более привлекательные годы, интересовал не облик, а скорее, образ мышления великой поэтессы, вдовы Гумилева, вдовы Шилейко, вдовы Пунина.

В дневниках Ник. Ник. Пунина нашел следующую запись, сделанную ее рукой: "Разрешаю Н.Н.Пунину иметь 1 /одного/ ребенка от любой женщины. /Подпись/ Анна Ахматова." Дату не помню, а в архивы /уже не мои/ лезть лень. Но писано было в Царском Селе и, полагаю, в конце 20-х. Тогда у Пунина был параллельный роман с Лилей Брик, которая моталась из Петрограда в Москву, от Пунина к Брику и Маяковскому. Ребенка Пунин имел, но не от Лили, а от Анны Евгеньевны Аренс, Ирину. А отсюда - и следующая новелла.

Рассказал мне буддолог Саша Пятигорский, что как-то в комнату Ахматовой зашла девочка /полагаю, Вероника Аренс, больше некому/ и, обнаружив на столе рукописную тетрадь, принялась читать ее. Тетрадь была стихов Гумилева. Вошла /а, скорее, вплыла/ Анна Андреевна. "Что ты читаешь, девочка?! Это же порча вкуса! Читать надо МЕНЯ." У Вероники я спросить не удосужился, она в Лондоне за кем-то замужем, но на Анну Андреевну это очень похоже.

Привожу я все эти байки /параши, говоря словами Юза Алешковского/ и свои размышления к ним, потому что писать мне приходится о поэтах, и вопрос в том - что и как писать? Писать ли, что затюканная лагерями тетка Танька Гнедич вечно пыталась у меня, беззарплатного секретаря ее, то пятерочку, то трешку занять? Добавляет это к ее образу что, или нет? Полагаю, что да. Щедрым человеком была Т.Г.Гнедич, и духовно, и физически, а вот поди ж ты - ЛАГЕРЕМ вызванное крохоборство, боязнь за завтра...

Ахматова в лагерях не сидела. Вообще, жизнь ее я себе представляю смутно. Всю жизнь она была официально признанным поэтом /даже когда опальная/, и жила она последние годы в писательском доме на Ленина, Гнедич же - в Царском Селе, в коммуналке. Из Анны Андреевны, пережившей трех мужей /это которых я знаю/ сделали великопостную великомученицу. А по-моему, страшнее судьба спившейся Ольги Берггольц, вдовы Бориса Корнилова, которая, пьяная, с разметавшимися седыми волосами, моталась по коммунальной кухне, сшибая кастрюли, в квартире, где жил мой соученик, он и рассказывал. Страшнее судьба Крученых /см. в 3-м томе статью Олега Прокофьева/, который тоже жил в коммуналке.

Ахматова и Гнедич... Эти два имени все время противостоят у меня, и не случайно. Две судьбы, две жизни, две великих женщины. Нет, Ахматова не была похожа на все эти портреты. Только в стихах. А в жизни... Я знал другую Ахматову.

Неизвестное фото Ахматовой. Фотограф неизвестен. Год тоже. Неизвестно даже, Ахматова или это.

Итак, литмонтаж ККК и Седыха /с участием Юрия Мейера/.

В честь Ахматовой были исполнены /см. ниже/ - "выдающееся творение гр. А.К.Толстого "Грешница" и ария отца де Грие из оперы "Травиата".

Говоря словами А.А.Жданова, воистину "не то монахиня, не то блудница, а скорее всего - монахиня и блудница, у которой блуд смешан с молитвой". /Доклад о журналах "Звезда" и "Ленинград"./То же отмечает и Г-н Седых. Я лишь комментирую.

Фестиваль русского искусства

13 апреля в Вашингтоне стараниями проф. В.Н. Буткова в пользу Строительного фонда прихода Св. Иоанна Крестителя был организован вечер, посвященный памяти Анны Ахматовой, который по справедливости можно считать фестивалем русского искусства.

Профессор В.Н. Бутков прочитал интересный доклад о творчестве поэтессы. М.Н. Левицкая и Л.К. Джорджевич с присущим им мастерством иллюстрировали выступление докладчика, продекламировав наиболее известные стихи поэтессы.

Необходимо отметить также выступление Л.К. Джорджевич, прочитавшей выдающееся творение гр. А.К. Толстого "Грешница".

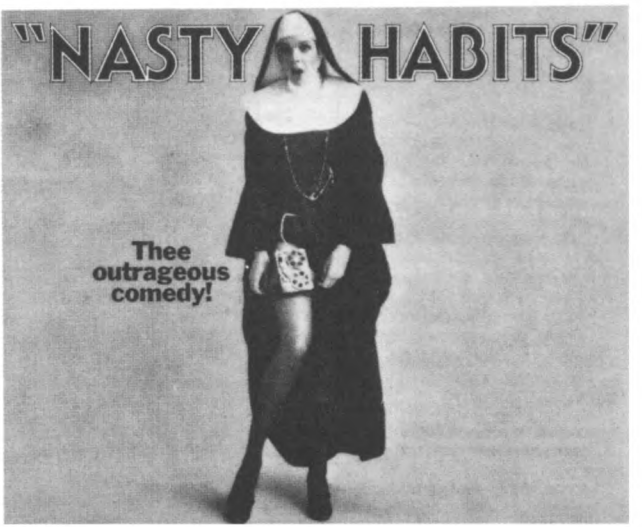
Баритон Никита Велс, исполнивший знаменитые арии князя Игоря, князя Елецкого, отца де Грие ("Травиата") и известную арию Фигаро, вызвал восторг слушателей.

Танцевальная часть вечера, в которой приняли участие ученики Школы русского балета, основанной в Вашингтоне Ириной Баланчивадзе, была на высоком профессиональном уровне. Ученики Ирины Баланчивадзе показали, что они не только хорошо владеют техникой классического танца, но и умеют передать его красоту. Ученики Школы русского балета, основанной в Вашингтоне Ириной Баланчивадзе, были на высоком профессиональном уровне. Ученики Ирины Баланчивадзе показали, что они не только хорошо владеют техникой классического танца, но и умеют передать его красоту.

Отчетный концерт доказывает, что наша эмиграция своими силами может достойно продолжать жизнь русского искусства.

Юрий Мейер

/ То, что до Жданова это сказал Эйхенбаум, а цитировал в "Красной нови" кто-то из напостовцев, это ни к колажу, ни к книге отношения не имеет. Сноски пусть делают академики. Им за это и платят. - ККК/

младшая в осо-
горячими стихо-
и, что стихи не-
об, и много стих-
ока, знали наи-
остер-стихолюбок
й сборник Ахма-
Странно... Почему
— подумалось

жечку в руках...
белую обложку,
и опорывавшего
рения:

му лучу —
к, прям.

учиться в Петроград, где и поступил на литературное отделение Петроградского университета.

Здесь впервые я увидел и услышал Анну Ахматову. Произошло это весной 1922 года. В том году Петроград жил интенсивной литературной жизнью. Город пестр афишами, извещениями о выступлениях Владимира Маяковского других поэтов. Одна из таких афи приглашала в зал Городской дум на вечер Анны Ахматовой, Владимира Пяста, Михаила Кузмина еще целой группы поэтов, имен которых сейчас не припомню. Впрочем, привлекла меня в холод

К приведенным характеристикам следует прибавить разве еще только одну из стихотворного цикла Марины Цветаевой «Ахматовой»:

От ангела и от орла
В ней было что-то.

Похожа ли была живая Анна Ахматова на все эти портреты, и живописные и словесные, та Анна Ахматова, от которой я не мог оторвать глаз, когда она появилась наконец передо мной на эстраде думского зала?

И да и нет. Почему так? Да хотя бы потому, что в разное время человек выглядит по-разному. Годы меняют и поэтов, как всех других людей; меняют и их стихи и их самих. Я могу сказать не какой была Ахматова, а какой я увидел ее впервые в двадцать втором году.

Я так жадно и так долго ждал ее появления, что, истомившись этим ожиданием, не заметил, как она вышла на эстраду. Бывает вот так.

торий настроенностью поэта происходило как бы нечаянно, само собой, на высокой и неуловимо, неведомо как возникающей эмоциональной волне. Ее глуховатый однотонный голос звучал так, как должен был, вероятно, звучать три тысячи лет назад пророческий голос эрифской сивиллы, предрекшей, по преданию, Троянскую войну задолго до ее начала. Поэт всегда пророк, поэтесса всегда сивилла. Голос Ахматовой не мог не волновать, не пробуждать сильнейших эмоций сопереживания с чтецом, с поэтом, с его стихами. Таких чтецов своих стихов и таких читающих стихи голосов я больше никогда не слышал.

Добрый и верный друг Ахматовой поэт Осип Мандельштам утверждал, что стихи Ахматовой исделаны из голоса, составляют с ним одно неразрывное целое, что современники, услышав этот голос, богаче будущих поколений, которые его не услышат». Мне довелось, посчастливилось слышать голос Ахматовой — и я в самом деле чувствую себя богаче тех, что не слыхал его.

Однако вернемся в неуютный, холодный зал Городской думы Петрограда 1922 года. Не только чтение Ахматовой своих стихов было своеобычным, впечатляющие особым, но и самый выбор читаемых стихов. Ахматова не читала стихов, которые были особенно популярны. Не читала стихов, в которых встречались эффектные, выигрышные для чтеца строфы и строки вроде «Я на правую руку надела перчатку с левой руки», или «О, как ты красив, проклятый», или же знаменитая концовка одного из стихотворений: «Задыхаясь, я крикнула: «Шутка все, что было. Уйдешь, я умру». Улыбнулся спо-

ОТ РЕДАКЦИИ

и письма в редакцию должны быть напечатай машинке, на белой бумаге, с двойным интерстроками.

оставляет за собой право сокращать рукописи акцию. Непринятый материал не возвращается переписку по этому поводу редакция вступать

***

тию, редакция лишена возможности из-за пере-аботой давать юридические советы, хлопотать на въезд в С. Штаты и вести переписку по ющим частный характер.

***

церковных торжествах, собраниях, концертах ечатаются только в том случае, если устроитель-но печатали платные объявления.

***

и или помощника редактора можно видеть толь-0 дня, предварительно согласовав время встре-

***

число подписчиков НРСлова, чеки которых сго-ции, уже прислали повторные чеки. Редакция искреннюю благодарность. Убедительная просьо еще этого не сделал, прислать новые чеки во аях, когда первый чек не был банком оплачен це.

переводы (мони ордер) заменяются почтой й с момента пропажи (2 января). Мы будем признательны всем, приславшим нам в свое вре-р, кто проверит на почте или в банке, где они тены, оплачены ли они? Если нет, необходимо почте специальный бланк, после чего деньги цены подписчику и он сможет прислать в ре-ова новый перевод.

***

ор мы не прекращали высылку газеты тем, от своевременно получена плата за продолжение

это ложится тяжелым бременем на бюджет га-трация просит всех подписчиков заранее сооб-щении подписки или же вовремя выслать пла-

SANDY'S TIRES, INC.

Предлагает по низким ценам шины
ИЗВЕСТНЫХ ФИРМ «ФАЙЕРСТОН», «ГУДРИЧ» И ДР.
ДЛЯ ЛЕГКОВЫХ МАШИН И ГРУЗОВИКОВ.

Наша фирма производит также починку автомобилей.
Имея 25-летний опыт мы постараемся привести
ваш автомобиль в полный порядок.
Регулировка колес, укрепление и починка тормозов
и амортизаторов, глушителя выхлопной трубы,
а также полный технический осмотр.
НИЗКИЕ ЦЕНЫ. ГОВОРИМ ПО-РУССКИ и ПО-ГРУЗИНСКИ.

Наш адрес:
406 EAST 161st STREET, BRONX, New York 10451

АХМАТОВА ЖЕНА

Анне Ахматовой

Ахмат купил целый воз чумизы.
Лошадь запряг в потрепанный шарабан,
ехал, повторял: Прав шариат? Не прав шариат? -
Ахматова жена жирна, чумаза.

Зарезали козла, велели ободрать,
нюхал мулла голенища из юфти,
юрта пила самогонку из нефти,
плясала жена, пела Аллаверды.

Гору кишок отдали собакам,
легкие и желудок - женщине соседней орды,
голую тушу в полумраке юрты
положили в казан, добавили воды.

Кипела козлиная голова, ныряя,
пар выходил из ноздрей - в ноздрю -
нюхали. Мясо поспело на заре.
Выловили голову, позабыв нарезать

дикого луку. Виновата жена.
Прыгала камча по плотным бокам,
зрители от смеха держались за бока,
потом принесла капусты ким-чи.

Вывалили мозг в миску, а лук,
накрошенный, тоже добавили туда,
где паром и жиром исходила вода.
Старуха в углу вспоминала халву,

трясся турсук в узловатых руках -
женщины сбивали к барантаю кумыс,
глазом кобылицы играли косым,
оттягивали груди полотно рубах.

Под кустом чия сидела ханум,
пела о белом баране - курдюк
жирен, язык - вкусен, бурдюк
айрака зреет, как дыня, в холмах.

Ели, чавкая. Таяла мяса гора,
мазали уздечки жирной рукой.
Гости отодвинулись, учтиво рыгая,
выкопан, пошел по кругу айрак.

Налит в пиалу на донышко чай.
Рассказывает, почем чумиза, Ахмат.
Ахматова жена - стан в два обхвата -
подала на блюдечке сахар к чаю.

Беседа текла неспешно, как арык,
покачивало, как иноходью идет верблюд,
а когда был допит последний айрак,
гости повалились на кошму вздремнуть.

1979

"Пусть хоть голые красные черти..."

/ААА/

ГАРДЕРОБ АХМАТОВОЙ

/поэма-концепт/

Сэнди Конраду

1911

руки под темной вуалью...

в пушистой муфте руки...

хлыстик и перчатка...

я на правую руку надела перчатку с левой руки...

ты поверишь, забываю даже брови подводить...

я рыжий парик завиваю... он будет весь в лентах зеленых, а сбоку жемчужный аграф...

под кружевом маски... на черное платье... таинственный граф упав...

так душно пахнет старое саше...

бледный лоб чадрой лиловой сжат...

желтое платье...

стал мне узок с нашей встречи голубой шушун...

но не заменят мне утрату четыре новые плаща...

как мой китайский зонтик красен, натерты мелом башмачки...

я склонюсь к нему нарядная, ожерельями звеня...

перо задело за верх экипажа...

я надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней...

мой белый башмачок...

ты напрасно ... кутаешь мне плечи и грудь в меха...

и ... горло под синим воротником...

1912

я ношу на счастье темно-синий шелковый шнурок...

на душистой сапфирной парче...

/в 1914 году Ахматова перестала одеваться/

1914

я руками обеими сжала на груди цепочку креста...

потерять бы ленту из тугой косы...

/и лишь в 1917 начала одеваться снова/

1917

в мех закутавшись пушистый...

в широкой муфте руки прячу...

и кажется лицо бледней от лиловеющего шелка...

/между 1917 и 1940 годом Ахматова не носила ничего/

1940

мне бы снова мой черный платок...

и лохмотья сиротства /1921/

мой заветный душистый платок...

платья белый шелк...

/и, наконец, без даты, 1960-е/:

а мне ватничек и ушаночку...

2. ЦВЕТОЧКИ АХМАТОВОЙ

И.Б-у

левкой, левкои, розы
хризантемы, георгин
тюльпан, тюльпаны, розы
гвоздики, мимоза, сирень

роза, шиповник, лилия
нарцисс, фиалки, розы
шиповник, розы, гвоздики
роза, роза, цветы вообще

сирень, тюльпаны, розы
сирень, анютины глазки
жасмин, шиповник, роза
роза, хризантема, ландыш

3. КАМНИ

В.Б-у

перламутр, яшма
гранит, алмаз
гранит, алмаз, опал
рубин, алмаз
бирюза, алмаз
изумруд, камни просто
мрамор

4. ПТИЧКИ

ласточка, ворона, сыч
павлин, ворона, ворон, аист
кукушка, чайка, голубь, голуби
лебедь, птицы вообще
соловей, журавль, ястреб
сокол, сокол, голубок
коршун лебедь, птица Сирин
какаду

дек 19 80

РОЗА КАНИНА

"Была солейль ты или чайной..."
/Анна Ахматова/

Клён татарский, роза морщинистая
ветку туи в тебя воткнуть
и воспрянет духом настурция
и лобелия одутлая

Ах, была ты солейль или чайная
ядовит азиатский сумах
мандрагоры темными чарами
ты сводила меня с ума

манцинеллой на темя капала
алым маком пылала между губами
и горела неопалимым факелом
на лиможском гобелене

Беленою цикутой китайским тунгом
девичий виноград свой меж пальцев давила
как Самсону грудь свою тугую
протягивала Далила

Луковицей безвременника великолепного
лохом гинкго ядовитым вехом
удивляла людей нелепым
истерическим смехом

Рядом с ландышем гибнут тюльпаны
черемуха обыкновенная убивает навозных мух
сыплется со старого тополя
лебяжий пух

Две розы стояли в бокале
золотого как небо аи
тела их вздымались крутыми боками
и в бутонах звучало: уа

Берберин находимый в плодах барбариса
под землей вызревают побеги Петрова креста
и коробочки кипариса
под ногами твоими хрустят

В мире папоротников пращою раскручивающих споры
палых листьев проткнутых побегами кукушкина льна
тяжелым запахом спермы
роняет смолу сосна

И горят над шипами разверстые рты розы канины
вызреет из них шиповник красный и терпкий плод
поле вытоптано ночными конями
ты под кустами раскинула шотландский плэд

а на небе распустятся синие и черные розы
как Судейкиным расписанные в подвальном кабаке
и позируя ты принимала позы
играя сама с собой в бильбоке

Ах, как пахли эти случайные примулы
ворсистой меховой ладошкой листов
ты узкое черное платье скинула
и закрыла руками лицо

Выпить бы, выпить бы настой болиголова
как от этой музыки болит голова
и тяжелая челюсть Гумилева
нехорошие роняет слова

сжимает Иванов Адамовичу блудливые потные коленки
пляшет голая Карсавина на зеркале снов
а тебе опять отведены две колонки
в Новом Русском Слове

Блудница заблудившаяся в Павловском розариуме
глаз твоих аквамарин высосан до дна
пахнет пах резедой и бледность скрывая ресницами
закатиться с Блоком в Донон

Черные черные розы пожухлые чайные
вывертом орхидеи проскачет по Невскому Коневской
а ты остаешься вдовицей печальною
со своей неизбывной тоской

Снять бы черную шляпу как давеча скинула платье
и босой Айседорой проскакать по паркету столов
фармацевты платили и завтра еще заплатят
но в аптеке тебе не выпишут болиголов

пей настойку головок мака и сок их белый
снежный порошок втяни сухой и нервной ноздрей
это сверкающий лысиной Белый
прощается с Дорнаховской зарей

выпейте выпейте бокал звенящей крови Христовой
брызги стекла разлетелись впритык к каблукам
белою черемухой расцветут ризостомы
и рука протянет адамово яблоко

То, скрывавшееся в лепестках и устах гордой розы
алые лепестки губ в кисее черных волос
скинуты одежды тяжелые как ризы
и на них красное вино пролилось

роза канина роза собачья бродячей собаки
на усах застывают капельки слёз
выпей цикуты не зная греха за собою
роза роза взойдет огромным подобием солнца

НАД МИЛЫМ ГРОБОМ

Держась за шлейф
душистого турнюра
четыре друга
поправляли лиры
слова: партиты
клавикорды куафюры
медь олово свинец
пардон сортиры
и по литейному
грохочут фуры
и на гармошке
ангелы играют
свербят завшивленные
куафюры
и из корсета
кости выпирают
пиры
и сарскосельские
гулянки
и дамы шлейф
оставлен на полянке
четыре друга
поправляли брюки
готовясь не к сражению
к разлуке

так четверо внучат
у гроба млели
в котором кости акмеизма
тлели

27 марта 81,
Техас

ЗАД ПРОЗЕРПИНЫ

/по Суинберну/

"в рогожи увязанный сад
ухоженный, так волосат"
д.б.

какая гнусь
сказала гусь
увидев этот зад
когда ебусь
глядеть боюсь
морщинист волосат

свисает вниз
свисает вбок
чернел в ночи пупок
а рядом выбритый лобок
и выбитый зубок

в пупырышек
воробушек
клевал его клохча
он весь как дима бобышев
и как его моча

всё мальчиком
молодчиком
скакал он по пятам
сушеным мочеточником
пугал прохожих дам

играл на о́ргане
как на орга́не
и мадригал слагал к ее ногам
медь олово свинец
расплавленный на темя капал
солдат петров молчал
петров моргал

моргулис в марганцовке член моча
от боли диким буйволом мыча
сочилась медленно его моча
на камне резник наточил меча

но зад
зачем он был так волосат
природа не терпела баловства
пустые причиндалы волоча
он жил но в ожиданьи божества

орга́ном волохонского рыча
на барабанах блюмкина играл
член не стоял зато гремел хорал
и скрипка пела в жопе скрипача

ах дима дима пишет женя рейн
когда поэта мучит геморрой

пойди в капеллу бледный мой герой
и жопу звонкой скрипкою согрей

но возвращаясь к заду
что был пуст
в котором увядал последний куст
настурций или желтых ноготков
она блистала дивной наготой

ее отец был грузный сибиряк
поэт был несомненный сибарит
и тунеядец
на глазу песьяк
осенним ярким факелом горит

тогда он предложил тебе дуэль
в ответ на это показал ты дулю
ты музу словно девушку доил
и гладил переспевшей жопой дыню

и вот
ногою дрыгал мадригал
сонетами был выпячен живот
жену ты словно девку
матюгал
зачем созрел у ей запретный плод

соперника по рифме
по перу
по трипперу и трупом поперек
лежала классик свежий ветерок
по питеру мотался по утру

ты посвятил ей траурных октав
устами что французского ни-ни
в лесу торчали как могилы пни
аэропорт
бессонница
октябрь

ах петя петя питерский щенок
зачем снуешь ты меж великих ног
которыми раздавлен был олег
и много стало всяческих калек

иосиф рыжим мастодонтом став
педерастический зубрит кавафиса устав
устав зубрить и иудеем быть устав
глядит как на жене растет киста

подобно саду
заду в волосах
которых классик вывести забыл
растет неистребимая киста
и раздувают голуби зобы

опять звучит в покойницкой орга́н...

13 авг 81

БОЛЕЗНАЯ БАЛЛАДА 0

Анрюше

АХ ЛЮЛИ ЛЮЛИ ЛЮЛИ
АГУ АГУ АГУ
ЧЕТЫРЕ АХМАТУЛИ
ПЛЯСАЛИ НА ЛУГУ

вокруг цвели ромашки
и ветер робко стих
ужасные замашки
у каждого из них

вокруг летают гули
и блеют три овцы
четыре ахматули
прекрасного певцы

на сарскосельском пляже
что спрятался за тын
игрой любуясь ляжек
один из них затих

давно созрели дули
и падают с дерев
бореи в небе дули
зимою озверев

один из них уехал
другой из них затих
приехав на потеху
профессорской среды

и снятся ему бабы
бобы и на бобах
король бобовый абы
издать сей звук бабах

другой издать желает
себя а не других
на гусельцах играет
танцует краковяк

и пребывает в риме
как гоголь его нос
давно в вине и в рыбе
а рот его зарос

а два другие тихо
желают жить дыша
прекрасна как китиха
у каждого душа

они отведав дули
а также фигу съев
не стали ахматули

печатает посев

печатают их грани
а также имка пресс
коленками играя
один брадат как перс

другой как тополь тонок
и стан его из роз
один из них потомок
другой из них матрос

и пребывают годы
на родине своей
и их прославив роды
поет им соловей

под тонкою березкой
на коей много виц
один из них с прической
другой любил девиц

четыре ахматули
имеют двое пар
их лица словно дули
их души черный пар

на разных континентах
разъяты пополам
но вместе в континенте
гремит на них хвала

имеющийся пятый
загадочен и дик
закрыт эфирной ватой
его туманный лик

его фамилий много
неведомы оне
и он жует миногу
моча ее в вине

и о других он пишет
прекрасен и велик
зане румянцем пышет
его багряный лик

затем тех струн касаясь
на коих звук затих
ласкает он красавиц
за этих и за тех

ему фамилья лившиц
ему прозванье лев
он пятый но не лишний
и дик его напев

четыре ахматули

плясали меж цветов
спеша отведать дули
один из них готов

на ем мои баретки
на ем передник мой
махая свежей веткой
он пляшет как немой

и под ногами розы
склоняются как мак
и орошают росы
его прозрачный зрак

не ворон из вероны
грозит ему крылом
зане он невиновен
за ту любовь в крыму

моква москва ордынка
дома дома дома
прекрасная ходынка
прелестная мадам

один из них уехал
другой из них затих
его печатал эхо
но не платил за стих

за океаном бурным
жива его жена
она же ликом хмурым
характером сложна

ее зовут марина
подобна злой жене
он пишет ей из рима
она ему же нет

другой ей письма пишет
зовя ее дружком
другой ей страстью дышит
в прелестное ушко

так не сойдясь в катулле
который звал в скопцы
распались ахматули
на разные концы

напрасно зреют дули
напрасно реют гули
напрасно ветер стих
расстались ахматули
не будут ахматули
четверкой вороных

27 марта 81

И ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕПТ КНИГИ

ЗАДЫ У УДЭГЕ. ИХ ФОРМА

/о жопничестве Фадеева/

Посвящается Карлинскому

1. И уходя, показала голый зад. /100/
   Тощий, отвислый зад. /16/

2. - А коли не хочешь сдыхать - становись раком!
   - Только ты смотри, чтоб не больно, - сказал Бусыря, становясь на четвереньки.
   - Ух!... - выдохнул Федор Евсеич, поджимая толстый зад. /213/

3. - Крынкин - задница, - неожиданно сказал Сурков. /280/
   - Крынкин твой задница. /282/

4. Шел сзади, держа его за рубаху, и накручивал рукой за его задом. /263/
   И в то же время сильно вращая тощим задом. /233/
   Сутулясь и сильно вращая задом. /231/
   И отбив себе весь зад. /321/
   Бородач в картузе /тот, что три дня назад уговорил Бусырю стать на четвереньки/. /257/
   Да одному старику в то место, откуль ноги растут. /312/

5. Петр, раздеваясь, мальчишескими, подобревшими и повеселевшими глазами оглядел маленькое, но хорошо сбитое смуглое тело Алеши. /356/
   С завистью смотрел на его мощную грудную клетку, на разбитый на прямоугольники молочно-белый, в золотистом пуху, панцирь живота. /357/
   - Без вазелинчика ваша милость ни шагу... /402/
   - Друг ты мой вечный! - ... прижался к его губам своими пышными усами. - Ты понял? Ты все понял?... /536/
   - Друг мой... - Петр крепко сдавил его руку. - Друг мой. Самое лучшее, что было в моей жизни, это ты, - сказал Петр, счастливо улыбаясь в темноте. /420/
   А зад у Алеши ... нестерпимо болел. /324/

Все цитаты взяты из: А.Фадеев, СС, т.2 /Последний из удэге/, М., Худ. Лит., 1970

Том 2-Б выйдет, когда Бобышев и Бродский перестанут выпендриваться как доярка Иванова и позволят привести свои тексты. Остальные 15-20 поэтов - подождут. В том числе, покойные.

/От составителя/